M 52
125
z. 1

М $\frac{52}{125}$

ПОѢЗДКА
ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ

А. Аѳанасьева-Чужбинскаго.

ЧАСТЬ I.

ОЧЕРКИ ДНѢПРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

ПОѢЗДКА
ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ

А. Аѳанасьева-Чужбинскаго.

ЧАСТЬ I.

ОЧЕРКИ ДНѢПРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

РУМЯНЦЕВ. БИБЛІО-

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 11 марта 1861 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА.

5614-0

2007088702

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ

НА БЫТЪ ПРИДНѢПРОВСКАГО КРЕСТЬЯНИНА.

Командированный морскимъ начальствомъ, съ цѣлью описать судоходство, рыболовство и вообще бытъ сельскихъ жителей, обитающихъ по Днѣпру и Днѣстру, я повсемѣстно встрѣчалъ малорусовъ, а потому въ первой статьѣ считаю необходимымъ представить въ общихъ чертахъ бытъ этого племени, которое, промѣнявъ пику и саблю на плугъ и косу, мирно занимается своими промыслами на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ въ прошломъ еще столѣтіи разыгрывались страшныя кровавыя драмы.

Исторія Южной Руси, особенно послѣ нашествія татаръ и до присоединенія ея къ Московскому государству, у насъ извѣстна немногимъ. Даже лица, занимающіяся отечественною исторіею, обращаютъ на это вниманіе вскользь, а нѣкоторые критики не такъ еще давно позволяли себѣ неумѣстныя насмѣшки надъ цѣлымъ малорусскимъ племенемъ, не знаю уже съ какой цѣлью. Но добрая, гостепріимная Малороссія, слившаяся навсегда съ Сѣверною Русью, имѣла свою исторію, краснорѣчивыя страницы которой—стоятъ и просвѣщеннаго вниманія, и теплаго участія. Народъ, вслѣдствіе политическихъ событій присоединившійся къ Литвѣ, а потомъ къ Польшѣ, народъ, который, бывъ угнетаемъ польскою аристократіей и принуждаемый обратиться въ католичество, возсталъ повсемѣстно, и отбившись отъ утѣснителей, присоединился къ единовѣрному и единоплеменному народу, я полагаю, имѣетъ право на безпристрастіе историка. Если какому нибудь господину, положимъ и славянину, но не русскому, и кажется, что малорусы были польскими холопами, то это еще не доказываетъ, что дѣло было такъ дѣйствительно. Хотя это обстоятельство и видно у польскихъ историковъ прежняго вре-

мени, однако мы очень хорошо знаемъ—въ какой степени можно вѣрить польскимъ историкамъ касательно этого обстоятельства. Если иной господинъ, занимающійся исторіей, видитъ въ козачествѣ цѣль безпорядковъ, а въ козакахъ, особенно въ запорожцахъ, буйную, развратную вольницу, такому господину извинительно, потому что онъ видѣлъ малорусовъ, можетъ быть, только на столичной сценѣ, а исторію этого народа пробѣгалъ по напечатаннымъ въ разное время компиляціямъ, въ которыхъ почти ничего не говорится о внутреннемъ бытѣ края. Тѣ и другія мнѣнія нельзя назвать безпристрастными, и если первое изъ нихъ носитъ на себѣ отпечатокъ племенной ненависти къ Малороссіи, то другое грѣшитъ противъ истины и даетъ нѣкоторымъ образомъ понятіе объ ограниченности взгляда. Минули тѣ времена, когда Молороссія, неуспѣвшая окрѣпнуть послѣ смутъ и раздоровъ, конвульсивно иногда схватывалась за мысль о самостоятельности. Со временъ Петра I-го она выздоровѣла и единодушно сознала, что разливъ ея вошелъ въ свое нормальное русло, и тихо, счастливо течетъ по назначенію въ огромный лиманъ Руси, вливающійся въ океанъ человѣчества. Къ чему же въ наше время всѣ эти выходки? Разными правдами и неправдами можно натянуть выводъ, что Малороссія никогда не была независима, но выводъ этотъ будетъ весьма непроченъ, имѣя противъ себя весьма важныя данныя; между тѣмъ ни одно изъ племенъ, населяющихъ нашу громадную Имперію, не нуждается, можетъ быть, столько въ защитѣ противъ несправедливыхъ нападокъ, какъ малорусское. Пусть благоразумные люди и отдаютъ ему должную справедливость, однако многіе ли изъ благоразумныхъ вникали въ исторію этого племени, и кто же занимался основательнымъ изученіемъ быта этого добраго народа, который и до сихъ поръ у большинства слыветъ еще народомъ, способнымъ лишь играть роль въ какомъ нибудь комическомъ разсказѣ. Касаются ли исторіи Малороссіи, тотчасъ находятъ необходимость доказать, что она не существовала; захотятъ ли представить смѣшнымъ языкъ малоруса, исковеркаютъ русскія слова и воображаютъ, что сдѣлали дѣло; придется ли кому изобразить смѣшнаго глупца, берутъ малоруса, не заботясь даже хоть мелькомъ взглянуть на бытъ его, бытъ оригинальный, стоющій внимательнаго изученія.

Постараюсь сдѣлать самый краткій очеркъ исторіи Южной

Руси, но считаю не лишнимъ замѣтить, что у насъ вообще смѣшиваютъ исторію Малороссіи съ исторіею Сѣчи, или Запорожья, которое хотя и имѣло большое вліяніе на дѣла края, однако жило совершенно отдѣльною жизнію. Когда южныя области Руси подверглись нападенію Татаръ, и удѣльные князья не въ состояніи были противиться многочисленнымъ полчищамъ ордынцевъ, послѣдніе завладѣли нашимъ государствомъ. Но южная полоса съ помощію литовцевъ освободилась отъ Татаръ чрезъ 70 лѣтъ, и присоединилась къ Литвѣ на извѣстныхъ правахъ и привилегіяхъ, какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ. Два соединенные народа жили безъ особыхъ споровъ, пока литовскій князь Ягелло не женился на польской королевѣ Ядвигѣ, и не соединилъ подъ одинъ скипетръ литовцевъ, малорусовъ и поляковъ. Всѣ эти три народа составляли одно государство и управлялись, каждый, своими собственными вождями или гетманами. Вскорѣ обнаружился духъ партій: полякамъ захотѣлось первенства, и они, а также и литовцы, начали считать Малороссію подвластною, завоеванною страною. Возникли несогласія, и жалобы со стороны малорусовъ дошли до короля. Вслѣдствіе этого изданъ былъ указъ, которымъ запрещалось укорять малорусовъ въ томъ, что литовцы ихъ освободили, но признано было, что оба эти народа соединенными силами прогнали татаръ за предѣлы отечества. Легко можетъ быть, что дѣло остановилось бы на этомъ, и дальнѣйшее развитіе польской государственной жизни, безъ сомнѣнія, пошло бы своимъ чередомъ, еслибы перстъ Божій не указалъ настоящей судьбы этого страннаго государства, считавшагося республикой, но въ главѣ которой стояли короли, словно нанимавшіеся сидѣть на престолѣ, и аристократія котораго употребляла самую страшную деспотію въ отношеніи къ низшимъ сословіямъ. Въ это время на островахъ Днѣпровскихъ, среди пустынь и степей уже возникло козачество, имѣвшее свою организацію и состоявшее изъ малорусовъ. Объ этой военной общинѣ скажу въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь упоминаю только потому, что оно имѣетъ связь съ исторіею Южной Руси. Извѣстно, что когда ученіе Лютера поколебало папскую власть, учредился орденъ послѣдователей Лойолы для поддержанія этой власти, и всѣ католическія государства, въ томъ числѣ и Польша, сдѣлались игрушкою умныхъ и пронырливыхъ Іезуитовъ. Страшно приподымать завѣсу про-

шедшаго надъ вѣками религіозныхъ преслѣдованій, инквизиціи и обращенія мечемъ и огнемъ въ католичество, не только невѣрныхъ, но и послѣдователей другихъ христіанскихъ исповѣданій,—однако нельзя не сказать, что Польша въ этомъ случаѣ превзошла въ свирѣпости даже Испанію, гдѣ фанатизмъ выходилъ далеко за предѣлы вѣроятія. Іезуиты обратили особенное вниманіе на области Южной Руси, населенной народомъ православнымъ, и, понимая, что малорусовъ невозможно прямо обратить въ католичество, изобрѣли унію, т. е. присоединивъ нѣкоторые догматы римской церкви къ греческому исповѣданію, допустили Богослуженіе на славянскомъ языкѣ, съ подчиненіемъ уніатовъ власти папы. Нововведеніе это взволновало всѣ области, населенныя православными. Стоитъ заглянуть въ исторію Уніи Бантышъ-Каменскаго, чтобы убѣдиться сколько Поляки рѣзали, жгли, четвертовали и мучили самымъ страшнымъ образомъ малорусовъ, желая обратить ихъ въ уніатовъ, и какъ все это дѣлалось во имя Христа, не далѣе XVI и XVII столѣтій!

Подобно всѣмъ странамъ и въ Малороссіи нашлись люди, которые вещественныя блага цѣнили выше небесныхъ— и перешли прямо въ католичество. Разумѣется, католическое исповѣданіе было господствовавшимъ, и многіе изъ вельможъ, древнихъ княжескихъ родовъ, какъ то: Святополки, Четвертинскіе, Сангушки и др. перемѣнили вѣру для того, чтобы имѣть значеніе при дворѣ. Глядя на нихъ и дворяне, менѣе важные, сдѣлали тоже самое, отчего свирѣпство уніи стало гораздо ощутительнѣе, ибо некому было вступаться за народъ. Польское духовенство неистовствовало, принуждая простолюдиновъ къ принятію уніи. Кровавыя эти событія извѣстны изъ лѣтописей, не только русскихъ, но и изъ польскихъ, въ которыхъ хотя малорусы и названы «взбунтовавшимся холопствомъ», и хотя по словамъ этихъ хроникъ, одинъ полякъ побѣждалъ десятки козаковъ,—однако сами польскіе лѣтописцы пренаивно разсказываютъ, что со столькихъ-то малорусскихъ старшинъ содрали съ живыхъ кожу, такихъ-то катали въ бочкахъ, набитыхъ гвоздями, такихъ-то рѣзали по суставамъ.... И это все происходило иногда на площадяхъ варшавскихъ, въ столицѣ образованныхъ магнатовъ, посѣщавшихъ дворы европейскихъ государей! Испытывая подобныя тиранства, малорусы жаловались королямъ, но, не получая удовлетворенія, повсемѣстно подняли ору-

жіе. Появились вожди, по большей части изучившіе военное ремесло на Запорожьѣ, куда почти каждый молодой человѣкъ отправлялся козаковать,—потребовали помощи Запорожцевъ, всегдашнихъ поборниковъ православія, и послѣ страшной рѣзни, происходившей съ перемѣннымъ счастьемъ, именно въ гетманство Богдана Хмельницкаго, Малороссія свергла съ себя иго поляковъ, выгнала католическое духовенство и стала на такую степень, что къ гетману начали присылать пословъ иноземные государи, приглашая его съ народомъ подъ свое покровительство. Прозорливый Богданъ, котораго прахъ развѣяли мстительные поляки, и которому нѣтъ никакого памятника, предпочелъ всѣмъ Русь православную, и отдался со всѣмъ народомъ Московскому Государю на вѣчныя времена, видя въ одномъ только этомъ соединеніи будущее благо своей родины. Вотъ первая и важнѣйшая часть исторіи Южной Руси. Значитъ, съ тѣхъ поръ какъ Коссинскій и Наливайко, благородные гетманы, мученическою смертью заплатившіе за оборону края, возставали противъ утѣснителей, и до присоединенія къ Великой Россіи край этотъ нисколько не былъ подчиненъ Польшѣ, составлявшій съ нею прежде государство, не какъ завоеванная область, но какъ страна, существовавшая на условіяхъ: «какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ». Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ отвѣтъ короля Владислава IV Богдану Хмельницкому, просившему защиты отъ утѣсненій: «У васъ есть сабли, отвѣчалъ король, и вы можете сами защищать себя, а я не въ силахъ». Выпадали промежутки, когда казаки бывали побѣждаемы, и временные побѣдители удвоивали свои жестокости, но Малорусы снова торжествовали и отбились отъ своихъ лютыхъ преслѣдовалей. Не касаюсь здѣсь никакихъ другихъ вопросовъ, не стану выставлять какъ во время этихъ войнъ польское правительство нарушало клятвы и измѣннически умерщвляло старшинъ малорусскихъ, но скажу одно: можно ли пройдти безъ вниманія эти святыя войны за вѣру, и благородное, храброе племя называть взбунтованными польскими холопами! Между тѣмъ это мнѣніе было высказано печатно, и писавшій его былъ твердо убѣжденъ, что могъ безнаказанно потѣшаться; ибо вслѣдствіе ошибочнаго взгляда на малорусовъ, нельзя было печатно же доказать этому господину всего безстыдства возмутительной клеветы. Конечно лѣтъ около двадцати назадъ это еще могло пройд-

ти даромъ какому нибудь господину, но въ наше время подобныя выходки караются всеобщимъ презрѣніемъ, и священныя страницы народной исторіи останутся священными, не смотря на грязь, бросаемую въ нихъ пристрастіемъ, вѣющимъ польскою ненавистью,—или неумѣстнымъ рвеніемъ: изъ всѣхъ силъ доказать, что Малороссія никогда не имѣла никакого значенія. Если современные ученые мало еще разработали исторію Южной Руси, то будущія поколѣнія, подвергая безпристрастному суду матеріалы, составятъ исторію этого края, и выставятъ въ настоящемъ свѣтѣ разборъ «Исторіи Малороссіи Н. Маркевича», напечатанный въ Б. для Ч.—какъ образецъ небывалой недобросовѣстности въ наукѣ. Неужели же мы живемъ во времена Петра Великаго, когда можно еще было ожидать недовольныхъ между малорусскими старшинами? Неужели же малорусы такъ просты, что не понимаютъ вещей, и наконецъ не стыдно ли изъ какихъ нибудь видовъ стараться искажать исторію, когда въ этомъ нѣтъ никакой необходимости?

Вторая половина исторіи Малороссіи до уничтоженія гетманства представляетъ уже мало интереса. Смуты, продолжавшіяся въ ней до шведской войны, довольно грустны; я не буду здѣсь, по краткости, входить въ причины. Моею главною цѣлью было очеркнуть только историческій ходъ дѣлъ въ Южной Руси, изъ котораго можно было бы судить о томъ, что такое малорусъ, надъ которымъ любятъ потѣшаться иные пріятные разсказчики, незнающіе подъ-часъ ни быта, ни языка, ни исторіи народа, надъ которымъ потѣшаются. *Хохолъ* и *хохляндія*, часто встрѣчающіеся въ печати или устныхъ анекдотахъ, играютъ довольно жалкую роль, и служатъ предметомъ комическихъ разсказовъ. Не знаю, многимъ ли извѣстно происхожденіе этого названія. Когда вскорѣ послѣ присоединенія Малороссіи къ Великой Россіи, московскія войска дѣйствовали соединенными силами съ украинскими, то при столкновеніи двухъ племенъ необходимо должны были возникнуть и споры о превосходствѣ одного передъ другимъ, и появиться различныя прозвища, къ чему способны и то и другое. Въ Малороссіи и донынѣ еще сохранился обычай подбривать чубъ, оставляя клокъ волосъ, именуемый *оселедцемъ* (сельдь), и по этому-то обстоятельству Великорусъ называлъ Украинца *хохломъ*, за что въ отмщеніе получилъ названіе *кацапа*. Это была также своего рода насмѣшка, остав-

шаяся до настоящаго времени. Малорусы брѣютъ бороды, а человѣка съ бородою кому-то пришлось назвать *цапомъ* (козелъ)— вотъ откуда возникло это названіе, повсемѣстно употребляющееся въ Малороссіи.

Малорусскій народъ, тихій, добрый и необыкновенно домовитый, рѣзко отличается отъ своего сѣвернаго собрата типомъ, языкомъ, одеждою, нравами и обычаями, и если уступаетъ послѣднему въ промышленности, то превосходитъ въ удобствахъ домашней жизни, имѣя для этого всѣ средства, предоставляемыя благорастворенныимъ климатомъ. Превосходныя пастбища дозволяютъ ему заниматься скотоводствомъ и овцеводствомъ; изобиліе хлѣба даетъ возможность держать домашнюю птицу, а рѣки и рѣчки, протекающія по обширной территоріи, чрезвычайно рыбны, и доставляютъ средства малорусу разнообразить свою пищу.

Хотя обликъ этого племени и принадлежитъ къ типу кавказкому, однако оно не похоже на великорусское, принадлежащее къ тому же типу, а имѣетъ болѣе сходства съ азіятскими народами, и когда, удаляясь отъ большихъ городовъ и почтовыхъ и транспортныхъ дорогъ, встрѣчаешь бритыя головы, на которыхъ оставленъ лишь небольшой чубъ, то сходство съ кавказскими горцами становится 'поразительно. Малорусъ, какъ сказано выше, брѣетъ бороду (исключая нѣсколькихъ уѣздовъ Харьковской и Черниговской губерній, да кромѣ нѣкоторыхъ стариковъ, допускающихъ это украшеніе). Усы у него ростутъ внизъ въ естественномъ направленіи и часто доходятъ до огромной величины, что придаетъ воинственный видъ этому племени, которое, впрочемъ, еще не такъ давно оставило оружіе. Интересенъ куплетъ одной пѣсни, сочиненной въ концѣ прошлаго столѣтія, въ которой выражается сожалѣніе о прекращеніи войнъ:

Да вже шаблі поржавіли,
Мушкети безъ курківъ,
А все серце козацькее
Небоітьця Турківъ.

Мнѣ кажется, куплетъ такъ понятенъ каждому незнакомому съ языкомъ, что переводъ его былъ бы совершенно излишнимъ.

О языкѣ малорусскомъ еще до сихъ поръ существуютъ у

насъ различныя мнѣнія, и хотя II Отдѣленіе Академіи Наукъ признало его за отдѣльное нарѣчіе и пріобрѣло у меня словарь этого нарѣчія, начатый Академіею въ 1854 году, однако это нисколько не мѣшаетъ многимъ считать его испорченнымъ языкомъ великорусскимъ. Между тѣмъ кто серьезно занимался отечественнымъ словомъ, кто понимаетъ дѣло, тотъ не можетъ не принять въ соображеніе весьма важнаго обстоятельства, что малорусы, искони обитавшіе по Днѣпру и его прибережьямъ, слѣдовательно прямые потомки Славянъ, до христіанской эпохи жившихъ на этихъ мѣстахъ,—должны же были наслѣдовать языкъ отъ предковъ. Нельзя же предположить, чтобы сѣверныя и южныя отрасли Славянъ говорили однимъ нарѣчіемъ, и чтобы Сѣверная Русь сохранила его, а Южная измѣнила до степени нынѣшняго! Что языкъ церковный не былъ разговорнымъ народнымъ языкомъ—объ этомъ даже говорить въ наше время будетъ лишнимъ, но что Славяне эпохи до-христіанской и до-татарской, не говорили, какъ говорятъ теперь Великорусы, въ этомъ тоже, кажется, нѣтъ сомнѣнія. Конечно не говорили они и по малорусски, однако послѣднее нарѣчіе нельзя сказать, чтобы уже слишкомъ удалилось отъ первобытнаго источника. Къ сожалѣнію, мы такъ мало имѣемъ памятниковъ, чтобы рѣшать дѣло непогрѣшительно; однако въ нихъ встрѣчаются не только слова, а даже цѣлые обороты, существующіе и донынѣ въ малорусскомъ языкѣ, которые подтверждаютъ вышесказанное предположеніе. При разборѣ Слова о Полку Игоря, переведеннаго г. Гербелемъ (Пантеонъ, 1854. № 3), мною были приведены нѣкоторыя мѣста изъ «Слова», доказывающія сходство не только въ оборотахъ, но даже въ способѣ выраженія, съ старинными козацкими малорусскими пѣснями, извѣстными подъ названіемъ *Думъ* у насъ въ литературѣ. Не беру на себя смѣлости говорить утвердительно, однако не могу не высказать убѣжденія, возникшаго у меня вслѣдствіе долговременныхъ занятій нарѣчіемъ племени, къ которому принадлежу. Пѣвецъ «Слова», воспѣвавшій подвиги Игоря, не долженъ быть простымъ безграмотнымъ воиномъ. Напротивъ, онъ былъ человѣкъ образованный по тогдашнему, и не импровизировалъ пѣсни, какъ импровизировалъ ее козакъ малорусскій, а обдумалъ и сочинилъ на заданный себѣ предметъ. Въ то время, да и гораздо позднѣе, образованіе истекало у насъ изъ монастырей

отъ духовенства. Вскорѣ послѣ перевода книгъ на церковнославянскій языкъ, всѣ грамотные люди, принимаясь за перо, невольно подражали библейскимъ оборотамъ, и вотъ почему «Слово о Полку Игоревѣ» написано не на языкѣ народномъ. Примѣровъ этому искать недалеко. Даже въ настоящее время, когда книжный тяжелый языкъ почти забытъ, а всѣ стараются писать живымъ разговорнымъ языкомъ, встрѣчаются, въ особенности въ дѣловыхъ бумагахъ, мѣста не только сбивчивыя, но даже темныя, оттого, что человѣкъ, принимаясь за перо, не пишетъ просто какъ думаетъ и какъ дѣло складывается у него въ головѣ, но старается щегольнуть цвѣтистыми выраженіями, и для этого употребляетъ слова совершенно излишнія. Древній пѣвецъ не вездѣ однако же выдерживаетъ церковно—славянскій языкъ, и въ минуты вдохновенія у него льется живая рѣчь, и народный языкъ пробивается наружу.

Съ открытіемъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ памятниковъ малорусской письменности, какъ то: «Лѣтопись Самовидца», «Лѣтопись Самуила Величка», многіе указываютъ въ нихъ на частыя польскія слова и говорятъ, что прежнее малорусское нарѣчіе изобиловало полонизмами. На это можно сказать, что во времена позднѣйшія, въ особенности въ дѣловыхъ бумагахъ—оно отзывалось еще и русицизмами,—однако изъ этого нельзя выводить смѣлаго заключенія, что малорусы употребляютъ великорусскіе обороты. Малороссія была присоединена къ Польшѣ, а потомъ съ половины XVII столѣтія къ Московскому царству. Весь грамотный людъ т. е. лица, преимущественно занимавшіяся, писменною частью, прежде старались употреблять польскіе обороты, а потомъ великорусскіе. Вотъ почему ни эти лѣтописи, конечно любопытныя для историка, ни эти акты не должны входить въ разсчетъ филолога. Возьмемъ настоящую эпоху и возьмемъ не только офиціальную бумагу сельскаго писаря, но даже его частное письмо. Въ первой онъ старается писать по-русски, и лишь изрѣдка проскакиваютъ у него малорусскія слова; во-второмъ онъ пишетъ по-малорусски, но щеголяетъ книжными великорусскими выраженіями. Неужели же чрезъ сто лѣтъ филологъ, по этимъ памятникамъ, долженъ будетъ дѣлать заключеніе, что въ 1860 году, въ Малороссіи не существовало уже особенное малорусское нарѣчіе, но что народъ и *говорилъ*, и писалъ почти по-русски? Считая неумѣстнымъ и недобросо-

вѣстнымъ говорить бездоказательно, привожу нѣсколько примѣровъ изъ документовъ письменныхъ и устныхъ, для сличенія.

Нѣтъ данныхъ, по которымъ можно бы судить о древности той или другой народной пѣсни; но, мнѣ кажется, нельзя однако же не признать древними отрывковъ изъ пѣсень въ честь нѣкоторыхъ языческихъ обрядовъ, не совершенно еще исчезнувшихъ на иныхъ мѣстностяхъ Малороссіи. Празднованіе Купала уже достаточно для подтвержденія словъ моихъ,—слѣдовательно куплетъ изъ подобной обрядной пѣсни можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что языкъ этой пѣсни весьма древній:

Допалімо та соломоньку,
Та ходімо та до домоньку!
Лежи, лежи та Купалочку,
Въ червоному та багаттячку.

А вотъ образчикъ канцелярскаго слога 1654 года,—отрывокъ изъ письма гетмана Хмельницкаго въ Кошъ о желаніи отдаться подъ покровительство Государя Московскаго:

«Гдижъ ми яко махину войни зъ Поляками зачинали не безъ воли и совѣта Вашего, братѣ нашой, такъ и сего не меншого дѣла, о протекцiи помененной Московской, безъ Вашого-жъ соизволеня и поради чинити не хочемъ; и любо уже учинилисмо о томъ зъ совѣтомъ старшины нашой до Его Царского Пресвѣтлого Величества и Самодержца Всероссійскаго одозвъ нашъ, однакъ безъ вѣдома и соизволеня Вашого, дѣла того кончити не будемъ. Рачте теди Вашмость Мосцѣ Панство, безъ найменшого одкладу ретельнiй на первое обширное писаніе наше учинити къ намъ респонсъ, пильно и повторне жадаемъ, и Ихъ же въ сохраненіе Господу Богу поручаемъ. (Лѣтопись Самуила Величка, т. I, стр. 167—168).

Отрывокъ изъ отвѣта Коша Запорожскаго Богдану Хмельницкому:

«На писмо Ваше Гетманское обширное, прошлого лѣта до насъ писаное, не учинилисмо отвѣта до сего времени для того, же твоя Гетманская Мосць зо всѣмъ войскомъ Козацкимъ зоставалъ чрезъ все лѣто въ Полщи и на Подолю подъ Жванцемъ, въ чомъ просимъ вельце Вашой Гетманской Мосцѣ вибаченя; а теперь на помененое писмо Ваше Гетманское отвѣтуючи,

выражаемъ сіе, ижъ ми оное совершенно зрозумѣли, и нетилько зъ писма того познаемъ, але и ясно видимъ нашима очима, же уже намъ зъ Поляками, *якъ зъ зміею комусь фостъ отсѣченій имущею* отнюдъ згодится и до першой прійти пріязни не возможно; поневажъ они всему злу и войнѣ будути початкомъ и причиною, и чрезъ шестолѣтную войни операцію видячи якъ въ коронѣ своей, такъ и въ Украини нашой Малороссійской доволніе попели зъ поселеніи людскихъ и костій людей войною побитыхъ по полямъ лежачіе, ни мало своего серца не хотятъ смягчити, и переставши своей гнѣвной завзятости къ намъ, до первой, при утвержденіи давнихъ правъ и свободъ нашихъ, прійти пріязни и згоди. Теди и ми большей отъ сего времени о ихъ пріязнь Вашей Гетманской Мосцѣ старатися не радимъ, а замыслъ Вашъ, що удатися и бути зо всѣмъ народомъ Малороссійскимъ, по обохъ сторонахъ Днѣпра будучимъ, подъ протекцію Великодержавнѣйшого и Пресвѣтлѣйшого Монархи Россійского, за слушній бити признаваемъ, и даемо нашу войсковую Вамъ пораду, абысте того дѣла не оставляли и оное кончили, якъ ку найлутшой ползѣ отчизнѣ нашой Малороссійской и всего войска Запорожскаго. (Тамъ же, стр. 168—169).

Не принявъ во вниманіе вышеприведеннаго мнѣнія, можно заключить, что малорусскій языкъ той эпохи изобиловалъ полонизмами. Если ссылаться на подобные факты, то чужеземецъ, не вникнувшій въ дѣло, выведетъ такое же заключеніе и о русскомъ языкѣ временъ Петра Великаго, наполненномъ иностраными выраженіями. Представивъ образчикъ канцелярскаго языка временъ Богдана Хмельницкаго, я привожу старинную пѣсню на смерть того же самаго гетмана, сложенную бандуристомъ, вѣроятно, чрезъ нѣсколько дней по кончинѣ «Батька» любимаго всею Украиною. Мнѣ кажется, что не найдется человѣка, который заподозрилъ бы подлинность этихъ пѣсень, съ трудомъ собранныхъ совѣстливыми учеными и любителями, какъ гг. Срезневскій, князь Цертелевъ, Лукашевичъ и Максимовичъ, а потому онѣ будутъ служить самымъ лучшимъ примѣромъ народнаго языка извѣстной эпохи. Въ приводимой пѣснѣ нѣтъ ни одного чужаго слова, и хотя она не заключаетъ въ себѣ поэтическаго достоинства, однако прекрасныя послѣд-

нія строки ея замѣчательны по художественной простотѣ, вѣющей истинною поэзіею

«Зажурилася Хмельницького сідая голова:
«Що при ёму ни сотниківъ, ни полковниківъ нема;
«Часъ приходитъ умірати,
«Нікому поради дати!
«Покликне вінъ на Йвана Луговського
«Пысаря військового
«—Иванъ Луговськии,
«Писарь військовий!
«Скоріше біжи,
«Да листи пиши,
«Щобъ сотники, да полковники до мене прибували,
«Хоть мало пораду давали».
«То Йванъ Луговськии,
«Писарь військовий,
«Листи писавъ,
«До усіхъ розсилавъ.
«То сотники, полковники якъ ихъ прочитали,
«Усе покидали
«До Гетьмана Хмельницького скорішъ прибували.
«То Гетьманъ добре іхъ приймае,
«Словами промовляе:
«—Панове—молодці! добре ви дбайте,
«Собі гетьмана наставляйте;
«Бо я старъ, болію,
«Більшъ гетьманомъ не здолію...
«Коли хочете, панове, Антона Волочая Киевського,
«Або Грицька Костиря Миргородського,
«Або Хвилона Чичая Кропивьянського,
«Або Мартина Пушкаря Полтавського».
«То козаки тее зачували,
«Смутно себе мали,
«Тяжко воздихали,
«Словами промовляли:
«—Нетреба намъ Антона Волочая Киевського,
«Ні Грицька Костиря Миргородського,
«Ні Хвилона Чичая Кропивьянського,
«Ні Мартина Пушкаря Полтавського;
«А хочемъ ми сина твого Юруся молодого,
«Козака лейстрового»!
«—Вінъ, панове-молодці, молодий розумъ мае,
«Звичаівъ козацькихъ не знае».
«—Будемъ ми старихъ людей біля ёго держати,
«Будутъ вони ёго научати:
«Будемъ ёго добре поважати,
«Тебе батька нашого гетьмана споминати»!
«То Хмельницький тее зачувавъ, великую радість мавъ
«Сідою головою поклонъ оддававъ,
«Слёзи проливавъ.

«Скоро після того ще й гірше Хмельницький знемогавъ;
«Опрощення зо взіми приймавъ,
«Милосердному Богу душу оддавъ.
«То не чорні хмари ясне сонце застуяли,
«Не буйні витри у темнімъ лузі бушували,
«Козаки Хмельницького ховали,
«Батька свого оплакали».

(Сборникъ Украинскихъ народныхъ пѣсень, М. Максимовича, стр. 77—80).

Въ позднѣйшихъ малорусскихъ официіальныхъ бумагахъ замѣтно вліяніе языка великорусскаго, а между тѣмъ народный языкъ и пѣсни все тѣ же, что и въ древнѣйшую эпоху. Многіе изъ земляковъ моихъ пробовали писать по-малорусски, но попытки эти предпринимались для пріятнаго препровожденія времени земляковъ, а не,—какъ полагаютъ нѣкоторые,—для развитія малорусской литературы. Малороссія, слившаяся съ Великою Русью, дружно шла съ послѣднею по пути развитія, и не одинъ малорусъ былъ замѣчательнымъ дѣятелемъ на поприщѣ русскаго слова. Но если образованное сословіе приняло и усвоило себѣ русскій языкъ и общеевропейскіе обычаи, то простолюдинъ сохранилъ все свое, и потому и языкъ его остался такимъ, какимъ былъ въ незапамятное время. Не желая перефразировать высказаннаго прежде, я привожу одно мѣсто изъ предисловія къ моему словарю:

«Занимаясь очень долго изученіемъ этого нарѣчія, я имѣлъ случай прослѣдить его на всемъ пространствѣ, и замѣтилъ въ немъ нѣсколько оттѣнковъ: *A*) языкъ чистый заключается въ губерніяхъ: Полтавской, Екатеринославской, въ южныхъ и восточныхъ (приднѣпровскихъ) уѣздахъ Кіевской губерніи, въ южныхъ уѣздахъ Черниговской и въ Херсонской губерніи, а также и въ Черноморіи. *B*) Нарѣчіе съ преобладаніемъ полонизмовъ: въ Подольской, Волынской и остальныхъ уѣздахъ Кіевской губерніи—весьма близкое къ червонорусскому. *C*) Нарѣчіе харьковское въ Харьковской, въ части Воронежской и Курской губерній, происшедшее отъ червонорусскаго, въ которое вошли однако же нѣкоторыя измѣненія, вслѣдствіе ближайшаго сосѣдства съ Великою Россіею. Сюда же относится и Земля Войска Донскаго (Харьковская губернія населена выходцами изъ-за Днѣпра, принесшими свой выговоръ) и *D*) нарѣчіе черниговское, въ сѣверныхъ

уѣздахъ Черниговской губерніи, сильно отзывающееся бѣлорусскимъ.

«Я помѣстилъ въ своемъ словарѣ всѣ слова, существующія въ малорусскомъ нарѣчіи, приведя ихъ въ азбучный порядокъ, хотя конечно найдутся слова, которыя могли ускользнуть отъ меня по какому бы то ни было случаю. Всѣ выраженія, почему нибудь могущія показаться странными, я подкрѣпляю строфами изъ народныхъ пѣсень, въ доказательство, что они существуютъ въ народѣ. Я внесъ на страницы словаря даже остатки затерянныхъ глаголовъ, что, замѣчу мимоходомъ, служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ древности языка. Сколько, напримѣръ, потребно времени, чтобы утратился глаголъ, оставляя одно лице повелительнаго наклоненія, каковы: *ке*, дай, *кéте*, дайте; *ґеть*, поди прочь, *ґéтьте*, подите прочь? Есть нѣсколько словъ, неупотребительныхъ уже въ разговорѣ, но они существуютъ въ древнихъ пѣсняхъ, — слѣдовательно служили долго, и въ свое время были необходимы.

«При этомъ нельзя не замѣтить, для людей любознательныхъ, которые вздумали бы сами наблюдать языкъ въ устахъ народа; нельзя, повторю, не замѣтить въ видѣ предостереженія, что малорусъ, вслѣдствіе какихъ бы то ни было причинъ, выходя изъ нормальнаго состоянія, создаетъ, импровизируетъ слова, которыя за-частую умираютъ въ тотъ же мигъ, а иногда повторяются нѣкоторое время на извѣстномъ разстояніи. Но слова эти легко различить тонкому наблюдателю и разумѣется знатоку нарѣчія. Иногда глаголъ можетъ поразить филолога, если послѣдній не знакомъ съ краемъ и его особенностями. Такъ, напримѣръ, придется услышать фразу: *Я тебѐ посковородджу*, слѣдовательно должно записать глаголъ: *сковородить*, между тѣмъ какъ его нѣтъ и въ поминѣ. Какимъ же образомъ изъ существительнаго *сковорода* составился глаголъ? Разгадка очень проста. Ребенокъ, играя со сковородой, роняетъ ее и разбиваетъ какую нибудь вещь. Мать видитъ, и начинаетъ бранить дитя: зачѣмъ ты разбилъ?—Это не я, отвѣчаетъ ребенокъ, а упала сковорода.—Ось я тебе *посковородджу!* т. е. вотъ я ужо накажу тебя!»

Одежда малорусовъ, какъ мужская такъ и женская, какъ лѣтняя такъ и зимняя, нисколько не похожа на великорусскую, отъ рубахи до шапки; да и самая обувь совершенно другаго по-

кроя. Рубаха у малоруса непремѣнно полотняная съ маленькимъ воротомъ, часто вышитымъ, завязывающимся посрединѣ снуркомъ или лентой, надѣвается подъ шаровары. Штаны себѣ онъ шьетъ чрезвычайно широкіе, особенно въ *матнѣ* (шагъ), опускающейся часто ниже колѣнъ, и непремѣнно съ карманами (кишеня). У болѣе богатаго штаны бываютъ пестрядинные (пистря), у иныхъ выбойчатые, зимою суконные; всѣ они стягиваются *очкуромъ*, вдѣваемымъ изнутри. Малорусъ опускаетъ свои штаны въ голенища. Верхнихъ одеждъ у него нѣсколько. Самая легкая лѣтняя—это суконная *юпка* (родъ пальто), сѣрая или бѣлая съ цвѣтными выпушками и застегивающаяся кожаными пуговками. Потомъ слѣдуетъ *каптанокъ* (полукафтанъ) тоже суконный, и это по большей части принадлежность парубка (парня) или и женатаго, въ первые годы брака. Сверхъ каптанка или юпки, а зимою сверхъ кожуха надѣвается *свита* (родъ армяка), или *кирея* (широкая свита съ капишономъ), или *кобенякъ* (таже кирея, но менѣе полная). Всѣ эти роды одежды болѣе или менѣе одинаковы на всѣхъ мѣстностяхъ, различествуя лишь иногда украшеніями, исключая сѣверной части Малороссіи (нѣсколько уѣздовъ Черниговской губерніи, гдѣ простолюдины не только одѣваются, но и говорятъ по-бѣлорусски). Капишонъ (*видлога*, *кобка*, а въ иныхъ мѣстахъ *богородиця*) бываетъ различныхъ формъ, но имѣетъ одно общее назначеніе защищать голову отъ непогоды, потому что, надвинувъ его на шапку, нечего бояться ни слякоти, ни мятели: онъ охраняетъ голову не только сзади, но и съ боковъ, представляя отверстіе лишь спереди. Попадаются и жупаны, но какъ исключеніе, потому что эта одежда уже вывелась изъ употребленія. Шапка у малоруса изъ мерлушекъ (смушки) черныхъ или сѣрыхъ, даже изъ бѣлыхъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень высокая, съ суконнымъ верхомъ, а въ иныхъ просто вся изъ мерлушекъ. Эта шапка носится постоянно во всѣ времена года; но бываютъ селенія, гдѣ въ обычаѣ носить лѣтомъ *бриль* (круглая шляпа съ широкими полями); встрѣчаются иногда *брили* соломенные, мѣстнаго производства, сплетенные довольно искусно. Зимою носятъ кожухи, которые бываютъ, смотря по состоянію, очень дорогіе, если сдѣланы изъ сѣрыхъ или ягнячьихъ мерлушекъ. *Чоботи* (сапоги) у малоруса богатаго бываютъ сафьянные (сапьянці) или изъ хорошей юфти, а у тѣхъ кто побѣднѣе—изъ воловьей кожи,

даже изъ лошадиной (шкапо́ві). Покрой этихъ сапоговъ свой особенный, на широкой подошвѣ съ тупо закругленнымъ носкомъ, и безъ подбора, съ длинными *халявами* (голенище). Лѣтомъ многіе носятъ *черевики* (башмаки), надѣваемые на босую ногу. У самыхъ же бѣдныхъ, а у пастуховъ преимущественно, есть особая обувь, родъ кожаныхъ лаптей, *постоли*. Это четыреугольный кусокъ кожи, параллелограмъ, загнутый и скрѣпленный напереди, который имѣетъ по сторонамъ ремянныя или веревочныя завязки, именуемыя *волоками* и обвязываемыя вокругъ ноги, поверхъ онучи. Лаптей малорусы не носятъ, за исключеніемъ упомянутыхъ уѣздовъ Черниговской губерніи, похожихъ на Бѣлоруссію. Вотъ и весь уборъ. Но нельзя не замѣтить здѣсь, что этотъ же самый нарядъ у пожилаго и у парня имѣетъ различіе, конечно не въ качествѣ матеріяла, но въ покроѣ. Прилагательное *парубоцькій* (свойственный, принадлежащій парню) обозначаетъ вещь красивую, ловко сдѣланную.

Малорусскій женскій нарядъ совершенно оригинальный. Рубахи, обыкновенно холстинныя, бываютъ, въ особенности у дѣвушекъ и *молодицъ* (молодыхъ замужнихъ женщинъ), вышиты на рукавахъ и на подолѣ необыкновенно красиво. Вышитый подолъ называется *ляховка*. Это очень похоже на вышитыя юпки современныхъ щеголихъ образованнаго класса. Вмѣсто исподницъ, которыя впрочемъ усвоены горожанками и дворовыми помѣщичьими крестьянками,—простонародье обертываетъ станъ двумя кусками матеріи, привязывая ихъ поясомъ. Ткань эта носитъ двоякое названіе: *плахта* и *запаска*. Первая бываетъ парчевая и шерстяная, въ клѣткахъ или цвѣтахъ; а вторая: *а*) обыкновенная шерстяная (запаски), *б*) *каламайка* (стаметъ) и в) *квітчаста запаска*, кусокъ хорошей шерстяной или шелковой матеріи съ пестрыми цвѣтами. Какъ плахта такъ и запаска раздѣляются на двѣ половины, и задняя, надѣваемая прежде, зовется *позадниця*, передняя же, надѣваемая послѣ, въ родѣ фартуха—*попередниця*. Пояса бываютъ очень дорогіе парчевые и шелковые, но обыкновенно шерстяные и преимущественно красные. Лѣтомъ, въ особенности дома, малороссіянка остается въ этомъ костюмѣ, но въ другія времена года, и при выходѣ изъ дому, всегда у нея есть иные наряды. Лѣтомъ дѣвушки и молодыя женщины носятъ: *а*) *гирсетъ* (коротенькое пальто безъ рукавовъ); *б*) юпку такую же какъ и мужская, только гораз-

до короче и сшитую со сборками. У богатыхъ юпки бывають *баеві* (байковыя) зеленыя съ красными мушками, и суконныя; *с*) длинную свиту тонкаго сукна съ усиками назади. Въ иныхъ мѣстахъ сохранились еще, наслѣдіе прабабокъ, *кунтуши*, которые и надѣваются въ торжественные случаи или въ большіе праздники. Голову дѣвушки рѣдко гдѣ покрываютъ платкомъ, но преимущественно убираютъ ее *стрічками* (лентами), обвязывая ихъ такимъ образомъ, чтобы концы ниспадали сзади вмѣстѣ съ косою, въ которую тоже вплетены ленты (косники). За ленту, идущую вокругъ головы, затыкаются цвѣты, весною и лѣтомъ живые, въ прочія времена года искусственные. Въ иныхъ мѣстахъ заплетаютъ волосы въ *дрібушки* (мелкія косы) и связываютъ ихъ по срединѣ. Женщины носятъ *очіпки* (чепцы) парчевые, ситцевые, полотняные и просто покрываютъ головы платкомъ. Въ иныхъ уѣздахъ сохранился еще обычай носить *намітки*. Это особенный родъ ткани (*серпанокъ*) очень жидкой, и туго накрахмаленной, длинные куски которой обвиваются вокругъ чепца и спускаются на затылкѣ, ниже таліи; небольшой лоскутъ проходитъ подъ бородою отъ одного виска къ другому. Уборъ этотъ нѣкоторымъ образомъ напоминаетъ головной уборъ грузинокъ. Женскіе сапоги въ иныхъ мѣстахъ и разумѣется у богатыхъ, сафьянные, а по большой части обыкновенной кожи. Зимою и вообще когда холодно, женщины носятъ *кожушанку* (юпка на мѣху), и просто кожухъ, сшитый съ тѣмъ различіемъ отъ мужскаго, что воротникъ у него отложной полукруглый, и самый кожухъ дѣлается гораздо полнѣе.

Дѣтская одежда шьется обыкновенно на выростъ; нерѣдко увидишь крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, одѣтыхъ какъ бы въ чужое платье, хотя они зачастую прибѣгаютъ къ отцовскому и материнскому наряду. Впрочемъ, дѣтскую одежду шьютъ одни достаточные, а бѣдные люди отдаютъ донашивать свою старую.

Матеріялъ для одежды, за малыми исключеніями, малорусъ приготовляетъ дома, стараясь истратить на себя какъ можно менѣе денегъ; холстъ, сукно, кожа, овчины, мерлушки — все это у него свое, и шьется мѣстными ремесленниками за весьма дешевую, почти невѣроятную цѣну. Самые женскіе уборы приготовляются дома, хотя здѣсь конечно предстоятъ гораздо большіе расходы, принявъ во вниманіе, что во многихъ мѣстахъ

въ обычаѣ носить сафьянные сапоги. Ленты, монисты, узорныя или цвѣтныя запаски, добываемыя на ярмаркахъ, платки, кольцы, сережки, приносимые ходебщиками (великорусскими крестьянами), круглый годъ бродящими по Малороссіи, все это иногда стóитъ малороссіянкѣ всей ея экономіи, состоящей конечно изъ весьма ограниченной суммы. И мужчины, въ свою очередь, особенно парни, не могутъ обойдтись безъ расходовъ: иному захочется купить городскіе сапоги, другому молодецкую шапку, тотъ мечтаетъ о добромъ поясѣ, и копитъ на него деньги, а иной истратитъ рубль ассигнаціями на кореньковую трубку въ красивой мѣдной оправѣ съ цѣпочкою и мѣдною протычкою.

Холстъ выдѣлывается изъ конопли и изо льна. По уборкѣ этихъ растеній, и послѣ вымолота конопли, одинъ сортъ которой, *матірка*, бываетъ съ сѣменами, а также послѣ вымолота льна, женщины получаютъ ихъ въ свое полное вѣдѣніе. Первый пріемъ при этомъ случаѣ—намочить эти растенія въ водѣ, гдѣ они остаются столько времени, сколько нужно для удобнаго отдѣленія волоконъ отъ стебля,—и вынувъ ихъ, разостлать для просушки. Когда конопля и ленъ достаточно высохнутъ, ихъ перевозятъ или переносятъ домой, и бьютъ о жерди, поставленныя стоймя подъ острымъ угломъ, а въ иныхъ мѣстахъ (преимущественно ленъ) колотятъ на землѣ *праниками* (вальками). При этомъ производствѣ стебли собственно только ломаются и отдѣляется крупная кострика; но для очищенія волоконъ употребляются *терници* (терки), почти допотопнаго устройства. Изъ терокъ прядиво выходитъ уже въ очищенномъ видѣ и связывается въ *жмені* (извѣстнаго объема космы), которыя скручиваются въ *повісма*. У хорошихъ хозяекъ прядиво навивается на обручъ, и хранится въ кругахъ, съ которыхъ и сымается по мѣрѣ надобности. Изъ выдѣлываемаго такимъ образомъ прядива, женщины приготовляютъ *мички* (мочки), расчесывая его щеткою и гребенкою, и занимаются пряжею, по способу самому незатѣйливому, употребляя обыкновенный гребень (за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Черн. и запад. губ., гдѣ употребляютъ кудель). Гребень этотъ представляетъ фигуру тонкой лопаты, въ широкомъ концѣ которой прорѣзаны зубья, и втыкается въ *днище*, въ дощечку, гладко выстроганную, на концѣ которой выдѣлывается для этого отвѣрстіе, въ небольшомъ порожкѣ. Наложивъ мочку такъ, что половина ея остается по

задней части гребня, пряха завиваетъ послѣднюю, а первую начинаетъ прясть, навивая нитку на веретено, которое журчитъ въ рукахъ искусной мастерицы, и бывъ заверчено обѣими руками, долго кружится, наматывая на себя нитку, выводимую лѣвою рукою. Пріемъ этотъ выражается глаголомъ *посукувать*. Напрявъ извѣстное количество, пряха сматываетъ *починки* на мотовило, и считая по 3 нитки въ *чисницъ*, и по десяти чисницъ въ пасмѣ, наблюдаетъ, чтобы на мотовилѣ выходило 25 *пасомъ*, что составляетъ *півмітокъ* (полмотка), и тогда сымаетъ его, и вѣшаетъ гдѣ нибудь на жердь. У козачекъ и казенныхъ крестьянокъ норма мотка 50 пасомъ, а у помѣщичьихъ 60. Мотки эти сматываются потомъ на *витушкѣ* въ клубки, бывающіе произвольной величины. Когда собирается достаточное количество пряжи, такъ что по соображенію хозяйки довольно уже на основу и на утокъ, она приступаетъ къ основѣ, на какой предметъ у порядочныхъ хозяекъ и есть *снівниця* (сновальный снарядъ) незатѣйливаго устройства. Это параллелограмъ, по короткимъ сторонамъ котораго вбиты деревянные загнутые крючки, на которыхъ и кладется пряжа извѣстнымъ способомъ. По окончаніи этой работы, хозяйка, если она *ткаля* (ткачиха), принимается сама за тканье, или передаетъ основу кому нибудь изъ своихъ, кто знаетъ это ремесло; но если никто изъ домашнихъ не можетъ ткать, то она относитъ матеріалъ на сторону и договаривается.

Отъ количества пасомъ, употребленныхъ на основу, и холстъ получаетъ свое названіе: девятки, десятки, двѣнадцатки и т. д.; здѣсь также принимается во вниманіе и качество пряжи: девятка толще десятки, десятка толще двѣнадцатки и т. д. Кромѣ холста, достаточные ткутъ еще *ручники* (полотенца), играющіе важную роль въ жизни малорусской невѣсты, и *хустки* (платки), иными дѣвушками вышиваемыя красною и синею бумагою.

Но не одни только эти произведенія получаются изъ конопли и льна. Выпряденныя мочки, представляющія массу *клочия* (хлопки) грубыхъ волоконъ, поступаютъ снова въ пряжу. Если льняныя и посконныя хлопки вновь перемыканы, то изъ нихъ выпрядаютъ *клочанку*—нитки довольно толстыя, изъ которыхъ ткутъ скатерти, а недостаточные люди и *ручники*; мочки же неперемыканныя даютъ *валъ*—самыя толстыя шероховатыя нит-

ки. Изъ валу ткутъ *рядовину* на мѣшки и *рядна* (грубыя простыни и одѣяла), а также подстилки, на которыхъ сушатъ зерновой хлѣбъ.

Ткачество не доставляетъ ремесленнику большихъ выгодъ, какъ потому, что въ каждой деревнѣ занимаются имъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ, такъ и потому, что усидчивая, кропотливая работа эта требуетъ много времени. Вообще замѣчено, что ткачи и ткачихи не пользуются хорошимъ здоровьемъ, находясь лѣтомъ и зимою постоянно въ хатѣ, и сидя въ неестественномъ положенiи. При этихъ невыгодныхъ условiяхъ, они ежеминутно должны дѣйствовать руками и ногами, что производитъ у нихъ постоянную испарину.

Сукно приготовляется точно также дома. Шерсть, добываемая съ овецъ въ iюнѣ мѣсяцѣ, поступивъ сначала къ *шаповалу* (шерстобиту), выпрядается потомъ, ягнячья особо, а со старыхъ овецъ особо, и снуется описаннымъ способомъ, какъ и полотно. Ягнячье сукно предпочитается, потому что оно гораздо мягче и красивѣе. Сукно бываетъ двоякое: лучшее, въ которомъ шерстяные утокъ и основа *(по самому сукну)*, и худшее, въ которомъ основа нитяная, а только утокъ шерстяной (*по порту*). Получивъ сукно отъ ткача, хозяева прячутъ его до прiѣзда рабочихъ изъ сукновалень, которыя устроены на большихъ рѣкахъ и дѣйствуютъ водою. Промышленники эти прiѣзжаютъ въ село, развозятъ валенныя сукна, и забираютъ новыя, возвѣщая свой прiѣздъ протяжнымъ крикомъ: «*По сукно, по валене, по сукно*». Мѣра тканей у простолюдиновъ считается еще на локти, и потому, измѣривъ какъ слѣдуетъ сукно, сукновальщикъ дѣлаетъ бирку, нарубаетъ на нее число локтей, и разрѣзавъ ее пополамъ вдоль, одну половину привязываетъ къ сукну, а другую отдаетъ хозяину для сличенiя, когда послѣднiй имѣетъ получить свою собственность.

Большая часть суконной одежды приготовляется въ селахъ мѣстными портными, но и въ городахъ значительное количество *свитниковъ* (портныхъ, шьющихъ свиты) занимается шитьемъ этой одежды для продажи.

Часть женскаго наряда, именуемая запасками, въ особенности простыя запаски, приготовляются домашними средствами: женщины ихъ ткутъ и потомъ красятъ *калiею*. Производство другаго вида этой одежды, болѣе роскошнаго, т. е. *плахты*,

встрѣчается гораздо рѣже, во-первыхъ потому, что сюда входятъ разноцвѣтныя нитки, для окраски которыхъ требуется разнородный матеріалъ, во-вторыхъ и потому, что надо вытыкать узоры. Вотъ причины, по которымъ *плахты* преимущественно покупаются на ярмаркахъ. Пояса, какъ мужскіе, такъ и женскіе, выдѣлываются дома, но не всѣми, тоже потому, что надо красить шерсть, а это сопряжено съ нѣкоторымъ искусствомъ, переходящимъ обыкновенно отъ матери къ дочери по преданію. Красильныя вещества: *кармазинъ* (кошениль), калія, красный и черный сандалъ (*кірка и бразолія*) покупные, а червецъ, марена и дрокъ туземные, всегда у малороссіянокъ подъ рукою. Люди достаточные употребляютъ для краснаго цвѣта *кармазинъ*, но большинство замѣняетъ его *червецомъ* (малоросс. кошениль), который заслуживаетъ, чтобы упомянуть о немъ Это яички насѣкомаго, находимыя подъ извѣстною травою. Около половины іюня, еще до начала косовицы, трудолюбивыя женщины и дѣвушки отправляются въ степь, запасшись ножомъ и глинянымъ сосудомъ, и отыскавъ кустики упомянутой травы, называемой *червишникъ*, выкапываютъ ее осторожно съ корнемъ, возлѣ котораго лежатъ уже багровыя яички насѣкомаго въ видѣ коноплянаго сѣмени. Подобное яичко наполнено яркою красною жидкостью. Набравъ червецу, его перемываютъ въ холодной водѣ, потомъ разсыпавъ на миски, ставятъ въ печь для просушки, и приготовляютъ такимъ образомъ прекрасный красильный матеріялъ, который хотя и уступаетъ кошенили, однако даетъ краску хорошаго цвѣта и ничего не стоитъ. Послѣ Ильина дня (20 Іюля) изъ этихъ яичекъ выходятъ уже насѣкомыя, и потому червецъ собирается преимущественно съ конца Іюня до половины Іюля. У кого большой запасъ этого вещества или кто не занимается крашеніемъ, тѣ продаютъ червецъ, на который всегда находятся покупатели. Миска высушенныхъ яичекъ маленькаго насѣкомаго, собранная въ весьма короткое время, можетъ дать средства деревенской щеголихѣ пріобрѣсти на цѣлый годъ нарядовъ. Марена хотя и не повсемѣстна, но ее находятъ въ достаточномъ количествѣ, а дрокъ растетъ вездѣ по скатамъ горъ и кромѣ прекрасной желтой краски приноситъ еще пользу и тѣмъ, что его употребляютъ какъ средство отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ. Настой изъ этого расте-

нія даютъ пить собакамъ въ лѣтніе жары, если почему нибудь предполагаютъ, что они касались бѣшенаго животнаго.

Овчины преимущественно выдѣлываются въ городахъ, хотя и въ селахъ живутъ шкурники, занимающіеся этимъ ремесломъ, а для шитья кажуховъ существуютъ особенные портные. Выдѣлка кожи для обуви тоже производится въ городахъ, а въ каждой деревнѣ есть *шевци* (сапожники), удовлетворяющіе потребностямъ мѣстныхъ жителей. Если же кто изъ послѣднихъ желаетъ имѣть обувь болѣе щеголеватую и цѣнную, тотъ покупаетъ ее по выбору на ярмаркахъ и базарахъ.

Образъ жизни малорусскаго крестьянина простъ и незатѣйливъ, и хотя на такомъ обширномъ пространствѣ, какое заселено этимъ племенемъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ онъ и имѣетъ свой легкій мѣстный колоритъ, однако подобныя различія вовсе незначительны, касаясь весьма неважныхъ условій. Если исключить нѣсколько уѣздовъ Черниговской губерніи, о которыхъ упомянуто выше, то бытъ малоруса разныхъ губерній можно подвесть подъ одинъ уровень.

Малорусъ вообще набоженъ, глубоко чтитъ вѣру и уставы церковные, и избѣгаетъ всего, что грѣшно по его понятіямъ. Нрава онъ добраго, спокойнаго; вообще медленъ, къ чему конечно располагаютъ его климатъ и та беззаботность, которая какъ бы служитъ необходимою принадлежностью народа, занимающагося преимущественно земледѣліемъ. По крайней мѣрѣ хлѣбопашество и скотоводство—два главныя занятія малоруса, а то и другое, по своей природѣ, не можетъ разшевелить человѣка. Принявъ же во вниманіе благодатную почву и способъ обработки земли быками, которыхъ шагъ такъ медленъ и лѣнивъ, и что малорусъ съ малолѣтства обращается съ этими животными, ничего нѣтъ удивительнаго, что на немъ самомъ отражается лѣнь, но не лѣность, въ какой напрасно упрекаютъ его нѣкоторые близорукіе наблюдатели нравовъ. Есть впрочемъ въ его характерѣ мстительность, но нельзя безусловно сказать, чтобы качество это развивалось въ сильной степени и было похоже на кровомщеніе кавказскихъ горцевъ или на вендетту Корсиканца. Каждый человѣкъ, даже образованный, и знающій, что мщеніе—порокъ, охуждаемый христіанской религіей, не можетъ отрѣшиться отъ этого порока; да и существуютъ ли на земномъ шарѣ племена, которыя не мстили бы за обиду или молча

переносили оскорбленіе? Если же въ малорусскомъ народѣ и сохранилась наклонность къ мстительности, то это чисто историческая причина,—стоитъ только прочесть исторію Малороссіи, отъ присоединенія послѣдней къ Польшѣ. Какъ въ недѣлимомъ (individuum) образуется характеръ вслѣдствіе того или другаго условія, и кромѣ того, что для переработки этого характера нужны иногда самыя крутыя мѣры,—онъ не всегда измѣняется и часто переходитъ въ отдаленное потомство; такъ и въ цѣломъ племени иной разъ нужны столѣтія для измѣненія какой нибудь черты народнаго характера. Мстительность малоруса не выходитъ однако же за предѣлы благоразумія, и если порою случаются уголовныя преступленія, то ихъ можно подвести подъ психологическій законъ, присущій всему человѣчеству. Малорусъ хитеръ, потому что уменъ, но онъ не обладаетъ ни разсчетливымъ умомъ, ни той смѣтливостью въ отношеніи средствъ зашибать копѣйку, сродною великорусскому крестьянину, которая развилась на сѣверѣ, гдѣ неблагопріятный климатъ и неплодородная почва возродили въ народѣ духъ промышленности, обративъ всю дѣятельность на одинъ предметъ—добываніе денегъ. Врожденною чертою малорусскаго племени можно также назвать—насмѣшливость, непокидающую его въ самыя тяжелыя минуты—насмѣшливость до того сродную малорусу, что даже подслушивая разговоры дѣтей, собравшихся для какой нибудь игры, невольно засмѣешся при ихъ шуткахъ и названіяхъ, даваемыхъ другъ другу. Кромѣ особенной соли въ шуткахъ малоруса, въ нихъ замѣчательны и наблюдательность и необыкновенная мѣткость взгляда, съ которыми онъ нападаетъ или на слабую струну или на какой нибудь недостатокъ. Чтобы судить объ этомъ юморѣ, надо видѣть малоруса, что называется, подъ веселую-руку, и послушать его разговоровъ, если онъ въ ударѣ. Къ сожалѣнію, и до сихъ поръ еще иные почтенные сочинители считаютъ обязанностью посмѣяться надъ простодушіемъ малоруса и часто, вводя послѣдняго для потѣхи въ разсказъ, влагаютъ ему въ уста разговоры на какомъ-то непонятномъ, варварскомъ языкѣ, воображая, что это смѣшно. Но должно предварить читателя, что какъ эти фантастическіе малорусы, такъ и выводимые на сцену въ театральныхъ пьесахъ,—очень похожи на тѣ анекдоты о малорусахъ, которые такъ краснорѣчиво разказываются инымъ почтеннымъ господиномъ, не имѣю-

щимъ понятія ни объ упоминаемой имъ странѣ, ни объ ея жителяхъ. Что малорусъ простодушенъ, гостепріименъ, не погонится за лишнимъ грошемъ, и что плутъ можетъ обсчитать и надуть его—въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; но что онъ далеко не простъ,—подтвердятъ всѣ, кому хоть сколько нибудь знакома Малороссія.

Не смотря на лаконизмъ рѣчи, малорусъ любитъ уклончивость. Спросите, напримѣръ, крестьянина, укладывающаго на фуру домашнія произведенія для продажи на ярмаркѣ: поѣдетъ ли онъ на ярмарку? онъ непремѣнно отвѣтитъ вамъ: «Може й поіду.» Малорусъ часто прибѣгаетъ къ иносказательности, и старается не прямо объявлять свое мнѣніе, если навѣрное не знаетъ какъ оно будетъ принято.

Одинъ изъ старосвѣтскихъ пановъ, выдавши дочь за Орловскаго помѣщика, считалъ обязанностью, по древнему обычаю, посылать ежегодно дочери гостинцы. Для этого аккуратно каждый Сентябрь мѣсяцъ онъ отправлялъ ей повозки двѣ разныхъ разностей. Однажды, ожидая уже возвращенія подводъ изъ Орловской губерніи, сидѣлъ онъ вечеромъ на крыльцѣ, и посматривалъ съ нетерпѣніемъ на дорогу; ему хотѣлось поскорѣе вѣсточки отъ дочери. Наконецъ ему докладываютъ, что посланные показались. Старикъ не вытерпѣлъ и подошелъ къ воротамъ, а въ это время подъѣзжали порожнія подводы.

— Здоровъ, Грыцько! кричалъ онъ издали довѣренному человѣку.

— Здорови були, пане, отвѣчалъ тотъ, сымая шапку.

— А що, якъ тамъ наші?

— Благадарить Бога—благополушно.

— Есть *листъ* (письмо)?

— Е.

— Ке сюди (дай сюда)!

Посланный отдалъ письмо, и пока господинъ читалъ, онъ обсуживалъ, что и какъ отвѣчать на разспросы. Деревня барскаго зятя была бѣдна, и Грыцьку, привыкшему дома, если не къ роскоши, то къ удобству, весьма не понравилось пребываніе въ Орловской губерніи, гдѣ еще народъ надъ нимъ и подтрунивалъ. Хулить открыто онъ не рѣшался; но не хотѣлъ также и скрыть истину.

Старикъ прочелъ письмо, кликнулъ Грыцька къ дому, велѣлъ дать ему чарку водки,—а самъ сѣлъ на крыльцѣ и принялся

балагурить. Много онъ предложилъ вопросовъ, на которые Грыцько отвѣчалъ лаконически; наконецъ спросилъ—какъ ему понравилось въ той сторонѣ?

— Та бачите, добродію, воно-бъ то и тее, а у тімъ хто іого зна якъ и казать.

— Та кажи просто.

— Бачите, пане, якъ уіздивъ я у свою гряницю, ажъ дивлюсь, туди у Орловську губернію, біжить собака, такъ я кинувъ на іого грудку тай кажу: Тю-тю на дурний! Чого ти тамъ не бачивъ!

Но вотъ еще разительное доказательство малорусскаго юмора. Когда при Петрѣ Великомъ нѣкоторые малорусскіе старшины, по одному доносу, были наказаны кнутомъ, и послѣ экзекуціи лежали на рогожахъ,—одинъ изъ нихъ отозвался къ товарищу:

— А що, брате, чи солодка московська *пужка* (плеть): може бъ еіи послать нашимъ жінкамъ на гостинець!

Фактъ этотъ записанъ въ Исторіи Бантышъ-Каменскаго, гдѣ и поименсваны старшины.

Малорусъ чрезвычайно любитъ пѣсни. Если кому случалось жить хоть нѣсколько времени въ деревняхъ, населенныхъ этимъ племенемъ, тотъ не могъ не замѣтить, что въ продолженіе всей лѣтней ночи не умолкаютъ пѣсни, которыя своей пріятной мелодіей заставляютъ часто задумываться знатока музыки. Что это народъ пѣвучій и обладающій хорошими голосами — служитъ доказательствомъ наша Придворная пѣвческая, наполненная преимущественно малорусами, и если бы только не вкоренившееся мнѣніе, что превосходные пѣвцы и пѣвицы образуются лишь въ Италіи, мнѣ кажется, что не одинъ тенорь съ береговъ какой нибудь малоизвѣстной Сулы, и не одинъ сопрано съ прибрежьевъ Днѣпра — украшали бы столичную сцену. Безспорно, что въ этомъ случаѣ можно говорить и *за* и *противъ;* вѣрнѣе всего, что большинство будетъ несогласно со мною, хотя конечно безъ достаточныхъ доказательствъ; тѣмъ не менѣе однакожъ я рѣшаюсь повторить сказанное мнѣніе. Много у насъ разбросано по Руси хорошихъ музыкантовъ и пѣвцовъ, отличныхъ знатоковъ музыки и пѣнія; но нѣтъ ни одного верховнаго судилища, которое произносило бы окончательный приговоръ въ этихъ изящныхъ искусствахъ. Всѣ эти исполнители и дилетанты, положимъ бравшіе уроки у первыхъ знаменитостей, и потомъ сами изу-

чавшіе музыку, не могутъ имѣть ни того авторитета, какой имѣетъ музыкальная консерваторія, ни тѣхъ разнообразныхъ средствъ изучать музыкальныя способности племенъ, населяющихъ государство. Не мѣсто здѣсь, да я и не берусь разсуждать— отчего у насъ нѣтъ ни одной музыкальной консерваторіи, но полагаю, не сдѣлаю важной ошибки, сказавъ: что если бы у насъ и возникло подобнаго рода заведеніе, то приличнѣе всего было бы возникнуть ему въ Малороссіи, хотя бы и въ Кіевѣ.

Вездѣ, даже въ Петербургѣ, въ обществахъ ходитъ темная молва, что малорусскія пѣсни очень хороши, но никто не только не поетъ, а врядъ ли слыхалъ даже тѣ истинно-прелестныя пѣсни, которыя распѣваются простонародьемъ въ какомъ нибудь захолустьѣ. Случалось мнѣ иногда въ столицѣ слышать малорусскія пѣсни самыя негармоническія, не говоря уже о томъ, какъ пѣвцы и пѣвицы нещадно коверкаютъ мое родное нарѣчіе. Собственно для словъ есть еще сборники, а для голосовъ одинъ г. Максимовичъ издалъ тетрадку при своемъ сборникѣ украинскихъ народныхъ пѣсень, и то безъ всякаго выбора. Видѣлъ я также нѣсколько мелодій, готовившихся для другаго сборника голосовъ, но къ сожалѣнію мотивы передѣлывались на ученый ладъ, и теряли неуловимую прелесть народнаго мотива.

О малорусскихъ пѣсняхъ можно написать цѣлую книгу: такъ много въ нихъ истинной поэзіи, высказанной съ художественной простотою. Ни одно изъ славянскихъ племенъ не обладаетъ такимъ огромнымъ запасомъ пѣсенъ, какъ малорусское, и ни у одного изъ нихъ нѣтъ такихъ прекрасныхъ, оконченныхъ пѣсень. Мелодія ихъ вообще унылая, да и самыя слова не отличаются веселостью. Исходивъ многіе уголки, гдѣ поются эти пѣсни, я очень рѣдко встрѣчалъ веселую, но и въ той слышится всегда что-то заунывное. Есть нѣсколько пѣсень плясовыхъ или хоровыхъ, однако онѣ совершенно теряются въ количествѣ грустныхъ.

Малорускія пѣсни раздѣляются на историческія, обрядныя и житейскія. Любознательность нѣкоторыхъ почитателей старины собрала нѣсколько старинныхъ козацкихъ пѣсенъ, и если бы не князь Цертелевъ, гг. Срезневскій, Лукашевичъ и Максимовичъ, мы не имѣли бы этихъ драгоцѣнныхъ поэтическихъ отрывковъ ни о черноморскихъ походахъ вождей запо-

рожскихъ, ни о кровавыхъ событіяхъ, совершавшихся по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, въ «*сегобочной и тогобочной Украинѣ.*»

Теперишніе бродячіе рапсоды (кобзари, лирники, бандуристы) поютъ эти пѣсни однимъ монотоннымъ речитативомъ, только почти въ искаженномъ видѣ. Въ послѣднее время уничтоженію бандуристовъ, а съ ними и историческихъ пѣсень, много способствовала и способствуетъ мѣстная полиція, слишкомъ ретиво преслѣдующая *нищенство*. Но въ этомъ случаѣ полиція немного ошибается. Кобзарей нельзя сравнивать съ нищими, часто тунеядцами, употребляющими во зло общественную благотворительность: кобзари, бандуристы и лирники непремѣнно слѣпцы, никакъ не могущіе стать на ряду съ бродягами. Не бывъ въ состояніи заниматься хозяйствомъ, и нерѣдко отягощая убогое семейство, они съ малолѣтства учатся пѣть духовныя легенды и старинныя козацкія пѣсни, обходятъ Божій міръ, играя на инструментѣ, и такимъ образомъ поддерживаютъ свое существованіе. Это нищенство не опасно. Политической же цѣли никакой быть не можетъ, развѣ уже смотрѣть на Малороссію съ очень узкой и обидной точки зрѣнія. Кобзарь поетъ то, что нѣсколько разъ напечатано, и развѣ рѣдко услышишь какой нибудь новый варіантъ,—а совершенно неизвѣстная пѣсня попадается въ продолженіе десятковъ лѣтъ. Но теперь необыкновенно трудно найдти хорошаго бандуриста: во-первыхъ, они переводятся, во-вторыхъ боятся каждаго, въ комъ подозрѣваютъ чиновника. Въ старинныхъ этихъ пѣсняхъ ничего нѣтъ предосудительнаго;—многія изъ нихъ древнѣе половины XVII вѣка, и вотъ почему жаль, что, безъ сомнѣнія, довольно исчезло этихъ памятниковъ старины.

Меня постоянно занималъ вопросъ: кѣмъ слагались эти поэтическія преданія; но разрѣшенія этого вопроса не находилъ я ни въ лѣтописяхъ, ни въ устныхъ разсказахъ стариковъ, еще знавшихъ Запорожье подъ конецъ его существованія. Одинъ старый козакъ, служившій нѣкогда сѣчевикомъ, разсказывалъ мнѣ, что между товариществомъ было много хорошихъ игроковъ на бандурѣ, которые «и лепсько спивали» и конечно между этими-то пѣвцами встрѣчались талантливые люди, слагавшіе гдѣ нибудь въ степи—свои поэтическія думы.

Пѣсни обрядныя извѣстны изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ изданій и журнальныхъ статей,—а житейскія, самыя многочи-

сленныя, встрѣчаются въ сборникахъ Лукашевича, Максимовича и Метлинскаго. Послѣдній сборникъ гораздо полнѣе, хотя здѣсь почтенный издатель обращалъ болѣе вниманія на варіанты, чѣмъ на пріобрѣтеніе самыхъ пѣсень, которыхъ вѣроятно достало бы на три такія книги. Но винить почтеннаго профессора нельзя, а слѣдуетъ принесть ему искреннюю благодарность за посильный трудъ, который, безъ сомнѣнія, вызоветъ дѣятельность другихъ людей, имѣющихъ болѣе средствъ къ собиранію народныхъ пѣсень, и обладающихъ бо́льшею опытностью, при разборѣ матеріяловъ, въ числѣ которыхъ сообщаются иногда довольно удачныя поддѣлки. Въ этомъ случаѣ надо быть очень осторожнымъ, иначе могутъ случиться такіе промахи, какіе встрѣчаются у г. Скальковскаго, который, не зная глубоко языка, допустилъ въ исторіи Сѣчи, вмѣсто народныхъ пѣсенъ, вирши помѣщиковъ западныхъ губерній.

О томъ, какое понятіе о малорусскихъ пѣсняхъ имѣли собиратели народности, можно указать на Сборникъ г. Сахарова; въ немъ отдѣлъ малорусскихъ пѣсень заключается въ ничтожномъ количествѣ нумеровъ; а какъ почтенный издатель понималъ ихъ качество, видно изъ того, что въ число шуточныхъ пѣсенъ—онъ помѣстилъ одну извѣстную пѣсню, проникнутую самымъ безотраднымъ чувствомъ безвыходнаго положенія.

По своей художественной простотѣ, народная пѣсня обличаетъ большое дарованіе въ томъ, кто ее импровизировалъ, и напрасно нѣкоторые знатоки народности стараются поддѣлаться подъ ея безъискусственный складъ; слѣдовательно, принявъ во вниманіе богатый запасъ прекрасныхъ малорусскихъ пѣсень, нельзя не придти къ заключенію, что племя это обладаетъ замѣчательною поэтическою способностью. Прежнія войны и смуты, породившія столько чудныхъ пѣсень, остались для малоруса темными преданіями; но онъ продолжаетъ воспѣвать свою прекрасную природу, свои ощущенія, свою любовь, которая у него въ юности составляетъ высшее наслажденіе, и не есть слѣдствіе грубой чувственности, какъ у простонародья другихъ племенъ, а проникнута особой теплотой и нѣжностью, даже неподозрѣваемыми въ простолюдинѣ. Каждый, кто изучалъ бытъ малоруса не въ продолженіе однихъ вакацій, не среди дворовой прислуги, не по разсказамъ иныхъ помѣщиковъ, незнающихъ своихъ крестьянъ,—тотъ, положа руку на сердце, подтвердитъ

слова мои и скажетъ, что парни и дѣвушки въ Малороссіи сохранили патріархальную чистоту нравовъ, не смотря на многія обстоятельства, вредно дѣйствовавшія на этотъ коренной обычай. Квартированіе войскъ великорусскихъ со временъ Петра Великаго, внесшихъ въ Малороссію и непристойныя ругательства, которыхъ до тѣхъ поръ здѣсь не существовало, необходимо должно было, какъ это случается и вездѣ, способствовать къ несоблюденію строгости цѣломудрія, и наконецъ обычай помѣщиковъ держать огромную дворню, въ свою очередь, измѣнилъ нѣкоторымъ образомъ понятіе простолюдина въ этомъ отношеніи. Но къ чести малорусскаго народа надо сказать, что если и встрѣчаются примѣры легкаго поведенія дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ,—то какъ случаи частные, и что парень, какъ бы ни былъ молодъ и влюбленъ, уважаетъ честь своей возлюбленной. При совершенной свободѣ молодежи въ обращеніи, при обычаѣ проводить цѣлыя ночи вмѣстѣ, парня съ дѣвушкой (что вводитъ многихъ близорукихъ наблюдателей нравовъ въ заблужденіе), влюбленная чета почти никогда не забываетъ долга, и если судьба разрознитъ эту чету, то парень съ чистой совѣстью женится на другой, а его прежняя подруга не вноситъ безчестья въ домъ своего мужа. Малороссіянки, проводящія ночи съ своими возлюбленными, позволяютъ парнямъ невинныя ласки, но если парни обнаруживаютъ желанія, оскорбляющія цѣломудріе, дѣвушка, не смотря иногда на страстную любовь, прекращаетъ свиданія. Знаю, что многіе скептики, многіе знатоки народности, выросшіе и возмужавшіе въ столицѣ, готовы доказывать всѣми способами, что это невозможно, и не въ природѣ вещей, но я говорю это съ твердымъ убѣжденіемъ, какъ человѣкъ, проведшій значительное число лѣтъ въ деревняхъ малорусскихъ.

Нельзя не замѣтить, что и въ деревняхъ старыя пѣсни смѣняются новыми, и зачастую—дочерямъ неизвѣстны уже тѣ, которыя пѣлись ихъ матерями, за исключеніемъ иныхъ любимыхъ, долго остающихся на сценѣ. Нерѣдко случалось мнѣ припомнить одинъ или два куплета изъ пѣсни, слышанной въ дѣтствѣ, и я долго доискивался пѣвицы, которая могла мнѣ спѣть эту пѣсню, и уже находилъ въ другомъ селеніи. Этотъ приливъ новыхъ пѣсень, иногда очень хорошихъ, заставлялъ меня внимательно слѣдить за вкусомъ и направленіемъ новѣйшей на-

родной поэзіи; но я не находилъ ни новыхъ стремленій, ни новыхъ вопросовъ, а все прежнія темы, прежнія сравненія, въ другой только формѣ. Нерѣдко попадаются и давнія пѣсни, переложенныя въ видѣ варіанта. Съ одной стороны частыя эти перемѣны происходятъ отъ того, что захожій изъ другой деревни, или туземецъ, побывавшій въ другомъ селѣ, приноситъ новыя пѣсни, быстро выучиваемыя народомъ, вездѣ любящимъ разнообразіе, и такимъ образомъ прежнія пѣсни оставляются, а новыя заступаютъ ихъ мѣсто. Съ другой стороны современные слагатели пѣсень, смотря по степени таланта, или создаютъ новыя, или передѣлываютъ прежнія, примѣняя къ какому нибудь тождественному обстоятельству. Но въ современныхъ пѣсняхъ незамѣтно никакого движенія впередъ, по весьма естественной причинѣ: въ народѣ нѣтъ еще развитія, и поэзія его стоитъ на той же точкѣ, на какой стояла она нѣсколько вѣковъ, съ перемѣною лишь обстоятельствъ, объусловливавшихъ предметы пѣснопѣній.

Нынѣшній пѣвецъ черпаетъ вдохновенье въ любви, тоскѣ по родинѣ и странствованіи по степямъ, заимствуя сравненія изъ видимой природы, и преимущественно воспѣвая свои личныя ощущенія. Въ послѣднее время начали появляться въ деревняхъ хоровыя солдатскія пѣсни.

Взглянувъ на языкъ, одежду, нравъ и пѣсни малоруса, намъ остается еще познакомиться съ его сказками, обычаями, нѣкоторыми повѣрьями и образомъ жизни. Само собою, что я здѣсь представляю лишь въ общихъ чертахъ бытъ приднѣпровскаго крестьянина, оставляя себѣ возможность говорить о частныхъ подробностяхъ, при описаніи многихъ мѣстностей, которыя будутъ мнѣ встрѣчаться на протяженіи этой рѣки, замѣчательной какъ въ историческомъ, такъ и въ торговомъ отношеніяхъ. Если она играла важную роль въ древности и потомъ продолжала быть театромъ многихъ происшествій почти до конца прошлаго столѣтія, то и въ будущемъ ей предстоитъ не менѣе, если не болѣе важное значеніе—служить однимъ изъ главнѣйшихъ путей сообщенія. Днѣпръ становитъ въ непосредственное сношеніе лѣсистыя и безхлѣбныя губерніи съ безлѣсными и хлѣбородными, слѣдовательно при нынѣшнемъ стремленіи къ совершенствованію и при разумномъ практическомъ взглядѣ на вещи—чего нельзя ожидать отъ рѣки, протекающей 1600 верстное пространство!

Но должно замѣтить, что не на всемъ этомъ протяженіи Днѣпръ населенъ малорусскимъ племенемъ: въ верховьяхъ его живутъ бѣлорусы, языкъ которыхъ хотя и ближе къ южно чѣмъ къ сѣверно-русскому, однако имѣетъ свои особенности. Я преимущественно описываю малорусовъ потому, что племя это обитаетъ по Днѣпру тамъ, гдѣ судоходство, рыболовство и торговля принимаютъ размѣры обширнѣе, и гдѣ въ будущемъ ему предстоитъ болѣе значительное поприще.

Сказки малорусскія, сколько можно судить изъ слышанныхъ мною, имѣютъ свой особенный характеръ, хотя конечно похожи на сказки не только всѣхъ славянскихъ племенъ, но и другихъ народовъ. Читая въ этомъ родѣ сборники народной фантазіи, изданные за границею, нельзя не найти въ нихъ сходства въ главномъ основаніи и съ малорусскими. Здѣсь, какъ и вездѣ, многочисленнѣе сказки, въ которыхъ важнѣйшую роль играютъ животныя; но попадаются и такія, въ которыхъ Богъ и Св. Петръ какъ-то всегда неразлучно путешествуютъ по землѣ, по народному повѣрью. Легенды эти очень интересны и вообще мало представляютъ варіантовъ, въ мѣстахъ, лежащихъ одно отъ другаго на значительныхъ разстояніяхъ. Вѣдьмы, вовкулаки, русалки—тоже очень часто попадаются въ сказкахъ. Сказки о разбойникахъ носятъ характеръ позднѣйшей формы и принадлежатъ не далѣе какъ прошлому столѣтію; изъ чего можно предполагать, что это дѣйствительныя событія, передѣланныя уже въ форму сказки, по миновании обстоятельствъ, при которыхъ они были возможны. Но есть въ Малороссіи сказки особенныя о *велетняхъ* (великанахъ), *песиголовцахъ* и *злидняхъ*, заслуживающія подробнаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что впродолженіе какихъ нибудь двадцати лѣтъ—онѣ, если не совершенно исчезли, то во многихъ мѣстахъ окончательно позабыты. То же самое можно сказать и о прочихъ старинныхъ сказкахъ, подвергающихся измѣненіямъ и принимающихъ многія вставки, часто кажущіяся безсмысленной заплаткой на дорогой одеждѣ. Я дѣятельно записываю сказки въ деревняхъ, въ которыхъ живу, для изученія народнаго быта. Труды мои вѣнчаются успѣхомъ, и я обладаю уже нѣсколькими замѣчательными экземплярами. Со временемъ надѣюсь издать мое собраніе, тѣмъ болѣе, что мнѣ предстоитъ случай пользоваться варіантами на огромныхъ протяженіяхъ. Очень интересныя сказки подслушиваю я у дѣ-

тей, какъ у лицъ, болѣе близкихъ къ предмету, и иная дѣвочка говоритъ сказку гораздо лучше взрослой женщины, пользующейся извѣстностью сказочницы. Рыбаки и мельники, сообщающіе мнѣ преданія, тоже изобилуютъ запасомъ сказокъ, между которыми встрѣчаются и иноземныя, пересказанныя какимъ нибудь грамотѣемъ. Но оставляя послѣднія въ сторонѣ, я выбираю лишь то, что мнѣ пригодно для моихъ наблюденій. Я не беру много на себя, и нисколько не желаю придать важности труду своему, но мнѣ кажется, что подобнаго рода памятники, какъ пѣсни и сказки, должны быть собираемы на мѣстѣ человѣкомъ, основательно знающимъ бытъ даннаго племени. Для повѣрки мысли какъ искажаются иными собирателями пѣсни и сказки, я поручалъ кое-кому списывать то и другое, а послѣ самъ записывалъ отъ тѣхъ же пѣвицъ и сказочницъ. Разница выходила иногда удивительная, особенно въ сказкахъ, гдѣ вставляютъ или пропускаютъ цѣлыя фразы. Въ особенности надо беречься простолюдиновъ грамотѣевъ, которые, желая блеснуть образованіемъ, употребляютъ краснорѣчивыя, по ихъ мнѣнію, выраженія и замѣняютъ одни слова другими. Съ малорусскими грамотѣями это случается зачастую, потому что они вставляютъ слова великорусскія, и тѣмъ самымъ подадутъ инымъ филологамъ возможность замѣтить, что извѣстное слово существуетъ въ малорусскомъ нарѣчіи. Дѣвочки и вообще женщины, за исключеніемъ дворовыхъ, въ этомъ случаѣ представляютъ болѣе вѣрный источникъ. Упомянутыя выше сказки о *велетняхъ*, *песиголовцахъ* и *злидняхъ* попадаются довольно рѣдко, а на иныхъ мѣстностяхъ совершенно неизвѣстны; но, сколько могу судить, это должны быть самыя древнія, имѣющія источникомъ забытую миѳологію, возникшую—кто знаетъ въ какомъ столѣтіи. Въ сказкахъ этихъ, которыя мнѣ удавалось слышать въ дѣтствѣ, и которыя, къ сожалѣнію, въ то время не могли мною быть записаны, встрѣчались подробности, уже не упоминаемыя нынѣшними сказочницами; но отыскивая глубокихъ старухъ, мнѣ иногда удается доставать варіанты. Надо еще замѣтить, что многія сказки передѣланы молодежью, на неблагопристойныя, въ которыхъ однако же встрѣчается неподдѣльный малорусскій юморъ. Подобныя созданія народной фантазіи слышалъ я почти всегда, когда просилъ парней разсказать мнѣ сказку. У дѣвушекъ дѣло другое: здѣсь сказки говорятся добросовѣстно.

Самое замѣчательное—это мѣстныя преданія, существующія въ каждомъ селеніи, и если только умѣть обращаться съ народомъ, всегда можно собрать значительное количество этихъ устныхъ разсказовъ, любопытныхъ для того, кто хотѣлъ бы изучить край подробнѣе. Въ особенности преданій этихъ много надъ Днѣпромъ. Разумѣется, здѣсь первое мѣсто принадлежитъ Кіеву и его окрестностямъ, но и Терехтеміровъ, Каневъ, Черкасы и иныя прибрежныя мѣста, а болѣе Пороги—изобилуютъ преданіями.

Малорусъ, въ особенности не на пустынной степной мѣстности, какъ нѣкоторые уѣзды Екатеринославской и Херсонской губерній, удаленные отъ Днѣпра, живетъ хорошо и по своему понимаетъ нѣкоторыя удобства жизни. Посмотрите на селенія, расположенныя возлѣ какихъ нибудь рѣчекъ, и вы увидите, что непремѣнно они расположены на красивой мѣстности, и если проѣзжаете ихъ весною, когда деревья въ цвѣту, когда вездѣ раздаются пѣсни молодежи и пѣніе соловьевъ, вы скажете, что это край поэтическій. Рѣдкая хата не имѣетъ садика, и обычай заплетать низенькіе плетни со сквозными воротами придаетъ необыкновенно пріятный видъ деревнѣ, возлѣ бѣлыхъ хатъ которой движется народъ и занимается своими обязанностями. Малорусская деревня непремѣнно разбросана въ безпорядкѣ, имѣетъ площадь, лѣпится иногда по горамъ, которыя чрезвычайно любимы народомъ. Если только можно построить церковь на горѣ, она тамъ построена; но если нѣтъ, то уже кладбище расположено на какой нибудь возвышенности.

Не знаю, съ которыхъ поръ существуетъ въ Малороссіи обычай раздѣленія семействъ, но чрезвычайно рѣдко встрѣчаются семьи, состоящія изъ нѣсколькихъ женатыхъ братьевъ, которые жили бы вмѣстѣ. Эти примѣры существуютъ лишь въ видѣ исключенія изъ общаго правила. Въ этомъ раздѣленіи семействъ, которое, какъ говорятъ, вредно въ экономическомъ отношеніи, нельзя не признать смысла, имѣющаго основаніе въ стремленіи къ домашней независимости. Если и въ высшемъ сословіи, между двумя, тремя женатыми братьями, неотдѣленными отцемъ, но живущими въ одномъ домѣ, часто не бываетъ согласія, то какимъ же образомъ можно требовать его въ быту крестьянскомъ, гдѣ можетъ встрѣтиться безчисленное множество предметовъ спора? Есть своя хорошая сторона въ нераздѣленіи семействъ, но есть

и оборотная. Въ патріархальномъ обычаѣ жить вмѣстѣ—сумма всѣхъ работъ складывается въ общую кассу, однако же каждый знаетъ, что воля главы семейства можетъ по произволу отдать одному больше, другому меньше. А вѣчныя неудовольствія за какія нибудь мелочныя обстоятельства, возникающія изъ женскихъ счетовъ между собою, сообщающія и мужьямъ начало самыхъ печальныхъ раздоровъ? Въ Малороссіи отцы по большей части при жизни отдѣляютъ женатыхъ сыновей, и если не всегда распредѣляютъ между ними имѣніе, и требуютъ общей работы, покрайней мѣрѣ каждому сыну строятъ отдѣльную хату, въ которой молодая чета живетъ и устраивается по своему желанію, не имѣя непріятныхъ столкновеній съ прочими членами семейства. По смерти родителей женатые братья никогда не живутъ вмѣстѣ.

Земледѣліе въ хлѣбородной Малороссіи производится способомъ, заведеннымъ искони по преданію. Тяжелый плугъ, запряженный тремя и четырьмя парами воловъ, бороздитъ землю, которая съ избыткомъ вознаграждаетъ труды пахаря. Если появятся какія нибудь вреднодѣйствующія условія: слишкомъ сухое или очень мокрое лѣто, саранча, градъ, червяки, оврашки,— то они уничтожаютъ иногда жатву, главный предметъ доходовъ простолюдина. Нельзя не замѣтить, что въ Малороссіи существуетъ обычай взаимнаго вспомоществованія въ работахъ. Три или четыре пары воловъ, необходимыхъ для плуга, можно встрѣтить лишь у весьма зажиточнаго крестьянина,—а слѣдовательно у кого недостатокъ рабочаго скота, тотъ отыскиваетъ товарища и пашутъ вмѣстѣ. Такая же точно помощь требуется иногда для постройки, рубки и перевозки лѣса, но инкогда за это не платятся деньги. Само собою, хозяинъ долженъ хорошо кормить и угощать добровольныхъ работниковъ, которые всегда совѣстливо исполняютъ свою обязанность.

Весна въ Малороссіи начинается почти всегда въ половинѣ марта, и какъ таянье снѣговъ идетъ быстро, то народъ сѣетъ въ полѣ не рѣдко до Благовѣщенія, и оканчиваетъ свои полевыя работы къ ноябрю, во время заморозковъ, когда уже невозможно пахать. Въ деревняхъ прибрежныхъ, гдѣ крестьянинъ преимущественно занимается рыболовствомъ или судоходствомъ, наконецъ въ деревняхъ, въ которыхъ живутъ днѣпровскіе лоцманы, и тамъ земледѣліе играетъ не послѣднюю роль. Плугъ и

волъ—необходимая принадлежность малоруса. Разумѣется можно бы облегчить способы земледѣлія, но попытки ввести усовершенствованія въ хлѣбопашествѣ какъ-то не прививаются даже и въ помѣщичьихъ владѣніяхъ, гдѣ очень рѣдко попадаются легкіе плужки, требующія двухъ паръ воловъ. Исключивъ людей просвѣщенныхъ, которыхъ разумѣется не весьма много, большая часть владѣльцевъ какъ-то боится нововведеній, и если вы насчитаете имъ пять благопріятныхъ примѣровъ, то они торжественно укажутъ вамъ на одинъ или два случая неудавшагося нововведенія. Если такъ разсуждаетъ классъ образованный, то чего же можно требовать отъ простолюдина? Конечно вводить великорусскія сохи, какъ дѣлали иные, было бы крайнею нелѣпостью, потому что почва требуетъ глубокой распашки; но приспособить двухпарные плужки, что и исполняется нѣкоторыми, мнѣ кажется слѣдовало бы всѣмъ благоразумнымъ людямъ. Примѣръ этотъ легко подвинулъ бы земледѣліе и у крестьянъ другихъ вѣдомствъ. Теперь, въ особенности при тѣхъ улучшеніяхъ путей сообщенія, какія имѣются въ виду, хлѣбъ въ Малороссіи не можетъ доходить до баснословно-низкой цѣны (3 и 5 к. сер. за пудъ); слѣдовательно хлѣбопашество должно принимать обширные размѣры и возможныя усовершенствованія касательно сбереженія рабочихъ силъ. Мнѣ кажется, что нигдѣ какъ въ Новороссіи не могли бы примѣниться къ дѣлу жатвенныя машины, потому что край этотъ страшно нуждается въ рабочихъ рукахъ. Съ улучшеніемъ паханья, со введеніемъ машинъ для уборки хлѣба, страна эта могла бы легко придти въ цвѣтущее состояніе. Теперь же огромныя степи лежатъ пустыремъ и травы пропадаютъ за неимѣніемъ рабочихъ рукъ, а между тѣмъ иной годъ скота кормить нечѣмъ, сѣно же доходитъ до необыкновенно высокихъ цѣнъ. У многихъ однако же помѣщиковъ завелись молотильни и вѣяльни, что подаетъ надежду и на другія усовершенствованія.

Засѣявъ свои поля, малорусъ около половины іюня начинаетъ хлопотать объ уборкѣ сѣна, и время это называется у него *косовиця*. Это чуть-ли не самая трудная работа въ быту крестьянина, но она проходитъ у него въ видѣ празднества. Каждый, у кого есть степь (луга), запасается заблаговременно косцами и считаетъ непремѣнною обязанностью содержать ихъ на улучшенной пищѣ. Нѣсколько разъ въ день винная порція, завтракъ,

обѣдъ, полдникъ и ужинъ—необходимыя условія, безъ которыхъ невозможно нанять ни одного работника. И условія эти строго соблюдаются. Въ скоромные дни мясо, а въ постные рыба непремѣнно должны быть употребляемы, по крайней мѣрѣ на обѣдъ и ужинъ, а у иныхъ все это дается на завтракъ и полдникъ. И въ самомъ дѣлѣ, во все время косьбы, улучшенная пища необходима, потому что промахать косою отъ зари до зари, съ весьма краткими отдыхами, необыкновенно утомительно. Для этой работы употребляются люди совершеннолѣтніе, и если о комъ говорятъ: *він косарь* (онъ косецъ), то это уже служитъ доказательствомъ и совершеннолѣтія и физической силы. Не смотря на тяжелый трудъ, косовица самая веселая изъ полевыхъ работъ, потому что для этого обыкновенно собираются гдѣ нибудь въ степи, строятъ *курінь* (шалашъ), хорошо ѣдятъ и, въ краткіе часы отдыха, веселятся. Есть цѣлый отдѣлъ пѣсень подъ названіемъ *косарксихъ*. Атаманъ, который, идя впереди, даетъ направленіе, весьма часто бываетъ и запѣвало. Таборъ устроивается со всѣми удобствами: возлѣ шалаша выкапывается *паланка* —печь для приготовленія пищи, и ставится шестъ (преимущественно вилы) для поданія сигнала косцамъ о времени прихода къ куреню. Всѣ необходимые припасы вывозятся въ степь, при чемъ незабывается ни малѣйшая кухонная принадлежность. Малорусъ—большой гастрономъ, разумѣется по своему, и не всегда довольствуется количествомъ пищи, но вникаетъ и въ самое качество. Кухарка отвѣчаетъ за приготовленіе кушанья и иной разъ подвергается наказанію, по присужденію *громады* (общества). Каждый косецъ снабженъ деревяннымъ конусомъ, въ которомъ хранятся снаряды для остренія косы: точильный камень, вода и *лопатка*, и который прицѣпляется къ поясу. И эта-то лопатка служитъ орудіемъ для наказанія кухарки, дурно исправляющей свою обязанность.

Черезъ нѣсколько дней по начатіи косовицы, таборъ увеличивается прибытіемъ гребцовъ—обыкновенно дѣвушекъ и молоденькихъ парней, которые оживляютъ степь своими безпрерывными пѣснями, а иногда, вечеромъ, и танцами подъ звуки балалайки или свирѣли. Не успѣла кончиться окончательная уборка сѣна, какъ уже начинается *жнива* (жатва), и въ это время остаются въ деревняхъ лишь дряхлые старики, да малыя дѣти; грудныхъ же младенцевъ матери берутъ съ собою и устраиваютъ имъ изъ

сноповъ защиту отъ солнца. Жатва требуетъ необыкновенной поспѣшности и прилежанія, потому что одинъ хлѣбъ быстро слѣдуетъ за другимъ, и иные изъ нихъ, какъ ячмень, если не захватить, дѣлаются неудобными къ жатвѣ. На иныхъ мѣстностяхъ хлѣбъ косятъ, придѣлывая къ косѣ деревянный снарядъ (грабки), при пособіи котораго стебли ложатся ровно и удобно для вязки въ снопы. Достаточные хозяева убираютъ свое поле и приглашаютъ еще стороннихъ жнецовъ, вознаграждая трудъ ихъ, выдачею или третьяго снопа или изъ семи двухъ; послѣднее количество употребительнѣе. Помѣщики тоже снимаютъ хлѣбъ на подобномъ основаніи и рѣдко сгономъ, и то развѣ пшеницу. Самый ловкій и трудолюбивый жнецъ, работая отъ зари до зари, не можетъ сжать болѣе 3 копъ (въ 60 сноповъ каждая). Въ нѣкоторыхъ приднѣпровскихъ уѣздахъ, крестьяне съ недавнихъ поръ начали сѣять маслянистыя растенія, которыя требуются за границу. Послѣ жатвы наступаетъ *возовица*, занимающая иногда много времени, потому что поля въ иныхъ мѣстахъ отстоятъ далеко отъ селеній. Хлѣбъ свозится на *токъ*—мѣсто, гдѣ молотятъ, и рѣдко у какого хозяина имѣется *клуня* (рига). Не въ обычаѣ строить эти зданія, можетъ быть отъ того, что большая часть Малороссіи безлѣсна, и не болѣе пятнадцати лѣтъ, какъ онѣ входятъ въ употребленіе. Вѣроятно, кто нибудь растолковалъ крестьянамъ пользу ригъ, въ особенности возможность молотить въ ненастную погоду.

Въ крестьянскій бытъ можно бы ввести многія полезныя улучшенія, но для этого нужно его знать основательно, а главное, умѣть изъяснить крестьянину выгоду той или другой вещи. У насъ, къ сожалѣнію, все это дѣлается, хотя и съ добросовѣстнымъ желаніемъ пользы, однако очень часто безъ примѣнимости къ дѣлу. Крестьянскій бытъ знакомъ поверхностно не только тѣмъ кто, живя безвыѣздно въ Петербургѣ, пишетъ хозяйственныя книги, но часто и тѣмъ, кто лично управляетъ крестьянами. Каждое нововведеніе у насъ требуетъ осмотрительности и самаго строгаго изученія крестьянскаго быта, тѣмъ болѣе, что Россія, упираясь почти въ полюсъ, протянулась чуть не до тропика. Какихъ не встрѣтишь климатовъ, племенъ, нравовъ и обычаевъ на такомъ громадномъ пространствѣ! Необыкновенной важности была бы заслуга тѣхъ, кто принялъ бы на себя великую обязанность подвинуть земледѣліе у крестьянъ на разныхъ мѣстно-

стяхъ. Всѣ условія для этого имѣются съ избыткомъ въ Новороссіи и Малороссіи, гдѣ при благодарной почвѣ недостаетъ только усовершенствованій. Племя, населяющее эти обширныя пространства, и способно, и трудолюбиво, только идетъ путемъ допотопныхъ преданій и не двигается. Мнѣ кажется, что убѣжденіями и другими благоразумными мѣрами можно бы достигнуть самыхъ благодѣтельныхъ результатовъ и заставить крестьянина полюбить трудъ, не только какъ средство къ существованію и пріобрѣтенію, но и какъ цѣль всякаго разумнаго существа. При любви малоруса къ чистотѣ и порядку въ домашней жизни, легко бы было, мало по малу, ввести въ бытъ его полезныя улучшенія и съ небольшимъ только усиліемъ можно бы достигнуть, въ степныхъ деревняхъ, того благоустройства и тѣхъ удобствъ, какія встрѣчаются въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Поощрительныя мѣры здѣсь были бы, кажется мнѣ, самымъ лучшимъ способомъ. Къ сожалѣнію, разговаривая объ этомъ съ нѣкоторыми помѣщиками и лицами, имѣющими вліяніе на крестьянъ другихъ вѣдомствъ, я встрѣчалъ часто или отрицательные отвѣты, или удивленіе, что подобная мысль можетъ придти въ голову. Если въ моемъ предположеніи встрѣчается мысль, не легко примѣнимая къ дѣлу, по мнѣнію большинства, то въ отрицательныхъ отвѣтахъ скрывается страшная привязанность къ рутинѣ, цѣпляющаяся за корысть, а въ удивленіи чиновниковъ—совершенное незнаніе ни быта, ни характера племени, надъ которымъ они поставлены. «Для чего мужику садикъ у хаты или нѣкоторыя удобства въ жизни, къ которымъ онъ не привыкъ?» вопросъ весьма естественный въ устахъ помѣщика, который зачастую и самъ почти не имѣетъ сада. Но это нисколько не мѣшаетъ тому же самому помѣщику, при проѣздѣ чрезъ какую нибудь колонію, восхищаться чистотою и порядкомъ деревни, отдыхать во время зноя въ тѣни деревьевъ; жаль только, что ему вѣроятно не приходится подумать: «да это же въ пятнадцати верстахъ отъ моего имѣнія!» Я не утопистъ и не фразеръ, но глубоко знаю природу племени, о которомъ говорю, и какъ было бы мнѣ отрадно встрѣтить въ комъ нибудь сочувствіе, а если проживу еще лѣтъ двадцать—найдти гдѣ нибудь на степной мѣстности малорусскую деревню, усаженную тѣнистыми садами, и въ ней народъ, занимающійся улучшеннымъ хозяйствомъ! Впрочемъ два мощныхъ двигателя—пароходы и паровозы, о которыхъ

теперь исключительно толкуетъ Россія, можетъ быть, предупредятъ мою мысль и преобразуютъ эти голыя деревни, торчащія на степяхъ новороссійскихъ и на иныхъ мѣстностяхъ Полтавской и Харьковской губерній. Прежде всего не мѣшало бы ввести грамотность между крестьянами, которая по мнѣнію многихъ вредна для нихъ, а въ сущности приноситъ несомнѣнную пользу, облагораживая нѣкоторымъ образомъ понятія простолюдина, и развивая человѣка хоть въ томъ отношеніи, что онъ не дѣлается жертвою перваго заѣзжаго торгаша въ деревнѣ, или перваго мѣщанина въ городѣ. Говорить противъ грамотности крестьянина можетъ лишь эгоистъ, боящійся за прочность своего вліянія, но и этотъ ошибается. Темный крестьянинъ вѣритъ всякой нелѣпой мысли, проповѣдуемой какимъ нибудь пройдохой, между тѣмъ какъ грамотный потребуетъ фактовъ и вразумитъ десятокъ неграмотныхъ. Въ вѣдѣніи государственныхъ имуществъ заведены школы; у помѣщиковъ—эти заведенія приходятся одно на пятьдесятъ селеній, приблизительно. Наконецъ грамотность необходима и въ религіозномъ отношеніи, потому что неграмотный ограничивается иногда чтеніемъ «Отче нашъ», выученнаго отъ отца и матери, и только что лепечетъ языкомъ эту молитву, не имѣя возможности вникнуть въ ея содержаніе. Разумѣется, грамотный крестьянинъ преимущественно читаетъ духовныя книги, а человѣкъ, проводящій свободное время за Евангеліемъ или за Житіемъ Святыхъ, не можетъ быть хуже того, который весь свой досугъ проводитъ въ кабакѣ. Конечно рѣдкій и изъ грамотныхъ откажется отъ чарки; но онъ любитъ подъ часъ почитать коечто своимъ знакомымъ, а это уже ведетъ нѣкоторымъ образомъ къ улучшенію. Если же онъ получаетъ вкусъ къ водкѣ, то не потому собственно, что онъ грамотный, а вслѣдствіе обычая, существующаго въ простомъ народѣ. Многіе помѣщики говорятъ, что грамотный крестьянинъ скорѣе дѣлается мошенникомъ; но мнѣ кажется, что такое прекрасное понятіе очень похоже на то, вслѣдствіе котораго въ прошломъ вѣкѣ дворянскихъ дѣвицъ не учили письму, для того, чтобы они не заводили переписки съ молодыми людьми.

Такъ или не такъ, а бытъ малорусскаго крестьянина много представляетъ утѣшительныхъ фактовъ касательно нравственности простолюдина и можетъ послужить достаточнымъ основаніемъ для всѣхъ будущихъ перемѣнъ и нововведеній.

Я остановился на молотьбѣ хлѣба. Малорусъ употребляетъ для этого обычное орудіе—*ціпъ*, приготовляемый имъ самимъ. Утрамбовавъ и укатавъ свой *токъ*, малорусъ *насаживаетъ*, т. е. складываетъ рядомъ снопы, и приступаетъ къ работѣ, которая продолжается всю осень, а иногда и всю зиму, смотря по количеству хлѣба. Богатый хозяинъ нанимаетъ работниковъ или выдѣляетъ извѣстное количество зерна, служащаго вознагражденіемъ за трудъ. Для помоловъ, собственно у крестьянъ, существуетъ два рода мельницъ: *вітрякъ* (вѣтр. мельница) и *водяний млинъ* (вод. мельница), но это принадлежность только достаточнаго хозяина. Хлѣбъ сѣется разнаго рода: рожь, озимая и яровая, пшеница, ячмень, овесъ, просо, гречиха, горохъ, бобы, мѣстами чечевица. Изъ масляннстыхъ растеній; ленъ, конопля, сурѣпица, рыжикъ,—но первыя два растенія употребляются кромѣ того для пряжи. Независимо отъ этого засѣваютъ *баштаны* (бакши), на которыхъ произрастаютъ: арбузы, дыни, огурцы, тыквы, *пшінка* (кукуруза), картофель, подсолнечники. При этомъ разнообразіи хлѣба и овощей, некогда лѣниться крестьянину, хотя 99 изъ 100 и будутъ проповѣдывать, что малорусъ лѣнтяй, что онъ лежитъ только на печкѣ и не думаетъ о будущемъ. Не спорю, можетъ быть и есть деревни, гдѣ малорусъ радъ полежать на печкѣ и не думая о будущемъ, но тутъ уже причиною—не безрасудная лѣнь, а кажется кое-что другое, о чемъ конечно говорить не всегда кстати, но что безъ сомнѣнія извѣстно многимъ, кто тщательнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, соблюдаетъ разсчетъ рабочихъ часовъ въ своей экономіи. Впрочемъ объ этомъ предметѣ я уже говорилъ въ предъидушей статьѣ, и чтобы не возвращаться къ нему болѣе, скажу, что малорусскій крестьянинъ не перестаетъ трудиться всю свою жизнь, исключая тѣхъ пьяницъ и лѣнтяевъ, которые попадаются въ каждомъ племени.

Малорусъ очень набоженъ, чему конечно можетъ служить доказательствомъ вся исторія козачьихъ войнъ, имѣвшихъ цѣлію защищать православіе. Духовенство малорусское, изстари бывшее образованнымъ, не допустило слѣпому фанатизму обуять народомъ, который, вѣруя въ своихъ пастырей, и послушный ихъ наставленіямъ, не оказалъ никакого сопротивленія новымъ переводамъ священнаго писанія, и не пустилъ ни малѣйшаго отпрыска раскола. Забожиться изъ корысти или напрасно малорусъ

считаетъ грѣхомъ; посты соблюдаетъ строго, а воровство и до сихъ еще поръ считается однимъ изъ омерзительныхъ пороковъ.

Не смотря однако же на свою набожность, малорусское племя сохранило нѣкоторые языческіе обряды, мимо преслѣдованія духовенства, хлопочущаго еще съ самыхъ первыхъ временъ христіанства. Обряды колядованія и празднованія Купала болѣе или менѣе сохранились на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Колядки, вѣроятно, были до такой степени необходимы для народа, что духовенство, потерявъ надежду искоренить этотъ обычай, сочинило многія колядныя пѣсни въ духѣ христіанства, и такихъ болѣе дошло до нашего времени. Колядуютъ обыкновенно на первый день Рождества и подъ новый годъ, только послѣднія пѣсни называются *щедрівками*. Прежде однакоже опишу кутью, какъ обычай, существующій повсемѣстно. Оканчивая Филипповъ постъ, наканунѣ Рождества, 24 декабря, малороссіянка, даже самая убогая, хлопочетъ о приготовленіи ужина, роскошнаго по своимъ средствамъ. Канунъ Рождества называется *святъ-вечіръ*. Кромѣ обычныхъ кушаньевъ варитъ она ячменную или пшеничную *кутью*, т. е. кашу изъ крупъ, приготовленныхъ особеннымъ образомъ (*) и *узваръ* изъ сушеныхъ плодовъ: вишень, сливъ, грушъ, яблокъ. Съ первой звѣздой семейство собирается въ хатѣ, мѣняетъ бѣлье, одѣвается по праздничному, приглашаетъ кого изъ родныхъ или убогихъ, и начинается торжественное накрытіе стола. Затепливъ восковую свѣчу, въ передній уголъ на лавкѣ подъ образами настилаютъ сѣна, стараясь, чтобы въ немъ было какъ можно болѣе желтыхъ цвѣтковъ безсмертника. При выниманіи изъ печи *узвара*, кто нибудь изъ старшихъ членовъ семейства беретъ небольшихъ *хлопцовъ* (мальчиковъ) за *чуприны*, чтобы куры были хохлатыя. Перенося изъ печки два обрядныя блюда, обыкновенно приговариваютъ: «Собѣ кутя на пакуть, а узваръ на базаръ» и ставятъ горшки въ передній уголъ. Затѣмъ хозяинъ, выйдя на порогъ сѣней или отворивъ окно, приглашаетъ морозъ на ужинъ: «Морозе, морозе, иди до насъ куті істи, та не поморозь нашои гречки.»

Послѣ чего всѣ садятся за столъ и ужинаютъ. Вмѣсто десерта подается сперва узваръ, а потомъ кутья, которую ѣдятъ съ медовою сытою.

(*) Крупа для кутьи приготовляется въ ступѣ, такъ чтобы не раздроблять зерна, а только снять съ него шелуху.

Въ первый день Рождества, передъ вечеромъ, дѣти собираются толпами и колядуютъ передъ окнами, т. е. поютъ обрядныя пѣсни. Каждый хозяинъ даетъ имъ за это: кусокъ сала, колбасу, паляницу или что нибудь съѣстное. Потомъ слѣдуютъ уже взрослые, собираясь артелями. Въ моемъ малорусскомъ словарѣ, при словѣ *колядка* я помѣстилъ нѣсколько изъ этихъ обрядныхъ пѣсень, которыя вообще, надо сказать правду, мало по малу исчезаютъ. Голоса у нихъ хотя и оригинальны, однако довольно однообразны, и я полагаю, очень древни, потому что какимъ бы перемѣнамъ ни подвергался текстъ, напѣвъ болѣе или менѣе остается неизмѣннымъ. Раздѣляются онѣ на мужскія, женскія и дѣтскія. Послѣднія не рѣдко бываютъ шуточныя, хотя и на пѣсни взрослыхъ существуютъ пародіи. Пѣсни эти отличаются еще тѣмъ, что за каждымъ куплетомъ (исключая дѣтскихъ колядокъ) слѣдуетъ припѣвъ: «*Святій вечиръ*». Не случалось мнѣ слышать упоминанія о языческомъ божествѣ, но если въ нихъ говорится объ оружіи, то воспѣваются лукъ и стрѣлы, а если о монетахъ,—то *шелягъ*.

Наканунѣ новаго года на *меланки* приготовляется точно такой же ужинъ, какъ и наканунѣ Рождества, т. е. съ узваромъ, съ тою только разницею, что прочія кушанья варятся скоромныя, а въ особенности *вареники*. Ужинъ этотъ называется *багатий вечіръ*. Дѣти, молодежь и даже семейные люди передъ вечеромъ ходятъ *щедровать*, и пѣсни, распѣваемыя въ это время, называются *щедрівки*, подраздѣляемыя на мужскія, женскія и дѣтскія. За каждымъ куплетомъ—припѣвъ: «щедрий вечіръ, добрій вечіръ, добрімъ людямъ на здоровье.» Здѣсь также составляются артели и избирается *міхоноша*, которому ввѣряютъ всѣ подарки, состоящіе изъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ. Отъ продажи всѣхъ этихъ подарковъ выручается иногда небольшая сумма, на которую молодежь устроиваетъ себѣ пиръ. Въ собраніи малорусскихъ пѣсень, которое надѣюсь издать по пріѣздѣ въ Петербургъ, я помѣщу возможныя колядки и щедривки, какія только удалось мнѣ записать въ разное время. Въ особенности теперь, благодаря Морское Министерство, доставившее мнѣ средство жить въ приднѣпровскихъ селахъ, я значительно пополнилъ свои этнографическіе сборники, объемъ которыхъ увеличится еще болѣе, когда я проѣду и проживу по берегамъ Днѣстра, начиная съ Каменецъ-Подольской губерніи.

На самый новый годъ мальчишки ходятъ по домамъ и, набравъ въ рукавицу разныхъ хлѣбныхъ зеренъ, приговариваютъ: «На счастя, на здоровья, роди Боже жито, пшеныцю и усяку пашницю! будьте здорови зъ Новимъ годомъ и зъ Василямъ.»

5-го января, наканунѣ Крещенія, бываетъ послѣдняя *Кутя*, подъ названіемъ *голодная*; названіе это вѣроятно происходитъ оттого, что народъ не принимаетъ пищи до освященія воды, послѣ чего подается обѣдъ, служащій вмѣстѣ и ужиномъ. По окончаніи трапезы хозяинъ выходитъ на дворъ *прогонять кутю*. Въ прежнее время, это дѣлалось выстрѣлами изъ ружей, что еще я помню, а теперь ударомъ макогона или просто полѣна объ уголъ дома.

Немного данныхъ представляетъ и празднованіе Купала, бывающее 23 іюня. Лѣтъ двадцать назадъ, въ иныхъ мѣстахъ Малороссіи, еще я очень хорошо помню пылающіе костры въ этотъ вечеръ, и молодежь въ вѣнкахъ, прыгающую чрезъ эти костры, со множествомъ обрядныхъ пѣсень. Теперь это выводится. Въ настоящемъ году мнѣ удалось видѣть это празднество, въ которомъ участвовали дѣти и взрослые, хотя и въ вѣнкахъ, однако безъ пѣнія. Впрочемъ я дѣятельно занимался этимъ предметомъ, разузнавалъ въ деревняхъ, удаленныхъ отъ большихъ дорогъ, гдѣ Купало еще празднуется и существуютъ пѣсни, и спѣшилъ ихъ записывать. При этомъ обрядѣ молодежь загадываетъ. Парень съ своей подругой берутся за руки и, разбѣжавшись, прыгаютъ черезъ костеръ; если руки ихъ не разрознятся—значитъ свадьба ихъ не подлежитъ сомнѣнію; если же руки разойдутся—ихъ ожидаютъ препятствія. Народъ полагаетъ, что золу съ купальнаго костра берутъ *вѣдьмы*, отправляющіяся въ этотъ вечеръ на *Лысую гору* (*) на шабашъ. Въ эту ночь народъ ставитъ на окнахъ *жалкую* крапиву, въ предостереженіе отъ *вѣдьмъ*, которыя тогда злѣе обыкновеннаго. Благодаря нелюбознательности предшествовавшихъ поколѣній, мы не знаемъ ни начала, ни значенія этихъ обычаевъ; и довольствуемся надеждою, что при тщательномъ изученіи народнаго быта въ дальнихъ захолустьяхъ, можетъ быть, удастся

(*) Объ этой Лысой горѣ я постараюсь представить подробное описаніе, и сообщу о ней все, что можно только собрать на мѣстѣ. Она находится въ бору вблизи Кіева.

напасть на слѣды, могущіе изъяснить кое-что изъ обрядовъ древности.

Въ словарѣ моемъ, первый выпускъ котораго уже напечатанъ, я сказалъ вкратцѣ о *вѣдьмахъ*, что можно было сказать въ изданіи подобнаго рода. Надо прибавить, что повѣрья эти повсемѣстны не только между грамотными и неграмотными простолюдинами, но и между мелкимъ дворянствомъ, получившимъ плохое образованіе. Вѣдьмы раздѣляются на двѣ категоріи: природныхъ и ученыхъ. Природная получаетъ знаніе по наслѣдству и родится, какъ говоритъ повѣрье, съ хвостомъ. Она отправляетъ ремесло свое, т. е. доитъ чужихъ коровъ, безъ особаго вреда ближнему, развѣ уже вынуждена напасть на кого нибудь. Ученая вѣдьма, т. е. женщина, изучившая по какому нибудь случаю это ремесло, злѣе природной и старается вредить каждому. Кромѣ того, что она доитъ чужихъ коровъ, но и портитъ ихъ по злобѣ на хозяина или хозяйку. И та, и другая умѣетъ принимать на себя образъ животнаго: кошки, собаки, свиньи, или неодушевленнаго предмета: клубка, колоды. Во время ночныхъ своихъ похожденій ходятъ онѣ въ однѣхъ рубахахъ съ распущенными волосами. Я встрѣчалъ многихъ серьезныхъ отцевъ семейства, которые разсказывали мнѣ, что въ молодости не разъ приходилось имъ носить вѣдьмъ на плечахъ. Конечно это дѣйствіе воображенія, воспламененнаго лишнею чаркою водки. Подгулявшій *парубокъ* возвращается ночью въ томъ состояніи, когда глаза принимаютъ одинъ предметъ за другой; воображеніе, настроенное суевѣрными разсказами, работаетъ.... Парню чудится, что клубокъ катается подъ его ногами; онъ приходитъ въ испугъ; какая нибудь невинная свинья попадается на дорогѣ, онъ бѣжитъ, и ему уже чудится, что у него на спинѣ вѣдьма. Существованіе же доительницъ чужихъ коровъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Это женщины убогія, неимѣющія коровъ, а любящія полакомиться на чужой счетъ, которыя, распустивъ волосы, въ одной рубашкѣ, отправляются подоить чужую корову, что весьма легко исполнить при деревенскомъ образѣ жизни, гдѣ все на распашку. Нѣтъ сомнѣнія, что подобные случаи довольно рѣдки, однако же попадаются по временамъ. Вѣдьму народъ называетъ *зла личина*. Разсказы о вѣдьмахъ встрѣчаются въ каждой деревнѣ, независимо оттого, что онѣ играютъ роль во многихъ сказкахъ. Вѣдьма вылетаетъ

въ трубу, помазавъ подъ мышками какою-то жидкостью, и ѣдетъ на помелѣ, на ступѣ, на лопатѣ. Она похищаетъ мѣсяцъ, звѣзды, росу. Отъ послѣдняго обстоятельства бываетъ бездождіе, за что въ прошломъ еще столѣтіи топили вѣдьмъ въ рѣкахъ и прудахъ. *Старшая* ихъ живетъ на Лысой горѣ, гдѣ всѣ онѣ видятся разъ въ годъ во время шабаша. Существовало повѣрье, что вѣдьма кончается очень долго, и что не можетъ умереть до тѣхъ поръ, пока не прорубятъ потолка у нея надъ головою. Говорятъ, что вѣдьма имѣетъ обычай выходить ежедневно изъ гроба и посѣщаетъ домъ свой. Для прекращенія этихъ путешествій, въ прежнія времена откапывали гробъ и пробивали вѣдьму осиновымъ коломъ, послѣ чего она уже не выходила изъ гроба. Не менѣе важную роль въ народныхъ повѣрьяхъ играютъ *вовкулаки*, мужчины, обладающіе способностью обращаться въ волковъ и душить овецъ. Вовкулака по злобѣ можетъ оборотить въ волка и другаго человѣка. Есть преданіе, и оно повторяется на разныхъ мѣстностяхъ, что свадебные поѣзды были обращаемы въ стадо волковъ и такъ погибали. Однажды охотники будто бы убили нѣсколько такихъ волковъ, и когда начали снимать съ нихъ шкуры, то подъ шкурами нашли *рушники* (полотенца), необходимую принадлежность нѣкоторыхъ чиновъ свадебной процессіи. Въ отношеніи похоронъ и съ вовкулаками поступали также, какъ съ вѣдьмами. *Упиръ* тоже, что и вовкулака.

Русалки или *мавки* еще не исчезли изъ народнаго повѣрья. Это, по мнѣнію малоруса, дѣти, умершія некрещенными. Русалки женскаго рода живутъ въ водѣ, имѣютъ длинные зеленые волосы и выходятъ ночью на берегъ грѣться на мѣсяцѣ. Зеленая недѣля, кромѣ двухъ названій *Святой* и *Клечаной*, называется еще и *Русальною*, потому что въ это время, по мнѣнію простонародія, русалки преимущественно завлекаютъ людей, чтобы защекотать ихъ на смерть. Въ сказкахъ онѣ очеркнуты очень подробно и живутъ въ пышныхъ чертогахъ подъ водою.

Дідько (домовой) не имѣетъ опредѣленнаго образа и смѣшивается съ сатаною, который принимаетъ на себя разные виды, но чаще всего представляется или чернымъ котомъ съ огненными глазами, или чернымъ пѣтухомъ. *Дідько*, чортъ, *дяволъ*, *болотяний*, *преcподенний*—вотъ названія чорта.

Злидні, маленькія существа неопредѣленной формы; но если

у кого заведутся—будь у самаго богатаго человѣка,—то убожество водворяется въ томъ домѣ.

Кромѣ этого, множество еще повѣрій о кладахъ, зарытыхъ въ землю, и повѣрья эти въ разныхъ мѣстахъ разсказываются по своему. Общій ихъ характеръ тотъ, что гдѣ нибудь на могилѣ (курганѣ), по ночамъ горитъ свѣча. Иногда впрочемъ на курганѣ сидитъ сопливый старикъ. Стоитъ подойдти къ этому старику и изъ состраданія утереть ему носъ, какъ дѣдъ мгновенно разсыпается талерами и червонцами. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Малороссіи и въ мѣстахъ Новороссіи, гдѣ жили запорожцы, есть клады, зарытые въ землю во время безпрерывныхъ смутъ и набѣговъ, чему служитъ доказательствомъ то, что иногда случайно вырываютъ сосуды съ деньгами. Народъ увѣренъ однако же, что не каждый кладъ дается, потому что зарывшій его—проклялъ, и будто бы, докопавшись до сундука или котла, искатель видитъ, какъ драгоцѣнный кладъ постепенно опускается ниже. Надо, утверждаетъ народъ, умѣть разрѣшить заклтяіе. При археологическихъ занятіяхъ я выслушивалъ множество легендъ о кладахъ, и случалось, что разрывалъ тѣ самые курганы, о которыхъ носилась молва, какъ о мѣстахъ, гдѣ зарыты клады,—однако никогда не находилъ ничего подобнаго.

На иныхъ мѣстностяхъ многочисленны разсказы о разбойникахъ, которыхъ въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія было множество. Кромѣ того, что полиція тогда была весьма слабо устроена, Новороссія весьма малона селена, но существованію разбойниковъ была еще одна историческая причина. По разореніи Сѣчи и уничтоженіи войска Запорожскаго, та часть козаковъ, которая осталась въ краю, заключала въ себѣ множество удальцевъ, не имѣвшихъ ни кола ни двора. Сдѣлаться простымъ поселяниномъ или регулярнымъ солдатомъ запорожцу не хотѣлось, и они составили шайки, жившія по лугамъ днѣпровскимъ, отчего и произошло названіе *лугарей*. Лугъ по-малорусски значитъ не степь, но прибережье рѣки, поросшее лѣсомъ. Я это объяснилъ въ своемъ словарѣ. Лучшимъ доказательствомъ служатъ пѣсни: «То не *вербы луговіі* зашуміли»; «Ой у *темнімъ лузі* не сизая зозуля кувала»; «Ой не *шуми луже*»! Не находя большой поживы въ своемъ малонаселенномъ краю, лугари устремлялись въ сосѣднія губерніи, и какъ это были разбойники, сохранившіе еще воинскій порядокъ и дисциплину, то съ ловкимъ

атаманомъ или *ватажкомъ*—не боялись даже преслѣдованія военныхъ командъ и обманывали бдительность стражи. Имена такихъ *ватажковъ*, какъ: Мамай, Гаркуша, Копитько, Рябчикъ и по нынѣ еще живутъ въ народной памяти. Замѣчательно то, что эти разбойники никогда не обижали бѣдныхъ (ляхи и жиды не входили въ расчетъ), но брали дань съ богатыхъ, и дѣйствовали въ духѣ исправительной полиціи. Разумѣется, они совершали иногда ужасныя злодѣйства и изобрѣтали муки и пытки, приводящія въ содроганіе. Въ эти шайки поступало жалкое отребье рода человѣческаго. Но все это прекратилось частью отъ населенія края, частью отъ благоустройства, а частью само по себѣ, вслѣдствіе условій, съ теченіемъ времени возникающихъ на данной мѣстности. Странное однако же обстоятельство, что о нихъ не сохранилось пѣсень, которыя и были, безъ сомнѣнія, но не удержались въ народѣ.

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ сословіи, существующемъ въ Малороссіи, и котораго лучшія селенія расположены по берегу Днѣпра—именно о *чумакахъ*. *Чумакъ* собственно извощикъ, но съ тою только разницею, что перевозитъ чужіе товары лишь при случаѣ, а главная цѣль его—ходить въ Крымъ за солью, а на Донъ за рыбою. Истый чумакъ, какихъ немного, почти не занимается земледѣліемъ, но каждый изъ нихъ считаетъ хлѣбопашество дѣломъ второстепеннымъ, потому что его ремесло гораздо прибыльнѣе и даетъ ему возможность жить не только безбѣдно, но даже съ нѣкоторою роскошью. Сословіе это возникло, можетъ быть, вѣка два съ половиною, когда уже запорожье правильно организовано и зимовники послѣдняго были прибѣжищемъ для чумаковъ въ этихъ безводныхъ степяхъ. Обозы изъ гетманщины тянулись по землямъ войска запорожскаго и переправлялись черезъ Днѣпръ: слѣдовавшіе на Донъ—въ Кодакѣ у перваго днѣпровскаго порога; а въ Крымъ,—въ Никитиномъ перевозѣ (нынѣшнемъ Никополѣ). Первые чрезъ земли Самарской паланки приходили на Донъ, а послѣдніе—шли на Перекопъ. Разумѣется тогдашніе чумаки были вооружены и отправлялись въ степь большими партіями. Теперь эти поѣздки не представляютъ никакой опасности. Купивъ пары двѣ добрыхъ воловъ, снарядивъ два хорошихъ воза, пріобрѣтя отличную упряжь, и запасшись нѣсколькими десятками рублей, крестьянинъ отправляется чумаковать въ сотовариществѣ людей

бывалыхъ и опытныхъ. Путешествія эти начинаются съ весною, когда уже появляется въ степи подножный кормъ. Каждая *валка* чумаковъ (нѣсколько телѣгъ вмѣстѣ) избираетъ себѣ атамана, который идетъ впереди, опредѣляетъ мѣсто попасовъ, ночлеговъ—однимъ словомъ распоряжается всѣмъ, что относится къ путешествію. Въ прежнія времена, и не такъ еще давно, на возу атамана сидѣлъ всегда пѣтухъ, котораго чумаки брали съ собою для указанія времени. У чумаковъ все съ собою: не говоря уже о запасной оси, о топорѣ, о дровахъ,—по возможности берутся даже нѣкоторыя хозяйственныя мелочи. Выходя съ пустыми возами, чумаки направляются въ какой нибудь торговый городъ, если можно портовый, а преимущественно въ Кременчугъ, гдѣ они надѣются взять какую нибудь кладь: въ Крымъ, Херсонь, Одессу, Бессарабію,—однимъ словомъ, куда угодно, только на югъ, хотя бы и за 500 верстъ отъ прямой своей дороги. Наваливъ телѣги, валка отправляется своимъ медленнымъ шагомъ, имѣя въ виду несомнѣнную прибыль. Волъ не требуетъ ни сѣна, ни овса, а довольствуется подножнымъ кормомъ. И теперь, когда уже съ чумака берутъ за попасъ воловъ, за водопой,—дорога ему обходится очень дешево. За право пасти воловъ въ степи взимается по 3 к. сер. съ пары. Доставивъ товаръ на мѣсто, чумакъ получаетъ чистыя деньги и ищетъ снова возможности не идти порожнемъ по своему направленію. Удается ли ему или нѣтъ эта попытка, но все уже онъ заработалъ столько, что если приложитъ немного своихъ денегъ, то можетъ накупить соли въ Крыму,—и отправляется обратно. Какая бы цѣна ни была въ Перекопѣ, чумакъ продаетъ соль дома на ярмаркахъ почти вдвое, а если пуститъ ее въ раздробъ въ деревнѣ—непремѣнно получитъ большую выгоду. За весну, лѣто и осень порядочный чумакъ совершаетъ нѣсколько поѣздокъ, которыя съ избыткомъ вознаграждаютъ его, и даютъ ему чистыя деньги. Если чумакъ и не найдетъ себѣ клади по дорогѣ, и поѣдетъ прямо за солью или рыбой, покупая эти товары на собственныя деньги, то и въ такомъ случаѣ остается въ большихъ барышахъ, потому что и соль, и рыба необходимы въ быту крестьянина. Рыба, привозимая чумаками, состоитъ преимущественно изъ тарани, чебака, чехони, и семги; иногда привозятся и сельди. Почти въ каждомъ малорусскомъ селеніи попадаются чумаки, но есть деревни, въ которыхъ жи-

тели преимущественно *чумакують*. Все это народъ видный, въ особенности приднѣпровцы. Въ своихъ вышитыхъ на груди рубашкахъ, неизмѣримыхъ шараварахъ, которыя всѣ въ смолѣ, и съ длинными *чупринами*, они чрезвычайно ориганальны. Бѣлье, вымазанное дегтемъ, не должно относить къ неряшеству;—это дѣлается нарочно, во-первыхъ потому, что чумаки идутъ въ край, въ которомъ въ прежнее время существовала чума, въ вторыхъ для того, чтобы въ дорогѣ не завелась *нужа* (извѣстныя насѣкомыя). Это особый типъ. Чумакъ по ремеслу, отъ дѣда и отца, мальчикомъ еще ходившій въ дорогу,—во всемъ, даже въ самой наружности, принимаетъ особый характеръ. Степная жизнь въ пустыняхъ, постоянное кочевье, ночлеги подъ открытымъ небомъ, бесѣды у огонька, одинокое ночное хожденіе на сторожѣ при волахъ, и пѣсни, зачастую импровизируемыя тутъ же въ въ степи кѣмъ нибудь изъ товарищей,—все это кладетъ на чумака особый отпечатокъ. Пѣсни этого сословія, полныя своей степной поэзіи, ближе всего подходятъ къ козачьимъ пѣснямъ, съ тѣмъ только исключеніемъ, что въ иной упоминается о карихъ очахъ любимой дѣвушки. Преимущественно же воспѣваются степь, волы, кочевая жизнь, гулянка, грустное какое нибудь событіе. Тутъ и въ дѣйствительности совершается иногда глубокая драма. Проѣзжая по степнымъ пространствамъ Новороссіи, вы иногда видите надъ трактовой дорогой гдѣ нибудь на курганѣ, небольшой крестъ: это лежитъ чумакъ, умершій въ пути и похороненный своими товарищами. Случается, что парень-сирота, работникъ богатаго хозяина, идетъ въ дорогу «чужі воли поганяе, думае-гадае», а у него въ деревнѣ осталась дѣвушка, такая же бѣдная, которая тоже груститъ въ разлукѣ. Они любять другъ друга. Черноокая на заработанныя деньги покупаетъ шелкъ или цвѣтную бумагу и вышиваетъ *хустку* (платокъ) милому, а онъ странствуетъ по степямъ и мечтаетъ о томъ, какъ бы скорѣе сдѣлаться самому хозяиномъ и соединиться съ избранной сердцемъ. Но его настигаетъ болѣзнь.... средствъ никакихъ нѣтъ, и бѣднякъ погибаетъ въ степи, оплаканный товарищами, которые, закутавъ его въ рогожу, хоронятъ гдѣ нибудь на курганѣ.

Ревнули воли въ новому ярмі,
Поховали чумаченька въ чужій стороні.

Осиротѣла черноокая. Чрезъ нѣсколько времени выходитъ она за другаго; но случается, что чумаки, снова отправляясь въ Крымъ, прибиваютъ къ убогому кресту погибшаго новую *хустку*, которую щадитъ даже рука, неуважающая чужой собственности. Въ чумацкихъ пѣсняхъ передается много происшествій изъ этой степной, исполненной поэзіи, жизни. Голоса этихъ пѣсень грустны, но мелодичны, и нерѣдко въ степи раздается такой теноръ, который былъ бы замѣтенъ и на столичной сценѣ. Чумаки Курской и Воронежской губерній отправляются и на сѣверъ; но это уже чумаки, лишенные колорита, замѣчаемаго на приднѣпровскихъ: нѣтъ ни той щеголеватости въ костюмѣ, ни той роскоши въ волахъ, возахъ и упряжи,—наконецъ совершенно другая наружность.

Образъ жизни малоруса самый простой, однако не лишенный иныхъ удобствъ, которыхъ не встрѣчается у великоруса. Чистота и опрятность жилища—первое условіе, пріятно поражающее путника, а второе—разнообразіе пищи, которую самая убогая хозяйка приготовляетъ два раза въ день. Даже въ дорогѣ малорусъ не можетъ обойтись безъ горячей пищи, что замѣтилъ каждый, кто проѣзжалъ по степямъ, на которыхъ останавливаются обозы и приготовляютъ себѣ обѣдъ или ужинъ. Изобиліе птицы, рыбы и овощей даетъ возможность малороссіянкѣ разнообразить свои блюда. Въ скоромные дни она готовитъ: борщъ, *юшку* (уху), *локшину* (лапшу), кашу молочную и простую, *кулішъ* (кашицу), *галушки*, *вареники*, жаритъ жаркое, печетъ хлѣбъ, *паляниці*, *буханці*, *книші*, *коржі*. Въ постные дни тѣ же кушанья, замѣняя мясо рыбою, а творогъ, масло и молоко,—макомъ, *урдою*, постнымъ масломъ. Морковь, картофель, петрушка, лукъ, чеснокъ, укропъ, кукуруза, тыква, свекла, капуста огурцы помогаютъ ей приправлять свои кушанья. Въ лѣтнее время сады и бакши даютъ возможность лакомиться. Плоды до того бываютъ дешевы, что и бѣдняку, неимѣющему бакши, легко можно пріобрѣсть пару дынь и арбузовъ, потому что и то и другое можно купить по грошу.

Съ восьми лѣтъ крестьянскій мальчикъ поступаетъ уже на работу: пасетъ скотъ или погоняетъ воловъ при паханьи, и, переходя постепенно къ болѣе тяжелымъ работамъ, достигаетъ совершеннолѣтія, женится и дѣлается хозяиномъ. Дѣвочка тоже около 7 или 8 лѣтъ учится прясть, гоняетъ скотъ въ поле,

няньчитъ меньшихъ дѣтей, полетъ огородъ, и такимъ образомъ перестаетъ быть въ тягость родителямъ.

Между молодежью сердечная склонность обнаруживается съ ранняго возраста, и любящіеся—болѣе или менѣе достигаютъ желанной цѣли. Конечно и у простолюдиновъ не безъ разсчета, однако чаще парень и дѣвушка вступаютъ въ бракъ по обоюдному согласію. Въ молодости у малоруса любовь играетъ не послѣднюю роль въ жизни. Все свободное время, особенно вечера—молодежь вмѣстѣ. Лѣтомъ гульбище называется *улица*, на которую выходятъ *парубки* и *дівчата*, и поютъ иногда далеко за полночь. Всѣ эти сходки я описалъ въ моемъ словарѣ (см. сл.: *Вечерниці*, *Досвітки*, *Грище*). Упомянулъ я также слегка и о томъ, что многія власти строго преслѣдуютъ эти сходки молодежи, видя въ этомъ что-то дурное, по своей странной близорукости. Не понимая народныхъ обычаевъ, не вникая въ бытъ народный, иному господину конечно можетъ казаться неприличнымъ ночное гулянье молодежи, тѣмъ болѣе, если этотъ господинъ примѣняетъ здѣсь свои собственныя понятія; но развѣ простолюдинъ не долженъ уже пользоваться никакими развлеченіями, сообразными съ его возрастомъ, средствами и образомъ жизни? Весною цвѣтетъ и апельсинъ, и дикая лѣсная яблонь; неужели же у послѣдней слѣдуетъ обрывать цвѣтъ, собственно потому, что утонченному вкусу не нравятся лѣсныя яблоки? Подобныя мѣры скорѣе повлекутъ за собою деморализацію, тѣмъ болѣе, что народныя гульбища происходятъ открыто, а если запрещать ихъ, то молодежь будетъ находить средства видѣться тайкомъ, что безъ сомнѣнія вреднѣе подѣйствуетъ на общественные нравы. Касательно же нравственности малорусскихъ дѣвушекъ, можно пожелать, чтобы у прочихъ племенъ она была также безукоризненна. Впрочемъ объ этомъ обстоятельствѣ я уже высказалъ въ предъидущей статьѣ плоды моихъ наблюденій.

Обычай куренія табаку, перешедшій въ Малороссію вскорѣ по привозѣ этого растенія изъ Америки, распространенъ повсемѣстно, и потому воздѣлыванье низкихъ сортовъ табаку входитъ въ кругъ дѣйствія почти каждой хозяйки. На рѣдкихъ мѣстностяхъ простолюдины воздѣлываютъ его для продажи, а преимущественно для собственнаго употребленія. *Люлька* (трубка)—почти необходимая принадлежность малоруса, а въ прежне время у козака она замѣняла всѣ наслажденія. Въ одной пѣснѣ пре-

красно выражена любовь къ трубкѣ. Стройно, подъ горою идутъ козаки. Впереди Дорошенко, за нимъ хорунжій, а позади сагайдачный,

Що промінявъ жінку
За тютюнъ, за люльку
Необашний!

«Ой вернися, Сагайдашний,
Возьми свою жінку,
Оддай мою люльку,
Необашний!

«—Мині жінка не годитьця,
А тютюнъ да люлька
Козаку въ дорозі
Знадобитьця!»

«Ой хто въ лісі озовися,
Да выкрешемъ огню,
Да запалимъ люльку—
Не журися!»

О судоходствѣ и рыболовствѣ я не упоминаю въ этомъ общемъ очеркѣ, потому что буду говорить объ этихъ предметахъ обширнѣе и подробнѣе собственно при описаніи деревень, лежащихъ по берегамъ рѣкъ, на которыя посланъ я для изученія народнаго быта.

ПОѢЗДКА

НА ДНѢПРОВСКІЕ ПОРОГИ И НА ЗАПОРОЖЬЕ.

ГЛАВА I.

Прошедшие Степи. Екатеринославъ. Жизнь города. Ярмарка. Близость Пороговъ. Лоцманская Каменка. Положенія. Нравы и обычаи.

Нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, на берегу Днѣпра, между Новымъ Кадакомъ и Каменкой, стоялъ небольшой хуторокъ Половица, зимовникъ запорожскій. Зимовниками назывались отдѣльныя мызы, на которыхъ козакъ содержалъ свое хозяйство, занимался рыбною ловлею, хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, пчеловодствомъ, и, въ продолженіе зимы, сохранялъ свои стада, иной разъ довольно многочисленныя. На владѣніе такими хуторами имѣли право только сѣчевики, т. е. безбрачные козаки, записанные *въ товариство*, взнося за это право — извѣстную подать въ *кошъ* и отбывая натурою нѣкоторыя войсковыя повинности. Половица лежала на прекрасномъ мѣстѣ, верстахъ въ двѣнадцати отъ перваго порога и возлѣ огромнаго проѣзжаго тракта, по которому всѣ чумаки съ правой стороны Днѣпра слѣдовали на Донъ за рыбою. Здѣсь и Днѣпръ становится очень красивымъ, изобилуя густымъ, но мелкимъ лѣсомъ, растущмиъ по его плавнямъ и островамъ, представляя береговому жителю много удобствъ и приволья. Запорожецъ Лаврентій Глоба обладалъ этимъ зимовникомъ, и, по обычаю козаковъ, любившихъ деревья вокругъ жилища, завелъ у себя хорошій плодовый садъ и жилъ припѣваючи. Множество зимовниковъ было разбросано въ степи запорожской по балкамъ, по оврагамъ, по небольшимъ рѣчкамъ. Это были уединенныя разбросанныя фермы со всѣмъ степнымъ хозяйствомъ, какъ сказалъ я выше. И конечно козакъ жилъ на хуторѣ не одинъ: у него иногда было до двадцати *молодиковъ*, т. е. парней, готовящихся поступить въ товариство, лѣтъ двадцати отъ роду.

До этого возраста они считались дѣтьми, *хлопьятами* (мальчиками) и состояли то при *боку кошеваго*, то по зимовникамъ козачьимъ. Мальчики эти были однакоже такого рода, что когда хозяинъ одному изъ нихъ приказалъ придержать молодую лошадь, то молодикъ такъ схватилъ ее за ухо, что оно осталось у него въ рукѣ (*). Кромѣ молодиковъ на хуторахъ жили еще *оргаты* (наймиты). Никакого нѣтъ сомнѣнія, что зимовникъ изобиловалъ и збруей, и оружіемъ разнаго рода, потому что вѣдь степь открыта была для всѣхъ, а впослѣдствіи, при упадкѣ Запорожья, бродили по ней шайки разбойниковъ. У иного козака знакомство было обширное, и если его зимовникъ стоялъ близь проѣзжаго тракта и въ немъ продавалась *горiлка*, то дверь въ хатѣ никогда не затворялась, по случаю частаго проѣзда чумаковъ и различныхъ торговцевъ. Тутъ же иногда разыгрывались и кровавыя степныя драмы. Уединенный зимовникъ, въ которомъ водились огромные табуны, стада, пчельникъ и у хозяина котораго, какъ носилась молва, много денегъ, былъ извѣстенъ далеко въ окрестности. Какой нибудь *харцизъ* (воръ, разбойникъ), иногда изъ бѣглыхъ же Запорожцевъ, которому не было уже возврата въ товариство, собиралъ себѣ шайку и рыскалъ по войсковымъ степямъ, скрываясь то въ тернахъ, то въ балкахъ, пока не попадался разъѣздной командѣ, которая уводила его въ Сѣчь, гдѣ съ разбойниками была коротка расправа.

Лѣтній вечеръ упалъ на землю. Степь закурилась тонкимъ паромъ. Разбойники выбираютъ это время для развѣдокъ, потому что всѣ на зимовникахъ ужинаютъ. Раздѣливъ съ молодиками трапезу и помолясь Богу, хозяинъ приказываетъ хлопцамъ гдѣ кому ложиться.

— А я, прибавляетъ, лягу возлѣ жеребцовъ.

Разбойничій шпіонъ выслушалъ это, и харцизы ожидаютъ удобнаго времени. Часовъ около десяти, когда на зимовникѣ все покоится глубокимъ сномъ, разбойники идутъ къ первому молодику, будятъ его, вяжутъ и велятъ молчать подъ опасеніемъ смерти, потомъ отыскиваютъ втораго и третьяго и такимъ образомъ перевязываютъ всѣхъ. Собакамъ, разумѣется заблаговременно, поддана въ говядинѣ отрава. Разбойники отправляются въ сарай, гдѣ жеребцы, и будятъ хозяина.

(*) Объ этихъ дѣтяхъ хозяинъ заботился и хлопоталъ какъ отецъ, стараясь и о вписаніи ихъ въ товариство.

— А ну, вставай, полно спать, пане-брате.

Козакъ просыпается, видитъ въ чемъ дѣло, хватается за саблю.... Но его уже держать за руки.

— Гей, хлопцi! кричитъ онъ.

— Та не гукай: хлопцы перевязаны, отвѣчаютъ ему,—пойдемъ лучше въ хату.

Смиряется хозяинъ и слѣдуетъ за разбойниками. Приходятъ въ хату, зажигаютъ огонь. Хозяинъ взглядываетъ на харцизовъ, стараясь уловить какую нибудь знакомую физiономiю: лицо *ватажка* (начальника) какъ будто бы немного знакомо, но на немъ словно написано, что не будетъ пощады.

— Славные у тебя кони, пане-брате, говоритъ ему ватажокъ.

— Добрые кони.

— Мы себѣ отберемъ.

— Та и отбирайте жъ.

— А можетъ и всѣхъ угонимъ.

— Та и угоняйте жъ.

— Теперь показывай, гдѣ у тебя гроши.

— Грошей нема.

— Не бреши, пане-брате, лучше признавайся, такъ мы заберемъ, да и поѣдемъ, а не признаешься, то мы знаемъ какъ тебя заставить.

— Есть тутъ торба мѣдяковъ.

— Пустяки! ты недавно былъ въ походѣ, да и воловъ немало продалъ.

— Другихъ нема, пораздавалъ товариству.

— Ну, братцы, говоритъ ватажокъ: раскладывайте огня, авось, допытаемся.

Между тѣмъ на дворѣ происходитъ сцена другаго рода.

Одинъ молодикъ, вопреки приказанiя хозяина, не легъ возлѣ овецъ, а забрался на *ожерѐдъ* (скирду) соломы. Онъ слышалъ все происходившее. Вструхнулъ онъ немного, но когда увидѣлъ, что молодиковъ перевязали, и услышалъ зовъ *батька* (такъ звали вообще начальника), котораго повели въ хату, козацкiй духъ въ немъ пробудился. Онъ осторожно слѣзъ съ *ожерѐда* и подошелъ къ ближайшему товарищу.

— Спишь?

— Нѣтъ, но я связанъ.

— Худо. Съ батькомъ что нибудь дѣлаютъ,—вставай!

Товарищъ освобожденъ, и оба молодика бросаются развязывать прочихъ.

— А что, братцы, есть ли на верху какая *зброя* (оружіе)?

— Да мы съ Левкомъ ходили на охоту, отозвался одинъ; такъ вотъ тутъ возлѣ сарая двѣ *набитыхъ рушницы* (два заряженныхъ ружья).

— Ну берите же свои рушницы, а мы *дрюки* (дубины) въ руки, да пойдемъ выручать батька!

И вырвавъ колья, молодики собрались. Чуть бѣлѣется хата, но въ окнахъ показывается свѣтъ, большій чѣмъ отъ свѣчки. Молодики пробираются осторожно. Разбойничій часовой прислонился къ окну и съ любопытствомъ смотритъ въ хату. Одинъ изъ молодиковъ подобрался и хватилъ его коломъ по затылку. Часовой ни пикнулъ. Его мигомъ обезоружили, и у хлопцевъ прибавились ружье, пистолетъ и сабля. Молодежъ къ окнамъ. У печки на землѣ разложенъ костеръ. Хозяинъ раздѣтъ до нага, связанъ, и разбойники жгутъ ему ноги медленнымъ огнемъ, выпытывая о деньгахъ.

— А *мѣръ* (цѣль) въ четырехъ, братцы, говоритъ одинъ изъ молодиковъ. А вы человѣкъ шесть ступайте въ сѣни.

Четыре разбойника на цѣли.

— Бей!

Залпъ раздается. Четыре злодѣя падаютъ. Прочіе схватываются за оружіе.

До долу зброю (бросай оружіе)! кричатъ изъ оконъ.

Разбойники въ недоумѣніи. Ватажокъ бѣжитъ въ сѣни, но тамъ на него бросаются съ дубинами; онъ стрѣляетъ изъ пистолета, однако его обезоруживаютъ. Чрезъ минуту хозяинъ спасенъ, остальные *харцизы* перевязаны, только оставшіеся при лошадяхъ, почуявъ бѣду, убрались по добру по здорову. Вотъ иногда какія сцены происходили въ зимовникахъ. Но не всегда наѣзды разбойниковъ оканчивались такъ счастливо: случалось, что хозяинъ зимовника терялъ все состояніе и погибалъ отъ руки злодѣя. Татары тоже нерѣдко дѣлали на нихъ нападенія, особенно, если зимовникъ лежалъ недалеко отъ Днѣпра.

Жилъ да поживалъ Лазарь Глоба въ своей Половицѣ и не предчувствовалъ какую важную роль будетъ разыгрывать его зимовникъ въ Новороссіи. Пережилъ или не пережилъ онъ атакованія Сѣчи, неизвѣстно, только похороненъ въ своемъ саду,

нынѣ казенномъ, въ которомъ и до сихъ поръ видна могила запорожца. Впослѣдствіи зимовникъ сдѣлался деревенькой Половицей, и на нее-то великолѣпный князь Тавриды обратилъ свое вниманіе. Мѣстность этой деревни до того понравилась Потемкину, что онъ, въ 1786 году, началъ здѣсь постройку Екатеринослава, не смотря на то, что городъ этого имени былъ заложенъ въ огромнѣйшихъ размѣрахъ по рѣкѣ Самарѣ. Вскорѣ Екатеринославъ былъ начатъ, и свѣтлѣйшій выстроилъ себѣ здѣсь дворецъ на крутомъ берегу Днѣпра, окруженный садомъ. Домъ и садъ этотъ принадлежатъ екатеринославскому дворянству, а въ настоящее время въ немъ помѣщаются раненные.

Я помню Екатеринославъ лѣтъ двѣнадцать назадъ, когда его еще можно было назвать городишкомъ и довольно непривлекательнымъ, какъ по его строеніямъ, такъ и по страшной невылазной грязи, которая наливалась въ дрожки. Лѣтъ девять назадъ, я снова посѣтилъ его. За три года Екатеринославъ не измѣнился, и стоя надъ Днѣпромъ, почти у пороговъ, не имѣлъ и попытки на значительную торговлю. Впрочемъ это повсемѣстный грѣхъ нашего провинціальнаго купечества, которое ждетъ ста на сто, а если получаетъ 50%, то жалуется, что ѣсть нечего. Ту же я встрѣтилъ грязь, ту же мертвую тишину по улицамъ, и ту же мелкую бѣловатую пыль, выѣдающую глаза, которая подымалась столбомъ даже отъ еврейской одноколки.

Теперь, чрезъ девять лѣтъ, мнѣ пришлось нѣсколько разъ побывать въ Екатеринославѣ, и я нашелъ въ немъ небольшую перемѣну: выстроилось нѣсколько домовъ на главной (Александровской) улицѣ и вдоль этой широкой, почти какъ Невскій проспектъ, улицы протянуто шоссе съ верху до казеннаго сада. Шоссе это обведено сдвухъ сторонъ тротуарами, обсаженными акаціями, сиренью и кое-какими другими деревцами. Другихъ перемѣнъ незамѣтно. На пристани прежняя сонливость; жизни никакой, а какая-то вялая работа.

Отправляясь въ іюнѣ на пороги, я провелъ въ Екатеринославѣ дня четыре во время Петропавловской ярмарки, желая взглянуть на разнообразный людъ, сошедшійся и съѣхавшійся изъ окрестности. Хотя это собственно шерстяная ярмарка, однако, пользуясь этимъ случаемъ, наѣзжаютъ купцы изъ большихъ городовъ и устраивается такъ называемый панскій рядъ, въ которомъ вы найдете и самыя изящныя модныя матеріи, и золо-

тыя, и серебряныя вещи; однимъ словомъ, можно отыскать все, даже и тому изысканному покупателю, который ходилъ по лавкамъ въ изящномъ пальто, вставивъ въ глазъ стеклышко, и громко говорилъ: «у насъ въ Петербургѣ». Кромѣ того въ панскомъ ряду, съ утра до вечера вы встрѣтите всю публику высшую, среднюю и низшую, исключая простонародья, какъ городскую такъ и деревенскую. Кто не бывалъ на нашихъ ярмаркахъ, тотъ не имѣетъ объ этомъ понятія. На Нижегородской, которую посѣщалъ я въ прошломъ году, и вполовину не было такого съѣзда дворянства, какъ въ небольшомъ и невесьма интересномъ Екатеринославѣ. Въ Нижнемъ появляются въ лавкахъ или толкутся въ Главномъ Домѣ преимущественно городскіе дворяне и чиновники; уѣздные жители появляются за покупками и уѣзжаютъ; тамъ собственно купечество наводняетъ трактиры, театръ и вообще всѣ мѣста публичныхъ увеселеній. Здѣсь же другое дѣло: если помѣщикъ пріѣхалъ продать шерсть и сдѣлать закупки для дому, и у него нѣсколько дочерей,—онъ везетъ на ярмарку и все семейство, съ мыслью: «пусть де повеселятся».

На Екатеринославскую ярмарку привезено было очень много шерсти, и помѣщики поживились, потому что цѣна возвысилась шибко, и шерсть доходила до 18 руб. за пудъ. По случаю такой цѣны, помѣщичьи семейства дѣятельнѣе посѣщали лавки и каждый день прилежно торговались съ продавцами. Евреи преимущественно зазывали покупательницъ, и кланяясь униженно, самымъ тихимъ голосомъ запрашивали непомѣрныя цѣны. Русскіе торговцы подтрунивали надъ этимъ со своими покупателями, но ломили почти столько же сколько евреи, и за каждый гривенникъ божились страшнымъ образомъ.

Не скучно было ходить по этимъ оживленнымъ корридорамъ, разсматривать разнообразныя группы покупателей, а болѣе покупательницъ, которыя одѣваются въ лавки будто на балъ, ежедневно показывая новые костюмы. Это наше ярмарочное обыкновеніе, потому что панскій рядъ, нѣкоторымъ образомъ—выставка невѣстъ. Пока матушки торгуются съ купцами, дочки расхаживаютъ взадъ и впередъ, сопровождаемыя приличнымъ количествомъ кавалеровъ. Въ то время въ городѣ было нѣсколько драгунскихъ офицеровъ, и глазки барышень частенько останавливались на молодыхъ кавалеристахъ. Всѣ эти обычаи естественно вытекаютъ изъ образа жизни нашихъ помѣщиковъ. Имѣ-

нія ихъ, удаленныя отъ городовъ, часто разбросаны на далекое разстояніе одно отъ другаго, такъ что посѣщенія не всегда удобоисполнимы. Молодежь веселится только при какомъ нибудь семейномъ праздникѣ у себя и у сосѣдей; видитъ все одни и тѣже лица, а кому же не хочется разнообразія! И вотъ почему ярмарки для помѣщичьихъ семействъ служатъ самымъ пріятнымъ мѣстомъ развлеченія. Молодое поколѣніе спѣшитъ на нихъ съ единственной цѣлью повеселиться, хотя никто не признается въ этомъ; а покупки для него дѣло второстепенное.

Въ описываемую ярмарку не было собранія, одного изъ главнѣйшихъ увеселеній, и все ограничивалось театромъ, на сценѣ котораго ежедневно свирѣпствовала труппа г. Жураховскаго.

Въ Екатеринославѣ встрѣтилъ я одну личность, которой давно не встрѣчалъ, потому что нѣсколько лѣтъ не бывалъ на ярмаркахъ,—это нѣкто Герличко, любитель музыки, имѣющій музыкальную школу гдѣ-то, кажется въ К....ой губерніи; школа эта наполняется крестьянскими мальчиками, которыхъ набираетъ онъ у помѣщиковъ за довольно порядочную плату, и изъ нея выходятъ люди знакомые съ нотами и могущіе занимать мѣсто въ незатѣйливомъ оркестрѣ. Господинъ этотъ прежде самъ игралъ не дурно, но въ концертахъ, которыми угощалъ публику, всегда бывало немного посѣтителей, потому что на большія ярмарки пріѣзжалъ кто нибудь изъ извѣстныхъ артистовъ и затмѣвалъ Герличка. На этотъ разъ въ Екатеринославѣ не нашлось ему соперника, и онъ объявилъ концертъ особаго рода: въ объявленіи было сказано, что будетъ играть на фортепьяно ученикъ Герличка, крестьянинъ Ек...ой губ., помѣщика Б....на.

Слушателей собралось душъ пятьдесятъ въ залѣ губернскаго предводителя дворянства. Признаюсь, мнѣ было какъ-то грустно смотрѣть на молодаго человѣка, одѣтаго Богъ знаетъ какъ, который не умѣлъ ни поклониться, ни даже подойдти къ фортепьяно. И что думалъ бѣднякъ, если онъ сколько нибудь развитъ и дѣйствительно любитъ музыку? Кто знаетъ, можетъ быть у него и есть талантъ, о чемъ однакоже трудно было судить, потому что онъ робѣлъ и съигралъ кое-какъ двѣ, три пьесы съ аккомпаньементомъ своего учителя. Но послѣ самъ Герличко взялъ скрипку, вышелъ почти на средину и пошелъ напиливать смычкомъ то чувствительныя варіаціи русскихъ пѣсень, то какія-то негармоническія фантазіи.

Характеръ екатеринославской простонародной ярмарки общій всѣмъ малорусскимъ ярмаркамъ. Въ нѣсколько линій разбиты палатки, подъ которыми разставлены и разложены товары, какъ необходимые для каждаго, такъ и служащіе предметомъ роскоши или незатѣйливаго деревенскаго кокетства. Но торговцы, а въ особенности торговки здѣсь гораздо ловче тѣхъ, которые занимаютъ лавки въ панскомъ ряду.

Мѣстахъ въ двухъ по ярмаркѣ торчали площадные балаганы— кукольная комедія. Паяцъ зазывалъ народъ, и надо сказать правду, что тутъ нѣтъ никогда недостатка въ зрителяхъ. Въ особенности деревенскій людъ спѣшилъ воспользоваться случаемъ побывать на комедіи, чтобы послѣ цѣлый годъ разсказывать сосѣдямъ о видѣнныхъ диковинкахъ. Но есть крестьяне, которые, проходя съ дѣтьми мимо балагана и показывая на развѣшенную картину, изъ которой впрочемъ понять ничего невозможно, толкуютъ, что все это дѣлается дьявольскимъ навожденіемъ, и что не слѣдуетъ смотрѣть на эту бѣсовскую потѣху. Молодежь молча слушаетъ отцовское наставленіе, но слыша громкій хохотъ зрителей въ балаганѣ, ожидаетъ случая улучить минуту, чтобы и самой за гривну мѣди похохотать до упаду.

Между толпами народа, въ разныхъ направленіяхъ, ходили великорусскіе крестьяне съ самоварами, съ запасомъ стакановъ въ полукруглой коробкѣ за поясомъ, и вязкой баранковъ. Это сбитеньщики, которые покрикиваютъ: «кипитъ! горячій кипитъ!»

Простолюдины называютъ сбитень чаемъ, но лѣтомъ мало охотниковъ на этотъ напитокъ. Въ Малороссіи чай и у дворянъ не весьма давно вошелъ въ употребленіе, а простолюдины, развѣ только очень богатые, и то подгородные, имѣютъ самовары.

Собственно шерстяная ярмарка, нисколько не занимательна, разумѣется для неучаствующихъ въ ней: возы, да сверху ихъ тюки—вотъ и все. Два, три иностранца, десятка два евреевъ и помѣщики или управители разсматриваютъ шерсть, торгуются и тутъ же порѣшаютъ дѣло.

Я и позабылъ упомянуть, что во время Петропавловской ярмарки устраивалась скачка за городомъ, но, представляя одну лишь пародію на скачки, не заслуживаетъ никакого описанія. Кромѣ недостаточнаго числа состязавшихся (однажды скакалъ одинъ только татаринъ извѣстное количество верстъ въ извѣстное время), ипподромъ этотъ постоянно былъ покрытъ облаками пы-

ли, и я не понимаю удовольствія дамъ, которыя выѣзжали смотрѣть на эту жалкую потѣху.

Прошло нѣсколько дней, и Екатеринославъ началъ пустѣть, постепенно приходя въ свое скучно-нормальное положеніе. По моему, въ немъ хорошаго—сады и въ особенности Потемкинскій, разросшійся на крутомъ берегу Днѣпра и спускающійся къ рѣкѣ. Что происходило въ этомъ саду—остается тайной, но не можетъ быть, чтобы во времена великолѣпнаго князя Тавриды онъ содержался такъ небрежно, какъ въ настоящее время. Казенный садъ, при которомъ находится училище садоводства, имѣетъ прекрасныя аллеи, отлично содержится и служитъ мѣстомъ для городскихъ гуляній.

Изъ Екатеринослава отправился я въ лоцманскую Каменку.

Селеніе это, отстоящее на семь верстъ отъ города, служитъ главнымъ пунктомъ днѣпровскаго судоходства черезъ пороги, и главнымъ мѣстомъ управленія лоцманской общины. Въ 1787 году Императрица Екатерина II, во время своего путешествія, удостовѣрясь до какой степени искусны въ переправленіи судовъ черезъ пороги жители Каменки, повелѣла составить особую общину днѣпровскихъ лоцмановъ, присоединивъ для этого къ Каменкѣ селеніе Старый Кодакъ и хутора Сурскіе и Широчанскіе. Предложеніемъ отъ 19 декабря того же года за № 3499, князь Потемкинъ-Таврическій приказалъ екатеринославской казенной палатѣ «исключить лоцмановъ отъ всѣхъ повинностей и поставки рекрутъ и производить имъ въ годъ жалованья по 25 руб.» Но въ 1793 году, по общему мнѣнію правителя намѣстничества генералъ-маіора Каховскаго, екатеринославскаго намѣстническаго правленія и казенной палаты, выдача этого жалованья прекращена, по той причинѣ, что съ окончаніемъ турецкой войны, прекратился и проводъ чрезъ пороги казенныхъ транспортовъ, которымъ преимущественно были заняты лоцманы. Изъ того же указа видно, что они управлялись своимъ атаманомъ и его помощникомъ. Съ 1793 года они состояли въ вѣдѣніи черноморскаго адмиралтейства, а впослѣдствіи поступили подъ начальство Главнаго Управленія Путей сообщенія и Публичныхъ зданій. Теперь ими непосредственно завѣдуетъ начальникъ III отдѣленія IX округа Путей сообщенія, который и имѣетъ пребываніе въ Каменкѣ. Всѣхъ лоцмановъ по послѣдней переписи:

	муж.	жен.
Въ Лоцманской Каменкѣ	633	630
— Старомъ Кодакѣ.	341	343
— хуторахъ Сурскихъ	107	95
— хуторахъ Широчанскихъ	241	262
Итого . . .	1322	1330

Земли:

	Десятинъ: удобной:	неудобной:
Въ Лоцманской Каменкѣ.	3269	364
— Старомъ Кодакѣ	2061	300
— хуторахъ Сурскихъ	711	78
— хуторахъ Широчанскихъ	4271	107

Прочныхъ постановленій касательно лоцмановъ, кажется еще нѣтъ, а управляются они по усмотрѣнію ближайшаго начальства, что я заключаю изъ отношенія ко мнѣ канцеляріи III отдѣленія IX округа: «Особаго положенія о лоцманахъ, которое составляло бы сводъ ихъ правъ, обязанности, отвѣтственности и порядка управленія ими—не существуетъ, а только составленъ проектъ этого положенія, который находится нынѣ на разсмотрѣніи въ Главномъ Управленіи Путей сообщенія и Публичныхъ зданій, и, какъ актъ еще необнародованный, канцелярія не можетъ сообщить В. В....ію». (Отношеніе канцеляріи отъ 31 октября 1856 года № 11).

Лоцманъ еще молодымъ парнемъ поступаетъ на службу и продолжаетъ ее до тѣхъ поръ, пока дряхлость или болѣзнь не помѣшаютъ ему отправлять ремесло свое. Управляются лоцманы конторой, въ которой предсѣдательствуетъ старшій атаманъ съ членами. Разумѣется, ни одно распоряженіе не дѣлается безъ одобренія начальника отдѣленія. Атаманы хотя и избираются *громадою* (*), но здѣсь главную роль тоже играетъ воля начальника. Въ этомъ управленіи, состоящемъ изъ самихъ лоцмановъ, конечно иногда не обходится безъ маленькихъ злоупотребленій, не доходящихъ до начальства; но можемъ ли мы строго обвинять простолюдина, пользующагося выгодами своего положенія, когда, къ сожалѣнію, люди, стоящіе гораздо выше и принадлежащіе къ

(*) Т. е. обществомъ, міромъ.

образованному сословію, не всегда добросовѣстно исполняютъ свои обязанности, гдѣ дѣло коснется расходованія казенныхъ или общественныхъ денегъ.

Смотря по опытности и искусству, лоцманы раздѣляются на три разряда. Первой статьи—занимаются проводомъ черезъ пороги барокъ и другихъ судовъ; второй статьи—плотовъ, а третьей статьи—придаются въ видѣ помощниковъ перво- и второстатейнымъ. Третьей статьи лоцманъ, смотря по усовершенствованію, можетъ быть перемѣщенъ и въ высшіе разряды.

Каждое судно и каждый плотъ, предназначаемые къ плаванію чрезъ пороги, останавливаются въ Каменкѣ и требуютъ лоцмана. Здѣсь осматриваются суда, опредѣляется ихъ осадка и наряжаются лоцманы (по два на барку и по одному на плотъ), которые и обязаны доставить судно въ цѣлости за послѣдній порогъ (Вильный). Плата за это 4 р. 30 к., на основаніи Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ Главноуправляющаго Путями сообщеній и Публичными зданіями, мая 25, 1845 года, № 109. До тѣхъ же поръ плата была не одинакова. Судопромышленникъ вноситъ деньги въ контору; а лоцманъ отправляется въ опасный путь, но по возвращеніи не получаетъ этихъ денегъ.

Кажется еще со временъ графа Толя, во время неурожайнаго года, приказано было учредить общественную запашку и составить запасный капиталъ изъ половины заработываемыхъ лоцманами денегъ. Въ этотъ же капиталъ поступала и четвертая часть задѣльной ихъ платы по работамъ на порогахъ. Вслѣдствіе этого приказа, въ контору отбираются всѣ деньги, получаемыя лоцманами за проводъ судовъ чрезъ пороги. Сумма, вырученная за все время навигаціи, распредѣляется слѣдующимъ образомъ: половина отсылается въ приказъ для приращенія процентовъ, часть отчисляется на общественные расходы, *а часть раздается на руки*. Но должно быть общественные расходы очень значительны, потому что часть, изрѣдка выдаваемая на руки, весьма ничтожна, да и немногимъ выпадаетъ на долю. Вотъ напр. общественный расходъ 1846 года: назначено 1940 руб. 94 коп. серебр.; изъ этого самая значительная сумма: жалованье священно-и церковно-служителямъ, и учителямъ лоцманской школы.

Въ приказѣ накопилась уже порядочная сумма. Но взглянемъ

на положеніе лоцмановъ. Они дѣйствительно избавлены отъ рекрутства и всякихъ повинностей, и получаютъ землю для пользованія; однако время полевыхъ работъ совпадаетъ со временемъ навигаціи. Лоцманъ не можетъ и не смѣетъ отказатся отъ прямой своей обязанности и, бросая плугъ, долженъ спѣшить на очередь. Значитъ, хозяйство его дѣло второстепенное, и оно идетъ кое-какъ. Между тѣмъ иной сходитъ чрезъ пороги разъ двадцать въ лѣто и выработаетъ не малое количество денегъ. Если половину этой суммы отослать въ приказъ и отчислить извѣстную часть на общественные расходы, то все же можно удѣлить значительную сумму человѣку, который трудился, подвергая свою жизнь ежеминутной опасности. Въ случаѣ гибели судна отъ неосторожности или неосмотрительности лоцмана, послѣдній отвѣчаетъ всѣмъ своимъ имуществомъ, кромѣ того, что подвергнется и другаго рода наказанію. Близь дома управленія стоитъ скала, подъ названіемъ *Музичина скеля*, о которую лоцманъ Музыка разбилъ барку, и на которой за это былъ засѣченъ. Происшествіе случилось, можетъ быть, лѣтъ 20 назадъ. Лоцманъ пользуется только подаркомъ судохозяина, если послѣдній разщедрится; но бываютъ случаи, что бѣднякъ, не получивъ ничего, долженъ, кормясь однимъ сухимъ хлѣбомъ, возвращаться пѣшкомъ въ Каменку, гдѣ его, можетъ быть, ожидаетъ новая очередь. Я какъ-то разговорился объ этомъ предметѣ съ начальникомъ III отдѣленія, который сообщилъ мнѣ, что онъ хлопочетъ о дозволеніи употребить изъ капитала, находящагося въ приказѣ, извѣстную сумму на постройку въ Широчанскихъ хуторахъ церкви и на открытіе въ Старомъ Кодакѣ школы. Это, конечно, очень похвально и, безъ сомнѣнія, всѣ лоцмана пожертвовали бы по силамъ на богоугодное дѣло; но работать, положимъ, каменскому лоцману, всю жизнь, лишаясь необходимой поддержки въ хозяйствѣ, для того только, чтобы за сорокъ верстъ выстроена была церковь, немножко странно. Говорятъ, что избѣгается выдача денегъ лоцманамъ на руки, чтобы послѣдніе не распьянствовались. Если это дѣйствительно, то подобное опасеніе кажется неосновательнымъ. Если бы боялись, чтобы простолюдинъ не пилъ водки, тогда не существовали бы откупа. Въ такомъ случаѣ, для чего же большой капиталъ? Въ обезпеченіе продовольствія? но общественные магазины полны запаснымъ хлѣбомъ, а общественные расходы не терпятъ недостатка. На сколько я могъ замѣтить, внимательно наблюдая бытъ жи-

телей,—серьезнаго ропота нѣтъ, но всѣ вообще скорбятъ, что у нихъ существуетъ подобный порядокъ. Въ приведенной выше выпискѣ изъ официальной бумаги, сказано, что разсматривается новый проектъ, а потому есть надежда, что Главное Управленіе обратитъ вниманіе на этотъ вопросъ.

Каменка, разбросанная на правомъ берегу Днѣпра, частью на возвышенности, а частью по берегу, безъ сомнѣнія, получила свое названіе отъ огромныхъ камней, торчащихъ во многихъ мѣстахъ по селенію. Время ея построенія покрыто мракомъ неизвѣстности, но какъ она находится между Старымъ и Новымъ Кодакомъ и упоминается въ запорожскихъ дѣлахъ, то вѣроятно возникла не далѣе XVII столѣтія.

Селеніе это не представляетъ особенно живописныхъ видовъ, но если взойти на гору, то откроется Днѣпръ съ островами, ограничиваясь слѣва уголкомъ Екатеринослава, а справа Старымъ Кодакомъ и Чаплями, деревней князя Воронцова. Избы лоцмановъ обыкновенныя малорусскія хаты, во внутренности которыхъ, кромѣ обычной этому племени чистоты, соблюдается еще нѣкоторымъ образомъ, щеголеватость. Печи сложены у нихъ чрезвычайно красиво, края которыхъ обведены разноцвѣтной глиной. Точно также положены снаружи цвѣтныя коймы надъ окнами. Лѣтомъ, для прохлады, у нѣкоторыхъ полъ усыпанъ свѣжей травой съ цвѣтами. У дѣятельныхъ и трудолюбивыхъ лоцмановъ проглядываетъ по временамъ роскошь въ утвари, въ пищѣ, и въ домѣ ведутся нѣкоторыя привычки, неизвѣстныя въ крестьянскомъ быту. Особенная дѣятельность эта заключается въ томъ, что лоцманъ, пріобрѣтшій довѣріе сплавщиковъ лѣса, получаетъ отъ нихъ плоты и берется доставить ихъ въ Кичкасъ, а иногда, съ позволенія начальства, и дальше, до Никополя. Это бываетъ лѣтомъ, когда навигація, по случаю убыли воды, прекращается по старому козацкому ходу, а открывается по вновь-устроеннымъ каналамъ. Для этого, однакожъ, лоцманъ разбиваетъ большіе плоты и перевязываетъ на маленькіе плотики, по мѣстному *торки* (*), нанимаетъ добавочныхъ лоцмановъ и дѣйствуетъ въ качествѣ хозяина, наблюдая въ то же время за благополучной переправой черезъ пороги. Такимъ образомъ расторопный лоцманъ можетъ получить порядочный заработокъ.

(*) Названіе происходитъ оттого, что плотики состоятъ изъ деревъ, положенныхъ вдоль, какъ бы торчмя.

Днѣпровскіе лоцманы—прямые потомки Запорожцевъ, переправлявшихъ суда черезъ пороги, и лоцманское искусство, переходя отъ отца къ сыну, составляетъ главную ихъ обязанность. Нравы ихъ и обычаи общи всѣмъ малорусамъ, съ удержаніемъ кое-чего наслѣдственнаго, запорожскаго. Днѣпровскій лоцманъ чрезвычайно набоженъ: онъ не только, подобно всѣмъ землякамъ, ходитъ часто въ церковь, но охотно отъ трудовъ своихъ жертвуетъ на украшеніе храма Божьяго. Садясь въ лодку и выходя изъ нея, онъ непремѣнно перекрестится, а совершивъ благополучный переѣздъ, служитъ молебенъ.

Лоцманъ тотъ же малорусъ, но человѣкъ съ дѣтства привыкшій къ опасностямъ, и потому самый наружный видъ его выражаетъ отвагу и нѣкоторую гордость. Впрочемъ, какъ мнѣ кажется, въ типѣ его есть что-то свое, даже замѣтное съ перваго взгляда. Идетъ онъ какъ-то бодрѣе и держится прямѣе обыкновеннаго крестьянина, котораго походка, согласующаяся съ воловьимъ шагомъ, медленна и тяжеловата. У лоцмана незамѣтно неповоротливости, которую видимъ у его единоплеменниковъ, потому что онъ привыкъ къ быстротѣ движеній во время переправы черезъ пороги, гдѣ иногда отъ одного мгновенія зависитъ участь барки и жизнь нѣсколькихъ человѣкъ. Онъ развязенъ и ловокъ, и на водѣ, въ своей сферѣ, принимаетъ иногда очень живописныя позы. Зачастую лоцманъ беретъ съ собою на барку или на плотъ мальчишку сына, и этотъ учится презирать опасности, замѣчаетъ камни, заучиваетъ ихъ названія, и привыкаетъ къ своему полезному, но тѣмъ не менѣе опасному ремеслу.

Нравственность у лоцмановъ прекрасная. Я не скажу, что они не любятъ выпить, это было бы какъ-то невѣроятно; малорусъ, потомокъ Запорожцевъ, да еще лоцманъ не прочь выпить при случаѣ, хотя по распоряженію начальства, у нихъ и нѣтъ шинковъ. Въ кабакахъ, стоящихъ по берегу, есть впрочемъ чарки, называемыя лоцманскими. Это однако ничего не значитъ, потому что, во время моихъ археологическихъ работъ, люди выпивали въ день по четыре большихъ стакана водки, и я не замѣчалъ у нихъ ни малѣйшаго слѣда опьяненія; крестьянину, да еще трудовому, должно выпить, лишь бы онъ не напивался и дѣлалъ свое дѣло. Иные разсуждаютъ напротивъ и что страннѣе! изъ этихъ иныхъ многіе сами послѣ сытнаго обѣ-

да дѣлаются веселѣе и разговорчивѣе и съ наслажденіемъ глотаютъ благовонные ликёры. Я говорю вообще, что семейная жизнь лоцмановъ и поведеніе молодежи могутъ служить примѣромъ. Въ ихъ отношеніяхъ замѣтна какая-то мягкость, и слушая иногда семейный разговоръ у моихъ хозяевъ или въ другой хатѣ, куда зайдешь бывало, кякъ-то отрадно становится думать, что простой необразованный народъ не выказываетъ обычной грубости.

Костюмъ мужской—малорусскій, а у иныхъ я замѣчалъ что-то въ родѣ кунтуша съ круглымъ висячимъ воротникомъ позади. Но, по моему, ничто такъ не идетъ лоцману какъ необъятной ширины шаравары и бѣлая рубашка, вышитая на груди и на концахъ широкихъ рукавовъ. Шапки, по большой части, изъ мерлушекъ, но у многихъ и круглыя шляпы съ широкими полями (брыль).

Женщины и дѣвушки красивы, и хотя сохранили народный костюмъ, особенно праздничный, однако близость города была причиной, что онѣ усвоили себѣ ситцевыя исподницы. Дѣвушки убираютъ голову множествомъ лентъ, но не навиваютъ ихъ просто на волосы, какъ вообще въ Малороссіи, а дѣлаютъ изъ бумаги уборъ въ родѣ низкаго кокошника, безъ дна, и на него уже надѣваютъ десятокъ разноцвѣтныхъ лентъ, которыя опускаются по спинѣ, ниже пояса.

Собираясь прожить недѣли двѣ въ Каменкѣ, я тотчасъ же намѣревался приступить къ собиранію пѣсень; но меня удивило, что по вечерамъ я не слыхалъ пѣнія, какъ это водится въ Малороссіи. Тихой ночью изъ сосѣдней деревни доносились ко мнѣ знакомые мотивы, но въ Каменкѣ тишина. Дѣвушки мнѣ объяснили это тѣмъ, что священникъ запрещаетъ пѣть по вечерамъ пѣсни. Я не вѣрилъ и полагалъ, что священникъ запрещаетъ молодежи веселиться наканунѣ праздниковъ, но къ кому ни обращался, всѣ отвѣчали, что пѣть строжайше не приказано. «Матери наши, прибавила одна дѣвушка, знаютъ довольно пѣсенъ, а мы немного».

— Ну, спой же, милая, хоть немного, а я запишу.

— Э, не хочу: ще батюшка (священникъ) дознаетьця—буде біда.

Мнѣ показалось страннымъ, что дѣвушки не соглашались пѣть у меня въ хатѣ, да еще днемъ, когда имъ позволено, и вскорѣ

я убѣдился, что онѣ, считая меня въ числѣ начальства, и полагая, что пѣсня—преступленіе, не рѣшались познакомить меня съ своимъ репертуаромъ. Съ парнями было тоже самое. Признаюсь, я первый разъ въ жизни нашелъ село, полное гостепріимнымъ добрымъ народомъ, съ отсутствіемъ пѣнія, этого невольнаго спутника каждаго крестьянина и крестьянки. У простолюдина пѣсня обыкновенно служитъ какъ бы облегченіемъ труда, часто весьма тяжелаго, что можно замѣтить въ іюльскіе жары во время жатвы. Я нарочно узнавалъ не у поселянъ, точно ли не позволено пѣніе, и мнѣ сказали, что запрещено пѣть по вечерамъ, а днемъ можно. Но вѣдь днемъ молодежь не можетъ сходиться вмѣстѣ, значитъ она лишена увеселеній своего возраста. Я со всѣми разговаривалъ объ этомъ, но многимъ казалось даже страннымъ мое удивленіе.

Благодаря однако же участью одного лица, мнѣ удалось списать нѣсколько пѣсень, не только изъ тѣхъ, которыя заходятъ въ деревню Богъ ихъ знаетъ откуда, но и пѣсни, сочиненныя лоцманами. Я не скажу, чтобы послѣднія отличались художественностью, напротивъ, онѣ слабѣе прочихъ, но все же доказываютъ, что поэтическое настроеніе существуетъ въ народѣ, такъ же какъ и потребность передать въ пѣснѣ свои ощущенія.

Вотъ пѣсни, сочиненныя лоцманами, изъ которыхъ послѣдняя очень слаба. Она относится къ тому времени, когда лоцманы были заняты усиленною работою на пороговыхъ сооруженіяхъ, гдѣ они работали зимою на своемъ продовольствіи, за что имъ слѣдовало въ день 22 коп. съ дробями, но не видѣли денегъ, которыя поступали туда же, куда и заработанныя за проводъ судовъ.

1.

Якъ писаря не любить,
Бо вінъ буде паномъ,
Обуетьця въ постоли
Підвъяжетьця валомъ.
Якъ писаря нелюбить,
Та й не налюбитьця,
Ой якъ візьме перо въ руки—
Любо подивитьця.
Якъ писаря не любить;
Бо вінъ сподобонька,

Візьме листи у торбину:
То вся худобонька.

2.

Прощайте, прощайте
Дніпровські пороги,
А де походили
Лоцманскіі ноги.
А де походили
Темпенькоі почі,
А де говорили
Тихенькіі річі.
Сухая вербонька
А мокра калюжа,
Ой розсердилась } (bis)
Та жінка на мужа, }
Лягла собі на постіль,
Та й лежить нездужа.
Ой пішовъ милий
Сусіды питати;
—А чимь би, сусідо,
Лихо одігнати?
Ой піди синку
Вирубай дубинку
Тонку, та ловку, } (bis)
Та ще й суковату, }
А на еі білу спинку
На панякувату.
—Ой уставай, мила,
Принісъ же я пива....
—Цуръ тобі, пекъ тобі,
Въ мене болить спина.
—Ой уставай, мила,
Принісъ я горілки.
—Цуръ тобі, пекъ тобі,
Шукай собі жінки.
—Ой уставай, мила,
Принісъ я дубинку,
Тонку, та ловку, } (bis)
Та ще й суковату, }
А на твою билу спинку,
На панякувату!
Ой устала мила,
Такъ якъ не лежала,
Миленького обняла,
Та й поцілувала.
—Ой дай тоби Боже
Здоровьячка зъ неба,
Що ты догадався
Чого мині треба.

Здѣсь, очевидно, начало придѣлано лоцманами, потому что пѣсня подобнаго содержанія мнѣ попадалась въ Кіевской губерніи, хотя и не слово въ слово.

3.

Та гиля, гиля сірі гуси до воды,
Та дожилися лоцманики до біди.
Та гиля, гиля сірі гуси не літать,
Та доживутьця лоцманики ще й не такъ.
А у канторі седить писарь, да й чита;
А у горниці ходить майоръ, та й гада,
А Ворончепко тройку коней запряга,
А Хведоровичъ убіраетьця, та й сіда.
А громада изійшлася, та й пита:
Ой куди жъ ти, Хведоровичъ, поідешъ?
Поіду я, братця, въ городъ Катеринославъ,
Та буду я, братця, начальника просити
А що будемо зъ лоцманами робити,
Що не хотять казенноі роботи робити?
А начальникъ Хведоровича роспитавъ,
Сівъ за стілъ, записочку написавъ
Та зъ нарошнимъ до майора одіславъ;
А майоръ ту записочку прочитавъ
И лоцманикамъ одвітъ давъ:
Ой вы, лоцманики мoі, лоцмани,
Не журітеся, небуде вамъ біди.
Панъ генералъ такъ приказавъ,
Щобъ я васъ на роботу черезъ тиждень висилавъ.

На возвышенномъ берегу Днѣпра стоитъ домъ, гдѣ внизу помѣщается канцелярія отдѣленія, а во второмъ этажѣ квартира начальника. Виды оттуда очень хороши. Я помню даже одинъ поэтическій вечеръ. Наступила ночь, и мѣсяцъ выплылъ надъ Кодацкимъ порогомъ, который шумѣлъ такъ сильно, что слышно было за шесть верстъ. Я остановился у раствореннаго окна въ угловой комнатѣ и, любуясь на широкую полосу свѣта, стлавшуюся по Днѣпру, замѣтилъ, что на полосѣ какъ разъ приходилась стоявшая внизу высокая мельница, получившая отъ этого—необыкновенно фантастическія очертанія. Вдругъ раздались звуки фортепьяно: возвратившійся недавно изъ Петербурга К. О. Н......ій началъ играть мотивы изъ Трубадура, послѣдней для меня новой оперы, и предо мною какъ бы смѣшались великолѣпныя декораціи Большаго театра съ панорамой Днѣпра, освѣщеннаго луною. Пѣніе Бозіо живо представилось ду-

шѣ, которому издали вторилъ шумъ Кодацкаго порога.... Однимъ словомъ, на меня нашло то поэтическое настроеніе, съ которымъ такъ отрадно живется на бѣломъ свѣтѣ. Но пріятное расположеніе духа было непродолжительно. Хозяинъ подошелъ ко мнѣ.

— Вы говорите, сказалъ онъ, что у насъ не слышно пѣсень: прислушайтесь.

Въ самомъ дѣлѣ вдали слышна была пѣсня, пѣтая хоромъ дѣвушекъ, возвращавшихся съ поля. Но вскорѣ голоса умолкли, какъ надо полагать, въ приличномъ разстояніи отъ деревни. Я не сказалъ ни слова, и мнѣ стало грустно, что придетъ же иному фантазія воспитывать народъ по своему, лишая его лучшаго, невиннаго удовольствія.

Возлѣ дома разведенъ небольшой садикъ, въ одномъ углу котораго врыта мачта съ двуглавымъ орломъ на верху. Тутъ же во дворѣ помѣщается лоцманская контора, сараи съ общественными лошадьми и пожарнымъ инструментомъ.

Деревянная церковь украшена довольно хорошо, а пѣвческая можетъ поспорить съ пѣвческой инаго губернскаго города.

Есть также школа, въ которой лоцманскія дѣти обучаются чтенію, письму и закону Божію.

Недалеко отъ дома правленія, черезъ оврагъ замѣтны слѣды укрѣпленія, о которомъ однако же нигдѣ не упомянуто, да и народъ ничего не помнитъ. «Се мабуть Запорозьське» говорятъ старики. Тамъ найдено впрочемъ нѣсколько небольшихъ испорченныхъ пушекъ.

Повѣрья каменскихъ жителей общи всѣмъ малоруссамъ: вѣдьмы, упыри, русалки не вышли у нихъ изъ вѣры, и разсказы объ этихъ существахъ тѣ же, какіе услышите вы на другихъ мѣстностяхъ. Сказки, разсказанныя мнѣ, всѣ давно знакомы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ неважныхъ варіантовъ, что встрѣчается почти въ каждой деревнѣ. Обряды лоцмановъ тоже не имѣютъ ничего особеннаго. Но меня не разъ занимали дѣти. Я жилъ почти у самаго берега Днѣпра, который образовалъ здѣсь родъ маленькаго заливчика, отдѣляемаго отъ рѣки небольшой песчаной косою. Цѣлый день въ этомъ заливчикѣ купались дѣти, а иные четырехъ и пятилѣтніе мальчики, будущіе лоцманы, утащивъ дома *ночо́вки* (корытцо), плавали съ помощью палокъ, какъ бы изучая наслѣдственное ремесло свое.

Рыболовство однако же мало развито между лоцманами. Конечно многіе изъ нихъ ловятъ рыбу, но больше для своего обихода и для мѣстнаго потребленія. Это частію происходитъ оттого, что лоцманы мало имѣютъ свободнаго времени: весною и лѣтомъ заняты они навигаціей и полевыми работами, а зимою починкою каменныхъ сооруженій на порогахъ. Рыболовный промыселъ не имѣетъ здѣсь развитія на столько, на сколько позволяли бы мѣстныя условія. Каменскіе рыбаки имѣютъ лишь небольшія сѣти, бредни, крючки, удочки и налавливаютъ рыбы для деревни, а иногда для продажи въ губернскомъ городѣ.

При развитіи низоваго пароходства, на которое можно теперь уже расчитывать навѣрное, бытъ днѣпровскихъ лоцмановъ долженъ бы улучшиться, если только новое положеніе предоставитъ имъ хоть половину заработанныхъ денегъ. Съ открытіемъ низоваго пароходства, нѣтъ сомнѣнія, увеличится наплывъ судовъ къ порогамъ, а ни одно судно не обойдется безъ помощи лоцмана, потому что каждый изъ нихъ знаетъ положеніе камней подъ водою.

Въ Каменкѣ есть небольшая лавочка, и можно достать бѣлаго хлѣба, или, лучше сказать, пшеничнаго хлѣба, потому что его бѣлымъ назвать нельзя, да нельзя также похвалить и вкуса. Вообще продовольствіе здѣсь для пріѣзжаго затруднительно, за исключеніемъ весенняго времени, когда собираются барки и плоты, а съ ними и множество народа.

У пристани стояло нѣсколько брошенныхъ барокъ, а по берегу подъ рогожами хранился казенный фуражъ. Тутъ же, разбросанныя въ безпорядкѣ, лежали дубовыя толстыя бревна Морскаго вѣдомства, недостигшія почему-то мѣста своего назначенія.

Проживая въ Каменкѣ, я не могъ побѣдить въ себѣ желанія увидѣть хоть ближайшій порогъ и кстати осмотрѣть другое лоцманское селеніе Старый Кодакъ, лежащее на верху горы, надъ самымъ порогомъ, перекинувшемся отъ этого селенія къ деревнѣ Чаплямъ. Здѣсь я, склоняя слово Чапли, сдѣлаю маленькое отступленіе, которое, полагаю, не будетъ неумѣстнымъ. Многіе или лучше сказать всѣ, съ небольшимъ исключеніемъ, не склоняютъ ни малорусскихъ фамилій, ни собственныхъ именъ, какъ бы относя ихъ къ иноземнымъ. Хотя малорусскій языкъ и разнится отъ великорусскаго, однако, будучи близокъ къ послѣднему, имѣетъ точно такія же склоненія по падежамъ, и потому очень странно читать, напримѣръ фразу: «я написалъ письмо Петрен-

ко», когда должно сказать: Петренку. Точно также злоупотребляются и мѣстныя навзанія, напр.: «въ мѣстечкѣ Яблоневъ, въ селѣ Клепачи», когда по правилу говорится: въ мѣстечкѣ Яблоневѣ, въ селѣ Клепачахъ. Другіе же склоняютъ фамиліи совершенно неправильно, употребляя напр. «отдать Петренкѣ». Между прочимъ тѣ же господа, которые не склоняютъ однихъ именъ и названій, дѣлаютъ для другихъ исключеніе: такъ вы не увидите нигдѣ, чтобы кто написалъ: «я ѣду въ городъ *Полтава*», или «это было во времена гетмана Мазепа». Это мнѣ напомнило еще одно замѣчательное злоупотребленіе, постоянно вкрадывающееся въ нашъ языкъ, и становящееся для иныхъ неизмѣннымъ правиломъ. Я говорю о существительныхъ женскаго рода, оканчивающихся на *ня* и требующихъ въ род. множеств. окончанія *нъ*. Не говорю уже, что почти повсемѣстно встрѣчаются слова: *пѣсенъ*, *башенъ*, *конюшенъ*, *свѣтиленъ*, но съ нѣкоторыхъ поръ появляются за правомъ гражданства: *сотенъ*, *сплетенъ*,, *барышенъ*; того и смотри, что прочтешь гдѣ нибудь *пустынъ*, *княгинъ*, *графинъ*. Если сотня во множеств. *сотенъ*, то отчего же нельзя ед. графиня, имѣть во множеств. *графинъ*. Не думаю, чтобы здѣсь господствовалъ законъ, вытекающій изъ естественнаго источника, а просто невниманіе къ чистотѣ языка. Какимъ же образомъ слова, имѣющія окончаніе *на*, склонять одинаково съ оканчивающимися на *ня*: если мы говоримъ: *долина*, *долинъ*, то никакъ изъ этого не слѣдуетъ говорить: *пустыня*, *пустынъ*, *басня*, *басенъ*. Я сначала думалъ, что это ошибки корректоровъ, но послѣ убѣдился, что это заблужденіе вкралось къ нѣкоторымъ и изъ писателей.

Въ одинъ не слишкомъ жаркій іюльскій день снарядили мнѣ липку (*) съ четырьмя гребцами и опытнымъ первостатейнымъ лоцманомъ. Путь Днѣпромъ не казался скученъ, потому что лѣвый берегъ покрытъ деревьями, и группы камней представляютъ разнообразіе; притомъ же мой лоцманъ былъ очень разговорчивъ, потому что я догадался взять съ собой бутылку подкрѣпляющаго. Старикъ этотъ больше тридцати лѣтъ ходилъ черезъ пороги и знаетъ ихъ какъ свои пять пальцевъ. Покрикивая на гребцовъ: «Шамни, друзі»! старикъ этотъ, съ открытой головой, на которой вились сѣдые волосы по вискамъ, былъ очень

(*) Лодка, сдѣланная изъ липы.

хорошъ; черные, блестящіе глаза его такъ умно смотрѣли, а взоръ его былъ быстръ и проницателенъ. Когда мы выѣхали на самый широкій Днѣпръ, на полъ-пути между Каменкой и Кодакомъ, на небѣ показалась тучка, и подулъ свѣжій вѣтеръ.

—Полоса, равнодушно сказалъ лоцманъ, и крикнувъ громко: Шамни, друзі! не лінуйся, юноші! направилъ лодку въ перерѣзъ волнамъ, которыя появились словно изъ глубины Днѣпра. Чрезъ пять минутъ волненіе расходилось и вода попадала въ лодку. Хотя это было и невесьма пріятное обстоятельство, однако я не могъ смотрѣть болѣе ни на что какъ на своего кормчаго. Держа въ жилистыхъ рукахъ *стерно* (руль, или, лучше сказать, весло, которымъ правятъ), онъ пристально смотрѣлъ впередъ и только покрикивалъ на молодежь. Лодка прыгала по волнамъ, но постоянно ихъ разрѣзывала, и пока мы доѣхали до Пундиковой Заборы, полоса пробѣжала и волненіе начало утихать мало по малу. Указавъ мнѣ одинъ камень, подъ названіемъ *Червивий*, лоцманъ обратилъ мое вниманіе на другой, *Сідлачъ,* съ которымъ связано лоцманское преданіе. Въ прежнія времена ни одна каменская дѣвушка не могла выдти замужъ, не доказавъ прежде ловкости и мужества. Качества эти заключались въ томъ, что дѣвушка, достигшая извѣстнаго возраста, должна была, подъ вечеръ, одна сѣсть въ душегубку, приплыть къ Сідлачу и провести на немъ ночь до разсвѣта. Камень этотъ торчитъ вблизи порога и здѣсь уже начинается сильная быстрота воды, стремящейся къ водопаду. Хотя береговые жители съ дѣтства свыкаются съ плаваніемъ въ челнокѣ, однако молодой дѣвушкѣ много надо присутствія духа, чтобы исполнить подобный обычай.

Я хотѣлъ осмотрѣть прежде Кодакъ, а послѣ уже направить путь къ порогу. Мы пристали у скалистаго берега, и по крутымъ тропинкамъ между глыбами гранита, прямо вышли въ знаменитую нѣкогда крѣпость, выстроенную Бопланомъ. Поляки предназначали ее на устрашеніе Запорожцевъ, однако она была взята козаками и служила для послѣднихъ оборонительнымъ пунктомъ. Это почти квадратная площадь, лежащая на легкомъ скатѣ и обнесенная валами, на который бугры и ямы свидѣтельствуютъ о бывшихъ здѣсь нѣкогда строеніяхъ. На западной сторонѣ ворота, и по угламъ вала большіе бастіоны, въ глубинѣ которыхъ лоцмана теперь сѣютъ картофель и другіе огород-

ныя овощи. Селеніе старый Кодакъ небольшое: церковь построена въ 1815 году; хаты точно такія же какъ и въ Каменкѣ.

У восточнаго угла крѣпости, за валомъ, устроена водяная мельница, прямо противъ порога. Здѣсь же видѣнъ, еще довольно хорошо сохранившійся Фалѣевскій каналъ, устроенный при Императрицѣ Екатеринѣ II, и хотя онъ сооруженъ на удачномъ мѣстѣ, однако, имѣя всего четыре сажени ширины, неудобенъ для прохода судовъ (*).

Долго любовался я съ горы на Кодацкій порогъ, который ревѣлъ и пѣнился между камней, брошенныхъ природой во всю ширину рѣки, упадая четырьмя уступами на протяженіи 150 сажень. Паденіе 8 футовъ. Уступы эти у лоцмановъ называются лавами, которыхъ четыре: *Плоска*, *Остренька*, *Вишнякова* и *Мишина*. Лоцманъ мнѣ показывалъ гдѣ пролегаетъ козацкій ходъ, по которому однакожъ не захотѣлъ провезти меня по причинѣ мелководья и прибавилъ:

— Борони Боже чого, то що тогдi!

— Ну, такъ спустимся по новому каналу, сказалъ я.

— Спускатися, такъ и спустимось, а старымъ ходомъ шабашъ!

Полюбопытствовавъ зайдти на мельницу, въ которой я не нашелъ ничего занимательнаго, кромѣ хозяина, бойкаго великоруса, я отправился въ лодку, и мы поплыли къ каналу. Лоцманъ мой держалъ подальше отъ начала быстраго стремленія воды, и мы приблизились къ правому откосу плотины. Каналъ имѣетъ 150 саж. длины и 15 ширины; высота стѣнокъ около сажени. Подъѣзжая ко входу, лоцманъ скомандовалъ шабашъ; гребцы сложили весла, и лодку понесло въ каналъ съ ужасающею быстротою. Хотя здѣсь нѣтъ уступовъ, однако замѣтно какъ вода бушуетъ въ иныхъ мѣстахъ, и всплески ея словно кипятъ съ какимъ-то невыразимымъ шумомъ. Лодка неслась по срединѣ какъ по ниткѣ, благодаря искусству кормчаго. Но доказательство ловкости его было еще впереди, потому что при выѣздѣ изъ канала, гдѣ стремленіе воды необыкновенно быстро, намъ нужно было пристать къ правой стѣнкѣ, чтобы выйти и взвесть назадъ лодку посредствомъ каната. Мнѣ это казалось очень

(*) Объ этихъ сооруженіяхъ прошлаго вѣка будетъ сказано при обозрѣніи всѣхъ пороговъ въ слѣдующей статьѣ. А. Ч.

труднымъ, но лоцманъ вдругъ скомандовалъ взять весла, одной сторонѣ приказалъ гресть, другой табанить, и не смотря, что насъ несло бѣшеными волнами, лодка наша въ нѣсколько мгновеній пристала къ плотинѣ. Здѣсь я вышелъ и, идя по каменной стѣнѣ, любовался Кодацкимъ порогомъ. Хотя уступы и невысоки, однако цѣлая масса Днѣпра съ шумомъ бросается внизъ и жемчужными пѣнистыми волнами несется межъ камней до другаго уступа, гдѣ съ большею быстротою, ринувшись съ уступа, продолжаетъ бушевать съ оглушающимъ шумомъ.

Полюбовавшись Кодацкимъ порогомъ, полное описаніе котораго помѣщу въ слѣдующей статьѣ, я пустился въ обратный путь, продолжавшійся довольно долго, потому что мы плыли противъ теченія. Вечеръ былъ тихій и прохладный. Мы держались лѣваго берега, поросшаго мелкимъ лѣсомъ и лозою. Самоваръ кипѣлъ у меня на лодкѣ, и я пилъ чай съ особеннымъ удовольствіемъ. Я набрасывалъ карандашемъ мои замѣтки, а лоцманъ, догадавшись, что не должно мѣшать, запретилъ гребцамъ разговаривать. Когда же мы подъѣзжали къ Каменкѣ, онъ указалъ на одну выдавшуюся скалу.

— А ось и Музычына скеля, проговорилъ и разсказалъ грустное происшествіе, о которомъ упомянулъ я выше.

ГЛАВА II.

Пороги. Древнія о нихъ свѣдѣнія. Судоходство. Каналы. Способъ проводить суда и плоты. Село Волошское. Встрѣча. Ненасытецъ.

Днѣпровскіе пороги, единственная важная помѣха судоходства по этой рѣкѣ, извѣстны были уже и древнимъ, что видимъ изъ геродотова описанія Скиѳіи, но болѣе подробныя о нихъ свѣдѣнія находимъ у Константина Багрянороднаго. Послѣдній приводитъ даже ихъ русскія названія, въ которыхъ однакоже намъ трудно распознать родной говоръ, по весьма естественной причинѣ искаженія грекомъ славянскаго выговора. Славянскій языкъ вообще не дался иностранцамъ, а потому и у позднѣйшихъ писателей о порогахъ, напримѣръ у Боплана, мы находимъ грубыя ошибки, повторяемыя и въ русскомъ переводѣ его сочиненія. Такъ напримѣръ, у Боплана рѣчки Супой и Самоткань названы Запоемъ и Замоканомъ, и переводчикъ, г. Э. У., слѣдуетъ тому же произношенію.

Хотя Днѣпръ зачастую любитъ мѣнять свое русло, засыпая пескомъ старое и прорывая себѣ новое, однако онъ это дѣлаетъ на мѣстахъ привольныхъ, а на порогахъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ не измѣнился отъ сотворенія міра, или вѣрнѣе сказать, отъ потопа, въ чемъ убѣждаетъ и нынѣшнее теченіе его въ крутыхъ берегахъ, въ иномъ мѣстѣ одѣтыхъ гранитомъ, а въ другомъ состоящихъ изъ цѣльныхъ скалъ этого камня. Вотъ почему удивительно у Константина Багрянороднаго описаніе прохожденія руссовъ чрезъ пороги. «Руссы, желавшіе отправиться для торговли въ Царьградъ, говоритъ онъ, собирались обыкновенно отъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова, Вышгорода въ Кіевъ. Здѣсь, купивъ новыя суда или однодревки, ко-

торыя доставлялись въ Кіевъ кривичами и другими народами, обитавшими на сѣверъ отъ этого города, руссы спускались внизъ по Днѣпру до Вятичева. Тутъ оставались они до трехъ дней, пока всѣ суда собирались къ этому мѣсту. Потомъ продолжали путь къ Днѣпровскимъ порогамъ. У перваго порога руссы выходили изъ судовъ: порогъ этотъ былъ чрезмѣрно узокъ (!) и весьма опасенъ, по причинѣ стремленія воды, съ которымъ она, ударяясь о камни, низвергалась съ ужаснымъ шумомъ. *Въ этомъ мѣстѣ назначенные люди шли по рѣкѣ въ бродъ и ощупывали босыми ногами тѣ части дна рѣчнаго, на которыхъ находилось менѣе камней.* Нашедши такой болѣе удобный проходъ, они извѣщали другихъ руссовъ, которые должны были по назначенному имъ пути проводить суда, *упираясь длинными шестами спереди, въ срединѣ и сзади*, и такимъ образомъ почти перетаскивали, съ величайшимъ трудомъ, свои лодки черезъ русло этого перваго порога. Потомъ всѣ садились въ однодревки и плыли ко второму порогу, который былъ столь же опасенъ и затруднителенъ для прохода какъ и первый, опять высаживали людей и поступали съ судами какъ прежде. Такимъ же точно образомъ руссы переходили и третій порогъ. У четвертаго часть ихъ вооружалась и находилась на стражѣ, во все время перехода черезъ этотъ порогъ, потому что печенѣги обыкновенно здѣсь нападали на проѣзжавшихъ и грабили ихъ. Другая часть руссовъ выгружала товары, несла ихъ на себѣ на разстояніи 6000 шаговъ, и вела скованныхъ невольниковъ. Остальные руссы тащили свои суда, или несли ихъ на плечахъ до того мѣста, гдѣ уже можно было, безъ опасности, спустить ихъ на воду. Тутъ они снова нагружали лодки, садились въ нихъ, и плыли къ пятому порогу, у котораго должны были проводить суда такъ же точно какъ при переѣздѣ черезъ первый порогъ. Проѣхавъ это опасное мѣсто, они должны были переѣзжать потомъ чрезъ два остальные порога, изъ которыхъ у шестаго руссы принуждены были поступать точно такъ же какъ у пятаго, и наконецъ доплывали до Крарійскаго перевоза (нынѣшній Кичкасъ). Въ этомъ мѣстѣ обыкновенно переѣзжали корсуняне, ѣздившіе къ русскимъ, и печенѣги, отправлявшіеся въ Корсунь. Здѣсь также руссы должны были приготовляться къ бою, потому что и тутъ нападали на нихъ печенѣги. Потомъ всѣ челноки приставали къ острову Св. Георгія (Хортица) и оставались

нѣкоторое время для приношенія жертвъ, бросанія жребія, гаданія и проч.» (A Banduri, Imp. Orient. T. I. pars II, Contin. libr. Const. Porph. de admin. Imp. Cap. IX, p. 49—50. Венеціянское изданіе).

Кто былъ на порогахъ, тотъ очень хорошо видитъ всю неестественность подобной переправы, потому что какъ стремленіе воды въ порогахъ, такъ и самое ихъ положеніе, вѣроятно нимало не измѣнилось до нашего времени. Несообразность эту замѣтилъ уже и Болтинъ, который, разбирая Леклеркову Русскую исторію, говоритъ между прочимъ, и о нелѣпости перетаскиванія барокъ рычагами черезъ камни:

«Полою водою, которая стоитъ тамъ не менѣе двухъ мѣсяцевъ, проходятъ чрезъ пороги нарочитой величины суда съ грузомъ, безъ большой опасности. Не въ другое, безъ сомнѣнія, время, флотъ Олеговъ и отправленъ былъ, въ разсужденіи намѣреннаго плаванія и времени, къ совершенію онаго потребнаго. Къ препровожденію судовъ чрезъ пороги не сила потребна, а искусный лоцманъ, который бы умѣлъ управлять между каменьевъ судно, быстротою воды стремительно несомое. Когда же по неосторожности или по неискусству управляющаго, приразится барка къ камню или набѣжитъ на оный, тогда ни руки, ни рычаги не сильны будутъ спасти ее отъ разбитія. Удивляюсь странному воображенію ихъ. Какъ можно перетаскивать черезъ каменья барки, посреди быстраго теченія воды въ порогахъ? Какая человѣческая сила можетъ противостоять стремленію изливающихся съ крутой покатости ярыхъ волнъ? да и какъ могутъ въ такой быстротѣ стоять люди, коимъ ту барку рычагами на камни поднимать должно? Дѣло нестаточное, чудное и неслыханное». (Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочиненныя генералъ-маіоромъ Иваномъ Болтинымъ. 1788. Т. I, стр. 66—67)

Что суда проходили чрезъ пороги—это фактъ, что они разгружались—и это не подвержено сомнѣнію, но чтобы *пѣшіе люди босыми ногами отыскивали русло въ порогахъ и опирались тамъ шестами*, мнѣ кажется, это чистая фантазія. Пора уже очищать исторію отъ нѣкоторыхъ плевелъ, вкравшихся въ нее вслѣдствіе разныхъ слабостей человѣческихъ. Напримѣръ во многихъ сочиненіяхъ встрѣчается извѣстіе, почерпнутое изъ Боплана, которое и привожу изъ описанія послѣдняго: «У ко-

заковъ есть обычай принимать въ свои круги только того, кто *проплыветъ всѣ пороги противъ теченія* (Описаніе Украйны, соч. Боплана, переводъ съ французскаго, 1832, стр. 21—22). И вслѣдъ же за этимъ, авторъ очень наивно прибавляетъ: «слѣдовательно и я могъ быть добрымъ козакомъ: впрочемъ только эту славу и пріобрѣлъ я отъ сего путешествія».

Вѣроятно существовало у козаковъ какое нибудь испытаніе въ подобномъ родѣ для новичка, но невозможно въ этомъ случаѣ вѣрить Боплану на слово, хотя онъ и пишетъ, что самъ совершилъ подобный подвигъ. *Проплыть всѣ пороги противъ теченія*—значитъ сдѣлать одному 65 верстъ, имѣя на пути 9 пороговъ, изъ которыхъ Ненасытецъ, на протяженіи версты, имѣетъ болѣе двухъ сажень паденія и 12 уступовъ! Сколько же нужно дней для проплытія такого пространства противъ теченія! Въ настоящее время это физически невозможно и нѣтъ основанія думать, чтобъ было возможно и во времена Боплана. Да и какой новичекъ въ состояніи выказать свою удаль подобнымъ образомъ? Если для проведенія судна чрезъ пороги, внизъ, требуется отъ лоцмана превосходное знаніе мѣстности, проворство и навыкъ владѣть *стерномъ*, отъ лоцмана, съ дѣтства знакомаго съ порогами; если изъ этихъ природныхъ лоцмановъ не каждый въ состояніи управлять судномъ въ порогахъ,—то какимъ же образомъ желающій поступить въ Запорожцы могъ пріобрѣтать и этотъ навыкъ, и знаніе фарватера, и высоту воды во всякое время года? Весною вода покрываетъ всѣ почти камни, толчекъ о которые влечетъ за собою крушеніе судна. Но аспиранту значитъ предстоялъ трудъ гораздо значительнѣе, потому что слѣдовало плыть противъ водопадовъ, хотя и весьма покатыхъ, но тѣмъ не менѣе проносящихся версту въ продолженіи неполныхъ трехъ минутъ, а иногда и скорѣе. Надо видѣть паденіе воды въ порогахъ, и тогда сама собою исчезаетъ вѣра въ подобныя историческія свидѣтельства, повторяемыя и считаемыя добрыми людьми непреложною истиной. О весенней водѣ уже и говорить нечего, потому что Днѣпръ въ это время бушуетъ въ порогахъ, но и лѣтомъ, въ межень, нельзя проплыть противъ теченія. Конечно теперь можно взвесть лодку по каналамъ, но каналы существуютъ весьма недавно, и гораздо позже чѣмъ плылъ Бопланъ, чѣмъ плылъ Дмитрій Самозванецъ въ одномъ историческомъ романѣ и позже чѣмъ даже Потемкинъ доказывалъ эту

удаль, по сказанію одного почтеннаго историка. Я самъ знавалъ многихъ стариковъ, которые разсказывали о личномъ удальствѣ подобнаго рода, но это были люди или невидавшіе пороговъ, или въ простотѣ души полагавшіе, что слушатель никогда не увидитъ этой мѣстности.

Имѣя въ виду историческую несообразность, я не прежде приступилъ къ ея опроверженію, какъ послѣ многочисленныхъ разспросовъ у опытныхъ лоцмановъ и у тѣхъ изъ припорожскихъ жителей, которые славятся своимъ удальствомъ и искусствомъ. Единодушные отвѣты убѣдили меня, что невозможно проплыть всѣхъ пороговъ противъ теченія, хотя бы въ иномъ, въ иную пору, можно было пробираться по отмѣтямъ, но всетаки перетаскивая лодку. Одинъ изъ самыхъ искуснѣйшихъ рыбаковъ въ Ненасытцѣ, доказывающій чудеса ловкости, а также нѣсколько опытныхъ лоцмановъ, окончательно увѣрили меня, что разбираемое извѣстіе—сказка. Сколько же времени нужно на изученіе мѣстности! Да и настояла ли какая крайность каждому Запорожцу въ управленіи челнокомъ *противъ теченія*, когда вѣрный товарищъ у него былъ конь, а на лодкѣ гулялъ онъ лишь внизъ по Днѣпру и на Черномъ морѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, Запорожцы, идя вверхъ, обносили свои суда по берегу, а спускались внизъ по старому ходу, по которому и теперь идутъ ихъ внуки. Не спорю, что удальство новичка, козаки и испытывали въ Гадючемъ или какомъ другомъ порогѣ, но на протяженіи 65 верстъ и еще противъ теченія—просто вопіющая несообразность. Когда уже вода очень низка, и въ иныхъ мѣстахъ порога бываетъ сухо, то конечно можно тамъ пробираться и пѣшкомъ, но тогда плыть противъ теченія еще труднѣе.

О переправѣ черезъ пороги упоминается и въ нашихъ лѣтописяхъ, но говорится глухо, а это жаль, потому что сообщеніе подробностей указало бы намъ о состояніи славянскаго судоходства въ ту отдаленную эпоху. Не могли же ладьи быть безъ особенныхъ лоцмановъ въ порогахъ, а кто же были эти лоцманы? гдѣ жили они, какъ учились плаванію среди опасныхъ водопадовъ, когда по берегамъ Днѣпра кочевали печенѣги, половцы. Походы Олега и Святослава и торговля по Днѣпру записаны въ нашихъ лѣтописяхъ; мы знаемъ, что печенѣги убили Святослава у пороговъ, что въ 1167 году половцы, пользуясь раздорами русскихъ князей, заняли Днѣпровскіе пороги и такъ

сильно начали тѣснить русскихъ торговцевъ съ Греціею, что князь Ростиславъ былъ вынужденъ выслать противъ нихъ Владислава Ляха, съ отрядомъ воиновъ, который и провелъ купцовъ чрезъ пороги (Ипатьевская лѣтопись, стр. 93). Но не имѣемъ свѣдѣній современниковъ о подробностяхъ всего этого. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что суда шли тѣмъ же старымъ путемъ, какимъ идутъ и нынѣ съ помощью хорошаго лоцмана.

Императрица Екатерина II обратила вниманіе на важность водянаго сообщенія Днѣпромъ, и тогда же послѣдовали попытки къ улучшенію пути черезъ пороги. Государыня эта, предпринявшая путешествіе по древнему Борисоену, не только собственными глазами видѣла пороги, о которыхъ въ Петербургѣ никто не имѣлъ понятія, но даже присутствовала при переправѣ своей флотиліи чрезъ самый опасный порогъ—Ненасытецъ. Запорожецъ Коржъ (устное повѣствованіе) довольно подробно разсказываетъ это путешествіе. Царскія суда проводилъ каменскій житель лоцманъ Полторацкій, который и былъ за то произведенъ въ поручики и назначенъ атаманомъ учредившейся тогда общины Днѣпровскихъ лоцмановъ. Инженеру де-Волану поручено было устроить каналы, что и было исполнено Фалѣевымъ на порогахъ: Кодацкомъ, Сурскомъ, Лоханскомъ и Ненасытцѣ. На первомъ и послѣднемъ порогахъ и теперь еще видны слѣды этихъ сооруженій, и на первомъ можно даже проплыть въ небольшомъ суднѣ чрезъ Фалѣевскій каналъ, довольно хорошій, но очень узкій. Фалѣевскіе каналы не принесли никакой пользы. Въ 1826 году снова былъ поднятъ этотъ вопросъ, и въ 1833 разрѣшено улучшеніе пути черезъ пороги. Въ настоящее время сооружены всѣ каналы, стоющіе казнѣ, кажется, два милліона, томившіе казенныхъ лоцмановъ изнурительными работами, и, да позволено будетъ сказать, не приносящіе той пользы, какой слѣдовало ожидать отъ подобнаго рода построекъ.

Прежде я считаю необходимымъ разсказать какія суда спускаются чрезъ пороги, и что служитъ предметомъ торговли.

Исключая плотовъ, составляющихъ вмѣстѣ и грузъ и судно, товары сплавляются на судахъ слѣдующаго рода:

1) *Барки*, длиною отъ 20 до 22 и даже до 24 сажень, шириною до $7^1/_2$ саж. и вышиною 1 саж., ходятъ съ осадкою отъ 2 до $2^1/_2$ арш. и подымаютъ грузъ до 30 т. пудовъ.

2) *Барки*, называемыя брянками, длиною отъ 12 до 14 са-

жень, ширины отъ $3^1/_2$—4 саж., вышиною до 3 арш., ходятъ съ осадкою отъ $6^1/_2$—7 четвертей и принимаютъ груза отъ 6 до 7 т. пуд.

3) *Байдаки* длиною отъ 15—21 саж., шириною отъ 2 до 4 саж. высотою отъ $1^3/_4$—2 арш., ходятъ съ осадкою отъ $1^1/_2$—$1^3/_4$ арш. и подымаютъ грузъ до 14 тыс. пуд. Нелѣпаго устройства суда эти, болѣе служащія для взводнаго судоходства, почти выводятся изъ употребленія, измѣнившись въ болѣе удобную форму, т. е. въ слѣдующій видъ:

4) *Берлины*, длиною отъ 12—20 саж., шириною отъ 2—$2^1/_2$ саж., вышиною 2 арш., сидятъ въ грузу отъ 1—$1^1/_2$ арш., и подымаютъ грузъ до 8 тыс. пуд.

Самымъ главнымъ предметомъ днѣпровской судоходной торговли должно считать лѣсъ, сплавляемый по этой рѣкѣ сверху ко всѣмъ среднимъ пристанямъ и преимущественно за пороги. Товаръ этотъ слѣдуетъ и плотами, и на различныхъ судахъ, особенно, если онъ уже обдѣланъ. Лѣсная торговля заслуживаетъ вниманія экономистовъ относительно той страшной дороговизны, съ какою лѣсъ продается, напримѣръ въ Херсонѣ. Въ своемъ мѣстѣ я подробнѣе поговорю объ этомъ. Черезъ пороги идутъ также: деготь, желѣзо, канаты, чугунъ, стекло, конопляное сѣмя; въ меньшемъ количествѣ: водка, солодъ, льняное сѣмя, скипидаръ, хрусталь, бумага, стеариновыя свѣчи, медъ, цыкорій; сплавляются и водоплавныя мельницы съ приборомъ, жерновые камни, повозки, сани.

При проектѣ устройства каналовъ на порогахъ было цѣлью доставить возможность судамъ и при низкой водѣ безопасно проходить всѣ 9 пороговъ, и тѣмъ самымъ дать большее развитіе днѣпровскому судоходству. Нѣтъ сомнѣнія, при этомъ имѣлась въ виду и цѣль экономическая: доставить понизовью средства получать лѣсъ и дрова по цѣнамъ менѣе отяготительнымъ. Расчистка пороговъ тянулась чрезвычайно медленно, и каналы, поглотившіе милліоны и офиціально кажущіеся отличными, о которыхъ наконецъ говорили очень много, осуществляютъ русскую пословицу: славны бубны за горами! Положеніе ихъ постоянно у лѣваго берега, казавшееся, можетъ быть, полезнымъ при соображеніяхъ, оказывается въ дѣйствительности, какъ говорятъ практики, весьма неудобнымъ собственно потому, что суда должны удаляться отъ фарватера, а въ иныхъ мѣстахъ даже съ трудомъ попада-

ютъ въ каналы. Послѣднее обстоятельство, я полагаю, неизвѣстно читателямъ ни одного періодическаго изданія. Теченіе Днѣпра здѣсь склоняется на правую сторону. Весной, во время разлива, когда воды достаточно, барки идутъ старымъ козачьимъ и разумѣется прежнимъ славянскимъ путемъ, и если только ввѣрены опытному лоцману, благополучно достигаютъ своей цѣли. Лѣтомъ, при упадкѣ воды, большія суда не могутъ уже идти старымъ путемъ, и въ такое-то время, казалось бы, каналы должны были исполнять свое назначеніе; но, къ удивленію читателя, надо сказать правду, что тогда барки не могутъ спускаться чрезъ каналы. Первая и важная причина та, что сооруженія эти удалены отъ фарватера; вторая, не менѣе важная, что они не вездѣ достаточно углублены, а третья, что впереди ихъ не расчищены камни. Но несправедливо было бы сказать, что каналы эти не приносятъ ровно никакой пользы: они полезны для безпрепятственнаго проѣзда, весною, когда еще немного прибыло воды или когда пошла она порядочно на убыль, по нѣкоторымъ изъ нихъ проходятъ барки, если уже въ порогахъ мелко; и наконецъ лѣтомъ при низкой водѣ они служатъ для прогоновъ плотовъ, перевязываемыхъ однакоже въ *торки*, потому что большой плотъ пройдти не можетъ. Плоты, какъ извѣстно, состоятъ изъ колодъ, связанныхъ между собою и лежащихъ поперекъ. Въ этомъ положеніи, при огромной длинѣ, плоту невозможно проходить во многихъ мѣстахъ въ мелководье. Лоцманы придумали для этого средство: разобравъ плотъ, они связываютъ нѣсколько колодъ вдоль, и такимъ образомъ составляютъ торокъ, отправляющійся внизъ чрезъ пороги. Но въ большую воду, каналы безполезны буквально, потому что тогда нѣтъ въ нихъ надобности, и они удалены отъ фарватера.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, читатель наконецъ въ правѣ спросить меня: что же это за каналы, какъ они устроены? Постараюсь дать вамъ о нихъ приблизительное понятіе, но прежде полагаю нужнымъ изъяснить что такое порогъ. Представьте себѣ гряды камней, брошенныя черезъ рѣку отъ берега до берега въ нѣсколько рядовъ, одинъ ниже другаго, и вы будете имѣть понятіе о порогѣ. Стремясь внизъ, вода съ большою быстротою бросается сквозь промежутки этихъ каменьевъ и пѣнится съ оглушающимъ шумомъ. Въ иномъ порогѣ ряды каменныхъ грядъ доходятъ до двѣнадцати. Между этими грядами есть однакоже

мѣста, гдѣ судно можетъ пройти свободно, и эти-то мѣста называются старымъ или козачьимъ ходомъ. Инженеры проектировали и исполнили расчистку камней на 15 сажень ширины вдоль каждаго порога, обставивъ ее по бокамъ каменными стѣнами и придавъ ей у входа боковые откосы, или крылья, съ цѣлью захватить какъ можно больше теченія. Работы сами по себѣ очень хороши, но, какъ замѣчено выше, не вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣли своего назначенія.

Сколько можно судить изъ разсказовъ торговцевъ, сплавляющихъ суда и лѣсъ чрезъ пороги, изъ мнѣній лоцмановъ и наконецъ по личному убѣжденію, кажется, безошибочно можно утверждать, что судоходство чрезъ пороги могло-бъ быть свободнымъ и безопаснымъ, если бы наука и искусство были приложены къ пути, указанному самою природою. Оно и естественно: старымъ козачьимъ путемъ суда идутъ безпрепятственно, слѣдовательно стоило бы только суммы, брошенныя на лѣвомъ берегу, употребить на разработку стараго пути и на расчистку нѣкоторыхъ опасныхъ камней между порогами. Мнѣ кажется даже, что на эти работы далеко не потребовалось бы тѣхъ денегъ, какія израсходованы по возведенію настоящихъ сооруженій. По расчисткѣ стараго пути не было бы препятствій для сплава въ малую воду, опасность крушеній представляла бы рѣдкіе, исключительные случаи, а торговля не только выиграла бы отъ этого, но можно утвердительно сказать—развилась бы въ большихъ размѣрахъ, въ особенности въ настоящее время при имѣющемся открыться пароходствѣ въ низовьяхъ Днѣпра и при сооруженіи вблизи желѣзной дороги. И говорить будетъ излишнимъ, что весь край, лежащій ниже пороговъ, ощутилъ бы на себѣ вліяніе этого пути, получая вдвое дешевле такой важный предметъ, какъ дрова, строительные матеріалы, деготь, хозяйственныя издѣлія и самое желѣзо, которое у насъ вообще необыкновенно дорого отъ дальней сухопутной перевозки, а въ томъ краю дороже значительно, между тѣмъ какъ оно въ числѣ самыхъ первыхъ и необходимыхъ потребностей. Но лѣсъ и дрова на югѣ доходятъ до цѣнъ баснословныхъ, такъ что иногда серьезно можно задуматься: какимъ образомъ возможно благосостояніе людей тамъ, гдѣ какая нибудь щепка продается чуть не на вѣсъ золота?

Многіе мечтали объ обводномъ каналѣ, другіе—о желѣзной дорогѣ отъ Каменки до Кичкаса, но тѣ и другія мечты руши-

лись: первое оттого, что сооруженіе обводнаго канала въ кряжѣ гранита невозможно, а второе оттого, что не окупились бы огромныя издержки, требуемыя для постройки желѣзной дороги на такой неровной и овражистой мѣстности. Казалось бы, удобнѣе всего, оставивъ каналы для сплава торковъ по низкой водѣ, расчистить старый козачій путь и, не мечтая о взводномъ судоходствѣ, довольствоваться сплавнымъ, ибо вверхъ могутъ идти лишь предметы роскоши, тогда какъ внизъ идутъ предметы первой потребности. Лѣсоразведеніе не получило еще гражданства въ Новороссіи, и хотя многіе утверждаютъ, что деревья не могутъ расти на той почвѣ, однако здѣсь виною безлѣсья единственно—непредпріимчивостъ. Между тѣмъ при малолюдствѣ, которое само по себѣ требуетъ у хозяина огромныхъ издержекъ на наемъ рабочихъ, надобно платить страшныя цѣны за все, чего только не производитъ край, начиная отъ доски до гвоздя и до самаго убогаго окошечка въ несчастную землянку. Съ учрежденіемъ постояннаго свободнаго судоходства чрезъ пороги, многіе капиталы пришли бы въ движеніе, и то, что запорожскій житель платитъ нѣсколькимъ монополистамъ за одинъ лѣсъ, доставило бы ему средство имѣть и деготь, и желѣзо. Извѣстно, что лѣсопромышленники берутъ за свой товаръ огромные проценты, перейдя пороги, хотя проводъ барки отъ Каменки имъ стоитъ небольшой суммы на наемъ лоцмана, прибавочныхъ, передѣлку *стерна* и отгрузку товаровъ. Расходы эти такъ ничтожны въ сравненіи съ цѣнностью груза, что едва ли составятъ 2%.

Суда, намѣревающіяся спуститься за пороги, обыкновенно приходятъ въ лоцманскую Каменку и предъявляютъ свои бумаги въ контору, съ требованіемъ лоцмана. Атаманъ тотчасъ ѣдетъ обмѣрять грузъ и, смотря по горизонту воды, иногда велитъ отгружать судно до извѣстной степени, ибо по водомѣру видно въ какомъ грузу можно безпрепятственно пройдти въ порогахъ. Послѣ этого онъ тщательно осматриваетъ якоря, канаты, весла, а главное *стеренъ* или *стерно* (руль), которое по большей части тутъ же и придѣлывается на мѣсто прежняго. Неуклюжее это орудіе—единственное средство провести чрезъ пороги барку или берлину, въ свою очередь нелѣпыя и неуклюжія, да и наконецъ самое граціозное судно не можетъ здѣсь пройдти иначе какъ подобнымъ стерномъ, состоящимъ изъ мачтоваго дере-

ва, сажень въ десять длины, къ которому еще придѣлывается лопасть, или перо, сажени въ четыре. Въ порогахъ безполезенъ обыкновенный руль, который, ворочаясь у самой кормы, можетъ дать только извѣстное направленіе, но не можетъ удержать его при быстротѣ пороговаго теченія; кромѣ того, стерно и поворачиваетъ сильнѣе, имѣя упоръ въ нѣсколькихъ саженяхъ. На плотахъ находятся по два особенныхъ руля, именуемыхъ бабайками, на каждомъ концѣ.

На судно назначается первостатейный лоцманъ и его помощникъ, и если рабочихъ мало, то хозяинъ обязанъ нанять нѣсколько прибавочныхъ. Иногда, въ случаѣ, если лоцманъ еще молодой, ему придается дядя изъ опытныхъ старыхъ лоцмановъ, который, слѣдя за дѣйствіями молодаго товарища, помогаетъ ему совѣтами и учитъ нѣкоторымъ уловкамъ, пріобрѣтеннымъ во время многолѣтняго плаванія. Самъ лихой кормчій, молодой лоцманъ, всегда съ уваженіемъ обращается къ дядѣ и называетъ его по старому козацкому обычаю: батько. Предъ отплытіемъ изъ Каменки, лоцманъ получаетъ приказаніе чрезъ какіе пороги идти каналами, чрезъ какіе старымъ ходомъ. Всѣ лоцманы предпочитаютъ старый козачій путь, собственно потому, что здѣсь они вездѣ на фарватерѣ: каналы же, устроенные внѣ его, требуютъ уже другаго направленія и подвергаютъ лоцмана и мелямъ, и заборамъ, и опаснымъ камнямъ. Оно и очень естественно: отваливъ отъ пристани, барка предоставляется теченію, которое имѣетъ свой опредѣленный путь, а махина, подобная баркѣ, хотя и снабжена десятью веслами, не въ состояніи выполнять, какъ шлюпка, желаній лоцмана, и потому послѣдній, чтобы только попасть въ каналъ, иногда долженъ употреблять огромныя усилія. Впрочемъ, каменскимъ лоцманамъ нечего учиться ловкости и смѣтливости: они изучили ходъ по каналамъ и, ловко, съ знаніемъ дѣла, лавируя между камнями, проходятъ благополучно. Имъ опасенъ только вѣтеръ, и потому они отваливаютъ лишь въ самую тихую погоду, когда, что называется, ни шелохнетъ. Но и въ самый благопріятный день схватываются *полосы* (вѣтеръ), и если такая полоса застигнетъ барку при входѣ въ порогъ, гдѣ уже нельзя ни поворотить, ни бросить якорь, тогда съ крѣпкой надеждой на Бога, лоцманъ пускается въ опасный путь....

Обыкновенно предъ отплытіемъ, принявъ барку на свою от-

вѣтственность, лоцманъ возвышаетъ голосъ, переходящій въ тонъ командирскій, и приказываетъ всѣмъ, по малорусскому обычаю, присѣсть на секунду, и потомъ начинаетъ молиться Богу съ колѣнопреклоненіемъ. Суровое, умное лицо лоцмана въ это время выражаетъ такую набожность, такую искреннюю молитву, что всякій прочтетъ въ этихъ чертахъ пламенную преданность Провидѣнію. Всѣ присутствующіе молятся нѣсколько минутъ. При этомъ на нѣкоторыхъ лицахъ видна тревога, по которой можно узнать новичковъ, или *перваковъ*, какъ называютъ ихъ лоцманы. Поднявъ якорь, барка тихо оборачивается, человѣкъ шесть управляютъ стерномъ по указаніямъ лоцмана, и, смотря по тому—итти ли старымъ путемъ, или въ каналъ—судно принимаетъ направленіе. Поплыли внизъ по теченію; раздается мѣрный ударъ веселъ; берега начинаютъ уходить назадъ. Раздается команда лоцмана: шабашъ! Весла приподымаются кверху, и судно несется плавно стремленіемъ Днѣпра. Здѣсь начинаются разговоры, распросы, но лоцманъ не словоохотенъ; онъ умными своими глазами смотритъ впередъ и, заложивъ руки за спину, дѣлаетъ своему помощнику замѣчанія:

— У велику воду туди лучче (въ большую воду, туда лучше); или: треба держать чердакъ на оттой камінь (надо держать носъ на тотъ камень).

И вотъ опять раздается команда: гребемъ! Веслы снова зашумѣли, барка снова пошла быстрѣе, и передъ вами Кодацкій порогъ, уже мною описанный, котораго вы еще не видите, но присутствіе котораго слышно по шуму и замѣтно по бѣлымъ всплескамъ, подпрыгивающимъ впереди, словно кролики. Если судно идетъ старымъ путемъ, оно направляется болѣе къ правому берегу, если же въ каналъ, то забираетъ далеко влѣво. Каналъ этотъ лучшій изъ всѣхъ пороговыхъ сооруженій, какъ по своему устройству, такъ и потому, что впереди его нѣтъ затрудненій для судоходства; одно лишь неудобство—заблаговременно сбивать судно съ настоящаго хода и направлять его къ деревнѣ Чаплямъ, что̀ при небольшомъ вѣтеркѣ съ лѣваго берега не такъ-то удобно.

Въ то время, когда пороговое стремленіе подхватитъ судно, лоцманъ командуетъ:

— Шабашъ! Къ стерну!

И гребцы, оставивъ *гребки* (весла) спѣшатъ на подмостки и

становятся по обѣимъ сторонамъ стерна, которое въ верхнемъ концѣ имѣетъ нѣсколько небольшихъ жердей для того, чтобъ можно было поворачивать лопасть плашмя при переносѣ стерна съ отной стороны на другую. Здѣсь чувствуется какое то легкое замираніе сердца, что-то въ родѣ испуга, а вмѣстѣ съ этимъ пробѣгаетъ какое-то пріятное ощущеніе, когда чердакъ спустится въ первую пѣну, которая высоко брызжетъ съ оглушающимъ шумомъ. Лоцманъ устремилъ глаза впередъ.

— Придави ще! ще! (придави еще! еще!) ставъ! (ставь!), говоритъ онъ.

Всплески мѣшаютъ слушать; лоцманъ рукою показываетъ движеніе и самъ бросается къ стерну.

— Держи!

И усилія всѣхъ напряжены, и барка несется по уступамъ какъ по стрункѣ.

Въ каналѣ тоже самое, только меньше страха, а также весело, потому что вода несетъ необыкновенно быстро. По выходѣ изъ порога, когда проплыли большое волненіе, лоцманъ становится на колѣніи; его примѣру слѣдуютъ всѣ и благодарятъ Бога за благополучную переправу; потомъ кормчій поздравляетъ хозяина и прибавляетъ:

— Дай Боже такъ и до міста.

Выйдя на тихую воду, всѣ отдыхаютъ, а гребцы принимаются за завтракъ, потому что до пороговъ еще далеко, но лоцманъ стоитъ у стерна.... Хозяева иногда выносятъ ему стаканъ чаю (если они не евреи), но водку пьетъ развѣ самый отчаянный лоцманъ; да такихъ, сколько могу судить, кажется и немного. Слова нѣтъ, доставивъ судно на мѣсто, иной лоцманъ кутнетъ во всю ивановскую, но въ порогахъ это не въ обычаѣ. Такъ предки ихъ, запорожцы, кутившіе въ Сѣчи иногда по суткамъ безъ просыпу, въ походѣ не употребляли *оковитої* (водки), потому что за пьянство на судахъ топили въ воду, а на сушѣ казнили кіями. Эта козацкая регула сохраняется и понынѣ, по крайней мѣрѣ во время прохода черезъ пороги. Не безъ того, что иной отчаянный лоцанъ идетъ и навеселѣ, но это очень рѣдко, а есть и такіе, которые чѣмъ болѣе навеселѣ, тѣмъ лучше проходятъ пороги. Такихъ однако-же считаютъ рѣдкимъ исключеніемъ.

Ниже Кодацкаго порога вправо показывается Демскій ост-

ровокъ, а влѣво Носулинъ, противъ котораго стоятъ и Носулины камни, довольно замѣтные и въ большую воду. Вообще замѣтные камни уважаются лоцманами, но не любятъ они тѣхъ, которые покрыты водою, потому что чуть легкій вѣтерокъ *поворонитъ*, какъ они выражаются, рѣку, то уже не видно *виру* (стремленія воды сверхъ камня), и надо знать превосходно мѣстность, чтобы миновать подводную опасность. Оба упомянутые островка не представляютъ ничего занимательнаго. Но вотъ немного ниже слѣдуетъ Яцева забора, у Боплана названная порогомъ. Въ изслѣдованіяхъ къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга, она названа: *Волшиная* или *Яцкая*; а въ древней Россійской идрографіи по сказкѣ запорожскихъ черкасъ именуется: *Звонецъ*. Порогомъ называется, какъ мы уже видѣли, сплошная гряда, лежащая чрезъ всю рѣку, а заборой —гряда камней, идущихъ до половины русла, а иногда и болѣе, но оставляющихъ и свободное мѣсто для прохода. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что Константинъ Багрянородный не упоминаетъ объ этой заборѣ и считаетъ только 7 пороговъ, тогда какъ Бопланъ насчитываетъ ихъ 13. Здѣсь Днѣпръ поворачиваетъ вправо, и суда плывутъ, какъ называютъ вообще судоходы, на шабашахъ, т. е. уносимыя однимъ теченіемъ безъ помощи *гребокъ*. По обѣ стороны, берега для вида пріятные, но не имѣютъ еще ничего особенно живописнаго. Конечно, кое-гдѣ рощица, кое-гдѣ каменный утесъ придаютъ разнообразіе, но это все не то, чего путешественникъ ожидаетъ отъ пороговъ и чего, безъ сомнѣнія, онъ дождется немного дальше. Но въ этомъ плаваніи много поэзіи. Солнце только что взошло, небо чисто, вѣтеръ не шелохнетъ, и тихое, едва замѣтное движеніе судна не мѣшаетъ туристу сидѣть на верху и пить чай при утренней прохладѣ. Барки въ этомъ мѣстѣ почти всегда плывутъ въ подобную погоду, потому что въ другое время онѣ не трогаются съ мѣста. Я думаю, однакоже, что туристовъ здѣсь не много: по крайней мѣрѣ я, странствуя другое лѣто по днѣпровскимъ прибережьямъ и проживая у пороговъ и на порогахъ, не встрѣчалъ никого, кто рѣшился бы проплыть это небольшое пространство въ 65 верстъ собственно изъ любопытства. Плыли прошлою осенью иностранцы, но эти принадлежали къ компаніи низоваго пароходства.

Влѣво на горѣ лежитъ село Любимовка, принадлежащее Н. В

Синельникову, и не представляющее никакого интереса ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніяхъ. На противоположномъ берегу поселена нѣмецкая колонія Ямбургъ, и о ней можно сказать только то, что здѣшніе нѣмцы—католики, тогда какъ всѣ прочія колоніи въ краю состоятъ изъ менонистовъ. Это также чисто земледѣльческое селеніе, и должно бы приносить пользу сосѣдямъ, пріучая ихъ къ болѣе правильному хозяйству; но подобныя вещи у насъ не перенимаются не только простолюдинами, но и самими помѣщиками. Чистенькая, довольно красивая, эта колонія поселена на самомъ берегу и хотя она не очень близко отъ фарватера, однако же ее очень хорошо можно разсмотрѣть и невооруженными глазами. Далѣе слѣдуетъ налѣво Песковатый островъ, у котораго во время вѣтра, суда останавливаются на якорѣ, а вправо—Сурской, у впаденія въ Днѣпръ Суры, которая большимъ оврагомъ тянется далеко въ глубину степи. Ближе оконечности острова начинается Сурской порогъ, именуемый также и въ другихъ источникахъ, и неупоминаемый у Константина Багрянороднаго. Къ лѣвому берегу торчитъ одна стѣнка бывшаго канала, а другая разобрана по безполезности; суда идутъ старымъ ходомъ безъ особыхъ усилій лоцмана, потому что это порогъ неопасный. Длина его 50 саженъ, паденіе 5 фута 6 дюймовъ. Въ немъ два уступа, или по-лоцмански двѣ лавы: *Чаунная* и *Бондарева*. Остатокъ каменнаго сооруженія не тронутъ, не знаю для какихъ именно причинъ, но онъ вѣроятно необходимъ для успѣшнаго плаванія. За нимъ стоятъ камни Герницевы, которыхъ лоцманы стараются избѣгать также какъ и другихъ камней Колесниковъ, и спѣшатъ къ Лоханскому порогу, отстоящему на полверсты; на этомъ пространствѣ невозможно уже бросить якоря, и еслибы захватила *полоса*, необходимо употребить всю опытность и искусство, чтобы избѣжать крушенія. Между этими порогами, на живописномъ мѣстѣ расположено село Волошское, населенное еще во времена владычества запорожцевъ, о которомъ скажу немного ниже.

Выйдя изъ Сурскаго порога и миновавъ означенные камни, судно по фарватеру забираетъ влѣво на старый путь въ Лоханскомъ порогѣ. Это единственный порогъ, въ которомъ старый путь имѣетъ направленіе къ лѣвому берегу. По гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ и въ изслѣдованіяхъ къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга, онъ названъ

Лоханскимъ, въ древней Россійской Идрографіи по сказкѣ Запорожскихъ Черкасъ—Лоханнымъ, у Константина же Багрянороднаго, по-славянски—*Островуни прагъ*, а по русски—*Ульворси* (?). Понятно, что славяне могли называть его, положимъ, *островный прагъ*, потому что среди порога есть островъ Кулика, но откуда взялось русское названіе *Ульворси*—покрыто мракомъ неизвѣстности, точно также какъ и прочія русскія названія пороговъ, приводимыя этимъ историкомъ, которыя составляютъ лишь наборъ гласныхъ и согласныхъ, неимѣющихъ по-русски никакого смысла. Не были-ль эти слова какой другой національности? Каналъ сдѣланъ на островѣ, упоминаемомъ мною, и до того неудобенъ, что барки рѣшительно въ него не ходятъ, развѣ послѣдуетъ строжайшее приказаніе начальства, но и подобныя приказанія уже не отдаются, потому что попасть въ каналъ необыкновенно трудно. Лоханскій порогъ опасенъ, имѣетъ длины 200 сажень, паденія 1 сажень 2 ф. и 2 дюйма; въ немъ три лавы: *Куликовская*, *Плоская*, и *Черепашина*. Проходъ его впрочемъ довольно прямой. Грядами валуновъ потянулся онъ къ самому селу Волошскому, близь котораго торчатъ большіе камни Буздыгановы, и у самаго же праваго берега возлѣ водяныхъ мельницъ существуетъ небольшой проходъ, очень узкій.

Село Волошское, раскинувшееся въ долинѣ надъ двумя порогами, очень живописно по своему мѣстоположенію. Населилось оно первоначально волошскими семействами, а впослѣдствіи въ него пришло много малорусовъ, преимущественно изъ Полтавской губерніи, заходили сюда и крестьяне Кіевской и Волынской. Волохи впрочемъ и теперь держатся прежняго селища и занимаютъ средину деревни около церкви. Народъ хорошій, съ успѣхомъ занимающійся земледѣліемъ, но преимущественно славящійся умѣньемъ быстро и отлично стричь испанскихъ овецъ. Искусство ихъ славится далеко, такъ что многіе купцы и помѣщики приглашаютъ ихъ не только въ дальніе уѣзды Екатеринославской губерніи, но и въ Полтавскую и Херсонскую. Одинъ волохъ въ продолженіе весенняго дня можетъ остричь до 70 штукъ овецъ. Многіе изъ нихъ отправляются также въ лоцманскую Каменку и нанимаются въ прибавочные для провода плотовъ чрезъ пороги, почему довольно хорошо знаютъ эту мѣстность. Волохи одѣваются въ малорусскій костюмъ; волошки тоже, но выйдя замужъ, носятъ на головѣ покрывало, которое,

обмотавъ два раза, завязываютъ подъ подбородкомъ и выпускаютъ одинъ конецъ позади до таліи. Женщины и дѣвушки носятъ много монистъ, любятъ вышитые рукава у рубашекъ разноцвѣтною бумагою и ходятъ очень опрятно. Въ избахъ соблюдается возможная чистота, и вездѣ, даже у самыхъ бѣдныхъ, множество подушекъ и самодѣльныхъ ковровъ. Сосуды и утварь малорусскіе, исключая нѣкоторыхъ ремесленныхъ принадлежностей, въ которыхъ упорно удерживается заднѣпровскій характеръ. Молдавскій языкъ не забытъ ни сколько, но всѣ знаютъ по-малорусски, точно также какъ и большая часть малорусовъ говоритъ по молдавски. Рыбной ловлей жители занимаются лишь для своего обихода, употребляя простыя обыкновенныя орудія.

Положеніе села чрезвычайно живописно, въ особенности нижняя часть его, окружающая огромную отдѣльную скалу, упирающуюся съ сѣвера въ Лоханскій порогъ и одѣтую съ этой стороны большихъ размѣровъ глыбами гранита. На самомъ верху тоже разбросаны громадные камни, и оттуда превосходный видъ на оба порога и на окрестности. Мнѣ кажется, еслибы красота видовъ села Волошскаго была извѣстна, многіе проѣзжающіе сворачивали бы сюда изъ Екатеринослава нарочно для того, чтобы полюбоваться интересной мѣстностью. Кое-гдѣ по скалѣ разбросаны небольшіе курганчики, изрытые искателями кладовъ. Южный бокъ этой скалы огибаетъ оврагъ, на противоположной сторонѣ котораго высится такой же вышины гора, одѣтая гранитомъ. Въ послѣдней, подъ однимъ камнемъ есть пещера, по словамъ мѣстныхъ жителей, проникающая въ глубину сажень на десять. Говорятъ, что тамъ ничего нѣтъ, но что очень сыро и холодно. Бывая въ Волошскомъ, я хотѣлъ осмотрѣть эту пещеру, но проникнуть могъ лишь аршина надва, а дальнѣйшій входъ засоренъ такъ, что требовалось бы много хлопотъ. Въ другое время эти хлопоты меня не испугали бы, но имѣя въ виду совершенно другія занятія и тѣмъ болѣе живя на порогахъ, я употреблялъ все свое время на плаваніе между камнями, въ обществѣ рыбаковъ—мѣстныхъ лоцмановъ, что было мнѣ необходимо для основательнаго изученія мѣстности. Объ этой пещерѣ разсказываютъ, что въ ней жилъ когда-то змѣй, пожиравшій людей—сказка, повторяющаяся во многихъ мѣстахъ и, къ сожалѣнію, лишенная всякихъ подробностей. Отдѣленная отъ этой скалы небольшимъ протокомъ, возвышается у Стрѣльчей за-

боры, на Днѣпрѣ, Стрѣлицкая скеля. Это красивый утесъ, брошенный въ рѣку въ массѣ прочихъ каменьевъ. На немъ однакоже ростутъ осокоры, бузина, шиповникъ, и въ настоящее время оба кустарника въ полномъ цвѣту, что придаетъ этой скалѣ много живописности. На поверхности ея нѣсколько могильныхъ насыпей, разрытыхъ, разумѣется, искателями кладовъ. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, находки состоятъ изъ польскихъ монетъ, но ихъ трудно достать, потому что крестьяне боятся всякаго пріѣзжаго, видя въ немъ чиновника, и ужъ не знаю, что разумѣя подъ этимъ; по крайней мѣрѣ я испыталъ это на себѣ: что ни спросишь съѣстнаго у хозяекъ въ деревняхъ — масла, молока, яицъ, курицу, всегда одинъ отвѣтъ: пошлите къ сосѣдямъ, можетъ быть и дадутъ. Но если предпослать предисловіе, что за все будетъ заплачено, съѣстные припасы являются въ изобиліи, и хозяйка сама предлагаетъ услуги сварить обѣдъ.

— Отчего же ты отказывала сперва? спрашиваешь иную хозяйку.

— Боялась, пане, что не дадите грошей.

И за этимъ слѣдуетъ исчисленіе сколько уже взялъ продуктовъ старшина или соцкій для проѣзжихъ пановъ и проч.

Съ древностями еще труднѣе: крестьянинъ скорѣе отдастъ рѣдкую монету еврею за безцѣнокъ, нежели принесетъ тому, кого считаетъ онъ чиновникомъ, изъ боязни, не знаю на чемъ основанной, что у него отберутъ и начнутъ еще спрашивать: гдѣ и когда нашелъ, не скрылъ ли чего, какъ смѣлъ? и т. п.

Не такъ еще давно прибережья Волошскаго были покрыты большимъ лѣсомъ, что и теперь замѣтно по остаткамъ деревьевъ и по окрестнымъ балкамъ, въ которыхъ произрастаютъ дубъ, берестъ, разумѣется въ маломъ количествѣ и довольно плохаго качества. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія это была глушь. Мнѣ разсказывали, что бывало изъ Екатеринослава, который тогда только что возникалъ и въ которомъ въ то время полиція была также дѣятельна какъ и нынѣ, арестанты уходили очень часто изъ острога и разбойничали по деревнямъ. Волохи лѣтомъ обыкновенно въ отсутствіи, а въ селѣ оставались однѣ женщины, и довольно было показаться двумъ, тремъ перебритымъ головамъ, чтобы привесть въ ужасъ все селеніе. Пользуясь этимъ, бродяги взимали огромную контрибуцію, иногда безчинствовали,

и обремененные поживой отправлялись въ другія мѣста за добычей. Со временемъ все измѣнилось; прежнихъ разбойниковъ нѣтъ, но контрибуціи, тѣ или другія, будутъ еще долго принимать различныя формы для поживы на счетъ ближняго, пока повсемѣстное образованіе не уврачуетъ нѣкоторыхъ болѣзней нашего общественнаго быта.

Не могу не привести здѣсь одной встрѣчи въ селѣ Волошскомъ, потому что это грустный фактъ, къ сожалѣнію еще водящійся въ провинціи. Не успѣлъ я войдти въ избу и переодѣться послѣ дороги, какъ является господинъ въ поношенномъ пальто, умолчу какой формы. Стараясь въ моемъ путешествіи имѣть сношенія лишь съ простолюдинами, я не слишкомъ люблю заводить въ деревняхъ знакомства съ людьми подобнаго покроя, однакоже совѣстно было показать гостю, что визитъ его неумѣстенъ. Оставалось лишь изобрѣсти средство какъ бы сократить неожиданное посѣщеніе. Гость мой самъ помогъ мнѣ въ этомъ случаѣ. Объявляя при входѣ чинъ и фамилію, онъ прежде меня уже закурилъ сигару.

— Вижу, что вамъ мѣшаю, сказалъ онъ, но знаете—скука, одни мужики дурачье-съ... съ ума сойдешь.

Я собирался отвѣчать.

— Присланъ сюда на слѣдствіе, продолжалъ онъ, знаете, городъ далеко; издержался; здѣсь, скажу вамъ, подлецы, народъ грубый; съѣстнаго еще и такъ, и сякъ, а ужь денегъ не возмешь! Не то, что бывало въ старину, какъ разсказываетъ капитанъ N. N. Не можете-ли вы одолжить сколько нибудь подъ росписку! Я постараюсь отслужить.

Я отвѣчалъ нецеремонному господину, что самъ я путешественникъ и при томъ человѣкъ, живущій своимъ трудомъ, что немогу помочь, а бездѣлицу предложить совѣстно.

— Не безпокойтесь, всѣмъ буду доволенъ.

Вручивъ поскорѣе своему гостю рубль серебромъ, въ надеждѣ, что буду дня на два избавленъ отъ его посѣщенія, я принялся приводить въ порядокъ свои замѣтки. Черезъ часъ я услышалъ въ сѣняхъ громкій повелительный голосъ недавняго гостя.

— Старшина и соцкій здѣсь?

— Здѣсь, отвѣчали ему.

— Тотчасъ, чтобы были двѣ курицы, масло, да сливокъ собрать густыхъ! Слышишь.

— Чую.

— Вы должны угостить маіора.

— Та мы жъ для васъ уже добули.

— То для меня, болванъ, а это для пріѣзжаго! Развѣ маленькая деревня, не можете собрать такихъ пустяковъ, каналіи? Шевелись у меня, не то, знаешь, я по военному.

Я отворилъ дверь на этотъ шумъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ старшинѣ, что для меня ничего не нужно.

— Вы, маіоръ (не знаю уже почему новый знакомецъ счелъ меня маіоромъ), слишкомъ снисходительны съ этими канальями, ихъ надобно по шеѣ. Вотъ вчера ночевалъ здѣсь капитанъ, такъ тотъ не долго думалъ, старшину въ морду, и все было готово. Для васъ же хлопочу.

Поблагодаривъ за хлопоты, я тутъ же изъяснилъ строгому господину, что во-первыхъ не имѣю права драться съ кѣмъ бы то ни было, а во-вторыхъ считаю это недостойнымъ порядочнаго человѣка.

— Удивляюсь, прибавилъ я, какимъ образомъ можно позволить себѣ подобное обращеніе.

— У насъ, маіоръ, по военному.

Напрасно было бы убѣждать, что ни военный, ни статскій чиновникъ не имѣютъ права требовать ничего безденежно и еще посредствомъ кулака: собесѣдникъ мой былъ на-веселѣ, и я только просилъ его обо мнѣ не безпокоиться.

Вечеромъ уже поздно этотъ господинъ снова явился ко мнѣ съ очень радостной физіономіей. Я запечатывалъ письма, которыя съ разсвѣтомъ надо было послать за двадцать верстъ на почту.

— Поздравляю, маіоръ!

— Сдѣлайте одолженіе, не придавайте мнѣ этого чина.

— Виноватъ, подполковникъ! позвольте сигару. Поздравляю.

Не желая останавливать развязнаго господина, который началъ бы называть меня генераломъ, и давая сигару, я изъявилъ удивленіе по случаю поздняго визита.

— Съ чѣмъ же вы меня поздравляете?

— Получилъ извѣстіе, что завтра въ восемь часовъ будетъ слѣдователь. Теперь вы мнѣ можете до утра одолжить три рубля, и вотъ росписка.

При этомъ гость положилъ мнѣ на столъ клочекъ бумаги.

— Росписку можете взять, денегъ у меня нѣтъ, и я буду васъ покорнѣйше просить оставить меня въ покоѣ.

— Ахъ, подполковникъ, мнѣ очень нужно. Ужъ за процентъ я вамъ услужилъ бы.

При этомъ онъ мнѣ сдѣлалъ одно предложеніе, прибавивъ, что капитанъ за подобную услугу, далъ ему денегъ. Съ чрезвычайно грустнымъ чувствомъ я настоятельно просилъ оставить меня въ покоѣ, и по выходѣ безцеремоннаго господина слышалъ какъ онъ въ сѣняхъ совѣтовалъ моему Ивану утащить у меня десятокъ сигаръ, обѣщая за это на выпивку.

Такъ вотъ какія личности попадаются еще въ форменныхъ пальто и въ фуражкахъ съ кокардами.

Но возвратимся къ Лоханскому порогу. По выходѣ изъ него, судно нѣкоторое время качается большимъ волненіемъ, а потомъ идетъ покойно, минуя Стрѣльчую забору, которая нѣсколькими рядами каменьевъ идетъ отъ праваго берега къ лѣвому. На послѣднемъ, у прибрежной рощи, именуемой Дубровою, находится лѣсная пристань, заведенная двумя помѣщиками лѣсныхъ губерній, но перешедшая нынѣ во власть екатеринославскихъ монополистовъ, которые употребляли всѣ извѣстныя имъ уловки, чтобы отбить охоту у помѣщиковъ заниматься лѣсною торговлей. Здѣсь же пристаютъ суда и плоты во время катастрофы или ненастной погоды. Немного ниже, у той же самой дубровы лежитъ на берегу огромной величины камень въ родѣ крыши, называемый Богатырь. Вы думаете онъ называется такъ по своей необычайной величинѣ? Нѣтъ, взгляните на противоположный берегъ и вы увидите на небольшомъ разстояніи отъ него въ водѣ другой такой же громадный камень, носящій такое же названіе. Послѣдній лежитъ ниже Стрѣлицкой скели. Объ этихъ богатыряхъ у лоцмановъ и окрестныхъ жителей ходитъ темное преданіе. Была какая-то битва или, лучше сказать единоборство между двумя богатырями, изъ которыхъ нашъ стоялъ на правомъ, а непріятельскій (турецкій, какъ говорятъ береговые жители) на лѣвомъ берегу Днѣпра. Герои выбрали по гранитной глыбѣ одинаковой величины и рѣшили кто перебросить камень черезъ рѣку, тотъ и побѣдитель. Нашъ видно былъ посильнѣе, потому что и въ порядочную воду его камень стоитъ на берегу въ дубровѣ, а вражескій богатырь не могъ добросить, и его камень очутился въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега. Не намекъ ли

это на какую нибудь битву, память о которой, переходя по преданіямъ, утратилась въ наше время и оставила лишь темную молву для догадокъ. Само собою, упоминаніе жителями о богатырѣ турецкомъ приведено лишь для того, чтобы показать какъ въ наше время искажаются преданія. Но каждый разъ, какъ проѣзжаю здѣсь, я думаю, что эти громадные камни служатъ не даромъ основаніемъ темной молвѣ и намекаютъ можетъ быть объ отчаянной битвѣ славянской дружины съ печенѣжской. Не смотря на то, что надъ селомъ Волошскимъ въ степи были изслѣдованы курганы, мнѣ кажется, не мѣшало бы вскрыть еще нѣсколько насыпей на прибрежныхъ скалахъ въ сосѣдствѣ праваго богатыря, и вообще тщательно изслѣдовать все это прибрежье. Жаль, что такая полезная наука какъ археологія, отъ которой мы вправѣ ожидать многаго для отечественной исторіи, неоцѣнена еще у насъ достаточно, и частные люди, обладающіе большими средствами, не помогаютъ ей пожертвованіемъ значительныхъ суммъ для ученыхъ изслѣдованій. Но я увлекаюсь предметомъ, столь близкимъ моему сердцу, и забываю о баркѣ, выплывшей изъ Лоханскаго порога и слѣдующей вдоль Дубровы. Здѣсь рѣка дѣлаетъ легкій поворотъ вправо, имѣя двѣ заборы на близкомъ разстояніи, и судно, проплывъ верстъ пять по довольно пустынной мѣстности, подходитъ къ Звонецкому порогу. Онъ также названъ и на гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; Звонецъ или Звонецкій, по изслѣдованіямъ къ объясненію древней Русской исторіи Лерберга; Стрѣльчій въ древней Россійской Идрографіи по сказкѣ Запорожскихъ черкасъ, и по-русски *Геландри* (?) у Константина Багрянороднаго. Въ Звонецкомъ четыре лавы: плоская, черная, глухая, кобылина. Длина 125 саженъ, паденіе 4 фута 9 дюймовъ. Каналъ устроенъ порядочный и въ него попасть можно безъ затрудненія. Ниже порога въ 100 саженяхъ отъ праваго берега вдается въ рѣку огромный гранитный утесъ, стѣсняющій ее до 300 саженъ. На лѣвомъ берегу, подальше въ глубину—деревня помѣщика Миклашевскаго и впаденіе въ Днѣпръ рѣчки Вороной, а направо на берегу село Звонецкое. Жители послѣдняго собственно хлѣбопашцы и ловлей рыбы занимаются весьма немногіе, для удовлетворенія личной надобности. Въ Звонецкомъ живетъ преклонныхъ лѣтъ старикъ, который помнитъ первое населеніе и путешествіе Императрицы Екатерины. Сначала онъ неразговорчивъ и его

надо наводить на разсказы, но потомъ, мало по малу, онъ выходитъ изъ обычной апатіи и разсказываетъ нѣкоторыя подробности. Иныя свѣдѣнія довольно любопытны. По его словамъ въ старомъ Кодакѣ, въ городкѣ, стояла пушка и на высокомъ столбѣ былъ привѣшенъ колоколъ. Чуть показывались гдѣ нибудь татары, сторожевой палилъ изъ пушки и звонилъ въ колоколъ. Народъ, гдѣ бы ни былъ въ полѣ на работѣ, тотчасъ уходилъ съ поля и скрывался по балкамъ и лѣсистымъ оврагамъ. Въ то время *війя* (дышло у воловьей повозки) придѣлывалось съ обѣихъ сторонъ къ возу, для того, чтобы при тревогѣ нечего было хлопотать поворачивать возъ, а скорѣе надо было хватать воловъ и запрягать съ той стороны, съ какой удобнѣе. Много зналъ старикъ и запорожцевъ, но болѣе уже *лугарей*, т. е. козаковъ, оставшихся въ краю, нигдѣ не поселившихся и занимавшихся вольнымъ промысломъ, разбоемъ. Бывало, такой лугарь, воткнувъ гдѣ нибудь копье на курганѣ, вблизи дороги, привяжетъ лошадь у дерева и ложится спать или курить люльку. Каждый проѣзжій обязанъ былъ положить возлѣ копья какую нибудь дань и могъ смѣло отправляться своей дорогой, не боясь уже преслѣдованія; но не положившій ничего, рисковалъ не только быть ограбленнымъ, но иногда и убитымъ.

На одномъ берегу съ Звонецкимъ лежитъ островъ Шулаевъ противъ небольшой деревеньки Алексѣевки. Ниже устья рѣки Вороной, Днѣпръ расширяется, обтекая довольно большой островъ Козловъ—офиціально и Козловъ по народному говору. Фарватеръ идетъ по лѣвую сторону и здѣсь же удобное мѣсто для стоянки судовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ фарватеръ во времена Боплана былъ или мелокъ, или даже и вовсе неудобенъ, потому что забора по правую сторону Козлова острова названа порогомъ. По гидрографической картѣ тоже названа она: порогъ *Технинскій* и показана 4 фута 2 дюйма паденія; по изслѣдованіямъ къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга, это порогъ Тихнинскій или Княгининъ (?), а по древней Россійской идрографіи по сказкѣ Запорожскихъ Черкасъ: Княгининъ. Въ настоящее время это забора Тягинская, названная по имени балки, впадающей здѣсь съ правой стороны и далеко въ степи извѣстной подъ именемъ Тягинки. Переиначенное названіе объясняется тѣмъ, что Бопланъ, по свойству всѣхъ французовъ коверкать русскія слова, Тягинку назвалъ Технинкой, а что касается до

древней Россійской идрографіи, то хотя она и написана *по сказкѣ Запорожскихъ Черкасъ*, однако въ тѣ времена любили передѣлывать малорусскія названія. Да и въ позднѣйшія времена мы видимъ, что офиціальныя лица мало обращаютъ вниманія на названіе мѣстностей. Напримѣръ, село Кодакъ (у перваго порога), слывшее всегда и слывущее нынѣ у мѣстныхъ жителей подъ этимъ именемъ, офиціально сдѣлалось *Кайдаки*, на какомъ основаніи неизвѣстно, и даже я слышалъ недавно, какъ одинъ господинъ сдѣлалъ замѣчаніе сыну, который, по примѣру мѣстныхъ жителей, назвалъ означенное село Кодакомъ, что это нелѣпо, а должно и говорить, и писать *Кайдаки*, какъ пишется *въ бумагахъ*.

Но какимъ же образомъ Тягинская забора, представлявшая во времена Боплана порядочный порогъ въ четыре слишкомъ фута паденія, мѣшавшій судоходству, не была извѣстна прежнимъ историкамъ? Неужели нынѣшній путь, существовавшій во времена Константина Багрянороднаго, былъ неудобенъ около половины XVII столѣтія? Остается одно предположеніе, что русло, сильно засорившись наноснымъ пескомъ въ какое нибудь необыкновенное половодье, долго ожидало подобнаго же случая для очистки. А Тягинская забора пониже Шулаева острова представляетъ большое препятствіе для судоходства. Она состоитъ изъ большихъ камней, изъ которыхъ *Карабелъ* не покрывается и большою водою, въ половодье однакожъ черезъ нее идутъ плоты. Забора эта шумитъ какъ и порогъ.

Барки постоянно огибаютъ Козловъ островъ слѣва. Суда, слѣдующія одиноко, или какъ говорятъ лоцманы, *въ прямую*, запасаются достаточнымъ числомъ людей еще въ Каменкѣ и минуя при благопріятной погодѣ острова, идутъ къ Ненасытцу, а барки, идущія *перепустомъ*, соблюдаютъ слѣдующее правило. Если плыветъ двѣ барки одного хозяина, то находящаяся впереди, бросаетъ якорь или у Козлова, или у Ткачева острова (лѣвѣе) и высылаетъ обоихъ лоцмановъ и нѣсколько человѣкъ коренныхъ—баркѣ, плывущей позади, которая, принявъ подкрѣпленіе, спускается къ порогу. Здѣсь всѣ творятъ краткую, но пламенную молитву. За островами теченіе воды довольно быстро и несетъ судно къ старому проходу, не требуя отъ лоцмана особыхъ усилій. Страшный шумъ, зачастую слышный еще отъ Звонецкаго порога, здѣсь уже очень явственно даетъ

знать о близости *Дѣда*, какъ называютъ лоцманы Ненасытецъ, и вскорѣ, вправо, показываются огромные всплески волнъ, бьющихся бѣлой пѣной между каменьями. Оба берега скалисты.

— Готовь вiдра, конопатки! Къ стерну! вскрикиваетъ лоцманъ и становится у стерна, за которое ухватилось человѣкъ двадцать людей, готовыхъ исполнять малѣйшее его приказанiе.

Всплески виднѣе и слышнѣе.... Барка проплываетъ Раковъ камень.... Порогъ показался весь покрытый *букомъ* (пѣной). Ненасытецъ, по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ и по изслѣдованiямъ къ объясненiю древней Россiйской исторiи Лерберга—*Ненасытецкiй*, по древней Россiйской Идрографiи *Неясытецъ*, и у Константина Багрянороднаго по словянски *Неаситъ*, а по-русски *Аифаръ* (?), имѣетъ въ длину 643 сажени, паденiя 2 сажени 3 дюйма. Состоитъ онъ изъ 12 лавъ, которыя очень ясно обозначаются пѣнистыми рядами: Рваная, Служба, Остренькая, Одинцовская, Рогожная, Буравленая, Бургарская, или Булгарская, Довгополая, Казенцова, Мокрыя клади и Рогатая. Эти лавы болѣе извѣстны по нумерамъ 1, 2 и т. д., а названы по каменьямъ въ нихъ попадающимся, извѣстнымъ по какому нибудь обстоятельству. Нѣтъ сомнѣнiя, что иныя изъ названiй и древнiя—остатки отъ запорожцевъ, а другiя произошли отъ именъ позднѣйшихъ лоцмановъ, потерпѣвшихъ крушенiе.

Оставляя вправо около прохода Рваный камень, управляемая искуснымъ лоцманомъ, барка бросается съ первой лавы, и въ этомъ омутѣ, въ этомъ страшномъ шумѣ Днѣпра, бьющагося межъ каменьями, не всегда слышна команда лоцмана, который движенiемъ показываетъ направленiе и изъ всѣхъ силъ кричитъ: держи! если нужно держать стерно неподвижно. Съ уступа на уступъ несется барка естественнымъ фарватеромъ, повинуясь могучему стерну, и пробѣгаетъ порогъ почти въ три минуты; въ это время она гнется, скрыпитъ и иногда словно стонетъ. Волненiе страшное, всплески, въ особенности въ послѣдней лавѣ, схватываются на чердакъ и обливаютъ.... Но вотъ она на вольной водѣ и снова всѣ становятся на колѣни благодарить Бога.... Если барка грузна, т. е. немного переходитъ мѣру, то въ одной лавѣ она тронется о *Зеленый* камень, который однако же у лоцмановъ считается большимъ прiятелемъ, ибо онъ такого устройства, что если даже днище барки и загремитъ на его

поверхности, то вреда никакого не будетъ; но пониже есть камень, называемый *Крутько*, который, зацѣпивъ барку, окрутитъ ее; при чемъ иногда вышибается стерно, и тогда погибель неизбѣжна. Бросивъ якорь ниже, у Голодайки или у Песковатаго острова, лоцманы и весь народъ, необходимый для другой барки, ѣдутъ на лодкѣ до берега и пѣшкомъ отправляются къ оставленному судну, которое переправляютъ такимъ же образомъ. Это называется идти *перепустомъ*.

Когда вода не такъ еще велика, то лоцманы получаютъ приказаніе идти въ каналъ. Для этого, обогнувъ Козловъ, они стараются выгресть съ фарватера влѣво. Съ цѣлью сдѣлать входъ въ каналъ болѣе удобнымъ, инженерное вѣдомство перерѣзало островки и сдѣлало расчистку саженяхъ въ двадцати передъ каналомъ, оградивъ ее тоже стѣнками. Плыть по этой расчисткѣ хорошо, но при концѣ ея лоцману предстоитъ гораздо болѣе затрудненія, чѣмъ при входѣ въ самый порогъ. Каналъ, устроенный у лѣваго берега, значитъ не на фарватерѣ, вслѣдствіе неизвѣстно какихъ соображеній, лежитъ прямой линіей чрезъ весь порогъ, имѣя большія крылья при входѣ для захвата большаго количества воды. Расчистка помогаетъ судну не сбиться съ направленія, но между этой расчисткой и правымъ крыломъ канала дѣлается большой напоръ воды съ Днѣпра, стремящейся въ этотъ промежутокъ, такъ что лоцманъ долженъ со всевозможными усиліями выгребаться, чтобы не быть отнесеннымъ на лѣвое крыло, гдѣ, конечно, нѣтъ уже спасенія. Обыкновенно идутъ въ тихую погоду, но стоитъ при входѣ въ расчистку подняться вѣтерку съ праваго берега,—и барка не попадетъ въ каналъ. По каналу спускъ удобенъ, только въ двухъ мѣстахъ онъ мелковатъ, по причинѣ сплошныхъ скалъ, которыхъ, какъ говорятъ, расчистить не было возможности. На щекухѣ (названіе изъ приличія, потому что народъ произноситъ немного иначе) непремѣнно обдастъ васъ волною. По выходѣ же изъ канала, лоцмана ожидаетъ Воронова забора, на которой ничего нѣтъ легче потерпѣть крушеніе, ибо новый фарватеръ не прочищенъ. Правда, инженерное вѣдомство соорудило отъ лѣваго берега откосъ съ цѣлью отвести воду по направленію на старый ходъ, но Днѣпръ не слушается, и судамъ, плывущимъ черезъ каналъ, должно лавировать между частыми и опасными камнями. Прекрасный по своему сооруженію Ненасытецкій каналъ, по кото-

рому барка бѣжитъ менѣе 3 минутъ, имѣетъ очень важныя неудобства: первое то, что устроенъ онъ совершенно не на мѣстѣ, чему служитъ доказательствомъ затруднительный входъ при порядочной водѣ, а второе, что не расчищена забора при выходѣ.

Порога этого нельзя такъ скоро оставить по многимъ причинамъ; въ немъ столько любопытнаго, что ему можно посвятить нѣсколько страницъ. У Ненасытца были притоны дикихъ кочевыхъ народовъ, о чемъ свидѣтельствуютъ и до сихъ поръ курганы, разбросанные по прибережью и ждущіе ученыхъ изслѣдованій. Собственно порогъ состоитъ изъ двѣнадцати рядовъ каменьевъ, идущихъ дугообразно отъ праваго берега къ лѣвому, преграждая такимъ образомъ теченіе Днѣпру, который, бросаясь съ перваго уступа и низвергаясь далѣе, шумитъ ужасающимъ образомъ. Правый берегъ одѣтъ огромными камнями, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ. У скалистаго мыса *Монастырька*, который перерѣзанъ Фалѣевскимъ каналомъ (шлюзами), существующимъ и до сихъ поръ, гдѣ построена большая трехъ-этажная мельница, можно видѣть камень, на которомъ выбиты углубленія въ родѣ мисокъ. Есть въ народѣ и у лоцмановъ два преданія, одно, что сюда сходила Императрица Екатерина и пила чай, а другое, что во время оно запорожцы ѣли здѣсь кашу, сидя надъ самымъ порогомъ, и съ высоты смотрѣли какъ у ногъ ихъ било плоты о каменья. Отчего мысокъ этотъ названъ Монастырькомъ—неизвѣстно. Походилъ ли онъ въ прежнемъ видѣ на монастырь или дѣйствительно на немъ стоялъ какой нибудь монашескій скитъ? Форма его была та же и до устройства канала, а что касается до существованія церкви,—объ этомъ не упоминается нигдѣ ни въ преданіяхъ, ни въ отысканномъ запорожскомъ архивѣ. Объ углубленіяхъ въ камнѣ тоже нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни у лоцмановъ, ни у мѣстныхъ обитателей, поселенныхъ впрочемъ здѣсь недавно. Вообще обо всемъ, касающемся пороговъ, надо преимущественнѣе спрашивать у лоцмановъ, которые, считая ихъ какъ бы своею собственностью, знаютъ болѣе или менѣе и ихъ исторію. Жители Ненасытца называютъ Монастырькомъ группу камней, лежащихъ ниже островка, на которомъ построена мельница. Еще ниже при концѣ порога есть мѣсто, обставленное гранитами, въ которые вода ударяетъ съ необыкновенною силою, образуя пучину, называемую лоцманами—*пекло* (адъ). Если по несчастному

случаю сюда попадается плотъ, то разбивается въ куски. Объ этомъ пеклѣ существуетъ поговорка: *попавсь у пекло, буде iому холодно й тепло!*

Камни близъ хода называются всѣ почти также, какъ и лавы, происхожденiе которыхъ упомянуто выше. Мнѣ хотѣлось однако-же узнать отчего во второй лавѣ два камня названы *службами*? Послѣ долгихъ распросовъ мое любопытство было удовлетворено. Камни эти имѣютъ видъ опрокинутыхъ сосудовъ, и вода, переливаясь чрезъ нихъ, будто звонитъ *до службы* (къ обѣднѣ). Вотъ отчего произошло подобное названiе еще у запорожцевъ. Съ Монастырька, а лучше всего сверху горы видъ на порогъ превосходный, гдѣ Ненасытецъ представляется съ птичьяго полета весь покрытый бѣлой жемчужной пѣной. Шумитъ онъ какъ-то особенно; порою случается слышать въ его гулѣ необыкновенно дикiе переливы; но бываетъ, что онъ стихаетъ совершенно, и только вблизи слышно, какъ переливается вода чрезъ каменья. Тогда сильно реветъ какая нибудь забора, или Тягинка или Кривая. Лоцманы и береговые жители предугадываютъ по этому погоду.

Сверху и снизу порога во время навигацiи стоятъ спасительные *дубы* (большiя лодки) съ очередными лоцманами, которыхъ обязанность во время несчастья подавать поспѣшную помощь погибающимъ. И лоцманы исполняютъ свою обязанность съ изумительнымъ самоотверженiемъ. Пишу это не со словъ самовидцевъ, а разсказываю то, чему самъ былъ свидѣтелемъ. Верхнiй дубъ не только спасаетъ потерпѣвшихъ крушенiе въ порогѣ, но если только очередные лоцманы замѣтятъ, что плотъ сбило вѣтромъ съ ходу, что онъ плыветъ прямо на камни, тотчасъ же гребутъ къ плоту и сымаютъ людей и ихъ одежду. Случается, что плотъ зацѣпляется въ самомъ порогѣ о камни, и его бьетъ на какой нибудь лавѣ. Картина ужасная: связки разрываетъ, толстыя бревна ломаются какъ щепки, и тутъ-то людямъ предстоитъ гибель какъ отъ воды, такъ и отъ разбивающагося лѣса. Спасители спускаются внизъ и схватываютъ погибающихъ, то ловя ихъ въ пучинахъ, то снимая съ камней. Нижнiй дубъ, въ случаѣ крушенiя ближе къ выходу, употребляя усилiя, выгребаетъ въ отметы (*одмѣть*), и старается съ своей стороны спасать бѣдствующихъ. Не дальше какъ нѣсколько дней тому назадъ било огромную барку въ Ненасытцѣ. Страш-

но было смотрѣть.... Она задержалась на *мокрыхъ кладяхъ*: носъ вошелъ въ пучину, люди держались на кормѣ, а вокругъ такіе буруны и всплески, что трудно составить себѣ о нихъ понятіе. Всплески и буруны эти называются у лоцмановъ *грозою*, и мнѣ кажется, что удивительно мѣтко подобное названіе. Верхнему дубу нельзя было *напуститься*, потому что онъ не могъ бы удержаться по быстротѣ водопада, а нижній, сколько ни употреблялъ усилій, не могъ выгресть,—его захлестывало волною. Сквозь пыль этой *грозы* я видѣлъ только благородныя головы лоцмановъ, спѣшившихъ на помощь, и отчаянную фигуру рулеваго въ черной бараньей шапкѣ, стоявшаго у своего мѣста.... Погибавшіе бросили однако же бревно, привязавъ его къ веревкѣ, схватясь за которую, спасители подтянулись къ баркѣ и начали снимать людей....

При раскопкѣ у лѣваго берега Майстрова островка для описанной выше расчистки, найдены были, по словамъ инженеръ-капитана С....ки, древніе сосуды, золотыя монеты и *какія-то каменныя орудія*. Ничего изъ этихъ вещей мнѣ неудалось видѣть, потому что онѣ разошлись по рукамъ, и я могу передать только слышанное. Монеты, какъ говорятъ, были временъ Константина Багрянороднаго. Офицеръ, присутствовавшій при работахъ, видѣлъ какъ показался въ землѣ глиняный сосудъ, но какъ его въ это время отозвали, и онъ не былъ археологомъ, то, оставя эту находку, онъ пошелъ повидаться съ кѣмъ-то изъ товарищей. По приходѣ его, сосудъ уже былъ раздробленъ и оставалось нѣсколько лишь монетъ. Каменныя орудія походили, говорятъ, не то на топоры, не то на лопатки, и взяты были кое-кѣмъ изъ *любопытства*. Найденъ также большой сосудъ, совершенно цѣлый, неизвѣстно гдѣ теперь находящійся. Вотъ все, что удалось мнѣ узнать, къ сожалѣнію очень поздно. Гдѣ эти находки? представлены ли онѣ куда нибудь? или онѣ обогатили темное собраніе какого нибудь темнаго любителя старины, изъ которыхъ иной съ гордостью указываетъ на свои *рѣдкости*, не подозрѣвая даже, что для подобныхъ рѣдкостей существуетъ наука! У такихъ любителей главное монеты, которымъ ведется счетъ, а о прочихъ предметахъ они выражаются: и разной мелочи столько-то ящиковъ!

По правой сторонѣ порога на берегу лежитъ село Николаевка, имѣніе помѣщика И. В. Синельникова, которому принадлежитъ

также и село Васильевка, расположенное противъ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Значитъ, г. Синельниковъ владѣлецъ Ненасытецкаго порога. Въ Николаевѣ, на мысѣ, на которомъ нѣкогда былъ укрѣпленный городокъ, расположена красивая господская усадьба съ тѣнистымъ садомъ и всѣми хозяйственными принадлежностями. По обѣимъ сторонамъ холма на берегу раскинулась Николаевка, населенная малорусами, разумѣется выходцами изъ-за Днѣпра. Во все время поѣздокъ моихъ по этой рѣкѣ я встрѣчалъ немного селеній, гдѣ крестьяне жили бы въ подобномъ довольствѣ, можно сказать, роскоши. Только здѣсь и у барона Штиглица я видѣлъ такой превосходный бытъ крестьянъ. Что за избы, что за постройки! Все это изъ дебелаго прочнаго лѣса и сдѣлано, что называется, капитально; вездѣ каждая штука вытесывалась и выпиливалась изъ цѣльнаго куска, а не то что сколочена изъ какихъ попало обрубковъ. А въ избахъ какой просторъ, чистота, сколько свѣту, какъ все прибрано, уставлено, съ какимъ щегольствомъ развѣшана богатая крестьянская одежда. Пища ихъ такая, что не каждый чиновникъ имѣетъ подобный обѣдъ и не у одного помѣщика кормили меня значительно хуже чѣмъ у крестьянъ въ Ненасытцѣ. Это утѣшительно и вмѣстѣ грустно—отчего же у другихъ владѣльцевъ на томъ же самомъ Днѣпрѣ крестьяне живутъ совершенно иначе! Конечно, кромѣ заботливости помѣщика о своихъ крестьянахъ, кромѣ умѣнья его быть богатымъ безъ отягощенія тѣхъ, кто для него трудится, жители Николаевки, каждую весну и лѣто имѣютъ посторонніе источники заработка. *Дѣдъ* очень грозенъ, и не безъ того, чтобы не пострадало на немъ нѣсколько судовъ, нѣсколько плотовъ; даже плоты и суда, разбитые выше, приплываютъ къ Ненасытцу. Береговые жители безпрерывно занимаются выгрузкою, ловлею лѣса или товаровъ, перегрузкою, получая за это весьма хорошую плату. Описывать ихъ нравы и обычаи было бы повторять сказанное мною въ статьѣ о бытѣ приднѣпровскаго крестьянина. Они ни въ чемъ не разнятся отъ прочихъ своихъ соотечественниковъ, исключая, что на водѣ удалѣе всѣхъ прочихъ припорожскихъ жителей, потому что живутъ у самаго грознаго и опаснаго порога. Дѣтьми они играютъ при шумѣ этой *грозы*, и впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ занимаются ловлей рыбы въ самомъ порогѣ, межъ каменьями. Здѣсь главный на Днѣпрѣ ловъ осетровъ, и помѣщикъ имѣетъ отъ этой

статьи хорошій доходъ, сбывая рыбу екатеринославскимъ торговцамъ, которые сами пріѣзжаютъ за этимъ въ Ненасытецъ.

По разсказамъ рыбаковъ, до устройства канала, осетры ловились гораздо въ большемъ количествѣ, а теперь много ихъ уходитъ вверхъ по каналу и преимущественно самые большіе. Самецъ называется здѣсь *спичакъ*, а самка *кашниця*. Ловятъ ихъ обыкновенно въ порогѣ между скалами на *одмітяхъ*, гдѣ осетры любятъ отдыхать, словно ведомые инстинктомъ самосохраненія, въ мѣста недоступныя для преслѣдованія. Но безстрашный рыбакъ не пугается грозы: онъ или напускается сверху, или подтягивается снизу, но непремѣнно найдетъ свою добычу. Осетровъ здѣсь ловятъ двоякимъ образомъ, или на крючки или сѣтями. Къ веревкѣ, нѣсколькихъ саженъ длины, привязываются снурки въ аршинъ длиною и на разстояніи аршина одинъ отъ другаго: къ этимъ снуркамъ прицѣпляются острые крючья. Веревку посредствомъ тяжестей опускаютъ ко дну и прицѣпляютъ къ камнямъ, а возлѣ крючьевъ подвѣшиваютъ поплавки такимъ образомъ, чтобы они стояли перпендикулярно, далеко не достигая поверхности. *Одмітъ* — мѣсто болѣе или менѣе тихое, гдѣ осетръ любитъ поплавать и конечно попадается на крючья. Сѣти уставлять гораздо труднѣе, однако же рыбаки преодолѣваютъ затрудненія. Замѣчательно, что помѣщикъ, желая поощрять своихъ рыбаковъ и во вниманіе къ ихъ ловкости и искусству заниматься промысломъ въ порогѣ, отдаетъ имъ половину выручки, что для крестьянина составляетъ очень большую сумму, и если уловъ хорошъ, то онъ обезпечиваетъ всѣ его нужды. Ловля идетъ съ марта до половины мая. Въ хорошій годъ ловится до 250 осетровъ, но до устройства канала ловилось вдвое. Другой рыбы здѣсь немного, и она служитъ лишь подспорьемъ крестьянской пищѣ; ловлей же для продажи не занимаются.

Деревня Васильевка, находящаяся на лѣвомъ берегу, выстроена также хорошо и народъ живетъ достаточно, но конечно не имѣетъ всѣхъ тѣхъ способовъ, какіе предоставлены Николаевкѣ: много значитъ отсутствіе пристани. Жители успѣшно занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, что, удовлетворяя ихъ нуждамъ, даетъ еще имъ и средства къ довольству. Разумное управленіе даетъ возможность крестьянамъ сдѣлаться зажиточными, а это, по моему, главное условіе для благосостоянія самого помѣщика. Для меня было истиннымъ удовольствіемъ входить въ крестьян-

скія хаты въ Ненасытцѣ и видѣть какъ народъ живетъ припѣваючи, что, право, случается довольно рѣдко. Вѣдь больше такихъ имѣній, гдѣ и помѣщикъ не получаетъ того, что слѣдуетъ, да и крестьяне нуждаются въ самомъ необходимомъ.

Но пора въ дорогу.

ГЛАВА III.

Плаваніе черезъ пороги. Лоцманы. Волнигъ. Змѣиная скели. Становой. Вильный порогъ. Плоты. Крушеніе барокъ. Кичкасъ. Менонисты.

Пониже Ненасытецкаго порога лежитъ небольшой островокъ *Голодайка*, песчаный и совершенно обнаженный, вслѣдствіе чего ему и дано подобное названіе,—потому что неминуемо придется голодать, если случится пристать къ негостепріимнымъ берегамъ его. А баркамъ иногда приходится бросать здѣсь якорь по выходѣ изъ такого грознаго порога. Отъ этого островка видъ на Ненасытецъ чрезвычайно интересенъ: передъ вами весь порогъ, уступы котораго покрыты жемчужной пѣной, и рѣка, словно бѣшеная, съ необыкновеннымъ шумомъ бросается по всѣмъ этимъ лавамъ. Влѣво пошла Воронова забора, лежащая на ходу изъ канала, весьма опасная по множеству камней, которые до того густы и неудобны для плаванія, что совершая въ 1856 году поѣздку черезъ пороги на *дубѣ*, и не смотря, что на стернѣ (рулѣ) стоялъ искусный первостатейный лоцманъ (Осипъ Шевченко), мы сѣли было на камень. Хотя это было и въ іюлѣ, однако вѣдь *дубъ* едва ли сидѣлъ въ водѣ полфута! Впрочемъ, плывя въ прошломъ году на баркѣ, я удачно прошелъ Воронову забору. Немного дальше возвышается островъ Песковатый, къ которому обыкновенно пристаютъ барки или для починки поврежденій, или для отправки лоцмановъ къ баркамъ, оставшимся выше порога; или наконецъ, въ случаѣ «погоды», т. е. вѣтра. Островокъ этотъ тоже довольно безпріютный, но высокіе песчаные берега котораго, съ сѣверо-востока опушены кустарниками, и на которомъ бродятъ иногда домашнія животныя. Противъ этого островка на

лѣвомъ берегу стоитъ деревушка, въ которой незамѣтно ни какихъ особенныхъ заведеній, но имѣется кабакъ, усердно посѣщаемый многочисленными судорабочими съ барокъ и плотовъ, собирающихся здѣсь въ значительномъ количествѣ и стоящихъ по нѣскольку дней въ случаѣ ненастья; кабакъ не можетъ остаться въ накладѣ, потому что непремѣнно будетъ имѣть посѣтителей, не смотря ни на какія мѣры. Въ нынѣшнюю поѣздку стоялъ я на якорѣ у Песковатаго острова, потому что намъ надобно было послать вверхъ всѣхъ лоцмановъ для помощи другимъ баркамъ, еще не переходившимъ порога. Возлѣ, саженяхъ въ трехъ, остановилось судно, принадлежавшее какому-то еврею, который, ходя вечеромъ по палубѣ, громогласно говорилъ своимъ рабочимъ, что онъ рѣшительно не отпуститъ ихъ въ кабакъ, разсказывая при этомъ необыкновенно комически грѣшки своихъ рабочихъ и обращаясь ко всѣмъ сосѣдямъ, стоявшимъ на якорѣ.

—Я зе не какой нибудь дурень, говорилъ еврей, размахивая руками,—я прикую *дубъ* замкомъ и клюцикъ спряцу въ карманъ.

—Да развѣ мы на твои деньги выпьемъ? отозвался одинъ бѣлорусъ, поправляя войлочную шапочку и подмигивая нашимъ гребцамъ, которые сидѣли, свѣсивши ноги въ воду.

—А стозъ! не смѣй пить и на свои—вотъ и все! Да у тебя нѣтъ ни гроса, говорилъ еврей, конечно знавшій подробно финансовое состояніе своихъ судорабочихъ. А я тебѣ не дамъ.

—Просить не стану! ты себѣ какъ хошь талкуй, а мы выпьемъ: говарятъ тутича горѣлка, важная.

—Развѣ вплавъ пойдесъ....

—Посмотримъ, можа и поплывемъ.

Меня это очень заняло, и я рѣшился подождать развязки. Къ вечеру собрались всѣ барки, сварили кашу, и каждый послѣ трудоваго дня спѣшилъ уснуть, потому что на другой день предстояло еще четыре порога, да и встать-то надо было съ разсвѣтомъ. Еврей сдержалъ свое слово: онъ придѣлалъ замокъ къ *дубу* и заперъ его на ключъ, который дѣйствительно положилъ въ карманъ, и отправился спать въ каюту. Это было въ десять часовъ вечера. Двое изъ его судорабочихъ подошли къ борту и безъ зазрѣнія совѣсти начали выполаскивать тутъ же небольшой пустой боченокъ. Заря уже почти погасла, но сумракъ теплой майской ночи позволялъ видѣть на порядочное разстояніе, такъ что берегъ, на которомъ стояла деревенька, обри-

совывался довольно явственно. Одинъ изъ судорабочихъ взошелъ на самую оконечность чердака и свиснулъ съ какими-то особенными переливами. Не прошло пяти минутъ, какъ уже очень хорошо была видна лодка, отдѣлившаяся отъ берега и забиравшая вверхъ, конечно съ намѣреніемъ спуститься къ намъ по теченію. Дѣйствительно очень скоро она пристала къ еврейской баркѣ, изъ которой вылѣзъ мальчикъ съ боченкомъ, пересѣлъ въ лодку и она живо начала подыматься вверхъ, чтобы удобнѣе пристать къ берегу. Рабочій, на котораго больше всѣхъ падало подозрѣніе, сѣлъ поближе къ хозяйской каютѣ и затянулъ пѣсню.

— А ты не списъ? отозвался еврей, и зацѣмъ не пьесъ водоцки?

— Пагади, ня время, отвѣчалъ рабочій и продолжалъ свою довольно нелѣпую пѣсню.

Еврей должно быть успокоился и, вѣроятно, ощупавъ ключъ въ карманѣ, предался сладкому сну въ своей грязной каютѣ. Черезъ полчаса, или того менѣе, боченокъ снова появился на палубѣ, былъ выпитъ, и человѣкъ семь, усѣвшись на чердакѣ, вытащили откуда-то скрипку и пошелъ пиръ горой. Не стану описывать бѣшенства еврея, но помочь горю было уже невозможно, хотя, собственно говоря, бѣды никакой не было, потому что привычный народъ, послѣ двухъ или трехъ-часоваго сна снова былъ бодръ и веселъ, и совершенно годенъ къ работѣ. На другой день я узналъ, что рабочій, распѣвавшій пѣсни, подговорилъ одного крестьянина подать лодку, когда отвозилъ на берегъ своего еврея.

За нѣсколько дней до моей поѣздки одинъ лоцманъ, стоявшій на якорѣ съ плотомъ у Песковатаго острова, нашелъ на пескѣ серебрянный рубль 1732 г., сохранившійся такъ превосходно, словно только что отчеканенъ, и нѣсколько пуль. Все это, по его словамъ, лежало вмѣстѣ. Пуль я не видалъ, потому что онѣ розданы были мальчишкамъ на подвѣски для удочекъ, а рубль я пріобрѣлъ отъ лоцмана. Монета эта, вѣроятно, была утеряна вскорѣ по выходѣ изъ монетнаго двора, потому что совершенно новая.

За Песковатымъ островомъ идетъ другой фарватеръ, по которому слѣдуютъ суда, плывущія черезъ порогъ по старому козачьему ходу,—но тамъ ихъ ожидаетъ Кривая забора. Замѣча-

тельно, что, не доходя до этого острова, Днѣпръ какъ бы пропадаетъ изъ глазъ путешественника: незнающему мѣстности неизвѣстно куда онъ имѣетъ направленіе. Рѣка здѣсь дѣлаетъ крутой поворотъ вправо, мимо деревни Свистуновой, лежащей на лѣвомъ берегу и не имѣющей значенія ни въ какомъ отношеніи. Близость судоходной рѣки не оказываетъ на нее вліянія, что и можно замѣтить, по отсутствію пристани. Отъ каменскаго лоцмана я узналъ, что лѣтъ 25, а можетъ быть и 30 назадъ, въ этой деревнѣ, противъ Халявина камня, находящагося въ Кривой заборѣ, найденъ былъ на берегу скелетъ, на головѣ котораго находился золотой сосудъ! Не корона ли? Но какъ это было, куда дѣвалась находка? лоцманъ (Яковъ Сохачъ) не умѣлъ мнѣ разсказать; притомъ же онъ самъ не видѣлъ, а только слышалъ отъ кого-то изъ товарищей. Обо всѣхъ этихъ находкахъ упоминаю собственно для того, чтобы показать какъ важны пороги въ археологическомъ отношеніи, хотя, конечно, это и безъ меня извѣстно. Тамъ и сямъ на горахъ подъ Днѣпромъ виднѣются курганы, изъ которыхъ иные довольно значительны, и нѣтъ сомнѣнія, что тщательное ихъ изслѣдованіе приведетъ къ замѣчательнымъ результатамъ.

Миновавъ Кривую забору, барка продолжаетъ плаваніе почти спокойное, несомая довольно быстрымъ теченіемъ. Направо и налѣво берега становятся болѣе и болѣе красивы, и туристъ имѣетъ много времени наблюдать своихъ спутниковъ. На баркѣ непремѣнно встрѣчается нѣсколько племенъ: великорусское въ качествѣ хозяина или прикащика; зачастую старообрядцевъ съ Вятки; малорусское, представителями котораго лоцмана; бѣлорусское—судорабочіе, и еврейское—тоже въ лицѣ хозяина или прикащика. Но вниманіе всѣхъ обращено на главнаго лоцмана, распоряженія котораго исполняются тотчасъ и безпрекословно. Я плылъ на баркѣ, которую велъ первостатейный лоцманъ Яременко. Это кроткій и тихій старикъ съ очень умнымъ лицомъ, съ проницательными живыми глазами. При видѣ его въ первый разъ, смотря на его медленныя движенія, слыша тихій говоръ, вы никогда не могли бы подумать, что этотъ человѣкъ въ минуту потребности ловокъ, быстръ, смѣлъ и что тихій говоръ его переходитъ въ голосъ стентора, заглушающій иногда шумъ порога. Такова натура истаго малоруса. Яременко замѣчателенъ тѣмъ, что лаконизмъ, свойственный его племени, доведенъ у него до высшей

степени, но лаконизмъ его имѣетъ какую-то образность, если можно такъ выразиться: изъ разсказа его въ нѣсколько фразъ вы очень ясно представляете себѣ даже многія подробности. Онъ не пьетъ водки. Снявшись съ якоря въ 4 часа утра, мы имѣли въ виду много верстъ плаванія, и во все это время, ему невозможно было отойдти отъ стерна. Я постоянно сидѣлъ возлѣ Ременка и когда онъ командовалъ *шабашъ* и гребцы переставали греcть, а барка плавно неслась по фарватеру, я тотчасъ же предлагалъ дѣду стаканъ чаю, что ему очень нравилось, и онъ раза три, обращаясь къ лоцманамъ, увѣрялъ ихъ, что это лучше водки. Тѣ не отвѣчали ни слова, но по ихъ улыбкѣ, приподымавшей красивые усы, видно было, что замѣчаніе *батька* не соглашалось съ ихъ убѣжденіями. Въ Малороссіи чай не скоро войдетъ въ употребленіе между простонародьемъ: самоваръ рѣдко водится даже у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ, въ особенности по деревнямъ,—но и то чай подается какъ экстренное угощеніе за и предъ которымъ непосредственно слѣдуетъ штофъ національной горѣлки.

Мнѣ очень нравится одно лоцманское обыкновеніе. Когда случится судну обогнать другое, или плыть мимо плотовъ, лоцмана наперерывъ спѣшатъ снять шапку, поздороваться и пожелать благополучнаго пути другъ другу. Мнѣ кажется, что при этомъ забываются даже небольшія личныя неудовольствія; а что участье къ судьбѣ собрата-лоцмана велико, то я имѣлъ случай убѣдиться въ этомъ. Во время нашего прохода въ Ненасытцѣ било большую лѣсную барку (на которой наканунѣ я хотѣлъ отправиться и уже перевезъ на нее свои вещи, но не пошелъ по одному случаю), находившуюся подъ вѣдѣніемъ одного изъ искуснѣйшихъ лоцмановъ, къ сожалѣнію, любимаго моего лоцмана О. Шевченко. Хотя онъ былъ за *дядю*,—однако на немъ лежитъ отвѣтственность. Яременко узналъ товарища и, не смотря, что самъ занятъ былъ управленіемъ судна,—не переставалъ соболѣзновать. Когда мы выбѣжали изъ порога, я спросилъ его мнѣнія—отчего такой искусный лоцманъ подвергся крушенію въ такую тихую погоду.

— Ухопивъ (схватилъ) *Крутько*.

— Да какъ же онъ не управилъ?

— Мабуть дуже грузно.

Когда мы бросили якорь и вблизи насъ остановился тоже мой пріятель Малтызъ, лихой лоцманъ, первымъ его словомъ ко мнѣ было:

— Жалко Іосипа, мабуть учепивъ *Крутько*.

И когда вечеркомъ собрались лоцманы со многихъ барокъ потолковать, то нерѣдко въ ихъ кружкѣ слышалось: жалко Іосипа. Они разсуждали такимъ образомъ, что ошибки предполагать нельзя со стороны кормчихъ. Барка дѣйствительно поручена молодому лоцману. Но къ нему приданы два дяди: Шевченко и другой первостатейный лоцманъ, если не ошибаюсь, Летючій. Барка имѣла болѣе 24 саж. длины и была нагружена лѣсомъ, сверхъ котораго стояло около 30 экипажей, отправлявшихся въ Херсонь для продажи. По мнѣнію всѣхъ, причиною былъ *Крутько*. Этотъ камень, о которомъ я говорилъ уже во II главѣ, по сказанію лоцмановъ, одинъ изъ самыхъ опаснѣйшихъ въ порогѣ, и кажется, не мѣшало бы взорвать его, тѣмъ болѣе, что старый козачій ходъ,—ходъ офиціальный въ время прибыли воды, когда уже нѣтъ возможности плыть по каналу.

Тринадцати верстный переходъ отъ Ненасытца до Волнига даетъ средство собраться съ духомъ самому трусливому путнику, потому что не представляетъ никакой опасности, исключая разумѣется многихъ камней, но которые извѣстны каждому порядочному лоцману. Но вотъ вправо, на полугорѣ, показывается деревня Волниги, съ своими избами, построенными среди каменныхъ глыбъ, и возлѣ нея перекинулся чрезъ Днѣпръ одинъ изъ грознѣйшихъ послѣ Ненасытца пороговъ—Волнигъ. По гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ—Волнигской, по изслѣдованіямъ къ объясненію Древней Россійской Исторіи Лерберга—Волный или Волнинскій, по Древней Россійской Идрографіи—Волнѣгъ, а у Константина Багрянороднаго по славянски *Вульнипрагъ*, а по русски *Баруфоросъ* (?). Лоцмана называютъ его еще *внукомъ*. Въ немъ четыре лавы: Близнюки, Плоская, Гроза и Помийныці (помойная лохань). Въ этой лавѣ камни очень похожи на этотъ сосудъ и падающая на нихъ вода какъ будто бы цѣдится въ лохань. Длина порога 150 саж., паденіе 5 футовъ 7 дюймовъ.

Фарватеръ его не весьма широкъ и потому представляетъ много опасности и требуетъ отъ лоцмана вниманія, снаровки и разумѣется присутствія духа.

— Гребемъ! командуетъ онъ, положивъ руку на стерно, рядомъ со своимъ помощникомъ, и устремляетъ неподвижный взоръ впередъ, чтобы между всплесками буруновъ первой лавы попасть на центръ фарватера. Быстрота рѣки значительно увеличивается, а онъ командуетъ:

— Навались! Шамни!

И когда уже пороговое стремленіе подхватило барку, раздаются слова лоцмана:

— Шабашъ! Къ стерну!

Волнигъ довольно грозенъ, и барка сильно скрипитъ, пока пробѣжитъ чрезъ всѣ его лавы; въ немъ существуетъ опасный водоворотъ. При выходѣ изъ порога рѣка расширяется и на ней ходятъ постоянно большія волны, вслѣдствіе чего, какъ говорилъ мнѣ одинъ инженеръ путей сообщенія, и порогъ названъ Волнигомъ. Я не отвѣчалъ ничего на это замѣчаніе, но мнѣ кажется, что люди, давшіе названіе этому порогу, принадлежатъ къ племени, у котораго волна имѣетъ свое особое названіе. Волнигъ, по моему, не могъ получить названія отъ слова волна, хота ниже этого одного порога замѣтно особенное волненіе во всякую погоду. Прислушиваясь къ говору мѣстныхъ жителей, я замѣтилъ, что деревню свою называютъ они *Вовніги*, и вотъ мнѣ пришла мысль (можетъ быть и невѣрная, въ чемъ каюсь заранѣе), что дѣйствительно этотъ порогъ могъ быть названъ по волненію, но не потому, что здѣсь играетъ роль слово волна (по малорусски *хвыля*), а потому, что всплески эти кудрявы какъ овечья шерсть—*вовна*: вѣдь малорусъ мѣтко даетъ всему названіе. Конечно я далекъ отъ мысли, что мнѣніе мое безошибочно, но вѣдь до сихъ поръ такъ еще мало занимались у насъ названіями мѣстностей, что мнѣ хотѣлось бы вызвать этою догадкою какія нибудь дѣльныя замѣчанія.

Каналъ Волнига, по единодушнымъ отзывамъ людей, знающихъ его въ совершенствѣ, неудобнѣе всѣхъ пороговыхъ сооруженій: онъ устроенъ какъ-то такъ странно, что дно его наклонено къ лѣвой стѣнкѣ, а при подобномъ положеніи трудно избѣжать крушенія. Этотъ каналъ тоже лежитъ у лѣваго берега—не на фарватерѣ.

Деревня Волниги или Вовниги, принадлежащая помѣщику Милорадовицу, какъ уже сказалъ я выше, построена на покатости горы, между каменными глыбами, такъ что проѣздъ по ней весьма затруднителенъ. Объ этой деревнѣ сказать нечего исключая того, что въ порогѣ ловятся осетры, хотя и не въ такомъ количествѣ какъ въ Ненасытцѣ. Вообще села надъ порогами не имѣютъ никакого значенія: промышленности никакой, и только процвѣтаютъ развѣ *шинки* (кабаки), и то болѣе по праву берегу, по-

тому что по этой дорогѣ возвращаются лоцмана и добавочные. Мнѣ кажется, впрочемъ, Волниги примутъ иной видъ при нынѣшнемъ помѣщикѣ, съ которымъ я имѣлъ случай недавно познакомиться. Несмотря, что этотъ молодой человѣкъ еще въ военномъ мундирѣ, онъ на свое имѣніе смотритъ опытнымъ взоромъ, словно всю жизнь занимался сельскимъ хозяйствомъ. Онъ уже занимается сплавомъ лѣсу съ верхнихъ пристаней, потому что самъ имѣетъ въ Черниговской губерніи значительные лѣса, и какъ кажется, намѣренъ улучшить Волниги, которые, правду сказать, находятся въ довольно жалкомъ положеніи. Не знаю я управляющаго какъ администратора, но знаю, что несмотря на генералъ-губернаторскій открытый листъ, онъ мнѣ не хотѣлъ дать помѣщенія ни въ одной крестьянской избѣ и располагалъ даже отказать въ обывательскихъ лошадяхъ. Я долженъ сказать откровенно, что путешествующаго по нашимъ захолустьямъ ожидаютъ большія затрудненія. Въ ненасытный осенній вечеръ я долженъ былъ около часу блуждать по Волнигамъ, пока нашелъ себѣ пріютъ у какой-то убогой старушки. Конечно, начальство Новороссійскаго края было очень внимательно и изъ уваженія къ моему порученію сдѣлало все, что отъ него зависѣло, снабдивъ меня бумагами и сдѣлавъ распоряженіе объ оказываніи мнѣ содѣйствія. Въ казенныхъ селахъ участь моя нельзя сказать, чтобы достойна была сожалѣнія, но въ иныхъ помѣщичьихъ испытываешь различныя неудобства. «Намъ, говорятъ, не слѣдуетъ отправлять на своихъ лошадяхъ чиновниковъ; перемѣна лошадей дальше». Я всѣми силами стараюсь увѣрять, что не имѣю чести называться чиновникомъ, а за лошадей плачу прогоны по положенію. Вообще на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на меня смотрятъ какъ-то очень подозрительно и стараются быть какъ можно осторожнѣе. *Шинокъ* по праздникамъ представляетъ самое обильное поле для изслѣдованій этнографа, и я иногда отправляюсь въ это заведеніе, гдѣ нерѣдко присутствуютъ представители всѣхъ партій сельскаго міра. Здѣсь мнѣ попадаются и интересныя пѣсни, вызванныя веселымъ расположеніемъ духа, которыхъ я не могъ слышать въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же раскрываются за лишней чаркой всѣ подробности быта, которыя непремѣнно ускользнутъ при всѣхъ прочихъ условіяхъ. У порога шинка иногда веселая молодежь, лѣтнимъ вечеромъ, танцуетъ подъ звуки скрипки туземнаго маэстро. Мнѣ это ставится въ большую вину: «вмѣсто того, чтобы заняться *образо-*

ванной бесѣдой въ кругу порядочныхъ людей, онъ ходитъ по шинкамъ и за панибрата съ мужиками»-. Я считаю лишнимъ оправдываться противъ этихъ обвиненій. У каждаго свои понятія объ образованной бесѣдѣ, о порядочномъ кругѣ и о мужикахъ. Я съ бо́льшимъ удовольствіемъ послушаю разумнаго мужика, когда онъ мнѣ просто раскавываетъ о своей вчерашней рыбной ловлѣ, нежели инаго барина, который съ жаромъ опишетъ мнѣ какъ онъ травилъ русаковъ и какъ собственноручно *отвалялъ* главнаго своего охотника, который, *ракалія*, прозѣвалъ лисицу. Я полагаю, что не потеряю моего достоинства, коснувшись пріятельски грубой руки простолюдина, но господинъ, предающійся своимъ феодальнымъ привычкамъ, и рука котораго въ пылу гнѣва касается физіономіи ближняго, можетъ быть названъ порядочнымъ развѣ въ южныхъ штатахъ Америки.

За Волнигомъ природа дѣлается живописнѣе. Горы опушены растительностью. Хотя конечно это не лѣсная природа, и деревья растутъ лишь по берегу, однако глазу путника нѣтъ дѣла, что за нѣсколько десятковъ сажень голая, сухая степь, а необыкновенно пріятно смотрѣть какъ береговыя рощи, словно опрокинувшись въ Днѣпръ, оттѣняютъ зеленью причудливыя неровности берега. Пятиверстное разстояніе барка проплываетъ довольно скоро, и вотъ шумитъ Будиловскій порогъ. По гидрогафической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ онъ такъ и называется Будиловскимъ, по изслѣдованіямъ къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга—Будильскій или Будинскій, по древней Россійской Идрографіи—Будило, а у Константина Багрянороднаго по славянски Веручи, а по русски *Леанти* (?). Здѣсь рѣка стѣснена гранитными скалами, тянущимися по обоимъ берегамъ почти съ полверсты. Длина порога 105 сажень, паденіе 4 фута 10 дюймовъ. Въ немъ двѣ лавы: Тырина и Созонова, названныя по именамъ лоцмановъ, потерпѣвшихъ крушеніе. Каналъ не на фарватерѣ, а у лѣваго берега. Порогъ этотъ хотя и считается неопаснымъ, однакожъ и въ немъ, какъ и во всякомъ другомъ, очень легко разбить барку, если итти невнимательно. Происхожденіе названія этого порога лоцманъ Яременко объяснилъ мнѣ слѣдующимъ образомъ: прошелъ Дѣда и Внука, однако не ложись спать, а не то Будило разбудитъ. Пониже, на правомъ берегу стоитъ деревня Языкова (оффиціально Ѳедоровка), принадлежащая графинѣ Коскуль. Мѣста живописны, но барки здѣсь не имѣютъ никакой

надобности останавливаться, и идутъ большею частью на шабашахъ по теченію. Народъ впрочемъ живетъ хорошо, а рыболовствомъ занимается лишь для своего обиходу. Немного странно мнѣ было видѣть однакоже эту красивую и не бѣдную деревню, лишенную лучшаго сельскаго украшенія: церкви. Село не малое, легко могущее составить хорошій приходъ, а между тѣмъ жители его должны отправляться къ обѣднѣ верстъ за шесть или за семь, въ Бырдину. Возлѣ этой же деревни недалеко лежитъ Таволжанская гряда, названная порогомъ въ изслѣдованіи къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга.

Пройдя Языкову, барка принимается за весла и огибаетъ большой островъ Таволжаный (названный у Боплана Таволжаномъ), покрытый хорошею растительностью, съ довольно высокими берегами. Прошлый годъ мнѣ разсказывали, что на этомъ островѣ есть глубокое озеро, и въ нынѣшнюю поѣздку я отправился на Таволжаный. Дѣйствительно озеро существуетъ въ обрывистыхъ берегахъ, и, какъ говорятъ, рыбное. Въ Языковой мнѣ разсказывали впрочемъ, что не далѣе какъ прежній владѣлецъ напускалъ туда рыбы и такимъ образомъ развелъ ее. Огибая таволжанскій островъ, барка дѣлаетъ усилія держаться ближе къ его берегу, чтобы не зацѣпиться о *Змѣиную скелю*. Это отдѣльный утесъ, брошенный въ Днѣпръ у самаго лѣваго берега и придающій мѣстности какой то дикій колоритъ. Названіе Змѣиной скели всегда возбуждало мое любопытство и прошлый годъ, плывя первый разъ черезъ пороги, я останавливался возлѣ нея и лазилъ въ пещеру, входъ въ которую въ лѣтнее время не залитъ водою. По разсказамъ лоцмановъ, въ этой скалѣ жилъ когда-то змѣй, именно въ описанной пещерѣ, которая будто бы послѣ разныхъ изгибовъ выходитъ на верхъ утеса. Въ настоящее время она небольшая и весьма низкая. Меня однакоже не удовлетворило это весьма краткое и голое преданіе. Прошлою осенью и нынѣшнею весною, проживая на порогахъ, я продолжалъ мои разспросы какъ у лоцмановъ, такъ и у береговыхъ жителей, и хотя собранныя мною свѣдѣнія тоже довольно бѣдны, однако все же даютъ нѣкоторое понятіе о томъ, что въ прежнія времена баснословныя преданія объ этой скалѣ имѣли размѣры гораздо обширнѣе. Когда-то въ ней жилъ змѣй-царь, у котораго была дочь красавица. Змѣй о трехъ головахъ берегъ свою дочку, чтобы она не полюбила какого нибудь *Русскаго царевича*, и однакожъ

не уберегъ, потому что красавица уплыла съ какимъ-то витяземъ внизъ по Днѣпру въ Черное море. Съ тѣхъ поръ змѣй сдѣлался свирѣпѣе, и каждый день вылеталъ куда нибудь въ окрестность за новою жертвою. Это преданіе древнее, а новѣйшія говорятъ, что на скалѣ множество змѣй, длиннѣе обыкновенныхъ, очень свирѣпыхъ, и будто бы лѣтъ тридцат назадъ небезопасно было входить въ пещеру, а тѣмъ болѣе взбираться на верхъ. Любопытство туриста заставило меня вскарабкаться на Змѣиную скелю. Это было очень недавно, слѣдовательно змѣи могли бы разгуливать по своему владѣнію, однако въ теченіе получаса мы не встрѣтили тамъ ни одного пресмыкающагося. Искалъ я и выхода знаменитой пещеры, но и того не оказалось. Есть два углубленія, похожія на слѣды человѣческаго жилища, но это уже безъ всякаго сомнѣнія землянки какихъ нибудь лугарей. А между тѣмъ Н. Надеждинъ, говоря объ островѣ Хортицѣ и предполагая здѣсь кладбище скиѳскихъ царей, продолжаетъ: «Святыня этого мѣста не возвышалась ли еще и тѣмъ, что здѣсь же, по всей вѣроятности, полагалась миѳическая колыбель Скиѳовъ, та таинственная *пещера*, въ которой, по сказанію понтійскихъ еллиновъ, переданному Геродотомъ (IV, 8—10), родились Агаѳирѣ, Генонъ и Скиѳъ, отъ героя Иракла и прелестной *Змѣи дѣвицы*, и которая находилась, какъ говоритъ тоже преданіе, въ отдаленномъ углу Гилеи, куда Ираклъ достигнулъ не прежде, какъ прошедши всю землю Скиѳскую съ запада. (Записки Одес. общ. Исторіи и Древностей, Т. I, стр. 84—85). Принявъ во вниманіе это извѣстіе и то обстоятельство, что на порогахъ двѣ змѣиныя пещеры (М. Сб. 1857, № 9, часть неоф., стр. 20), нельзя не предполагать, чтобы въ прежнія времена не существовала какая нибудь любопытная легенда, которая вѣроятно исчезла еще весьма недавно.

Отсюда идутъ мѣста чрезвычайно живописныя, и попадается много острововъ, а по берегу, въ особенности по правому, виднѣются небольшія деревеньки, Онѣ такъ и пошли одна почти возлѣ другой. Плаваніе чрезвычайно пріятно, и при видѣ чистыхъ хатъ и помѣщичьихъ домиковъ, стоящихъ надъ скалами, является мысль о какой-то идиллической жизни. Но полно такъ ли?— Здѣсь существуетъ одинъ островъ голый, съ весьма небольшимъ количествомъ деревьевъ, замѣчательный тѣмъ, что два сосѣда ведутъ о немъ процессъ, и кажется, на это дѣло столько уже из-

держали денегъ, что можно бы каждому купить порядочное имѣніе. Любопытно знать, кто изъ нихъ выиграетъ островъ, который конечно не можетъ приносить ровно никакого дохода. Будь онъ лѣсистый, слова нѣтъ, что представлялъ бы выгоду владѣльцу, а въ настоящемъ положеніи нарубятъ развѣ нѣсколько возовъ дровъ и то, если не разсердится когда нибудь Днѣпръ, и не унесетъ той части, на которой растутъ кустарники.

Подходя къ деревнѣ Пѣхотинскаго, барка огибаетъ мысъ Быстрикъ, минуя Аврамовъ островъ. Барки, идущія старымъ ходомъ, держатся близко праваго берега и выплываютъ на очень красивую мѣстность. У деревни Бырдиной Днѣпръ расширился и покрытъ тѣнистыми островами. Домъ помѣщика стоитъ надъ самой стремниной, и въ немъ прошлый годъ жилъ на дачѣ становой приставъ, станъ котораго верстахъ въ 15, въ селѣ Томаковкѣ. Любви этого становаго къ охотѣ и дачной жизни я обязанъ тѣмъ, что избавился отъ одной непріятности. Надобно знать, что осенью прошлаго года, возвращаясь снизу сухимъ путемъ вверхъ, для того, чтобы пожить въ прибрежныхъ деревняхъ у пороговъ, я не зналъ, гдѣ мѣняются обывательскія лошади. Изъ Кичкаса меня отправили въ Кронцвейнъ, а изъ этой колоніи дали лошадей до Бырдиной. Пріѣзжаю. Деревенька небольшая, овражистая и разбросанная на большомъ разстояніи. Послѣ многихъ разспросовъ мнѣ удалось узнать, что близь господскаго двора живетъ подпоручикъ, завѣдующій подводами. Я отправился съ открытымъ листомъ требовать лошадей до Языковой. Въ простой избѣ на какомъ-то подобіи кровати лежалъ подпоручикъ съ больною ногою... Послѣ обычныхъ разспросовъ подпоручикъ объяснилъ мнѣ, что въ деревнѣ Бырдиной лошадей нѣтъ и никогда не бывало и что подъ этапъ даются волы, но и тѣхъ мнѣ придется ждать до завтра, потому что отправленъ большой транспортъ арестантовъ. Мнѣ такъ хотѣлось быть поскорѣе *у себя*, хотя бы въ самой бѣдной избушкѣ. Былъ часъ второй пополудни и начинали собираться предательскія октябрскія тучи.

— Какъ же мнѣ быть? нельзя ли попросить у помѣщика?

— Помѣщика здѣсь нѣтъ. Да у васъ откуда лошади?

— Изъ Кронцвейна.

— Ахъ канальи! Эти колонисты всегда такъ. Да вы вотъ что: Нѣмца по шеѣ и онъ отвезетъ дальше, и вмѣсто прогоновъ покажите ему шишъ; вѣдь вы по казенной надобности.

Объяснивъ подпоручику неудобство подобнаго распоряженія,

я узналъ отъ него, что здѣсь живетъ становой, къ которому я немедленно и отправился. Выслушавъ меня, становой надѣлъ ермолку, что вмѣстѣ съ халатомъ придавало ему внушающій видъ, и вышелъ со мною къ воротамъ, гдѣ нѣмецъ, стоя возлѣ фургона, покуривалъ свою трубочку. Предпославъ прежде весьма крупную энергическую фразу, становой началъ приказывать нѣмцу отвезти меня дальше, но нѣмецъ притворился непонимающимъ русскаго языка; я тотчасъ же хотѣлъ вступить въ должность переводчика, но становой величественно показалъ нѣмцу увѣсистый кулакъ, и мой возница въ одинъ моментъ, на плохомъ малорусскомъ языкѣ изъявилъ готовность отвезти меня въ Языкову за прогоны, и если я дамъ ему на водку. Поблагодаривъ грознаго чиновника за одолженіе, я отправился дальше. Но деревенька эта знаменита не пребываніемъ становаго, не тѣмъ, что она бѣдна и ободрана, а будущностью, которая предстоитъ ей, если окажется въ дѣйствительности то, что покуда можно назвать лишь однимъ предположеніемъ. Въ одномъ изъ овраговъ, тянущихся отъ Днѣпра вверхъ по балкѣ, найдены куски *каменнаго угля*. Это не бездѣлица. Каменный уголь настоящій—только не могу ничего сказать утвердительно на счетъ величины пласта, потому что некому было его изслѣдовать, хотя, какъ говорятъ, «этотъ камень давно попадается». Полагая, что прежде моей статьи открытіе это не выйдетъ на свѣтъ Божій, я и спѣшу объявить его, и думаю, что Общество Пароходства и Торговли обратитъ на него вниманіе. Если угля довольно, въ чемъ нѣтъ никакого сомнѣнія, то и говорить будетъ излишнимъ, какъ драгоцѣнна эта находка для Общества: прямо съ горы брать уголь и наваливать на барку на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ. Если бы даже покупщики не хотѣли рисковать переправой груза чрезъ два порога, изъ которыхъ одинъ (Лишній) весьма безопасенъ, тогда можно устроить береговую дорогу до Гадючей балки. Разумѣется, этотъ уголь будетъ и выгоднѣе англійскаго и дешевле донскаго антрацита. Желательно, чтобы это обстоятельство разъяснено было скорѣе, тѣмъ болѣе, что отсюда же можетъ снабжаться топливомъ и нашъ черноморскій флотъ, ибо доставка угля отсюда въ Николаевъ водою не встрѣтитъ никакого затрудненія. Я спрашивалъ людей, по обязанности занимавшихся днѣпровскими берегами, нѣтъ ли гдѣ подъ порогами присутствія каменнаго угля, но мнѣ отвѣчали отрицательно. Между тѣмъ управляющій имѣніями г. Струкова объ-

щалъ попробовать этотъ уголь на своей суконной фабрикѣ, дѣйствующей посредствомъ паровой машины (въ с. Тарасовкѣ, верстахъ въ 50 отъ Бырдиной). Если дѣйствительно окажется огромный пластъ угля, тогда, безъ сомнѣнія, жалкая деревушка превратится въ цвѣтущее село, а лѣтняя резиденція становаго пристава преобразится въ хорошенькій домикъ, потому что мѣстоположеніе прелесть. Противъ домика островъ Клобуковскій, далѣе къ лѣвому берегу Кухарскій и Гавинъ, но барки идутъ у праваго берега, оставляя влѣво островъ Лантуховскій, на которомъ водятся дикія козы. Говоря откровенно, самъ я дикихъ козъ не видѣлъ, но слышалъ о нихъ отъ лоцмановъ и кичкасовскихъ нѣмцевъ.

Рѣка здѣсь стѣсняется до 300 сажень и пересѣкается наискось грядою камней. Лишній порогъ названъ такъ и по гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ; по изслѣдованіямъ къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга—Личный, по древней Россійской Идрографіи—Лична, а у Константина Багрянороднаго по славянски Напрези, по русски Струвунъ (?). Въ немъ двѣ лавы: Плоская и Швайчина. Въ срединѣ его образовался утесистый островокъ Кучугурскій. Длина порога 105 сажень, паденіе 3 фута 5 дюймовъ. На немъ тоже сдѣланъ каналъ. Лишній порогъ барки проходятъ почти спустя рукава, ибо въ большую воду онъ совершенно безопасенъ, а въ умѣренную тоже проходятъ суда безпрепятственно, избѣгая лишь одинъ камень Швайку, который пользуется дурною славою. Пройдя этотъ порогъ, я вздумалъ было посмѣяться надъ нимъ и обратился съ какою-то шуткою къ лоцману, который зорко смотрѣлъ впередъ по обычаю. Старикъ покачалъ головою и сказалъ, что не только не слѣдуетъ шутить съ порогомъ, но даже съ самымъ дряннымъ камнемъ, что не говоря уже объ обязанности лоцмана всегда быть на сторожѣ, *пороги не любятъ, если надъ ними издѣваются.*

Пройдя Лишній, остается въ виду въ 5½ верстахъ одинъ только порогъ Вильный, довольно большой и опасный. По гидрографической картѣ Днѣпровскихъ пороговъ онъ значится Вильный, по изслѣдованіямъ къ объясненію древней Россійской исторіи Лерберга—Вольный, по древней Россійской Идрографіи—Вольной, у Константина Багрянороднаго не показанъ. Рѣка здѣсь быстра, и далеко слышенъ гулъ послѣдняго водопада. Названіе этого порога многимъ бросается въ глаза, потому что всѣ, за исключеніемъ простолюдиновъ, полагаютъ, что должно произносить Воль-

ный. Но тогда, дѣйствительно, какой же будетъ смыслъ въ словѣ вольный порогъ? На какомъ основаніи онъ *свободный* порогъ? Если относительно прохода судовъ, то онъ далекъ отъ этого; если предположить что здѣсь не нападали печенѣги, то предположеніе это будетъ неправдоподобное, ибо они сторожили пловцовъ до Кичкаса. Прилагательное вольный, по малорусски не произносится *вильный*. Мнѣ кажется, дѣло объясняется само собою: прилагательное *вильный* происходитъ отъ глагола *вилять*, потому что фарватеръ этого порога, единственный во всѣхъ порогахъ идущій зигзагомъ; я не рѣшился бы на это производство, если бы мое мнѣніе не находило подкрѣпленія въ другомъ названіи этого же порога: *гадючій* (змѣиный), т. е. извивающійся какъ змѣя. Въ немъ шесть лавъ: Сѣренькая, Похилая, Рядовая, Переймa, Волчье Горло и Шинкарева. Длина 450 сажень, паденія 1 сажень, 10 дюймовъ.

Подходя къ Вильному порогу, лоцманъ держитъ у праваго берега и барка сама собою по теченію входитъ въ фарватеръ порога, и здѣсь уже требуется необыкновенное искусство, по моему болѣе чѣмъ во всѣхъ Днѣпровскихъ порогахъ. Лоцманъ вдругъ въ самомъ порогѣ круто поворачиваетъ налѣво, потомъ держитъ снова направо и, почти достигнувъ праваго берега, опять круто поворачиваетъ налѣво. Здѣсь, при выходѣ изъ порога, стоятъ три отдѣльныя гранитныя скалы, называемыя Волчье Горло, дѣйствительно имѣющія видъ разверзтой пасти; но чрезъ это горло проходятъ плоты во время мелководья. Изъ большихъ камней замѣчателенъ *корабль*. Каналъ, устроенный у самаго лѣваго берега, тоже избѣгается по причинѣ удаленія его отъ фарватера. Тамъ же стоитъ каменный столбъ, означающій границу пороговъ. У праваго берега пристань, называемая Гадючею, до которой плоты берутъ лоцмановъ, но суда идутъ съ каменскими лоцманами не только до Кичкаса, а большею частію даже до острова Хортицы.

По выходѣ изъ Вильнаго порога слѣдуетъ краткая молитва о благополучномъ переходѣ, и хозяинъ, нѣкоторымъ образомъ, можетъ предаваться надеждѣ на сохраненіе своего судна. Но нельзя еще сказать, чтобы всѣ опасности были кончены.

Мѣстнось очень красива, и рѣка съуживается. Влѣво отъ хода тянется большой островъ. Подальше, на томъ же берегу, виднѣются деревни; направо тоже, но надъ самымъ Днѣпромъ

идетъ помѣщичья усадьба и стоитъ хорошенькій домикъ, перешедшій нынѣ во владѣніе одного колониста. Пониже Гадючей балки, лоцманъ сдѣлалъ одинъ крутой поворотъ, и я замѣтилъ забору. Яременко мнѣ объяснилъ, что иные эту забору называютъ Явленнымъ порогомъ, и на мой вопросъ: отчего же онъ такъ названъ, старикъ мнѣ разсказалъ преданіе. Когда-то какой-то лоцманъ, *а може и просто запорожецъ*, пройдя благополучно всѣ пороги, завалился спать; но вдругъ проснулся отъ толчковъ между каменьями, и съ удивленіемъ началъ спрашивать: откуда это *явился* порогъ? Днѣпръ постепенно становится быстрѣе. Въ шести верстахъ отъ Вильнаго по срединѣ рѣки стоятъ три большіе камня, называемые *Разбойниками*. Здѣсь вода быстро стремится влѣво и лоцману много стоитъ усилія, при дружной греблѣ, дать баркѣ должное направленіе. Эти камни причиняли много вреда, но теперь они сорваны порохомъ, или, какъ говорятъ лоцмана, *съ нихъ только сняли шапки*. Дѣйствительно только сорваны вершины, и они весьма близки отъ поверхности рѣки въ небольшую воду, а лѣтомъ торчатъ сверху. Отъ этихъ камней Днѣпръ дѣлаетъ крутой поворотъ направо и, получая необыкновенную быстроту, течетъ словно въ коридорѣ, между сплошными гранитными скалами, необыкновенно живописными и придающими что-то грозное этой дикой натурѣ. При поворотѣ отъ *Разбойниковъ*, лоцманъ старается держаться правой стороны, иначе стремленіе воды нанесетъ его на выдающійся утесъ на лѣвомъ берегу, названный запорожцами *школою*. Миновавъ школу, барка быстро идетъ этимъ узкимъ и глубокимъ корридоромъ, имѣющимъ всего 150 саж. ширины, между отвѣсными утесами, и вотъ вправо живописная колонія Кичкасъ съ пристанью. Иныя барки останавливаются здѣсь, другія берутъ лоцмановъ до острова Хортицы, потому что надобно еще пройти *Столбы*. Это два отдѣльные гранитные утеса, образующіе какъ бы ворота, проходъ сквозь которыя требуетъ искусства и снаровки. Пройдя эти утесы, лоцманъ поворачиваетъ барку противъ теченія и бросаетъ якорь. Послѣ этого всѣ становятся на колѣни и совершаютъ теплую молитву. Здѣсь происходитъ замѣчательное для наблюдателя обстоятельство: съ этого момента не слышно уже каменскаго лоцмана, но коренной лоцманъ барки, или какъ называютъ каменцы—*горішній*, который все время молча стоялъ у руля и исполнялъ приказанія, который не произносилъ слова громко, вдругъ

возвышаетъ голосъ и повелительно отдаетъ приказанія судорабочимъ, и вся фигура его принимаетъ какую-то гордую осанку.

Я описалъ плаваніе барки, но плоты, которыхъ спускается чрезъ пороги большое количество, не всегда слѣдуютъ тому же направленію. Лоцманъ, ведущій плотъ, спеціалистъ своего рода; онъ считается второстатейнымъ, но сколько же надо искусства и смѣтливости съ этимъ нелѣпѣйшимъ и неуклюжимъ червякомъ, у котораго на обѣихъ оконечностяхъ придѣланы по двѣ большихъ *бабайки* (потесь) и которому надобно давать направленіе. Малѣйшій вѣтерокъ гибеленъ для плота, въ особенности, если послѣдній плыветъ срединой рѣки, и поэтому плоты держатся преимущественно береговъ и, какъ выражаются первостатейные лоцманы, любятъ цѣпляться за каждый *рожекъ* (*рогъ*, *рожекъ*—мысъ). Дѣйствительно, плывя близко отъ берега и разумѣется слѣдуя за всѣми изгибами рѣки, при встрѣчѣ мыска, плотъ не можетъ избѣжать, чтобы не зацѣпиться, иначе его тотчасъ же отброситъ на средину; зацѣпившись же заднимъ концемъ, онъ хоть и потеряетъ одно или два бревна, за то стремленіе опять направитъ его къ берегу. Любопытно и вмѣстѣ страшно смотрѣть, когда плотъ бросается въ первую гряду порога: хвостъ его еще далеко, а голова погрузилась въ омутъ, и люди стоящіе у переднихъ *бабаекъ* погружены по грудь въ кипящую пѣну; секунда, и весь плотъ извивается между каменьями. Съ плотами и несчастья случаются гораздо чаще, чѣмъ съ барками. Если плотъ цѣпляется за мысокъ и теряетъ одно или два бревна, здѣсь не предстоитъ никакой опасности; но если зацѣпится какъ нибудь за камень въ порогѣ, тогда нѣтъ ему спасенія. Сбившись съ пути, онъ теряетъ фарватеръ и несется прямо чрезъ гряды камней, гдѣ бѣшеная рѣка разрываетъ его связи, ворочаетъ бревна и ломаетъ ихъ порою какъ щепки. Въ это то время погибаютъ и люди: если бы они упали только въ воду, то стремленіе вынесло бы ихъ изъ порога, но отрывающіяся бревна увѣчатъ и убиваютъ несчастныхъ. Впрочемъ, это случается не весьма часто: замѣтивъ, что плотъ, по случаю вѣтерка или по другому обстоятельству, понесло не туда куда слѣдуетъ, люди обыкновенно спасаются, но если несчастіе застигнетъ въ самомъ порогѣ, тогда дѣлать нечего. Но бываютъ примѣры, что отважные лоцмана, съ сверхъестественными, можно сказать, усиліями выплываютъ благополучно и при какой нибудь неудачѣ. Здѣсь надо замѣтить, что плоты вообще снабжены дурными канатами и яко-

рями: можетъ быть, несчастья съ плотами случались бы рѣже на половину, если бы хозяева ихъ заботились о снабженіи ихъ добрымъ якоремъ и приличною *снастью*.

Въ прежнія времена крушеніе барокъ и въ особенности плотовъ доставляло обильное средство поживы береговымъ жителямъ, и, какъ говорятъ злые языки, многіе обстроились, благодаря этимъ несчастіямъ. Разсказываютъ даже, что иные лѣсоторговцы составили этимъ капиталы, ловя разбитые плоты и продавая лѣсъ, разумѣется, по чудовищнымъ цѣнамъ. Но теперь это миновалось: за утайку каждаго бревна наложенъ огромный штрафъ, и хотя конечно обойтись безъ злоупотребленій нельзя, однакоже хозяинъ разбитаго плота соберетъ большую часть, тогда какъ прежде бѣднякъ довольствовался третьею или четвертою. Объ этомъ обстоятельствѣ много ходитъ разсказовъ, какъ, напримѣръ, иные употребляютъ разныя ухищренія, чтобы скрыть даровой лѣсъ, пойманный на рѣкѣ, но при этомъ сообщаютъ также и уловки хозяевъ, потерпѣвшихъ крушеніе, которые, покровительствуемые закономъ, умѣютъ находить свою собственность и случается, что вырываютъ свой лѣсъ уже изъ подъ пилы похитителя.

Плоты иногда по нѣскольку недѣль идутъ чрезъ пороги. Малѣйшее дуновеніе вѣтра ему помѣха, и онъ долженъ, стоя на якорѣ, выжидать самой невозмутимой тишины. Весной въ каналы онъ идти не можетъ, по изъясненнымъ выше причинамъ: онъ не имѣетъ веселъ, а слѣдовательно и не можетъ употребить усилій, необходимыхъ для того, чтобы попасть въ каналы. Но при малой водѣ, плоты идутъ чрезъ каналы, а при совершенномъ упадкѣ воды перевязываются въ *торки*.

Говоря вообще, цѣль облегчить судоходство чрезъ пороги была прекрасная, и какъ видно, то и средства для этого предназначены не малыя, но исполненіе какъ то не оправдало ожиданій. При настоящемъ положеніи вещей правильное судоходство не весьма надежно, тѣмъ болѣе, что существующія пороговыя сооруженія, построенныя не на фарватерѣ, не приведены къ концу, т. е. каналы не вездѣ достаточно углублены и находящіеся на новомъ ходу камни не расчищены. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени найдутся не только сердства для обезпеченія безопаснаго сплавнаго судоходства чрезъ пороги, но и ускорится окончаніе этого необходимаго сообщенія.

Все, что касается до судоходства сосредоточено, какъ уже из-

вѣстно читателямъ, въ селеніи Лоцманской Каменкѣ. Тамъ опредѣляется мѣра груза и ни одно судно не пропускается безъ надлежащаго обмѣра и осмотра. Надо отдать справедливость старшему атаману лоцманской общины *Бойку*. Это истый типъ запорожца со всѣми его многообразными оттѣнками. При необыкновенно проницательнымъ умѣ, знаніи своего дѣла, онъ до того дѣятеленъ, что во время навигаціи съ зари до зари Бойко на ногахъ: свидѣтельствуетъ суда, обмѣриваетъ, наблюдаетъ за отгрузкой, за придѣлкой стеренъ, изъ которыхъ не пропуститъ ни одного, чтобы лично не подвергнуть испытанію. Повторю, необыкновенно умный и распорядительный человѣкъ. Но каждая медаль имѣетъ свою оборотную сторону: пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ начальства, атаманъ этотъ успѣлъ поселить всеобщую ненависть всего сословія. Какъ и почему? про то вѣдаютъ каменскіе лоцмана. Случается, впрочемъ, что иногда барки, отправляющіяся съ Каменской пристани, не отгружаются до той мѣры, до какой слѣдуетъ. Купецъ судохозяинъ,—тотъ же мужикъ, православный ли онъ или еврей, и готовъ поблагодарить за лишній вершокъ груза, не принимая въ расчетъ, что потерять барку гораздо дороже, чѣмъ перегрузить товаръ и обвезть сухопутью. Поэтому и бываетъ, что барка разбивается въ порогахъ, а тогда разумѣется виноватъ лоцманъ, который подвергается строгому взысканію. А отгрузка барки великое дѣло: если по водомѣру въ порогѣ будетъ подъ нею воды полъаршина, то казалось бы и довольно для благополучнаго прохода; она конечно и прошла бы, еслибы могла сохранить свое нормальное положеніе. Но вѣдь въ порогѣ, прыгая по уступамъ, она можетъ погнуться, и какой нибудь *крутько* непремѣнно ее разобьетъ, не смотря на искусство лоцмана. Впрочемъ подобные случаи довольно рѣдки. Недавно я былъ свидѣтелемъ крушенія барки, которая погибла въ нѣсколько минутъ не отъ недосмотра, невнимательности или злоупотребленія,—а просто по волѣ судьбы. Раннимъ утромъ я сидѣлъ вблизи Звонецкаго порога на скалѣ и смотрѣлъ въ трубу на проходившіе суда и плоты, которые, пользуясь совершеннымъ безвѣтріемъ, спѣшили въ свой путь, проносясь старымъ козачьимъ ходомъ и покрываясь пѣнистыми брызгами. Одновременно приблизилось нѣсколько барокъ къ порогу, по направленію, какъ мнѣ показалось, къ каналу. Вдругъ Днѣпръ поворонѣлъ, и я почувствовалъ какъ вѣтръ обдалъ ме-

ня, словно холодною водою. Я началъ всматриваться пристальнѣе. Одна барка благополучно перешла порогъ, другая попала въ каналъ, но третья, не смотря на усилія людей, не могла уже попасть въ каналъ и не успѣла подплыть къ старому ходу: вѣтеръ сбилъ ее совершенно, и она зацѣпилась за крыло канала. Въ мгновеніе обернулась она кормою впередъ, ударилась о камни стерномъ, которое отбилось, и такимъ образомъ прошла черезъ порогъ не по фарватеру, а прямо на проломъ черезъ всѣ четыре лавы. Въ отрывкахъ остановилась она внизу порога. Людей успѣли спасти, а грузъ, составлявшій все достояніе купца, заключавшійся въ желѣзѣ, канатахъ, стеариновыхъ свѣчахъ, цыкоріи, конфектахъ и т. п., погибъ въ Днѣпрѣ. Болѣе тяжелыя вещи потонули, а легкія поплыли внизъ, изъ которыхъ многія хотя и были переловлены, однако оказались никуда годными.

Вообще распорядительность каменскаго начальства оказываетъ пользу судоходству; желательно было бы только, чтобы община лоцмановъ получила лучшее устройство и чтобы этотъ народъ, замѣчательный по своему искусству и трудамъ, находилъ въ своемъ быту то довольство, какого можно ожидать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Съ развитіемъ низоваго пароходства и съ устройствомъ Ѳеодосійской желѣзной дороги, Днѣпръ усилитъ свое значеніе, и нѣтъ сомнѣнія, что пароходы будутъ ходить сверху до самой Каменки. Тогда вѣроятно сплавъ черезъ пороги увеличится значительно, и въ лоцманахъ будетъ настоять большая потребность.

Въ заключеніе о каменскихъ лоцманахъ можно сказать, что это народъ скромный, послушный и необыкновенно способный къ своему дѣлу. Живя въ ихъ сообществѣ довольно часто и по много времени, встрѣчая людей разныхъ возрастовъ и характеровъ, я не видалъ межъ ними ни одного дурака, а очень умныхъ людей встрѣчалъ большое количество. Осторожны они въ высшей степени. Я имѣлъ возможность судить объ этомъ по своему хозяину. Лоцманъ этотъ человѣкъ разумный, примѣрный семьянинъ, необыкновенно набожный и трудолюбивый, любимъ обществомъ и пользуется извѣстностью у лѣсопромышленниковъ, которые ввѣряютъ ему плоты на большую сумму, для провода чрезъ пороги. Онъ грамотный, знаетъ превосходно порожистую часть Днѣпра и былъ мнѣ очень полезенъ сообщеніемъ многихъ подробностей касательно своего дѣла. Но чуть бывало заведу

рѣчь мимоходомъ о его личныхъ отношеніяхъ, о начальствѣ, онъ съ уклончивостью малоруса отдѣлывался общими мѣстами, никогда не высказываясь.

Доведя барку или плотъ до мѣста назначенія, лоцмана тотчасъ же собираются въ обратный путь. Хорошій хозяинъ непремѣнно наградитъ лоцмана, но бываютъ случаи, когда послѣдній получаетъ не болѣе полтинника! Ему предстоитъ семьдесятъ верстъ дороги назадъ въ Каменку, и если не имѣетъ средствъ нанять колониста-извощика, то принужденъ возвращаться пѣшкомъ, не взирая на погоду. Но рѣдкій хозяинъ будетъ скупъ и низокъ до такой степени, чтобы не вознаградить лоцмана, и потому по береговымъ селеніямъ у шинковъ можно зачастую встрѣтить нѣсколько нѣмецкихъ фургоновъ: значитъ, лоцмана пируютъ послѣ благополучнаго рейса. Иногда появляется какая нибудь скрипка, и у порога танцуютъ не только лоцмана и мѣстные жители, но иногда и смѣшная съ обритыми усами фигура нѣмца въ курткѣ, картузѣ и съ коротенькой трубочкой въ зубахъ выдѣлываетъ своими неуклюжими ногами козачка, стараясь подражать граціознымъ движеніямъ молодаго лоцмана. Я говорилъ объ этомъ колонистамъ нѣсколько разъ, но мнѣ единодушно отвѣчали, что менонисты не станутъ танцовать въ кабакѣ, а что это Ямпольцы (Ямполь католическая нѣмецкая колонія у Сурскаго порога). Какъ бы то ни было, а пока будетъ существовать судоходство чрезъ пороги, мѣстные лоцманы необходимы, именно потому, что они съ дѣтства пріучаются къ своему трудному ремеслу и заранѣе свыкаются съ опасностями, неразлучными съ ихъ плаваніемъ. Здѣсь я попрощаюсь съ этимъ добрымъ и благороднымъ народомъ, среди котораго провелъ много пріятныхъ минутъ, и который, по моему мнѣнію, не награжденъ достойно за тяжелые труды свои.

Колонія Кичкасъ или Эйнлаге поселена у древняго Крарійскаго мыса, о которомъ упоминаютъ греческіе историки. Бопланъ тоже говоритъ о немъ, показывая впрочемъ здѣсь невѣрно ширину Днѣпра въ 150 шаговъ, которая не могла измѣниться, потому что рѣка течетъ здѣсь въ гранитныхъ берегахъ и имѣетъ ширины 150 саженъ.

Колонія эта, состоящая изъ менонистовъ, поселена послѣ паденія Запорожья. Служа главною пристанью и стоя на важномъ чумацкомъ трактѣ и на большой дорогѣ изъ Екатеринослава въ

Керчь и Өеодосію, красивая деревня эта лѣтомъ набита всякаго рода проѣзжими и прохожими. Она расположена по правому берегу Днѣпра и тянется далеко по гранитнымъ скаламъ до того мѣста, гдѣ, какъ сказалъ я выше, Днѣпръ круто поворачиваетъ и гдѣ нѣмцы насыпали высокую и крѣпкую плотину, во избѣжаніе наводненія, разорившаго ихъ въ 1845 г. Чистенькіе и опрятные домики стоятъ на порядочномъ разстояніи одинъ отъ другаго, и это пространство между домами непремѣнно засажено деревьями, преимущественно бѣлою акаціею, такъ что въ маѣ мѣсяцѣ, когда деревья въ цвѣту, колонія словно принарядилась въ праздничную одежду. Постройки менонистовъ всѣ однообразны, и расположеніе домовъ одинаково; нѣкоторые разнятся только внутреннимъ убранствомъ, да и то количествомъ и качествомъ вещей, а самыя вещи расположены въ домахъ однимъ и тѣмъ же порядкомъ. Подъ одной связью помѣщаются: конюшня, коровникъ, рига, сѣновалъ и домъ колониста. Изъ сѣней, гдѣ отгорожена кухня и расположена разная необходимая утварь въ порядкѣ и возможной опрятности, вы войдете въ чистую свѣтлую горницу, въ углу которой стоитъ кроватъ съ горой тюфяковъ и подушекъ, сложенныхъ другъ на другѣ необыкновенно тщательно. Возлѣ двери въ стѣнѣ вдѣланъ шкафъ, въ которомъ разставлена посуда съ невозмутимой симметріей. У стѣнъ диванчикъ, стулья, одинъ или два стола, и—необходимая принадлежность—красивый и прочный сундукъ. На стѣнѣ висятъ деревянные часы, нерѣдко еще вывезенные изъ Пруссіи въ концѣ прошлаго столѣтія. Чисто вымытый полъ посыпанъ пескомъ. Далѣе слѣдуетъ спальня, а тамъ, смотря по величнѣ дома, иногда идетъ еще комната. Черезъ сѣни тоже горница, гдѣ хозяинъ занимается какимъ нибудь ремесломъ, потому что менонистъ любитъ чѣмъ нибудь заниматься. Во всѣхъ комнатахъ опрятность и чистота поразительныя, а мѣдь, гдѣ только она есть, выполирована до возможной степени совершенства. Глядя на жилище менониста, можно подумать, что тамъ больше ничего и не дѣлаютъ какъ только моютъ, скоблятъ, чистятъ и полируютъ. Образъ жизни колонистовъ патріархальный, и они какъ-то рѣдко предаются веселости: сколько я замѣтилъ, въ воскресенье даже не слышно, чтобы молодежь собиралась для развлеченій своего возраста; даже школьники смирно идутъ въ училище и обратно, не шалятъ, не дерутся, и чинно разговариваютъ, словно взрослые. Проживя разъ цѣлую недѣлю въ Кич-

касѣ, я такъ утомился этимъ невозмутимымъ однообразіемъ, что какъ ни пріятно мнѣ было сидѣть въ свѣтлой, опрятной комнатѣ, однако я поспѣшилъ въ малорусскую деревню, гдѣ жизнь хоть и грубѣе, гдѣ встрѣтили меня лишенія, но въ которой люди и плачутъ и смѣются, и поютъ и пляшутъ, и пожалуй подерутся для разнообразія. А между тѣмъ я по берегамъ Днѣпра нигдѣ не видѣлъ такого довольства и трудолюбія, какъ у колонистовъ Хортицкаго округа. Я посѣщалъ не одинъ Кичкасъ и не разъ живалъ у менонистовъ, но мнѣ никогда не удавалось замѣтить когда хозяйка успѣвала доводить домъ свой до этой, почти голландской чистоты. Я слѣдилъ за дневными занятіями колонистовъ. Утромъ очень рано, послѣ завтрака, состоящаго изъ кофе съ молокомъ, нѣмецъ выѣзжаетъ въ поле на работу и, смотря по надобности, беретъ работника и работницу. Дышловые ихъ фургоны, можно сказать изящной работы, устроены такимъ образомъ, что служатъ и обыкновенной телѣгой, и могутъ превратиться въ повозку, на которой помѣщается три копны хлѣба. Земледѣльческія орудія, болѣе или менѣе усовершенствованныя, содержатся въ необыкновенной исправности; а лошади (менонисты работаютъ лошадьми) обладаютъ завидною полнотою и пользуются любовью своего хозяина. Отправляясь въ поле, нѣмецъ не позабудетъ взять на телѣгу кадушки съ водою, необходимой какъ для него, такъ и для животныхъ. Хозяйка въ это время не только сама занимается какимъ нибудь дѣломъ, но и задаетъ работу всѣмъ домашнимъ отъ мала до велика, обмывъ и причесавъ малыхъ дѣтей и отправивъ нѣкоторыхъ въ школу. Нѣмки преимущественно занимаются сборомъ молока, которое сберегаютъ онѣ не въ кувшинахъ, но въ мискахъ, пахтаньемъ отличнаго масла, выдѣлкою сыру, роются въ огородѣ и потомъ принимаются варить обѣдъ, аккуратно посматривая на часы, обладающіе иногда такимъ громозвучнымъ колоколомъ, что терпѣть ихъ звонъ нѣтъ никакой возможности. Молоко всегда въ изобиліи; кромѣ того, что изъ него выдѣлываются сыръ и масло, хозяйка поитъ имъ даже свиней, не говоря, что наливаетъ полную миску кошкамъ, которыхъ въ иномъ домѣ собирается нѣсколько штукъ. У нѣмцевъ мнѣ нравится обыкновеніе, что они не забрасываютъ бѣдныхъ котятъ и кормятъ ихъ постоянно. Это противоположность съ евреями, которые также не забрасываютъ котятъ, изъ скупости потерять

что бы то ни было имъ принадлежащее, но и не кормятъ ихъ, въ силу той же добродѣтели.

Колонисты съ любовью и успѣхомъ занимаются шелководствомъ, а потому разводятъ много тутовыхъ деревьевъ. Между колонистами есть разнаго рода ремесленники, и произведенія ихъ рукъ, не смотря иногда на свою грубость, не могутъ быть заподозрѣны въ недобросовѣстности. Менонистъ говоритъ, *что даже если бы я и не хотѣлъ быть честнымъ, то надобно быть честнымъ*, и вслѣдствіе этого правила рѣдко встрѣчаются примѣры мошенничества и плутовства—качества, такъ тѣсно связанныя съ нашими ремесленниками, конечно не безъ исключеній.

Въ Кичкасѣ есть лѣсная пристань, принадлежащая колонисту Генрихсону, извѣстному въ окрестности подъ именемъ Корнѣя Корнѣича, который снабжаетъ лѣсомъ не только менонистовъ своего округа и сосѣднія селенія, но и колонистовъ Таврической губерніи, поселенныхъ по рѣкѣ Молочной. Пристань Генрихсона въ большомъ порядкѣ и отличается доброкачественнымъ лѣсомъ: купецъ этотъ ѣздитъ самъ въ Екатеринославъ и дальше вверхъ для закупки барокъ и плотовъ, и честностью своею беретъ перевѣсъ надъ многими лѣсными торговцами, которые гораздо богаче его, но пускаютъ въ ходъ различныя продѣлки, недостойныя порядочнаго человѣка. Корнѣй Корнѣичъ большой оригиналъ и необыкновенно интересно разсказываетъ о лѣсной торговлѣ и о лицахъ, ведущихъ ее по извѣстной ему мѣстности. Онъ порядочно разбогатѣлъ и купилъ много земли, на которой успѣшно занимается скотоводствомъ, овцеводствомъ и хлѣбопашествомъ.

Въ Кичкасѣ есть также двѣ лавочки, въ которыхъ мѣстные покупатели находятъ все для удовлетворенія своихъ мѣстныхъ потребностей, начиная отъ кофе и сахару до ситцу и каленкору, отъ ножа и замка до дѣтской игрушки. Разницы въ цѣнахъ я не замѣтилъ съ цѣною этихъ же товаровъ въ окрестныхъ городкахъ.

Зажиточные нѣмцы получаютъ Рижскую газету (Rigasche Zeitung) и кромѣ того, что непремѣнно толкуютъ между собою о политикѣ за кружкою пива, но считаютъ обязанностью поговорить и съ каждымъ пріѣзжимъ о современныхъ событіяхъ. При совершенномъ невѣдѣніи статистики и при самыхъ темныхъ понятіяхъ о географіи, иной толстый колонистъ разсказываетъ уморительныя вещи, и въ жару бесѣды, за неимѣніемъ болѣе

убѣдительныхъ доказательствъ, чертитъ по столу пивомъ положеніе мѣстности, о которой идетъ рѣчь. Смотря на эти мокрыя дорожки, не имѣющія никакого смысла, другой нѣмецъ торжественно опровергаетъ своего сосѣда и старается перечертить по своему. Изъ этого выходятъ презанимательные споры о томъ, гдѣ какая страна свѣта. Однажды я присутствовалъ при подобной бесѣдѣ, возникшей по поводу минувшей кампаніи. Колонисты разсказывали мнѣ какъ они доставляли, кажется, провіантъ въ дѣйствующую армію, сообщая при этомъ интересныя подробности о провіантскихъ чиновникахъ. Одинъ колонистъ начертилъ на столѣ часть Крымскаго полуострова такимъ образомъ, что Керчь приходилась на одномъ меридіанѣ съ Севастополемъ, только гораздо южнѣе, а Симферополь стоялъ между этими городами, подаваясь на западъ. Но гораздо интереснѣе былъ разсказъ о томъ какъ прусскій король (*), встрѣтивъ однажды императора французовъ на гуляньѣ въ Берлинѣ, остановился и въ присутствіи всѣхъ гуляющихъ произнесъ ему энергическую рѣчь, порицая нападеніе на Россію. Колонистъ вдохновился, и если дѣйствительно нелѣпость эта занесена была въ колоніи, то я увѣренъ, что собесѣдникъ мой присочинилъ большую половину въ жару своего краснорѣчія. Никогда не забуду я послѣдней фразы: «Ты думаешь, что недопустишь кофе въ Россію, говорилъ будто бы прусскій король, ошибаешься—я пропущу его чрезъ свои границы». Послѣ такой рѣчи Наполеонъ началъ оправдываться, обвинялъ Англію и увѣрялъ, что больше никогда не будетъ. Впрочемъ политикъ этотъ былъ какой-то пріѣзжій молочанецъ и говорилъ болѣе чистымъ нѣмецкимъ языкомъ нежели прочіе колонисты, употребляющіе обыкновенно *платъ дейчъ*. Всѣ они, однакоже, за исключеніемъ женщинъ, хорошо говорятъ по малорусски.

Но я никогда не могъ помириться съ ними относительно пищи, потому что поплатился за нее страшной лихорадкой. Поселясь въ Кичкасѣ лѣтомъ прошлаго года, для изученія окрестностей, я просилъ свою хозяйку приготовлять мнѣ обѣдъ за условленную плату. Она изъявила свое согласіе и спросила, въ которомъ часу я обѣдаю. Отправляясь изъ дому съ утра и по-

(*) Всѣ менонисты отзываются о прусскомъ королѣ съ особеннымъ уваженіемъ, потому что предки ихъ вышли изъ Пруссіи; есть еще старики, которые помнятъ свою родину. *А. Ч.*

завтракавъ гдѣ нибудь въ окрестности однимъ хлѣбомъ безъ всякой примѣси, я возвращался домой часамъ къ пяти, съ запасомъ большаго аппетита. Въ первый день, въ назначенный часъ и минуту не успѣлъ я снять дорожной сумки, какъ уже на столѣ у меня стояла миска и былъ приготовленъ довольно приличный приборъ. Меня изумило, однако же, что вмѣсто обыкновеннаго супу въ мискѣ было молоко. Голодному впрочемъ разсуждать нечего. Пробую, непротивно, но со дна миски вытаскиваю ложку вишень.

— Что это? спрашиваю.

— *Киршенъ-зуппе*, отвѣчаетъ хозяйка.

Сочетаніе вишень съ молокомъ показалось мнѣ немного страннымъ, но я, утоливъ первоначальный голодъ, спросилъ себѣ пить. Мнѣ подали стаканъ густыхъ сливокъ. Я подумалъ, что можетъ быть дѣйствительно послѣ киршъ-зуппе не слѣдуетъ употреблять другаго питья и опорожнилъ стаканъ. Второе блюдо было жирнѣйшая и превкусная ветчина, въ родѣ вестфальской, которую колонисты приготовляютъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Послѣ ветчины слѣдовало жаркое съ какимъ то сладкимъ соусомъ.

— Герръ доволенъ обѣдомъ? спросила хозяйка.

— Очень, только нельзя ли приготовлять другой супъ, и вмѣсто сливокъ подавать для питья воду.

На другой день снова былъ поданъ молочный супъ, но уже не съ вишнями, а съ какимъ-то другимъ плодомъ, изрѣзаннымъ въ мелкіе кусочки.

— Что это? спрашиваю.

— Бирнъ-зуппе.

Это значитъ—молоко сварено съ недозрѣлыми грушами, упавшими съ дерева, но похлебка показалась мнѣ съ голоду покрайней мѣрѣ не противна. Потомъ по обычаю слѣдовали ветчина и жаркое.

Я снова просилъ перемѣнить супъ и пояснилъ, что желалъ бы съ картофелемъ; на слѣдующій день супъ былъ точно съ картофелемъ, но свареннымъ на молокѣ, и который прежде чѣмъ попасть въ супъ былъ предварительно сжаренъ въ маслѣ. Однимъ словомъ, за эту пищу я поплатился жестокой крымской лихорадкой, и уже послѣ того, бывая въ колоніяхъ, самъ тщательно опредѣляю матеріалы для своего обѣда, и даже купилъ себѣ въ Одессѣ поваренную книгу, хотя она оказывается для

меня совершенно безполезною. Въ Кичкасѣ существуетъ родъ обжорнаго ряда возлѣ кабака, гдѣ можно конечно утолить голодъ, но пища, продаваемая на этомъ базарѣ, состоящая изъ жареной рыбы или мяса, не привлекаеть своей наружностью. Вечеромъ это мѣсто интересно по случаю большаго стеченія народа, и тамъ можно видѣть иногда разгулявшихся чумаковъ, которые съ необыкновеннымъ искусствомъ исполняютъ малорусскіе танцы.

Колонисты курятъ табакъ и страстные до него охотники. Какъ мужчины, такъ и женщины, одѣваются весьма некрасиво. Мужская одежда состоитъ изъ куртки, жилета и штановъ неуклюжаго покроя; лѣтомъ мужчины ходятъ въ туфляхъ съ деревянными подошвами, но во время грязи и зимою обуваются въ сапоги. Женщины носятъ общипанныя платья ситцевыя или изъ крашенины, а выходя на улицу, надѣваютъ соломенныя шляпки допотопнаго покроя. Я посѣщалъ пять колоній и въ томъ числѣ самую знаменитую—Нижнюю Хортицу, въ которой находится оберъ-шульцъ, гдѣ живетъ отличный часовой мастеръ, поставляющій часы во всѣ колоніи, и гдѣ можно найти превосходнаго каретника—но не встрѣчалъ не только ни одной хорошенькой, а даже сносной женщины, между тѣмъ какъ мужчины попадаются очень красивые. Выходитъ не всегда справедливо повѣрье, что на большихъ рѣкахъ встрѣчаются красавицы преимущественно предъ прочими мѣстностями.

Въ этихъ колоніяхъ удивительный порядокъ. *Шульцъ* (нашъ старшина), избираемый изъ числа порядочныхъ хозяевъ, пользуется уваженіемъ, и распоряженія его исполняются безпрекословно. Лошади доставляются чрезвычайно скоро, даже и при нѣмецкой неповоротливости, лишь; бы только случиться писарь прочесть открытый листъ; но путешествующему въ своемъ тарантасѣ можетъ встрѣтиться важное неудобство. Во первыхъ, нѣмцы не умѣютъ запрягать въ оглобли, а во вторыхъ у нихъ во всей колоніи не отыщется дуги, такъ что за этой штукой приходится посылать въ сосѣднюю малорусскую деревню.

Жители Кичкаса не занимаются судоходствомъ, да и рыболовство у нихъ въ совершенномъ пренебреженіи: во всей колоніи одинъ порядочный рыбакъ, онъ же и лоцманъ, Якубенко. Этотъ колонистъ, усвоившій нѣмецко-малорусскую фамилію, умный и интересный человѣкъ, который превосходно знаетъ мѣстность и

обладаетъ обширными свѣдѣніями касательно первоначальной колонизаціи. Его отецъ былъ первымъ поселенцемъ на островѣ Хортицѣ.

Въ Кичкасъ приходятъ снизу на своихъ лодкахъ Никопольскіе вольные матросы, о бытѣ которыхъ, также какъ и объ ихъ судоходствѣ, я представлю въ свое время подробное описаніе.

ГЛАВА IV.

Выходъ изъ пороговъ. Островъ Хортица. Колонія. Преданія. Якубенко. Село Вознесенское. Хлѣбный магазинъ. Александровскъ. Почтовая контора. Пансіонъ. Лѣсная пристань. Описаніе фарватера.

Хотя, миновавъ Днѣпровскіе пороги, судоходство и не встрѣчаетъ уже дальнѣйшихъ опасностей, однако тѣмъ не менѣе Днѣпръ словно не желаетъ еще нѣкоторое время разстаться съ камнями и скалами, служащими эпилогомъ только-что оконченнаго плаванія чрезъ гранитныя громады. Пороговъ конечно уже нѣтъ, заборы даже потеряли свой характеръ, но прихотливое русло тамъ и сямъ выставляетъ опасные камни наружу или скрываетъ подъ водою не менѣе опасныя глыбы первозданной породы. Выводъ судна за Хортицу требуетъ еще знанія мѣстности, конечно не въ такой степени, какъ въ порожистой части рѣки, но во всякомъ случаѣ здѣсь опытный лоцманъ болѣе необходимъ, чѣмъ на всемъ теченіи Днѣпра до Херсона. Правый рукавъ рѣки, огибающій островъ съ запада, представляетъ меньше опасностей, но за то онъ судоходенъ лишь въ полую воду, а лѣвый, идущій къ Александровску, хотя и глубже, однако представляетъ довольно затрудненій. Но мы остановимъ вниманіе на островѣ Хортицѣ, самомъ большомъ на Днѣпрѣ,—называвшемся въ древности островомъ св. Георгія. Здѣсь, по свидѣтельству Багрянороднаго, руссы приставали на нѣкоторое время, пройдя пороги, для принесенія жертвъ, бросанія жребія, разныхъ гаданій и проч.

Хортицкій островъ чрезвычайно живописенъ, въ особенности весною, когда между его дикими прибрежными скалами ярко зеленѣютъ деревья и придаютъ веселый видъ угрюмымъ глыбамъ гранита. Онъ также возвышенъ какъ и оба берега рѣки, и нѣтъ

сомнѣнія, что въ глубокой древности составлялъ продолженіе лѣваго берега, но потомъ непреодолимая масса водъ, прорвавъ себѣ новое ложе, образовала большой островъ. Поверхность его усѣяна деревьями, преимущественно грушевыми, которыя однакоже находятся на большомъ разстояніи другъ отъ друга, и придавая мѣстности разнообразіе, не мѣшаютъ земледѣлію. Есть на островѣ замѣчательные курганы той же категоріи, что и на окрестныхъ степяхъ, но если принять во вниманіе, что здѣсь находились въ древности поселенія, и посмотрѣть на камни, вѣнчающіе вершины нѣсколькихъ кургановъ, то безспорно можно предположить, что разработка ихъ принесетъ пользу археологіи. Скиѳы ли, печенѣги ли оставили здѣсь въ нѣдрахъ земли свои памятники—это все равно для науки, но я не знаю были-ль осматриваемы эти курганы. Съ исторической точки зрѣнія все говоритъ въ пользу этой мѣстности, на которой существовали древніе народы и совершались кровавыя битвы. Если здѣсь и не встрѣтится царской гробницы, такой, какая открыта въ прошломъ году въ Александропольскомъ курганѣ, то все же можно надѣяться, что подъ упомянутыми мною могильными насыпями лежитъ остовъ какого нибудь витязя древности, не лишенный украшеній, обычныхъ своему племени.

Не менѣе значительный интересъ представляетъ Хортицкій островъ и для изслѣдователя старины, хотя и не столь почтенной, какъ времена скиѳовъ или даже печенѣговъ, однако любопытной при изслѣдованіяхъ древней жизни Запорожья. Во времена Боплана уже здѣсь не существовала Сѣчь, у Бантышъ-Каменскаго упоминается, что она была здѣсь въ началѣ XVI столѣтія, а г. Скальковскій глухо говоритъ только, что островъ былъ пустъ задолго уже до путешествія Боплана. Изъ подобныхъ показаній трудно вывести какое бы то ни было заключеніе,—но если даже и не вѣрить смутнымъ отрывочнымъ преданіямъ, въ которыхъ изрѣдка встрѣчаются намѣки о существованіи Сѣчи на Хортицѣ, то стоитъ только пройти по всему острову и въ особенности по сѣверо-западной его части, для убѣжденія, что здѣсь долго обитала козачья дружина. Вся эта часть острова перерѣзана во всю ширину канавами, соединяющими земляныя укрѣпленія самаго первобытнаго устройства, которыя безошибочно могутъ быть приняты за слѣды поселенія безсемейнаго *товарищества*. Послѣдній рядъ этихъ укрѣпленій лежитъ почти на са-

мой оконечности скалистаго острова, обращенной къ Кичкасу. Между этими канавами, лежащими на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, вся мѣстность изрыта ямами, имѣвшими, какъ утверждаютъ старики, еще лѣтъ 50 назадъ, значительную глубину и служившими конечно землянками запорожцамъ. Но пройдя нѣсколько разъ по этой изрытой мѣстности, я не могу до сихъ поръ составить себѣ понятія—какимъ образомъ эта безстрашная дружина располагала свои жилища по куренямъ, имѣвшимъ свое отдѣльное хозяйство. Впрочемъ, легко можетъ быть, что въ то время, когда Сѣчь существовала на Хортицѣ, козаки не имѣли еще правильной организаціи, а собирались и селились между окопами, какъ кому удобнѣе. Не имѣя данныхъ, трудно судить объ этомъ, а единственный источникъ—Бопланъ, по собственному свидѣтельству, доѣзжалъ только до этого мѣста. На южной оконечности острова показываютъ садъ, называя его Потемкинскимъ, который будтобъ былъ насажденъ по волѣ великолѣпнаго князя Тавриды. Возлѣ этого сада я видѣлъ мѣсто, гдѣ была построена первая колонистская хижина, принадлежавшая менонисту Якубу, который былъ одинъ изъ депутатовъ, пріѣзжавшихъ въ Россію для осмотра земель. Привольное и плодородное мѣсто хотя и было привлекательно, однакоже Якубъ не долго усидѣлъ на южной оконечности острова. Это было вскорѣ послѣ разоренія Запорожья, когда еще по краю шатались шайки лугарей,—печальные остатки уничтоженнаго войска запорожскаго. Лугари безнаказанно рыскали по степямъ, на которыхъ въ то время только что еще зараждались поселенія, и брали дань съ жителей, обходясь довольно мирно съ послушными и употребляя жестокія мѣры съ тѣми, кто хотѣлъ сопротивляться. Объ этихъ удальцахъ я уже упоминалъ въ первыхъ статьяхъ моихъ. Однажды вечеромъ нѣсколько человѣкъ лугарей напали на уединенный домикъ менониста и подвергли послѣдняго тиранскимъ истязаніямъ, такъ что бѣднякъ скоро поплатился бы жизнію, но подоспѣвшіе случайно колонисты спасли Якуба и разогнали немногочисленныхъ разбойниковъ. Здѣсь замѣчательно одно обстоятельство, что лугари мучили менониста не за сопротивленіе, ибо онъ не сопротивлялся, но за то—какъ смѣлъ нѣмецъ селиться на землѣ славнаго войска запорожскаго. Въ 1732 г., какъ говоритъ г. Ѳ. У., въ примѣчаніяхъ къ переводу бопланова описанія Украйны, на Хортицѣ стройлись корабли. Въ насто-

ящее время нѣтъ никакихъ преданій о верфи. Года два тому назадъ умеръ въ селѣ Вознесенскомъ старикъ, разсказывавшій, что въ началѣ столѣтія замѣтно было затонувшее судно на томъ мѣстѣ (близь нынѣшней колоніи); но сколько ни ходилъ я по берегамъ—нигдѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ. Конечно 135 лѣтъ не мало времени, однако же въ Тавровѣ близь Воронежа сохранились доки Петра Великаго, и еслибъ приняты были мѣры, чтобы не истребляли этихъ драгоцѣнныхъ остатковъ старины, они перешли бы вѣроятно и къ болѣе отдаленному потомству. На Хортицѣ ничего не сохранилось отъ постройки кораблей.

На разныхъ мѣстностяхъ этого острова находятъ старинныя монеты и металлическіе кончики стрѣлъ; иногда можно напасть на цѣлыя груды костей.

Въ настоящее время на этомъ островѣ, заключающемъ 3000 десятинъ земли, процвѣтаетъ хорошенькая колонія, жители которой, походя во всемъ на обитателей прочихъ колоній Хортицкаго округа, описанныхъ мной въ предыдущей статьѣ, могутъ лишь похвалиться болѣе тѣнистыми и плодородными садами. Растительность здѣсь довольно богата. Впрочемъ трудолюбіе и заботливость менонистовъ создали здѣсь лѣсъ, покрывъ красною лозою пространство 115 десятинъ сыпучаго песку. Хотя этотъ лѣсъ и довольно жалокъ, потому что состоитъ изъ насажденій одной красной лозы, однако все же пріятнѣе вмѣсто голой и безплодной песчаной степи встрѣчать кустарникъ, который впрочемъ приноситъ еще и небольшую пользу. Въ двухъ мѣстахъ даже посѣяны сосны для опыта, и опытъ удался превосходно, ибо небольшія сосновыя рощицы разрослись очень хорошо, и еслибы прорубить густое насажденіе, можно ручаться, что на Хортицѣ выросли бы огромныя сосновыя деревья. Нѣмецкая аккуратность обнесла эти рощицы плетнемъ, и онѣ, представляя необыкновенно красивый видъ своею темной зеленью среди лозовыхъ кустарниковъ, составляютъ нѣкоторымъ образомъ гордость мѣстныхъ жителей. Въ небольшой этой колоніи построены три лодки, занимающіяся перевозкой груза до Херсона: суда эти вооружены, по образцу никопольскихъ, о которыхъ я скажу въ своемъ мѣстѣ. Въ этой колоніи можно видѣть дома, построенные первыми поселенцами, и многія вещи, вывезенныя изъ Пруссіи, хотя конечно нельзя сказать, чтобы и въ прочихъ колоніяхъ не было прусской утвари. Островитяне чрезвычайно го-

степриимны, и если мнѣ случалося бывать у кого нибудь изъ нихъ, то я не помню, чтобы мнѣ не предлагали шнабсъ, ветчину и кофе. Послѣдній, составляя одну изъ существеннѣйшихъ потребностей колониста, и выпиваемый во всемъ Хортицкомъ округѣ въ значительномъ количествѣ, приготовляется весьма невкусно и можетъ быть въ этомъ отношеніи сравненъ съ чаемъ великорусскаго крестьянина. Нѣмцы пьютъ кофе съ особеннымъ удовольствіемъ и, несмотря на аккуратность и разсчетливость, готовы придраться къ каждому случаю, чтобы проглотить двѣ или три чашки любимаго напитка, всегда почти безъ сахару. Кофе съ большимъ количествомъ цыкоріи или жженаго ячменя варится очень жидкій и почти-что не сохраняетъ свойственнаго ему вкуса, но всегда ожидается съ нетерпѣніемъ всѣми членами семейства. Подается онъ въ большомъ мѣдномъ чайникѣ, для котораго, въ силу нѣмецкой аккуратности, существуетъ особый снарядъ, порою необыкновенно оригинальной формы. Это своего рода подносъ, на оконечности котораго, обращенной къ чашкамъ, придѣлано возвышеніе, съ вырѣзкой для носка, и нерѣдко состоитъ изъ фигуръ какихъ нибудь животныхъ, поставленныхъ головами въ поле. Подносъ этотъ имѣетъ двойное дно, изъ которыхъ верхнее можетъ приподыматься и посредствомъ подставки удерживается подъ такимъ угломъ, какой необходимъ для наливанія кофе. У старика Гепнера, колониста съ острова Хортицы, на подобномъ подносѣ выдѣланы изъ грушеваго дерева уморительные звѣри съ бычачьими туловищами и свиными головами; всѣ подробности отдѣланы тщательно, даже вырѣзаны глаза и проколоты ноздри. Когда я спросилъ старика, что это за животныя? онъ объяснилъ мнѣ, что имѣлъ въ виду представить львовъ, которыхъ видѣлъ когда-то на картинкахъ. Не знаю таковы ли были грошевые оригиналы, служившіе образцемъ художнику, или воображеніе его увлеклось въ собственномъ стремленіи, только звѣри вышли непохожими ни на одно изъ извѣстныхъ животныхъ, но тѣмъ не менѣе служатъ предметомъ удивленія и подражанія для мѣстныхъ художниковъ.

Отъ колоніи во всю ширину острова проложена дорога, обсаженная деревьями, къ перевозу на правый берегъ Днѣпра, гдѣ неподалеку лежитъ большая Хортица (Розенталь),—мѣсто главнаго управленія всего округа.

Въ верстѣ отъ Кичкаса Днѣпръ раздѣляется на два рукава:

одинъ течетъ по лѣвую сторону острова, другой по правую, но тотъ и другой представляютъ еще своего рода неудобства. Первый, при достаточной глубинѣ и въ лѣтнюю воду, лежитъ мимо довольно опасныхъ каменьевъ, второй же хотя имѣетъ менѣе опасностей и за Столбами избавленъ отъ камней, однако только весною удобенъ для судоходства, а лѣтомъ чрезвычайно мелокъ. Судя по всему,—это первоначальное русло Днѣпра, прорывшаго себѣ въ послѣдствіи путь въ болѣе прямомъ направленіи. Барки, слѣдующія чрезъ пороги, идутъ обыкновенно правымъ рукавомъ и, пройдя Столбы, бросаютъ якорь или тотчасъ за этими камнями, или на Царской пристани, которая, входя въ узкую долину, образуемую рѣкою Хортицей, представляетъ удобное мѣсто для стоянки. Путь этотъ чрезвычайно живописенъ: съ одной стороны скалистый высокій островъ, покрытый деревьями, съ другой каменистый крутой берегъ, на каждомъ шагу не лишены хорошенькихъ ландшафтовъ. Пониже Царской пристани лежитъ чрезвычайно красивый, круглый и высокій островокъ Канцеровскій, называемый также и Дубовымъ, съ древнимъ укрѣпленіемъ въ видѣ вѣнца и съ слѣдами нѣсколькихъ землянокъ. Къ южной его оконечности вода нанесла большую плоскую косу, на который выросли деревья, но высота, увѣнчанная укрѣпленіемъ, ясно доказываетъ первоначальную форму островка, служившаго отдѣльнымъ фортомъ запорожцамъ. Отсюда Днѣпръ поворачиваетъ влѣво, заходя съ этой стороны нѣсколько въ глубину Хортицкаго острова и потомъ выходитъ на сліяніе съ другимъ рукавомъ, который, огибая островъ, имѣетъ здѣсь довольно быстрое теченіе. Отправляясь послѣднимъ русломъ, барка должна отъ Кичкаса держаться вблизи лѣваго берега, и пройдя Каменный островокъ и обогнувъ *Дурну Скелю*,—очень живописную,—такъ чтобы чуть-чуть не коснуться ее веслами, можетъ ловко выйти на фарватеръ, незацѣпивъ *Стоговъ*—двухъ камней, лежащихъ вблизи хода. *Совутина скеля* на Хортицѣ тоже не всегда безопасна, особенно если лоцманъ не хорошо знакомъ съ теченіемъ. Миновавъ камни *Брагарники* и пройдя возлѣ селенія Вознесенскаго, барка подходитъ къ Александровской пристани. Этимъ путемъ идутъ преимущественно суда, слѣдующія въ Александровскъ, и тѣ, которыя подоспѣютъ уже въ то время, когда правый рукавъ обмелѣетъ и представляетъ затрудненіе для судоходства.

Село Вознесенское довольно многолюдно; жители его занимают-

ся преимущественно хлѣбопашествомъ; рыболовство ограничивается самымъ небольшимъ числомъ рыбаковъ, промышляющихъ рыбу почти только-что для домашняго обихода. Въ этомъ селеніи замѣчателенъ казенный центральный хлѣбный магазинъ, корпуса котораго издали придаютъ Вознесенскому видъ городка, раскинутаго на полугорѣ. Магазины довольно большіе и красивые, служащіе также доказательствомъ, что казенныя и общественныя постройки обходятся гораздо дороже вообще, въ сравненіи съ частными, если даже первыя и уступаютъ послѣднимъ какъ въ прочности, такъ и въ отдѣлкѣ. Въ четырехъ верстахъ оттуда, въ колоніи Кичкасѣ, есть у меня пріятель колонистъ, извѣстный вокругъ подъ именемъ Корнѣя Корнѣича, который, занимаясь лѣсной торговлей, не пренебрегаетъ и закупкою хлѣба. Для послѣдней цѣли построилъ онъ противъ своего дома превосходный каменный магазинъ, крытый желѣзомъ. Не смотря, что принадлежитъ простому колонисту и стоитъ въ деревнѣ, зданіе это не было бы незамѣтно и на одесскихъ улицахъ, по своей красивой наружности. Имѣя въ длину 18, въ ширину 6 и въ вышину 3 сажени, магазинъ этотъ укрытъ превосходно и даже оконечность крыши снабжена изящной рѣшеткой. Двери и ставни въ обоихъ ярусахъ желѣзныя, да и самая внутренность отвѣчаетъ наружности. Строеніе это обошлось Корнѣю Корнѣичу въ 6000 руб. серебромъ, не смотря на значительную плату рабочимъ, которые въ этомъ краю не могутъ пожаловаться на плохой заработокъ. Вознесенскіе магазины, при длинѣ 27, ширинѣ 6 и вышинѣ 3 сажень обошлись казнѣ, каждый въ 12,400 руб. сереб., и вмѣстѣ 37,805 руб., считая въ то число и употребленные на спланировку мѣстности 551 р. сереб. Принявъ во вниманіе, что ширина и высота центральнаго магазина совершенно тѣ же, что и въ магазинѣ Корнѣя Корнѣевича, и не смотря, что послѣдній построенъ превосходно, съ желѣзными дверями и ставнями, и укрытъ такъ отлично, что вѣроятно вѣтеръ не сорветъ крыши, которая не скоро также уничтожится ржавчиной,—будемъ считать стоимость погонной сажени. По расчету, сажень длиннику магазина Корнѣя Корнѣевича приблизительно стоитъ 340 руб., а Вознесенскаго магазина—около 460 руб.! Этотъ магазинъ начатъ постройкою осенью 1850 г., а оконченъ осенью 1852 г., но впослѣдствіи потребовались *нѣкоторыя дополнительныя устройства*, о ко-

торыхъ производится еще переписка. Слѣдовательно неизвѣстно еще какъ велика будетъ эта дополнительная смѣта.

Отчего же такая значительная разница? Разстояніе между магазинами всего нѣсколько верстъ, матеріалы тѣже, рабочіе стоили одинаково, если еще казнѣ обошлись не дешевле, ибо центральный магазинъ строился до военнаго времени, когда все въ краю имѣло не чудовищныя цѣны, а Корнѣй Корнѣичъ оканчиваетъ работу только въ настоящемъ году. Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, рѣшается у насъ скоро и равнодушно, вслѣдствіе довольно странной причины— что у казны денегъ много. И подобныя правила, къ стыду нашего времени, еще повторяются во всеуслышаніе иными личностями. Продѣлки относительно общественныхъ сооруженій превосходно очеркнуты въ «Медвѣжьемъ Углѣ» г. Печерскаго (Рус. Вѣстникъ 1857). Подрячики дѣйствительно могли бы соглашаться на цѣны болѣе дешевыя, но при существующемъ порядкѣ вещей не могутъ сдѣлать этого, имѣя въ виду неизбѣжные огромные расходы. Колонисты не вступаютъ ни въ какіе подряды относительно построекъ, вслѣдствіе того, что если вычесть всѣ издержки до начала, во время и послѣ постройки, то барыша почти не остается.

— Отчего-же евреи берутся охотно? спросилъ я одного толковаго нѣмца.

— Оттого, отвѣчалъ онъ, что еврей ставитъ дурной матеріялъ и дѣлаетъ Богъ знаетъ какъ, лишь бы съ рукъ, а наши менонисты еще этому не научились.

На дняхъ мнѣ разсказывалъ одинъ изъ благороднѣйшихъ людей, предсѣдатель Е—ской уголовной палаты, что когда онъ исправлялъ должность П—скаго предводителя, въ его уѣздѣ понадобилось построить небольшой мостикъ.

— Сдѣлавъ для себя смѣту, говорилъ разсказывавшій, я отнесся по начальству. Чрезъ нѣсколько времени является строитель—развязный молодой человѣкъ, и раскланивается со мною самымъ любезнымъ образомъ.

— Сколько надобно денегъ на постройку? спросилъ я.

«Полагаю, что 900 рублей, а тамъ увидимъ, можетъ быть понадобится и прибавить.

— Мнѣ кажется, возразилъ я, что довольно 400.

«Помилуйте!» и строитель началъ бойко вычислять стоимость и количество матеріяловъ.

— Я же вамъ докажу, что построю за 400.

Любезный молодой человѣкъ принялъ величественную позу и сказалъ съ ироническою улыбкою:

«Можетъ быть; но только у васъ его не примутъ.

«Это меня взбѣсило, и я началъ доказывать, что примутъ непремѣнно, ибо начали проходить времена, когда открытыя злоупотребленія совершались безнаказанно. Тогда любезный молодой человѣкъ перемѣнилъ тонъ и началъ просить, потому что заплатилъ 200 руб. за свою командировку.»

Вознесенскій центральный магазинъ построенъ съ благою цѣлью, которая однакоже до сихъ поръ никакъ не могла осуществиться. Цѣль эта заключается въ томъ, чтобы во время низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, скупать его въ большомъ количествѣ и во время неурожая снабжать Екатеринославскую, Херсонскую губерніи и Бессарабію, въ которыхъ оказался бы недостатокъ въ продовольствіи. Магазинъ выстроенъ въ 1852 г., однако же до сихъ поръ не исполнялъ еще своего назначенія, и неизвѣстно будетъ ли когда исполнять его, принявъ во вниманіе имѣющіе открыться пути сообщенія. Цѣль сама по себѣ очень хороша, но по видимому не была подвергнута основательному обсужденію, подкрѣпленному знаніемъ данной мѣстности. Вѣдь прекрасная мысль не можетъ еще дать толчка тому или другому торговому или экономическому движенію, и не мѣшало бы позаботиться о томъ, что мѣстность требуетъ изученія болѣе основательнаго, нежели знакомство съ нею по картѣ и по невсегда вѣрнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ. У насъ еще, къ сожалѣнію, не принято посылать для изученія какого нибудь края въ данномъ отношеніи— людей, приготовленныхъ для этого. А если и случается, что ѣдетъ чиновникъ, то проскакавъ съ возможною быстротою по мѣстности, получивъ кое-какія поверхностныя свѣдѣнія и не заглянувъ въ глубь края, онъ спѣшитъ составить свои донесенія; часто впрочемъ основываются на данныхъ, доставляемыхъ мѣстными властями. Послѣднее обстоятельство можетъ казаться удовлетворительнымъ только тому, кто привыкъ къ оффиціальной бумажной формѣ; но кто хотѣлъ бы знать страну и ея средства основательно,—тому необходимы другіе процессы.

Устройство Вознесенскаго центральнаго магазина не можетъ похвалиться особеннымъ удобствомъ, въ томъ вниманіи, что хотя ссыпка и выборка хлѣба и не подвержены сомнѣнію, однако,

по словамъ опытныхъ людей, долговременное содержаніе хлѣба въ этихъ двухъ-ярусныхъ закромахъ должно быть не совсѣмъ удобно. Впрочемъ, объ этомъ я судить не берусь, но достовѣрно знаю, что до сихъ поръ еще онъ не былъ употребляемъ въ дѣло.

Стоя надъ Днѣпромъ, на мѣстѣ, гдѣ сосредоточивался казенный провіянтъ въ военное время, магазинъ этотъ, по видимому, могъ бы принесть хоть ту пользу, что сохранялъ бы провіянтъ и фуражъ, предназначавшіеся для крымской арміи. Но странно! Вознесенскій центральный магазинъ не былъ полезенъ и въ этомъ случаѣ. Не могъ я доискаться настоящей причины, но одни говорятъ—будто бы оттого, что, принадлежа совершенно иному вѣдомству, онъ не былъ занятъ вслѣдствіе долговременной переписки, другіе утверждаютъ, что внутреннее его устройство не совсѣмъ удобно для храненія провіянта. Не знаю въ какой мѣрѣ справедливо то и другое, но лично мнѣ извѣстно, что въ военное время въ этомъ магазинѣ хранились впослѣдствіи сухари, пожертвованные дворянствомъ. Провіянтъ же и фуражъ находились во временныхъ помѣщеніяхъ въ какой нибудь верстѣ разстоянія и подвергались вліянію атмосферическихъ перемѣнъ, какъ это водится, ибо рогожи не могли предохранять ихъ отъ дождя такъ, какъ предохраняла бы желѣзная крыша. Впрочемъ и крыша на этомъ магазинѣ уже начинаетъ сильно ржавѣть, ибо, должно полагать, была не добросовѣстно выкрашена, и есть надежда, что ржавчина скоро сдѣлаетъ свое дѣло, а вслѣдъ за этимъ появится приличная смѣта для починки зданія, непринесшаго еще покамѣсть ровно никакой пользы. Между тѣмъ съ окончаніемъ постройки магазина приставленъ къ нему смотритель съ необходимымъ штатомъ, и вотъ уже четыре года получаетъ содержаніе и живетъ себѣ припѣваючи, въ ожиданіи занятія. Нѣтъ сомнѣнія, что господинъ этотъ привыкъ уже къ своей должности, и въ извѣстные сроки дѣлаетъ донесенія, что все обстоитъ благополучно. На одномъ изъ корпусовъ какъ-то оторвало вѣтромъ часть крыши и починка стоитъ 276 руб. серебромъ. Ежегодное содержаніе штата стоитъ въ годъ 3470 руб. Но до нынѣ впродолженіе четырехъ годовъ, издержано только 5535 руб. 15½ коп., потому что съ самаго начала число должностныхъ лицъ уменьшено, а въ настоящее время состоятъ при магазинѣ смотритель съ однимъ вахтеромъ. Первый получаетъ 1000 руб., а послѣдній 120. Слово центральный магазинъ само по себѣ очень ясно го-

воритъ, что зданіе это должно находиться въ центрѣ данной мѣстности. Теперь взгляните какъ выбранъ центръ для магазина Екатеринославской, Херсонской губерній и Бессарабской области. По одной сторонѣ Днѣпра съ этимъ магазиномъ находятся только уѣзды Ново-московскій, Александровскій, Павлоградскій, Бахмутскій, Славяносербскій и Ростовскій Екатеринославской губерніи,—а по другую остальные уѣзды этой губерній, вся Херсонская и Бессарабія! Есть ли возможность всѣмъ воспользоваться благодѣтельнымъ учрежденіемъ? Если здѣсь имѣлось въ виду сообщеніе по Днѣпру, то какъ достигнуть Днѣпра, и еще нижняго Днѣпра, жителямъ отдаленныхъ уѣздовъ Херсонской губерніи! А если предполагалось, какъ говорятъ нѣкоторые, что центральный магазинъ могъ бы покупать по дешевой цѣнѣ хлѣбъ и дешево же продавать нуждающимся во время голода,—то это чистая утопія. Трудно бѣдняку пріѣхать за нѣсколько сотъ верстъ для покупки нѣсколькихъ пудовъ хлѣба. При томъ же центральный магазинъ можетъ помѣстить лишь только 30,000 четвертей. Подобное количество, полагаю, весьма недостаточно относительно народонаселенія. Когда же и какой цѣли достигнетъ этотъ магазинъ—центральный по названію и вѣроятно имѣвшій приносить на бумагѣ при проэктѣ огромную пользу краю? Въ военное время онъ былъ безполезенъ и не могъ даже сберегать казеннаго провіянта; въ настоящее—тоже, и развѣ только годенъ для дополнительныхъ смѣтъ и починокъ, да для украшенія села Вознесенскаго. Не знаю, какъ кто смотритъ на эти вещи, но человѣку, любящему свое отечество, грустно видѣть подобныя постройки, а еще грустнѣе думать о томъ, какую незначительную роль играетъ еще у насъ основательное изученіе мѣстности.

Теперь поговоримъ объ Александровскѣ, этомъ въ настоящее время жалкомъ городишкѣ, но которому скоро откроется широкое поприще. Находясь надъ Днѣпромъ, онъ никакъ не могъ сдѣлаться лучше порядочной деревни и, перебиваясь кое-какъ своей грошовой торговлей, подобно всѣмъ своимъ собратамъ въ Екатеринославской губерніи, за исключеніемъ Ростова,—не представляетъ ничего утѣшительнаго, даже для голоднаго путника. Онъ очень смахиваетъ на Миргородъ, и если въ немъ нѣтъ постояннаго озера, то покрайней мѣрѣ существуютъ такія же великолѣпныя постройки, какъ и въ городѣ, имѣющемъ, благодаря

Гоголю, право на безмертіе. Улучшеніе Александровска, повидимому, будетъ такъ быстро, что надо спѣшить представить настоящій его очеркъ, хотя въ немъ нѣтъ ровно ничего замѣчательнаго. Жалкій городишко этотъ, который, вѣроятно, чрезъ нѣсколько лѣтъ будетъ имѣть право обидѣться за подобное названіе, расположенъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, отъ котораго впрочемъ находится въ близкомъ разстояніи только въ половодье. Въ концѣ его протекаетъ рѣка Московка, выходящая изъ степи, а за нею поселена менонистская колонія Шенвизе. Какъ водится, въ городкѣ существуетъ площадь, на которой стоитъ довольно большая деревянная церковь, и тутъ же помѣщается жалкій гостиный дворъ, состоящій изъ нѣсколькихъ лавченокъ, и базаръ, на которомъ продается кое-что съѣстное, преимущественно же бѣлый хлѣбъ дурнаго качества, а лѣтомъ плоды разнаго рода. Уѣздныя присутственныя мѣста размѣщены въ различныхъ домишкахъ, и нѣтъ ни одного порядочнаго строенія. Почтовая контора занимаетъ избу на концѣ города, но въ ней въ настоящее время замѣтно гораздо болѣе порядка, чѣмъ прежде. Въ прошломъ году, почтовая контора, находясь чуть не въ плавнѣ, представляла грустное и вмѣстѣ любопытное зрѣлище. Не бывъ еще знакомъ съ топографіей Александровска, въ жаркій іюльскій день я долго блуждалъ по пустыннымъ улицамъ или лучше сказать переулкамъ, пока мнѣ указали почтовую контору, гдѣ я надѣялся найти себѣ письма и вмѣстѣ отправить свою корреспонденцію. Со страхомъ и трепетомъ подходилъ я къ небольшому домику, у котораго прибитъ былъ почтовый ящикъ. Отворивъ первую дверь изъ сѣней, я вошелъ въ довольно пустынную комнату, въ которой стояли нѣсколько человѣкъ съ письмами въ рукахъ. Пришельцы эти дружелюбно разговаривали съ высокаго роста господиномъ, который расхаживалъ въ весьма безцеремонномъ костюмѣ....

— Гдѣ здѣсь г. почтмейстеръ? спросилъ я, обращаясь преимущественно къ господину въ легкомъ нарядѣ, заключая, что онъ не могъ быть пришельцемъ.

— А вамъ надобно почтмейстера?

— Желалъ бы видѣть.

— Ну, такъ я почтмейстеръ.

— Очень пріятно познакомиться.

Я тотчасъ же изъяснилъ причину своего прихода, сдалъ пись-

ма и спросилъ корреспонденцію на свое имя. Почтмейстеръ подошелъ къ перекосившемуся ящику, открылъ его и отдалъ въ мое распоряженіе, примолвя:

— Поищите!

Не найдя ничего на свое имя и уступивъ мѣсто у ящика жиду, который запачканными руками началъ рыться въ письмахъ, я печально побрелъ на площадь, гдѣ сидѣло нѣсколько торговокъ, да двѣ, три собаки грызлись за какія то обглоданныя кости.

Въ городкѣ, по обычаю, мертвая тишина, и почти никакой промышленности. Въ урочное время пройдутъ чиновники къ должности и обратно, пробѣгутъ школьники, прошмыгнетъ гдѣ нибудь сынъ Израиля, и безъ боязни ходятъ всевозможныя животныя, ища себѣ скуднаго пропитанія. Въ гостинномъ дворѣ почти никакого движенія: сидѣльцы дремлютъ у лавочекъ, иногда за шашками, и къ нимъ заходятъ покупатели болѣе передъ вечеромъ, требуя кто свѣчку, кто четверку табаку, кто полфунта сахару. Впрочемъ въ погребѣ иногда слышатся шумные разговоры, звенитъ стекло и раздаются мотивы тѣхъ мелодій, которыя свойственны горлу, достаточно омоченному сокомъ крымскаго или бессарабскаго винограда. Въ одномъ домѣ слышатся даже звуки фортепьяно, но это въ женскомъ пансіонѣ, гдѣ между прочими предметами преподаются и изящныя искусства. Видите ли, Александровскъ въ этомъ случаѣ перещеголялъ многіе уѣздные города, ибо въ захолустьяхъ нашихъ провинцій мальчика еще учатъ чему нибудь, но для дѣвочекъ это считается излишнею роскошью. Пансіонъ госпожи Сипко конечно не отличается утонченностью образованія, но дѣвицы пріобрѣтаютъ въ немъ познанія въ чтеніи, письмѣ, законѣ божіемъ, немножко учатся по французски, музыкѣ и танцамъ. Читатели безъ сомнѣнія догадались, что этотъ пансіонъ открытъ для дѣвицъ недостаточнаго состоянія, родители которыхъ, по своимъ средствамъ не могутъ имѣть гувернантки, или отвезти дочь куда нибудь дальше. Госпожа Сипко беретъ за воспитаніе недорого, но судя по отзывамъ многихъ знакомыхъ—пансіономъ ея вообще довольны. Не спорю, могутъ замѣтить, что и мнѣ въ свою очередь слѣдовало бы сдѣлать хоть легкое замѣчаніе объ александровскомъ женскомъ пансіонѣ; но я могу только сказать одно, что по двумъ, тремъ дѣвицамъ изъ пансіона госпожи Сипко, видѣннымъ мною, чрезвычайно трудно судить объ учебномъ заведеніи. Если

же я и въ правѣ что нибудь замѣтить, такъ это относительно музыки, которая какъ то не дается въ александровскомъ пансіонѣ, но музыка такое искусство, которому трудно выучиться въ общественныхъ нашихъ заведеніяхъ, стоящихъ и гораздо выше. Музыка и мнѣ кажется излишнею роскошью въ уѣздныхъ пансіонахъ, по многимъ отношеніямъ. Во первыхъ, недостаточная дѣвица, оканчивающая курсъ въ этого рода заведеніи, кромѣ того, что не можетъ пріобрѣсть основательныхъ познаній въ музыкѣ, требуетъ ужъ отъ родителей экстренной издержки на фортепьяно. Слова нѣтъ, можетъ быть, родительскому слуху и пріятно внимать, когда дочь пробренчитъ двѣ-три польки, столько же вальсовъ и пожалуй какія нибудь варіяціи; но чрезъ годъ или два музыку бросаютъ, а деньги, безполезно издержанныя на покупку инструмента, могли бъ быть употреблены на что нибудь необходимѣе. Во вторыхъ, если дѣвица предполагаетъ продолжать гдѣ нибудь воспитаніе, то музыкальныя познанія, пріобрѣтенныя ею въ городкѣ, будутъ ей даже вредны, потому что непремѣнно они не будутъ отвѣчать современнымъ условіямъ искусства. Въ третьихъ, можетъ ли быть что нибудь убійственнѣе плохой игры на чрезвычайно плохомъ инструментѣ! Гораздо лучше вмѣсто музыкальнаго класса открыть бы классъ домашняго хозяйства или проще—классъ рукодѣлія. Для небогатаго помѣщика и для бѣдняка чиновника нужнѣе жена хозяйка,—которая, положимъ, и не играетъ на фортепьяно,—нежели барышня, играющая польку или хоть и варіяціи, но неумѣющая распорядиться своимъ маленькимъ хозяйствомъ. Я нисколько не думаю нападать на музыкальное образованіе женщинъ, напротивъ—готовъ не отходить отъ фортепьяно, слушая музыку или пѣніе, по цѣлымъ днямъ,—но признаюсь, люблю музыку, которой, увы, нельзя научиться въ уѣздномъ и даже въ губернскомъ пансіонѣ, хотя изъ послѣднихъ иногда выходятъ хорошія музыкантши, разумѣется, при особенныхъ условіяхъ таланта и случайно хорошемъ музыкальномъ учителѣ.

Лучшее зданіе въ Александровскѣ—острогъ, который, какъ говорятъ, наполняется большимъ числомъ колодниковъ, потому что это огромный уѣздъ. Изъ домовъ рѣшительно нѣтъ замѣчательныхъ, кромѣ того, который вблизи базарной площади стоитъ пустыремъ. Представляя развалины безъ оконъ, домъ этотъ

замѣчателенъ тѣмъ, что находится въ опекѣ, подъ вѣдѣніемъ которой дошелъ до такого плачевнаго состоянія.

Гостинницы нѣтъ, а есть постоялый дворъ, который можетъ предложить только овесъ и сѣно, но считаетъ излишнимъ приготовить что нибудь для голодныхъ проѣзжающихъ.

Нѣсколько вывѣсокъ разбросано по городку, но вы на нихъ читаете преимущественно названія присутственныхъ мѣстъ. Проѣзжаго поразитъ также одна особенность—на нѣкоторыхъ домикахъ шесты съ небольшими флагами. Это остроумное изобрѣтеніе откупщика разставлено надъ кабаками, чтобы желающіе вкусить даровъ Бахуса не теряли попусту времени на необходимые разспросы.

Въ настоящее время въ Александровскѣ двѣ лѣсныхъ пристани купцовъ Захарьина и Ловягина, лежащія при впаденіи Московки въ Днѣпръ. Пристани эти снабжены разными сортами лѣса, но ни на одной нѣтъ такихъ крупныхъ и большихъ колодъ, какъ въ Кичкасѣ, у Корнѣя Корнѣича. Весною плоты и барки пристаютъ къ самому берегу, а лѣтомъ Днѣпръ остается саженяхъ въ двухстахъ. Пароходная пристань остается лѣвѣе устья Московки. Русское Общество пароходства и торговли не ошибется, если устроитъ здѣсь хорошую пристань, потому что край этотъ производителенъ и нуждается въ средствахъ сообщенія съ моремъ; если нельзя ожидать значительнаго количества пассажировъ, то будетъ непремѣнно большая отправка сырыхъ произведеній. Но для учрежденія правильнаго пароходства по Днѣпру во все навигаціонное время, Обществу будетъ предстоять трудъ углубить и очистить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фарватеръ, ибо есть небольшія мели и древесные пни (холуи, корчаги), затрудняющіе судоходство. Начиная отъ Александровска или лучше сказать отъ южной оконечности острова Хортицы, Днѣпръ получаетъ особый характеръ; онъ течетъ чрезъ плавни, т. е. поемные лѣса и, отрѣзывая весною огромныя деревья съ корнями, засоряетъ свой фарватеръ. Нѣкоторые осокоровые пни имѣютъ около сажени въ поперечникѣ. Жалобы судохозяевъ побудили вѣдомство путей сообщенія позаботиться объ очищеніи рѣки, которое отдало съ подряда еврею уничтоженіе корчагъ по фарватеру. Еврей приступилъ къ дѣлу и исполнилъ его съ выгодою для себя и ко вреду для судохозяевъ. Во первыхъ, пока продолжалась переписка, многія корчаги занеслись пескомъ, а

новыя загородили дорогу, и подрядчикъ уничтожалъ только старыя, равнодушно проходя мимо новыхъ; во вторыхъ, многія корчаги, торчащія иногда на поверхности воды, онъ не подымалъ посредствомъ ворота, а просто спиливалъ ихъ верхушки, такъ чтобъ небыло ихъ видно, и тѣмъ самымъ сбивалъ съ толку лоцмана. Видя корчагу на поверхности, лоцманъ покрайней мѣрѣ избѣгалъ ея, а теперь проходъ сдѣлался затруднительнѣе. Кажется, это дошло до свѣдѣнія начальства. Возлѣ городка стоитъ упраздненное земляное укрѣпленіе, которое въ послѣднюю войну служило мѣстомъ склада для казеннаго провіанта и фуража. Видъ оттуда на Днѣпръ превосходный, и еслибы посадить тамъ деревья, то могло бы выйти прекрасное гулянье. Я полагаю даже, что это сбудется чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда вблизи этого мѣста поѣдутъ тысячи любопытныхъ.

Это настоящее Александровска, а будущее пророчитъ завидную долю. Компанія желѣзныхъ дорогъ предназначила ему роль довольно важнаго пункта, а Русское Общество пароходства и торговли придастъ ему еще больше значенія устройствомъ пароходной пристани. Въ Александровскъ будетъ проходить дорога прямо отъ Огрени (пристань въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Екатеринослава) и обойдетъ всю порожистую часть Днѣпра, такъ что теперь пороги неожиданно потеряютъ свой грозный характеръ для судоходства. О сооруженіи желѣзной дороги собственно для обхода пороговъ нельзя было и думать, потому что устройство это, поглотивъ огромныя суммы, никогда бы не могло окупиться, принявъ во вниманіе цифры сплавнаго и взводнаго судоходства. Но при средствахъ Общества, имѣющаго всевозможные матеріалы въ громадномъ количествѣ и обнимающаго своею сѣтью такія дальнія мѣстности, подобное разстояніе не сдѣлаетъ большой разницы. Если даже лѣсъ будетъ продолжать сплавляться чрезъ пороги, которые, нѣтъ сомнѣнія, улучшатся—что и весьма легко исполнить,—то всѣ прочіе товары обойдутъ пороги по чугункѣ; да нельзя не предполагать, чтобы и часть лѣса не проходила въ вагонахъ, въ особенности того, который предназначается для Крыма. Въ настоящее время лѣсъ на этой мѣстности страшно дорогъ и чѣмъ ниже по Днѣпру, тѣмъ чудовищнѣе принимаетъ цѣны. Уже явились спекулянты для покупки мѣстъ подъ дома въ Александровскѣ, и нанято помѣщеніе для аптеки, которая, говорятъ, откроется будущею весною. Удивительно въ

самомъ дѣлѣ существованіе нашихъ дальнихъ захолустьевъ. Напримѣръ, въ уѣздномъ городѣ полагается два медика, уѣздный и городовой; хотя этого и мало, однако все таки какъ будто имѣются средства для медицинскаго пособія. Но что же значитъ и нѣсколько медиковъ, если нѣтъ аптеки! Не каждая же болѣзнь можетъ спокойно ожидать, пока рецептъ пройдетъ напримѣръ изъ Александровска въ Екатеринославъ за 80 верстъ, и пока привезутъ оттуда лекарство; да и кто поручится, что въ теченіе этого времени будетъ настоять надобность въ лекарствѣ, прописанномъ три дня назадъ? Впрочемъ уѣздному медику и трудно заниматься пользованіемъ больныхъ: одни слѣдствія въ обширномъ уѣздѣ поглощаютъ у него большую часть времени.

Итакъ александровскіе пустыри будутъ скоро застроены, и можно смѣло сказать, что съ той минуты какъ раздадутся въ немъ свистки паровозовъ и пароходовъ, для него настанетъ новый актъ, который въ годъ, два—заставитъ позабыть, что здѣсь недавно существовала жалкая пародія на городъ. Приливъ сырыхъ произведеній долженъ быть значителенъ, и мало по малу зацвѣтутъ красивыя села на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ до сихъ поръ была такая мертвая и негостепріимная пустыня.

ГЛАВА V.

Плавни. Лѣса. Береговыя селенія. Тарасовка. Мысъ Доброй Надежды. Ильинское. Голая Грушевка. Чернышева Борисоглѣбовка. Лысая Гора. Имѣніе графа Канкрина. Рѣка конка. Балки. Разговоръ съ крестьяниномъ. Благовѣщенское. Лѣсная торговля.

Освободясь отъ гранитныхъ береговъ и миновавъ Александровскъ, Днѣпръ принимаетъ совершенно другой видъ: долина его расширяется на большое пространство, и самая рѣка течетъ между такъ называемыхъ плавней, придающихъ ей много живописности, а владѣльцамъ приносящихъ значительныя выгоды. Плавни эти были извѣстны и въ глубокой древности подъ именемъ Гилеи, что можно найти у Геродота. Плавни изобилуютъ лѣсомъ, преимущественно вербовымъ и осокоровымъ, но на нихъ произрастаетъ и лоза въ большомъ количествѣ, — матеріалъ столь необходимый въ крестьянскомъ быту для огорожи. Но лѣсной матеріалъ не единственная выгода владѣльца плавней, какъ бы ни было велико количество дровъ и легкаго строеваго лѣса; плавни во время засухи доставляютъ сѣно и подножный кормъ для скота и овецъ, многочисленныя стада которыхъ составляютъ одну изъ важнѣйшихъ отраслей новороссійскаго хозяйства. Какая бы ни была засуха, подъ вліяніемъ которой выгораютъ молодыя травы въ степи, но она въ плавнѣ неощутительна: здѣсь почва, напоенная обильнымъ разлитіемъ Днѣпра, сохраняя на долго влагу, даетъ роскошное прозябаніе растительности, и на этихъ поемныхъ мѣстахъ трава всегда превосходна, потому что поляны окружены лѣсами, и кромѣ того надъ Днѣпромъ, какъ надъ большою рѣкою, все таки перепадаютъ дожди, даже и въ то время, когда въ степи не бываетъ ихъ совершенно. Рубка дровъ составляла бы въ этомъ краю боль-

шія выгоды, но объ этомъ обстоятельствѣ я скажу гораздо ниже. Лѣсное хозяйство плавней совершенно отдано на произволъ судьбы, но и на лѣсорезведеніе по берегу вообще не обращаютъ вниманія, тогда-какъ именно приднѣпровье способно для приведенія въ дѣйствіе этой важной экономической мѣры. Мнѣ кажется, нечего смотрѣтъ на того или другаго изъ владѣльцевъ, которые пытались производить какую нибудь породу и она не удалась, а должно приняться тщательнѣе за дѣло лѣсоразведенія. Тотъ или другой владѣлецъ, занимавшійся разведеніемъ новыхъ лѣсныхъ породъ, можетъ быть, дѣлалъ это въ припадкѣ фантазіи, и употребивъ нѣсколько дней на эту вспышку воображенія, не обращалъ болѣе на нее вниманія,—или можетъ быть, при всемъ его желаніи, ни онъ, ни его помощники не имѣли понятія объ этомъ дѣлѣ, и благія ихъ начинанія не приносили плодовъ по весьма естественной причинѣ. Но представляется другой вопросъ: почему же лѣсное вѣдомство не употребляетъ побольше дѣятельности? Верстахъ, я полагаю, въ двадцати-пяти отъ праваго берега Днѣпра, у вершины балки Каменки есть, впрочемъ, такъ называемая казенная разсадка, но тамъ десятинъ примѣрно 25 засажены лишь вербой и тополемъ. Наконецъ благо и это. Но если уже не находятъ возможнымъ разводить болѣе цѣнныя и необходимыя породы, отчего бы всѣхъ балокъ не покрыть хоть и такими насажденіями? Вѣдь теперь лѣсное вѣдомство не можетъ пожаловаться на недостатокъ ученыхъ лѣсничихъ. Пусть въ прежнее время этотъ корпусъ составлялся изъ отставныхъ офицеровъ, которые могли быть полезны лишь въ видѣ лѣсной стражи, но теперь столько молодыхъ людей, спеціально приготовленныхъ по своей части. Надобно полагать, что здѣсь главною причиною — недостатокъ любви къ своему предмету, и потомъ эта убійственная рутина, которая глубоко пустила корни во многихъ отрасляхъ нашего общественнаго быта. Не мало также мѣшаетъ преуспѣянію вообще сильное развитіе у насъ бюрократіи, которая, при содѣйствіи централизаціи, невольно задерживаетъ иногда самыя благія стремленія. Низшій чиновникъ, превосходно знающій мѣстныя условія, и готовъ бы иной разъ привести въ исполненіе какую нибудь полезную мысль требующую, положимъ, неболѣе нѣскольнихъ сотъ рублей расхода; но онъ долженъ испрашивать разрѣшенія въ нѣсколькихъ инстанціяхъ. За-частую проэктъ погибаетъ въ ближайшемъ мѣ-

стѣ, а другой ползетъ цѣлые годы, и пока получится разрѣшеніе, то уже тотъ, кто принялся бы нѣсколько лѣтъ назадъ съ энергіей, переведенъ на другое мѣсто, а новый доноситъ по своему усмотрѣнію, что проэктъ непримѣнимъ къ дѣлу. Бумага очищена и никому нѣтъ надобности возобновлять вопросъ. Но во всякомъ случаѣ не мѣшало бы попытаться разводить на днѣпровскихъ плавняхъ и по берегамъ этой рѣки болѣе цѣнныя породы, нежели верба и осокоръ. Посмотрите въ иныхъ балкахъ какія произрастаютъ дубы! И эти рощи съ незапамятныхъ временъ посѣяны здѣсь рукою природы. Владѣльцы ими пользуются, но спросите: увеличитъ ли хоть одинъ дубовые лѣса на мѣстахъ, указанныхъ природой? и вы конечно получите отрицательные отвѣты. Отчего же? Какая этому причина? Грустно было бы называть эту причину. Не спорю, что дубъ—дерево, пользы отъ котораго не дождется человѣкъ, его посадившій, но неужели же не отрадна мысль—оставить дѣтямъ своимъ драгоцѣнное наслѣдство? А гдѣ растетъ дубъ, тамъ могутъ расти и другія породы, созрѣвающія гораздо ранѣе, выгода отъ которыхъ несомнѣнна и очевидна въ краю, гдѣ такъ дорогъ лѣсной матеріалъ, но гдѣ могли бы уже быть прекрасныя тѣнистыя рощи, если бы ихъ насадили хотя въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Мы сдѣлаемъ обозрѣніе Днѣпра до мѣстечка Никополя, какъ пункта, на которомъ слѣдуетъ остановиться, принявъ во вниманіе и историческое его значеніе, и мѣстопребываніе большой общины вольныхъ матросовъ, и наконецъ роль, которую играетъ онъ относительно мѣстной хлѣбной торговли. Отъ Александровска до Никополя много селъ по обоимъ берегамъ, но ни одно изъ нихъ не можетъ назваться замѣчательнымъ по своей коммерціи, чего, кажется, можно бы требовать отъ села, лежащаго надъ большой судоходной рѣкою. Духъ промышленности какъ то убѣгалъ до сихъ поръ отъ этихъ мѣстъ, и сонная торговля городовъ не отразилась даже и въ слабомъ видѣ на сельскихъ обитателяхъ. Мы взглянемъ сначала на правый берегъ, принадлежащій, на упомянутой мѣстности, Екатеринославской губерніи. Первая деревня за островомъ Хортицей—колонія Нижняя Хортица, неотличающаяся ничѣмъ отъ другихъ колоній. Далѣе Разумовка, — помѣщика А. М. Миклашевскаго, непредставляющая ничего любопытнаго. Ниже ея лежитъ село Біленька (Бѣленькая), помѣщика П. М. Миклашевскаго, которое не можетъ уже быть обойдено

молчаніемъ, потому что имѣетъ пристань, куда приходятъ лодки и грузятся преимущественно льномъ и пшеницей. Возлѣ этого селенія, немного ниже, можно бы устроить отличную пристань, что безъ сомнѣнія со временемъ и сдѣлаетъ Русское Общество пароходства и торговли, ибо на этомъ пунктѣ могутъ собираться значительные запасы хлѣба. Я не говорю, чтобы надо было устроивать пристань затѣйливую, но указываю какъ на точку, гдѣ пароходы могутъ находить для себя работу, ибо окрестнымъ хозяевамъ легче доставлять свои произведенія въ Біленьку, нежели отправлять ихъ за нѣсколько десятковъ верстъ далѣе. Здѣшнія дороги изрыты глубокими балками и въ осеннее и въ весеннее время представляютъ многія неудобства. Въ селеніи живутъ малоруссы и въ этнографическомъ отношеніи не отличаются ничѣмъ замѣчательнымъ. Ниже Бѣленькой лежитъ село Тарасовка помѣщика П. А. Струкова. Здѣсь Днѣпръ тоже подходитъ къ самому селенію, а за Днѣпромъ тянутся огромныя плавни, чрезъ которыя въ недавнее время проложена помѣщикомъ дорога. Здѣсь же устроена переправа на паромѣ. Въ Тарасовкѣ заслуживаетъ вниманіе суконная фабрика, снабженная паровой машиной. Это большая рѣдкость въ здѣшнемъ краю. Но я только что упомянулъ объ огромныхъ плавняхъ, — слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть недостатка въ горючемъ матеріалѣ. Сукна выдѣлываются простыя, для поставки въ казну, и сколько можно судить, владѣлецъ заботится о современныхъ улучшеніяхъ. Въ церкви хранится нѣсколько древностей, доставшихся отъ Запорожцевъ, но весьма обыкновенныхъ въ этомъ краю. Жители преимущественно великоруссы и назначеніе ихъ работать на фабрикѣ, поэтому Тарасовка представляетъ совершенно другой видъ, нежели прочія береговыя селенія: у большей части крестьянскихъ жилищъ вы не встрѣчаете хозяйственныхъ построекъ, ни той обстановки, которую привыкли видѣть вокругъ хаты земледѣльца, но вмѣстѣ съ этимъ не замѣчаете также и довольства. Въ обычное время толпы людей обоего пола и разныхъ возрастовъ расходятся съ фабрики по селенію, или стягиваются изъ своихъ избъ на фабрику. Работаетъ паровая машина, замѣняя хозяину большое количество народа, но необходимыя рабочія руки напрягаютъ свои мускулы въ теченіе извѣстнаго количества часовъ и нельзя сказать, чтобы онѣ выработывали много въ свою пользу. Крестьяне живутъ

довольно бѣдно и вообще не могутъ похвалиться своимъ благосостоянiемъ.

За Тарасовкой начинается почти непрерывный рядъ помѣщичьихъ имѣнiй до самой Чернышевой; здѣсь вы найдете небольшiе хутора и порядочныя деревни, изъ которыхъ иныя торчатъ по берегу безъ всякаго значенiя, другiя же отличаются разработкою извести или порядочными рыбными ловлями. Днѣпръ здѣсь удаляется и течетъ за обширными плавнями, и принимаетъ и выпускаетъ множество притоковъ, составляя нѣкоторымъ образомъ лабиринтъ для новаго человѣка. Это впрочемъ не относится къ судамъ, которыя слѣдуютъ собственно по Днѣпру. Первая деревня принадлежитъ П. М. Миклашевскому, потомъ слѣдуетъ деревенька Маламы далѣе живутъ помѣщики Клейны. Въ этихъ имѣнiяхъ хлѣбопашество, овцеводство и скотоводство. За Клейнами Днѣпръ поворачиваетъ вправо, и на этомъ мысѣ раскинулась красивая деревня помѣщицы К. М. Яковлевой—Мысъ Доброй Надежды. Названiе немножко изысканное, но деревня лежитъ у подошвы горы, хорошо обстроенная и свидѣтельствующая о довольствѣ крестьянъ, а на возвышенности, на самомъ мысѣ, виднѣется господская усадьба съ красивымъ домомъ, отъ котораго внизъ во всю покатость горы спускается садъ—необходимое украшенiе жилища каждаго порядочнаго человѣка. Экономiя, кромѣ обыкновеннаго хозяйства, занимается рыболовствомъ въ небольшихъ размѣрахъ, а преимущественно выработкою извести, которую разбираютъ даже на довольно отдаленныя мѣстности. Днѣпровскiя горы, съ впадающими въ нихъ балками, изобилуютъ многими произведенiями, и только одна беззаботность жителей и нежеланiе выйти изъ колеи, глубоко проложенной рутиною, мѣшаютъ имъ дать развитiе тому или другому промыслу. Деревня населена малоруссами и великоруссами, оттого здѣсь и встрѣчаются нѣкоторыя легкiя измѣненiя въ обычаяхъ, какъ неизбѣжное слѣдствiе тѣсныхъ и продолжительныхъ сношенiй между двумя племенами. Мѣстоположенiе превосходно, въ особенности видъ изъ оконъ помѣщичьяго дома можно назвать однимъ изъ живописнѣйшихъ на этой мѣстности. На большое пространство виднѣются обширныя плавни, а во время разлитiя Днѣпра—это чрезвычайно интересная картина; въ тѣ поры плоты проходятъ у самой деревни, а идетъ ихъ всегда большое количество; тутъ же несутся

барки, слѣдующія внизъ, и никопольскія парусныя лодки, отправляющіяся къ верхнимъ пристанямъ и обратно.

У меня на памяти эта деревня останется пріятнымъ воспоминаніемъ: подъ гостепріимной кровлей господскаго дома, кромѣ радушія, я находилъ всегда новые журналы, а это, признаюсь, былъ для меня весьма пріятный рессурсъ въ моей кочевой жизни. Чтеніе не вошло еще въ нравы многихъ помѣщиковъ: не вездѣ найдешь какое нибудь періодическое изданіе.

— Намъ некогда читать, говорятъ иные добродушно, а межъ тѣмъ или рыскаютъ цѣлые дни съ собаками, или просиживаютъ ночи за копѣечнымъ преферансомъ.

— Не стоитъ читать, говоритъ какая нибудь барыня: теперь пишутъ Богъ знаетъ что такое *неподобное*.

Впрочемъ надо сказать къ чести молодаго поколѣнія, что оно охотно читаетъ, и если только прежнее поколѣніе не препятствуетъ ему, то старается непремѣнно имѣть книги и журналы. Однако нечитающихъ довольно; есть цѣлые безкнижные околодки, въ которыхъ литература не имѣетъ отголоска и самые даровитые дѣятели ея незнакомы добрякамъ, изъявляющимъ претензіи на цивилизацію.

Далѣе за мысомъ лежитъ немалое село, принадлежащее нѣсколькимъ владѣльцамъ и носящее не одно названіе. Самая значительная часть, подъ названіемъ Ильинскаго, принадлежитъ госпожѣ Слоновской и замѣчательна на всемъ этомъ протяженіи по хорошо организованнымъ рыбнымъ ловлямъ, которымъ много способствуютъ мѣстныя условія. Во владѣніи ея протекаетъ значительная часть Рѣчища, или прежняго русла Днѣпра, въ глубокихъ ямахъ котораго водится большое количество рыбы; но кромѣ этого и другія мѣста, какъ на самомъ Днѣпрѣ, такъ и на протокахъ, изобилуютъ разнаго рода рыбою—карпами, судаками, лещами. Бываютъ изрѣдка осетры и стерляди, но это въ видѣ исключенія. Рыболовство г-жи Слоновской находится почти что на коммерческомъ положеніи, и оттого приноситъ ей очень хорошій доходъ, доставляетъ своего рода выгоды забродчикамъ, служа вмѣстѣ средствомъ улучшенной пищи дворовымъ крестьянамъ. За рыбой пріѣзжаютъ сюда купцы не только изъ Екатеринослава, но и изъ Елизаветграда, отстоящаго отъ Ильинскаго на 250 верстъ. Не смотря на это, судя по мѣстности, рыболовство могло бы здѣсь быть значительно увеличено. Вся

ватага состоитъ изъ 12 человѣкъ, которые доставляютъ госпожѣ въ годъ до 2000 пудовъ. Но удвоивъ число забродчиковъ, можно смѣло ручаться, что удвоится и добыча. Товаръ не останется ни въ какомъ случаѣ, потому что если не разберутъ свѣжей рыбы, то раскупятъ коренную—любимое кушанье малорусса и во время поста и въ мясоѣдъ. За этимъ добромъ приходятъ сюда чумаки изъ Полтавской губерніи. Рыбу тянутъ неводомъ по самому обыкновенному способу, и уловъ бываетъ иногда необыкновенно удаченъ. Торговцы зачастую дожидаются по нѣсколько человѣкъ и предлагаютъ впередъ деньги, чтобы этимъ средствомъ обезпечить себѣ ближайшій уловъ и поскорѣе отправиться въ обратный путь съ необходимымъ товаромъ.

Въ другой части селенія, носящей названіе Голая Грушевка, живутъ нѣсколько мелкопомѣстныхъ семействъ, крестьяне которыхъ немного представляютъ утѣшительнаго. Интересно здѣсь впрочемъ одно обстоятельство—это семейный споръ наслѣдниковъ одного помѣщика о томъ, кому принадлежитъ церковь, какъ будто храмъ божій не есть достояніе всѣхъ, а можетъ принадлежать кому нибудь исключительно. Наслѣдники между тѣмъ, каждый, дѣятельно хлопочутъ и употребляютъ всѣ усилія. Не знаю только чѣмъ кончится это дѣло, а если кончится, то кому присудится церковь — будетъ ли тотъ заботиться объ ея улучшеніи или покрайней мѣрѣ поддержкѣ. Въ этой же деревнѣ есть замѣчательная личность, прожившая свою долю наслѣдства. Это отставной инженеръ, человѣкъ, получившій кромѣ спеціальнаго, общее образованіе и обладающій способностью излагать въ стихахъ свои мысли, но такъ дѣятельно умножавшій доходы виннаго откупа, что у него не осталось ничего кромѣ избы, жены, нѣсколькихъ человѣкъ дѣтей и несчастной жажды къ національной сивухѣ. Я нѣсколько разъ встрѣчался съ этимъ господиномъ, порою даже въ свѣтлыя минуты его разсудка, но признаюсь, мнѣ вдвойнѣ было грустно съ нимъ разговаривать: во первыхъ потому, что онъ не сознаетъ себя виною гибели семейства и даже подшучиваетъ надъ этимъ, а второе—что онъ циникъ въ высшей степени. Между тѣмъ я читалъ два его стихотворенія, изъ которыхъ написанное на вопросъ: отчего онъ не ходитъ въ церковь, не лишено нѣкоторыхъ достоинствъ. Конечно это старо и слишкомъ извѣстно, если хотите, но все таки поразитъ васъ, если въ авторѣ его вы увидите погибшую натуру, какъ говорится,

человѣка, едва прикрытаго ветхой одеждой и который весьма рѣдко бываетъ въ трезвомъ видѣ. Тяжело такое унизительное положеніе существа, стоящаго по образованію выше многихъ,—но еще грустнѣе, при взглядѣ на него, мысль, что семейство его обречено заранѣе на самое безвыходное нищенство.

За Голой Грушевкой лежитъ деревенька, принадлежащая помѣщику Очеретьку. Дальше за рѣчкой Томаковкой раскинулось большое село Чернышева или оффиціально Красногригорьевка. Здѣсь Днѣпръ однако же удалился на нѣсколько верстъ и только во время половодья наполняетъ всю долину, а возлѣ села протекаютъ Рѣчище и Ревунъ, да лежатъ большія озера. Къ сѣверу отъ деревни замѣчательна мѣстность Городище, омываемая Ревуномъ, гдѣ по преданію жили Запорожцы, и гдѣ дѣйствительно остались еще слѣды земляныхъ укрѣпленій. Чичероне, съ которымъ я отправлялся туда, указывалъ мнѣ даже мѣсто, *гдѣ должны быть погреба съ желѣзными дверями,* но я не могъ замѣтить никакихъ слѣдовъ подземелій. Занимаясь археологическими розысканіями на разныхъ мѣстностяхъ, я вездѣ встрѣчалъ одни и тѣже преданія насчетъ желѣзныхъ дверей и сундуковъ, прикованныхъ цѣпями. Въ Городищѣ живетъ лѣсная стража. Возлѣ него виднѣются курганы, принадлежащіе къ отдаленной эпохѣ, но величины незначительной. Чернышевскіе жители занимаются рыболовствомъ для собственнаго потребленія и живутъ въ довольствѣ, потому что имѣютъ привольныя пастбища и пользуются плавнями. Въ селѣ встрѣчаются порядочные сады, о которыхъ заботится конечно одна природа.

За Чернышевой лежитъ деревенька Борисоглѣбовка помѣщика Нечаева, отличающаяся отъ прочихъ тѣмъ, что жители ея живутъ въ бѣдности, и цѣлыя толпы дѣтей, окружая проѣзжаго, просятъ милостины. Довольно бросить одинъ взглядъ на крестьянскія жилища, на блѣдныя лица этихъ дѣтей, одѣтыхъ въ рубище, чтобы убѣдиться въ необходимости просить милостину.

Черезъ лиманъ на горѣ — казенное село Ново-Павловка или Лысая гора, къ которой уже подходитъ Днѣпръ, имѣющій здѣсь у южной оконечности селенія забору, именуемую Лысогорской. Здѣсь Днѣпръ раздѣляется на два значительные рукава: лѣвый, собственно Днѣпръ, идетъ прямо, а правый или Орелъ, огибая Орловъ островъ подходитъ къ Никополю. Лысогорская забора непремѣнно требуетъ опытнаго лоцмана, иначе судно не попадетъ

иной разъ куда ему надобно. Новичекъ лоцманъ, слѣдующій въ Никополь, боясь каменной гряды, будетъ непремѣнно держать у лѣваго берега, и тогда сильнымъ теченіемъ рѣки, какъ сказано уже, раздѣляющейся на два рукава, отнесетъ его прямо въ Днѣпръ; но опытный лоцманъ идетъ прямо на забору, ибо знаетъ, что сильная струя, отражающаяся отъ каменной гряды, вынесетъ его на фарватеръ Орла, стремящагося къ Никополю. Одинъ лысогорскій житель имѣетъ рыбный заводъ надъ Днѣпромъ на островѣ, гдѣ и устроено у него помѣщеніе. На заводѣ его занимаются 12 человѣкъ забродчиковъ, и ловятъ неводомъ обыкновенную на этой мѣстности рыбу: лещи, карпы, судаки, густрю, тарань, секреты, окуни, иногда стерлядь и очень рѣдко осетры. Ватага эта даже не похожа на рыбаковъ, а такъ себѣ—на обыкновенныхъ крестьянъ, работающихъ безъ увлеченія и охоты, не то, что мнѣ случалось видѣть на другихъ рыбныхъ промыслахъ.

За Лысой горой тотчасъ же начинается мѣстечко Никополь, о которомъ буду говорить послѣ описанія лѣваго берега Днѣпра, начиная отъ Александровска. Но прежде чѣмъ стану описывать селенія этого берега, необходимо сказать нѣсколько словъ о пройденной мѣстности, не стѣсняясь прибережьемъ, но заглядывая иногда и въ глубину степи. Здѣсь довольно помѣщиковъ и притомъ небогатыхъ, что на Днѣпрѣ большая рѣдкость, ибо на этой рѣкѣ поселились преимущественно значительные владѣльцы, предки которыхъ имѣли возможность захватить всѣ лучшія земли. Общественная жизнь помѣщиковъ здѣсь конечно пошла уже вслѣдъ за современнымъ стремленіемъ хоть по наружности, и если большинство предпочитаетъ прежніе нравы и обычаи, то встрѣчаются и пріятныя исключенія.

Теперь я попрошу читателя возвратиться въ Александровскъ и слѣдовать со мною лѣвымъ берегомъ Днѣпра до самаго Никополя. Миновавъ Александровскъ, рѣка эта удаляется къ правому берегу, такъ что на всемъ этомъ протяженіи нельзя сказать, чтобы собственно на лѣвомъ берегу стояла какая нибудь деревня, хотя конечно ихъ много стоитъ надъ его долиною. Первое сельцо будетъ Николаевка графини Строгоновой, населенное весьма недавно, но въ которомъ замѣтно уже благосостояніе крестьянъ; окрестные жители говорятъ, что у Николаевцевъ всегда большіе запасы хлѣба и сѣна. Обстоятельство тѣмъ болѣе утѣшительное, что графиня не живетъ здѣсь сама, а извѣстно

каково бываетъ крестьянамъ, по большей части, при отсутствіи владѣльца. Далѣе лежитъ деревня Балабина той же самой помѣщицы. Мѣстность здѣсь, вообще какъ по всему приднѣпровью, неровная, изрытая оврагами, по которымъ струятся мелкіе потоки, едва замѣтные въ сухое время года, но опасные весною или въ дождливую пору. Здѣсь однакое же къ лѣвому нагорному берегу долины подходитъ днѣпровскій протокъ Осетровка, который, принявъ далѣе названіе Кушугума, опять впадаетъ въ Днѣпръ и можетъ служить судоходнымъ путемъ. Надъ этимъ протокомъ лежитъ деревня графа Канкрина Большая Катериновка (Кушугумъ), въ которой нерѣдко грузится на суда экономическая пшеница. Далѣе слѣдуетъ Малая Катериновка того же владѣльца, за которою въ нѣсколькихъ верстахъ въ обширную долину Днѣпра врѣзывается рѣчка Конка, замѣчательная въ томъ отношеніи, что, слѣдуя параллельно Днѣпру, она то впадаетъ въ него, то вырываясь вновь на свободу, не оставляетъ его до самаго лимана и хотя во время весенняго разлитія она по необходимости сливаетъ свои воды съ его водами, однако струя ея рѣзко обозначается и имѣетъ свое особое, чрезвычайно быстрое теченіе. Рѣчка эта идетъ неправильнымъ излучистымъ путемъ, а принимая съ самыхъ верховьевъ множество балокъ и потоковъ, она весною разливается на большое пространство, образуя до впаденія собственную значительную долину. Я углублялся вверхъ по ея теченію до Орѣхова и выше, и находилъ ее вездѣ достаточно глубокою и рыбною рѣчкою. Конечно въ ней не бываетъ красной рыбы, но въ особенности поближе къ долинѣ Днѣпра въ ней водятся обыкновенныя породы, служащія большимъ подспорьемъ береговымъ жителямъ. Не въ дали отъ перваго ея вторженія въ днѣпровскую долину, раскинуто богатое село Конское или Григорьевка, принадлежащее графамъ Канкринымъ,—о которомъ нельзя не сказать нѣсколько словъ. Здѣсь сосредоточено раціональное степное хозяйство и здѣсь же въ превосходномъ деревенскомъ домѣ постоянно живутъ истинные бары, жизнь которыхъ должна бы служить образцомъ для многихъ и многихъ помѣщиковъ, не по богатству, но по простотѣ и удобствамъ, ожидающимъ и каждаго. Одинъ изъ владѣльцевъ, графъ А. Е. исполняетъ обязанность предводителя дворянства Александровскаго уѣзда и смотритъ на свою должность не какъ на случайную степень возвышенія надъ другими, не какъ на средство обдѣлывать собствен-

ныя дѣла, имѣя вліяніе на уѣздныя власти, но какъ на долгъ, съ добросовѣстнымъ исполненіемъ котораго связана участь многихъ людей, требующая иногда и зоркаго наблюденія и болѣе чѣмъ оффиціальнаго участія. Въ гостепріимномъ его домѣ всѣ обласканы равно, безъ этого щекотливаго различія, встрѣчаемаго у многихъ помѣщиковъ, и пріѣхалъ ли гость въ каретѣ или въ крестьянской телѣжкѣ, онъ можетъ быть смѣло увѣренъ, что найдетъ истинно русское радушье, возможный комфортъ, русскіе и иностранные журналы и всегда пріятную, образованную бесѣду. Трудно мнѣ будетъ забыть пріятный вечеръ, проведенный въ семействѣ графовъ Канкриныхъ еще такъ недавно, послѣ скитаній по негостепріимнымъ степямъ сѣверной Тавриды. Разговоръ шелъ о близкомъ каждому предметѣ: объ улучшеніи быта крестьянъ, и надобно было видѣть съ какимъ благороднымъ увлеченіемъ говорили оба графа объ этомъ дѣлѣ и какъ бы хотѣлось имъ вселить подобныя чувства во всѣхъ дворянъ своего уѣзда. Бесѣда эта было живительна для меня тѣмъ болѣе, что такой важный и благодѣтельный вопросъ не вездѣ разрѣшается такимъ отраднымъ образомъ. Въ имѣніи графа прекрасная больница, при которой находится отличная аптека и хорошій медикъ, живущій тамъ постоянно.

Отсюда лѣвый берегъ днѣпровской долины должно считать собственно лѣвымъ берегомъ Конки, которая вьется въ плавнѣ и за которою начинается уже Таврическая губернія. Первое селеніе отъ Григорьевки называется Подстепное, тоже графа Канкрина, а потомъ Янчакракъ, принадлежащее помѣщику Попову, при впаденіи балки того же имени въ Конку. По всей деревнѣ видно довольство, но жители исключительно заняты хлѣбопашествомъ. За Янчакракомъ на большой балкѣ лежитъ значительное селеніе Васильевка съ красивымъ господскимъ домомъ, того же помѣщика Попова. Не походя ни чѣмъ на береговое селеніе, т. е. не имѣя жителей, которые занимались бы рыболовствомъ или судоходствомъ, Васильевка имѣетъ однако же утѣшительное отличіе отъ прочихъ селеній въ томъ, что владѣлецъ его приказалъ посадить до 30000 деревьевъ и приготовить земли подъ плантаціи еще болѣе значительныя. Незабудьте, что этотъ помѣщикъ, молодой гвардейскій офицеръ, имѣетъ количество плавней едва ли не болѣе всѣхъ владѣльцевъ т. е. 16, 000 десятинъ! Значитъ, онъ понимаетъ всю важность лѣсоразведенія, что легко

можетъ быть и многіе очень хорошо понимаютъ, но, къ прискорбію, не приводятъ благой мысли въ исполненіе. Впрочемъ молодому поколѣнію, слава Богу, многія вещи начинаютъ уже представляться въ болѣе настоящемъ видѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что Новороссійскій край будетъ вскорѣ играть весьма важную роль въ отечествѣ. Ниже Васильевки находится деревня Скелька того же помѣщика. Еще ниже маленькая деревенька Маячки, принадлежавшая помѣщику Горнобарскому, который недавно застрѣлился; деревушка эта находится въ довольно жалкомъ видѣ. Далѣе лежитъ деревня г. Бродскаго, неотличающаяся тоже завиднымъ положеніемъ крестьянъ. Здѣсь недалеко на утесистомъ берегу уцѣлѣло грубое каменное изваяніе, которыя встрѣчались въ изобиліи по степямъ на курганахъ. Нынѣ всѣ эти статуи, именуемыя здѣсь вообще *бабами*, стоятъ по селамъ возлѣ избъ, зачастую у воротъ, а иногда по межамъ. Рѣдко уже гдѣ на курганѣ попадается подобное изваяніе, развѣ въ какой нибудь глухой степи, или не трогаютъ его по особому приказанію помѣщика. Далѣе раскинулось большое казенное селеніе *Балки*, котораго народъ, неимѣя другаго занятія какъ земледѣліе и скотоводство, живетъ очень хорошо. Балки значительно удалены отъ всякаго города, а потому въ нихъ собираются базары для сбыта сельскихъ произведеній и покупки необходимыхъ въ быту крестьянскомъ предметовъ; кромѣ этого въ селѣ есть нѣсколько постоянныхъ лавочекъ. Народъ развитъ болѣе или менѣе, и малорусъ, живущій въ какихъ нибудь Балкахъ, гораздо бойче своего единоплеменника, обитающаго въ глубинѣ Полтавской губерніи. Близость колоній и процвѣтающее ихъ положеніе—оказываютъ здѣсь маленькое вліяніе на жителей: у многихъ поселянъ найдете вы нѣмецкія повозки, нѣкоторые хлопочутъ какъ бы договорить нѣмца построить мельницу и многіе даже въ постройкѣ избъ стараются подражать колонистамъ. Все же это прогрессъ и тѣмъ дѣйствительнѣе, что поступаютъ они такъ не по приказанію начальства, а сознавая собственную пользу. Я имѣлъ недавно весьма интересный разговоръ по этому случаю съ однимъ очень умнымъ крестьяниномъ Екатеринославской губерніи. Постараюсь передать его рѣчи по русски, потому что большинство читателей не поняло бы малорусскаго разговора, который конечно былъ бы гораздо интереснѣе въ подлинникѣ. Въ ненастный вечеръ, возвратясь однажды изъ пустынной плавни, по

шелъ я къ умному крестьянину побесѣдовать о разныхъ разностяхъ. Рѣчь склонилась на колонистовъ, и я началъ налегать на то,—отчего бы и прочимъ добрымъ людямъ не жить какъ живутъ нѣмцы?

— Мы никогда не можемъ достигнуть этого; во первыхъ, имъ дано очень много земли, во вторыхъ они съ измалу пріучаются къ работѣ и порядку, а въ третьихъ, у иихъ совсѣмъ другое начальство.

— Такъ, любезный другъ, но вѣдь есть нѣмцы безземельные, а посмотри какъ они стараются, и въ избѣ и возлѣ избы у нихъ чистота, опрятность, да и каждый обутъ и одѣтъ хорошо.

— Я это и самъ знаю. Видите ли, у него малыя дѣти, сколько ихъ есть, мальчики и дѣвочки, ходятъ въ школу; тамъ не скажутъ, что нѣтъ мѣста, а приходи и учись сколько хочешь. У насъ же этого нельзя. Наша школа маленькая, и еслибы все село вздумало учить дѣтей, такъ иному хлопцу пришлось бы стоять на выгонѣ, а какъ же онъ учился бы за версту?

— Ну, а грамотность, по твоему, полезна?

— А какъ же! одно, то что человѣкъ можетъ читать Святое Письмо (свящ. писаніе)—стало быть у него другія мысли, а другое—съумѣетъ расчитать или записать что нибудь по хозяйству.

— Кромѣ того, парню легко сдѣлаться писаремъ.

— Боже сохрани! Это навѣрное сдѣлаться горьчайшимъ пьяницей. Писарь такъ и наровитъ, чтобы сорвать съ кого на водку, или вымогаетъ угощеніе. Это народъ ледащій (дрянной).

— Мы говоримъ однако же о постороннемъ, а разскажи-ка почему вамъ нельзя жить какъ живутъ нѣмцы.

— Я жъ вамъ говорю, что они всѣ грамотны, у всѣхъ есть часы и все дѣлается по часамъ. Да и порядки у нихъ мудренѣе, чортъ ихъ побери! Мы никогда не съумѣемъ поравняться съ нѣмцами. Да вотъ хоть бы ихъ *оранка* (паханье)! Выѣдетъ пахать—и вѣдь лошадьми, на какое хочешь твердое поле. Смотришь, *бісова німота* (бѣсовы нѣмцы) едва не рысью бѣгаетъ за плугомъ, и не успѣешь мигнуть глазомъ, какъ онъ и напахалъ десятину, а тамъ запрегъ лошадей, сложилъ плугъ на фургонъ и ѣдетъ себѣ домой, хоть бы за десять верстъ.

— Для этого же не надо быть грамотнымъ.

— Знаю, да я хоть и грамотный, а не умѣю дѣлать этого.

Какъ его пахать лошадьми? Мой прадѣдъ, дѣдъ и отецъ пахали волами, да и всѣ добрые люди....

— Это ничего не значитъ, что дѣдъ и отецъ....

— Позвольте! да какъ его и завести такихъ лошадей! человѣкъ боится купить лошадку. Чуть завелъ что нибудь порядочное, тотчасъ возьмутъ и заѣздятъ. Очередь ли, не очередь, а давай, да еще какъ попадется—подъ какое начальство. Вы развѣ не знаете какъ бѣгаетъ наше начальство!... Прогоновъ, если тамъ кто и платитъ, мы никогда не видимъ: старшина и писарь пропьютъ, а съ нихъ не получишь (*). А ты держи въ исправности лошадь и упряжь.

— Мнѣ кажется и волами можно напахать хорошенько, и я знаю многихъ богатыхъ людей, которые могли бы перенять нѣкоторые полезные обычаи, да не хотятъ....

— Есть, что и не хотятъ. Оно и то сказать, построй себѣ напримѣръ хорошую хату, то и ее въ глаза не увидишь: то подъ начальство, то подъ постой.... А вотъ я и небогатый человѣкъ, а думаю построить нѣмецкую машину (вѣтрянную мельницу). Надо правду сказать—нѣмецъ сдеретъ и дорого, да ужъ если построитъ, такъ и внуки будутъ благодарить. Ну что жъ? машина машиной, а жить намъ не выходитъ какъ нѣмцамъ—у насъ другіе обычаи.

— Я и не говорю, чтобы вы онѣмечились, но почему бы не перенять иного хорошаго? Посмотри, напримѣръ, какъ у колонистовъ разрослись садики возлѣ каждаго дома.

— Правда, на это мило смотрѣть, да намъ не рука.

— Отчего не рука? стоитъ захотѣть.

— У насъ не тѣ порядки; посадишь деревцо, а какъ уйдешь въ поле на работу, то его или выроютъ свиньи, или повыдергаютъ дѣти.

(*) Дѣйствительно, эта часть страшно запущена, и малорусъ избѣгаетъ покупать порядочную лошадь. Произволъ не только чиновниковъ, но самихъ старшинъ и писарей не имѣетъ границъ. Прогоны не доходятъ къ хозяину лошади: писарь или старшина стараются взять ихъ съ проѣзжающаго и тутъ же пропиваютъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, Полтавской губерніи, прогоны отбираются непремѣнно въ расправѣ и изъ нихъ составляется сумма, которая идетъ на какую то общественную раскладку. Мѣра крайне несправедливая. Хозяинъ лошади не имѣетъ даже возможности заработать двугривенный на починку хомута или покупку возжей. Другое дѣло въ Таврической губерніи: здѣсь заведены земскія почты. Каждый хозяинъ взноситъ извѣстную сумму, и палата отдаетъ съ подряда земскія станціи, учрежденныя по образцу почтовыхъ.

— Это все вздоръ.

— Нѣтъ не вздоръ! Нѣмецъ привыкъ къ порядку....

— Зачѣмъ же и вамъ не привыкнуть?

— Насъ такъ ужъ прiучили съизмалу

— Такъ вы учите хоть своихъ дѣтей.

— Да что объ этомъ толковать!

— Нѣтъ, любезный, ты человѣкъ разумный, а не хочешь понять, что добрая воля всему начало.

— Оно такъ, да сосѣди будутъ смѣяться.

— Пусть смѣются, а послѣ какъ увидятъ, что хорошо,- то и сами начнутъ дѣлать по твоему.

— Пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣстъ.

— Нѣтъ, братъ, не худо бы перенять кое что у нѣмцевъ. А что ты говорилъ на счетъ начальства?

— Да это я такъ сказалъ.

— Вотъ и не хорошо: вѣдь я не становой, не помощникъ окружнаго.

— А кто васъ знаетъ! Конечно вы должно быть панъ хорошiй и бойко по нашему говорите; да вѣдь я не былъ у васъ въ душѣ. Мы иной разъ спроста скажемъ что нибудь и не такъ, а послѣ бѣды не оберешься.

— Я готовъ хоть побожиться....

— Божиться грѣхъ! Да оно, видите, начальство сюда и не касается.

— Конечно не касается, но вѣдь оно же не будетъ запрещать дѣлать у себя какъ лучше.

— Извѣстно, ему какое дѣло! Нѣтъ, я говорю, что нѣмцы богаты—вотъ я къ чему.. Уже жъ я сказалъ: разъ у—нихъ много земли, другое—всѣ грамотны.

— Слышалъ, слышалъ....

— Ну, у нихъ, если примѣрно, человѣкъ разбогатѣетъ, и ничего, живетъ себѣ да Бога хвалитъ; у нихъ свои порядки, а шульцъ это какъ бы нашъ старшина, порядкуетъ честно и по совѣсти. У нихъ тамъ и большее начальство есть и тоже ничего. Тамъ если поймаютъ какого бродягу, то не прибѣжитъ становой и не начнетъ назначать сторожами самыхъ богатыхъ людей, а по очереди....

Послѣ этого разговора собесѣдникъ мой упорно держался своего мнѣнiя. Бесѣда наша показалась мнѣ оригинальною по взгля-

ду на вещи. Но повторяю, что уже замѣтно вліяніе колонистовъ, хотя конечно весьма въ слабой степени.

За Балками лежитъ небольшая деревня помѣщика Иваненка, Елизаветинское или по простонародному Бульбатка. Здѣсь хорошій винокуренный заводъ и водяная мельница, устроенная на потокѣ. Но замѣчательно немного далѣе селеніе того же помѣщика—Благовѣщенское. Оно расположено на самомъ берегу Конки. Крестьянскія постройки очень хороши, и видно, что народъ не можетъ пожаловаться на недостатки. Здѣсь находятся двѣ лѣсныя пристани, снабжающія значительное пространство лѣснымъ матеріаломъ: одна принадлежащая купцамъ Ловягину и Минакову, екатеринославскимъ монополистамъ, а другая купцу Лащу, который началъ эту торговлю по предложенію самого владѣльца. Помѣщикъ, видя непомѣрно-высокія цѣны на лѣсъ, который необходимъ въ большомъ количествѣ для окрестныхъ жителей, въ особенности для колонистовъ, и желая, какъ онъ мнѣ говорилъ, понизить огромные проценты, далъ денегъ Лащу съ условіемъ, чтобы послѣдній устроилъ пристань, и продавалъ бы лѣсъ дешевле. Мѣста здѣсь для пристани весьма удобныя, а весною легко доставлять плоты, когда разливъ Днѣпра сливается съ разливомъ Конки. Только, по словамъ каменскаго лоцмана Сохача, и опасно одного Бугая (притокъ съ праваго берега Днѣпра).

Здѣсь же на берегу помѣщикъ выстроилъ паровую лѣсопильную мельницу въ 16 силъ; машина дѣлалась въ Луганскомъ литейномъ заводѣ, но кажется, не можетъ похвалиться отличнымъ устройствомъ. Что то довольно часто находится она въ бездѣйствіи. Въ настоящее время при ней служитъ шведъ-механикъ, служившій на Николаевской желѣзной дорогѣ, и надѣется, что машина будетъ работать исправно. Она распиливаетъ разомъ двѣ колоды, но снабжена, по видимому, не совсѣмъ удачными пилами. Конечно этотъ недостатокъ легко исправить. Подобная мельница весьма утѣшительное явленіе, и паровая машина можетъ постоянно работать на мѣстности, гдѣ нѣтъ недостатка въ значительномъ запасѣ топлива. У А. М. Иваненка 12,000 десятинъ плавней! Не разъ я говорилъ съ нимъ о странномъ обстоятельствѣ, что владѣльцы плавней, бывъ окружены безлѣсными мѣстами и обладая такимъ огромнымъ количествомъ дровъ, не заботятся доставлять ихъ въ Херсонъ или

даже въ приморскіе порты, гдѣ, какъ напримѣръ въ Одессѣ, дрова продаются постоянно по чудовищнымъ цѣнамъ. Выходитъ на повѣрку, что объ этомъ никто еще не думалъ серьезно. Эти неисходимыя плавни, и именно указываемая мѣстность, въ двухстахъ съ небольшимъ верстахъ отъ Херсона, на судоходной рѣкѣ, гдѣ плаваніе не представляетъ уже особыхъ затрудненій; лѣсъ этихъ плавней частью лишь вырубается для собственнаго потребленія, или мелочной мѣстной промышленности, десятками, пусть даже сотнями сажень, тогда какъ можно бы ежегодно поставлять внизъ нѣсколько тысячь сажень дровъ и не опустошать лѣса при разумной правильной рубкѣ. Но кромѣ березоваго и осокороваго лѣса, плавни изобилуютъ лозою, которая кромѣ что служитъ для огорожи, можетъ съ успѣхомъ быть употребляема и какъ матеріялъ для отопленія. Вѣдь въ Николаевѣ, Одессѣ и вообще въ тѣхъ мѣстахъ платятъ два рубля, а иногда и болѣе за возъ сорной травы кураю, а все же лоза, предположимъ и тонкая, гораздо преимущественнѣе не только бурьяну, а самаго навознаго кирпичу, и притомъ обошлась бы не слишкомъ дорого. Владѣльцы не хотятъ сдѣлать опыта, и торговцы портовыхъ городовъ, Богъ ихъ знаетъ отчего, не обратятъ на это вниманія. Мнѣ кажется, что торговля дровами изъ днѣпровскихъ плавней, увеличила бы доходы прибережныхъ имѣній и дала бы случай бѣднѣйшему населенію заработывать деньги во время рубки, не говоря уже о пользѣ, какую принесло бы это южнымъ городамъ, страшно нуждающимся въ топливѣ. По моему, на подобное обстоятельство ближе всего обратить вниманіе Русскому Обществу пароходства и торговли, тѣмъ болѣе, что вѣроятно же оно приступитъ къ исполненію цѣли втораго значенія. Здѣсь важно лишь одно условіе: не упустить времени заготовить лѣсъ и нагрузить его—пока еще не возвысились воды разлива. Даже помѣщики, понявъ свою пользу, охотно займутся рубкой и заготовкой, лишь бы они были увѣрены въ сбытѣ. Впрочемъ и странно быть неувѣреннымъ въ сбытѣ лѣсу тамъ, гдѣ простыя щепки покупаются дорогою цѣною, гдѣ иной хозяинъ передъ свѣтлымъ праздникомъ рубитъ кусокъ плетня или оглобли отъ телѣги, чтобы испечь пасху. По понятію малоруса хлѣбъ этотъ долженъ быть испеченъ на дровахъ, а ужъ ни въ какомъ случаѣ не на кирпичѣ изъ навоза. Не знаю, возбудитъ ли эта статья желанный вопросъ тор-

говли дровами изъ днѣпровскихъ плавней, но я и лично при своихъ разъѣздахъ стараюсь дѣйствовать, бесѣдуя безпрерывно объ этомъ, какъ съ помѣщиками, такъ и съ торговцами. Заговоривъ о лѣсной торговлѣ, нельзя здѣсь не замѣтить, что причина дороговизны лѣсу на Днѣпрѣ много еще зависитъ отъ страшной монополіи екатеринославскаго купца Ловягина. Не будемъ здѣсь распространяться о прошедшемъ, когда можно было лѣсоторговцу составить состояніе, ловя лѣсъ послѣ крушенія чужихъ судовъ въ порогахъ; но въ настоящее время купецъ этотъ содержитъ пристани на всемъ протяженіи Днѣпра отъ Екетеринослава до Херсона, а выше, разными средствами старается захватывать въ свои руки всѣ плоты и барки. Можно ли повѣрить, что отрубокъ въ 10 аршинъ длины, нужный на мельничный столбъ, продается по 30 руб. серебромъ! Вѣдь это цѣна ужасная. А потребность въ лѣсѣ огроманя: однѣ колоніи расходуютъ его весьма значительное количество, не говоря о прочихъ жителяхъ.

За Благовѣщенскимъ довольно большая слобода помѣщика Синельникова, гдѣ народъ живетъ хорошо, но занимается лишь полевыми работами. Здѣсь однако же въ половинѣ февраля я видѣлъ довольно грустныя вещи. Противъ этой деревни на правой сторонѣ Днѣпра лежитъ имѣньице одного изъ гг. Клейновъ, который пустилъ по дешевой цѣнѣ лѣсъ изъ принадлежащихъ ему плавней. Узнавъ объ этомъ, жители Таврической губерніи хлынули изъ разныхъ мѣстъ запасаться вербой и тополемъ. И точно, сравнительно съ мѣстными цѣнами дерево продавалось очень недорого. Вскорѣ къ этому мѣсту устремилось большое количество подводъ, которыя должны слѣдовать непремѣнно чрезъ плавни окрестныхъ помѣщиковъ. Нигдѣ имъ не дѣлали препятствія, кромѣ имѣнія г. Синельникова. Бѣднякъ крестьянинъ, нарубивъ себѣ нужное количество лѣсу и сложивъ его на возы, хотя и бралъ удостовѣреніе отъ г. Клейна, что купилъ извѣстное количество извѣстнаго лѣса, однако лѣсничіе или досмотрщики г. Синельникова не обращали на это вниманія и не пропускали нагруженныхъ телегъ, а иногда случалось—рубили даже колеса. Подобные поступки не дѣлаютъ чести конторѣ, которая конечно обязана смотрѣть за цѣлостью лѣсовъ своего владѣльца, но не имѣетъ никакого права дозволять себѣ такое самоуправство.

Дальше поселена большая казенная деревня Водяная, тоже не отличающаяся ничѣмъ, а за нею виднѣется огромное село Малознаменка или Каменка, возлѣ которой Конка впадаетъ въ Днѣпръ. Но мы поговоримъ о ней послѣ, а теперь переправимся на противоположный берегъ и взглянемъ на Никополь—мѣстечко, заслуживающее болѣе вниманія.

ГЛАВА VI.

Никополь. Древности. Интересные старики. Полиція. Торговля. Евреи. Вольные матросы. Судоходство. Бытъ жителей. Рыболовство.

При въѣздѣ по екатеринославской дорогѣ Никополь представляетъ довольно живописную панораму, которая влѣвѣ украшается Днѣпромъ, окаймленнымъ лѣсистымъ островомъ, а впереди синѣется далеко, замыкаемая возвышеннымъ берегомъ Таврической губерніи. Издали очень красивое мѣстечко, которому въ особенности придаютъ видъ высокая пятиглавая церковь, порядочные домики, сгрупированные возлѣ площади и кое - гдѣ обсаженные деревьями.

Восемьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ назадъ это была запорожская переправа Никитино, и едва состояла изъ нѣсколькихъ хатъ; впрочемъ здѣсь набожные козаки выстроили уже тогда церковь, чтобы не отлучаться въ Сѣчь къ обѣднѣ или вечернѣ, верстъ за 20. Все это поселеніе мѣстилось около Никитина рога (мыса) и едва доходило до нынѣшней площади. Здѣсь жило начальство: шафарь и подшафарій, писарь и подписарій, изъ которыхъ первые отбирали деньги за перевозъ, а послѣдніе вели книги прихода и расхода. По разореніи Сѣчи, въ Никитино переселилось нѣсколько Запорожцевъ, перевезена была часть церковной утвари изъ сѣчевой церкви, и Никитино названо Никополемъ. Но въ настоящее время уже и не существуетъ мѣсто прежняго поселенія; все это обрушилось въ рѣку, которая постоянно подмываетъ берегъ, такъ что и самый мысъ утратилъ уже свою древнюю форму и непремѣнно былъ бы смытъ весенними водами, еслибы оконечность его не состояла изъ гранитной массы. Но въ отвѣсной скалѣ, идущей отъ Никитина рога къ церковному спуску,

и подмываемой Днѣпромъ, въ этой скалѣ, которая ежегодно отваливается понемногу, торчатъ полусгнившіе гробы и бѣлѣютъ кости лыцарей войска запорожскаго. Иногда у берега во время зыби качаются въ волнахъ черепа давноусопшихъ и какъ бы просятъ у прохожаго, чтобы ихъ зарыли гдѣ нибудь.... Но настоящее поколѣніе равнодушно проходитъ мимо, хотя каждый покажетъ вамъ высоко надъ головою истлѣвшіе гробы степныхъ рыцарей. Иногда находятся по берегу мѣдныя иконки и кресты. Это обрушивается запорожское кладбище (*), возлѣ котораго стоятъ теперь домы и конечно не преминутъ въ одинъ прекрасный день осунуться въ Днѣпръ, къ удивленію своихъ безпечныхъ владѣльцевъ. Тутъ же не вдали стояла и первоначальная церковь, но давно уже перенесенная верстъ за 30 въ селеніе Шолохово, а на мѣстѣ ея поставлена была каплица, которая тоже рухнула уже въ Днѣпръ, но никто не могъ мнѣ сказать въ какое именно время, потому что у насъ можно еще распросить про факты, хронологія же всегда будетъ приблизительная. «Я былъ еще хлопцемъ», говоритъ иной старикъ, разсказывая какое нибудь произшествіе; «я только вышла замужъ» прибавляетъ старуха, но ни тотъ, ни другая не знаютъ зачастую сколько имъ лѣтъ отъ роду. Изъ древностей, современныхъ атакованью Сѣчи, остались — домикъ, уже разрушившійся, во дворѣ нынѣшняго матроскаго училища й двѣ потолочныя балки. За домикъ ручаться не буду, но на балкахъ сохранились надписи, по обычаю прежнихъ малоруссовъ писать на *сволокѣ* годъ построенія и имя строителя. Надписи эти—любопытный можетъ найти въ Исторіи Сѣчи, А. Скальковскаго. Древности же, находящіяся въ церкви, восходятъ гораздо выше. Любопытно при этомъ замѣтить какъ вѣрны у насъ вообще свѣдѣнія о сколько нибудь замѣчательныхъ мѣстностяхъ. Такъ въ Новороссійскомъ календарѣ 1856 г. подъ рубрикою Никополь читаемъ слѣдующее: «мѣстечко Екатеринославской губерніи и уѣзда, при Днѣпрѣ. Жителей 6488 душъ обоего пола, домовъ 911, соборная церковь, построенная запорожцемъ Никитою, положившимъ начало этому мѣстечку». Потомъ слѣдуетъ перечисленіе зданій и наконецъ замѣтка: «Жители мѣстечка боль-

(*) Въ послѣднее время я узналъ, что кладбище это будетъ срыто, потому что какой-то господинъ нанялъ внизу этого кладбища мѣсто для постройки мельницы, и окружной начальникъ дозволилъ устроить спускъ, который и имѣетъ проходить чрезъ позабытыя могилы.

шею частью вольные матросы» (стр. 89). И что же? церковь построенная запорожцемъ Никитою, какъ сказалъ я выше, перенесена Богъ знаетъ когда въ Шолохово, а что касается до преимущественнаго населенія матросовъ, то вотъ факты: вольныхъ матросовъ было 2859 обоего пола.

Странно также читать у г. Скальковскаго (исторія послѣдняго Коша), что авторъ самъ видѣлъ остатки запорожской церкви въ Никополѣ, между тѣмъ какъ ея давно нѣтъ въ этомъ мѣстечкѣ, да и самоя каплица, поставленная на ея мѣстѣ, исчезла съ обрушившимся берегомъ. Этотъ же самый авторъ, перечисляя древности никопольской ризницы и упоминая о рѣдкомъ аналоѣ, прибавляетъ, что это *подарокъ папъ* (!?). По преданію аналой присланъ однимъ изъ константинопольскихъ патріарховъ, что и вѣроятно, а по единственному печатному источнику — отъ іерусалимскаго патріарха. Откуда же г. Скальковскій взялъ, что это подарокъ папъ? и гдѣ же хоть малѣйшее указаніе на это обстоятельство? Какое отношеніе имѣли папы къ Запорожцамъ, и наконецъ, еслибы папѣ дѣйствительно вздумалось сдѣлать имъ подарокъ, то въ духѣ ли козаковъ—поборниковъ православія, держать въ церкви даръ римскаго первосвященника? Я выходилъ все Запорожье, не разставаясь съ книгою г. Скальковскаго, и хотя не могу не отдать справедливости трудолюбивому автору за тщательный разборъ попавшагося ему козачьяго архива, однако не могу умолчать, вопервыхъ, объ отсутствіи строгой точности, а во вторыхъ о томъ, что источникъ Запорожья, гдѣ только могъ, старался наводить на мысль, что Запорожцы все, даже языкъ заимствовали у поляковъ! Событія говорятъ намъ противное. Натяжки эти доведены иногда до наивности; чуть попадается слово непохожее на великорусское, но повсемѣстно употребляемое въ Малороссіи,—авторъ въ примѣчаніи пишетъ: съ польскаго, и приводитъ подлинникъ. Утварь никопольской церкви описана въ упомянутомъ сочиненіи. О никопольской старинѣ сказать болѣе нечего, да и по всѣмъ вѣроятіямъ здѣсь ничего особеннаго не было. Я употреблялъ всѣ средства узнать какія нибудь подробности, но все, что могли разсказать мнѣ старожилы,—нисколько не поясняло быта прежнихъ обывателей. Узнавъ, что на Чертомлыцкихъ хуторахъ живутъ два глубокихъ старика, я распорядился такимъ образомъ, чтобы пріѣхали ко мнѣ желанные гости. Когда они вошли ко мнѣ въ хату и вы-

прямились во весь ростъ, я былъ изумленъ и не вѣрилъ, чтобы великаны эти дѣйствительно находились въ такой глубокой старости. Представьте себѣ двухъ истыхъ Запорожцевъ, атлетическаго сложенія, съ бѣлыми широкими зубами и почти безъ морщинъ; у одного изъ нихъ даже не весьма много сѣдины, оба же держались прямо и вошли развязно, безъ всякихъ ужимокъ, иногда портящихъ красивую крестьянскую фигуру. Одинъ называется Дмитро Величко, а другой Данило Кутовый, по уличному Сыса. Руки, въ особенности у Величка, необыкновенно большія, такъ что, признаюсь, мнѣ никогда не приходилось встрѣчать ничего подобнаго. Усадивъ дорогихъ гостей и поставивъ передъ ними обычное угощеніе, я принялся бесѣдовать съ ними. Величко разсказывалъ, что онъ очень хорошо помнитъ путешествіе по Днѣпру Екатерины II. Когда флотилія пристала къ Никополю, то Императрица, сойдя на берегъ, тотчасъ отправилась въ запорожскую церковь, въ которой пробыла весьма не долго, и по выходѣ оттуда сказала какому то генералу:—эта церковь совсѣмъ не такъ велика и богата, какъ мнѣ говорили. Генералъ, поклонившись, отвѣчалъ, что это не та церковь. «Се мабуть ій казали про Січову», замѣтилъ Величко. Потомъ Императрица постояла на берегу, посмотрѣла на Днѣпръ, ласково кланялась народу и скоро уѣхала сухимъ путемъ въ Херсонъ, по дорогѣ, на которой все было для нея приготовлено.

— А я, отозвался Сыса, такъ самъ проважавъ царицю.

Я началъ разспрашивать, и старикъ разсказалъ мнѣ это происшествіе. Во время путешествія Екатерины II было собрано множество мальчиковъ, которые стояли по дорогѣ возлѣ Екатеринослава и при въѣздѣ Государыни привѣтствовали ее. Сыса тогда находился при отцѣ Запорожцѣ, жившемъ въ Самарѣ (Новомосковскѣ). Государыня велѣла бросать въ народъ мелкія деньги и смѣялась надъ суматохой, съ какой были подхватываемы монеты. Много мнѣ разсказывали старики о Запорожьѣ, но не какъ самовидцы, а то, что слышали отъ своихъ отцовъ, служившихъ въ войскѣ. Поставленныя водка и вино были выпиты, закуска уничтожена, разсказы истощились, и я отпустилъ стариковъ, поблагодаривъ ихъ за бесѣду. Оказалось, что хозяйка моя приходилась какъ то одному съ родни и пригласила ихъ обѣдать. Я узналъ это обстоятельство и пошелъ къ хозяевамъ, желая провести лишній часъ съ представителями прошлаго вѣка. Это

было лѣтомъ. Въ обширной прохладной кладовой, на полу, устланномъ рядномъ и покрытомъ чистой скатерью разставлены были обычныя кушанья и возвышался огромный кувшинъ водки. Не забудьте, что старики выпили у меня какъ слѣдуетъ. Обѣдъ длился болѣе часу, въ продолженіи котораго прямые потомки Запорожцевъ осушили болѣе чѣмъ по осьми рюмокъ—и повѣрите ли, оба они не только не показали ни малѣйшаго признака опьянѣнія, а казались будто еще бодрѣе.

Въ настоящее время Никополь растянулся на нѣсколько верстъ на сѣверъ по берегу Днѣпра длиннымъ предмѣстьемъ Довгалевкой, на югъ—Лапинкой, по притоку того же имени. Онъ изобилуетъ садами, изъ которыхъ одинъ только небольшой, но прекрасный, правильно разведенъ и раціонально поддерживается,—это садъ Е. П. Шмагайлова, а остальные всѣ отданы на волю стихій и случая. Мѣстечко это построено на землѣ государственныхъ имуществъ и населилось, какъ и вся Екатеринославская губернія, выходцами изъ Малороссіи, вѣроятно, по преимуществу господскими крестьянами. Впрочемъ сюда перешли многіе Запорожцы, которые, по уничтоженіи Сѣчи, не хотѣли блуждать бездомными лугарями. Положеніе Никополя довольно удачно въ торговомъ отношеніи. Стоя надъ большимъ и глубокимъ рукавомъ Днѣпра, онъ изстари служилъ складомъ мѣстныхъ произведеній, что само собою вызвало потребность постройки судовъ для перевоза значительныхъ грузовъ. Кромѣ того здѣсь проходитъ довольно важный чумацкій трактъ на Крымъ, трактъ, служившій основаніемъ устройства переправы въ Никитиномъ при Запорожцахъ и на которомъ въ настоящее время существуетъ казенная переправа, содержимая крымскимъ солянымъ правленіемъ. Обстоятельства эти и постепенное заселеніе края, а наконецъ развитіе торговли южныхъ портовъ нашихъ, много способствовали пробужденію отъ сна мѣстечка Никополя. Мало по малу образовались купеческіе капиталы, начали появляться агенты одесскихъ негоціантовъ, для закупки хлѣба, и въ Никополѣ сосредоточилась торговля мѣстными товарами или покрайней мѣрѣ ихъ складъ для дальнѣйшаго отправленія. Еще при началѣ образованія Екатеринославской губерніи, Никополь былъ назначенъ уѣзднымъ городомъ, но дѣло и кончилось на бумагѣ. Кто-то весьма справедливо замѣтилъ, что у насъ многіе города назначены не вслѣдствіе торговыхъ потребностей, не потому, что

тутъ главную роль играли бы мѣстныя условія, а такъ, смотря по фантазіи того или другаго лица, на чьей это лежало обязанности. Такимъ образомъ въ Екатеринославской же губерніи мы видимъ уѣздные города бѣднѣе и хуже иной приднѣпровской деревни. Никополю, по всему, можно бы давно быть уѣзднымъ городомъ. Въ настоящее время въ немъ 975 домовъ, 6812 жителей и 82 купеческихъ капитала. Собственно мѣстная торговля незначительна, но отсюда идутъ въ Херсонъ и Одессу большія партіи зерноваго хлѣба, и съ нѣкоторыхъ поръ начала возникать транзитная торговля. Коммерческіе обороты мѣстечка хотя весьма значительны, однако покрыты мракомъ неизвѣстности, и несмотря на все содѣйствіе трудолюбиваго собирателя статистическихъ свѣдѣній въ Никополѣ Е. И. Шмагайлова, наши усилія добыть даже приблизительныя цифры — остались безуспѣшны. На вопросъ мой относительно грузовъ, отправляемыхъ изъ Никополя, мнѣ никопольская полиція отвѣчала отъ 30 ноября 1857 г. № 1950, «что о числѣ судовъ, грузившихся на никопольской пристани и о количествѣ груза, отправленнаго изъ Никополя, за послѣднія десять лѣтъ, свѣдѣнія полиція въ дѣлахъ своихъ не имѣетъ». Какъ ни страненъ этотъ отвѣтъ для большинства, но онъ весьма понятенъ мнѣ, жившему долго на мѣстѣ. Никопольская полиція не получаетъ по штату содержанія, а должна довольствоваться изъ городскихъ доходовъ, — куда поступалъ и извѣсный процентъ съ цѣнности отправляемаго груза. Еслибы правильно записывалось отправленіе каждаго судна, тогда правильно вписывали бы и суммы, поступающія въ полицію, а слѣдовательно необходимо было бы вести правильное расходованіе поступающихъ взносовъ. Никопольская полиція приняла за правило глухо вписывать свои доходы. Такъ напримѣръ, вмѣсто чтобы записать: «съ такого-то судна, за такое-то количество груза взято столько-то»,—она вписывала въ книгу: «пошлины за грузъ отправившихся лодокъ столько-то», не показывая ни количества судовъ, ни груза. Оно, какъ видно, весьма удобно. Собственно мѣстная торговля Никополя возвысилась въ последнее время, когда находилось здѣсь крымское соляное правленіе, военный госпиталь, а вблизи расположены были полки, кромѣ постоянно переходившихъ войскъ въ большомъ количествѣ То-то было золотое время для лавочниковъ, и дѣйствительно въ Никополѣ продавались многіе изъ предметовъ роско-

ши, какихъ не всегда найдешь въ иномъ губернскомъ городѣ. Въ нормальномъ же своемъ положеніи Никополь имѣетъ лишь необходимое для его неприхотливыхъ жителей, да окрестныхъ помѣщиковъ, которыхъ, впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ было очень много. Богатыхъ лавокъ нѣтъ, потому что нѣтъ и порядочныхъ капиталистовъ, да если кто и имѣетъ порядочное состояніе, тотъ занимается операціями другаго рода, чѣмъ мелочная торговля за прилавкомъ. Образованныхъ людей изъ купечества рѣшительно нѣтъ въ Никополѣ: все это воспитывалось, что называется на мѣдныя деньги, и можно сказать, что эти герои безмѣна и аршина совершенно незнакомы даже съ первоначальными правилами бухгалтеріи. Торгуются здѣсь на-авось, съ ужаснѣйшей божбой за каждую копѣйку, зачастую на основаніи недовѣса и недомѣра и вслѣдствіе того кореннаго правила, что если не всегда можно надуть кореннаго жителя, то проѣзжаго непремѣнно слѣдуетъ, продавъ ему гадкій товаръ за самый лучшій. Это общій недостатокъ всѣхъ мелкихъ городковъ, хо́тя впрочемъ и большіе не слишкомъ далеко ушли впередъ относительно купеческаго образованія. Провинціяльное купечество наше, особенно уѣздное, еще такъ много отстало, даже въ своемъ спеціальномъ дѣлѣ, что мнѣ кажется, совершенствованіе не можетъ иначе придти къ нему, какъ послѣ кореннаго преобразованія. Первое, чему слѣдуетъ научиться — это добросовѣстность, безъ которой не можетъ процвѣтать никакая въ мірѣ торговля. Съ усвоеніемъ этого качества торговцами, фабриканты и ремесленники поневолѣ сдѣлались бы добросовѣстнѣе, и покупатель не былъ бы въ ежеминутной опасности быть обманутымъ самымъ наглымъ образомъ. Покупая какую нибудь вещь, вы должны тщательно осмотрѣть ее во всѣхъ подробностяхъ, иначе рискуетъ заплатитъ деньги за предметъ, никуда не годный. Если вы осмотритесь дома и понесете купленную вещь назадъ въ лавку, у васъ ее не примутъ на томъ основаніи, что вы сами выбирали ее, хотя и согласятся, что она испорчена.

— Мы сами купили ее такую, скажутъ вамъ въ утѣшеніе.

У насъ въ торговлѣ существуютъ выраженія, получившія право гражданства, которыхъ нѣтъ на другихъ языкахъ, по крайней мѣрѣ съ подобнымъ значеніемъ. Одна и таже вещь *для продажи* и *на заказъ* имѣютъ огромную разницу, хотя и нельзя принять этого общимъ правиломъ. Попробуйте купить въ лав-

кахъ сапоги, сдѣланные по видимому весьма прочно, имѣющіе даже красивую форму: вы не проходите недѣли, какъ они или полопаются, или окажутся, что подошва въ нихъ изъ картонной бумаги. Это сдѣлано для продажи, значитъ съ цѣлью надуть ближняго,—и тутъ уже нѣтъ ни суда, ни права. Случается впрочемъ, что и съ заказными сапогами выходятъ исторіи, но по крайней мѣрѣ гораздо рѣже. Для обузданія недобросовѣстныхъ ремесленниковъ существуютъ у насъ ремесленныя управы, хотя конечно въ иной вы рѣшительно не успѣете съ своей самой справедливой жалобой, а если и успѣете, то дѣло объ одной испорченной парѣ сапогъ будетъ вамъ стоить дороже, чѣмъ выписка изъ Парижа пяти паръ самыхъ лучшихъ ботинокъ. За что ни возмитесь изъ большинства такъ называемыхъ россійскихъ издѣлій, вы убѣдитесь, что весьма немного предметовъ хоть сколько нибудь удовлетворительныхъ. Купите ли вы ножъ,—онъ въ три дня изломается, или по крайней мѣрѣ выскочитъ изъ черенка, пріобрѣтете ли чемоданъ,—онъ изорвется на второй станціи; потому что въ немъ самая жидкая кожа покрываетъ картонъ; купите ситцу,—онъ полиняетъ,—перчатки,—онѣ изорвутся прежде чѣмъ надѣнете. Не будемъ распространяться и возмемъ для примѣра два понятныя всѣмъ обстоятельства: сахаръ и стеариновыя свѣчи. До закрытія порто-франко въ Одессѣ, фунтъ порядочнаго иностраннаго сахару продавался 17 к., а русскій сахаръ, положимъ, Кіевской губерніи, 27 к. и болѣе. Сало доставляется въ Петербургъ изъ степныхъ губерній, а стеариновыя свѣчи, лучшаго качества, дешевле въ Петеррбургѣ, нежели дрянныя свѣчи въ провинціи на мѣстныхъ фабрикахъ. Какъ же согласить все это? Фабрики дѣлаютъ свое дѣло, купцы свое,—а бѣдный покупатель платитъ деньги и получаетъ иногда вещь не только дурнаго качества, но даже совершенно негодную. Но это уже дѣло администраціи.

Одна большая улица въ Никополѣ похожа на улицу, прочія же плохо застроены, завалены чѣмъ попало и по нимъ бродятъ разныя животныя, преимущественно расхаживаютъ четвероногія, произнесеніе имени которыхъ считалось еще недавно неприличнымъ. Надо однакоже сказать правду, что въ Никополѣ эти животныя достигаютъ большихъ размѣровъ и значительной тучности. Въ Екатеринославской губерніи очень много колючей сорной травы, *Xantium spinosum* и *Xantium strumosum*, растущей

по степямъ и невоздѣланнымъ землямъ; но если бы кому хотѣлось изслѣдовать ее, тотъ можетъ ботанизировать на любой никопольской улицѣ, соблюдая лишь осторожность—не уколоться о безчисленныя иглы. Гостинный дворъ состоитъ изъ лавочекъ и лавченокъ, по примѣру уѣздныхъ городовъ прислоненныхъ одна къ другой, съ тѣмъ оригинальнымъ отличіемъ, что вездѣ въ мірѣ гостинные дворы обращены лицемъ на улицу, а въ Никополѣ лавки, стоя между двухъ улицъ, обращены къ нимъ тыломъ, показывая проѣзжему то дырявыя крыши, то полуразрушенныя глухія стѣны, что представляетъ весьма непривлекательное зрѣлище. Часть гостиннаго двора стоитъ пустыремъ, вслѣдствіе прекращенія торговли. Мелочная торговля, какъ говорятъ сами никопольцы, подвержена измѣненію, потому что многіе принимаются за операціи другаго рода, какъ напримѣръ, отправка хлѣба внизъ по Днѣпру и закупка другихъ продуктовъ. Нѣкоторыя лавки открылись и разбогатѣли въ послѣднее время по случаю пребыванія въ мѣстечкѣ большаго количества лицъ разныхъ вѣдомствъ. Торговое сословіе пріобрѣло нѣсколько членовъ изъ караимовъ, выѣхавшихъ изъ Евпаторіи. Въ Никополѣ значительное количество евреевъ, именно 700 душъ обоего пола, изъ которыхъ многіе занимаются отправкою хлѣба въ Одессу. Собственно же въ лавкахъ евреи не сидятъ, за исключеніемъ занимающихся самой мелочной торговлей, что весьма удивительно при такомъ большомъ іудейскомъ населеніи. Нѣкоторые изъ нихъ разбогатѣли во время войны подрядами и предпринимаютъ разныя спекуляціи. Еврей не можетъ оставаться покоенъ, если у него заведутся деньги: имъ овладѣваетъ какая то лихорадочная дѣятельность, и онъ пускается въ самыя разнообразныя предпріятія, стараясь удвоитъ капиталъ какъ можно скорѣе. Многимъ это удается, но иные теряютъ все свое состояніе. Впрочемъ ни у одной націи нѣтъ такихъ быстрыхъ возвышеній и паденій какъ у евреевъ. Бываютъ купцы, которые по нѣсколько разъ доходили до убожества и снова разживались. Народъ этотъ созданъ для торговли. Вотъ фактъ, могущій нѣкоторымъ образомъ служить тому доказательствомъ. Мой знакомый постоянно покупалъ спички у одного и того же еврея—мальчика лѣтъ пятнадцати. Какъ то онъ разспросилъ его и узнавъ, что еврейчикъ не имѣлъ никакого состоянія, но былъ честенъ и трудолюбивъ, —подарилъ ему полуимперіалъ. Мѣсяца

четыре продавецъ не являлся, и знакомый мой потерялъ его изъ вида. Наконецъ мальчикъ приходитъ и приноситъ ему весьма порядочную фуражку въ подарокъ, за которую разумѣется щедро заплатили. Іудей уже завелъ мастерскую, пригласилъ какого то родственника и шилъ фуражки. Черезъ полгода у него была лавочка съ мелочами, и онъ божился, что причиною всего этого былъ полуимперіалъ, полученный имъ въ подарокъ. Да и надо посмотрѣть какъ трудится это племя отъ зари до зари, питаясь за частую хлѣбомъ и лукомъ, ходя въ лохмотьяхъ, при своей необыкновенній производительности. Въ субботу Никополь принимаетъ весьма оживленный видъ, потому что еврейское населеніе въ праздничныхъ костюмахъ расхаживаетъ по городу. У нихъ есть синагога, училище и баня. Одинъ изъ нихъ, отставной фельдшеръ Хаимъ, нажилъ порядочный каменный домъ отъ практики. До конца прошлаго года въ Никополѣ не было ни лѣкаря, ни аптеки; значитъ Хаимъ и лѣчилъ больныхъ и самъ приготовлялъ лѣкарства, а слѣдовательно, если принять во вниманіе происхождніе этого врача, то можно сдѣлать вѣрное заключеніе, что онъ не забывалъ себя во всякомъ случаѣ. Въ настоящее время есть и докторъ, и аптека, но и тотъ и другая находятъ невыгоднымъ свои пребываніе въ Никополѣ: докторъ—за неимѣніемъ паціентовъ, аптека—по случаю скуднаго сбыта медикаментовъ. Это будетъ жаль. Представте себѣ положеніе жителей мѣстечка, не имѣющаго медицинской помощи. Никопольскій докторъ говорилъ мнѣ рѣшительно, что онъ не можетъ содержать себя и принужденъ будетъ выѣхать, потому что не въ состояніи выдержать конкурренціи Хаима. Послѣдній, какъ житель Никополя, наконецъ какъ еврей, пользуется значительной практикой, ибо іудейское племя во время болѣзни, скорѣе прочихъ обывателей, прибѣгаетъ къ медицинской помощи и непремѣнно предпочтетъ Хаима самому знаменитому доктору. Оно, если хотите, Хаимъ не имѣетъ права лѣчить, потому что смыслитъ въ медицинѣ лишь на столько, насколько она доступна фельдшеру, но по моему, если нѣтъ медика— благо, что есть хоть кто нибудь для поданія первой медицинской помощи. Какъ бы то ни было, а Хаимъ слыветъ докторомъ и не только практикуетъ въ мѣстечкѣ, а даже приглашается къ нѣкоторымъ и изъ окрестныхъ помѣщиковъ.

Мѣстечко чрезвычайно оживляется во время навигаціи, и

много придаютъ ему движенія каботажныя суда, которыя помѣщаются у Никитина рога или повыше. Суда эти, обыкновенно называемыя *лодки* и *дубы*, имѣютъ то различіе, что лодка— судно мореходное съ высокими бортами и бушпритомъ, а дубъ— судно безъ высокихъ бортовъ и неимѣющее бушприта. И тѣ и другія преимущественно двухмачтовыя. Никополь давно уже занимается судостроеніемъ и каботажнымъ плаваніемъ. Здѣсь живетъ одна изъ самыхъ большихъ общинъ вольныхъ матросовъ Новороссійскаго края.

Покойный князь М. С. Воронцовъ, нося званіе новороссійскаго генералъ-губернатора, еще въ 1834 г. возымѣлъ мысль развить каботажное судоходство въ видахъ расширенія южной торговли и исходатайствовалъ учрежденіе обществъ вольныхъ матросовъ въ губерніяхъ Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабской области. Сдѣланъ былъ проэктъ, представленъ въ Петербургъ и удостоился Высочайшаго утвержденія. Много у насъ очень дѣльныхъ проэктовъ, получившихъ законную силу, которые однакоже съ приведеніемъ въ дѣйствіе, какъ то оказываются на дѣлѣ совсѣмъ иначе, нежели на бумагѣ, хотя проэкты эти непогрѣшительны и удобопримѣнимы. Полезная мысль князя Воронцова первоначально удачно приведена была въ исполненіе; но прошло съ небольшимъ двадцать лѣтъ, и развитіе ея далеко не то, какого должно было ожидать, въ силу всѣхъ соединенныхъ съ этимъ условій. Однако начнемъ ab ovo. Каботажное судоходство вызвано было потребностью преимущественно на Днѣпрѣ, и вотъ на этой рѣкѣ возникли верфи въ Никополѣ и Алешкахъ и образовались вольные шхипера и матросы, занимавшіеся плаваніемъ какъ по Днѣпру, такъ и по разнымъ портамъ Чернаго и Азовскаго морей, преимущественно перевозя зерновой хлѣбъ, а иногда лѣсъ, сало и другіе товары. Когда объявлено было учрежденіе матросскихъ обществъ, то вмѣстѣ съ этимъ князь Воронцовъ пригласилъ охотниковъ немедленно образовать эти общества на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: семейства, записавшіяся въ вольные матросы избавляются отъ всякихъ податей, рекрутства, квартирной и подводной повинностей; всѣ молодые люди этихъ семействъ должны были поступать на суда Черноморскаго флота на 5 лѣтъ для изученія мореплаванія и, получивъ по окончаніи этого срока патентъ, возвращались въ свои домы для занятія судоходствомъ. Въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ

собралось значительное количество вольныхъ матросовъ, учреждено управленіе въ родѣ волости, подъ завѣдываніемъ головы, избраннаго отъ общества, а гдѣ количество не такъ значительно— назначенъ староста. Но, по моему, ошибка была въ сосредоточеніи управленія всѣми обществами въ канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора подъ вѣдѣніемъ одного изъ чиновниковъ особыхъ порученій. Столько льготъ и такая очевидная польза привлекла довольно охотниковъ записаться въ новое сословіе. Мало по малу устроились общины, молодежь пошла на флотъ, куда и поступала постоянно до послѣдней Крымской войны. Молодые люди, получившіе патенты съ военныхъ судовъ, выходили дѣльными матросами, которые вообще, по отзывамъ командировъ судовъ, отличались способностями, занимали мѣста рулевыхъ, марсовыхъ и успѣшно пріучались къ своему дѣлу. Эти молодые люди, по возвращеніи съ моря, незамѣтно ввели на своихъ судахъ необходимыя улучшенія, даже нѣкоторымъ образомъ дисциплину, и если изъ нихъ со временемъ выходятъ лѣнтяи или пьяницы, то въ этомъ невиноватъ конечно никто, потому что и тѣ и другіе встрѣчаются во всѣхъ сословіяхъ и классахъ самаго образованнаго общества. Цѣль и призваніе вольнаго матроса— каботажное судоходство. Но во первыхъ не каждый можетъ имѣть собственное судно, во вторыхъ не всѣ члены семьи имѣютъ мѣсто на судахъ; въ третьихъ, навигація продолжается не круглый годъ, и наконецъ судоходство не всегда можетъ обезпечить семейство, если матросъ не имѣетъ своей лодки, а нанимается на чужое судно. Вслѣдствіе этогопорядочный человѣкъ старается заниматься еще хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Съ поступленіемъ въ общество вольныхъ матросовъ, пользующееся извѣстными преимуществами, поселянинъ не только лишается права на надѣленіе землею, но и на пользованіе выгономъ и общественными плавнями. Но какъ въ новороссійскомъ краю подать взимается съ земли, то матросъ можетъ просить себѣ участка съ обязательствомъ оплачивать его. Здѣсь тотчасъ произошли столкновенія съ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ.... Всѣ стремимся къ одной цѣли, всѣ служимъ одному отечеству; но зеленый воротникъ старается дѣлать затрудненія черному, а черный зеленому и т. д. Матросскія общества учреждены съ полезною цѣлью—дать развитіе каботажу, а слѣдовательно и торговлѣ—этому могущественному двигателю благосостоянія всѣхъ сословій; но губернскія власти

не хотятъ видѣть этого, и полиція и вѣдомство государственныхъ имуществъ стѣсняютъ матросовъ при малѣйшемъ случаѣ. Само генералъ-губернаторское управленіе, 20 лѣтъ назадъ составлявшее проэктъ о вольныхъ матросахъ и приглашавшее поселянъ вступить въ это общество, нынѣ, въ лицѣ своего чиновника, завѣдывающаго ими, смотритъ какъ бы недружелюбно на это сословіе. Кто же виноватъ, что вольные матросы не достигли той степени совершенства, какая предполагалась при учрежденіи? Да и наконецъ чѣмъ же въ особенности дурно это сословіе? Нѣкоторые изъ матросовъ имѣютъ собственныя суда, прочіе ходятъ на чужихъ и по возможности заработываютъ кусокъ хлѣба. Требовать, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ судно—было бы странно, принявъ во вниманіе дороговизну и бѣдность этого сословія. Многимъ ставятъ въ укоръ, что, считаясь вольными матросами, они живутъ гдѣ нибудь въ степи въ хуторахъ и занимаются хлѣбопашествомъ. Но развѣ же вольный матросъ, сыновья котораго ходятъ на судахъ, не имѣетъ права заниматься чѣмъ ему угодно? Неужели лучше, если, неимѣя мѣста, онъ будетъ тунеядствовать? И вотъ ихъ не любятъ ни полиція, ни окружные начальники, и къ сожалѣнію весьма очевидна причина этого нерасположенія. Люди живутъ лишь въ косвенной зависимости отъ полиціи, внѣ зависимости отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Отъ этого ежедневные споры и придирки, а по случаю столкновенія интересовъ и сословія пришли къ непріязни между собою. Я помню, какъ однажды мѣстныя власти требовали, чтобы матросы шли съ поселянами для уничтоженія аврашковъ. Первые не хотѣли, и если ихъ принудили, то это совершенно несправедливо. Матросу не даютъ земли, скота его не пускаютъ на выгонъ,—какое же имѣютъ право заставлять его работать для земледѣльцевъ? Почему не выгонять въ такомъ случаѣ и прочихъ гражданъ-ремесленниковъ? Матросъ живетъ въ мѣстечкѣ и не имѣетъ права пасти на общественномъ выгонѣ своей коровы; матросъ проситъ участка земли, за который предлагаетъ деньги, но ему отказываютъ, говоря, что этотъ участокъ можетъ быть понадобится какому нибудь государственному крестьянину. Въ началѣ этого года, при переписи ревизіи, были случаи, что подъ рукою приказывали матросамъ обращаться въ государственные крестьяне, и наконецъ самъ завѣдующій этимъ сословіемъ подалъ записку, что вольные матросы не только безполезны, но вредны для государства. А сколько съ

ними дѣлаютъ вопіющихъ несправедливостей! Ихъ касса и печать находятся при полиціи, и голова не можетъ безъ вѣдома послѣдней выдать билета матросу. Если это сдѣлано въ предупрежденіе злоупотребленій, то для тѣхъ, кому неизвѣстно на что способны наши полиціи, я могу привести фактъ, случившійся въ недавнее время. Желая поближе изучить бытъ вольныхъ матросовъ, я въ разныя времена посѣтилъ многія мѣста, гдѣ проживаетъ это сословіе. Въ октябрѣ прошлаго года былъ я въ Овидіополѣ (Херс. губ.) надъ Днѣстровскимъ лиманомъ. Узнавъ, что я изъ Петербурга и посланъ отъ Морскаго Министерства, вольные матросы подали мнѣ прошеніе. Едва я могъ увѣрить ихъ, что не имѣю права принимать никакихъ жалобъ и прошеній, но, возвративъ имъ цѣнность гербовой бумаги, тѣмъ не менѣе я изъ любопытства прочелъ просьбу бѣдняковъ. Что же оказалось? Овидіопольское общество вольныхъ матросовъ, вслѣдствіе исключительныхъ условій военнаго времени, несло квартирную и подводную повинности. Правительство ничего не беретъ у поселянъ даромъ— это каждому извѣстно; но не безъизвѣстно и то, что поселяне не всегда получаютъ удовлетвореніе, какъ за продовольствіе, такъ и за подводы. Дѣло въ томъ, что при овидіопольской церкви разбитъ колоколъ и издаетъ весьма негармоническіе звуки. Матросы, какъ набожный народъ, рѣшили пожертвовать на колоколъ всю сумму, причитающуюся имъ за провіантъ и за подводы, и подали прошеніе. Въ ноябрѣ прошлаго года они еще не были удовлетворены, какъ говорятъ, потому, что деньги слѣдуемыя имъ, пропали изъ полиціи! Ужъ какъ это сдѣлалось, не знаю, извѣстно только, что чрезъ полтора года по заключеніи мира матросы неудовлетворены за провіантъ и подводы. Они уже вездѣ жаловались.

Между тѣмъ какъ только началась война, вольные матросы, изъ окончившихъ службу на военныхъ судахъ, добровольно пошли на флотъ, многіе были въ Синопѣ, и всѣ безъ исключенія до послѣдней минуты защищали севастопольскіе бастіоны. Изъ одной Никопольской общины получили медали 253 человѣка. Выходитъ, они не такъ дурны и безполезны, какъ говорятъ о нихъ тѣ, кто, можетъ быть, въ военное время занятъ былъ дѣломъ, даже не похожимъ на защиту отечества.

Полагая, что для многихъ будетъ любопытно взглянуть на мѣсто расположенія и количество вольныхъ матросовъ, я прилагаю

свѣдѣнія о числѣ записанныхъ въ это сословіе по разнымъ губерніямъ.

По Херсонской губерніи.

а) въ городахъ.

	Число ревижск. душъ	Число служивш. во флотѣ.
Херсонѣ	244	100
Николаевѣ	51	16
Очаковѣ	70	24
Одессѣ	812	375
Овидіополѣ	364	154
Дубоссарахъ	88	27
Тирасполѣ	10	2

б) въ селеніяхъ: *Херсонскаго уѣзда.*

Кочкаровкѣ	268	105
Станиславовѣ	107	24
Леонтьевкѣ	153	67
Калугскомъ	73	33
Ново-Николаевкѣ	13	1

Одесскаго уѣзда.

Калаглеѣ	312	114
Бѣляевкѣ	14	2
Ясскѣ	129	47
Троицкомъ	15	2
Граденицѣ	70	33

Тираспольскаго уѣзда.

Чобручахъ	51	16
Слободзеѣ	16	3
Незавертайловкѣ	6	2
Короткомъ	4	2
Суклеѣ	6	»
Карагашѣ	3	1

Кошницѣ	17	12
Лунгѣ.	3	2
Маловатомъ	3	2
Рогахъ	2	1
Дубовомъ.	2	1
Спеѣ	114	50
Теѣ	43	12
Токмазеѣ.	12	5
Маластахъ	3	1
Ташлыкѣ.	9	9
Буторахъ	32	11
Итого	3119	1250

По Екатеринославской губерніи.

а) въ городахъ:

Никополѣ (мѣстечко)	1537	564
Верхнеднѣпровскѣ	146	43
Словяносербскѣ.	13	3
Таганрогѣ	81	15
Ростовѣ	67	13

б) въ селеніяхъ: *Екатеринославскаго уѣзда.*

Шолоховѣ	321	102
Томаковкѣ	9	2
Китай городкѣ.	28	6
Чумакахъ	2	»
Александрополѣ.	175	53
Красно-Григорьевкѣ	32	3
Новомъ Кодакѣ	17	4
Діевкѣ	62	20
Карнауховкѣ	9	4
Тритузномъ	164	25
Сухачевкѣ	9	2
Каминскомъ.	325	98
Романковѣ	332	98
Криничеватомъ	42	9

Верхнеднѣпровскаго уѣзда.

Пушкаревкѣ	233	86
Ново-григорьевкѣ	148	41
Домоткани.	475	158
Бородаевкѣ	470	171
Днѣпровокаменкѣ	149	53
Калужиномъ.	25	12
Мишуриномъ Рогѣ	1261	376
Куцоволовкѣ.	722	197
Деріевкѣ.	218	68
Лиховкѣ.	169	56
Саксаганѣ	328	92

Ростовскаго уѣзда.

Кулешовкѣ	5	4
Ново-Батайскѣ.	27	9
Кагальникѣ.	22	7
Екатериновкѣ	230	85
Елизаветовкѣ	33	12
Александровкѣ.	34	12
Николаевкѣ.	129	55
Койсюгѣ.	8	3
Ейскомъ укрѣпленіи	22	4
Посадѣ Азовѣ	36	9
Итого	8115	2574

По Таврической губерніи.

а) въ городахъ:

Алешкахъ	717	198
Өеодосіи	78	17
Керчи	332	78
Бердянскѣ.	432	122

б) въ селеніяхъ: *Мелитопольскаго уѣзда.*

Водяномъ	113	18

Большой Знаменкѣ	27	»
Мало-знаменкѣ.	63	»
Днѣпровкѣ.	47	»
Итого	1809	444
А всѣхъ	13043	4268

Не считаю здѣсь записанныхъ въ Бессарабіи, потому что они жили преимущественно по Дунаю.

Нынѣ вольные матросы по малочисленности судовъ черноморскаго вѣдомства поступаютъ для изученія своего дѣла въ Русское общество пароходства и торговли.

Каботажныхъ судовъ, принадлежащихъ никопольскимъ жителямъ 49, изъ числа которыхъ вольнымъ матросамъ 23. Строятся они на здѣшнихъ верфяхъ самыми простыми мастерами, безъ всякихъ чертежей. Но вы не думайте, чтобы верфи эти имѣли какое нибудь устройство: тутъ же на берегу основывается лодка, строится, конопатится, осмаливается и вооружается. Вмѣстимость груза различная—отъ 50 до 800 четвертей хлѣба, или отъ 500 до 8000 пудовъ. Суда обыкновенно двухмачтовыя. Иныя изъ нихъ ходятъ довольно хорошо и снабжены порядочной, расторопной командой. Смотря по требованіямъ торговли, фрахтъ бываетъ весьма выгоденъ, но во время застоя коммерціи плата за перевозку груза ничтожна. На зимовку всѣ судохозяева стараются приходить въ Никополь, гдѣ и ставятъ суда свои у Никитина рога. Мѣсто это однакоже не весьма выгодно для стоянки, потому что осеній *шерехъ* (мелкій ледъ) и весенніе льды, стремясь по теченію рѣки, портятъ судно, не смотря на легкую защиту мыса. Есть превосходная стоянка у южной оконечности Орлова острова, однакоже мѣсто это отдается на откупъ рыбопромышленникамъ, которые конечно не позволятъ судамъ остановиться въ своихъ владѣніяхъ. Мѣстнымъ властямъ, разумѣется, до этого нѣтъ дѣла. Начальство, бывая въ Никополѣ, покрайней мѣрѣ до этого времени, не входило въ разсмотрѣніе подобныхъ обстоятельствъ; а нехудо было бы оградить лодки отъ напора льда. Здѣсь еще встрѣчается и другая причина, требующая приведенія въ дѣйствіе этого предположенія. Весною, какъ разъ къ Никитину рогу подходитъ казенная переправа, и стоитъ только смотрителю захотѣть прогнать суда съ

рейда, они погибнутъ. Чтобы читатель имѣлъ понятіе о движеніи никопольскаго каботажнаго судоходства, я представлю подробное описаніе судовъ, ихъ вмѣстимость, осадку, число прислуги, количество рейсовъ въ 1857 году и сумму, вырученную за перевозку груза. Вмѣстѣ съ этимъ считаю необходимымъ прибавить, что предлагаемыя свѣдѣнія почерпнуты не изъ полиціи, хотя она и могла бы имѣть подобныя свѣдѣнія, а посредствомъ тщательныхъ разспросовъ.

Суда никопольскихъ купцовъ и мѣщанъ.

Мореходныя лодки.

1. Никопольскаго купца Алексѣя Гусева, поднимаетъ 800 четвертей, осадки 8 футовъ, матросовъ 6. Сдѣлала 2 рейса: первый изъ Никополя въ Одессу съ 3 т. саж. дровъ, по $6^1/_2$ коп. за сажень=195 руб. во второй, изъ Никополя въ Одессу 7500 пудовъ сала по 6 коп. за пудъ=450 руб. Заработано 645 руб.

2. Никопольскаго купца Өедота Чернявскаго, поднимаетъ 700 четвертей, осадки 7 футовъ; матросовъ 5. Сдѣлала 1 рейсъ изъ Никополя въ Одессу съ 5200 пудовъ сала по 10 к. за пудъ= 520 руб. Заработано 520 руб.

3. Никопольскаго мѣщанина Дмитрія Баклана, поднимаетъ 660 червертей, осадки 6 футовъ; матросовъ 5. Сдѣлала 1 рейсъ изъ Никополя въ Одессу съ 600 четвер. льну по 40 к. за четв.= 240 руб. Заработано 240 руб.

4. Никопольскаго купца Михаила Ищенка, поднимаетъ 650 четв., осадки 7 футовъ; матросовъ 5. Сдѣлала 3 рейса изъ Никополя въ Одессу: первый съ 650 четв. льну по 50 к. за четверть=325 р., второй съ 650 чет. льну по 50 к. за четверть =325 р., третій съ 6500 пуд. сала по $7^1/_2$ к. за пудъ=487 р. 50 к. Заработано 1137 р. 50 коп.

5. Никопольскаго купца Андрея Баклана, поднимаетъ 640 четв., осадки $7^1/_2$ фут.; матросовъ 5. Сдѣлала 3 рейса изъ Никополя въ Одессу: первый и второй по 5500 пуд. сала, по 7 к. съ пуда=770 р., въ третій 470 четв. пшеницы по 56 к. съ четверти=263 р. 20 к. и 160 четв. льну по 56 к. съ четверти=89 р. 60 к. Заработано 1122 р. 80 к.

6. Никопольскаго мѣщанина Никиты Здора, поднимаетъ 500 четв., осадки 6 футовъ; матросовъ 4. Сдѣлала 2 рейса изъ Ни-

кополя въ Одессу: первый съ 4600 ведръ спирту по 5 к. съ ведра=230 руб., второй съ 3250 пуд. сала, по 10 к. съ пуда=325 руб. Выработано 525 р.

Дубы.

1. Никопольскаго купца Андрея Баклана поднимаетъ 400 чет., осадки $4^1/_2$ фута; матросовъ 3. Сдѣлалъ 3 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 1710 пуд. сала по 4 к. съ пуда=68 р. 40 к., второй съ 300 четв. пшеницы по 70 к. съ четверти =210 р., третій 2000 пуд. сала по 10 к. съ пуда=200. Заработано 478 р. 40 к.

2. Дубъ его же, поднимаетъ 400 четв., осадки 4 фута, матросовъ 3. Сдѣлалъ одинъ рейсъ изъ Никополя въ Херсонъ съ 20 саж. дровъ по 4 р. 25 к. за сажень=85 р. Заработано 85 руб.

3. Дубъ его же, поднимаетъ 450 четв., осадки $4^1/_2$ фута; матросовъ 3. Сдѣлалъ одинъ рейсъ изъ Никополя въ Херсонъ съ 20 саж. дровъ по 4 р. 25 к. за сажень=85 р. Заработано 85 руб.

4. Никопольскаго купца Михаила Баклана, поднимаетъ 470 чет., осадки $5^1/_2$ фут., матросовъ 3. Сдѣлалъ 2 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 470 чет. льну по 15 к. съ чет. =70 р. 50 к., второй съ 400 чет. льну по 25 к.=100. Заработано 170 р. 50 к.

5. Дубъ его же, поднимаетъ 450 четв., осадки 5 фут. матросовъ 4. Сдѣлалъ 3 рейса изъ Херсона въ Никополь; первый съ 200 кулей крупчатки по 15 коп. за куль=30 руб. и 190 четв. льну по 25 коп. за четв.=28 р. 50 к., второй 450 чет. льну по 20 к. съ чет.=80, третій съ 3200 пудовъ сала по 9 к. съ пуда=288. Заработано 526 р. 50 к.

6. Никопольскаго мѣщанина Копылова, поднимаетъ 700 четвертей (можетъ ходить и въ Одессу), осадки 5 футовъ; матросовъ 4. Сдѣлалъ 3 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 25 саж. дровъ по 4 р. за саж.=100 р., второй съ 2500 пуд. простой шерсти и 300 пудъ сала по 3 к. съ пуда=90 р. третій съ 300 четв. льну по 50 к. за пудъ=150, сала 1000 пуд. по 10 к.=100 и 250 штукъ кожъ по $7^1/_2$ к.=18 р. 75 к. Заработано 478 р. 50 к.

7. Дубъ его же, поднимаетъ 380 четв., осадка 4 фута; матросовъ 4. Сдѣлалъ 3 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 20 саж. дровъ по 4 р.=80 р., второй 300 четвер. льну по 15 к.=45 р., третій 300 чет. льну по 25 к.=75 р. Заработано 200 руб.

8. Мѣщанина Степана Быковскаго, поднимаетъ 250 четвер., осадки 4 фута; матросовъ 4. Дѣлалъ иногородные рейсы.

9. Дубъ его же, поднимаетъ 120 четв., осадки 4 фута; матросовъ 3. Сдѣлалъ 3 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый въ 100 чет. пшеницы по 20 к.=20 р. второй 700 пуд. шерсти по 4 к. = 28 р., третій 500 пуд. коренной рыбы по 23 к. = 115 руб. Заработано 163 руб.

10. Дубъ его же, поднимаетъ 40 четв., матроса 2. Занимается подгрузкою.

11. Мѣщанина Ивана Шульгина, поднимаетъ 220 четвертей, осадки $4^1/_2$ фута; матросовъ 3. Дѣлалъ рейсы изъ другихъ прибрежныхъ мѣстъ.

12. Его же, поднимаетъ 50 чет., осадки 3 фута; матросовъ 3. Дѣлалъ рейсы изъ другихъ мѣстъ и занимался подгрузкою.

13. Безсрочно-отпускнаго Петра Рекова въ компаніи съ вольнымъ матросомъ Кушатренкомъ, поднимаетъ 330 четв., осадки 5 футовъ; матросовъ 4. Сдѣлалъ 2 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ $17^1/_2$ саж. дровъ по 4 р.=70 р., второй съ 160 четв. льну по 46 к.=73 р. 60 к., 1000 пуд. сала по 5 к.=50 р., 260 штукъ кожъ по 10 к.=26 р. Заработано 291 р. 60 к.

14. Никопольскаго мѣщанина Ѳедора Рекова, поднимаетъ 500 чет., осадки $4^1/_2$ фута; матросовъ 4. Дѣлалъ иногородные рейсы.

Кромѣ этихъ судовъ есть еще 2 *беринки*, принадлежащія: одна никопольскому купеческому сыну Егору Турбабѣ, поднимаетъ до 8000 пудовъ, осадки 4 фута; на ней 8 матросовъ, и другая никопольскому купцу Ѳедоту Чернявскому, поднимаетъ 6000 пуд., осадки $3^1/_2$ ф.—на ней матросовъ 8.

Шкипера и экипажи на этихъ судахъ состоятъ преимущественно изъ мѣстныхъ вольныхъ матросовъ.

Суда никопольскихъ вольныхъ матросовъ.

Мореходныя лодки.

1. Ивана Стукала, поднимаетъ 470 четвертей, осадки 5 фут. матросовъ 4. Дѣлала иногородные рейсы.

2. Его же, въ компаніи съ братомъ Власомъ Стукаломъ, херсонскимъ матросомъ, поднимаетъ 550 четвертей, осадки $5^1/_2$ фут.; матросовъ 5. сдѣлала 1 рейсъ изъ Никополя въ Херсонъ съ 550 чет. пшеницы по 30 к.—165 р. сер. Заработано 165 р.

Дубы.

1. Ивана Фещенка поднимаетъ 340 чет., осадки $4^1/_2$ фут., матросовъ 4. Сдѣлалъ 5 рейсовъ изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 250 чет. льну по 15 к.=37 р. 50 к., второй ржи 340 четв. по 15 к.=51 р., третій ржи 300 чет. по 15 к.= 45 р., четвертый съ стеклянной посудой=30 р. и пятый съ 1000 пуд. сала, 120 чет. льну и 340 штукъ кожъ, за все вмѣстѣ 142 р. 85 к. Заработано 306 р. 35 к.

2. Леонтія Половаго, поднимаетъ 440 четв., осадки $5^1/_2$ ф.; матросовъ 4. Сдѣлалъ 2 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 1600 пуд. простой шерсти по $4^1/_2$ к.=72 р., второй съ 300 чет. льну по $34^2/_7$ за четверть=102 р. $47^6/_7$ к. Заработано 174 р. $47^6/_7$ коп.

3. Андрея Барабаша, поднимаетъ 250 чет., осадки 4 фут.; матросовъ 3. Сдѣлалъ 2 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый 145 чет. льну и 95 чет. ржи по 15 к.=36 р., во второй 90 чет. ржи и 165 чет. льну=40 р. Заработано 76 р.

4. Назара Куцовола, поднимаетъ 250 чет., осадки 4 фут.; матросовъ 3. Сдѣлалъ 4 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 250 чет. пшеницы по 80 к. за четверть=200 р., второй съ 250 чет. льну по 15 к.=37 р. 50 к., третій съ 250 чет. жита по 23 к.=57 р. 50, четвертый съ 2300 пуд. сала по 11 к.=253 р. Пятый же рейсъ изъ Никополя въ Каховку,— перевезено товаровъ за 60 р. Заработано 608 р.

5. Литвина Сидора, поднимаетъ 350 четв., осадки $4^1/_2$ фут.; матросовъ 3. Сдѣлалъ 1 рейсъ изъ Никополя въ Херсонь съ 2328 пуд. сала по 8 к.=186 р. 24 к. Заработано 186 р. 24 к.

6. Петра Семеняги, поднимаетъ 260 чет., осадки $3^1/_2$ ф.; матросовъ 3. Сдѣлалъ 2 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 240 кулей крупчатки по $12^1/_2$ к.=30 р., второй 260 чет. льну по 15 к.=39 р., третій съ 260 чет. льну по 40 к.= 104 р.; четвертый же рейсъ изъ Никополя въ Каховку съ товарами мѣстныхъ купцовъ за 40 р. Заработано 213 р.

7. Павла Перепади, поднимаетъ 250 чет., осадки $4^1/_2$ фута; матросовъ 3. Сдѣлалъ 3 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 50 кул. крупчатки и 250 чет. льну по 20 к.=50, второй съ 250 чет. ржи по 15 к.=37 р. 50 к., третій съ 250 четв. сурѣпнаго сѣмени по 53 к.=132 р. 50 к. Заработано 220 р.

8. Емельяна Ткалича, поднимаетъ 450 четв., осадки 5 футовъ; матросовъ 3. Сдѣлалъ 3 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 450 чет. льну по 15 к. четв.=67 р. 50 к., второй съ 350 четв. ржи по 20 к.=70 р., третій 450 льну по 40 к.=180 р. Заработано 317 р. 50 к.

9. Пантелеймона Кузниченка, поднимаетъ 150 чет., осадки 3 фута; матросовъ 3. Сдѣлалъ 2 рейса: первый изъ Никополя въ Херсонъ съ 1000 пуд. простой шерсти по 3 к.=30 р., второй въ Каховку съ купеческими товарами за 40 р. Выработано 70 р.

10. Ильи Волкова, поднимаетъ 150 четв., осадки 3 фута, матросовъ 3. Сдѣлалъ 5 рейсовъ изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 9 саж. дровъ за 30 р., второй съ 120 станк. колесъ за 23 р., третій 200 чет. ржаной муки по 15 к.=30 р., четвертый 150 чет. льну по 46 к.=69 р., пятый 35 чет. сурѣпнаго сѣмени, 65 чет. льну, 50 чет. пшеницы по 46 к.= 90 р. Заработано 242 р.

11. Харитины Волковой, поднимаетъ 400 чет., осадки $4^1/_2$ фут.; матросовъ 4. Сдѣлалъ 2 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 400 чет. ржаной муки по 15 к.=60 р., второй съ 350 чет. льну по 30 к.=105 р. Заработано 165 р.

12. Даріи Рековой, поднимаетъ 400 чет., осадки $5^1/_2$ футовъ; матросовъ 4. Сдѣлалъ 2 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 440 чет. пшеницы по 25 к.=110 р., второй съ 400 четв. льну по 45 к.=180 р. Заработано 290 р.

13. Дубъ Василія Фершала (онъ же Даниленко), поднимаетъ 550 четв., осадки $5^1/_2$ фут.; матросовъ 4. Сдѣлалъ 2 рейса

изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 250 четв. ржи и 270 четв. пшеницы по 15 к.=78 р., второй съ 450 льну по 33к.= 148 р. 50 к. Заработано 226 р. 50 к.

14. Михаила Бабиченка (онъ же Иванченко) поднимаетъ 450 четв., осадки $4\frac{1}{2}$ ф.; матросовъ 3. Сдѣлалъ 1 рейсъ изъ Никополя въ Херсонъ съ 250 четв. овса и 200 четв. льну по 57 к.=256 р. 50 к. Заработано 256 р. 50 к.

15. Ивана Семеняги, поднимаетъ 350 четв., осадки $5\frac{1}{2}$ ф.; матросовъ 3. Сдѣлалъ 1 рейсъ изъ Никополя въ Херсонъ съ 200 четв. ржи и 100 четв. льну по 40 к.=120 р. Заработано 120 р.

16. Ивана Горошка, поднимаетъ 360 четв., осадки 5 фут.; матросовъ 3. Дѣлалъ иногородные рейсы.

17. Ефима Чернаго, поднимаетъ 130 четв.; осадки 4 фута; матросовъ 3. Сдѣлалъ 1 рейсъ изъ Никополя въ Херсонъ съ 100 четв. льну и 50 четв. сурѣпнаго сѣмени по 75 к.=112 р. 50 к. Заработано 112 р. 50 к.

18. Ивана Брусенка, поднимаетъ 250 четв., осадки $4\frac{1}{2}$ ф.; матросовъ 3. Сдѣлалъ 1 рейсъ изъ Никополя въ Херсонъ съ 250 четв. ржи по 15 к.=47 р. 50 к. Заработано 47 р. 50 к.

19. Дмитрія Брусенка, поднимаетъ 250 четв., осадки $4\frac{1}{2}$ фута; матросовъ 3. Сдѣлалъ 1 рейсъ изъ Никополя въ Херсонъ съ 250 четв. льну по 40 к.=100 р. Заработано 100 р.

20. Петра Климченка, поднимаетъ 150 четв., осадки $3\frac{1}{2}$ ф.; матросовъ 3. Сдѣлалъ 2 рейса изъ Никополя въ Херсонъ: первый съ 100 четв. льну и 100 штукъ кожъ по 10 к.=24 р., второй 150 четв. льну по 15 к.=22 р. 50 к. Заработано 46 р. 50 к.

21. Ивана Николенка, поднимаетъ 50 четв., осадки 3 фута; матросовъ 3. Занимался подгрузкою.

Суда государственныхъ крестьянъ:

Мореходныя лодки.

1. Максима Загребельнаго, поднимаетъ 610 четв., осадки 6 футовъ.

Дубы.

1. Семена Компанійца, поднимаетъ 300 четв., осадки 3 ф.
2. Максима Ворушила, поднимаетъ 150 четв., осадки 4 ф.

3. Романа Науменка, поднимаетъ 250 четв., осадки $4\frac{1}{2}$ ф.

Подробностей о плаванiи этихъ четырехъ судовъ, къ сожалѣнiю, не могу сообщить.

Всѣ же никопольскiя суда могутъ поднять грузу приблизительно 186,500 пудовъ.

У матросовъ есть свои особыя названiя разныхъ судовыхъ принадлежностей, но я представлю этотъ словарь вмѣстѣ съ описанiемъ алешковскаго судоходства. Впрочемъ надо прибавить, что матросы внесли по большей части названiя, употребляемыя во флотѣ, а всѣ почти остальныя прiобрѣтены отъ грековъ.

Въ Никополѣ бываетъ 3 ярмарки, изъ которыхъ значительнѣйшая Вознесенская. Купцы прiѣзжаютъ изъ ближайшихъ городовъ, но болѣе торгуютъ мѣстные лавочники, которые переѣзжаютъ на время ярмарокъ на площадь за городъ, гдѣ устраиваются балаганы съ Вознесенья и остаются по ноябрь. Кромѣ этого каждое воскресенье бываютъ базары, гдѣ разумѣется дѣятельнѣе всѣхъ трудятся евреи, и надобно быть слишкомъ искуснымъ, чтобы купить необходимое, ибо iудейское племя необыкновенно проворно. Лѣтомъ, когда созрѣваютъ фрукты, никопольскiй рынокъ буквально заваленъ всевозможными плодами: яблоками, грушами, абрикосами, дынями, арбузами, виноградомъ. Мѣстные сады и огороды сами по себѣ доставляютъ довольно фруктовъ, но еще болѣе привозится ихъ изъ Каменки, а въ особенности Знаменки—большихъ сосѣднихъ селенiй Таврической губернiи, гдѣ жители успѣшно и съ любовью занимаются садоводствомъ.

Возлѣ гостиннаго двора, окруженная рѣшеткою стоитъ пятиглавая соборная церковь, съ высокой колокольней, которой недостаетъ одного этажа и оттого кажущейся чѣмъ-то недостроеннымъ. Благодаря мѣстному протоiерею, церковь отдѣлана хорошо, и въ ней сохраняется нѣсколько запорожскихъ древностей, уже описанныхъ. Церковь построена въ 1796 г., а колокольня въ 1806 году. При упоминанiи о послѣдней нельзя не вспомнить словъ г. Скальковскаго, который въ своей Исторiи Сѣчи выразился, что отъ никопольской колокольни такъ и вѣетъ древностью! На повѣрку же выходитъ, что когда составлялась эта Исторiя, колокольнѣ было еще немного лѣтъ....

На одной изъ поперечныхъ улицъ, идущей отъ церкви на гору, на довольно сносномъ домикѣ прибита вывѣска модъ, на

которой неискусной кистью изображены шляпки и чепчики. Съ перваго взгляда это показалось бы страннымъ, потому что въ мѣстечкѣ весьма ограниченное число дамъ и дѣвицъ, носящихъ современные наряды; но стоитъ посмотрѣть на улицу въ субботу, когда расхаживаетъ еврейское населеніе, и легко можно убѣдиться, что магазинъ модъ не останется въ накладѣ. Нѣкоторыя, впрочемъ, еврейки побогаче выписываютъ наряды изъ Екатеринослава, а пожалуй и изъ Одессы.

Недавно какая-то госпожа Зее открыла женскую школу, куда приходятъ уже 13 учепицъ. Для мальчиковъ приходскаго училища нѣтъ, а существуетъ какая то школа при церкви, гдѣ по методѣ розги и пали (ударъ линейкою по рукѣ) преподается 17 ученикамъ чтеніе и письмо. У вольныхъ матросовъ, которые гораздо бѣднѣе гражданъ, есть свое училище, содержимое десяти-копѣечнымъ сборомъ съ ревизской души, въ которое ходитъ 40 мальчиковъ. Конечно оно не въ цвѣтущемъ положеніи, но слава Богу и за это. Въ гражданахъ же Никополя, значитъ, нѣтъ любви, не говорю уже къ образованію, но даже къ грамотности, не смотря, что въ этомъ мѣстечкѣ значителенъ классъ торговаго сословія, которое болѣе или менѣе обладаетъ матеріальными средствами. Еврейское населеніе сдѣлало подписку и выстроило хорошенькій домикъ возлѣ синагоги, для училища, потому что понимаетъ пользу грамотности; матросы тоже стараются учить дѣтей, но купцы и мѣщане предпочитаютъ посылать дѣтей или въ жалкую церковную школу, или къ матросскому учителю, незаботясь собрать хоть небольшую сумму для устройства школы, въ которой кромѣ чтенія и письма дѣти ихъ получили бы понятіе о грамматикѣ, ариѳметикѣ и географіи. Не только здѣсь нѣтъ любви къ просвѣщенію, но даже къ чтенію, и только соборный протоіерей, да отставной поручикъ Шмагайловъ получаютъ періодическія изданія, да кто-то выписываетъ Сынъ Отечества. Гласность не существуетъ для остальныхъ никопольцевъ, и литература—этотъ могущественный двигатель для нихъ terra incognita.

Можетъ быть читатель спроситъ: какъ же проводятъ время жители мѣстечка, поставленные разными условіями выше простыхъ его обитателей? Встаютъ рано, въ полдень обѣдаютъ, послѣ чего отдыхаютъ, а вечеромъ въ 9 часовъ снова предаются успокоенію. Чиновный классъ единственнаго присутственнаго мѣ-

ста—полиціи любилъ въ 11 часовъ утра собираться въ магазинѣ Турбабы, гдѣ и происходили возліянія Бахусу, иногда, смотря по обстоятельствамъ, весьма изобильныя. Во все время знакомства моего съ Никополемъ, большую часть, тамошняя полиція находилась безъ прямаго начальника, и служившіе въ ней отличались необыкновенною приверженностью къ иностранному и отечественному винодѣлію; побольше бы такихъ экспертовъ, и виноградники наши пришли бы въ цвѣтущее положеніе. Ни одно дѣло не рѣшалось въ полиціи безъ нѣсколькихъ посѣщеній въ магазинъ Турбабы, а какъ производились дѣла, то прослѣдить ихъ не мѣшало бы просвѣщенному любителю законовѣдѣнія. Взгляните напримѣръ на постройку береговыхъ строеній. Всѣ спуски къ рѣкѣ загромождены и даже единственный возлѣ церкви испорченъ и содержится въ такомъ видѣ, что въ случаѣ пожара, туда нельзя проникнуть съ бочкой. Лѣсная пристань жалкая, но единственная, безнаказанно заваливаетъ на берегѣ дорогу, мѣшая повозкамъ подъѣзжать съ грузомъ. Безпорядочныя деревянныя лавочки, противу всѣхъ правилъ, загораживаютъ базарную площадь (онѣ между прочимъ не показаны по отчетамъ), передъ самыми окнами полиціи. Однимъ словомъ—хаосъ, изъ котораго если и возникаетъ какой нибудь вопросъ, то, залитый въ магазинѣ Турбабы, исчезаетъ въ этомъ омутѣ.

Рыболовствомъ здѣсь занимаются два купца, которые держатъ на откупу никопольскія воды, и никто другой не имѣетъ права ловить рыбы даже небольшой сѣткой. Мнѣ кажется, что на подобныхъ мѣстахъ, гдѣ рыбная ловля приноситъ городамъ не болѣе двухсотъ рублей, грѣшно отдавать право этой ловли въ одни руки, въ ущербъ бѣднѣйшему населенію. Снарядивъ какую нибудь лодченку, бѣднякъ могъ бы наловить рыбы и для семьи и для продажи, но система откупа не дозволяетъ ему этого занятія безплатно, хотя рѣка принадлежитъ городу, котораго онъ обыватель, или волости, которой онъ членъ, хотя и убогій. Нѣкоторые рыбаки покупаютъ у откупщика право ловить рыбу, но ихъ немного, именно 22 человѣка. Рыба въ мѣстечко доставляется или изъ Лысогорскаго завода (7 верстъ выше) или изъ Карайдуба (25 верстъ ниже), и на базарахъ всегда можно найдти свѣжую рыбу, хотя по временамъ и очень дорого. Попадаются *чечуги* (стерляди) довольно порядочной величины, но осетры очень рѣдки.

Бытъ никопольскихъ простолюдиновъ, сколько могъ я къ нему присмотрѣться въ разныя времена года, общій приднѣпровскимъ богатымъ селамъ. Мѣстечко населено малороссами, первоначально здѣсь основавшимися и перешедшими въ послѣдствіи изъ сосѣднихъ губерній. Болѣе зажиточные крестьяне и нѣкоторые вольные матросы имѣютъ прекрасныя просторныя хаты. Передній уголъ (*покутъ*), по обычаю этого племени, украшенъ множествомъ образовъ, передъ которыми наканунѣ праздниковъ и въ праздники теплятся восковыя свѣчи и лампады, и обитъ уже обоями, а возлѣ божницы множество васильковъ и желтыхъ гвоздиковъ; вокругъ развѣшаны узорные рушники съ изображеніями двуглавыхъ орловъ и разныхъ арабесковъ. Возлѣ передняго угла помѣщены разныя лубочныя картины изъ св. писанія, а у матросовъ портреты адмираловъ, изображеніе синопскаго боя и другихъ эпизодовъ изъ послѣдней кампаніи. Костюмы обыкновенные мѣщанскіе, только у мужчинъ преобладаютъ широчайшіе шаравары—воспоминаніе козачества, и въ большой модѣ высокія бараньи шапки. Бѣднѣйшій классъ и земледѣльцы носятъ малорусскій крестьянскій костюмъ. Обычаи никопольцевъ не отличаются ничѣмъ особымъ и отъ прочихъ селеній, исключая наклонности къ разгулу, свойственному всѣмъ портамъ въ мірѣ, даже рѣчнымъ. Судохозяинъ или шхиперъ, совершивъ благополучный рейсъ и заработавъ сотню или нѣсколько десятковъ рублей, непремѣнно пригласитъ родныхъ и знакомыхъ на пирушку, на которой, разумѣется, главнѣйшую роль играетъ водка или дешевое крымское и бессарабское вино. Послѣ подобнаго пира молодые, а иногда и всякіе, надѣвъ на бекрень шапки, гуляютъ иногда по улицамъ и распѣваютъ пѣсни. Въ погребкахъ тоже раздаются веселые голоса, преимущественно въ праздники. Женщины въ свою очередь посѣщаютъ другъ друга, и у нѣкоторыхъ водятся самовары. Свадебные обряды общіе малорусскіе, и я не замѣтилъ ничего особеннаго на крестинахъ и похоронахъ. Молодежь собирается по вечерамъ и поетъ пѣсни, изъ которыхъ не встрѣчалось мнѣ незнакомыхъ; но парни усвоили многія матросскія пѣсни, потому что возвращавшіеся изъ флота вольные матросы обогащали мѣстный репертуаръ. Народъ болѣе или менѣе гостепріимный.

Со времени открытія навигаціи никопольская пристань оживлена дѣятельностью; въ разныхъ мѣстахъ строятся новыя лодки,

починяются старыя; тутъ же грузятся купцы и безпрерывно подъѣзжаютъ чумацкія фуры. Лѣтними вечерами пристани эти чрезвычайно красивы. Въ Днѣпрѣ отражаются суда со всей своей обстановкой, а съ другаго берега, словно опрокинулся въ рѣку лѣсистый островъ, у котораго тоже двигаются лодки, а на яркомъ заревѣ заката, отчетливо рисуются мачты съ своими незатѣйливыми принадлежностями. Лѣвѣе шумятъ пловучія водяныя мельницы, на палубахъ идетъ бесѣда, на берегу матросы готовятъ ужинъ, а къ рѣкѣ поминутно подходятъ съ ведрами молодыя горожанки, и далеко раздаются смѣхъ и веселый говоръ. Подъ тѣнью ближайшей прибрежной рощи раскинуто нѣсколько шатровъ кочующихъ цыганъ—кузнецовъ по преимуществу, но искусныхъ также и въ присвоеніи чужой собственности. Огоньки, стукъ молотовъ о наковальни, дикіе напѣвы и жизнь въ лохмотьяхъ на распашку представляютъ издали довольно живописную картину, Но если весна и лѣто пріятны въ Никополѣ, потому что онъ стоитъ надъ красивой рѣкой и пользуется здоровымъ воздухомъ, то съ другой стороны встрѣчается немаловажная непріятность: это миріады мошекъ и комаровъ, которые просто невыносимы. Первый годъ моихъ странствованій по Днѣпру, я жилъ въ части Нилополя, примыкающей къ Днѣпру и на опытѣ извѣдалъ, что значить нашествіе комаровъ въ комнату; пріѣзжему нѣтъ возможности заснуть ни на минуту и онъ подвергается безпрерывному ужаленію. Туземцы избавляются какъ отъ мошки, такъ и отъ комаровъ: отъ первой дѣлаются особеннаго рода маски изъ рыбачьей сѣти, напитанной дегтемъ, а отъ послѣднихъ шьются изъ парусины пологи, подъ которыми вы совершенно безопасны. Слова нѣтъ, что запахъ смолы не весьма ароматенъ, однако все же лучше обонять деготь, нежели чувствовать ежесекундное ужаленіе кровожадныхъ насѣкомыхъ, залѣпляющихъ вамъ глаза. Пологъ не представляетъ никакихъ непріятностей. Здѣсь даже, если случается какое нибудь гулянье, то веселятся только что не сквозь слезы, и я право не понимаю какое удовольствіе обрекать себя на добровольное мученіе, испытавъ хоть разъ подобныя partie de plaisir. Помню, однажды въ маѣ мѣсяцѣ, я былъ приглашенъ въ Никополѣ кататься на катерѣ въ обществѣ дамъ, а послѣ катанья пить чай на Орловомъ островѣ. Чудный теплый день обѣщалъ самую веселую прогулку. Отваливъ отъ берега, мы по случаю ранняго времени рѣ-

шились прежде погулять въ тѣни и послѣ чаю уже ѣхать вдоль живописныхъ береговъ. Первое, что поразило меня на островѣ— страшная сырость и мокрота плавни, гдѣ едва можно было выбрать маленькое мѣстечко для ковра, на которымъ усѣлось наше общество. Мигомъ распорядились поставить самоваръ, а между тѣмъ подали мороженное. Но, увы, надъ нами закружились цѣлыя тучи комаровъ, которые до послѣдней минуты нашего пребыванія никому не давали покоя. Дымъ сигаръ и папиросъ не помогалъ, зажгли наконецъ съ навѣтренной стороны костры, и не смотря, что дымъ ѣлъ глаза, комары кусали страшнымъ образомъ. Одно приличіе удерживало меня отъ энергическсхъ восклицаній, и я дивился странному способу угощенія: насѣкомыя вѣдь кусають не однихъ гостей, а достается и хозяевамъ. И какое же удовольствіе выпить чашку чаю въ дыму, на влажномъ болотѣ, гдѣ даже негдѣ прогуляться и еще при такомъ мучительномъ кровопусканіи. Странные бываютъ, какъ подумаешь, у людей вкусы! Даже пріятное катанье вечеромъ по дремлющей рѣкѣ, подъ громкія пѣсни прибрежныхъ соловьевъ, не въ состояніи были примирить меня съ мученьями, потому что послѣ укушенія у меня горѣло лицо и ужасно чесались руки. На другой еще день не сходили слѣды увеселительной прогулки.

Никополь имѣетъ довольно плавней, а именно 3947 десятинъ, въ которыхъ надѣляются государственнымъ крестьянамъ участки для вырубки лѣса и гдѣ послѣдніе могутъ пасти скотъ. Когда рѣка входитъ въ нормальное положеніе, тогда образуется множество потоковъ и ручьевъ, исчезающихъ въ общемъ разливѣ.

Въ Никополѣ живутъ также 90 душъ обоего пола менонистовъ, которые нанимаютъ землю для хлѣбопашества, а иные устроили крупчатки и приготовляютъ крупчатую муку, какъ для мѣстнаго потребленія, такъ и для продажи иногороднымъ. Легкими же ремеслами, за исключеніемъ кузнечнаго дѣла, занимаются преимущественно евреи, изъ которыхъ встрѣчаются довольно сносные портные, сапожники, есть серебреникъ, переплетчикъ, картузники, мѣдники и даже часовыхъ дѣлъ мастеръ. Съ 1845 года проживаютъ здѣсь нѣсколько раскольничьихъ семействъ, занимающихся разнощичьимъ промысломъ. Всѣ мои старанія узнать какой они принадлежатъ сектѣ или толку были безуспѣшны. Полиція не показала ихъ въ своихъ свѣдѣніяхъ, а увѣдомила только: что проживаютъ временно 12 душъ обоего пола *расколь-*

никовъ старообрядческой секты, но осѣдлости не имѣютъ». Раскольники эти однако же не старообрядцы, потому что не посѣщаютъ знаменской единовѣрческой церкви, а обряды ихъ покрыты мракомъ неизвѣстности. Въ с. Томаковкѣ живетъ ихъ тоже нѣсколько семействъ, и они съѣзжаются, какъ говоритъ народъ, для отправленія своего богослуженія, и какъ они поступаютъ при крещеніи и похоронахъ—узнать было невозможно. Я жилъ нѣкоторое время на одномъ дворѣ съ раскольниками, однако они весьма скрытны и избѣгаютъ разговоровъ о религіи. На южной оконечности надъ обрывистымъ берегомъ лежитъ обширное никопольское кладбище, на которомъ въ недавнее время поставлена каменная церковь усердіемъ купца Бейцура, извѣстнаго еще и по трагической смерти его сыновей. Молодые люди эти утонули на Днѣпрѣ во время бури. На большомъ кладбищѣ любопытный можетъ найдти нѣсколько старинныхъ каменныхъ крестовъ—это могилы Запорожцевъ, поселившихся впослѣдствіи въ Никополѣ. Встрѣчаются также гробы черноморскихъ козаковъ. Носится преданіе, что многіе черноморцы уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія посѣщали Сѣчь и вообще всѣ мѣста прежней своей палестины и по извѣстнымъ примѣтамъ отыскивали клады, зарытые Запорожцами, и будто бы изъ числа этихъ нѣкоторые умерли и похоронены въ Никополѣ. Кладбище это, какъ и всѣ у насъ провинціальныя кладбища, поросло дикими сорными травами, и нѣтъ ни одной могилы, возлѣ которой замѣтна была бы забота оставшихся о дорогомъ покойникѣ. Конечно прахъ не нуждается ни въ чьей заботливости, но какъ то отрадно видѣть могилу, обсаженную цвѣтами, убранную зеленымъ дерномъ. Это попеченіе о несуществующемъ наполняетъ душу какимъ-то теплымъ чувствомъ и говоритъ сердцу сильнѣе нежели дорогой помятникъ, поставленный и позабытый тщеславіемъ. У насъ какъ-то это неводится, въ особенности въ глуши провинціи. На Ѳоминой недѣлѣ по малорусскому обычаю люди собираются на могилы родичей, но послѣ этого посѣщенія на измятой травѣ остаются лишь непріятные слѣды брошенныхъ остатковъ пищи, потому что народъ нашъ считаетъ обязанностью въ этотъ день наѣсться, напиться до нельзя, а пожалуй и подраться тутъ же на могилахъ.

ГЛАВА VII.

Неплюева. Курганъ. Древняя Сѣчь. Капуловка. Могила Сѣрка. Покровское. Послѣдняя Сѣчь. Остатки. Свѣдѣнія о богатствѣ Запорожской церкви. Бытъ жителей. Прогулка съ рыбакомъ. Ужинъ. Крѣпостное право.

За Никополемъ тутъ же почти начинается деревня г. Зейфорта, Сулицко-лиманскъ, по простонародному Неплюева, не представляющая ничего замѣчательнаго для этнографа. Но на землѣ, принадлежащей этой деревнѣ, верстахъ въ десяти надъ Чертомлыкомъ есть заманчивый предметъ для археолога — именно громадный курганъ, виднѣющійся на далекомъ растояніи. Не знаю, обратилъ ли онъ на себя вниманіе какого нибудь ученаго, а по величинѣ нѣтъ ему равнаго на мѣстностяхъ, которыя удалось мнѣ посѣтить во время моего путешествія. На немъ стоитъ грубое каменное изваяніе, о которомъ разсказываютъ любопытное происшествіе. Будто бы, кажется, прежнему еще владѣльцу или его управляющему вздумалось снять эту статую и будто бы нѣсколько паръ воловъ не могли стащить каменной бабы съ кургана, и лишь послѣ страшныхъ усилій удалось привести ее къ повиновенію. Видя это обстоятельство, помѣщикъ или управляющій, приказалъ снова поставить бабу на свое мѣсто и будто бы взнесть ее было гораздо легче, нежели стаскивать съ кургана. Я не былъ очевидцемъ, а передаю событіе какъ разсказывали мнѣ о немъ на Чертомлыкѣ и въ Никополѣ. Подлѣ Неплюевой образовался значительный лиманъ, окруженный большими плавнями, потянувшимися далеко къ Днѣпру, идущему ближе къ таврическому берегу.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Неплюевой лежитъ небольшая деревня Капуловка, теперь совершенно незамѣчательная, но въ

которой находилась древнѣйшая или, покрайней мѣрѣ, вторая Сѣчь Запорожская, разоренная по повелѣнію Петра I, въ 1709 г.— вторая, если допустить, что первая была на Хортицѣ. Остатки этой Сѣчи приложены на планѣ къ сочиненію г. Скальковскаго; но въ настоящее время самый островокъ гораздо меньше и въ половодье — чуть. замѣтна верхушка его. Островокъ этотъ лежитъ при сліяніи Чертомлыка съ Павлюкомъ, и первая рѣчка, протекавшая еще въ двадцатыхъ годахъ небольшимъ ручьемъ, теперь образовала широкую и глубокую рѣку, которая ежегодно размываетъ утесистый островокъ и удаляетъ его отъ капуловскаго берега. Посѣщалъ я остатки жилища козаковъ, разореннаго до основанія русскими войсками при содѣйствіи малорусскаго полковника Галагана, и не нашелъ уже и тѣхъ примѣтъ, какія удалось видѣть г. Скальковскому. Яма еще замѣтна, гдѣ, по догадкамъ автора, должна была стоять церковь; но дѣйствительно ли такъ было, удостовѣриться нѣтъ возможности. А мѣсто нельзя избрать лучше для воинственной общины. Только, судя по всему и принявъ во вниманіе пространство острова въ первоначальномъ его видѣ, — нельзя предположить, чтобы тамъ помѣщалась вся община, а вѣротно находилась церковь, курени войсковой старшины, школа, пушкарня и другія войсковыя строенія. Это доказывается тѣмъ, что на капуловскомъ берегу замѣтны слѣды валовъ и осталось еще нѣсколько могилъ, пощаженныхъ войсками, временемъ и до сихъ поръ еще не разоренныхъ мѣстными жителями. Послѣднюю фразу мнѣ, какъ истому малоруссу, было писать довольно грустно; но страннѣе она покажется тому, кто прочелъ у г. Скальковскаго поэтичеткое описаніе Сѣчи, гдѣ почтенный авторъ говоритъ, что окрестные жители съ какимъ то благоговѣніемъ смотрятъ на остатки козачьей старины. Это было написано по поводу могилы кошеваго атамана Сѣрка, о которомъ я тоже скажу въ свою очередь. Иванъ Сѣрко, этотъ запорожскій баярдъ, извѣстенъ каждому, кто хоть сколько нибудь знакомъ съ книгами, именующимися исторіей Малороссіи,—какъ по его битвамъ съ татарами, такъ и по нѣкоторымъ оригинальнымъ письмамъ, пересыпаннымъ козачьей солью и ироніей. Атаманъ этотъ пользовался заслуженной славой и похороненъ въ Капуловкѣ съ большимъ почетомъ. Могила его вдвое болѣе прочихъ запорожскихъ могилъ, превосходящихъ впрочемъ обыкновенныя могильныя насыпи, и на ней

поставленъ плоскій камень съ надписью, уже изглаживающейся, но сохраненной при «Исторіи новой Сѣчи». Надъ этимъ камнемъ стоялъ небольшой крестъ, что даже и замѣтно, но куда онъ дѣвался—неизвѣстно.

Живо помню какъ свѣтлымъ осеннимъ днемъ 1856 г. подъѣзжалъ я къ Капуловкѣ и хотя у меня тогда уже разсѣялись поэтическія фантазіи, которыми нравилось когда то украшать родную исторію, однако я приближался къ древней Сѣчи не совсѣмъ равнодушно: часа два передъ тѣмъ я еще разъ пробѣжалъ нѣсколько страницъ г. Скальковскаго. Въѣхавъ въ Капуловку, я выскочилъ изъ тарантаса и почти побѣжалъ на древнее кладбище..... Большія могилы въ безпорядкѣ разбросаны подъ плетнями и на трехъ только вросли глубоко въ землю согнутые каменные кресты. По этимъ могиламъ бродили разныя животныя....

—На всѣхъ были кресты еще недавно, замѣтилъ мнѣ провожатый,—да мужики растащили.

—Веди меня къ могилѣ Сѣрка, сказалъ я, считая слова проводника ничего незначущею фразою, и спѣша поскорѣе увидѣть гробницу знаменитаго кошеваго.

Проводникъ мой подошелъ къ воротамъ одного двора, отворилъ ихъ и пригласилъ меня войти.

—Какъ, развѣ Сѣрко лежитъ во дворѣ?

—Нѣтъ, онъ въ огородѣ у этого крестьянина.

Прохожу другія ворота, иду въ огородъ, поворачиваю за уголъ, и грустное негодованіе овладѣваетъ мною.... Огромный курганъ вспаханъ, хотя для этого, какъ извѣстно, нужно большихъ усилій, и надгробный памятникъ вождя запорожцевъ печально торчитъ между жидкою стернею сжатаго ячменя. Вотъ и благоговѣніе, которое существовало еще во время г. Скальковскаго. Кромѣ того, что высокій курганъ необыкновенно трудно пахать, но на подобномъ мѣстѣ и жатва бываетъ неудачна, потому что всходы высыхаютъ. Тѣмъ не менѣе хозяинъ такъ жаденъ и такъ мало цѣнитъ историческій памятникъ, что не жалѣетъ ни своихъ воловъ, вспахивая крутые скаты, ни сѣмянъ, которыя не приносятъ и полъ-на-полъ. Можетъ быть вы спросите, какъ же подобный историческій памятникъ можетъ находиться въ огородѣ у крестьянина? Очень просто. Имѣніе это принадлежитъ барону Штиглицу, который всего одинъ разъ

пріѣзжалъ сюда изъ Петербурга, а слѣдовательно и не знаетъ этого обстоятельства. Управляющіе нѣмцы, хотя и прекрасные люди, однако для нихъ совершенно все равно—роютъ ли запорожскую могилу свиньи или раскапываетъ крестьянинъ; они занимаются только содержаніемъ въ порядкѣ имѣнія, остатки же старины для нихъ дѣло не стоющее ни какого вниманія. Если бы это лежалъ какой нибудь нѣмецкій рыцарь или покрайней мѣрѣ человѣкъ, носившій нѣмецкую фамилію, а то Запорожецъ. Стоитъ ли безпокоиться о подобныхъ пустякахъ! Признаюсь, я упалъ съ облака, припомнивъ, что во времена г. Скальковскаго «поселяне приписывали могилѣ Сѣрка что-то сверхъ-естественное».

Заговорилъ я по этому случаю съ хозяиномъ огорода и, конечно не увлекаясь историческими воспоминаніями, началъ стыдить его, что онъ не уважаетъ прахъ собрата, что могильная насыпь христіанина не должна служить огородомъ. Мужикъ смѣшался и отговаривался тѣмъ, что лишь нѣсколько лѣтъ пашетъ онъ могилу Сѣрка и что даже не получаетъ отъ этого никакой пользы, ибо посѣянное выгараетъ на солнцѣ. Однако же бока кургана значительно понижены, и не знаю какъ еще уцѣлѣлъ надгробный памятникъ, который можетъ пригодиться на что нибудь въ хозяйствѣ. Я взялъ обѣщаніе съ крестьянина не пахать болѣе гробницы кошеваго и пустился на дальнѣйшіе поиски. Послѣ я просилъ управляющаго и главноуправляющаго, если можно, огородить могилу Сѣрка, какъ любопытный памятникъ, хоть простой загородкой изъ лозы, которой въ имѣніи вырубается ежегодно огромное количество сажень; или, если это тяжело для экономіи, то покрайней мѣрѣ запретить разореніе могильной насыпи. Мнѣ было обѣщано содѣйствіе въ этомъ случаѣ. Проѣзжая теперь въ послѣдній разъ по этому прибрежью Днѣпра, я нарочно заворотилъ въ Капуловку взглянуть на дѣйсвіе моего ходатайства: могила Сѣрка по прежнему въ огородѣ у крестьянина, не обнсена и простенькимъ тыномъ, но борозды плуга лежатъ уже гораздо ниже, такъ что распахивается лишь одна подошва кургана. И за это спасибо.

Но какія мѣста возлѣ Капуловки! Здѣсь впрочемъ необходимо замѣтить, что деревня эта, въ экономической конторѣ, а значитъ и вездѣ, по бумагамъ называется *Копыловкой*. Меня это заняло, и я спросилъ о причинѣ такой нелѣпой перемѣны историческаго названія. Одинъ глубокомысленный господинъ замѣтилъ, мнѣ что

Копыловка лучше, ибо здѣсь можно произвести названіе отъ слова Копылъ (*), тогда какъ въ Капуловкѣ нельзя добраться смысла.

—Развѣ это мужичье умѣютъ назвать что нибудь порядочно! прибавилъ глубокомысленный господинъ съ улыбкою.

Не смотря однако же на это, въ народѣ сохраняется это названіе и въ далекой окрестности.

Надо отдать справедливость Запорожцамъ, что всѣ ихъ городища лежатъ на превосходномъ мѣстоположеніи, и хотя они, конечно, имѣли болѣе въ виду удобство, чѣмъ красоту, однако Сѣчи ихъ необыкновенно живописны. Размытый островокъ съ сѣвера и юга окруженъ тѣнистымъ, высокимъ лѣсомъ, по которому текутъ свѣтлые и глубокіе протоки, образовавшіе въ свое время лабиринтъ путей сообщенія, извѣстный лишь опытнымъ запорожцамъ. Глубокій Павлюкъ, принявъ съ правой стороны Чертомлыкъ, а съ лѣвой рѣчку Скарбную, ниже Капуловки принимаетъ названье Подпольной (или Подпільні, по мѣстному), которая, извиваясь подъ крутымъ берегомъ къ югу, образуетъ большой мысъ, служившій потомъ мѣстомъ послѣдней Сѣчи Запорожской, по возвращеніи общины изъ подъ власти султана турецкаго. Не знаю и удивляюсь, какъ почтенному автору «Исторіи новой Сѣчи» посчастливилось замѣтить благоговѣніе окрестныхъ жителей къ историческимъ остаткамъ. Здѣшнія земли населились выходцами изъ разныхъ мѣстъ, принесшими другіе интересы и другія воспоминанія. Вообще крестьянинъ нашъ не знаетъ исторіи самой близкой. Объ атакованьи Сѣчи будутъ вамъ разсказывать многіе, но пѣсня объ этомъ, покрайней мѣрѣ въ настоящее время, неизвѣстна никому изъ обитателей въ обѣихъ Сѣчахъ Запорожскихъ. Можетъ быть, впрочемъ, когда г. Скальковскій писалъ свою исторію, еще жили старики, знавшіе кое что, хотя пѣсня объ атакованьи сѣчи, какъ она записана, не можетъ, по своему складу, принадлежать чисто малоруссу.

Ниже Капуловки, верстахъ въ трехъ или въ четырехъ, лежитъ селеніе Покровское, раскинутое на обширномъ мысѣ, о которомъ я говорилъ уже, на мѣстѣ послѣдняго коша Запорожскаго, разореннаго въ 1775 г. генераломъ Текелли, по волѣ Императрицы Екатерины II. Возвратясь изъ Алешекъ, Запорожцы не захотѣли уже селиться въ Капуловкѣ, а предпочли новое, хорошо имъ знакомое мѣсто. Г. Скальковскій приложилъ планъ бывшей

(*) Сапожная колодка.

Сѣчи, по которому теперь уже съ трудомъ можно признать старинные козачьи окопы. Самое кладбище почти не существуетъ, ибо торчитъ одинъ лишь крестъ, да и тотъ свалится очень скоро, потому что нѣтъ ограды; а при г. Скальковскомъ много еще было ихъ на площади. Слѣды куреней едва уже замѣтны для глаза, а если что и сохранилось, такъ это ретраншаментъ, въ которомъ стоялъ русскій гарнизонъ, наблюдавшій за поведеніемъ Запорожцевъ. Сѣчевой церкви нѣтъ, и на мѣстѣ ея сложена пирамидка изъ камней, увѣнчанная крестикомъ, а тутъ же вблизи выстроена другая церковь, до половины каменная, а далѣе деревянная. Древній иконостасъ брошенъ на хорахъ, а нынѣшній довольно бѣденъ; въ притворахъ впрочемъ есть нѣсколько образовъ, оставшихся отъ козаковъ. Можно видѣть также весьма любопытную небольшую икону, изображавшую Покровъ пресвятыя Богородицы, какъ покровительницы Сѣчеваго товариства. Въ числѣ молящихся нарисованы запорожцы въ своихъ праздничныхъ костюмахъ; только жаль, что стерты слова молитвъ, выходившихъ изъ устъ козаковъ. Не знаю, увидитъ ли еще кто нибудь эту икону, потому что кое-кто находилъ неприличнымъ подобное изображеніе. У стѣнъ противоположныхъ алтарю сохранились еще и до сихъ поръ формы, въ которыхъ становилась въ время служенія войсковая старшина, но формы эти разрушаются и отваливается на нихъ рѣзьба. Въ ризницѣ весьма немного уцѣлѣло старинной утвари—печальные остатки того богатства, равнаго которому не было въ краю, ибо козаки заботились объ украшеніи своего храма. Антиминсъ сохранился очень хорошо. Малость же утвари, оставшаяся до нынѣ въ Покровскомъ, описана г. Скальковскимъ. Каково было богатство сѣчевой запорожской церкви можно видѣть изъ вѣдомости, приводимой преосвященнымъ Гавріиломъ въ Запискахъ Одесскаго Общества исторіи и древностей. Полагая, что изданіе это извѣстно немногимъ, я заимствую это примѣчаніе (*). И все это

(*) *Описаніе церковной утвари въ Сѣчевой Покровской церкви.* Евангелія: большое, серебромъ во всю доску окованное, вызолоченное, съ выкладкою финифтяною, съ разными каменьями простыми, на александрійской бумагѣ, въ большой листъ, и серебра на немъ высокой работы цѣлый пудъ.

Такое же большое, серебромъ окованное, вызолоченное во всю доску и съ каменьями на нѣкоторыхъ мѣстахъ. Серебра на немъ одинъ пудъ и два фунта.

Поменьше предыдущихъ, серебромъ окованное, вызолоченное во всю доску, и

разошлось частью по церквамъ, частью осталось при Потемкинѣ, а частью разграблено войсками при атакованьи Сѣчи. Историкъ Запорожья глухо упоминаетъ объ этомъ, но преданіе говоритъ утвердительно, приписывая подвигъ этотъ донскимъ козакамъ.

Въ деревнѣ есть нѣсколько сволоковъ съ надписями, и вотъ и всѣ памятники единственной въ Россіи военной общины, пережившей разныя фазы, подвизавшейся за православіе, впадавшей въ проступки, въ особенности тогда, когда она отжила свою

съ обѣихъ сторонъ обсыпано каменьями и финифтями; серебра на немъ 30 фунтовъ.

Такой же величины, оковано серебромъ во всю доску и вызолочено съ черныо; серебра на немъ 30 фунтовъ. Два въ оправѣ краснаго бархата, въ коихъ серебра по 20 фунтовъ. Такое же въ красномъ бархатѣ оковано серебромъ, съ позолотою по мѣстамъ и надписью: «Филиппа, Маріи и Родіона». Такое же въ зеленомъ бархатѣ, оковано серебромъ съ позолотою. Такое же въ синемъ бархатѣ: оковано серебромъ съ позолотою. Такое же въ синемъ бархатѣ. Подобное сему въ зеленомъ бархатѣ, поменьше другихъ, на простомъ листѣ, оковано серебромъ. И того всѣхъ евангелій одинадцать.

Кресты и таблицы.

Большой напрестольный, серебрянный съ позолотою, въ коемъ серебра до 24 фунтовъ. Другой поменьше, въ коемъ показано серебра 9 фунтовъ, а на позолоту употреблено 9 червонцевъ; у креста сего на подножіи и надпись вырѣзана. Такой же точно серебряный, съ позолотою; въ немъ серебра 9 фунтовъ. Такой же съ ручкою и подножіемъ серебрянымъ, серебра въ немъ $2^3/_4$ фунта. Серебрянный весь, безъ дерева внутри, съ позолотою, на немъ литое Распятіе съ подножіемъ; серебра тутъ 2 фунта. Серебрянныхъ еще два съ позолотою, длиною по двѣ четверти; въ обоихъ серебра $4^1/_2$ фунта. Серебрянный безъ позолоты, длиною въ полторы четверти: серебра въ немъ $1^1/_2$ фунта. Такой же серебрянный на подножіи, по мѣстамъ вызолоченъ, вѣсу въ немъ два фунта. Два креста серебрянные, вызолоченные, изъ коихъ на одномъ литое Распятіе въ полномъ видѣ, а на другомъ чеканенное, длиною по полуторы четверти; вѣсу въ нихъ четыре фунта. Крестъ серебрянный вызолоченный, съ подножіемъ, съ рѣзьбою на кипарисѣ, длиною въ полторы четверти; въ немъ вѣсу $1^1/_4$ фунтъ. Три креста деревянныхъ, рѣзной работы, оправлены серебромъ и по мѣстамъ вызолочены; вѣсу въ нихъ три фунта. Два креста ручные, старинные, серебряные съ позолотою, длиною по одной четверти съ вершкомъ; въ нихъ вѣсу одинъ фунтъ. Крестъ на деревѣ рѣзной работы, оправленный серебромъ, безъ позолоты; въ немъ вѣсу одинъ фунтъ и двѣнадцать золотниковъ. Три креста рѣзной, деревянной работы, оправленные серебромъ, въ коихъ вѣсу одинъ фунтъ и двадцать четыре золотника. Четыре креста ручныхъ маленькихъ, деревянной рѣзной работы, въ коихъ вѣсу 83 золотника. Два креста ручные деревянные, въ нихъ вѣсу пятьдесятъ семь золотниковъ. Крестъ серебрянный чеканной работы, съ подножіемъ, длиною полъаршина; въ немъ вѣсу одинъ фунтъ тридцать пять золотниковъ. Крестъ серебрянный ручной, длиною въ одну четверть и полтора вершка; въ немъ сорокъ три золотника.

пору и казалась уже аномаліей въ государствѣ, начинавшемъ принимать гражданскій порядокъ и благоустройство. Теперь, когда уже протекло болѣе трехъ четвертей столѣтія со времени уничтоженія Сѣчи, когда утвердительно можно сказать, что нѣтъ въ живыхъ ни одного изъ сѣчевыхъ *рыцарей*, развѣ гдѣ нибудь невѣдомо доживаетъ долгій вѣкъ столѣтній запорожецъ, и когда наконецъ Россія стала на значительную ступень образованія, можно бы разсказывать прямо, безъ перифразъ, всѣ любопытные

Крестъ деревянный, рѣзной работы, въ оправѣ серебряной: въ немъ вѣсу пятьдесять золотниковъ. Три креста маленькихъ, деревянной рѣзной работы, оправленные серебромъ: въ нихъ вѣсу двадцать два золотника. Крестъ деревянный, въ доскѣ серебряной, рѣзной работы, вѣсу въ доскѣ $9^1/_2$ фунтовъ. Таблица серебряная съ позолотою, на одной сторонѣ Покровъ Богоматери, а на другой Воскресеніе Христово. Въ ней вѣсу $2^1/_4$ фунта.

Золото и серебро.

Золота кусочекъ, въ немъ вѣсу полтора червонца. Серебра девять кусковъ. Въ нихъ вѣсу 25 фунтовъ. Серебра лому 20 фунтовъ. И того крестовъ съ остатками золота и серебра 36 нумеровъ

Лампады.

Семь серебряныхъ висячихъ, гладкой работы, вокругъ вызолочены, въ нихъ вѣсу двадцать шесть фунтовъ и двадцать лотовъ. Серебряныхъ висячихъ, чеканной работы, безъ позолоты, восемнадцать; въ нихъ вѣсу $38^1/_2$ фунтовъ. Серебряныхъ въ видѣ ангеловъ четыре, изъ коихъ три съ позолотою, въ нихъ вѣсу 26 фунтовъ и 20 лотовъ. *Серебряное большое паникадило въ косую сажень*, въ немъ три ряда, изъ коихъ на каждомъ по 20 подсвѣчниковъ (вѣсу непоказано). Серебряныхъ три паникадила, въ притворахъ, въ каждомъ подсвѣчники въ три ряда. Всѣхъ лампадъ и паникадилъ тридцать три.

Потиры, дискосы и прочія къ тому принадлежности.

Большой серебряный, съ позолотою, чеканной работы; въ немъ вѣсу девять фунтовъ. Меньшій серебряный, съ позолотою, болгарской работы; вѣсу $3^1/_2$ фунта. Серебряный съ позолотою, три фунта. Серебряный съ позолотою и съ финифтяными штучками, вѣсу три фунта Серебряный съ позолотою, вѣсу три фунта. Копій два серебряныхъ; вѣсу въ нихъ тридцать золотниковъ. Лжицъ серебряныхъ меньшихъ, безъ позолоты, шесть; въ нихъ вѣсу 35 золотниковъ. Лжицъ серебряныхъ съ позолотою, четыре; вѣсу сорокъ золотниковъ. Дискосовъ серебряныхъ вызолоченныхъ съ подножіемъ шесть; вѣсу 5 фунтовъ. Меньшихъ серебряныхъ, также съ позолотою, безъ подножій (несказано сколько). Звѣздъ вызолоченыхъ двѣ, изъ коихъ одна съ финифтью; вѣсу въ нихъ одинъ фунтъ. Звѣздъ серебряныхъ безъ позолоты четыре; въ нихъ вѣсу сорокъ четыре золотника. Всѣхъ такого рода вещей двадцать девять.

*

факты, касающіеся Запорожья. Часто козаки бывали не правы, но все же не слѣдуетъ ихъ называть безусловно разбойниками, отказывать имъ въ заслугахъ и считать эту общину нестоющею вниманія. Запорожье ждетъ своего историка, потому что г. Скальковскій въ своемъ сочиненіи собралъ только матеріалы, да и значительная часть козачьяго архива находится неразобранная, какъ я самъ видѣлъ, у г. Скальковскаго. По моему мнѣнію, за это надобно взяться человѣку, основательно знающему не толь-

---

Чаши.

Чашъ небольшихъ серебряныхъ съ позолотою, чеканной работы, двѣ; въ нихъ вѣсу $2\frac{1}{2}$ фунта. Чашъ маленькихъ четыре, серебряныхъ съ позолотою двѣ, вѣсу полтора фунта. Чаша серебряная, внутри также вызолоченная, небольшая, вѣсу 2 фунта. Всѣхъ чашъ восемь.

Гробницы.

Гробница большая серебряная съ позолотою; вѣсу въ ней шестнадцать фунтовъ. Гробница малая серебряная, вызолоченная; вѣсу три фунта. Гробница походная, съ частью Животворящаго древа, серебряная вызолоченная, съ маленькою лжицею; вѣсу 70 золотниковъ. Вторая подобная ей, вызолоченная,вѣсу въ ней 80 золотниковъ. Итого такихъ вещей четыре.

Вещи разнородныя.

Блюдо всенощное, серебряное безъ, позолоты; вѣсу въ немъ пять фунтовъ. Чашекъ съ крышками, принадлежащихъ къ сему блюду, пять; въ нихъ вѣсу $1\frac{1}{4}$ фунта. Кубковъ серебряныхъ малыхъ и великихъ шесть, изъ коихъ одинъ вызолоченъ; вѣсу одинъ фунтъ, 53 золотника. Чарокъ серебряныхъ малыхъ семь, въ томъ числѣ одна вызолочена; вѣсу 4 золотника. Сіяльниковъ два, серебряные, первый въ двѣ свѣчи, а другой въ три; вѣсу въ нихъ три фунта. Подсвѣчниковъ напрестольныхъ серебряныхъ два; въ нихъ вѣсу $2\frac{1}{2}$ фунта. Кумановъ, т. е. стакановъ серебряныхъ, два; въ нихъ вѣсу четыре фунта. Крышка на чашу, для зимняго времени, серебряная; въ ней вѣсу 57 золотниковъ. Кадильницъ серебряныхъ безъ позолоты шесть; въ нихъ вѣсу 8 фунтовъ. Кружка серебряная съ позолотой чеканной работы, со вставленными иностранными монетами; въ ней вѣсу $1\frac{1}{4}$ фунтъ. Звѣздъ серебряныхъ съ ручками четыре, изъ коихъ двѣ по мѣстамъ вызолочены; вѣсу четыре фунта 21 золотникъ. Серебряныхъ бляшекъ, съ изображеніемъ разныхъ святыхъ, шестьдесятъ одна; въ нихъ вѣсу семь фунтовъ и двадцать девять лотовъ. Двѣ маленькія иконы Пресвятыя Богородицы, съ серебряными чеканными шатами безъ позолоты, изъ коихъ одна четыреугольная, а другая продолговатая; вѣсу нѣтъ. Подсвѣчникъ серебряный чеканной работы, длиною въ одинъ аршинъ и три четверти; вѣсу въ немъ 15 фунтовъ и 12 лотовъ. Подсвѣчниковъ напрестольныхъ серебряныхъ, чеканной работы, безъ позолоты, длиною въ одинъ аршинъ, а въ нихъ вѣсу одиннадцать фунтовъ и два лота. Челейлъ серебряныхъ рѣзныхъ, вызолоченныхъ и невызолоченныхъ, съ камешками, тридцать шесть: вѣсу въ нихъ четыре фунта девятнадцать золотниковъ. Тарелка серебряная гладная; въ ней вѣсу 29 лотовъ и золотникъ. Коронъ малыхъ, придѣланныхъ къ иконамъ, и великихъ

ко исторію края, но глубо изучившему бытъ и языкъ народа, и совершенно отрѣшившемуся отъ всѣхъ мелочныхъ и племенныхъ столкновеній. Мнѣ кажется, что отъ пера г. Костомарова можно бы ожидать прекрасной исторіи Запорожья, если бы авторъ посвятилъ нѣкоторое время на изученіе любопытныхъ мѣстностей и остатковъ старины въ бывшей палестинѣ степныхъ рыцарей. Я рекомендовалъ бы ему одну ходячую лѣтопись. Недалеко

вызолоченныхъ и невызолоченныхъ шестьдесятъ девять; вѣсу нѣтъ. Всѣхъ такихъ вещей двѣсти десять.

Серебряные и золотые оклады на иконахъ.

Шата Спасителева большая, съ вызолоченною короною, хорошей работы, украшена разными дорогими каменьями. Шата на образѣ Богоматери, съ большою вызолоченною короною; украшена дорогими каменьями. Шата большая на Покровѣ Богоматери. Шата большая на образѣ Николая Чудотворца, съ вызолоченною короною. Шата большая, на соединеніе иконостаса, называемая «Архіерей». Шата большая, съ короною, на образѣ Спасителевѣ, въ притворѣ. Шата большая на образѣ Богоматери, съ короною, въ притворѣ же. Шата на Нерукотворенномъ образѣ, надъ царскими вратами. Шатъ средней руки на разныхъ образахъ восемь. Всѣхъ такихъ шатъ шестнадцать.

Царскія двери и другіе разнородные дорогіе предметы.

Царскія двери *совсѣмъ слитыя изъ серебра и вызолоченныя, длиною косой сажени.* Медалей золотыхъ, большихъ, жалованныхъ за заслуги бывшимъ запорожскимъ старшинамъ отъ Двора Государева, четыре; одна маленькая медаль золотая съ портретомъ Государыни Императрицы на одной сторонѣ, а на другой изображеніе коронаціи. Червонцевъ на провѣсахъ большихъ десять, меньшихъ двойныхъ сто сорокъ два. Медаль большая серебряная въ позолоченной оправѣ, жалованная при коронаціи. И того всѣхъ вещей подъ симъ разрядомъ пятьсотъ сорокъ три.

Жемчугъ.

Жемчугу мелкаго на иконѣ мѣстной Богоматери тридцать нитокъ, крупнаго съ коронками шесть. Всего такимъ образомъ жемчугу тридцать семь нитокъ. Особаго примѣчанія, кромѣ царскихъ вратъ, заслуживаетъ налоецъ орѣховый, черепашками и перловыми репейками оправленный, отъ іерусалимскаго патріарха, въ сѣчу Запорожскую, присланный. И того всѣхъ вещей знатныхъ и незнатныхъ пятьсотъ сорокъ три

Извлеченіе сіе почерпнуто изъ общей описи всей церковной утвари. Въ оное не вошли ризы, ни стихари, ни книги. Ибо между книгами рѣдкихъ не находилось; а ризы и стихари, хотя драгоцѣнные также были, но отъ употребленія, небрежнаго можетъ быть, въ одной и той же добротѣ они не остались. Достаточно сказать, что ризъ различныхъ, больше парчевыхъ и бархатныхъ, въ селѣ Покровскомъ было до ста. Стихарей съ орарями, подризниками, поясами и поручами болѣе трехъ сотъ, къ коимъ если прибавить число вещей выше показанныхъ, то произойдетъ общая сумма восемь сотъ сорокъ три». (Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Т. III стр. 104—108).

отъ Покровскаго за Базавлукомъ, вблизи села Шолохова живетъ помѣщикъ А. И. Стѣна, сынъ извѣстнаго Запорожца, обладающій огромнымъ запасомъ разсказовъ и могущій служить значительною помощью при собираніи матеріаловъ. Почтенный старикъ, не смотря на оригинальность, хранитъ большой запасъ свѣдѣній и гораздо живѣе передаетъ бытъ Запорожья, чѣмъ такъ называемые любители старины, которые искусно отдѣлываются общими мѣстами, умѣютъ кстати щегольнуть почерпнутымъ гдѣ нибудь свѣдѣньицемъ и приобрѣли навыкъ казаться скрытными т. е. какъ будто бы они знаютъ много, но имѣютъ причины таиться со своими матеріялами. Видѣлъ я и такихъ господъ и внутренно смѣялся надъ ихъ продѣлками.

Пребываніе въ Покровскомъ оставляло во мнѣ всегда сначала какое то грустное впечатлѣніе, изглаживавшееся потомъ подъ вліяніемъ другаго. Печальныя развалины, отъ которыхъ едва остаются слѣды, могилы усопшихъ граждан̂ъ Сѣчи, попираемыя равнодушно, и это всеобщее невниманіе къ славной старинѣ—наводили на меня тоскливое расположеніе духа, но вскорѣ пробуждался во мнѣ современный человѣкъ, и видя вокругъ довольство, мирную жизнь и тихое счастье селянина, я примирялся съ настоящимъ. Да и можно ли требовать отъ жителей Покровска, чтобы они сберегали бѣдные памятники козачества, когда у насъ и болѣе образованное сословіе не заботится объ этомъ. Наконецъ развѣ же покровскіе жители потомки Запорожцевъ? Все это народъ, переселившійся Богъ знаетъ откуда и если ихъ дѣды смотрѣли, можетъ быть, иными глазами на своихъ предшественниковъ, то внукамъ нельзя поставить въ вину этого естественнаго равнодушія въ поселянинѣ. За то же въ Покровскомъ и Капуловкѣ, какъ и вообще во всѣхъ имѣніяхъ барона Штиглица, привольное житье для крестьянина, такъ что я не знаю согрѣшу ли, сказавъ, что подобнаго благоденствія нѣтъ ни у одного помѣщика на всемъ правомъ берегу Днѣпра. У Н. В. Синельникова на порогахъ, какъ я и писалъ уже, люди живутъ прекрасно и управляются разумно и добросовѣстно, однако же у барона имъ еще болѣе предоставлено средствъ къ довольной жизни. Рабочіе дни здѣсь разсчитаны необременительно и соблюдается самый строгій порядокъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ крестьянинъ получаетъ облегченіе уже тѣмъ, что чрезъ двѣ недѣли на третью выходитъ для исполненія ка-

кой нибудь легкой обязанности. Молодые люди обоего пола не требуются на барщину ранѣе 17 лѣтъ, такъ что вы рѣдко увидите дѣвушекъ на господской работѣ, потому что въ деревняхъ онѣ рано выходятъ замужъ.

Въ послѣдній проѣздъ мой чрезъ Покровское, возвратясь изъ прогулки по Капуловкѣ, куда ѣздилъ я побродить, можетъ быть, въ послѣдній разъ по историческому кладбищу и прокатиться въ лодкѣ по живописнымъ протокамъ, я присѣлъ на завалинкѣ своей квартиры. Хозяинъ мой, человѣкъ зажиточный, обстроилъ свой дворъ очень хорошо, и я любовался чистотою возлѣ этого простаго жилища и порядкомъ, господствовавшимъ во всѣхъ земледѣльческихъ принадлежностяхъ. Весенній вечеръ, дышавшій теплотою, кажется, первый еще въ этомъ году, что можно было назвать весеннимъ, вызвалъ все народонаселеніе на улицу, и вкругъ меня въ разныхъ мѣстахъ раздавались то громкій разговоръ стариковъ, то веселый смѣхъ молодежи, то пѣсни дѣвочекъ, распѣвавшихъ веснянки — особый родъ малорусскихъ пѣсенъ, въ которыхъ заключается привѣтъ лучшему годовому времени. Запахъ свѣже-распустившихся листьевъ и нѣсколькихъ цвѣтущихъ деревьевъ, подъ безоблачнымъ южнымъ небомъ, въ особенности послѣ поэтической прогулки въ Капуловкѣ, невольно навѣвали на душу безъимянныя грезы, съ которыми какъ то легко живется на бѣломъ свѣтѣ и еще легче уноситься въ давно-минувшее. Передо мною мало по малу начали выходить изъ забвенья толпы усатыхъ суровыхъ Запорожцевъ и строились густыми рядами около церкви, которая была отъ меня всего шагахъ въ пятидесяти.... Нѣсколько минутъ я словно всматривался въ загорѣлыя воинственныя лица этой исчезнувшей дружины. Но вотъ сторожъ на колокольнѣ ударилъ въ колоколъ, и я очнулся къ дѣйствительности. Сигара моя потухла. Говоръ сдѣлался тише, умолкли пѣсни, а въ нѣсколькихъ шагахъ, въ цвѣтущемъ садикѣ, выходящемъ на уступъ (нѣкогда глубокій заливъ), раздавался тихій не сдерживаемый плачъ, не тотъ отрывистый, вырывающійся изъ сердца въ минуту боли или внезапнаго огорченія, а необыкновенно плавный и мѣрный, которымъ малорусскія женщины выливаютъ свою *тугу*. Плакать такимъ образомъ называется *тужить*, и бываютъ минуты, когда плачъ этотъ словно пробирается по всѣмъ закоулкамъ вашего сердца. Машинально я всталъ съ завалинки

и подошелъ къ плетню. Подъ цвѣтущею грушею сидѣли двѣ молодыя дѣвушки, изъ которыхъ я въ одной узналъ хозяйскую дочку, и тужили, наклоняя одна къ другой свои убранныя въ ленты головки.

— О чемъ вы плачете, голубушки, спросилъ я ихъ, разумѣется по малорусски и дѣйствительно съ участіемъ.

Дѣвушки перестали тужить и посмотрѣли на меня заплаканными глазами. Я повторилъ вопросъ.

— Какъ же намъ не плакать, отозвалась хозяйская дочка: намъ вѣдь исполнилось по 17 лѣтъ.

— Такъ что же за бѣда! Я на вашемъ мѣстѣ танцевалъ бы или покрайней мѣрѣ пѣлъ отъ радости.

— Хорошо вамъ, вы другое дѣло, проговорила незнакомая дѣвушка и, обратясь къ подругѣ, снова собиралась начать причитаніе.

— Какое же горе у васъ, милыя? Нельзя ли, можетъ быть, помочь....

— Э никто не пособитъ!... Видите ли, мы до сихъ поръ жили какъ у Бога за дверью, работали дома что нужно, никто насъ не принуждалъ, а завтра первый разъ *выгоняютъ насъ на панщину*.

И дѣвушки снова заплакали.

— Вотъ дуры-то, вотъ дуры, какъ разревѣлись, сказала хозяйка, подходя къ плетню съ моей стороны: и вамъ не стыдно чужаго человѣка! Простите ихъ, продолжала она, обращаясь ко мнѣ: извѣстно, дѣти молодыя, не бывали на панщинѣ, такъ имъ страшно. Онѣ вѣдь не разсудятъ, что у другаго пана дѣвочка едва подымется на ноги, какъ ее уже и гонятъ на работу, а у насъ не трогаютъ до 17 лѣтъ. Перестаньте рюмить, а лучше ложитесь раньше спать, чтобы не опоздать въ поле. Идите, я вамъ приготовила позавтракать на утро.

— Нѣтъ, мама, мы пойдемъ еще разспросимъ у другихъ, какъ тамъ на панщицѣ, чтобъ намъ знать....

— Полно городить глупости! И стыда нѣтъ у васъ! Дѣвки хоть сейчасъ замужъ, а словно дѣти. Перестаньте, не то и панъ чужой будетъ смѣяться.

Дѣвушки ускромились и съ глубокими вздохами пошли въ хату. Я долго еще сидѣлъ на завалинкѣ и думалъ о происходившей сценѣ, которая живѣе затронула меня, чѣмъ привидѣнія

запорожцевъ, вызванныя моимъ воображенiемъ. Не смотря на все приволье, на всю легкость бремени сравнительно со многими, обязанный трудъ производитъ на крестьянина какое то грустно-тяжелое впечатлѣнiе.

Земли у барона Штиглица дается вдоволь, сѣнокоса тоже, и скотъ ходитъ по степи въ какомъ угодно количествѣ. Кромѣ того отъ экономiи жертвуются крестьянамъ племенные быки, и оттого ихъ рогатый скотъ—лучшiй въ окрестности. Однимъ словомъ—крѣпостное бремя здѣсь легче, чѣмъ гдѣ бы то ни было на знакомой мнѣ мѣстности. И что за славный народъ покровцы! Какiя веселыя лица! какое сложенiе, и что за щегольство въ костюмѣ. Здѣсь молодежь носитъ козакины съ прошвами на рукавахъ и спинѣ, въ родѣ уланскихъ, и любитъ щеголять хорошо вышитымъ бѣльемъ, какъ это водится вездѣ у заможнаго приднѣпровскаго крестьянина.

Сколько я входилъ въ избы, вездѣ замѣтно довольство или покрайней мѣрѣ безбѣдная жизнь; вездѣ встрѣчалъ я пустыя, по видимому, вещицы роскоши, но много значащiя въ быту крестьянскомъ, безъ которыхъ обходятся въ помѣщичьихъ деревняхъ сплошь и рядомъ.

Большое подспорье хозяйству покровцевъ и можно сказать причина ихъ благосостоянiя—это неизходимыя плавни, принадлежащiя барону Штиглицу, въ которыхъ, при самомъ сильномъ неурожаѣ травъ на степи, всегда есть сѣно и гдѣ огромные запасы лѣса для разныхъ домашнихъ потребностей. Рыбныя ловли по рѣчкамъ и протокамъ—экономiя отдаетъ въ откупное содержанiе своимъ крестьянамъ, которые получаютъ отъ этого большiя выгоды, занимаясь круглый годъ рыболовствомъ, приносящимъ значительный доходъ трудолюбивому человѣку. Рыбу ловятъ неводами, сѣтями, вентерями, вершами, а иногда и бреднемъ; крючья (переметы) тоже бываютъ въ употребленiи. Вслѣдствiе подобныхъ мѣстныхъ условiй, при страшномъ изобилiи дичи, крестьянскiй столъ въ Покровскомъ, по крайней мѣрѣ на мой вкусъ, не уступаетъ столу иного небогатаго помѣщика, гдѣ нибудь въ безводной степи, въ отдаленiи отъ города или отъ мѣстечка. Покровцы съ успѣхомъ разводятъ огородныя овощи, и капуста ихъ славится въ окрестности: 1 октября во время ярмарки сюда стекается множество покупателей за этимъ продуктомъ. Въ иной избѣ, на видъ небольшой и не означающей особаго достатка, мнѣ случалось

за обѣдомъ встрѣчать три кушанья, приготовленныя въ изобиліи, такъ что хозяйка, кромѣ семьи, могла бы угостить двухъ постороннихъ. И какъ это вкусно приготовлено! а главное, съ какимъ радушіемъ предлагаются лучшіе куски посѣтителю, безъ всякой запасной мысли, потому что предложить плату за обѣдъ, на который вы попали случайно и сѣли по усиленной просьбѣ, значитъ обидѣть добрыхъ людей, исполняющихъ долгъ гостепріимства.

Поѣхали мы однажды ловить рыбу съ однимъ старикомъ. Онъ взялъ сѣти, я свои удочки, и мы съ ранняго утра удалились въ тотъ лабиринтъ протоковъ, которымъ нерѣдко очень кстати пользовались Запорожцы. Отправляясь въ продолжительную экспедицію, я положилъ себѣ хлѣба и жаренаго цыпленка, запасшись, какъ водится, сигарами. Спутникъ мой, лѣтъ 55, крѣпкій и ловкій, обиняками отговаривалъ меня не помогать ему гресть, но когда я объявилъ, что это для меня большое удовольствіе,—онъ выразился яснѣе, что я только буду мѣшать ему, ибо *каючекъ* его очень легкій, а намъ приходилось проѣзжать множество извилистыхъ протоковъ. Дѣйствительно, изъ рѣчки Сысины мы въѣхали въ плавни и пошли колесить по такимъ то озерамъ и *бакаямъ*, какъ называются ручьи у мѣстныхъ жителей. Иногда мы останавливались на широкихъ водахъ разлива подъ тѣнью вѣковыхъ деревьевъ, и мой спутникъ разсказывалъ мнѣ разныя легенды. Здѣсь каждое урочище полно преданій, и хоть жители преимущественно бѣглые крестьяне съ лѣвой стороны Днѣпра, однако отцы ихъ знавали многихъ Запорожцевъ лично и разсказывали подробно о многихъ событіяхъ общины. Въ особенности меня занимали разсказы о такъ называемыхъ *характерникахъ*. Въ «Устномъ повѣствованіи Коржа» (*) упоминается о нихъ весьма кратко. Вотъ что говоритъ этотъ ветеранъ на стр. 22: «*характерники*, т. е. такіе волшебники, что ихъ никакое огнестрѣльное оружіе, ни пуля ни пушка уничтожить не можетъ». Кромѣ тайны заговаривать оружіе, они могли, по мнѣнію козаковъ, напускать туманъ въ глаза преслѣдователямъ и вообще кому хотѣли, отыскивать въ степи воду, лѣчить самыя тяжелыя раны и въ случаѣ надобности вступать въ сношенія съ духами. По-

(*) Брошюра эта, изданная архіепископомъ Гавріиломъ, сдѣлалась уже библіографической рѣдкостью.

добные люди, въ искусствѣ которыхъ были убѣждены, избирались послѣднее время въ *ватажки* или предводители шаекъ, рыскавшихъ по пограничью Польши и вторгавшихся въ предѣлы польскихъ провинцій, какъ видно безъ вѣдома коша, и извѣстныхъ подъ именемъ гайдамаковъ. Разбои эти, особенно въ послѣднее время существованья Запорожья, заслуживаютъ болѣе подробнаго изслѣдованія и представили бы много любопытнаго историку, который занялся бы добросовѣстнымъ изученіемъ этой недалекой, но чрезвычайно темной эпохи. Сперва разбои эти или наѣзды не имѣли характера собственно грабежа, но дѣлались съ цѣлью религіозной. Лыцарь войска запорожскаго—фанатическій поборникъ православія, если отправлялся въ Польшу даже и безъ вѣдома сѣчевой старшины, то не для того только чтобы, *лупить* ляха и жида, но наказать ихъ за притѣсненія его единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Эти шайки, какъ видно изъ нѣкоторыхъ историческихъ свѣдѣній (соч. относящіяся къ Уманской Рѣзнѣ), никогда не грабили крестьянъ, но только жидовъ и католиковъ. Впослѣдствіи конечно эти шайки сдѣлались чисто разбойниками, но все таки грабили купцовъ и проѣзжихъ людей высшаго сословія, никогда не нападая на селенія и не трогая прохожаго или проѣзжаго крестьянина. Извѣстные въ Малороссіи разбойники въ началѣ нынѣшняго столѣтія: Гаркуша, Копытько, Рябчикъ были запорожскіе характерники, остававшіеся въ краю послѣ уничтоженія Сѣчи.

— Ты же откуда, дѣдъ? спросилъ я своего спутника.

— А кто его знаетъ! Я былъ мальчикомъ, когда мы вышли откуда-то изъ Полтавской губерніи.

— Но ты же видѣлъ Запорожцевъ?

— Они часто къ намъ наѣзжали.

— И никого не трогали.

— Борони Богъ! А когда бывалъ неурожай, помогали и деньгами. Здѣсь у нихъ много зарыто кладовъ, и теперь еще люди находятъ старые рублевики. Ну, да кромѣ того они пріѣзжали помолиться въ церковь: вѣдь утварь то вся была еще ихняя.

Многіе мнѣ и прежде разсказывали о характерникахъ, но передавали только слышанное. Преданій же осталось еще множество, особенно по окрестнымъ мѣстамъ.

Бесѣдуя и занимаясь ловлею рыбы, мы пробыли на водѣ до вечера, такъ что, израсходовавъ свой запасъ съѣстнаго, я по-

чувствовалъ порядочный голодъ и началъ торопить дѣда возвращенiемъ. Мы приплыли къ берегу далеко отъ моей квартиры. Поблагодаривъ старика за доставленное удовольствiе и захвативъ свою маленькую добычу, я хотѣлъ было идти домой; но рыбакъ снялъ шапку и низко мнѣ поклонился.

— Вы жаловались на голодъ, сказалъ онъ: я не могъ предложить вамъ ничего кромѣ хлѣба, а теперь вѣроятно баба моя наварила вечерять. Не побрезгайте!

Разумѣется, я и послѣ сытнаго обѣда не преминулъ бы воспользоваться обязательнымъ приглашенiемъ, потому что никогда не упускаю случая быть въ семьѣ простолюдина, въ особенности если мнѣ не надобно выдумывать предлога для извиненiя своего прихода. Ужинъ былъ уже приготовленъ и грубая деревенская скатерть разостлана на дворѣ передъ порогомъ, на которой лежали ложки и куски хлѣба. Старикъ велѣлъ было вынести для меня *ослончикъ* (скамеечку), но я поблагодарилъ, желая казаться какъ можно проще въ моихъ привычкахъ. Хозяйская дочь, посовѣтовавшись однако же съ матерью, положила собственно передо мною чистое полотенце, исправляющее должность салфетки, тогда какъ для всѣхъ вообще служилъ одинъ ручникъ, какъ видно, бывшiй уже въ употребленiи. Наконецъ всѣ мы усѣлись за столъ или вѣрнѣе за скатерть, кому какъ удобнѣе: старикъ, старуха, я между ними, потомъ сынъ ихъ съ женою, двѣ дочери послѣдняго, взрослыя дѣвушки, и вдова—дочь стариковъ, живущая у нихъ въ домѣ. Послѣдняя съ одной изъ дѣвушекъ преимущественно прислуживали. Первою обязанностью мужчинъ было снять шапки, потому что крестьянинъ нашъ ни въ какомъ случаѣ не дозволитъ себѣ сѣсть за обѣдъ въ шапкѣ, даже въ дорогѣ; подкрѣпляя силы, онъ снимаетъ этотъ головной уборъ, считая неприличнымъ ѣсть *святой хлѣбъ* съ покрытою головою. Старикъ велѣлъ женѣ *почастовать* (попотчивать) гостя. — Охъ лишенько, я й забула! вскрикнула старушка, отправилась въ хату и вынесла разрисованный штофикъ, какiе преимущественно продаются въ Кiевѣ на Подолѣ, и такую же небольшую чарку.

Я не пью водки; зная, однакоже, что отказъ огорчитъ хозяевъ, принужденъ былъ отвѣдать глотокъ, и только когда побожился, что не уживаю (не употребляю), тогда меня уволили. Выпили старикъ, старуха, сынъ ихъ и жена послѣдняго; вдова отказалась, дѣвушкамъ не предлагали.. Слѣдовало обычное пре-

дисловіе, что я буду голоденъ, что крестьянскій ужинъ извѣстно какой и т. д. Наконецъ передъ нами поставили двѣ миски дымящейся ухи, пріятнаго запаха, со свѣжею рыбою. Дѣвушки тотчасъ часъ же вытащили ложками рыбу въ особую миску, и мы начали ужинъ такой вкусной ухой, какой давно уже не случалось отвѣдывать. Она приготовлена была просто на водѣ съ небольшимъ количествомъ луку и нѣсколькими зернами перцу. Хлѣбъ лежалъ большими ломтями, свѣжій и хорошо выпеченный. Когда убрали уху, которую два раза *подсыпали* (подливали), къ срединѣ подвинута была разварная рыба, успѣвшая уже простынуть. Можетъ быть иного джентельмена смутило бы отсутствіе вилокъ, но мнѣ не первый разъ трапезовать у крестьянина, и потому я удовлетворилъ свой аппетитъ безъ помощи этого орудія, хотя, къ удивленію моихъ собесѣдниковъ, тотчасъ же всталъ и, нисколько не стѣсняясь, вымылъ руки. За рыбой послѣдовала молочная каша, которая немного отзывалась дымомъ; но это качество, показавшееся бы противнымъ гастроному, для меня имѣетъ особенную пріятность на свѣжемъ воздухѣ. Кто проводилъ много времени въ полѣ и готовилъ себѣ пищу по лѣсамъ или степямъ, тотъ знаетъ, что кушанье всегда отзывается дымомъ, и хоть я не скажу, чтобъ это шло къ каждому блюду, однако молочная каша не теряетъ при этомъ. Наконецъ всѣ встали, помолились, и каждый членъ семейства выразилъ свою благодарность старикамъ; я тоже сказалъ послѣднимъ свое спасибо.

— Богу! было отвѣтомъ старика и старухи. Это малорусскій лаконизмъ. Здѣсь подразумѣвается: *меня дякувать нізащо*, дякуйте *Богу*.

Какъ гость, знающій приличія, я посидѣлъ еще нѣсколько времени съ крестьянами и пошелъ, осыпаемый благодарностью всей семьи за то, что не побрезгалъ хлѣбомъ и солью. Мнѣ было отрадно видѣть простаго рыбака и человѣка небогатаго—ведущимъ такой образъ жизни. Вѣдь не готовилась же вечеря для меня, и это было не въ праздникъ: значитъ такъ уже заведено въ семействѣ.

Есть бѣдняки и въ Покровскомъ, но ихъ очень мало и то вслѣдствіе какихъ нибудь особыхъ причинъ.

Почва плодородная, и вездѣ прекрасная растительность: нигдѣ во всемъ краю не видѣлъ я такихъ толстыхъ и высокихъ

вишневыхъ деревьевъ, какъ въ Покровскомъ, возлѣ дома управляющаго. Крестьяне однакоже не занимаются садоводствомъ, развѣ у кого изстари возлѣ хаты росли деревья, у иного же мужика ни кустика. Вообще это не въ нравахъ простолюдина, и надобно уже особую любовь къ саду, чтобы крестьянинъ с жалъ деревья, надобно *кохаться* въ этомъ, по народному выраженью. Я говорю преимущественно о приднѣпровскомъ жителѣ.

Проживая въ Покровскомъ, я не замѣтилъ никакихъ особенностей въ нравахъ и обычаяхъ простонародья, которые отличались бы отъ свойственныхъ вообще малорусскому племени, и селеніе это сохраняетъ патріархальный бытъ селеній, удаленныхъ отъ проѣзжей дороги, въ которыхъ пребываніе владѣльца и частые военные постои не развили воровства и разныхъ разрушительныхъ болѣзней.

Слово выговорилось и потому нельзя не высказать и нѣсколько мыслей относительно этого обстоятельства. Села и деревни, занимаемыя войсками, какого бы то ни было оружія, занимаемыя часто, — рѣзко отдѣляются нравственностью отъ селъ, въ которыхъ рѣдко бывали военные постои. Малорусское племя несклонно къ воровству, что уже замѣчено многими, и что еще болѣе доказывается отсутствіемъ въ языкѣ слова «воръ», имѣющаго общее названіе «злодій». Но мы не будемъ углубляться въ исторію; возьмемъ для примѣра нѣкоторыя черты изъ быта малорусскаго крестьянина. Малоруссъ двора своего не огораживаетъ неприступными стѣнами; плетень низокъ, ворота изъ перекладинъ, которыя легко перешагнуть, и на которыхъ значитъ безполезны замки и затворы. Зачастую и сарайчикъ завязанъ какою нибудь *мотузочкою* (веревочкою). Онъ живетъ на распашку, какъ бы сознавая, что безчестная идея завладѣнія чужой собственностью, идея дикая, появляющаяся у кого нибудь въ видѣ исключенія. Такъ было до сихъ поръ и такъ есть и въ настоящее время, особенно на мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ большихъ трактовъ. Отецъ и мать ни за что такъ жестоко не наказываютъ ребенка, какъ за воровство, считая послѣднее самымъ гнуснымъ проступкомъ. Это конечно общій характеръ племени, выработанный исторіей, но къ сожалѣнію, частные примѣры проявляются въ неутѣшительной пропорціи.

Съ одной стороны подъ этотъ принципъ подкапывалось крѣпостное право, съ другой военные постои; но какъ принципъ слишкомъ еще твердъ, то онъ и крѣпко держится на благопріятныхъ мѣстностяхъ, на другихъ же хоть и пошатнулся, однако не рухнулъ еще совершенно. Ничего не можетъ быть порочнѣе скопища большой дворни, особенно у богатаго помѣщика, у котораго нерѣдко гнѣздится во дворѣ болѣе 100 душъ обоего пола. И здѣсь находятся утѣшительныя явленія, однако рѣдко, а большею частью въ подобныхъ дворняхъ возникаютъ міазмы разврата и разносятся медленнымъ ядомъ по деревнѣ, заражая здоровое человѣчество. Я постараюсь быть краткимъ и не стану вдаваться въ отступленія. Можетъ ли крѣпостная дворня быть нравственною у самаго хорошаго господина, не говоря уже о помѣщикахъ, которыхъ можно назвать язвою нашего общества. Наконецъ богатый помѣщикъ, даже съ современными идеями, не обращаетъ вниманія на частную жизнь дворни: онъ, какъ честный человѣкъ, требуетъ отъ управителя или эконома, чтобы люди получали исправно паекъ, одежду, имѣли бы помѣщеніе; но дальше не его дѣло. Да и дѣйствительно—достанетъ ли у него времени заботиться вообще о благосостояніи всѣхъ этихъ существующихъ десятками Филекъ, Ванекъ, Прошекъ, Дуняшекъ, Парашекъ, Маврушекъ? Вѣдь они сыты, обуты, одѣты и ихъ даже не слишкомъ бьютъ дворецкіе и экономки. Это я очеркнулъ бытъ дворовъ, случающійся, можетъ быть, у одного изъ десяти помѣщиковъ. При томъ же это очеркъ общій,— надобно разсмотрѣть нѣкоторыя частности. Лакеи, конюхи, повара, псари, музыканты, разные ремесленники, все это по большей части народъ молодой, холостой и непремѣнно болѣе или менѣе испорченный. Дворовый человѣкъ, учившійся какому нибудь ремеслу хоть въ губернскомъ городѣ, или просидѣвшій лѣтъ шесть въ передней, непремѣнно утратилъ значительную часть всего, что было въ немъ хорошаго, и усвоилъ себѣ множество пороковъ, которые и распространяетъ между деревенскимъ населеніемъ. Здѣсь главную роль играетъ сознаніе, выработавшееся въ немъ вслѣдствіе столкновенія съ болѣе развитыми натурами, сознаніе безвыходнаго рабства; притомъ же онъ имѣетъ случай безпрерывно видѣть, слышать и испытывать на себѣ самыя дикія притязанія необузданнаго произвола. Если ре-

месленникъ, успѣвшій немного испортить свою нравственность въ ученьи, возвращается въ свое семейство, онъ мало по малу бросаетъ свои пороки и дурныя наклонности, женится и современемъ дѣлается порядочнымъ семьяниномъ. Но этотъ же самый ремесленникъ, осуждаемый на жизнь двороваго, помѣщенный гдѣ нибудь въ берлогѣ, работающій изо дня въ день на барина безъ всякаго вознагражденія, отщепенецъ отъ своего семейства, топитъ свое горѣ въ чаркѣ, къ которой уже попривыкъ онъ, бывши подмастерьемъ, когда водилась у него заработанная копѣйка. Молодое лакейство въ свою очередь посѣщаетъ кабакъ, и вотъ обоего пола дворовая молодежь заводитъ между собою отношенія, которыя въ деревняхъ, особенно малорусскихъ, считаются предосудительными. Матеріальныхъ средствъ нѣтъ поддерживать разгульный образъ жизни и потому является стремленіе къ пріобрѣтенію чужой собственности, чему еще много способствуетъ картежная игра—единственное развлеченіе тунеядцевъ. Все это бываетъ у самыхъ хорошихъ помѣщиковъ, а что же совершается у самыхъ дурныхъ и безнравственныхъ, которыхъ, нельзя же сказать, чтобъ не было въ сословіи дворянства? Минуло то время, когда считали необходимымъ расписывать въ розовомъ цвѣтѣ нашъ патріархальный помѣщичій бытъ съ его отеческою обстановкою. Пожалуй и теперь иные фантазеры, въ искренность которыхъ однакоже вѣрится плохо, готовы представлять этотъ бытъ чуть не золотымъ вѣкомъ; но кто имѣлъ случай всматриваться въ деревенскую жизнь и не имѣетъ надобности или считаетъ неблагороднымъ обманывать читателей, тотъ будетъ рисовать съ натуры, не прибѣгая къ фантазіи.

У дурнаго помѣщика дворня—чистый вертепъ разврата, обильный разсадникъ безнравственности для всего деревенскаго населенія, потому что въ деревнѣ невольно прививаются пьянство, воровство и еще третій порокъ, разносимые Фильками, Сережками, Сеньками, Матрешками, Фіонками, и пр. Дворня никогда не видитъ справедливости. Положимъ, баринъ, выѣзжая послѣ имяниннаго ужина отъ сосѣда, едва съ помощію слугъ могъ попасть въ экипажъ и проспалъ всю дорогу. Но барыня ему на другой день разсказывала, что кучеръ все время въ гостяхъ пьянствовалъ и едва довезъ до дому, а лакей не вязалъ лыка. Призываются виновные, и баринъ послѣ отеческаго наставленія собственноручно,

и послѣ увѣщанія, что пьянство большой порокъ—отправляетъ и кучера и лакея на конюшню, гдѣ виновные и получаютъ возмездіе. Иной баринъ провелъ всю ночь за картами и, проигравъ не только наличность, но нерѣдко порядочный запасъ водки или пшеницы, выходитъ на разсвѣтѣ въ переднюю и видитъ, что лакейство въ свою очередь опустошаетъ другъ у друга карманы, приходитъ въ негодованіе и тутъ же подвластныхъ ему отечески наказываетъ на мѣстѣ преступленія А дѣвичья! Но разсказывать ли мнѣ всѣ тѣ возмутительныя сцены, которыя, дастъ Богъ, пройдутъ уничтоженіемъ этого богопротивнаго крѣпостнаго права.

Вотъ причины, отъ которыхъ съ одной стороны портится деревенская нравственность и получаетъ въ себя элементъ воровства. Теперь посмотримъ на вліяніе военнаго постоя. «Военный Сборпикъ», въ прекрасныхъ статьяхъ своихъ, откровенно и благородно говоритъ о многихъ темныхъ сторонахъ армейскаго быта, а потому я смѣло могу, при этомъ удобномъ случаѣ, коснуться нѣкоторыхъ частностей при квартированіи войскъ по селамъ—частностей, много видѣнныхъ мною въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Не было еще примѣра, чтобы умѣренный постой, неотягощающій несоразмѣрной массой, былъ встрѣчаемъ враждебно со стороны деревенскаго населенія. Каждый житель на первыхъ порахъ, если не съ радостью, то и безъ неохоты принимаетъ постояльцевъ, и между солдатомъ и его хозяиномъ зачастую возникаютъ самыя дружелюбныя отношенія. Поддержка этихъ отношеній зависитъ отъ нравственности роты или эскадрона, а нравственность эта, надобно сказать, получаетъ свое направленіе отъ командующихъ частями. Но вездѣ ли и всегда войска размѣщаются сообразно съ населеніемъ? И вотъ, положимъ, въ деревнѣ, имѣющей 500 душъ жителей обоего пола, останавливается рота, т. е. около двухъ-сотъ молодыхъ, холостыхъ людей, изъ которыхъ каждый, какъ человѣкъ, имѣетъ свои физическія нужды. Первое время проходитъ смирно, нѣтъ никакихъ жалобъ; но миновалъ мѣсяцъ, другой, и войско съ жителями становятся уже въ отношенія не совсѣмъ дружелюбныя. Нѣсколько случаевъ разврата, на которые селянинъ смотритъ непривѣтливымъ взглядомъ, положимъ, оканчиваются безъ большаго труда; и масса народонаселенія привыкаетъ къ необходимому злу. Но съ этимъ неизбѣжнымъ зломъ появляется за-

частую зло гибельное и совсѣмъ уже не необходимое—это разные виды той страшной болѣзни, которая хотя и замѣтно сдѣлалась слабѣе, однако же имѣетъ страшное вліяніе на здоровье какъ настоящаго, такъ и будущаго поколѣнія. Какимъ же образомъ тотъ или другой порокъ прививается къ здоровому народонаселенію,—отвѣчать не трудно. На нивѣ самой чистой пшеницы, посѣйте нѣсколько горстей куколю, и какъ вы уже потомъ ни истребляйте его,—не будетъ у васъ прежней чистой пшеницы.

Одно только отрадно, что есть надежда видѣть всѣ это улучшеннымъ, во первыхъ, съ преобразованіями по всѣмъ частямъ, во вторыхъ, съ просвѣщеніемъ, къ которому стремится общество, а въ третьихъ съ усовершенствованіемъ путей сообщенія, которые произведутъ значительную перемѣну какъ въ численности арміи, такъ и въ ея расквартированіи.

Какъ современному человѣку, мнѣ было пріятно проживать въ Покровскомъ между честными, добрыми и трудолюбивыми жителями, которымъ удалось жить привольно во владѣніи образцоваго помѣщика; но какъ истому малоруссу, признаюсь, грустно бродить по изглаживающимся слѣдамъ послѣдней Сѣчи Запорожской. И эта грусть возникла не оттого, что я смотрю съ узко-національной точки зрѣнія или простодушно сожалѣю зачѣмъ безвозвратно уничтожено сѣчевое товариство: подобныя мысли были бы верхомъ отсталости и даже невѣжества; но потому, что у насъ смотрятъ недоброжелательно на эту общину и, говоря о ней мимоходомъ, вносятъ свои воззрѣнія на предметъ, въ духѣ, извинительномъ только современнику Екатерины II. Г. Скальковскій давно уже замолчалъ и ничего не пишетъ о Запорожьи, хотя и нельзя не сказать ему спасибо за то, что первый онъ коснулся этого предмета; годъ отъ году исчезаютъ памятники, затемняются преданія; новый житель Сѣчи копаетъ подъ огородъ и слѣды насыпей и самыя могилы героевъ козачества, да и наконецъ горсть Запорожцевъ, остававшихся въ Турціи, переводится мало по малу. Вотъ, вотъ скоро не останется никакихъ указаній, и развѣ магистрантъ петербургскаго или московскаго университета напишетъ исторію Запорожья по бѣднымъ печатнымъ источникамъ, незнакомый ни съ языкомъ, ни съ нравами и обычаями козаковъ, однимъ словомъ—съ тѣми источниками, которые могли бы еще служить руководствомъ въ настоящее время.

Здѣсь я оканчиваю поѣздку по Запорожью. Дальнѣйшія статьи будутъ называться поѣздкой по низовьямъ Днѣпра, и хоть и дальше жили Запорожцы, однако мнѣ казалось приличнѣе всего кончить статью на развалинахъ послѣдней Сѣчи.

ПОѢЗДКА

ПО НИЗОВЬЯМЪ ДНѢПРА.

ГЛАВА I.

Пароходство. Хлѣбная торговля. Грушевка. Ново-Воронцовка. Гирла. Леонтьевка. Гавриловка. Плавни. Кочкаровка. Дороговизна припасовъ.

Есть какая-то неодолимая вѣра, что судоходство по низовьямъ Днѣпра приметъ большіе размѣры, когда, съ окончаніемъ московско-ѳеодосійской желѣзной дороги, огромное движеніе по этому пути вызоветъ усиленную дѣятельность Общества пароходства и торговли, и, можетъ быть, подастъ поводъ послѣднему осуществить наконецъ второе свое назначеніе. Уже въ настоящемъ (1858) году, недавно буксирные компанейскіе пароходы прорывались до Александровска, хотя за совершеннымъ отсутствіемъ у насъ гласности въ дѣлахъ этого рода, никто изъ постороннихъ не знаетъ ничего объ успѣшности этихъ рейсовъ. Кому знакомъ Днѣпръ не по наслышкѣ и не по единственной картѣ (Ш. К. Родіонова, 1842 г.), на которой промѣры, сдѣланные за шестнадцать лѣтъ, далеко невѣрны, кто изслѣдовалъ его хоть для себя, тотъ хорошо знаетъ, что по Днѣпру могутъ ходить лишь суда, весьма не глубоко сидящія и притомъ непремѣнно снабженныя превосходными лоцманами и именно изъ никопольскихъ вольныхъ матросовъ. Мели и корчи требуютъ основательнаго знанія фарватера, и кажется, общество не ошиблось въ этомъ случаѣ, избравъ проводникомъ своимъ лоцмана Середу, который съ дѣтства ходилъ отъ Никополя вверхъ и внизъ и слѣдилъ за измѣненіями капризнаго днѣпровскаго русла. Въ грузахъ, я полагаю, не можетъ быть недостатка, а устрой Общество свои магазины хоть въ Александровскѣ и Никополѣ, это имѣло бы большое вліяніе на оживленье мѣстной торговли, которая теперь вся

въ рукахъ мелкихъ спекуляторовъ евреевъ. Правильное назначеніе цѣнъ, правильная пріемка и наконецъ честная расплата—все это обстоятельства обыкновенныя и казалось бы необходимыя, однако же подобныхъ условій можно ожидать только отъ хорошаго коммерческаго дома или отъ компаніи, а при настоящемъ порядкѣ лишь въ ходу глаголы: надуть цѣнами, обмѣрить, обвѣсить и обсчитать. Стоитъ компаніи открыть свои магазины на извѣстныхъ пунктахъ, и къ этимъ пунктамъ будетъ большой притокъ сырыхъ произведеній, преимущественно же зерноваго хлѣба, который нынѣ скупаютъ сотни евреевъ по разнымъ мѣстечкамъ и селеніямъ, пріобрѣтая его нерѣдко за весьма низкія цѣны. Организовавъ правильную хлѣбную торговлю въ краю, изобилующемъ этого рода продуктами, компанія, кромѣ хорошихъ выгодъ, можетъ сильно подвинуть состояніе земледѣльцевъ, освободивъ ихъ изъ рукъ спекуляторовъ, а это само собою повлечетъ улучшеніе земледѣлія. Пароходная компанія, при самыхъ обширныхъ операціяхъ своихъ по пароходству, не сдѣлаетъ ошибки, если не будетъ пренебрегать такимъ важнымъ дѣломъ, какъ хлѣбная торговля по днѣпровской системѣ. Многіе одесскіе негоціанты нажили посредствомъ этого милліоны,—десятки тысячъ спекуляторовъ пріобрѣли порядочное состояніе, и только бѣдные производители, обливающіе потомъ свою ниву, не имѣютъ иногда средствъ къ прокормленію семейства. Было бы несправедливо думать, что пароходная компанія заботится только о плаваніи пароходовъ и преимущественно по тѣмъ линіямъ, гдѣ платится значительная помильная плата; мы не имѣемъ никакого права охуждать ее за медленное развитіе дѣла, по кратковременности ея существованія; но нельзя не согласиться, что полезнѣе было бы, покрайней мѣрѣ для Новороссіи, поскорѣе озаботиться привести въ соприкосновеніе съ рынками наши обширныя хлѣбородныя мѣстности, лишенныя сообщенія, нежели распространять плаваніе въ южную Францію. Впрочемъ при огромныхъ средствахъ компаніи, независимо отъ заграничнаго плаванія, мнѣ кажется, нетрудно было бы основательно заняться Днѣпромъ и Днѣстромъ—этими важнѣйшими артеріями Чернаго моря. Еслибы компанія не получала помильныхъ денегъ, плаваніе въ Марсель не представляло бы такихъ выгодъ какъ плаваніе въ Херсонъ безъ всякой помильной платы. Въ маѣ мѣсяцѣ, проживая въ Херсонѣ для изученія торговой и промышленной

дѣятельности этого города, я всегда удивлялся отчего компанейскій пароходъ приходилъ одинъ только разъ въ недѣлю, въ то время какъ два частные находили и полный грузъ и множество пассажировъ, совершая рейсы съ всевозможной поспѣшностью. Вредитъ себѣ также компанія, не предавая гласности нѣкоторыхъ, конечно непріятныхъ происшествій, но которыя, переходя отъ одного къ другому, могутъ принимать обширные размѣры. Такъ, напримѣръ, въ дальнихъ губерніяхъ носятся слухи, что одинъ компанейскій пароходъ былъ потопленъ другимъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности произошло только столкновеніе пароходовъ. Слова нѣтъ, что какъ-то неловко объявлять, что среди бѣла дня въ Лиманѣ, имѣющемъ достаточную ширину, столкнулись пароходы, управляемые флотскими офицерами (*), но сдѣланнаго не воротишь, а печатная правда прекратила бы многіе несправедливые толки. Столкновеніе это не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что на одномъ изъ пароходовъ находился новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, который съ прочими пассажирами былъ свидѣтелемъ и счастливо избѣжалъ послѣдствій этого непростительнаго столкновенія. Положимъ, компанія можетъ быть нашла бы средство оправдать своихъ пароходныхъ командировъ, но публика, покрайней мѣрѣ была бы увѣрена, особенно послѣ статьи г. Новосельскаго въ Одесскомъ Вѣстникѣ (№ 24), что дѣйствія пароходнаго общества не боятся гласности. А теперь мѣстные жители, и наконецъ пассажиры пароходовъ *Русалка* и *Николаевъ*, имѣютъ полное право думать, что компанія дозволяетъ себѣ нецеремонно обходиться съ публикой. Отчего же обнародуются несчастные случаи на желѣзныхъ дорогахъ? Но возвратимся къ хлѣбной торговлѣ. Устройствомъ магазиновъ на нѣкоторыхъ пристаняхъ, —а магазины эти, какъ частныя зданія, не могутъ обойтись дорого, — компанія положила бы прочное основаніе торговлѣ хлѣбомъ, парализировавъ произволъ спекуляторовъ и доставивъ вѣрный постоянный сбытъ производителямъ, которые тотчасъ оцѣнили бы подобное учрежденіе и возымѣли бы къ нему полное довѣріе. Надобно только видѣть притѣсненія, которымъ подвергаются земледѣльцы отъ евреевъ при ссыпкѣ хлѣба, на-

---

(*) Командиръ одного изъ этихъ пароходовъ смѣненъ съ этой должности, какъ виновный въ столкновеніи.

добно сообразить какой теряютъ процентъ простодушные крестьяне, зная всю безнаказанность продѣлокъ торговца, и станетъ очень ясно, что добросовѣстный пріемъ хлѣба въ магазины привлечетъ производителей даже за лишній десятокъ верстъ. Наконецъ сами мелкіе спекуляторы, скупающіе хлѣбъ по деревнямъ, охотно привезутъ товаръ свой въ компанейское заведеніе, еслибы уплата производилась немедленно; потому что мелкій спекуляторъ разсчитываетъ не на большіе барыши, но на частый оборотъ капитала. Зная немного страну, я высказываю только свое мнѣніе. Въ одной изъ послѣднихъ статей я говорилъ уже о торговлѣ дровами. Не погрѣшилъ я противъ истины; мѣстные жители очень хорошо увѣрены въ справедливости моего описанія, громадное количество вербовыхъ и осокоровыхъ дровъ гніетъ, не принося никакой пользы владѣльцамъ, — морскія прибрежья страшно нуждаются въ топливѣ, а никто не рѣшается *рискнуть* капиталомъ, гдѣ можно ручаться за 30%. Прорываются иногда евреи и доставляютъ дрова въ Одессу, но это народъ бѣдный, который занимается самой ничтожной коммерціей. Впрочемъ я готовъ сообщить и подробности, и считаю обязанностью сказать для тѣхъ, кто вздумалъ бы серьезно заняться этимъ дѣломъ: что надо поѣхать на прибрежья и разсмотрѣть все хорошенько. Можетъ быть первоначальное устройство потребуетъ затраты небольшаго капитала, можетъ быть нужно пріобрѣсть барки для сплава дровъ до Херсона,—это предпринимателю лучше извѣстно. Относительно барокъ, ихъ можно ежегодно покупать въ Кичкасѣ, Александровкѣ, Благовѣщенскѣ, Каменкѣ и Каховкѣ. Несмотря на предлагаемое устройство желѣзной дороги отъ Одессы къ Кіеву, дрова не будутъ никогда въ Одессѣ очень дешевы, такъ что торговецъ днѣпровскими дровами во всякомъ случаѣ выдержитъ конкурренцію съ продавцами крымскихъ, константинопольскихъ и маяцкихъ, пока не установится по Днѣпру правильное судоходство, чего покрайней мѣрѣ трудно ожидать при настоящемъ порядкѣ вещей. Наконецъ пусть днѣпровскіе дрова сдѣлаются и дешевле чѣмъ теперь, но для этого нужно пять, шесть лѣтъ, и все таки днѣпровскіе осокоръ, верба и даже толстая лоза — будутъ охотно раскуплены въ Одессѣ. Если голосъ мой не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и кто нибудь займется этой торговлей, тогда это сдѣлается новою отраслью доходовъ для компаніи, потому что отъ Херсона до Одессы дровъ

иначе нельзя доставить, какъ съ помощью пароходовъ. И все таки я прихожу къ тому заключенію, что пароходному обществу, кромѣ хорошаго дивиденда, предстоитъ еще благородное дѣло — пробужденіе промышленныхъ силъ края, если не изъ любви къ согражданамъ, то покрайней мѣрѣ въ благодарность за участье правительства въ компанейскихъ интересахъ. Предѣлъ моихъ настоящихъ статей не дозволяетъ распространяться объ этомъ предметѣ, да и каждому очень хорошо извѣстно какая могучая инициатива заключается въ паровыхъ сообщеніяхъ, какъ водяныхъ, такъ и сухопутныхъ.

Итакъ возвратимся къ нашему путешествію. Мы оставили развалины послѣдней Сѣчи запорожской и отправляемся по правому берегу живописной днѣпровской долины, которая принимаетъ здѣсь очень обширные размѣры. Ниже Покровскаго, надъ Базавлукомъ стоитъ большое село Грушевка—центральное управленіе имѣніями барона Штиглица. Деревня эта значительно удалена отъ Днѣпра, хотя и находится при началѣ его плавень, и замѣчательна развѣ тѣмъ, что въ ней прекрасныя экономическія постройки и учреждена хорошая больница, въ которой пользуются крестьяне, требующіе по роду болѣзни постояннаго надзора и врачебнаго пособія. Далѣе большое казенное селеніе Маріинское, занимающееся хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Народъ живетъ не то богато, не то бѣдно, и есть небольшое рыболовство. Совсѣмъ другое представляетъ мѣстечко Ново-Воронцовка, находящееся нѣсколько ниже и принадлежащее князю Воронцову. Оно лежитъ надъ *Великими Водами*, — большимъ вмѣстилищемъ воды (12 верстъ длины и 6 ширины), образуемымъ весеннимъ разливомъ и множествомъ рѣчекъ и протоковъ. Чрезъ эти Великія Воды проходили корабли въ запорожскую сѣчь, а потомъ шли глубокою рѣчкой Сысиной. Мѣстечко это одинъ изъ важныхъ рынковъ околодка, и потому здѣсь живетъ около сотни еврейскихъ семействъ, занимающихся закупкою хлѣба и производящихъ мѣстную мелочную торговлю. Ново-Воронцовка походитъ на маленькій городокъ, въ которомъ вы увидите много чистенькихъ домиковъ, принадлежащихъ какъ временнымъ купцамъ, такъ и отставнымъ княжескимъ служителямъ, получающимъ пожизненный пансіонъ отъ экономіи. Новый главноуправляющій, который недавно принялъ въ завѣдываніе княжескія имѣнія, человѣкъ образованный и бывалый, какъ видно,

хлопочетъ о разныхъ нововведеніяхъ по хозяйству и объ улучшеніи въ бытѣ нѣсколькихъ тысячъ жителей. Не знаю какъ принялся онъ за свое дѣло и успѣлъ ли съ весны совершить что нибудь, но я долго буду помнить его гостепріимство, снабженіе меня книгами и тѣ пріятныя минуты, которыя проводилъ я по вечерамъ въ его семействѣ.

Въ этомъ же мѣстечкѣ встрѣтилъ я чудо, невидѣнное мною еще ни разу во время моихъ странствій—это становой приставъ—благонамѣренный чиновникъ и человѣкъ вполнѣ порядочный. Въ маленькомъ домикѣ его я нашелъ и многіе журналы и фортепьяно, а въ самомъ становомъ не только образованіе, но и вѣрный взглядъ на исполненіе своей обязанности. Это не фразеръ въ родѣ Фролова (комедія г. Львова: Не мѣсто краситъ человѣка), но чиновникъ, который старается дѣлать добро, на сколько позволяютъ его средства, даже несмотря на нѣкоторыя столкновенія. Признаюсь, мнѣ сначала невѣрилось ни въ это безкорыстіе, ни въ эту благонамѣренность, но дѣло объяснилось весьма просто. Пользуясь мѣстными условіями и имѣя небольшое состояніе, становой занимается хлѣбной торговлей и получая изъ этого источника порядочныя выгоды, не имѣетъ надобности прибѣгать къ тѣмъ средствамъ, которыя доставляютъ его собратамъ хорошій доходъ, мѣшая имъ въ тоже время быть порядочными людьми и добросовѣстными чиновниками.

Ниже Ново-Воронцовки, въ ущельи, образуемомъ балкой Осокоровской, лежитъ село того же имени и того же владѣльца. Далѣе небольшая деревенька Галушчина, называемая офиціально Фирсовкой, потому что первоначальное названіе ея не понравилось и ее назвали по имени эконома Фирсова. Но какъ я уже замѣтилъ и прежде, подобныя названія плохо прививаются въ народѣ. Да оно какъ то и странно для крестьянина. Нѣтъ сомнѣнія, что на этой банкѣ сидѣлъ зимовникомъ какой нибудь Запорожецъ Галушка, а потому народъ вспоминаетъ козака безъ всякаго непріязненнаго чувства, тогда какъ экономъ Фирсовъ могъ быть и не весьма человѣколюбивымъ экономомъ, что и бываетъ по большей части.

Далѣе надъ живописными скалами, среди вѣтвистыхъ деревьевъ, расположены маленькія деревеньки, принадлежащія князю Воронцову. Это большія и малыя Гирла, лежащія надъ Гирлами, соединяющими Великія воды съ Днѣпромъ, и гдѣ выстро-

енъ большой каменный магазинъ. Сюда приходятъ уже суда для нагрузки хлѣба и другихъ сырыхъ произведеній. По дорогѣ въ двухъ мѣстахъ глубоко вошли въ землю каменные кресты надъ могилами запорожцевъ, съ надписями, которыхъ однакоже разобрать нѣтъ никакой возможности. Въ Гирлахъ одинъ рыбопромышленникъ держитъ на арендѣ рыболовство. Заводъ впрочемъ небольшой, хотя казалось бы при мѣстныхъ условіяхъ не должно быть недостатка въ рыбѣ, между которою попадаются и порядочныя стерляди. Малыя Гирла населены великорусами изъ Тамбовской губерніи, которые однакоже приняли туземные образъ жизни, земледѣльческія орудія, обычаи. Въ рѣчи стариковъ замѣтенъ еще великорусскій говоръ, но молодое поколѣніе и дѣти говорятъ чисто по малорусски. Но что это за очаровательный уголокъ, въ особенности весною, въ маѣ мѣсяцѣ! Немного мѣстъ, гдѣ бы съ такимъ удовольствіемъ проводилъ я вечера мои, какъ въ пустынныхъ, никому неизвѣстныхъ Гирлахъ, среди цвѣтущихъ грушевыхъ и вишневыхъ деревьевъ. Каменистыя скалы, покрытыя желтыми цвѣтами, вокругъ пышныя деревья, всѣ въ цвѣту, убранныя молодыми душистыми листьями, у ногъ красивый Днѣпръ, а вдали заунывные голоса малорусскихъ пѣсень,—все это погружало меня въ какое то отрадное забытье, подъ вліяніемъ котораго исчезали многія невзгоды, сопряженныя съ кочевой жизнью по уголкамъ, заброшеннымъ Богъ знаетъ въ какую глушь. Вообще я нигдѣ не скучаю, даже тамъ, гдѣ приходится терпѣть многія неудобства; но время, которое я провелъ, разумѣется одинъ одинехонекъ, въ Гирлахъ, долго не изгладится у меня изъ памяти. Необыкновенно пріятно было, послѣ странствій по рѣкѣ и плавнямъ, возвращаться въ свою чистую и уютную хату, выходившую окнами на живописную панораму. У порога сидѣла гостепріимная хозяйка, окруженная внуками и чужими ребятишками, которые постоянно сходились смотрѣть на самоваръ, производившій на нихъ впечатлѣніе какого-то страха и вмѣстѣ удовольствія. Народъ этотъ вообще непріятенъ человѣку занятому, и признаюсь, иногда ребятишки сильно мнѣ надоѣдали; однако нельзя было слушать безъ смѣха ихъ разговоровъ, въ особенности изъясненій опытныхъ, которые разсказывали новичкамъ какъ *воно* шумитъ страшно, страшно, и послѣ закипитъ и забрызжетъ во всѣ стороны. Стоило мнѣ вытти на заваленку и сѣсть, какъ возлѣ ме-

ня нечувствительно собирался кругъ изъ всѣхъ возрастовъ и половъ, и долго не умолкала бесѣда. Тутъ разсказывались преданія, шли толки о жизни отцевъ, о настоящемъ положеніи и вообще обо всемъ, что занимаетъ крестьянина. Жители, по преимуществу земледѣльцы, но каждый ловитъ иногда тайкомъ и рыбу для своего обихода. Живутъ они бѣдно, и я не знаю чему приписать это обстоятельство, довольно часто встрѣчаемое. Конечно одно земледѣліе, безъ всякихъ промысловъ, не можетъ доставлять привольной жизни помѣщичьему крестьянину; однакоже мнѣ кажется, что причиной недостаточности жителей было дурное управленіе экономіи. Положенія у князя Воронцова прекрасныя, но кто же можетъ поручиться, что онѣ не служили только для украшенія стѣнъ конторы, какъ это бываетъ повсемѣстно. При всемъ желаніи дѣлать добро, покойный князь не могъ никакимъ образомъ вникать въ дѣйствія своихъ управляющихъ, а какой же управляющій, за весьма и весьма немногими исключеніями, обращаетъ вниманіе на бытъ крестьянъ, ввѣренныхъ его попеченію! Завѣдывающій большимъ имѣніемъ живетъ обыкновенно въ прекрасномъ домѣ, получаетъ хорошее жалованье, пользуется содержаніемъ, и его главная забота дать возможно большій доходъ помѣщику, если впрочемъ онъ человѣкъ не грѣшащій противъ извѣстной заповѣди. Ему дѣла нѣтъ какъ извлекается доходъ; для этого есть у него экономы и прочія подвѣдомственныя лица. Онъ знаетъ, что въ такой то деревнѣ столько то душъ и по этому распредѣляетъ рабочія силы, а правильно ли заводится машина, безпристрастно ли поступаютъ, человѣчески ли обходятся съ бѣднымъ народомъ, главноуправляющему нѣтъ надобности. Онъ является только грозою для непокорныхъ и непослушныхъ, разумѣется, по донесеніямъ экономовъ, и вслѣдствіе вкоренившагося обычая, что старшій не можетъ быть виноватъ, никогда не позаботится выслушать обвиненныхъ и надѣляетъ послѣднихъ ударами.

Кажется, что прежніе управляющіе не входили въ положеніе гирловскихъ крестьянъ и оттого послѣдніе не могутъ похвалиться добрымъ бытомъ, хотя я и не замѣтилъ между ними ни пьяницъ, ни негодяевъ. Впрочемъ послѣднія качества довольно рѣдки между приднѣпровскими крестьянами, исключая касты дворовыхъ, среди которыхъ порядочные люди встрѣчаются необыкновенно рѣдко.

Праздникъ въ Гирлахъ, въ особенности весною, чрезвычайно пріятенъ для наблюдателя народныхъ нравовъ. Небольшое населеніе обыкновенно собирается: пожилые у пороговъ, а молодежь на хорошемъ мѣстѣ, гдѣ нибудь надъ обрывомъ; дѣвушки и парни въ праздничныхъ костюмахъ, между группами цвѣтущихъ деревьевъ, необыкновенно разнообразятъ и оживляютъ картину. Увеселенія послѣднихъ самыя патріархальныя и преимущественно пѣсни, изъ которыхъ не удалось однакожъ подмѣтить ни одной, мнѣ незнакомой. Однажды я увидѣлъ за деревней группу парней, окруженныхъ дѣвушками и сидѣвшихъ на большомъ камнѣ; общество было молчаливо. Это возбудило мое любопытство, и я подошелъ къ молодежи, бывъ напередъ увѣренъ, что появленіе мое не разстроитъ ихъ занятія. Первой обязанностью моею, если я поселяюсь въ какой нибудь деревнѣ, знакомиться рѣшительно со всѣми, употреблять мѣстный языкъ и строго придерживаться обычаевъ, ничѣмъ ненапоминая, что принадлежу къ другому сословію. Покрайней мѣрѣ до сихъ поръ это мнѣ служило къ удачному собиранію всевозможныхъ этнографическихъ матеріаловъ, доставляемыхъ мнѣ съ большою охотою, иной разъ даже и безъ моей просьбы. Грошевыя сережки, ленты, пряники, орѣхи—въ этомъ случаѣ гораздо полезнѣе надутости, чванства, держанья себя съ высока и незнанья обычаевъ, что замѣчалъ я иногда у нѣкоторыхъ господъ, занимавшихся собираніемъ свѣдѣній. Подойдя къ кружку молодежи, я поздоровался и увидѣлъ трехъ парней, которые по разостланной свитѣ играли въ карты въ дурачки и тѣмъ привлекли къ себѣ толпу любопытныхъ. Но что это были за карты! Никакого нѣтъ сомнѣнія, что отслуживъ крѣпкую службу гдѣ нибудь въ лакейской, потомъ, истрепавшись подъ каретами, онѣ, въ видѣ подарка, достигли наконецъ въ малыя Гирла, гдѣ, я полагаю, со времени основанія деревни, никто не предавался этому неизбѣжному у насъ занятію. Я уже не говорю, что рубашки на нихъ не было совсѣмъ примѣтно, что иныя были сшиты грубыми нитками, но и лицевая сторона различалась съ трудомъ, такъ что нужно было опытнаго глаза для разпознанія короля, дамы, валета. Разумѣется, парни играли для препровожденія времени, но процессъ этотъ занималъ всю публику, которая, не понимая дѣла, съ любопытствомъ однакоже слѣдила

за ходомъ игры и разражалась гроткимъ хохотомъ, когда одинъ изъ игравшихъ оставался *дурнемъ*.

Немного выше этой деревни, Днѣпръ поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ къ югу и течетъ подъ каменистымъ крутымъ берегомъ. Но это уже новѣйшій фарватеръ, хотя и глубокій, имѣющій здѣсь отъ 4 до 5 сажень. Рѣка шла гораздо лѣвѣе позаостровомъ, потому что восточный рукавъ и теперь называется *днѣприщемъ*, но теченіе гирлъ изъ Великихъ Водъ прорыло себѣ этотъ фарватеръ. Верстахъ въ трехъ впадаетъ глубокая балка, называемая Золотою, за которой расположена деревня того же имени, принадлежащая помѣщику Энгельгардту. Здѣсь Днѣпръ тоже идетъ у самаго берега и довольно глубокъ, но минуя деревни, по фарватеру встрѣчаются мели, такъ что въ иныхъ мѣстахъ воды не болѣе сажени. Пространства этихъ мелей небольшія и не всегда постоянныя. Днѣпръ вообще имѣетъ свойство измѣнять глубину, фарватеръ и любитъ иногда удаляться на значительное пространство отъ прежняго теченія. Кто слѣдилъ за этой рѣкой, тому конечно случалось встрѣчать протоки, именуемые Днѣприщемъ, рѣчищемъ, и даже ложбины, наполненныя сухимъ пескомъ, служившія нѣкогда ложемъ капризному Борисѳену.

Въ какой нибудь верстѣ разстоянія, на дивномъ мѣстоположеніи лежитъ деревенька Леонтьевка, жители которой на половину государственные крестьяне, на половину вольные матросы. Первые живутъ хорошо, обработывая землю, послѣдніе перебиваются кое-какъ и многіе изъ нихъ терпятъ большой недостатокъ. Въ прежней статьѣ моей я высказалъ уже наблюденія надъ бытомъ вольныхъ матросовъ и потому не повторяю своихъ замѣчаній. На самыхъ лучшихъ пунктахъ, гдѣ развито судоходство, вольные матросы не могутъ существовать однимъ своимъ промысломъ, за исключеніемъ судохозяевъ, которыхъ, какъ видѣли мы, весьма немного даже въ Никополѣ, этой, такъ сказать, столицѣ вольныхъ матросовъ. Построить мореходную лодку и даже рѣчной дубъ—нуженъ порядочный капиталъ для бѣднаго человѣка, а въ вольные матросы записались люди, преимущественно небогатые. Еще шкиперъ пользуется порядочнымъ содержаніемъ, но шкиперами по большей части сами судохозяева, а простой матросъ едва заработываетъ на пропитаніе семейства. Между тѣмъ среди вольныхъ матросовъ встрѣчаются люди, обремененные боль-

шою семьею. Матросъ отдаетъ всѣхъ сыновей въ науку (нынѣ въ Общество пароходства и торговли), а самъ остается кормить семейство, какъ Богъ далъ, если нѣтъ у него въ запасѣ какого нибудь ремесла или не можетъ ходить хоть на чужой лодкѣ. Имѣй матросы немного земли, пользуйся они угодьями, которыя по Днѣпру щедро разсыпаны государственнымъ крестьянамъ (сѣнокосъ, лѣсъ, лоза), они не были бы въ такомъ бѣдственномъ положеніи, какъ нынѣ. Дѣйствительно они пользуются нѣкоторыми привиллегіями, но если мы разсмотримъ ближе эти привиллегіи, то окажется, что онѣ потеряютъ много процентовъ отъ ближайшаго разсмотрѣнія. Матросъ не несетъ рекрутства, избавленъ отъ квартирной и подводной повинностей и не платитъ податей. Кажется очень много преимуществъ. Онъ не несетъ рекрутства, но отдаетъ молодыхъ парней на пять лѣтъ въ ученье и на это время лишается работника. Онъ избавленъ отъ квартирной и подводной повинностей въ то время, когда въ этомъ нѣтъ большой надобности.

Вообще всѣ жители Леонтьевки народъ, сколько я замѣтилъ, веселый, пѣвучій, и надо сказать правду, рѣдко гдѣ мнѣ удавалось слышать такое множество самыхъ интересныхъ пѣсень. Выбираются деревни, гдѣ все населеніе, какъ-то особенно любитъ пѣть, несмотря на возрастъ: играютъ ли дѣти на улицѣ, работаютъ ли молодые и взрослые, сидятъ ли старики и грѣютъ кости на солнышкѣ,—вездѣ вы услышите народную заунывную пѣсню. Такъ и въ Леонтьевкѣ, гдѣ если и нельзя сказать, что народъ благоденствуетъ, покрайней мѣрѣ можно утверждать, что онъ живетъ припѣваючи.

Рыболовство здѣсь въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. Возлѣ селенія на Днѣпрѣ идетъ большой островъ, образуемый съ правой стороны Днѣпромъ, а съ лѣвой—рѣкой Татаркой; островъ этотъ покрытъ лѣсомъ. Берега Днѣпра здѣсь чрезвычайно живописны съ своими разнообразными скалами и красивыми деревьями. За Леонтьевкой врѣзывается въ Днѣпръ очень большая балка Дурная, за которой лежатъ въ близкомъ одна отъ другой разстояніи двѣ деревеньки, Анастасьевка и Михайловка; изъ нихъ въ послѣдней небольшой рыбный заводъ. За Михайловкой, пониже впаденія рѣчки Дурной, Днѣпръ удаляется къ лѣвому берегу, выдѣляя отъ себя рѣчку Подпольную, которая межъ множествомъ протоковъ, озеръ и лимановъ пойдетъ из-

лучинами до Саблуковки, образуя острова, но не очень большіе. Первая деревня внизъ по берегу днѣпровской долины будетъ Гавриловка или Еремина, принадлежащая помѣщику Капнисту. Не знаю сколько верстъ берегомъ, потому что этого никто не скажетъ настояще, но я употреблялъ часа три скорой ходьбы, слѣдуя по излучинамъ. Въ плавняхъ, изобилующихъ озерами, чрезвычайно много дичи, состоящей преимущественно изъ водяныхъ птицъ. Гавриловка хорошо устроенная деревня, въ которой мѣсто владѣльца, постоянно находящагося въ отсутствіи, занимаетъ нѣмецъ — управляющій, довольно сносный, какъ выражаются крестьяне. Конечно, по моему, онъ долженъ быть бы сноснѣе, но какъ подумаешь—сколько этихъ господъ хуже, то миришься уже и съ этимъ, за то, что покрайней мѣрѣ не крѣпко и не часто дерется съ народомъ. Нѣмецъ этотъ отличается необыкновенной любовью къ собакамъ, которыхъ у него полны комнаты; визгъ, лай и вой раздаются отовсюду, такъ что надобно энергическихъ усилій прислуги для укромленія этихъ животныхъ,—иначе нельзя разговаривать.

Повыше Гавриловки, на крутомъ берегу, лежатъ остатки стариннаго укрѣпленія, какъ надобно полагать, турецкаго. Это больше ничего какъ обширный квадратъ, окруженный каменными валами, одѣтыми землею. Валы эти въ настоящее время частью разрыты, частью разрываются, и изъ нихъ извлекаютъ камни, пережигая на известь. Вездѣ множество битыхъ толстыхъ глиняныхъ кувшиновъ; говорятъ впрочемъ, что иногда попадаются и цѣлые, но мнѣ не удавалось этого видѣть. Мѣстоположеніе деревни не дурно, а между тѣмъ не знаю отчего она мнѣ кажется такою грустною и непривѣтливою. Избы у крестьянъ бѣдныя, хотя въ нихъ и соблюдается обычная малорусамъ чистота, да и самый народъ какой-то вялый и неразговорчивый.

Какъ-то вечеромъ, сидя на завалинкѣ, я подозвалъ одного старика и разговорился.

— Что это, старина, у васъ такъ не весело: молодежь не поетъ пѣсень, даже ребятишки не играютъ по улицамъ.

— Теперь не до веселости, отвѣчалъ онъ: какъ разъ рабочая пора, всякій устанетъ....

— Работаютъ вездѣ, однакоже молодежь свое беретъ, и вечеркомъ въ разныхъ концахъ села дѣвушки и парни выходятъ на улицу.

— Село селу рознь, и что дѣлается у вольныхъ, то не всегда можно въ господскихъ.

— Вѣроятно же у васъ нѣтъ запрещенія?

— Запрещенія нѣтъ, да какъ-то знаете лучше сидѣть молча.

— А подростковъ у васъ не гоняютъ на работу?

— Гоняютъ всѣхъ, развѣ не трогаютъ такихъ какъ я, что ногъ не передвигаю.

— Однако, любезный, и вольные крестьяне въ эту пору не сидятъ сложа руки; напротивъ у каждаго хозяина выходятъ въ поле даже ребятишки. Нѣтъ, ужъ видно выдалось такое молчаливое село.

— А можетъ быть, кто его знаетъ, отвѣчалъ старикъ, почесывая бѣлую какъ лунь голову.

Гавриловская экономія имѣетъ рыболовство, но крестьяне ловятъ лишь урывками, а вотъ за деревней есть родъ озера, остающагося послѣ весенняго разлива, и говорятъ, что въ немъ попадается иногда много карповъ, которыхъ ловить весьма удобно, и тогда народъ имѣетъ значительное подспорье въ пищѣ.

Противъ Ереминой балки, впадающей за деревней съ нагорнаго берега,—въ плавнѣ изъ Подпольной вырывается рѣчка Дурмалѣевка, идущая параллельно съ Подпольной, образующая лиманъ и соединяющаяся съ Днѣприщемъ и Днѣпромъ тоже повыше Саблуковки. Между Дурмалѣевкой и Подпольной течетъ еще множество продольныхъ рѣчекъ и протоковъ, множество озеръ, острововъ, изобилующихъ рыбой и дичью, и гдѣ можно запутаться также какъ и въ Сѣчевомъ лабиринтѣ. Мелкій лѣсъ и камыши произрастаютъ на этихъ плавняхъ, которыхъ разумѣется не посѣщаетъ никто кромѣ рыбаковъ и береговыхъ крестьянъ, отправляющихся накосить очерету или нарубить топлива.

Для меня есть какая-то особенная прелесть въ глубинѣ этихъ безвѣстныхъ плавень, подъ тѣнью деревьевъ, наклонившихся къ водѣ, или подъ прикрытіемъ высокихъ камышей, лѣниво шелестящихъ своими широкими листьями. По цѣлымъ часамъ иногда, въ какомъ-то забытьи, я слушалъ смѣшеніе птичьихъ голосовъ, прерываемыхъ однообразнымъ, но нелишеннымъ пріятности гуломъ лягушекъ, среди котораго иногда въ разныхъ мѣстахъ раздавались рѣзкіе дрожащіе звуки — крикъ водяной змѣи, по мнѣнію простолюдина. Рано утромъ и въ тихій вечеръ, концертъ этотъ въ состояніи унесть васъ отъ дѣй-

ствительности, если вы сочувствуете природѣ и не разучились находить въ ея голосахъ неизъяснимую прелесть. Конечно, для человѣка ультра-положительнаго, смотрящаго если не съ презрѣніемъ, то съ равнодушіемъ на все, что не приноситъ прямой пользы,—для человѣка, признающаго прекрасное въ однихъ только произведеніяхъ искусства,—днѣпровскія плавни могутъ показаться грустными, несносными, представляющими однѣ лишенія уже потому, что туда надо пробираться или въ рыбачьей лодкѣ или въ высокихъ охотничьихъ сапогахъ; но въ комъ не угасло сочувствіе къ природѣ, тотъ, повторю, найдетъ много удовольствія въ скитаньи по этимъ пустынямъ, въ особенности утреннею зарею. Журчатъ потоки, шумятъ деревья и камыши, тысячи голосовъ несутся со всѣхъ сторонъ, и, если можно такъ выразиться, гулъ этотъ виситъ надъ вами въ прозрачномъ тепломъ воздухѣ юга. Случалось, что проводникъ мой, положивъ весло и скрестивъ руки, до того забывался, при взглядѣ на весьма знакомую для него картину, что мнѣ надобно было повторять ему какую нибудь просьбу.

— Скажи мнѣ, пожалуста, спросилъ я одного молодаго парня, сопутствовавшаго мнѣ въ плавни, который необыкновенно былъ задумчивъ: ты вѣроятно горюешь о чемъ нибудь?

— А о чемъ мнѣ горевать, отвѣчалъ онъ, поднявъ на меня большіе умные глаза: я слава Богу всѣмъ доволенъ.

— О чемъ же ты задумался?

— А кто его знаетъ! Бываетъ, что поѣдешь за рыбой или за камышемъ, да такъ вотъ остановишься гдѣ нибудь, и руки будто не служатъ и будто нѣтъ воли, а такъ себѣ лежишь, смотришь на воду, слушаешь этотъ *гласъ*, словно впервые все это видишь и слышишь. Иной разъ бывало достанется отъ *батька*, что промедлилъ или мало привезъ дровъ. Такъ вотъ находитъ что-то на человѣка.

И дѣйствительно много безотчетнаго въ этомъ состояніи.

Выѣхавъ изъ Гавриловки и миновавъ два прибрежные пустые хуторка, вы достигаете Дудчиной балки, на которой поселена деревня того же названія. Имѣніе это принадлежитъ помѣщику Старицкому, и возлѣ него пролегаетъ большая дорога, идущая изъ Екатеринослава въ Херсонъ. Что касается до помѣщичьяго хозяйства—все здѣсь прекрасно устроено, но о крестьянскомъ, сказать этого нельзя.

Противъ Дудчиной множество острововъ и Дурмановъ лиманъ, гдѣ экономія отдаетъ на откупъ свое рыболовство.

Если слѣдовать по берегу далѣе, то верстахъ въ трехъ отъ Дудчиной поразитъ васъ огромный курганъ, сажень 10 вышины, въ которомъ вѣроятно похороненъ какой нибудь знаменитый витязь древности. Такихъ кургановъ я мало встрѣчалъ надъ Днѣпромъ: одинъ между Верхнеднѣпровскомъ и Романковымъ, о которомъ упоминаетъ Бопланъ, другой надъ Чертомлыкомъ, а это третій. Всѣ они ждутъ разслѣдованія. Вокругъ него разбросано много мелкихъ кургановъ, а съ вершины его великолѣпный видъ во всѣ стороны, особенно на панораму Днѣпра, который открывается здѣсь на большое пространство—со всѣми подробностями противоположнаго берега. Недалеко отъ кургана лежитъ маленькая помѣщичья деревенька Саблуковка, повыше которой приближается Днѣпръ къ правой сторонѣ долины, а у самаго берега течетъ рѣчка Затокъ—продолженіе той же Подпольной. За Саблуковкой, достигая порядочной глубины (болѣе 5 саж.), Днѣпръ подходитъ вплоть къ правому крутому берегу, на которомъ раскинулось очень красивое село Кочкаровка, между жителями котораго много вольныхъ матросовъ. Народъ здѣсь по большей части живетъ хорошо. Сюда приходятъ лодки за грузомъ и здѣсь я первый разъ на Днѣпрѣ встрѣтилъ ловлю сельдей. Конечно, въ Кочкаровкѣ этой рыбы весьма немного, однакоже ловлею ея занимаются весьма дѣятельно, приготовляя для этого густыя сѣти. Свѣжій днѣпровскій сельдь очень вкусенъ: я пробовалъ варить изъ него уху, жарить въ маслѣ, и всегда ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, хотя, правду сказать, я все ѣлъ съ большимъ аппетитомъ, постоянно живя на свѣжемъ воздухѣ, проходя пѣшкомъ большія разстоянія и зачастую довольствуясь только сухояденіемъ.

Хотя здѣшніе вольные матросы и не имѣютъ собственныхъ *дубовъ*, однако находятъ себѣ мѣста на купеческихъ судахъ, для чего отправляются даже въ порты Азовскаго моря. Небольшое ихъ общество какъ то особенно дѣятельно, и причиною ли мѣстныя условія или случайныя обстоятельства, только здѣсь народъ этотъ меньше бѣдствуетъ нежели на другихъ мѣстностяхъ.

Избы у кочкаровскихъ жителей хорошія, окруженныя индѣ садами, и въ деревнѣ, для путешественника, нѣтъ никакого затрудненія въ отысканіи жизненныхъ припасовъ. Послѣднее об-

*

стоятельство въ моемъ быту значитъ много, и я прошу извиненія у читателей, вспоминая часто объ этомъ, повидимому неважномъ предметѣ. При отсутствіи молока, масла, птицы, питаясь лишь чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ, поневолѣ обрадуешься мискѣ борщу и кашѣ съ молокомъ. Въ небольшихъ деревушкахъ трудно иногда достать всѣхъ этихъ принадлежностей. Надобно отправляться по избамъ и упрашивать продать что нибудь, потому что хозяйки какъ то недовѣрчивы къ людямъ, подъѣзжающимъ къ расправѣ на обывательскихъ. Я впрочемъ упоминалъ уже объ этомъ въ прежнихъ статьяхъ моихъ. Конечно, расплатившись хорошенько разъ, можно уже въ послѣдствіи достать припасовъ, если они есть деревнѣ, но у иныхъ помѣщичьихъ крестьянъ и деньги не помогутъ, потому что ничего нѣтъ для продажи. За то же цѣны въ деревняхъ на жизненные припасы стоятъ вообще чудовищныя, несмотря даже на изобиліе того или другаго продукта, на отсутствіе запроса, а слѣдовательно и средствъ сбыта. Не говоря уже о переложеніи курса на серебро, которое возвысило цѣны въ три съ половиною раза, военное время довело эти цѣны до невѣроятности. Крестьянка, продававшая прежде, положимъ, кувшинъ молока, по 10 к. асс. продавала его на серебро и до войны по 10 к.,—объ этомъ нѣтъ уже разговора; но въ военное время, когда въ Новороссіи сосредоточились большія массы войскъ, этотъ же кувшинъ сдѣлался 20 и 25 к. Заключеніе міра не содѣйствовало въ краѣ уменьшенію дороговизны, и теперь съ васъ просятъ за кувшинъ молока, въ которомъ не болѣе трехъ или четырехъ стакановъ, тотъ же двугривенный или четвертакъ, смотря по обстоятельствамъ. Еще это не удивительно въ захолустьяхъ, гдѣ жители могутъ пользоваться безвыходнымъ положеніемъ проѣзжаго, но и въ городахъ вы встрѣчаете тоже самое. Пудъ ржаной муки напр. стоитъ 80 к., а фунтъ печенаго хлѣба 5 к.! Я противникъ таксы и вообще всякаго стѣсненія въ торговлѣ, но какимъ же образомъ могутъ существовать, безъ всякой экономической причины, подобныя цѣны на жизненные припасы, необходимые какъ тому, кто можетъ бросать десятки рублей, такъ и тому, кому тяжело истратить лишнюю копѣйку. Можно ли въ деревнѣ напримѣръ платить 30 и даже 40 к. за курицу, 15 к. за хлѣбецъ, въ которомъ нѣтъ и трехъ фунтовъ вѣсу!

Большая наша единица конечно причиной всего этого, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы она была уменьшена, то на все вообще понизились бы цѣны, которыя, особенно въ Новороссіи, дошли до nec plus ultra. Гдѣ простой народъ считаетъ на ассигнаціи, тамъ все дешевле, и дѣйствительно, гдѣ существуетъ этотъ счетъ, крестьянка не запроситъ за кувшинъ молока восемь гривенъ или за курицу рубль пять копѣекъ. Пусть цѣны будутъ удвоены, потому что время и торговыя условія сдѣлали свое, но какимъ же образомъ цѣны на жизненные припасы могутъ быть возвышены въ шесть разъ и болѣе!

Кочкаровцы занимаются рыболовствомъ не въ большихъ однакоже размѣрахъ, а такъ ловятъ себѣ рыбу немножко для дому, немножко для продажи, какъ и вообще приднѣпровскіе жители. Нигдѣ на всемъ обозрѣнномъ мною пространствѣ нѣтъ значительнаго рыболовства у крестьянъ, хотя и есть для этого благопріятныя условія. Я полагаю, что важную роль играетъ здѣсь обычай отдавать эту статью на откупъ. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ крестьяне не смѣютъ ловить рыбы, потому что владѣлецъ отдаетъ на откупъ лучшія угодья,—казенные находятся подъ тѣми же условіями, потому что палаты, чуть только гдѣ выгодно, дѣлаютъ изъ рыболовства доходную статью, и бѣднымъ простолюдинамъ невозможно заняться промысломъ, который поэтому и не имѣетъ должнаго развитія. Есть деревни, гдѣ рѣка не на откупу, но займись жители рыболовствомъ и успѣшно, нѣтъ сомнѣнія, что явятся откупщики и заключатъ контрактъ съ палатой, которая не задумается помѣшать развитію благосостоянія жителей.

Днѣпръ, имѣющій у Кочкаровки порядочную глубину, 5 и 6 сажень, дѣлается вдругъ, пониже селенія, на пространствѣ можетъ быть полуверсты, весьма мелокъ, хотя дальше, поворачивая влѣво, пойдетъ снова глубже, но тоже съ отмелями, и только принявъ слѣва протокъ Переволоку, достигаетъ значительной глубины.

Изъ Кочкаровки дорога идетъ по извилистому берегу, на которомъ надъ плавнями, изобилующими множествомъ озеръ, лежатъ два небольшихъ хутора, а далѣе мѣстечко Мѣловая, раскинувшееся по берегамъ большой балки и принадлежащее помѣщику Вертильяку. Зная участіе этого помѣщика къ остаткамъ мѣстной старины (см. Ист. новой сѣчи, г. Скальковскаго) и

что онъ происходитъ отъ запорожцевъ, я долго не могъ понять какимъ образомъ произошелъ отъ сѣчевыхъ козаковъ французъ, потому что упомянутая фамилія чисто французская. Но когда окрестные жители вездѣ называли его Воротилякомъ или даже просто Воротиломъ, тогда я догадался, что окончаніе *лъякъ* вкралось уже въ послѣдствіи. Однакоже мнѣ не суждено было познакомиться съ г. Вертильякомъ, обладающимъ, какъ говорятъ, большимъ запасомъ свѣдѣній о козачествѣ: если я пріѣзжалъ въ Мѣловую, онъ былъ въ Херсонѣ; если я ѣхалъ въ Херсонъ съ цѣлью побывать у него—онъ жилъ въ имѣніи.

Мѣстечко Мѣловая небольшое и ничѣмъ не отличается отъ деревни. Народъ впрочемъ живетъ довольно порядочно и занимается земледѣліемъ и скотоводствомъ. Есть даже маленькія попытки къ промышленности, вѣроятно вслѣдствіе открытыхъ здѣсь ярмарокъ, но я не думаю, чтобы въ этомъ уголкѣ, лишенномъ удобствъ сухопутнаго сообщенія, по случаю овражистой мѣстности, и окруженномъ мало населенными степями въ глубину края, могли образоваться значительные рынки для закупки сырыхъ произведеній. Евреи не поселяются здѣсь съ торговою цѣлью, потому что грузить хлѣбъ они могутъ выше въ Кочкаровкѣ, Леонтьевкѣ и Гирлахъ, а ниже—въ Бериславѣ, куда удобнѣе приходить транспортамъ. Впрочемъ все таки и самыя малыя ярмарки сколько нибудь оживляютъ мѣстечко и даютъ возможность жителямъ, особенно во время сухой погоды, заработать лишнюю копѣйку. Въ концѣ Мѣловой проходитъ большая дорога и учреждена почтовая станція.

Днѣпръ здѣсь довольно удаленъ отъ берега, протекая за большимъ островомъ, но сообщеніе не прервано, потому что тянется большой лиманъ Затокъ, южная оконечность котораго имѣетъ достаточную глубину.

На всемъ описанномъ пространствѣ, отъ Покровскаго и до Мѣловой включительно жители малорусскаго племени, исключая Гирлъ и хутора Саблуковки, населенныхъ великоруссами, но принявшими, особенно въ первой деревнѣ, мѣстные обычаи. При самыхъ тщательныхъ наблюденіяхъ я не замѣтилъ никакихъ особенностей, потому что населеніе здѣшнее не коренное, а пришлое, принесшее съ собою нравы и обычаи различныхъ мѣстностей, знакомыхъ мнѣ изъ моихъ прежнихъ этнографическихъ

путешествій. Жизнь на новыхъ мѣстахъ не оказала никакого вліянія на выговоръ, и только вкрались нѣкоторыя слова, почерпнутыя въ степяхъ немногочисленными первоначальными поселенцами, употребляемыя впрочемъ не повсемѣстно. Слова эти я занесъ въ мой словарь малорусскихъ нарѣчій.

ГЛАВА II.

Каменка. Запорожское кладбище. Гордѣенко. Разговоръ съ туземцемъ Блажкова. Замѣчательные курганы. Бизюковъ монастырь. Змѣи. Шведская колонія. Нравы и обычаи. Ново-Бериславская еврейская колонія. Бытъ евреевъ—земледѣльцевъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ за Мѣловой, надъ обрывомъ, омываемымъ прежнимъ русломъ Днѣпра, и при впаденіи рѣчки Каменки, лежитъ небольшая помѣщичья деревенька Канцеровка, принадлежащая г. Эсаулову. Противоположный берегъ Каменки, усѣянный скалами, между которыми разрослись большіе тѣнистые дубы, и красивый островъ на Днѣпрѣ, отражающіеся въ водѣ, со всею своею кудрявою растительностью,—представляютъ чрезвычайно любопытную мѣстность. Въ этомъ тихомъ уголкѣ, между этими угрюмыми скалами любитель природы просидѣлъ бы нѣсколько часовъ, предавшись безотчетнымъ думамъ и можетъ быть надолго сохранилъ бы въ памяти оригинальный дикій пейзажъ изъ странствій по низовью приднѣпровскому. Но если этотъ странникъ малоруссъ, думы его будутъ стараться проникнуть смыслъ одной страницы изъ родной исторіи. По берегу разсѣяно нѣсколько запорожскихъ могилъ, валяется въ пренебреженіи три разбитыхъ креста съ испортившимися надписями, а немного повыше, подъ дикой грушей, полунаклонился крестъ надъ гробомъ Кости Гордѣенка, державшаго въ 1709 г. сторону Мазепы. Какъ онъ попалъ сюда, какимъ образомъ погребены другіе старшины въ Каменкѣ—неизвѣстно. Ходитъ молва, что здѣсь была временная Сѣчь Запорожцевъ, выгнанныхъ съ Чертомлыка Петромъ I, но объ этомъ нѣтъ нигдѣ указаній. Г. Скальковскій, въ своей исторіи Запорожья, говоритъ такъ неопредѣленно, хотя и невозможно сомнѣваться въ существованіи здѣсь Сѣчи, при видѣ этихъ полуразрушенныхъ памятниковъ. Но если бы

предположить даже, что старшина запорожская передъ смертью просила товарищей перенесть прахъ поближе къ прежнимъ пепелищамъ, то остатки насыпей и углубленія, свидѣтельствующія о жильѣ козачьемъ, все таки убѣждаютъ, что Сѣчь здѣсь существовала. Помѣщикъ, которому принадлежитъ эта замѣчательная мѣстность, нисколько не уважаетъ старины, и судьбу древнихъ могилъ предоставляетъ вполнѣ времени и произволу животныхъ. Конечно, никто не имѣетъ права требовать отъ него сохраненія могилъ, но просвѣщенному потомку не должно разрушать историческихъ памятниковъ. Я вполнѣ убѣжденъ, что г. Эсауловъ не питаетъ никакой непріязни къ знаменитому кошевому, подозрѣваю даже—знаетъ ли онъ историческое значеніе лицъ, похороненныхъ въ его имѣніи; а все таки грустно въ нынѣшнее время встрѣчать подобный образъ дѣйствій со стороны такъ называемаго образованнаго сословія. Положимъ человѣкъ, не имѣющій достаточно земли, разоряетъ кладбище, и хоть этотъ поступокъ нельзя извинить, однако все же есть какая нибудь цѣль совершить его; но допускать безъ всякой надобности и пользы растаскивать старинные кресты и разрушать могилы христіанъ, сложившихъ головы за сто лѣтъ съ небольшимъ—какъ то неловко и пожалуй дико. Что, кажется, мѣшали бы кому могилы Запорожцевъ, почившихъ въ изгнаніи? Напротивъ, величественные каменные кресты придавали бы красы самой усадьбѣ, если бы ихъ оградить отъ произвола животныхъ.... Но въ бывшей запорожской палестинѣ повсемѣстно нарушаютъ прахъ степныхъ рыцарей и образованный помѣщикъ и необразованный крестьянинъ и дикія стада четвероногихъ. Читатель, я думаю, сѣтуетъ на меня, что при каждомъ случаѣ я высказываю подобныя мысли,—но можно ли пройти равнодушно мимо такого обстоятельства. Я не имѣю никакихъ постороннихъ цѣлей: какъ природный малорусъ, знающій свою родину; какъ человѣкъ, изучившій этнографію и лѣтописи, я, по крайнему разумѣнію, дѣйствую откровенно, и не могу говорить, что родина моя не имѣла прошедшаго, достойнаго любознательности. И признаюсь, мнѣ было неизобразимо грустно увидѣть могилы Запорожцевъ, преданныя въ жертву такому печальному разрушенію. Когда первый разъ съ г. Блажковымъ я осматривалъ упавшіе кресты, на меня это не произвело сильно-тяжелаго впечатлѣнія, потому ли, что мѣшало присутствіе посторонняго, или наступав-

шій дождь возбуждалъ во мнѣ другія мысли. Но когда послѣ, одинъ, подъ вечеръ, бродя съ ружьемъ по пустынному берегу, я зашелъ на покинутое кладбище, и полный мѣсяцъ облилъ свѣтомъ своимъ недолгій временный пріютъ изгнанниковъ,—я весь предался какой-то безотчетной грусти. Возлѣ меня подъ кудрявой засыхающей грушей стоялъ наклонившійся крестъ Гордѣенка, и лучи мѣсяца, проходившіе сквозь рѣдкую листву, колеблемую вѣтеркомъ, волновались на поверхности сѣраго камня. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, данныхъ къ возсозданію личности этого кошеваго, но сколько можно судить по всему—это была далеко не обыкновенная личность. Здѣсь надобно немножко заглянуть въ исторію края. Какъ до присоединенія Малороссіи къ Россіи, такъ и послѣ этого событія, запорожье жило своей особой внутренней жизнью и если считало себя какъ бы вассаломъ сперва польскаго короля, а потомъ царя московскаго, то ни въ какомъ случаѣ не подчинялось малорусскому гетману. Стоитъ только прочесть сборники войнъ малорусскаго народа, называемые исторіями, чтобы убѣдиться въ какой степени Запорожцы были независимы, хотя вездѣ являются они поборниками вѣры и союзниками единоземцевъ, гдѣ дѣло касалось защиты родины отъ угнетенія. Титулъ гетмана войска запорожскаго, принятый малорусскими гетманами, былъ чисто номинальный, давшій только поводъ иностранцамъ и даже русскимъ смѣшивать Запорожцевъ съ малорусскимъ козаками, и гетманъ не имѣлъ никакого права посылать въ Сѣчь своихъ универсаловъ. Есть одинъ замѣчательный примѣръ подобныхъ сношеній, повторенный въ такъ называемыхъ исторіяхъ, который однакоже считаю не лишнимъ привести для многихъ читателей, можетъ быть незнакомыхъ съ запорожской дипломатіей. Во время гетманства Самойловича, послѣдній однажды писалъ кошевому Сѣрку въ родѣ выговора за то, что кошевой дозволялъ татарамъ пасти стада на своихъ лугахъ, и спрашивалъ—на какомъ основаніи войско рѣшается потворствовать хищнымъ непріятелямъ. Изложивъ довольно оргинально въ своемъ отвѣтѣ мысль, что если и чортъ окажетъ намъ услугу, то и чорта должно отблагодарить, и изъяснивъ, что изстари подобныя дозволенія существуютъ между обѣими сторонами въ случаѣ неурожая, кошевой заключаетъ: «Не диво мнѣ, панъ гетманъ, что ты не знаешь нашихъ обычаевъ, но диво то, что

ты юлишь передъ нами, точь въ точь какъ покойный отецъ твой на поминкахъ передъ прихожанами». Заключенie это много теряетъ въ переводѣ. Но если вспомнимъ, что Самойловичъ происходилъ изъ духовнаго званiя, то увидимъ какую ѣдкую насмѣшку заключалъ отвѣтъ кошеваго, и какъ мало имѣлъ не только власти, но и влiянiя человѣкъ, именовавшiйся гетманомъ войска запорожскаго. Короче сказать, сѣчевики до послѣднихъ временъ не признавали ничьей власти, исключая верховной и то не вполнѣ, и только съ возвращенiемъ изъ Турцiи зависимость ихъ приняла болѣе опредѣленный характеръ. Слѣдовательно на кошеваго Гордѣенка нельзя смотрѣть какъ на бунтовщика въ тѣсномъ смыслѣ, и, если онъ, прельстясь обѣщанiями умнаго друга своего Мазепы, рѣшился дѣйствовать въ пользу независимости Малороссiи, то за это нельзя еще швырять въ него грязью презрѣнiя и честить оскорбительными названiями, какъ привыкли честить близорукiе историки людей, положимъ заблуждавшихся, но дѣйствовавшихъ въ силу крѣпкаго убѣжденiя. Надобно обратить немножко вниманiя на эпоху, событiя и не мѣшаетъ также вникнуть въ тѣ обстоятельства, которыя вызываютъ то или другое стремленiе. Когда Мазепа съ хитростью iезуита велъ свой планъ отторженiя, какъ умный человѣкъ онъ не пренебрегъ дружбой Гордѣенка и старался привлечь на свою сторону вождя храброй и могучей въ то время дружины. Всѣмъ извѣстно, что кошевой самъ собою ничего не могъ дѣлать, что онъ собиралъ раду на совѣщанiе и что важныя рѣшенiя произносились громадой, а слѣдовательно нужно было согласiе большинства опытныхъ и влiятельныхъ старшинъ, чтобы приступить къ какому нибудь важному дѣлу. Не будемъ здѣсь разбирать поступки Мазепы; предоставимъ это перу болѣе искусному, тѣмъ болѣе, что монографiя этого замѣчательнаго человѣка вѣроятно занимаетъ кого нибудь изъ нашихъ опытныхъ дѣятелей. Былъ ли онъ дерзкiй честолюбецъ или мятежникъ изъ любви къ искусству—это не наше дѣло, но онъ былъ человѣкъ необыкновенный, жизнь котораго для насъ покрыта еще тайною. Можетъ быть современный историкъ, въ особенности человѣкъ безпристрастный, измѣнитъ многiя страницы, правда поэтическiя, но не совсѣмъ вѣрныя съ дѣйствительностью. Кровавый эпизодъ Кочубея, можетъ быть, тоже потеряетъ нѣсколько поэтическаго колорита, но это не должно мѣшать

правдивому сказанію. Мы охотно видимъ въ Кочубеѣ поруганнаго отца и жертву преданности престолу, но какъ будто не хотимъ заглянуть между строчки и словно пугаемся спросить: отчего же Кочубей выступилъ съ своимъ доносомъ только тогда, когда заговорило сердце отца? Отчего же кумъ и другъ гетмана, конечно знавшій тайны послѣдняго, не хотѣлъ во время дружескихъ отношеній донести въ Москву о замышляемомъ заговорѣ? Но это побочные предметы. Обратимся къ Гордѣенку. Кошевой атаманъ, не мечтавшій стать правителемъ страны, пользовавшійся и безъ того едва ли не полной независимостью, рѣшился присоединиться къ Мазепѣ. Ни подарки Петра, ни угрозы, ни наконецъ разореніе Сѣчи—не заставили его перемѣнить убѣжденія: онъ оставался вѣренъ гетману, даже во время бѣдствій послѣдняго, когда оборвалась всякая надежда, когда Мазепа изнывалъ въ пустыннойВаринцѣ вблизи Бендеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобный атаманъ не могъ не возбудить гнѣва въ Петрѣ Великомъ, но заслуживаетъ ли безусловнаго порицанія человѣкъ, слѣдовавшій своимъ убѣжденіямъ, несмотря ни на какія обстоятельства. Полтора вѣка прошло съ разоренія чертомлыцкой сѣчи, болѣе ста двадцати лѣтъ минуло со времени смерти Гордѣенка; Запорожье давно не существуетъ; Малороссія совершенно слилась съ Россіей и составляетъ одну изъ лучшихъ хлѣбороднѣйшихъ провинцій имперіи; племя наше служитъ на всѣхъ поприщахъ государству, многочисленныя жилы котораго бьются одною жизнью; наконецъ благодѣтельные лучи цивилизаціи начинаютъ сглаживать всѣ рѣзкія особенности.... И неужели же и теперь еще исторія, по примѣру прежнихъ временъ, должна задумываться надъ каждымъ фактомъ и представлять его въ такомъ свѣтѣ, чтобы не называть вещей собственными именами! Нѣтъ, я той вѣры, что пора намъ добросовѣстно трудиться на этомъ поприщѣ и безъ гнѣва и поддѣльнаго рвенія разбирать лица, участвовавшія въ той или другой эпохѣ. Отчего историческіе разсказы Маколея читаешь съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ читались самые замысловатые романы во время пылкой юности? Оттого, что событія и лица выпукло выходятъ у него на сцену со всѣми подробностями, умышленно скрытыми прежними историками, и правда бьетъ въ глаза на каждой страницѣ. Зачѣмъ же въ однихъ находить только добродѣтели и добродѣтели, а въ другихъ лишь пороки и недостатки?

Все это думалъ я, сидя на могильномъ холмѣ атамана и смотря на игру тѣней, игравшихъ на крестѣ Гордѣенка сквозь грушевую листву. Шелестъ травы заставилъ меня оборотиться. Въ нѣсколькихъ шагахъ стоялъ крестьянинъ, держа въ рукахъ шапку. Я поздоровался съ незнакомцемъ.

— А что тебѣ надобно, любезный? сказалъ я ему.

— Ничего. Я вотъ смотрю, что вы давно уже сидите на гробѣ и думаю—зачѣмъ этотъ панъ пришелъ сюда въ такую пору. Вѣрно отдыхаете послѣ охоты.

— Надѣвай-ка шапку. Точно я усталъ и отдыхаю. Ты здѣшній?

— Нѣтъ не здѣшній, но уже давно живу по близости.

— Но ты помнишь, когда эти кресты были еще цѣлы?

— Какъ же, панъ, и ихъ тутъ стояло довольно.

— Не разскажешь ли ты чего нибудь о старинѣ?

— Нѣтъ. Говорятъ, что жили здѣсь запорожцы, да кто ихъ знаетъ.

— Вѣрно тутъ была Сѣчь?

— Старики разсказывали, что была, и вотъ тутъ еще я помню землянки, никакъ стояли курени.

— Кто же разорилъ могилы?

— А извѣстно такъ себѣ: здѣсь пасутся стада, подойдетъ волъ почесаться, свинья порыться, а иногда и человѣку нуженъ камень подпереть вороты.

— Да вѣдь это грѣхъ.

— А кто его знаетъ.

— Какъ же кто знаетъ! Коли стоитъ крестъ на могилѣ, значитъ подъ нимъ почиваетъ христіанинъ, а тревожить прахъ—грѣшно, любезный.

— Оно грѣшно, да на это нѣтъ запрету, при томъ же панскіе люди берутъ....

— А не знаешь ли ты какихъ нибудь преданій объ этихъ могилахъ?

— Говорятъ, похоронены какіе то старшины, а въ томъ кто ихъ знаетъ. Разсказываютъ, что возлѣ этой большой могилы въ прежнія времена свѣтился огонекъ—значитъ зарытъ кладъ, вотъ и ямки здѣсь копаны, а нашелъ ли кто деньги—неизвѣстно.

Почти тоже я слышалъ и отъ другихъ мѣстныхъ жителей. Все это народъ захожій, и преданія для нихъ почти не суще-

ствуютъ. Я простился съ моимъ новымъ знакомцемъ и, не найдя лодки переправиться черезъ Каменку, пошелъ далеко вверхъ обойти эту балку. На большой дорогѣ у постоялаго ожидали меня лошади, и я отправился къ своему становищу.

За Каменкой, которая при впаденіи окружена горами, поросшими чуднымъ дубовымъ лѣсомъ и усѣянными камнями, лежитъ небольшая деревенька Блажкова, принадлежащая помѣщику того же имени. Небольшая усадьба и нѣсколько избъ составляютъ все владѣніе. Помѣщикъ этотъ дѣятельно занимается рыболовствомъ и независимо отъ прочихъ рыболовныхъ снарядовъ имѣетъ большой запасъ различныхъ удочекъ. Подъ его соломенной кровлей я встрѣтилъ рѣдкое патріархальное гостепріимство. На степи, ему принадлежащей, по дорогѣ къ Бизюкову монастырю есть продолговатые курганы замѣчательной формы, изобилующіе камнями, лежащими рядами, которые сложены такимъ образомъ неиначе какъ руками человѣческими. Изслѣдованіе этихъ кургановъ, я полагаю, было бы любопытно для науки. Не имѣя самъ времени, а болѣе средствъ для подобной разработки, я не считаю лишнимъ указать на этотъ курганъ лицамъ, имѣющимъ возможность заняться археологическими изысканіями.

Въ Одессѣ есть общество исторіи и древностей, однако оно до сихъ поръ немного сдѣлало розысканій, а между тѣмъ кому же ближе заниматься подобными предметами. Конечно, полезно рыться въ греческихъ и римскихъ историкахъ и выбирать оттуда извѣстія, касающіяся до Новороссіи, но печатные иностранные памятники доступны ученому, живущему и въ Петербургѣ и Нью-іоркѣ и Парижѣ. Не полезнѣе ли было бы каждое лѣто вскрывать по нѣскольку кургановъ, которыхъ такое множество по степямъ новороссійскихъ губерній и Бессарабіи? И для этого не должно довольствоваться лишь мѣстностями, которыя можно пролетѣть на почтовыхъ въ покойномъ экипажѣ, но и заглядывать въ захолустья, лежащія вдали отъ всякихъ дорогъ. Общество располагаетъ же какими нибудь суммами, слѣдовательно и можетъ удѣлить на археологическія раскопки. Иначе, какая цѣль существованія общества? Слова нѣтъ, что подобныя работы дороги, но это оттого, что не каждый берется за нихъ умѣючи. Можно раскопать курганъ за 1000 руб. и тотъ же самый вскрыть за половину. Разумное распредѣленіе рабочихъ, собственная усидчивость и присмотръ—чрезвычайно помогаютъ

при подобныхъ работахъ, а если принять во вниманіе наемъ рабочихъ въ сосѣднихъ губерніяхъ заблаговременно, то и не потребуется огромныхъ издержекъ, какія необходимы при болѣе употребительныхъ способахъ. Видѣлъ я на нѣкоторыхъ интересныхъ мѣстностяхъ курганы, разрытые по прежней системѣ—канавами, то продольными, то лежащими крестъ на крестъ. Вотъ гдѣ убито безполезно много денегъ. При подобномъ способѣ разрытія, самыя лучшія драгоцѣнности таятся иногда въ этихъ отрѣзкахъ, торчащихъ по сторонамъ. Впрочемъ, новѣйшие археологи и безъ меня знаютъ какъ приступать къ работамъ. Нужно только побольше любви къ наукѣ въ членахъ, поменьше неразсчетливой скупости въ обществахъ, и археологія наша пойдетъ впередъ. Мало еще говорить въ торжественныхъ собраніяхъ рѣчи и читать отчетъ о суммахъ: рѣчи самыя краснорѣчивыя забудутся на другой день, а суммы пойдутъ на различныя надобности, на украшеніе помѣщеній и пожалуй на офиціальныя торжества. Отчего бы хоть и одесскому обществу не послать спеціалистовъ обозрѣть далекія неизвѣстныя мѣстности. Конечно многіе ѣздили, но какъ и гдѣ? Кромѣ ѣзды надобно иногда выходить не мало и собственными ногами, тогда только явятся настоящіе результаты. Что же сдѣлали посланные общества? Это вопросъ, на который отвѣчаютъ записки общества. Третій годъ я въ краю, однако не только не встрѣчалъ ни одного командированнаго члена на обширныхъ степяхъ, а даже не нападалъ на слѣдъ; наконецъ, бывая въ Одессѣ, не слышалъ, чтобы кто нибудь отправлялся съ какою бы то ни было цѣлью. Даже нѣтъ порядочной статистики края, несмотря на статистическій комитетъ, потому что изданный г. Скальковскимъ «Опытъ» далеко неудовлетворителенъ. За голыми цифрами, не всегда вѣрными, и за лирическими возгласами—вы не видите характера мѣстности и можете представлять себѣ Новороссію Тамбовской или Саратовской губерніей. Въ описаніи Днѣпра невѣрности и большіе пропуски, указанныя впрочемъ въ III томѣ Записокъ од. общ. ист. и древностей—на стр. 466—507. Замѣчательный разборъ этотъ пропущенъ у насъ безъ вниманія. Не мѣсто здѣсь распространяться ни объ Опытѣ Статистики, ни о рецензіи, но нельзя не привести нѣсколько наивныхъ строчекъ, которыя приводитъ и г. Бухтѣевъ въ доказательство невѣрности описанія. Извѣстный инженеръ и географъ Бопланъ, описывая въ полови-

нѣ XVII столѣтія Украйну, а слѣдовательно и Запорожье, говоритъ о днѣпровскихъ островахъ довольно подробно и столь точно, что мы (говоритъ г. Скальковскій) при ихъ исчисленіи будемъ держаться его текста, сравнивая только съ мѣстностью и дополняя по возможности то, что имъ пропущено». Выписавъ этотъ періодъ, г. Бухтѣевъ замѣчаетъ: «Бопланъ, а съ нимъ и г. Скальковскій насчитали изъ множества только пятнадцать острововъ, тогда какъ въ самомъ дѣлѣ ихъ *девяносто четыре»!* (стр. 489). Хорошо дополненіе! Но рецензентъ не напомнилъ почтенному автору Опыта Статистики, что Бопланъ доѣзжалъ только до Хортицы. «Я доѣзжалъ только до сего мѣста (до Хортицы), и остальное основываю на словахъ другихъ, а потому и не ручаюсь за достовѣрность онаго». (Описаніе Украйны Боплана стр. 24).

За деревней Блажковой по берегу Днѣпра лежитъ другая деревенька, тоже Блажкова, такая же незначительная и незамѣчательная ни въ какомъ отношеніи. Еще ниже небольшой хуторокъ, жители котораго занимаются хлѣбопашествомъ. По выходѣ изъ этого хуторка, узкая тропинка вдоль каменистаго и необыкновенно красиваго берега ведетъ къ старинному забытому городищу—запорожскому, или, какъ говорятъ другіе, турецкому укрѣпленію. Послѣднее предположеніе вѣроятнѣе, потому что не такъ далеко отсюда Бериславъ, бывшій турецкій Кызыкирменъ, считавшійся довольно важной крѣпостью. Во времена владычества Запорожцевъ на Чертомлыкѣ, невозможно предположить, чтобы турки допустили враговъ построить такъ близко крѣпость, а когда часть послѣднихъ перешла къ туркамъ и сѣла у Алешекъ, то козаки не имѣли уже средствъ воздвигнуть такое укрѣпленіе, да и нигдѣ Запорожцы не укрѣплялись подобнымъ образомъ: небольшіе окопы вокругъ табора были всей ихъ защитой. Какъ бы то ни было, а съ этого городища видъ на окрестность восхитительный. Внизу глубокій и окаймленный лѣсомъ Днѣпръ, за рѣкой неисходимыя плавни съ своей обычной обстановкой и широкое озеро, называемое Великимъ лиманомъ, а чрезъ Пропасную Балку бѣлѣются зданія Бизюкова монастыря, извѣстнаго впрочемъ въ народѣ подъ именемъ Пропаснаго. Очевидно, послѣднее названіе происходитъ отъ балки, однако жители монастыря обижаются и съ неудовольствіемъ поправляютъ, если кто нибудь по незнанію произнесетъ неофи-

ціальное имя. Пропасная балка названа такъ вслѣдствіе недоброй когда-то славы, потому что во времена грабежей, говорять, тамъ пропадало много проѣзжихъ, а названіе, данное народомъ, нескоро изглаживается, какъ я имѣлъ уже случай не разъ замѣтить. За укрѣпленіемъ по балкѣ потянулась деревенька, а дальше надъ берегомъ Днѣпра построены монастырскія зданія. Монастырь этотъ основанъ въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія и получилъ названіе упраздненнаго Бизюкова монастыря въ Смоленской губерніи. Ему дана земля, приписаны угодья, плавни, рыбныя ловли, и монахи поживаютъ себѣ въ живописномъ уединеніи, обезпеченные съ матеріальной стороны. У нихъ теплая и холодная церкви, порядочныя кельи, сады, пчельникъ, большое хлѣбопашество и скотоводство. Рыбныя ловли отдаютъ они на откупъ, за что конечно получаютъ порядочную плату, ибо имъ достались отличныя угодья. Днѣпръ здѣсь необыкновенно глубокъ и течетъ подъ самымъ берегомъ. Видъ на его панораму съ деревянной галлереи восхитителенъ. На этой галлереѣ видалъ я сѣдыхъ монаховъ, которые сидѣли и молча перебирали четки. Есть впрочемъ и молодые монахи....

Прохаживаясь возлѣ Бизюкова монастыря, я первый разъ видѣлъ большихъ змѣй, называемыхъ въ народѣ *желтобрюхами*, а на иныхъ мѣстностяхъ *полозами*. Я много слышалъ о нихъ еще въ Екатеринославской губерніи и даже видѣлъ тамъ, но издали, такъ что не могъ составить о нихъ настоящаго понятія. Здѣсь же мнѣ удалось застрѣлить одну изъ ружья, въ то время, когда, свернувшись въ кольцо на камнѣ, она грѣлась на солнцѣ. Змѣя была безъ малаго три аршина длины и толщиною въ дѣтскую руку. Рубашка на ней очень красиваго узора сѣро-зеленоватаго цвѣта, а брюхо желтое. Въ послѣдствіи я видѣлъ нѣсколько подобныхъ змѣй, ползущихъ въ травѣ. Желтобрюхъ идетъ, поднявъ голову на аршинъ отъ земли. Одинъ колонистъ мнѣ разсказывалъ, что, встрѣтивъ разъ змѣю на дорогѣ, онъ, перепугавшись, не успѣлъ осторониться: пресмыкающееся зашипѣло и вырвало у него кусокъ нижняго платья. Змѣи эти, впрочемъ, по разсказамъ, не нападаютъ на людей и, сколько я замѣтилъ, спѣшатъ укрыться отъ человѣка. Были, какъ говорять, случаи укушенія, но я имъ плохо вѣрю, потому что каждый разсказывавшій не былъ самъ свидѣтелемъ, а слышалъ отъ другихъ. Не знаю даже ядовиты ли эти змѣи, но полагаю,

что укушеніе должно быть не легко, судя по величинѣ пресмыкающагося. Между окрестными жителями ходятъ даже легенды болѣе или менѣе сказочнаго свойства. Монахи однакоже не говорили мнѣ о змѣяхъ ничего особеннаго, а вокругъ монастыря я видѣлъ множество желтобрюховъ, лежащихъ по тропинкамъ.

Отъ Бизюкова монастыря внизъ по Днѣпру идетъ очень красивый высокій берегъ, скаты котораго усѣяны камнями и покрыты деревьями и кустарниками. Здѣсь растетъ въ изобиліи даже дикій виноградъ, какъ бы указывая жителямъ на новую отрасль промышленности. Пѣшій путь этотъ необыкновенно пріятенъ, такъ что забываешь усталость. Верстахъ въ трехъ врѣзывается въ Днѣпръ сухая балка, по которой можно признать слѣды мощенаго спуска, противъ котораго былъ, какъ говорятъ, каменный мостъ на другую сторону. Дѣйствительно, при низкой водѣ въ плавнѣ замѣтны еще камни по направленію къ противоположному берегу. Одинъ нѣмецъ изъ ближней колоніи разсказывалъ мнѣ, что помнитъ очень хорошо въ плавнѣ больше камней и что на спускѣ была каменная настилка. Въ подобныхъ случаяхъ я охотно вѣрю, тѣмъ болѣе, что добряку не изчего выдумывать, сообщая такія свѣдѣнія.

Первая деревня за Бизюковымъ монастыремъ, примѣрно верстахъ въ шести,—нѣмецкая колонія Клостердорфъ, по простонародному Кустерка. Она принадлежитъ къ категоріи колоній такъ называемаго шведскаго округа, состоящаго изъ четырехъ деревень одна возлѣ другой, изъ которыхъ только вторая собственно шведская. Я жилъ нѣсколько разъ въ этой колоніи, тѣмъ болѣе, что жители ея всѣ почти рыболовы, какъ люди, принесшіе съ дальняго сѣвера любовь къ этому промыслу. Клостердорфъ небольшая деревня и не отличается постройкою домовъ, потому что живетъ народъ небогатый, хотя и трудолюбивый. Вообще всѣ эти колоніи, о которыхъ, избѣгая однообразія, я не буду говорить порознь, далеко не въ томъ цвѣтущемъ положеніи, въ какомъ находятся менонитскія колоніи хортицкаго округа. Причины я не знаю, и сколько могъ замѣтить, полагаю, что главную здѣсь роль играетъ слабѣйшая производительность почвы. Опишу преимущественно такъ называемую Старо-шведскую колонію. Шведы вообще народъ добрый; въ каждомъ колонистѣ видите вы стремленіе къ образованію. Когда я обжился между ними и свелъ знакомства, однаж-

ды неожиданно получаю отъ нихъ прошенiе. Здѣсь надобно сказать кстати, что жители многихъ деревень, считая меня важной особой, прибѣгаютъ часто ко мнѣ со своими нуждами. Иногда дѣйствительно встрѣчаются нужды вопiющiя, но я по своему положенiю не имѣю никакого права и наконецъ никакихъ средствъ удовлетворять желанiя простодушныхъ добряковъ. Изъ прошенiя, которое конечно я прочелъ, видно, что они просятъ исходатайствовать имъ шведскаго учителя. Бѣдняки все-таки желаютъ сохранить свою народность. Нѣмцы, которыхъ три деревни, стараются всѣми силами ихъ онѣмечить, но шведы не поддаются. Напрасно оберъ-шульцъ, изъ нѣмцевъ, старается убѣждать ихъ учиться по нѣмецки, шведы стоятъ за свою народность. Они учатся по русски, многiе говорятъ и по нѣмецки, но при малѣйшей возможности нанимаютъ хоть какого нибудь заѣзжаго шведа. Сосѣднiй пасторъ нѣмецъ служитъ имъ обѣдню, однако у нихъ духовныя книги шведскiя, и между собою жители иначе не говорятъ какъ по шведски. Они того мнѣнiя, весьма впрочемъ справедливаго, что живя въ Россiи приличнѣе знать русскiй языкъ, чѣмъ нѣмецкiй, а если иные знаютъ послѣднiй, то единственно для облегченiя сношенiй съ сосѣдами. Шведы ходятъ въ такъ называемомъ мѣщанскомъ костюмѣ—въ чуйкахъ или длиннополыхъ сюртукахъ, а женщины вообще въ ситцевыхъ платьяхъ самаго простаго покроя. Послѣднiя исполняютъ всѣ мужскiя работы, дѣвушки же ѣздятъ верхомъ по мужски, ловко управляя лошадьми.

Шведы, какъ я сказалъ уже, всѣ рыболовы, но промысломъ этимъ занимаются не свободно, а платятъ въ окружной приказъ откупную сумму. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: хозяева, которыхъ 30 человѣкъ, избираютъ изъ среды себя одного довѣреннаго и поручаютъ ему заключить контрактъ съ окружнымъ приказомъ. На обязанности этого колониста лежитъ также сборъ съ общества денегъ по истеченiи каждой трети. Въ послѣднее время контрактъ заключенъ на двѣнадцать лѣтъ съ 1853 по 1865, съ платою въ годъ по 251 р. 20 к. сер. Рыболовное общество раздѣляется на двѣ артели, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой собственный неводъ (нѣтгодъ) и «дубъ». Сверхъ того у всякаго рыбака есть собственныя сѣти (нети) до 60 сажень, штукъ 20 вентерей (рысья) и небольшая лодка (боденъ). Колонистъ, не участвующiй въ артеляхъ, можетъ ловить рыбу

только собственно для своего употребленія, но не для продажи, употребляя снарядъ не болѣе 10 сажень. Артели раздѣляютъ уловъ поровну и каждый продаетъ свою часть въ Бериславѣ и Каховкѣ, но иногда, не приступая къ раздѣлу, продаютъ рыбу оптомъ пріѣзжимъ прасоламъ и дѣлятся деньгами. Это бываетъ осенью, зимою и раннею весною, пока рыба ловится еще въ маломъ количествѣ. Съ прибытіемъ же воды, каждая артель свозитъ уловъ въ назначенное мѣсто въ плавнѣ и каждый хозяинъ беретъ свою часть и солитъ ее съ помощью своего семейства, складывая въ кадки. Подержавъ рыбу извѣстное время въ разсолѣ, ее вывѣшиваютъ для вяленія и тогда уже или продаютъ пріѣзжимъ евреямъ (преимущественно изъ западныхъ губерній), или сами развозятъ для продажи по ярмаркамъ и базарамъ. Когда же воды прибудетъ столько, что затопятся всѣ рѣчки и протоки и употребленіе невода дѣлается невозможнымъ, тогда каждый рыбакъ ловитъ рыбу сѣтями и вентерями, сколько и когда угодно, безъ ограниченія. Лѣтомъ во время полевыхъ работъ рыболовство почти прекращается, а подъ осень, т. е. съ августа по октябрь пріѣзжаютъ чумаки изъ Полтавской и Кіевской губерній и нанимаютъ у общества рыбныя ловли. Чумаки же привозятъ съ собою собственный неводъ, а отъ колонистовъ пользуются только дубомъ. Они ловятъ рыбу, солятъ и вялятъ ее, складываютъ въ бочки и увозятъ для продажи въ свою сторону. Сорты рыбы здѣсь слѣдующіе: осетръ (стырія), стерлядь (чечуга), щука (гедди), лещь (браскинъ), сазань (скоропъ), карась (рювинъ), и въ маломъ количествѣ сельдь (силенъ).

Между шведами встрѣчается довольно охотниковъ, которые преимущественно ведутъ войну съ волками, но стрѣляютъ также и дичь, водящуюся здѣсь въ изобиліи. Надъ Днѣпромъ при началѣ колоніи тоже есть городище, по канавамъ и раскопаннымъ валамъ котораго валяется множество камней и битой глиняной старинной посуды. Между шведской колоніей и Клостердорфомъ по берегу, усѣянному огромными камнями, есть одна скала, о которой разсказываютъ легенду: будто бы еще очень недавно на одинъ плоскій черный камень вылѣзала огромная змѣя, которая хватала ягнятъ. Змѣя эта имѣла необыкновенно страшный видъ и была ужасомъ жителей. Никто однако же не видѣлъ ее собственными глазами.

Особенныхъ обрядовъ и обычаевъ я не замѣтилъ, можетъ быть потому, что не представилось случая, но сколько могу судить, шведы народъ добрый и между сосѣдями у нихъ царствуетъ добродушная патріархальность. Колонисты необыкновенно скромны, такъ что я ни разу не слышалъ никакой ссоры. Воровство здѣсь неизвѣстно. Помню, однажды ѣздилъ я въ Блажкову съ мальчикомъ изъ Клостердорфа и бралъ съ собой англійскую выдвижную удочку. Проводникъ мой прельстился красивой, по его мнѣнію, палкой и похитилъ ее безъ церемоніи. Когда, возвратясь, я осмотрѣлся, что нѣтъ удочки и сказалъ объ этомъ своему хозяину шведу, онъ пришелъ въ такой ужасъ, какъ будто бы совершилось самое страшное преступленіе. Черезъ часъ вся колонія знала о пропажѣ удочки, и хозяинъ мой торжественно отправился въ Клостердорфъ истребовать вещь своего постояльца. Нѣмецкая колонія смутилась въ свою очередь, и ко мнѣ пришла депутація просить прощенія. Вообще это была такая непріятная сцена, что если бы я предвидѣлъ ее, то охотно оставилъ бы удочку, хотя орудіе это лѣтомъ для меня почти необходимо. Много мнѣ стоило труда уговорить мѣстныя власти не наказывать мальчика, но болѣе всѣхъ имѣлъ я затрудненія съ шведами, которые огорчались, что воръ опозорилъ весь округъ. Честность у этого народа изумительная, такъ что въ этомъ отношеніи шведы отличаются отъ сосѣднихъ нѣмецкихъ колонистовъ. Извѣстна дороговизна съѣстныхъ припасовъ въ Херсонской (одной изъ хлѣбородныхъ) губерній. Мнѣ каждый день предстояло имѣть дѣло съ шведами и шведками, покупая необходимое, и всегда колонисты эти затруднялись назначать цѣну, въ томъ убѣжденіи, что хотя въ Бериславѣ и платятъ за все дорого, но въ колоніи вещь того не стоитъ.

—Ужъ лучше сами назначьте, говорили мнѣ иные.

Но я не могъ согласиться на подобное предложеніе, и потому часто происходили самыя щекотливыя сцены. Случалось, за молоко не хотѣли совсѣмъ брать денегъ, и мнѣ должно было убѣждать добряковъ, что я не гость ихъ и обязанъ платить за свое продовольствіе, и что наконецъ всякій продуктъ и для нихъ самихъ стоитъ денегъ.

Шведы болѣе другихъ терпятъ притѣсненіе отъ откупа, который вездѣ простираетъ свое могучее вліяніе. У шведовъ въ обычаѣ варить хлѣбный квасъ, довольно пріятнаго вкуса и цвѣ-

томъ похожій на пиво. Каждый колонистъ, прежде другихъ приготовившій этотъ напитокъ, охотно удѣляетъ его сосѣду, извлекая изъ этого свою выгоду. Весною нынѣшняго года хозяинъ мой сварилъ бочку квасу и поставилъ ее въ ледъ. Откупщикъ придрался, что это пиво, запечаталъ бочку, и двѣ недѣли, которыя прожилъ я въ колоніи и окрестности, еще не было разрѣшенія, да и хозяинъ мой боялся подвергнуться отвѣтственности на томъ основаніи, что откупъ силенъ. А дѣло кажется очень ясно: пиво всегда можно отличить отъ квасу. Честный шведъ былъ возмущенъ поступкомъ откупщика и просилъ моего содѣйствія, но къ чему послужило бы ходатайство человѣка нечиновнаго и даже неслужащаго? Я совѣтовалъ ему обратиться къ своему начальству, но вѣдь для этого надобно далеко ѣхать въ рабочую пору.

Въ шведской колоніи довольно садовъ, особенно на старой улицѣ, которую впрочемъ теперь раздвигаютъ, и я не знаю уцѣлѣютъ ли прекрасныя плодовыя деревья. Образъ хозяйства, упряжь, повозки, плуги и прочія земледѣльческія орудія—все здѣсь нѣмецкое. Въ избахъ по возможности соблюдается опрятность. Живутъ колонисты порядочно, два раза въ день варятъ сытную пищу, въ которой главную роль играетъ рыба,—но я не замѣтилъ употребленія кофе. Впрочемъ у нѣкоторыхъ есть самовары. Масло приготовляютъ очень хорошее и пекутъ вкусные хлѣбы. Шведы любятъ потолковать и болѣе или менѣе развиты, насколько развитіе доступно въ быту грамотнаго крестьянина. Есть изъ нихъ искусные ремесленники, въ особенности кузнецы и плотники, занимающіеся издѣліемъ фургоновъ: фургонъ шведской работы цѣнится также, какъ кичкасовскій, и надо отдать справедливость—экипажи эти дѣлаются чрезвычайно прочно и добросовѣстно.

Мнѣ чрезвычайно нравилась простота правилъ этого народа, и я въ шведскую колонію ѣхалъ всегда съ большимъ удовольствіемъ, увѣренный напередъ въ самомъ искреннемъ пріемѣ. Шведы весело отправлялись со мною на охоту и на рыбную ловлю, и не было сколько нибудь замѣчательнаго мѣста, куда бы меня не водили и не разсказывали всего, что по ихъ мнѣнію могло быть занимательнымъ.

Слѣдующія двѣ колоніи: Мильгаузендорфъ и Шлангендорфъ ничѣмъ не отличаются отъ Клостердорфа, съ тою только разни-

цею, что послѣдняя католическая, а первыя двѣ лютеранскія. Названіе Шлангендорфъ произошло, говорятъ, оттого, что во время первоначальнаго поселенія колонистовъ, на томъ мѣстѣ водилось множество змѣй. Дворы обстроены порядочно, у каждаго дома садикъ, но всего два, три хозяина живутъ подобно хортицкимъ менонистамъ. Постройки по большей части земляныя или каменныя, потому что лѣсъ уже значительно здѣсь дорогъ, тогда какъ въ колоніяхъ хортицкаго округа всѣ дома изъ превосходнаго сосноваго лѣса. Говорить о способѣ хозяйства этихъ колоній значитъ повторять сказанное прежде при описаніи менонитовъ, а потому слѣдую далѣе.

Проѣхавъ версты двѣ и миновавъ незначительную деревеньку Дремайловку, вы въѣзжаете снова въ колонію, которая протянулась тоже по плану, въ которой у домовъ кое гдѣ посажены деревья, но гдѣ какъ будто все говоритъ вамъ, что здѣсь живутъ не шведы и не нѣмцы. Достаточно нѣсколькихъ шаговъ по улицѣ, и вы догадаетесь, что въѣхали въ еврейскую колонію. Новый Бериславъ населенъ выходцами изъ литовскихъ губерній и Курляндіи. Колонія эта и жизнь въ ней, не скажу, чтобы оставили во мнѣ пріятное впечатлѣніе, но поразили своей оригинальностью. Бывалъ я въ городахъ западныхъ губерній, населенныхъ преимущественно евреями, но все же тамъ встрѣчаются другія національности, а здѣсь никого кромѣ израильтянъ, за исключеніемъ смотрителя мениониста, который назначенъ собственно учить евреевъ хозяйству. Предъявивъ въ приказѣ открытый листъ, я былъ съ ногъ до головы осмотрѣнъ начальствующими лицами, изъ которыхъ одно тотчасъ же побѣжало въ домъ смотрителя. Послѣдній былъ въ отсутствіи, но жена его предложила мнѣ у себя квартиру, чѣмъ много обрадовала меня, во первыхъ потому, что въ домикѣ замѣтилъ я большія окна, выходившія прямо на Днѣпръ, во вторыхъ мнѣ представилась необыкновенная чистота помѣщенія, а въ третьихъ—вокругъ цвѣли кусты душистой дикой маслины и огневиднаго шиповника. Не успѣлъ я водвориться въ новомъ временномъ пріютѣ, не успѣлъ мой слуга внести необходимыя вещи и поставить самоваръ, какъ въ сѣняхъ явились человѣка три евреевъ, и я услышалъ разговоръ ихъ съ моимъ Иваномъ;

— А что, твой панъ большой человѣкъ?

— Нѣтъ небольшой, отвѣчалъ Иванъ съ своимъ малорусскимъ акцентомъ.

— А можно ему подавать прошенія?

— Не принимаетъ.

— А мы дадимъ тебѣ злотый (15 к.)

— Убирайтесь съ своимъ злотымъ къ чорту!

— Ай, не сердись! мы подадимъ такое маленькое прошеніе.

— Нельзя. Да чего же вы хотите?

— Насъ притѣсняютъ, проговорилъ еврей, понизивши голосъ.

— Я сказалъ уже вамъ, чтобъ вы убирались поздорову.

— Мы тебѣ дадимъ два злота.

— А я дамъ вамъ по шеѣ. Пошли вонъ! не дадутъ отдохнуть съ дороги.

— Какой же ты сердитый! А какъ тебя зовутъ?

— Иваномъ. Зачѣмъ вамъ?

— Слушай, Иванъ, мы люди честные.

— Знаю я васъ, насмотрѣлся въ Бердичевѣ и Житомірѣ.

— Мы бѣдные и честные. Вѣдь твой панъ изъ самаго Петербурга.

— Ну такъ чтожъ?

— Зачѣмъ же онъ посланъ?

— А я развѣ знаю.

— Что же онъ дѣлаетъ?

— Извѣстно, сидитъ да пишетъ.

— А и онъ сердитый?

— Попробуй полѣзть въ комнату.

— Мы не посмѣемъ, а хотѣлось бы подать прошеніе.

Разговоръ становился для меня занимательнымъ, но пріѣхалъ смотритель колоніи и евреевъ какъ не бывало.

Новый Бериславъ на красивомъ мѣстѣ. Но взглянувъ вокругъ, вы непремѣнно замѣтите нечистоту, безъ которой еврей обойтись не въ состояніи. Дворы завалены соромъ, на колышкахъ вездѣ развѣшано тряпье и лохмотья. У иныхъ впрочемъ разведены огородики, но неиначе какъ по сильному настоянію смотрителя. Въ каждомъ почти дворѣ коза и кляча: первая для молока, вторая для поѣздокъ въ Бериславъ по части различныхъ плутней, и по сосѣднимъ деревнямъ для той же самой надобности. Евреи колонисты постоянно заняты мелкою промышленностью, и во всей колоніи, можетъ быть три, четыре человѣка, у которыхъ

успѣшно идетъ хозяйство, а прочіе, какъ говорится, кто во что гораздъ. По всему полагать можно, что поселенцы имѣли въ виду льготы и денежное вспомоществованіе, но съ первыхъ же поръ земледѣліе не входило въ ихъ расчеты. Каждому выстроена изба, даны пара воловъ, корова, отпущены деньги на земледѣльческія орудія и отведена земля въ широкихъ размѣрахъ, какъ вообще въ южной Россіи колонистамъ, т. е. по шестидесяти десятинъ на хозяина. Чего бы кажется лучше? Но Еврей воловъ перевелъ на клячу, корову на козу, орудія сами собою пришли въ негодность, нѣкоторыя избы опустѣли, и вотъ отчего колонія имѣетъ такой непріятный оборванный видъ. Я видѣлъ избы, стоящія пустыремъ, брошенныя уже года по два своими хозяевами, которые шныряютъ гдѣ-то далеко, занимаясь мелочною торговлею. Однако мало по малу, говорилъ мнѣ смотритель, иные уже привыкаютъ къ земледѣльческому труду. Дѣйствительно есть нѣсколько хозяевъ порядочныхъ хлѣбопашцевъ, которые въ подражаніе нѣмцамъ пашутъ лошадьми, хотя вообще на югѣ принято мнѣніе, что той почвы иначе нельзя воздѣлывать какъ волами. Но этихъ зажиточныхъ хозяевъ весьма мало, прочіе перебиваются кое-какъ и преимущественно занимаются поѣздками не только дневными, но и ночными. Конечно послѣднія не имѣютъ безукоризненной цѣли, и говорятъ окрестные сосѣди, что случается у нихъ недочетъ въ рогатомъ скотѣ и лошадяхъ, которые въ Херсонской губерніи какъ-то живо передаются въ добрыя руки, особенно въ Бессарабію. Объ этомъ говорятъ не только въ ближайшихъ колоніяхъ, но и далеко въ окрестности. Смотритель менонистъ строго держитъ въ рукахъ ввѣренныхъ ему поселенцевъ и настойчиво требуетъ отъ нихъ, чтобы они занимались полевыми работами, воздѣлывали огороды и разводили садики у жилищъ своихъ. Разумѣется, это не нравится евреямъ. Въ полѣ они еще пашутъ кое-какъ, воздѣлываютъ съ трудомъ и огороды, потому что овощь можно продать въ ближайшемъ городѣ, но еврей никакъ не можетъ примириться съ разведеніемъ садиковъ, т. е. акацій и плодовыхъ деревьевъ — какъ вещи, по его мнѣнію, совершенно безполезной. Сначала они увѣряли, что на той почвѣ не могутъ расти деревья. На мѣсто всякихъ убѣжденій терпѣливый менонистъ насадилъ возлѣ своего дома прекрасный садъ изъ акацій, дикой маслины, тополей, тутовыхъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ. Нѣсколько разъ,

во время отлучекъ его куда нибудь по дѣламъ, они въ удостовѣреніе, что почва не производительна, вырывали ночью деревца, подсѣкали корни и вообще дѣлали всякія пакости, чтобы уничтожить новое насажденіе. Настойчивый менонистъ не обращалъ на это вниманія и вскорѣ домикъ его окруженъ былъ густымъ тѣнистымъ садикомъ. Тогда онъ строже началъ требовать отъ своихъ подчиненныхъ посадки деревьевъ, и сыны израиля волею-неволею начали ненавистное для нихъ дѣло. Садить-то они садятъ, но какъ вовсе не ухаживаютъ за деревцами, то и успѣха мало, хотя по улицѣ у каждаго домика торчитъ по нѣсколько кустиковъ акаціи. Избы не могутъ похвалиться наружной опрятностью, а о внутренней и говорить нечего: это условіе, котораго нельзя и требовать отъ еврея такого сорта, тѣмъ болѣе, что и многіе богатые, живущіе въ городахъ, считаютъ чистоплотность и опрятность не въ числѣ ветхозавѣтныхъ добродѣтелей. По улицѣ бѣгаютъ многочисленныя толпы дѣтей, которыхъ у этого племени всегда такое множество, вслѣдствіе раннихъ браковъ и особенной плодовитости.

Въ первый же день моего пріѣзда въ Новый Бериславъ, когда послѣ короткаго разговора съ менонистомъ, я принялся за чай въ ожиданіи обѣда, ко мнѣ, пользуясь отсутствіемъ Ивана, робко вошелъ приземистый еврей и поклонился такъ, какъ кланяются они въ западныхъ губерніяхъ.

— Ты кто?

— Десятникъ и факторъ.

— Что же тебѣ надобно?

— Можетъ, чего надобно вашему сіятельству.

— Не называй меня сіятельствомъ.

— Какъ угодно вашему превосходительству.

Видя это crescendo титуловъ, я уже не настаивалъ, а сказалъ:

— Надо бы достать курицу, масла, молока. Можно?

— У насъ все можно.

— Ну, что стоитъ у васъ курица?

— Полкербеля (50 к.).

— Какъ? я же у шведовъ платилъ 20 к!

— Знаю, да какія тамъ куры! У шведовъ курица маленькая, худая, а у насъ какъ индыкъ.

— Ты лжешь, любезный десятникъ и факторъ.

— Зачѣмъ?

— Да такъ, изъ своей выгоды. А почемъ у васъ кувшинъ молока.

— Два злота (30 к.).

— Такихъ цѣнъ я не слыхалъ.

— Въ военное время....

— Да теперь, слава Богу, всюду миръ, а ты говори, что слѣдуетъ.

— Дешевле нельзя.

— Такъ ступай же себѣ, любезный, я найду и безъ тебя.

Еврей началъ понижать цѣны и только послѣ повтореннаго приказанія оставилъ меня въ покоѣ, а Иванъ купилъ все за полцѣны въ колоніи.

Вечеромъ я отправился на берегъ. Не успѣлъ я отойти за деревню, какъ человѣкъ пять евреевъ окружили меня съ униженными поклонами. Они просили позволенія подать просьбы, въ чемъ конечно я отказалъ имъ. Жалобы ихъ состояли въ томъ, что менонистъ строго заставляетъ ихъ заниматься хлѣбопашествомъ, не позволяетъ отлучаться изъ колоніи и требуетъ исполненія обязаностей, принятыхъ ими при водвореніи. Они наивно утверждаютъ, что не могутъ жить безъ торговли, не принимая въ разсчетъ, что правительство пожертвовало землю и деньги, имѣя лишь въ виду ихъ собственное благосостояніе: оно именно хотѣло дать средство безбѣднаго существованія истиннымъ пролетаріямъ.

Я съ первыхъ же поръ началъ подробно входить въ ихъ бытъ, потому что мнѣ хотѣлось узнать: до какой степени люди эти не понимаютъ своихъ выгодъ, и не индивидуальная ли испорченность причиной этихъ жалобъ и непроцвѣтанія колоніи. Мнѣ кажется, заключеніе можно сдѣлать одно, и оно не будетъ удалено отъ истины,—что еврейское племя, покрайней мѣрѣ въ настоящемъ поколѣніи, неспособно къ земледѣлію и къ сельской жизни, если послѣдняя не представляетъ поприща для торговли и мелкой промышленности. Да и можетъ ли быть иначе. Можно ли требовать, чтобы еврей былъ хорошимъ земледѣльцемъ, когда онъ весь вѣкъ жилъ въ городѣ или мѣстечкѣ и занимался непремѣнно какимъ нибудь ремесломъ и промысломъ, т. е. или сидѣлъ цѣлый день за работой, или шнырялъ по улицамъ для извлеченія барышей изъ своего капитальца всякими средства-

ми. Онъ мелькомъ видѣлъ плугъ и борону и ему даже изъ простаго любопытства не приходила мысль присмотрѣться ближе къ этимъ орудіямъ и взглянуть на ихъ дѣйствіе. Опять съ другой стороны евреи необыкновенно трудолюбивы: между ними рѣшительно нѣтъ тунеядцевъ, а каждый непремѣнно занятъ и добываетъ трудомъ кусокъ насущнаго хлѣба, если даже трудъ этотъ состоитъ въ одномъ только факторствѣ. Съ перваго раза покажется страннымъ—отчего же такое трудолюбивое племя, умѣющее изъ ничего извлекать барыши, не хочетъ заняться хлѣбопашествомъ, самымъ вѣрнымъ средствомъ не только прокормить семью, но и обезпечить будущее благосостояніе. Дѣло очень просто. Обольщенные обѣщаніемъ хаты, воловъ, земли, средствъ переѣхать на счетъ правительства въ мѣсто новаго назначенія, истинные бѣдняки схватились за это и отправились въ обѣтованную землю. Дѣйствительно, за малымъ исключеніемъ, шли пролетаріи, нуждавшіеся въ кускѣ хлѣба и добывавшіе его горькимъ трудомъ. Избы имъ были выстроены, отмѣрена земля, подаренъ рабочій скотъ и выданы деньги на покупку земледѣльческихъ орудій. Кажется, сдѣлано все, даны средства—стоитъ только заняться прилежно хлѣбопашествомъ. Но теорія и практика не всегда дружно сходятся между собою. По теоріи, имѣя подъ рукою цифру хозяевъ, количество десятинъ земли, рабочаго скота, принявъ во вниманіе качество почвы, можно было на бумагѣ вывести средній урожай новой колоніи и опредѣлить даже средній доходъ колониста. Но въ дѣйствительности дѣло пошло какъ-то иначе, не повинуясь статистическимъ вычисленіямъ. Чтобы человѣку, сидѣвшему всю жизнь за иголкой или шиломъ, привыкнуть успѣшно ходить за плугомъ, научиться сѣять, косить, жать, молотить,—едва ли нужно не больше времени, чѣмъ взрослому земледѣльцу выучиться сшить кафтанъ или стачать пару сапогъ. Да я и не знаю, что труднѣе. Владѣнье иголкой или другимъ подобнымъ орудіемъ едва ли не легче, чѣмъ многосложныя сельскія работы, при которыхъ кромѣ желанья, умѣнья, опытности, пріобрѣтаемой съ малолѣтства, нужна еще физическая сила. Возьмите же еще одно обстоятельство, на которое, можетъ быть, не всѣ статистики обращаютъ вниманіе. Евреямъ даны отъ правительства волы въ видѣ рабочей силы, по принятому обыкновенію на югѣ, а для обученія хозяйству назначенъ менонистъ, который не только не съумѣетъ

пахать волами, но охуждаетъ подобный способъ. Значитъ, надо сбывать воловъ, заводить лошадей; деньги, подаренныя на покупку дешевыхъ орудій—употребить на пріобрѣтеніе нѣмецкихъ, которыя конечно гораздо лучше нашихъ допотопныхъ. Могли ли всѣ эти мѣры повести къ благосостоянію? Если нѣмецкій колонистъ благоденствуетъ, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: онъ пришелъ изъ Германіи настоящимъ земледѣльцемъ, онъ привезъ свои улучшенныя орудія, онъ охотно стремился въ новый невоздѣланный край, и, получивъ дѣвственную почву и нѣкоторыя льготы, на первыхъ же порахъ сдѣлался порядочнымъ хозяиномъ. Колонизація евреевъ возникла изъ другаго начала и не была добровольнымъ, такъ сказать естественнымъ выраженіемъ населенія, которое чувствовало себя стѣсненнымъ; а искусственнымъ переселеніемъ, попыткою создать безбѣдный бытъ для пролетаріевъ. Еврейскій вопросъ у насъ еще не разработанъ. Не одни дѣйствительно нехорошія качества большинства этого племени ставятъ его въ недружелюбныя отношенія съ прочими племенами, но и словно не переставала тяготѣть надъ нимъ рука Божія, разсѣявшая его по лицу всего міра. Съ какимъ-то особеннымъ рвеніемъ любилъ я заниматься наблюденіями надъ этимъ избраннымъ нѣкогда народомъ, и гдѣ ни приходилось мнѣ сталкиваться съ нимъ, я не могу сказать ничего общеутѣшительнаго, не включая немногихъ личностей, образованіемъ умѣвшихъ стать въ уровень съ потребностями времени. Мнѣ случалось видѣть евреевъ кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ живутъ они на западѣ и югѣ, въ горахъ на Кавказѣ, обитающихъ аулами, и вездѣ племя это предано торговлѣ, мелочной промышленности и обладаетъ одной рѣзкой, нигдѣ не исчезающей чертой—трусостью. Даже кавказскіе евреи, живущіе между горцами, носятъ за поясомъ вмѣсто кинжала аршинъ или восточную чернильницу. Въ Одессѣ есть новая секта евреевъ-реформаторовъ, которые хотя и слѣдуютъ ветхому завѣту, однако не признаютъ многихъ нелѣпыхъ толкованій талмуда, и отъ этихъ то сектаторовъ, стремящихся къ просвѣщенію, можно ожидать всего хорошаго, ибо они признаютъ начала хоть не евангельскія, покрайней мѣрѣ гуманныя. Но евреи-талмудисты это чистѣйшіе обскуранты въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого печальнаго слова, и я не знаю можно ли, гдѣ бы то ни было, найти изъ числа ихъ человѣка, который не употребилъ бы самымъ дурныхъ средствъ изъ же-

ланія обмануть *гоя* или нанести ему вредъ! Если мнѣ будутъ указывать того или другаго образованнаго еврея, поступающаго какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, я не только повѣрю на слово, но и самъ укажу двухъ, трехъ знакомыхъ, которые образованы и развиты согласно съ современными требованіями, но это не тѣ евреи, о которыхъ идетъ рѣчь, это люди, которые пока у насъ блестятъ словно перлы между своими единовѣрцами.

Въ описываемой колоніи довольно большая и опрятная синагога и при ней школа для обученія дѣтей грамотѣ. Надо отдать справедливость евреямъ, что они непремѣнно учатъ мальчиковъ, которые, научившись читать и писать еврейскими буквами, почти что не понимаютъ древняго языка, а лепечутъ молитвы, вытвердивши ихъ наизустъ, что впрочемъ встрѣчается и не у одного еврейскаго племени. Но нельзя не удивляться до какой степени евреи утратили свой прекрасный древній языкъ. Положимъ, въ прежнее время преслѣдованій они должны были по необходимости употреблять чужое нарѣчіе, но энергическій народъ, переживъ эпоху преслѣдованія,—стремится къ развитію языка своего. Дѣйствительно странны филологическія судьбы этого народа.

Новобериславская колонія состоитъ изъ двухъ типовъ, если можно назвать типами литовскихъ и курляндскихъ евреевъ, хотя послѣдніе находятся въ невесьма большомъ количествѣ. Ни тѣ, ни другіе не представляютъ рѣзкаго отличія; однако если всмотрѣться ближе и пристальнѣе, то курляндскій еврей будетъ немножко отесаннѣе и самая рѣчь его не имѣетъ той припрыжки и междометій, какія встрѣчаются въ рѣчи виленскихъ выходцевъ. Но и тѣ и другіе склонны къ бродяжничеству, и если бы не зоркій глазъ менониста, половина колоніи стояла бы пустыремъ, а промышленные жидки шныряли бы по окрестнымъ губерніямъ, что происходитъ и теперь, только въ маломъ размѣрѣ. Мнѣ кажется, впрочемъ, что насильно нельзя сдѣлать изъ еврея земледѣльца, и я полагаю—было бы выгоднѣе отдавать землю праздношатающихся евреевъ какимъ нибудь крестьянамъ съ условіемъ, чтобы они занимались улучшеннымъ хлѣбопашествомъ, по нѣмецкому способу. Многіе колонисты Евреи, если бы только было дозволено, охотно возвратятъ казнѣ издержки, употребленныя на ихъ переселеніе, лишь бы только приписаться

куда нибудь въ городскія общества. Не знаю какъ живутъ евреи въ старыхъ колоніяхъ, привыкло ли то поселеніе къ порядку и новому образу жизни, но здѣсь лишь пять, шесть хозяевъ понимаютъ пользу земледѣлія, а остальные тяготятся сельскимъ бытомъ и полевыми работами. Въ каждой мѣрѣ, предпринимаемой смотрителемъ для ихъ же пользы, они видятъ угнетеніе и по возможности ухитряются надувать начальство. Колонисты болѣе всего сѣтуютъ на смотрителя за то, что онъ требуетъ соблюденія чистоты, благодѣтельнаго вліянія которой еврей не понимаетъ совершенно, ибо не можетъ извлечь изъ нея ни копѣйки.

— Пусть онъ бьетъ меня за то, что дурно пашу, сѣю—тутъ значитъ есть выгода: больше было бы хлѣба и стало быть больше денегъ; но то что же меня штрафовать, если я не поливаю деревьевъ или не выметаю двора! Вай, вай! Что мнѣ изъ деревца? А еще больше—какая мнѣ польза, что будетъ чистый дворъ?

Такъ говорилъ одинъ плутоватый колонистъ предлагавшій мнѣ разныя услуги.

Я старался убѣдить его, что чистота необходима человѣку также какъ воздухъ, и желая, чтобы онъ понялъ яснѣе мои убѣжденія, привелъ ему примѣръ изъ жизни животныхъ.

— Вѣдь ты видѣлъ, что и кошка, если только поѣстъ что нибудь или выпачкаетъ лапку, тотчасъ умывается и вытирается.

— Да, точто такъ, однако же кошкѣ это ничего нестоитъ: ей не надо расходоватъ воды и покупать мыло и полотенце.

Я не нашелся что отвѣчать своему собесѣднику противъ такой находчивости еврейскаго ума, обладающаго способностію прилагать вездѣ свою собственную ариѳметику, однако мнѣ все таки не хотѣлось оставить разговора.

— Такъ неужели по твоему жить и ходить въ грязи?

— А развѣ она мѣшаетъ!

— Да вѣдь пріятнѣе же войти въ чистую хату, надѣть чистое бѣлье, платье....

— Гдѣ намъ! Въ хатѣ лишь бы тепло было, а чистое платье мы держимъ про шабашъ.

— А зачѣмъ у такое васъ грязное бѣлье?

— Помилуйте, кто же будетъ его часто мыть! да если и мыть, то оно испортится.

— Ты же видѣлъ какъ нѣмцы живутъ чисто.

— Нѣмцы другое дѣло.

— Отчего же другое дѣло?

— Тамъ такъ заведено.

— Отчего же вамъ не завести?

— Намъ некогда.

— Ну ужъ, любезный, это сущій вздоръ! Нѣмцы гораздо больше васъ заняты, а ты лучше скажи, что лѣнь заняться чистотою. Я не знаю какъ вы живете: вѣдь войти въ избу нельзя— запахъ такой, что съ ногъ сшибаетъ.

— Отчего?

— Оттого, что свѣжему человѣку дышать нельзя.

— А намъ ничего.

— Привыкли, должно быть.

— Свое никогда не пахнетъ дурно, проговорилъ еврей воображая, что удивительно съострoилъ.

Дальнѣйшее продолженіе разговора не повело бы ни къ чему, но я говорилъ послѣ объ этомъ предметѣ со смотрителемъ. Менонистъ приходилъ въ отчаяніе отъ образцоваго неряшества своихъ подчиненныхъ и пришелъ къ тому заключенію, что завести у евреевъ чистоту и опрятность нельзя ни угрозами, ни штрафами, а развѣ положить денежную награду хозяйкѣ, которая содержала бы опрятно свое жилище. Эта мѣра показалась мнѣ оригинальною и весьма дѣйствительною, потому что еврей за деньги готовъ даже отказаться отъ грязи и неряшества,—жаль только, что это неудобоисполнимо.

Нравственность колонистовъ весьма шаткаго свойства, и близость города Берислава причиною, что противъ разныхъ шалостей нельзя принять никакой мѣры. Ночныя похожденія евреевъ совершаются въ тайнѣ, а результаты этихъ похожденій, попавши въ Бериславъ, совершенно исчезаютъ, благодаря дѣятельности промышленниковъ подобнаго рода.

Можно утвердительно сказать, что изъ евреевъ трудно ожидать порядочныхъ земледѣльцевъ, и какихъ правительство ни употребляло бы мѣръ, еврейскія колоніи не скоро придутъ въ цвѣтущее положеніе. Промышленность и ремесла—вотъ двѣ отрасли, свойственныя израильскому племени, которое на этомъ поприщѣ умѣетъ сдѣлать изъ одной копѣйки двѣ, и оживляетъ страну, въ которой находится. Земледѣліе, какъ сказано выше,

не процвѣтаетъ между народомъ, словно созданнымъ для другой цѣли. Несмотря на это, есть нѣсколько евреевъ, въ томъ числѣ и шульцъ, у которыхъ хлѣбопашество довольно порядочно. Причиной послѣдняго обстоятельства, какъ говорятъ, были деньжонки, привезенныя при переселеніи, и первоначальная удача, которая поощрила неофитовъ, получившихъ въ первый же годъ значительные барыши. Такъ или иначе, только земледѣліе медленно прививается въ этой колоніи и не знаю достигнется ли когда цѣль колонизаціи израильскаго племени. Любилъ я смотрѣть на полевыя работы евреевъ. Положимъ какой нибудь Гершко выѣхалъ пахать въ сопровожденіи Лейбы и небольшаго Мошки. Тощія клячи едва влекутъ плугъ, который въ менонистскихъ колоніяхъ идетъ чуть не рысью. Если вы обладаете хорошимъ слухомъ и понимаете ломанный нѣмецкій языкъ, вы услышите какъ Гершко и Лейба, постегивая машинально клячъ, разсуждаютъ о счастливой долѣ своихъ собратовъ, которые, покинувъ колоніи, ходятъ съ мелочными товарами по окрестнымъ губерніямъ, или о тѣхъ молодцахъ, которые занимаются какими нибудь ремеслами въ городахъ и мѣстечкахъ. Я спрашивалъ разъ одного:

— Скажи пожалуйста, отчего вы такъ неохотно занимаетесь хлѣбопашествомъ, когда оно всегда выгодно?

— А кто вамъ сказалъ, что оно выгодно?

— Всѣ говорятъ.

— Оно выгодно панамъ, выгодно богачамъ, кто можетъ нанять много рабочихъ,—а мнѣ какая выгода! Положимъ, я посѣю 5 четвертей, а получу 20—это уже хорошо; 5 долженъ оставить на посѣвъ, могу только продать 15. Пусть будетъ 7 карбованцевъ четверть—значитъ, я заработаю 105 кербелей. И какая работа! Весна, лѣто и осень пропадутъ за 105 рублей! Дайте же мнѣ 30 кербелей и пустите меня съ лошадьми хоть въ Херсонъ: я буду *ничего не дѣлать*, а черезъ полгода заработаю 150 карбованцевъ и возвращу вамъ деньги съ большимъ процентомъ.

— Да какъ же ты заработаешь?

— Какъ заработаю? очень просто: лошадей найму, а самъ куплю какого нибудь товара, потомъ продамъ, потомъ опять куплю и снова продамъ.

— Да вѣдь и это же трудъ, только не совсѣмъ вѣрный.

— А неурожай, засуха, саранча! развѣ и тутъ есть что нибудь вѣрное? Нѣтъ, видно Богъ попуталъ отца моего за грѣхи, и онъ поѣхалъ въ колонію.

Занимательны также еврейки на полевыхъ работахъ. Извѣстно, что женщины этого племени не оставляютъ вязать чулокъ ни минуту, даже исполняютъ эту работу, ходя по городу. Точно также дѣлаютъ онѣ и въ колоніи. Идетъ еврейка въ поле, положимъ, обкапывать картофель. Какой нибудь маленькій Берко или Волько несетъ заступъ, а она идетъ тихимъ шагомъ и, спустивъ по обыкновенію съ одного плеча верхнюю одежду, съ ожесточеніемъ работаетъ вязальными спицами. Идетъ она такъ медленно, словно желаетъ отсрочить самую непріятную обязанность, къ исполненію которой приступаетъ весьма неохотно. Обкопавъ нѣсколько кустиковъ, она садится на землю и снова принимается за чулокъ, какъ бы послѣднюю работу исполняетъ для себя, а картофель обкапываетъ за барщину.

О нравахъ и обычаяхъ колонистовъ распространяться не буду, потому что помѣщу объ этомъ предметѣ свои наблюденія при описаніи какого нибудь торговаго города.

ГЛАВА III.

Бериславъ. Положеніе его. Замѣчательная церковь. Торговля. Переправа. Чумаки. Паромщики. Старики. Село Козачье. Еврейская колонія Львова. Колонисты. Тягинка. Древнее городище. Аврашки.

Бериславъ нынѣшній заштатный городъ Херсонской губерніи, въ концѣ прошлаго столѣтія назывался еще Кызыкерменъ, и составлялъ довольно порядочную, по тогдашнему времени, турецкую крѣпость. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ данныхъ о прежней жизни этого городка, который, нѣтъ сомнѣнія, имѣлъ торговлю какъ пограничный пунктъ. Въ старинныхъ памятникахъ о немъ только упоминается, слѣдовательно нѣтъ надежды узнать какія нибудь подробности изъ временъ нахожденія его подъ турецкимъ владычествомъ. Кызыкерменъ значитъ дѣвичья крѣпость. У Болтина (т. 1. стр. 358) записано слѣдующее: «Столица Козарская называлась Мелитополь или Ольвіополь, а отъ русскихъ названа Бѣлою Вежею, по высокой каменной горѣ съ башнями окружавшими ее. Стояла она на берегу Днѣпра, отъ устья его верстахъ въ 70 или 80, гдѣ послѣ татары построили Кызыкерменъ, а сей нынѣ переименованъ Бериславлемъ: великіе остатки древней каменной крѣпости, на высокой и крутой горѣ подлѣ сказаннаго города, и до днесь видимы».

Съ какой стороны вы ни подъѣзжали бы къ Бериславу, по дорогѣ изъ Екатеринослава, Херсона или Симферополя, вдали еще вы замѣтите густую толпу крылатыхъ мельницъ, которыя какъ то сгруппировались преимущественно на сѣверной его оконечности. Но видъ на него безспорно лучшій изъ за Днѣпра по Крымской дорогѣ, потому что передъ глазами зрителя, какъ на ладони, сплошная скалистая полоса берега, на которой видны домики, избы и мазанки, кое-гдѣ обсаженныя деревцами, со

всѣми живописными издали и такъ непріятными вблизи уродливыми хозяйственными принадлежностями. Но собственно городокъ если не хуже, то и не лучше Никополя. Изъ строеній сколько нибудь замѣчательныхъ, конечно относительно, можно указать на еврейскую синагогу, оканчивающійся домъ одного купца и за балкой домъ смотрителя казенной переправы, только что отстроенный. Послѣдній, по моему, лучшій въ городѣ и въ немъ вы увидите неслыханную въ Бериславѣ роскошь: рѣзную дверь у подъѣзда и ручку отъ колокольчика. По всему видно, что смотритель казенной переправы хорошій хозяинъ, ибо все у него построено порядочно и какъ замѣтно, лѣсъ употребленъ превосходный, который стоитъ весьма дорого. Есть еще нѣсколько сносныхъ домиковъ, но вообще неутѣшительнаго свойства, а внутри щеголяютъ лишь разнообразіемъ неудобствъ всякаго рода. Впрочемъ и нѣтъ ничего удивительнаго, торговля здѣшняя не важна—слѣдовательно и некому выстроить порядочные дома. Будь еще это уѣздный городъ, то возводилось бы и казенное зданіе, и частные люди, разсчитывая на наемъ, могли бы строить болѣе просторныя помѣщенія, и наконецъ у жены какого нибудь чиновника появился бы хорошенькій домикъ съ приличною обстановкою.

Бериславъ растянулся въ длину версты на три, а въ ширину не болѣе двухсотъ саженъ, и раздѣляется на три части не въ полицейскомъ отношеніи, но въ топографическомъ: собственно городъ и два отдѣленія его—южное и сѣверное. Первое начинаетъ однакоже отстраиваться послѣ военнаго времени и несмотря, что возникло недавно, скоро будетъ соперничать съ центромъ и даже перещеголяетъ. Причиною этому положеніе его надъ проѣзжей дорогой и близость къ крымской переправѣ. Въ случаѣ надобности купить что нибудь, не всегда же удобно итти или ѣхать въ городъ, кромѣ прочихъ неудобствъ отличающійся еще непроходимой грязью. Балка, отдѣляющая новый городъ отъ стараго, носящая имя Кызыкерменки, чрезъ которую построенъ прочный каменный мостъ, состоитъ изъ обширнаго оврага, у мосту переходящаго въ пропасть, который служитъ рвомъ старинной турецкой крѣпости и теперь еще замѣтной, хотя уже и застроенной. Помѣщалась она очень удачно на каменной скалѣ, но занимала небольшое пространство. Чрезъ Днѣпръ на островѣ, образовавшемся въ послѣдствіи, видны остатки укрѣпленія, ко-

торое имѣло назначеніе содѣйствовать крѣпости. Говорятъ, здѣсь же протянуты были желѣзныя цѣпи чрезъ Днѣпръ для болѣе удобнаго средства удерживать Запорожцевъ отъ морскихъ набѣговъ. Но дурно ли было все это устроено, безпечны ли бывали турецкіе гарнизоны, только запорожцы не боялись, какъ извѣстно, Кызыкермена. Продѣлки казачьи сохранились въ печатныхъ памятникахъ, а потому лишнимъ будетъ приводить ихъ здѣсь. На мѣстѣ однакоже не уцѣлѣло даже смутныхъ преданій, изъ которыхъ можно было бы составить какое нибудь понятіе о минувшемъ. Жители, какъ не разъ приходилось уже мнѣ упоминать, все пришельцы изъ ближайшихъ губерній и старики немного могутъ сообщить данныхъ. Самые древніе люди, къ сожалѣнію, иногда страдаютъ не только глухотою, но и упадкомъ умственныхъ способностей, такъ что трудно добиться чего нибудь, а бываетъ также, что смотрятъ подозрительно на разспросы посторонняго. Впрочемъ я употребляю всѣ зависящія средства дружить съ простолюдиномъ, что всегда мнѣ бываетъ полезнымъ. Въ Бериславѣ есть два глубокихъ старика Король и Карабанъ, оба глухи, но первый, не столько чтобы нельзя было съ нимъ разговаривать. Король одинъ изъ древнихъ переселенцевъ, когда въ Бериславѣ было не болѣе 30 избъ,—но онъ вскорѣ перешелъ въ Таганрогъ, гдѣ и оставался что-то очень долго. Онъ отзывается однакожъ о крѣпости: *не дуже велика.*

Названіе части города Пойдуновка весьма недавнее и происходитъ отъ малорусскаго юмора. Первые поселенцы, занявшіе центръ нынѣшняго города, были чистые малорусы—полтавцы. Чрезъ нѣсколько времени появились и черниговскіе выходцы, нарѣчіе которыхъ имѣетъ уже рѣзкое отличіе. Послѣдніе заселили сѣверную часть нынѣшняго Берислава, которая считалась до тѣхъ поръ степью. Были или нѣтъ серьезныя столкновенія между прежними и позднѣйшими поселенцами—неизвѣстно, но полтавцы назвали черниговцевъ *пойдунами*. Будущее глагола идти по малорусски *піду*, черниговцы же говорятъ *пойду*—и вотъ все производство, прибавивъ, что здѣсь примѣшался еще намекъ на бродяжничество. Въ какой мѣрѣ прежніе поселенцы недружелюбно смотрѣли на новыхъ, замѣтно изъ слѣдующаго разсказа Карабана: «Спершу у степу (сѣвер. часть города) не почуешъ було півня, а якъ прийшли бісові пойдуни, то вийди у ночі, або передъ світомъ, тільки и чуть що кукуріку! кукуріку! А тамъ дивись и зроби-

лась тіснота!» И теперь еще на базарѣ, когда заспорятъ торговки, можно иногда услышать фразу: «чортова пойдунка! росприндилась ніначе що добре!» Однажды идя по улицѣ, я остановился поглядѣть на игру мальчишекъ въ мячъ. Вскорѣ одинъ мальчикъ отдѣлился и не захотѣлъ играть. Товарищи провожали его криками: «дунъ, дунъ пойдунъ, голова якъ кавунъ!»

Древностей нѣтъ. У одного купца я видѣлъ нѣсколько старинныхъ монетъ, собранныхъ въ окрестностяхъ, но по нимъ нельзя вывести никакого заключенія, во-первыхъ неизвѣстно гдѣ найдены эти монеты, во-вторыхъ памятники эти повсемѣстно разбросаны въ здѣшнемъ краю.

Изъ двухъ бериславскихъ церквей замѣчательна деревянная Воскресенская, перенесенная изъ Переволочной (селенія Полт. губ.), по приказанію Екатерины II. Король разсказываетъ, что доставлена она была по плоту. Въ одной изъ церковныхъ книгъ, въ которую вписывались указы и разныя постановленія, сохранилась собственноручная приписка священника, изъ чего видно во сколько обошелся наемъ плотниковъ для первоначальной постройки церкви въ Переволочной. Свѣдѣніе это такъ любопытно, что привожу его цѣликомъ со всею дипломатическою точностью.

«1726 г. мѣсяца Маія полученъ указъ отъ господина полковника Ивана Ларіоновича церковь строити. Плотниковъ наняли 5 человѣкъ; далъ господинъ полковникъ вышеупомянутымъ плотникамъ за строеніе церкви 30 руб. готовыхъ денегъ, запасу 6 четвертей муки иржаной, гречаного (*) 3, пшона 3, салъ 3 калаша, солы 4 пуда, барановъ десять, кунтушъ въ три руб. и прочая, да притомъ робилибъ гварнѣзонные работники человѣковъ 15, горѣлки 10 вѣдръ + десять (**) . . . . денегъ рублей девіать.»

Теперь придѣлать подъѣздъ къ какому нибудь домику, обошлось бы гораздо дороже, въ особенности, если поручить составленіе смѣты строительной коммисіи.

Торговля Берислава, ограничиваясь мѣстной продажей, отличается однакоже своей оригинальностью. На базарѣ, т. е. въ центрѣ города и за балкой, на новыхъ мѣстахъ, вы увидите множество лавочекъ, изъ которыхъ развѣ въ двадцатой встрѣ-

(*) Здѣсь надобно подразумѣвать *борошно* (мука).

(**) Два слова нельзя разобрать.

тите красные или бакалейные товары, а то все самые грубые предметы первой потребности: деготь, пшено, сало, сермяги, веревки, принадлежности воловьей упряжи, готовыя колеса, оси, махорку, деревянныя трубки, кресала, кремни, гвозди, подоски, шапки, пояса и чоботы. Проѣзжаго можетъ поразить большое количество подобныхъ товаровъ и лавокъ, потому что такіе запасы требуютъ не менѣе 50000 потребителей. Не познакомясь съ бытомъ городка, пожалуй можно вывести какое нибудь курьезное заключеніе, какія и дѣйствительно встрѣчаются въ описаніяхъ инаго туриста. Но дѣло въ томъ, что потребленіе здѣсь обезпечено: бериславская мѣстная торговля поддерживается только чумаками, которыхъ ежегодно проходитъ здѣсь болѣе 200000 повозокъ. Бериславъ самый важный пунктъ, чрезъ который слѣдуютъ чумацкіе обозы по случаю постоянной переправы. Меньшая значительная часть чумаковъ слѣдуетъ чрезъ Никополь.

Съ открытіемъ весны, или вѣрнѣе сказать съ появленіемъ подножнаго корма, любопытные и праздные торговцы (а еще годъ тому назадъ паромщики), отправляются толпами къ мельницамъ, и взобравшись на лѣсенки, посматриваютъ на широкую дорогу, пропадающую въ степи между курганами. И вотъ гдѣ нибудь въ отдаленіи зоркій глазъ любопытнаго замѣчаетъ сѣрую движущуюся полосу.

— Чумаки идутъ! раздается восклицаніе какимъ-то неестественнымъ голосомъ, и вся публика встрепенулась и на всѣхъ лицахъ появляется радостное выраженіе.

Убѣдясь въ дѣйствительности желаннаго появленія толпа спѣшитъ въ городъ, бросая каждому встрѣчному фразу: чумаки идутъ! и лавки наполняются полнымъ комплектомъ сидѣльцевъ, а паромщики идутъ бывало въ кабакъ выпить на радостяхъ, въ полной увѣренности набить порядочно карманы.

И вотъ чумаки вышли изъ за послѣдняго кургана. Медленно идутъ добрые волы, скрыпятъ телѣги, рослые люди въ высокихъ бараньихъ шапкахъ идутъ тяжелой поступью въ сторонѣ, помахивая длинными батогами. Нерѣдко оттуда несется пѣсня, та широкая и разгульная пѣсня, какія обыкновенно существуютъ между чумаками. Это особенныя мелодіи чисто народныя и даже сословныя, безъ примѣси чужаго элемента. Но вотъ затихаетъ пѣсня, чумаки ближе и уже слышны возгласы: гей! собъ! цабе! Еще нѣсколько минутъ и валка (обозъ) останавли-

вается на городскомъ выгонѣ. Чумакъ непремѣнно встрѣтитъ надобность въ чемъ нибудь, и потому, выпрягши воловъ, нѣсколько человѣкъ отправляется въ городъ—кто въ лавки, кто на базаръ, кто въ кабакъ, смотря по обстоятельствамъ. Въ прежнія времена въ Бериславѣ собиралось по нѣсколько тысячъ возовъ, ибо казенная переправа, содержимая солянымъ правленіемъ, до того мала на этомъ пунктѣ (10 паромовъ), что кромѣ ея перевозочныхъ средствъ, около 70 вольныхъ паромовъ не въ состояніи были управиться. И возмутительно было смотрѣть на переправу, гдѣ притѣсненія во всѣхъ видахъ обрушивались на простолюдинѣ. Извѣстно, что на казенныхъ паромахъ по положенію ничего платить не слѣдовало, но не всегда положенія на бумагѣ одно и тоже, что въ дѣйствительности. На казенной переправѣ всегда было даже не комплектное число паромовъ, слѣдовательно если по берегу было около 10,000 повозокъ, то сколько времени приходилось ожидать прибывшимъ послѣдними, принявъ въ соображеніе, что иногда, по случаю противнаго вѣтра, паромы едва могли совершать въ теченіе дня одинъ рейсъ. Чумакъ дѣйствительно ничего не платитъ казнѣ за процессъ перевоза, но съ него берутъ огромныя деньги за очередь. Не буду утверждать, что здѣсь живился смотритель переправы съ товарищами, но что ни одинъ чумакъ не переправляется даромъ,—это извѣстно всему чумацкому сословію. Лоцмана казенные брали тоже-что и вольные промышленники, но чумаки предпочитали первыхъ, потому что у нихъ больше исправности. Эта странная, искони существовавшая недостаточность перевозочныхъ средствъ, вызвала необходимость со стороны частныхъ промышленниковъ устройства особенныхъ паромовъ, приспособленныхъ собственно къ перевозкѣ чумацкихъ обозовъ. Неудобство казенной переправы было вопіющимъ дѣломъ еще при дюкѣ де-Ришельё. Генералъ-губернаторъ этотъ былъ забросанъ прошеніями, въ которыхъ изъяснялось, что чумаки ожидали *по мѣсяцу*. То-то было золотое время для смотрителя и городничаго! Эти чиновники всѣми силами старались не допустить конкуренціи вольныхъ промышленниковъ. Объѣзжая край, главный начальникъ однакоже пожелалъ лично удостовѣриться въ справедливости жалобъ. Ходить было далеко не зачѣмъ, стоило только призвать десятка два чумаковъ изъ многочисленныхъ таборовъ, окружавшихъ городъ. Старики разсказываютъ оригинальный отвѣтъ одного чумака на вопросъ

генералъ губернатора—давно ли онъ ожидаетъ очереди. Я искренно вѣрю этому отвѣту, потому что онъ въ духѣ малоросса.

—Не скажемо, ваше осіятельство, скільки именно стоімо тижнівъ (недѣль), бо вже давно лічыть (считать) обридло (надоѣло), а знаю тільки те, що якъ прыбулы, то одудъ (удодъ) саме гніздо мостивъ, а теперь уже одуденята повилітали.

Тогда же разрѣшено было частнымъ лицамъ содержать вольные паромы.

Потребность въ этомъ была такъ велика, что многіе бериславскіе жители продали воловъ, бросили земледѣліе и устроили паромы, состоявшіе изъ огромной барки, въ которой сплавляютъ товары сверху, съ помостомъ, могшей вмѣстить около 80 повозокъ разомъ. Такая громада стоитъ здѣсь довольно дорого. Иной хозяинъ, продавъ рабочій скотъ, долженъ былъ занять денегъ для устройства парома, но пріобрѣтя барку, считалъ себя обезпеченнымъ. Поработавъ весну, онъ могъ лежать на боку круглый годъ, позаботясь только вытащить и осмотрѣть паромъ—не нужна ли какая починка. Онъ даже не имѣлъ необходимости нанимать не только помощника, но и гребцовъ. Въ этомъ оригинальномъ способѣ перевозки были только три условія: судно, хозяинъ и его дикій произволъ относительно цѣны, а остальное все улаживалось само собою. При извѣстіи о приходѣ чумаковъ, когда купечество бросалось въ лавки, паромщикъ отправлялся въ кабакъ и потомъ шелъ спокойно валяться дома: онъ зналъ, что чумаки сами его отыщутъ. Здѣсь происходилъ торгъ. Въ этомъ отношеніи паромщики держались строго-принятой системы—ломить какъ можно дороже и не уступать ни копѣйки. Они очень хорошо знали, что чумакамъ необходимо переправиться чрезъ Днѣпръ, что чѣмъ болѣе стоять на берегу, тѣмъ дороже обойдется кормъ воловъ, и были глухи ко всевозможнымъ убѣжденіямъ. Въ 1857 году насмотрѣлся я на эти сцены и признаюсь никогда и нигдѣ не видалъ проявленія подобнаго необузданнаго произвола. Въ иное время доходило до рубля сереб. съ фуры! Разсказываютъ, что бывало и больше, но рубль смѣло можно положить нормой. Сторговавшись въ цѣнѣ, паромщикъ указывалъ чумакамъ судно и только наблюдалъ, чтобы уставилось какъ можно больше возовъ, а до остальнаго ему не было никакой надобности. Чумаки должны были сами нагрузить, потомъ гресть, итти на шестахъ или тянуть гужемъ—смотря по

надобности, а паромщикъ только правилъ рулемъ. Переправа между Бериславомъ и Каховкой, во время разлива, версты четыре, и если случался противный вѣтеръ, то при быстротѣ теченія паромы иногда сносило далеко внизъ и надо было тянуться бичевою, что продолжалось иногда цѣлые сутки! Люди въ усиленной работѣ, скотъ голоденъ, а тутъ еще иногда проливной дождь. Паромщикъ, завернувшись въ добрый кобенякъ, не обращалъ ни на что вниманія; онъ зналъ, что не завтра, такъ послѣ завтра не останется безъ заработка. Бериславская переправа была однимъ изъ горькихъ вопіющихъ неудобствъ чумацкаго сословія. Въ прошломъ году я видѣлъ уже совершенно другую картину. Каховскій помѣщикъ Н. Н. Куликовскій заказалъ въ Англіи пароходъ и разсчитавъ, что выгоднѣе всѣхъ рейсовъ поработать мѣсяца три дома на переправѣ, предложилъ чумакамъ свои услуги: 30 коп. за нагруженную телѣгу и 25 за порожнюю. Вольные паромщики посмѣивались, какъ вообще невѣжество смѣется надъ полезнымъ нововведеніемъ, и были увѣрены, что пароходъ не въ состояніи выполнить этой задачи. На это имѣли они впрочемъ причину. До моего пріѣзда приходилъ для чего-то изъ Херсона маленькій пароходикъ *Луба* и сдѣлалъ неудачный опытъ буксированія паромовъ. Во-первыхъ пароходъ былъ малосильный и взялъ на буксиръ двѣ барки, нагруженныя большимъ количествомъ возовъ; во-вторыхъ долженъ былъ итти противъ сильнаго теченія и жестокаго вѣтра. Онъ бросилъ паромы, къ вяшему удовольствію бериславцевъ. Каково же было ихъ удивленіе, когда рѣчной пароходъ Куликовскаго, зацѣпивъ два парома съ полнымъ грузомъ, быстро переправилъ ихъ чрезъ рѣку и, спустивъ ихъ у пристани, взялъ на буксиръ новые паромы и потащилъ ихъ противъ теченія полнымъ ходомъ. Я былъ въ это время въ Бериславѣ и сидѣлъ на скалѣ у лѣсной пристани, гдѣ обыкновенно собираются любопытные. На другой день таже исторія. Ожили чумаки, повеселѣли ихъ загорѣлыя лица, и малорусскій юморъ не могъ не проявиться при встрѣчѣ ихъ съ паромщиками. Изъ послѣднихъ самые жадные были еще увѣрены, что *онъ* (пароходъ) не долго подержится и даже намекали чумакамъ, что тутъ должно быть нечистая сила, которою не слѣдовало бы и пользоваться... Но чумаки подсмѣивались по своему и сыпали остротами.

—Точно, дядющка, машина хуже, сказалъ однажды молодой чумакъ, снявъ шапку передъ старымъ паромщикомъ: не успѣешь канальство выкурить *люльки*, какъ уже на томъ берегу и кричатъ тебѣ: выгружайся!

—По моему не стоитъ онъ вашихъ паромовъ, подхватываетъ другой; свиститъ да шипитъ и не даетъ погулять на берегу этакъ съ недѣльку.

Опустились руки у паромщиковъ. Они уже предлагали чумакамъ по 20, наконецъ по 15 к. съ воза, но тѣ и слышать не хотятъ, и дали слово, если только пароходъ будетъ ходить и по наведеніи моста, переправляться на пароходѣ. Надобно сказать, что бериславскій мостъ ведетъ на ту часть дороги, которая изобилуетъ глубокимъ пескомъ, лежащимъ до самой Каховки, что представляетъ для чумаковъ большое затрудненіе, особенно когда они идутъ съ солью. Говорятъ, паромщики подавали жалобу на Куликовскаго, что онъ лишилъ ихъ хлѣба, т. е. другими словами—лишилъ возможности грабить проѣзжихъ. Не могу утверждать, но слышалъ, что на ихъ просьбу слѣдовала резолюція такого содержанія: «если они находятъ для себя невыгоднымъ въ настоящее время содержать паромы, то могутъ строить пароходы». Въ нынѣшнемъ году они вытащили уже на берегъ свои барки и дѣлаютъ изъ нихъ разныя постройки. Нѣтъ сомнѣнія, что снова займутся они хлѣбопашествомъ и станутъ добывать хлѣбъ честнымъ трудомъ, безъ обиды ближняго. Переправа отъ солянаго правленія, говорятъ, уничтожается. Стоя казнѣ очень дорого, она не достигала своей цѣли: ни одинъ чумакъ не переѣзжалъ, не заплативши того же, что и вольнымъ промышленникамъ. Допустимъ, что ни одинъ чиновникъ не принималъ участья въ этихъ злоупотребленіяхъ, но легче ли отъ этого народу! Десятки тысячъ живыхъ свидѣтелей не только подтвердятъ это, но поразскажутъ множество чрезвычайно интересныхъ фактовъ. Казенныя переправы хоть съ виду и даровыя, но въ сущности обходятся дорого. Бериславская же всегда отличалась своею неисправностію, грубостью лоцмановъ и ихъ необыкновенною жадностью. Но дастъ Богъ все это у насъ вытѣснится съ распространеніемъ паровыхъ сообщеній, грамотности, а больше съ развитіемъ въ молодомъ поколѣніи другихъ принциповъ. Уничтоженіе бериславской ка-

зенной переправы ни кого не опечалитъ. Даже, я полагаю, самъ смотритель теперь не очень пожалѣетъ объ этомъ, оттого, что ему удалось построить хорошенькій домикъ.

Какъ однако же все странно устроено, что одно предпріятіе непремѣнно благоденствуетъ на счетъ другаго. Съ улучшеніемъ берислaвской переправы мы уже видѣли, что исчезло 70 паромовъ, которые существовали промысломъ. Самые торговцы, владѣтели простонародныхъ лавочекъ, жалуются на уменьшеніе торговли. Чумаки, прибывая къ Бериславу, теперь уже знаютъ, что на Днѣпрѣ нѣтъ остановки, спѣшатъ къ берегу и развѣ мимоходомъ запасаются необходимымъ, имѣя въ виду сдѣлать покупки на другой сторонѣ въ Каховкѣ, между тѣмъ какъ въ прежнее время, стоя недѣли по двѣ, они отъ скуки ходили по базару и покупали иногда предметы далеко не первой необходимости. Въ этомъ случаѣ довольно важно еще и то обстоятельство, что г. Куликовскій, желая болѣе пріохотить чумаковъ переправляться на пароходѣ, отвелъ имъ у себя въ Каховкѣ участокъ степи, на которомъ они могутъ пасти воловъ безъ платежа. Разумѣется, это для чумака не послѣдняя выгода. Кромѣ паромщиковъ лишились еще дохода и многіе рабочіе—плотники и конопатчики, которыхъ образовалось довольно и которые брали большія деньги за работу. Но это не будетъ краснымъ словцомъ, если сказать, что здѣсь потерялъ нѣсколько десятковъ тысячъ не городъ, но собственно винный откупъ. Сумма эта не разливала благоденствія въ Бериславѣ, не увеличивала оборотнаго капитала, а посредствомъ кабаковъ сосредоточивалась въ питейной конторѣ. Сословіе паромщиковъ, за рѣдкими исключеніями, предавалось пьянству. Стоитъ посмотрѣть на избы нѣкоторыхъ паромщиковъ, имѣвшихъ порядочные барыши—деньги значительныя для крестьянина. Возлѣ иныхъ не только нѣтъ признака довольства, но даже ни какой огорожи. Въ домѣ та же бѣдность. Случалось, впрочемъ, что два, три паромщика, собравъ деньги, ввѣряли ихъ жидкамъ безъ всякаго документа, но не получали обратно ни процентовъ, ни капитала. Объ одномъ разсказываютъ любопытный фактъ. Паромщикъ, какъ всѣ простолюдины, не желая показать, что естъ у него деньги, но вмѣстѣ съ тѣмъ желая получить съ нихъ пользу,—ввѣрилъ тысячи двѣ знакомому еврею для торговли, заставивъ послѣдняго побожиться, что не скажетъ ни кому объ

этомъ. Самъ же съ своей стороны произнесъ клятву, что съ своей стороны не выдастъ тайны. Прошелъ годъ. Паромщикъ потребовалъ процентовъ. Еврей сразу озадачилъ его положительнымъ отказомъ. Паромщикъ пожаловался, но какъ не было документа, жалоба осталась безъ послѣдствій. При свидѣтеляхъ еврей постоянно отказывается отъ долга и грозитъ еще искать за безчестье, а на единѣ говоритъ паромщику:—я божился никому не говорить и не говорю, что взялъ у тебя деньги, а ты между тѣмъ нарушилъ свою клятву, разсказывая каждому.

Интересный тоже былъ случай съ однимъ старикомъ, подтверждающій, что выраженіе «вылетѣлъ въ трубу» иногда буквально прилагается къ жизни. Старикъ собралъ довольно денегъ и, желая повѣрнѣе скрыть сокровище отъ любопытныхъ сыновей, не положилъ въ сундукъ, но вздумалъ сохранить ихъ въ трубѣ, за вьюшкой, и покрылъ сверху камнемъ. Однажды приходитъ къ нему пріятель и проситъ въ займы бездѣлицу. Старикъ тотчасъ же полѣзъ въ трубу и снялъ камень со своего сокровища. Пріятель, входя позабылъ притворить дверь, а на улицѣ былъ вѣтеръ, и разноцвѣтные кредитные билеты пошли кружиться въ воздухѣ. Говорятъ, однакоже, что большую половину собрали, а остальное Богъ знаетъ куда дѣвалось.

И такъ бериславской торговлѣ, основывавшейся чисто на спекулятивныхъ принципахъ, угрожаетъ упадокъ, который и предотвратить почти невозможно. Собственно мѣстная торговля весьма слаба, какъ потому, что жители мѣщане обходятся лишь предметами первой потребности, такъ и по отсутствію въ окрестности помѣщиковъ, обыкновенно приносящихъ дань мѣстнымъ лавочникамъ. Во время пребыванія въ этомъ городкѣ, живя постоянно на базарѣ, я часто ходилъ по рынку, и по количеству народа судилъ о его потребностяхъ. Базары собираются небольшіе, преимущественно пріѣзжаютъ колонисты шведы, нѣмцы, евреи, и немного поселянъ, а изъ покупателей сельскихъ произведеній появляются больше евреи, которые съ какимъ то особеннымъ жаромъ торгуютъ необходимые припасы или закупаютъ продукты для спекуляцій. Оборотовъ значительныхъ нѣтъ и у евреевъ; скупивъ по мелочамъ небольшое количество хлѣба, Іудей тотчасъ же грузитъ его на судно и отправляетъ въ Херсонъ, довольствуясь малымъ барышемъ, если не принимать въ разсчетъ, что ловкій сынъ Израиля надуетъ простака кресть-

янина, т. е. обвѣситъ, обмѣритъ или обсчитаетъ. Не разъ я видѣлъ какъ обсчитанный бѣднякъ ходитъ и для утѣшенія жалуется встрѣчному и поперечному. Что бериславскіе евреи ведутъ дѣла свои не совсѣмъ чисто, можно видѣть изъ одного весьма убѣдительнаго факта: у торговца хлѣбомъ вы можете, если надобно, купить четверть нѣсколькими копейками дешевле чѣмъ у производителей!

Жители Берислава состоятъ изъ наплывнаго населенія малорусскаго племени, и всѣ оттѣнки мѣстностей уже успѣли сгладиться, такъ что черниговецъ утратилъ свое *уо* вмѣсто малорусскаго *и*, замѣняющаго букву *о* въ именительномъ единственнаго числа (напр. *кінь*, *віл*ъ, *сіль*, черниговцы произносятъ *куонь*, *вуол*ъ, *суоль*). Обычаи тѣже, что и вездѣ въ Малороссіи, только большой торговый путь—судоходная рѣка и общеніе съ разнороднымъ людомъ положило свой колоритъ и на крестьянина. Вездѣ вы уже сталкиваетесь съ мѣщанствомъ, нигдѣ не увидите простодушія, плутовство успѣло пустить корни въ массу, и самый костюмъ утратилъ крестьянскій характеръ. Женщины преимущественно ходятъ въ длинныхъ платьяхъ весьма уродливой формы, а зимою въ заячьихъ шубахъ. Мужчины одѣваются въ отвратительныя чуйки, которыя, нисколько не подходя къ европейскому платью, гораздо безобразнѣе крестьянскаго казакина, и только—единственное отличіе малорусскаго происхожденія—встрѣчаются еще повсемѣстно широчайшіе шаровары. По праздникамъ дѣвушки выходятъ довольно пестро одѣтыми, въ цвѣтныхъ платочкахъ на головахъ, употребляя также *шушун*ъ, верхнее платье, любимое мѣщанками. Это что-то въ родѣ капота, только безъ таліи, съ круглымъ отпускнымъ воротникомъ, который, свѣшиваясь полукругомъ, не доходитъ однакоже до пояса. Дѣвушки изъ подъ платочка выпускаютъ косу. Надобно отдать справедливость, что между прекраснымъ поломъ встрѣчается много хорошенькихъ. Есть личики чрезвычайно интересныя, и, какъ говорятъ хорошо знающіе бытъ городка, нравственность женщинъ не испорчена, несмотря на огромный наплывъ посторонняго народа. А это на подобныхъ мѣстностяхъ большая рѣдкость. Впрочемъ главный приливъ составляютъ чумаки и чернорабочіе, которые какъ истые малорусы, если и непрочь понѣжничать, то не заходятъ слишкомъ далеко: женатые, сохраняя супружескую вѣрность, холостые изъ любви къ своей коханкѣ. Наконецъ вре-

мя не дозволяетъ сближаться до короткости, а военныхъ постоевъ теперь нѣтъ въ Бериславѣ.

Заведеній въ родѣ ресторацій—два, но самаго плохаго разбора. Кромѣ чаю, вина и селедки мѣстные потребители ничего не спрашиваютъ, а если случится, что проѣзжій, обманутый названіемъ трактира, потребуетъ порцію-другую, то во первыхъ подождетъ пока приготовятъ, а во вторыхъ ему придется уйти съ тѣмъ же неутоленнымъ голодомъ, разумѣется заплативши деньги. Иногда какія то пальто чудовищнаго покроя приходятъ играть на не менѣе чудовищномъ бильярдѣ, попадаются даже и фуражки съ кокардами, но это бываетъ довольно рѣдко, потому что въ провинціальныхъ городкахъ принято считать предосудительнымъ посѣщеніе трактира. Кромѣ послѣдняго обстоятельства бериславскіе трактиры лишены посѣтителей и по той еще причинѣ, что въ нихъ нельзя выпить рюмку водки. Это зависитъ отъ жадности мѣстнаго откупщика. Чтобы имѣть право на продажу жалкой сивухи—трактирщикъ обязанъ платить въ контору отъ каждаго ведра 15 рубл. серебромъ.

За то въ Бериславѣ много кабаковъ, которые посѣщаются очень усердно, не смотря, что цѣловальники съ особеннымъ усердіемъ занимаются изслѣдованіемъ смѣшенія спирта съ водою; занятіе впрочемъ повсемѣстное во всѣхъ питейныхъ конторахъ, о чемъ знаетъ и говоритъ во всеуслышаніе народъ, и о чемъ наконецъ изрѣдка поговариваютъ и печатно. Въ самомъ дѣлѣ фактъ довольно странный: вопіющее зло употребленіе такъ явно, а между тѣмъ продолжается безнаказанпо. Я не понимаю какъ можно не возмущаться при видѣ безстыднаго цинизма, съ какимъ совершаются многія откупныя операціи. Вода вливается въ водку чуть не на улицѣ, а добрые люди должны платить большія деньги за эту противозаконную смѣсь, и никто не имѣетъ права возвысить голоса. Кромѣ того случается, что контора, не находя выгоды продавать трехпробную водку, продаетъ такъ называемую въ народѣ *сладко-горькую*, увеличивая цѣну вдвое и подмѣшивая въ тотъ же самый полугаръ — какую то гадость.

Бериславская ратуша съ своей стороны покровительствуетъ монополіи продажи квасу, отдавъ ее на откупъ одному содержателю. Пользуясь своимъ правомъ, квасникъ продаетъ отвратительное пойло и беретъ за него произвольную цѣну. Прежде

этой продажей промышляли бѣдныя женщины торговки, которыя, торгуя съѣстными припасами, держали и квасъ, разумѣется стараясь о лучшемъ качествѣ напитка, при конкуренціи. Теперь же торговкамъ надо покупать право у квасника, и послѣдній ломитъ такую цѣну, которой выработать торговкѣ невозможно.

Дворянское общество самое крошечное въ Бериславѣ, потому что кругъ чиновниковъ ограничивается городничимъ, почтмейстеромъ, письмоводителемъ полиціи, секретаремъ ратуши, докторомъ, смотрителемъ переправы и инвалиднымъ начальникомъ. При согласіи поименованныхъ лицъ еще можно какъ нибудь проводить время, хотя эти собранія и не отличаются разнообразіемъ. Литература не въ ходу; изъ повременныхъ изданій я встрѣчалъ только Одесскій Вѣстникъ и Сынъ Отечества.

Есть, однакоже, вольная аптека, больница и приходское училище.

Въ лавкахъ можно найти всѣ необходимые товары, а изъ ремесленниковъ нѣтъ ни въ одномъ недостатка, начиная отъ кузнеца и сапожника, до часовыхъ дѣлъ мастера и серебреника. Ремеслами какъ водится занимаются Евреи. Мнѣ разсказывалъ одинъ старожилъ, что наплывъ іудейскаго племени произошелъ только со времени изгнанія Евреевъ изъ Николаева, но что до тѣхъ поръ жилъ одинъ только іудей въ Бериславѣ, который пользовался всеобщимъ расположеніемъ. Лейба былъ такой славный, говорилъ мнѣ разсказчикъ, что когда мы услыхали, что изъ Николаева сбираются къ намъ сотни жидовъ и разумѣется сильно испугались, онъ тоже держалъ руку за нами и сказалъ: «еслибъ это было неправда, я поставилъ бы полпудовую свѣчу въ вашу церковь, такъ я не люблю своихъ!»

И много мнѣ стоило труда разувѣрить добродушнаго разсказчика, что этотъ милый и славный Лейба дѣйствительно пожертвовалъ бы и не полупудовую свѣчу, чтобы не селились евреи, потому что ему одному было большое раздолье эксплуатировать простяковъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Бериславъ первый городокъ на Днѣпрѣ, наружность котораго отличается отъ прочихъ одною оригинальностью: у рѣдкаго дома не увидите высокаго шеста съ пучкомъ сухихъ вѣтвей на верху, съ пустой высушенной тыквой или деревяннымъ домикомъ. Это временные пріюты для скворцовъ, которые, встрѣчая готовое помѣщеніе, охотно въ немъ поселяются и пѣніемъ своимъ возна-

граждаютъ радушнаго хозяина за гостепріимство. Пѣніе это, въ особенности весною, съ восходомъ солнца, чрезвычайно пріятно; если поютъ вмѣстѣ нѣсколько скворцовъ, выходитъ оригинальный концертъ, который я предпочитаю пѣнію всевозможныхъ чижиковъ, снѣгирей и щегленковъ. Любопытно слѣдить ранней весной, какъ скворцы осматриваютъ свои воздушныя жилища и посидѣвъ въ одномъ, перелетаютъ въ другое, словно выбираютъ болѣе удобное.

Весною, по утрамъ, замѣтно въ Бериславѣ особенное многолюдство. Это собираются чернорабочіе, за которыми присылаютъ помѣщики изъ далекихъ мѣстностей.

Къ рѣкѣ нѣсколько спусковъ, на одномъ изъ которыхъ сохранилась каменная мостовая, сдѣланная еще въ двадцатыхъ годахъ; но спускъ этотъ отличается необыкновенною, крутизною и поэтому какъ теперь, такъ вѣроятно и прежде, мостовою этою невозможно было пользоваться.

У бериславской пристани или, лучше сказать, вдоль берега отъ казенной переправы и вверхъ до рѣки Космахи стоятъ мореходныя лодки, дубы и шаланды. Послѣднія составляютъ собственность бериславцевъ, а лодки и дубы есть и захожіе, зафрахтованные евреями для отвоза хлѣба въ Херсонъ, болѣе богатымъ спекулянтамъ. Здѣсь однакожъ нѣтъ ни одного вольнаго матроса. Собственно бериславскія лодки и дубы, построенные по образцу никопольскихъ, съ тѣмъ же вооруженіемъ и съ тѣмъ же порядкомъ управленія. Шаланды — это небольшіе ялики для переправы пѣшихъ; при попутномъ вѣтрѣ ставится небольшая мачта, а не то шаландщикъ работаетъ двумя веслами, какъ невскіе лодочники, и ловко управляетъ своимъ суденышкомъ. На этомъ берегу всегда жизнь и движеніе, и онъ усыпанъ народомъ: матросами, пассажирами, прачками, удильщиками. Подъ вечеръ компанія эта увеличивается дѣвушками, которыя спускаются за водой къ Днѣпру и съ пѣснями совершаютъ свое путешествіе. Иногда бываютъ занимательныя сцены. Вотъ на полугорѣ встрѣчается вереница дѣвушекъ, легко въ прыпрыжку идущихъ съ пустыми ведрами, и другая, медленно подымающаяся на гору, уже съ водою.

— Подождите насъ, мы скоро вернемся и пойдемъ вмѣстѣ, кричатъ первыя.

— Вотъ охота намъ ждать, да насъ и выбранятъ дома, мы и такъ промедлили, отвѣчаютъ другія.

Какая нибудь шалунья подаетъ сигналъ и выплескиваетъ воду у болѣе неосторожной, и нерѣдко весь караванъ съ опустошенными ведрами гонится внизъ за проказницами, которыя уже сбѣжали подъ гору. Иной разъ идетъ перебранка, но чрезъ нѣсколько минутъ всѣ, съ полными ведрами, мирно возвращаются рядомъ въ городъ. Бываетъ, что ловкіе парни нападаютъ тоже съ цѣлью выплеснуть воду, но тутъ ведры мигомъ ставятся на землю, и дѣвушки дружно, вооружившись коромыслами, обращаютъ непріятеля въ бѣгство. Затѣмъ слѣдуетъ хохотъ, а новый караванъ готовъ уже начинать обычную продѣлку.

Нельзя умолчать объ одномъ весьма поучительномъ обстоятельствѣ. Извѣстно, что въ военное время Бериславъ служилъ важнымъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточивались большія массы войскъ, транспортовъ съ больными и разными припасами и что въ немъ занято было подъ временной госпиталь много обывательскихъ домиковъ. Жители, какъ я уже замѣтилъ, не отличаются достаткомъ, и имъ обѣщали уплату за наемъ госпитальныхъ помѣщеній. Но вотъ прошло уже почти три года отъ заключенія мира, а хозяева не только не получили удовлетворенія, но и не увѣрены даже получатъ ли его когда нибудь. Будь это въ краю, который не подвергался бы другимъ отягощеніямъ, кромѣ отдачи домовъ подъ госпитали, можно бы еще согласиться, но извѣстно какія тягости несли жители Берислава. Иной бѣднякъ, чей домикъ занятъ былъ больными, не имѣлъ самъ помѣщенія и долженъ былъ за большую цѣну нанимать себѣ лачугу, чтобы пріютить свое семейство.

Семьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ назадъ это была жалкая турецкая крѣпостца. Конечно и теперь Бериславъ изъ самыхъ плохихъ городковъ, но покрайней мѣрѣ густо населенъ, а что ждетъ его при развитіи паровыхъ сообщеній—неизвѣстно. Носятся слухи, что хотятъ устроить желѣзно-конную дорогу отъ Перекопа до Каховки, и если это осуществится, то Бериславу можно ожидать значительнаго и быстраго улучшенія. Впрочемъ, кто знаетъ какой примутъ оборотъ дѣла, когда усилится пароходство по Днѣпру; тогда, я думаю, и самое чумачество придетъ нѣсколько въ упадокъ, и соль будетъ продаваться недорого въ Екатеринославлѣ, Кременчугѣ и далѣе вверхъ по Днѣпру.

О наружности города можно сказать, что весною и лѣтомъ онъ довольно красивъ, потому что въ разныхъ мѣстахъ домики обсажены деревьями. Но любилъ я въ тихій лѣтній вечеръ сидѣть на скалѣ возлѣ лѣсной лавки и смотрѣть какъ отражаются въ Днѣпрѣ каменистый берегъ, зеленый островъ, а вдали на таврическомъ берегу виднѣются огоньки, разложенные по степи чумаками.

Въ семи верстахъ за Бериславомъ изъ Днѣпра выдѣляется широкій протокъ Козакъ, надъ которымъ стоитъ порядочная деревня Козацкое, принадлежащая князю Трубецкому. Населилась она въ концѣ прошлаго столѣтія изъ выходцевъ разныхъ губерній. Есть довольно глубокіе старики, отъ которыхъ, по обычаю, хотѣлось мнѣ почерпнуть какія нибудь свѣдѣнія, но изъ первыхъ словъ я увидѣлъ, что ожидать нечего. Одинъ изъ самыхъ сѣдыхъ прежде всего вздумалъ подойти къ моей рукѣ..... Это еще первый разъ за все путешествіе встрѣтился мнѣ образчикъ закоренѣлаго рабства, какого не увидишь на здѣшней мѣстности.

— Какой ты, дѣдушка, губерніи? спросилъ я, отдернувъ руку и приглашая сѣсть старика.

— Изъ Рязанской, батюшка. Когда насъ перегнали сюда, я уже былъ подросткомъ.

— Который же тебѣ годъ?

— 81-й.

Но по разспросамъ какія онъ зналъ эпохи, оказалось, что ему за 90. Между тѣмъ онъ не только не могъ ничего разсказать мнѣ о старинѣ, но путалъ и событія и мѣстности. Другіе два старика—уроженцы Могилевской губерніи, которые однакоже выразились, что обращали болѣе вниманія на свои степи, а въ окрестностяхъ почти не бывали. Любимымъ моимъ конькомъ всегда уже разспросы о запорожцахъ. Рязанскій выходецъ отозвался, что зналъ ихъ и что сѣчь ихъ была *въ Павлоградѣ* (?). Это окончательно уничтожило во мнѣ желаніе дальнѣйшихъ разспросовъ. Бѣлорусы однакоже говорили, что во время ихъ прихода въ край, водились еще дикія лошади и барсуки. Для меня все таки осталось тайной, отчего деревня названа Козацкимъ и я долженъ ограничиться мнѣніемъ Короля, что названіе произошло отъ протока Днѣпра, упомянутаго выше.

Крестьянскія избы и прочія постройки каменныя, по случаю

изобилія этого матеріала на всемъ прибережьи. Народъ живетъ хорошо и много достаточныхъ крестьянъ. У моего хозяина напримѣръ 5 паръ воловъ, 20 штукъ рогатаго скота и около 200 овецъ. Въ Малороссіи не у всякаго мелкопомѣстнаго дворянина такое хозяйство. Хата, въ которой я жилъ, отличается нѣкоторой щеголеватостью и разными предметами, показывающими дворовое происхожденіе хозяйки. На окнахъ у нея цвѣты въ горшкахъ, за стекломъ шкафа посуда, неупотребляемая крестьянами. Но что болѣе всего въ этой хатѣ заняло меня— нигдѣ еще невиданныя мною украшенія изъ птичьихъ перьевъ въ видѣ громадныхъ цвѣтовъ, неимѣющихъ типа въ природѣ, но нелишенныхъ пріятности. Перья преимущественно изъ драхвы: пестрыя, бѣлыя и сѣрыя—послѣднія маленькія и пушистыя. Изъ этихъ сѣрыхъ перьевъ, артистъ пытался изобразить розу и даже въ срединѣ вмѣсто кашки пришиты кусочки цвѣтной бумаги.

Конечно, не всѣ такъ богаты какъ мой хозяинъ, однако довольно есть зажиточныхъ. Населеніе занимается земледѣліемъ, но у многихъ имѣются и рыболовные снаряды: небольшія сѣти, бредни, вентеря и крючки. Рыбу крестьянинъ можетъ ловить только для собственнаго употребленія,—ловля же для продажи принадлежитъ помѣщику. Красная рыба заходитъ сюда рѣдко и то преимущественно стерлядь. Въ имѣніи недавно заведена пивоварня—большая рѣдкость на этой мѣстности, что и доказывается наѣздомъ покупщиковъ издалека. Нашъ народъ вообще, кажется мнѣ, не прочь замѣнять водку пивомъ, но откупа сильно противятся или по крайней мѣрѣ, гдѣ можно, дѣлаютъ затрудненія пивоваренію. Разумѣется, что пиво большой подрывъ откупщику: во первыхъ, оно немного лишь дешевле водки съ завода, слѣдовательно принесетъ не болѣе 100%; во вторыхъ на него нельзя наложить произвольно высокой цѣны при раздробительной продажѣ и, въ третьихъ, никакъ нельзя на половину разбавить водою, а вливается ея, по мнѣнію экспертовъ не болѣе четверти. Стоитъ ли хлопотать изъ за подобныхъ пустяковъ! Смѣло можно сказать, пока существуетъ нынѣшняя откупная система, горожане осуждены пить мерзость подъ именемъ сладко-горькой, но попытка замѣнить водку винограднымъ виномъ или пивомъ—никогда не увѣнчается успѣхомъ.

Самъ владѣлецъ не живетъ въ имѣніи, но оно ввѣрено отличному управляющему, который кромѣ опытности обладаетъ

основательными свѣдѣніями въ аграномiи и вообще слыветъ прекраснымъ хозяиномъ, Главное вниманіе его обращено на овцеводство—отрасль, составляющую въ Новороссiи капитальный доходъ и приносящую большую выгоду чѣмъ само хлѣбопашество.

Народный костюмъ представляетъ здѣсь странную смѣсь великорусскаго съ малорусскимъ, но замѣтно преобладаніе ситца. Самый народный говоръ звучитъ непріятно для уха.

Верстахъ въ трехъ ниже, надъ балкой Каменкой, лежитъ деревня того же имени, принадлежащая помѣщику Суханову, имѣющая также весьма небольшія рыболовни. Кромѣ красиваго мѣстоположенія она не представляетъ ровно никакого интереса для наблюдателя. Крестьянскія избы довольно плохія, господскій домъ разрушается и какъ то грустно торчитъ на обрывѣ со своими наглухо заколоченными ставнями. На южномъ мысѣ, образуемомъ впаденіемъ балки въ Днѣпръ, замѣтны слѣды укрѣпленія, которое, по словамъ Короля, было довольно значительно, хотя и трудно дать вѣру простому человѣку, касательно фортификаціи, но я имѣю нѣкоторое основаніе думать, что укрѣпленіе это было не ничтожно, потому что Король раза два выразился, разсказывая о бериславской крѣпости:

— Отъ у Камъянці бувъ городокъ такъ городокъ!

Зато старики въ Козацкомъ, ближайшіе каменскіе сосѣди, не могли мнѣ дать никакихъ свѣдѣній объ этомъ укрѣпленіи, исключая одного, который сказалъ, что кажется былъ турецкій городокъ. Если бы не ихъ апатія ко всему окружающему, если бы изъ всего ими разсказаннаго я не видѣлъ, что они все перепутали, я могъ бы возъимѣть сомнѣніе и въ разсказы Короля. Но послѣдній прекрасно сохранилъ память и вообще старикъ весьма разумный.

За Каменкой деревенька Николаевка, а повыше ея, тоже помѣщичій хуторъ Бургунка надъ балкой этого имени. Живописная и каменистая балка эта замѣчательна тѣмъ, что о ней упоминается у Боплана. Здѣсь, по свѣдѣніямъ сообщеннымъ французскому инженеру, существовалъ бродъ, которымъ пользовались крымцы при своихъ набѣгахъ. Дѣйствительно мѣстность чрезвычайно удобна для переправы, потому что и до сихъ поръ Днѣпръ, такъ часто мѣняющій глубину своего фарватера и въ настоящее время лѣтомъ имѣетъ ее не болѣе сажени и то лишь

самое узкое пространство. И говорить будетъ лишнимъ, что у мѣстныхъ жителей не сохранилось о бродѣ никакихъ извѣстій.

Далѣе внизъ расположена одна изъ новѣйшихъ еврейскихъ колоній Львова. Разсказывать о ней подробно значитъ повторять написанное въ предъидущей статьѣ о Ново-Бериславѣ; но нельзя пропустить безъ вниманія обстоятельства, ускользнувшія въ прежнемъ описаніи, и мѣстныя особенности, принадлежащія собственно Львовой. Колонія эта расположена надъ Днѣпромъ, именно у того мѣста, гдѣ рѣка эта, сливаясь съ Козакомъ, бѣжитъ въ узкихъ берегахъ, имѣетъ весьма глубокій фарватеръ. Мѣстность прекрасная, особенно живописенъ видъ на колонію съ Днѣпра, потому что правый, нагорный берегъ состоитъ изъ сплошныхъ рядовъ скалъ, убранныхъ деревьями и кустарниками. Скалы эти образовали параллельные поперечные выступы, надъ которыми въ иныхъ мѣстахъ встрѣчаются длинныя полуоткрытыя галлереи. Камень преимущественно состоитъ изъ мелкихъ окаменѣлыхъ ракушекъ, такъ какъ и въ Бериславѣ; но здѣсь есть еще весьма замѣчательное обстоятельство. Въ одномъ изъ уступовъ, выходящихъ на извилистую тропинку, замѣтны оконечности окаменѣлыхъ костей какого то большаго животнаго. Кромѣ того, что я не знаю сравнительной анатоміи, невозможно, мнѣ кажется, по торчащимъ кускамъ, и спеціалисту опредѣлить ихъ положительно. Смотритель колоніи обѣщалъ, въ свободное время, искусно отдѣлить нѣсколько костей и переслать мнѣ по оставленному адресу. Если онъ исполнитъ обѣщаніе, я не замедлю представить эти окаменѣлости въ Петербургъ, гдѣ конечно гг. ученые дадутъ имъ настоящую цѣну. (*)

Колонія Львова, по наружности, неопрятнѣе и оборваннѣе Ново-Бериславской, да и внутреннее содержаніе ея уступаетъ первой во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь гораздо болѣе домовъ безъ крышъ, почти нѣтъ деревьевъ и вездѣ проглядываетъ неряшество. Между тѣмъ здѣсь есть тоже смотритель менонистъ, весьма порядочный человѣкъ и очень хорошій хозяинъ. Домъ его окруженъ такимъ отлично воздѣланнымъ садомъ, что никакія отговорки колонистовъ относительно непроизводительности почвы не должны имѣть мѣста. Бѣдный этотъ менонитъ рѣшительно не

(*) Въ послѣдствіи я повторялъ свою просьбу, но пока былъ въ краю, отвѣта не послѣдовало.

знаетъ что дѣлать. Львовскіе евреи до того народъ избалованный, что они знать не хотятъ постановленій, и вмѣсто хлѣбопашества занимаются разнаго рода торговлей, отлучаясь для этого не только изъ колоніи, но нерѣдко и за предѣлы губерніи. Въ прежней статьѣ я уже говорилъ. что, по моему мнѣнію, изъ евреевъ невозможно сформировать земледѣльцевъ, что трата казны на ихъ переселеніе и устройство напрасна, и главное—отведенныя имъ земли будутъ частью дурно воздѣланы, а часто останутся пустырями. Многія семейства обѣднѣли, остались безъ рабочаго скота и вообще безъ вѣрныхъ средствъ къ пропитанію. Впрочемъ цѣль колонизаціи евреевъ могла бы быть достигнута съ нѣкоторымъ измѣненіемъ существующаго порядка вещей. Цѣлыя деревни, населенныя собственно евреями, невозможны, потому что земледѣліе не есть пока призваніе этого племени; но было бы легче пріучить ихъ къ хлѣбопашеству, поселивъ ихъ на половину вмѣстѣ съ булгарами, нѣмцами или преимущественно съ менонистами какъ лучшими хозяевами изъ всѣхъ переселенцевъ. Тогда духъ мелочной промышленности, сдерживаемый трудолюбіемъ, флегмою и необыкновенною честностью менонитовъ, мало по малу склонялся бы къ хлѣбопашеству, тѣмъ болѣе что евреи видѣли бы живой примѣръ, какъ изъ непроизводительной, по ихъ мнѣнію, почвы трудолюбивый нѣмецъ извлекаетъ не только безбѣдный кусокъ хлѣба, но и довольство жизни. Въ еврейской колоніи есть нѣсколько хозяевъ, постигшихъ, что и хлѣбопашество дѣло не худое, и хоть оно и не слишкомъ у нихъ спорится, однако все таки со временемъ можно бы ожидать удовлетворительныхъ результатовъ. Смотритель, начальственнымъ вліяніемъ и требовательностью, не въ состояніи успѣть въ такой степени, въ какой успѣла бы половина деревни однимъ простымъ примѣромъ. Между двухъ прекрасныхъ домиковъ, окруженныхъ садами, еврей непремѣнно старался бы по возможности держать опрятно и свое жилище: пусть онъ и не могъ бы сравняться съ сосѣдями, но во всякомъ случаѣ превосходилъ бы своихъ единоплеменниковъ въ настоящемъ ихъ положеніи въ еврейской деревнѣ. И для этого не нужно вызывать изъ заграницы нѣмцевъ. Въ менонистскихъ колоніяхъ уже очень много беззеиельныхъ колонистовъ, которые, не пользуясь участками, живутъ ремеслами или служатъ у своихъ единоземцевъ. По свойственной этому народу бережливости, каждый

имѣетъ хоть небольшую сумму, и многіе нанимаютъ землю у окрестныхъ помѣщиковъ. Въ Екатеринославскомъ уѣздѣ есть даже цѣлая колонія, поселившаяся въ имѣніи князя Кудашева. Такіе колонисты охотно перешли бы въ еврейскія деревни, на участки тѣхъ евреевъ, которые сами не въ состояніи хозяйничать. Мало этого, они не только примутъ на себя недоимку, но не задумавшись дадутъ еще сотню, другую рублей еврею на переселеніе его въ городъ. И я увѣренъ, что многіе жидки съ радостью оставили бы колонію и взяли сотню цѣлковыхъ, съ которыми предпріимчивый сынъ Израиля тотчасъ пустится въ какую нибудь коммерцію и конечно заработаетъ въ одинъ годъ столько же, если не больше. Но это одно мое предположеніе, а, при настоящемъ порядкѣ вещей, колонія Львова находится въ неутѣшительномъ состояніи. Все населеніе поставлено противъ смотрителя и употребляетъ всевозможныя кляузы и жалуется высшему начальству на притѣсненія, которыхъ разумѣется нѣтъ и не было. Бѣдный смотритель не можетъ даже добиться, чтобы хоть половина колонистовъ исполняла свою обязанность. Онъ строго наблюдаетъ, чтобы евреи не отлучались безъ билета, но они умѣютъ обходиться и безъ билетовъ, а въ окрестности вообще идетъ нехорошая молва о колоніи Львовой. Рыболовствомъ и судоходствомъ не занимается никто.

Видѣлъ я всѣ полевыя работы, исполняемыя евреями и надо сказать правду, что какъ-то странно видѣть это племя за сохой или съ цѣпомъ на току. И паханіе и молотьба исполняются съ какими то необыкновенными пріемами, однако чрезъ нѣсколько минутъ глазъ привыкаетъ, и словно не замѣчаешь ничего необыкновеннаго. Но не угодно ли вамъ взглянуть на евреевъ во время косьбы! Изъ всѣхъ полевыхъ занятій, это, по моему, самое граціозное: здѣсь именно человѣкъ можетъ выказать и стройность и ловкость и даже грацію. Дѣйствительно иногда съ удовольствіемъ можно смотрѣть на ряды косцевъ, которые плавными движеніями и свободной поступью заставляютъ зрителя забывать, что это самая утомительная работа, и вы только видите людей, которые словно забавляются легкой гимнастикой. Присутствовалъ я при косьбѣ разныхъ племенъ и вездѣ, въ особенности издали, любовался этой работой; рѣдко развѣ какая нибудь неуклюжая фигура неловкостью своею нарушала стройность цѣлаго. Но при

одномъ взглядѣ на косящихъ евреевъ, нѣтъ никакой возможности удержаться отъ смѣха. Сначала впрочемъ покажется, что передъ вами толпа помѣшанныхъ людей, которые, размахивая косами, кружатся на одномъ мѣстѣ; конечно при этомъ происходитъ и гамъ, безъ чего уже это племя обойтись не можетъ. Но, всмотрѣвшись пристальнѣе, вы увидите, что жидки усердно занимаются работой. Всѣ прочіе косцы обыкновенно становятся въ рядъ на разстояніи взмаха косы и каждый идетъ впередъ, стараясь равняться и не отстать отъ товарищей. У евреевъ совсѣмъ другое, у нихъ каждый работаетъ, кружась въ разныя стороны и стараясь захватить какъ можно шире; при этомъ они машутъ косами весьма быстро—отчего зацѣпляютъ траву не при корнѣ,—и вообще всѣ ихъ движенія чрезвычайно каррикатурны. Это уморительно до такой степени и столько доставляетъ удовольствія, что я готовъ ѣхать нарочно верстъ за 30—пробыть хоть часъ возлѣ евреевъ, которые косятъ. И вся эта орда тараторитъ безъ умолку, словно сороки, собравшіяся по случаю какого нибудь совѣщанія, а если еще принять во вниманіе, что иные работаютъ въ своихъ лѣтнихъ балахонахъ, полы которыхъ развѣваются по вѣтру, то я увѣренъ, многіе проѣзжающіе охотно пожертвовали бы нѣсколько часовъ на эту потѣху, если бы знали, что Львова лежитъ между двумя станціями Ольговской и Тягинской, а земли ея упираются въ большую дорогу.

Нечистота и неопрятность въ большомъ ходу у евреевъ, но широта ли помѣщенія, отсутствіе тѣсноты въ жилищахъ, въ которой племя это гнѣздится въ городахъ, здоровый ли полевой воздухъ причиною, что я не видѣлъ колонистовъ, подверженныхъ отвратительной болѣзни чесоткѣ. Въ городахъ между бѣднѣйшимъ еврейскимъ населеніемъ чесотка словно необходимая принадлежность и кажется неестественнымъ видѣть жиденка, у котораго не было бы прыщей на рукахъ и который не чесался бы по всѣмъ направленіямъ.

Въ Львовой есть однакоже нѣсколько достаточныхъ евреевъ, которые пріобрѣли состояніе разными мелкими спекуляціями въ военное время. Домики у нихъ содержатся по возможности чисто. Впрочемъ смотритель довелъ колонистовъ, что они хоть не выбрасываютъ сору за вороты, и если въ большей части

дворовъ неопрятно, то покрайней мѣрѣ по улицѣ можно пройти, не рискуя споткнуться на кучи сору, состоящія изъ нечистотъ всякаго рода, какъ это бываетъ даже въ нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ.

За Львовой лежитъ помѣщичья деревенька Красный Бургунъ, расположенная на каменистой балкѣ, впадающей въ Днѣпръ. Противъ этой балки Днѣпръ необыкновенно глубокъ, такъ что глубина его здѣсь, доходящая до 100 футовъ, едва ли не значительнѣйшая на всемъ теченіи.

Верстахъ въ шести, по лѣвой сторонѣ рѣки Тягинки, расположена значительная деревня того же имени. Двѣ широкія улицы застроены каменными крестьянскими избами, а внизу, подъ берегомъ, стоитъ красивая винокурня. Деревня эта населилась въ началѣ столѣтія крестьянами, переведенными изъ Кіевской губерніи помѣщикомъ Энгельгардтомъ. Есть еще старикъ, который считаетъ себя въ числѣ первыхъ переселенцевъ.

Но не современное состояніе Тягинки интересуетъ наблюдателя. Въ древности это мѣсто было замѣчательно, какъ говорятъ изслѣдователи старины, нахожденіемъ здѣсь языческаго храма. Наконецъ въ одной изъ старинныхъ козачьихъ пѣсень, именно объ Ивасѣ Коновченкѣ, упоминается Тягинка въ слѣдующихъ стихахъ:

Пусти мене, мати,
Підъ городъ Тягиню гуляти (*)

Что же нынѣ осталось любознательнымъ потомкамъ? При впаденіи въ Днѣпръ балки, образующей здѣсь широкій лиманъ, лежатъ два острова одинъ за другимъ, изъ которыхъ послѣдній, большій, обливается только весеннею водою. Оба эти острова называются городищами. На маломъ, поросшемъ деревьями, ничего не замѣтно, но на большомъ явственно видны слѣды давно уже несуществующихъ зданій. Городище это представляетъ видъ неправильнаго пятиугольника, который должно быть, съ восточной и южной стороны, т. е. отъ Днѣпра, обведенъ былъ каменными стѣнами, потому что и до сихъ поръ, не смотря на раз-

(*) Пѣсня эта записана давно отъ кобзарей и помѣщена во всѣхъ сборникахъ. Не вездѣ она одной редакціи, но упомянутые стихи встрѣчаются во всѣхъ изданіяхъ.

работку, еще замѣтно множество камня и попадаются куски битой древней посуды. Отъ востока же и юга вся мѣстность изрыта глубокими впадинами, а съ востока идетъ цѣлый рядъ квадратныхъ ямъ и слѣдуя въ западу упирается въ довольно высокій курганъ, обведенный канавой, исходящій уголъ которой обращенъ къ нынѣшнему селенію. Здѣсь то вѣроятно и существовалъ храмъ, о которомъ сохранились свѣдѣнія. Курганъ взрытъ во многихъ мѣстахъ, но вездѣ, во всѣхъ углубленіяхъ, сдѣланныхъ современными искателями кладовъ, торчатъ камни. Старикъ, о которомъ упомянуто выше, сказывалъ, что пятьдесятъ лѣтъ назадъ еще видѣнъ былъ муръ (каменная стѣна), но что въ послѣдствіи оттуда много выбрано камня. Что было найдено при этихъ разработкахъ—осталось тайною, вслѣдствіе всеобщаго у насъ неуваженія къ памятникамъ древности.

Рыбный заводъ организованъ очень хорошо: рыбаки все народъ здоровый, расторопный, знающій дѣло и охотно занимающійся промысломъ; въ особенности молодецъ атаманъ. Забродчиковъ 12 (это будто норма на порядочныхъ заводахъ); одѣты они щеголевато, снабжены всѣмъ нужнымъ и вообще живутъ весело,— отличительная черта всего этого сословія. Рыба не залеживается, потому что херсонскіе торговцы шныряютъ по всему прибережью и закупаютъ что называется изъ невода.

Но крестьянамъ жить въ Тягинкѣ не слишкомъ-то весело. Имѣніе это, принадлежавшее прежде помѣщику, перешло теперь въ руки купца, который хотя и не имѣетъ права de jure владѣть крестьянами, но владѣетъ ими de facto, переведя, какъ говорятъ, деревню на имя зятя. И вотъ владѣлецъ *для блезиру* держитъ управляющимъ дворянина, но главноуправляющимъ поставилъ купчика изъ прикащиковъ, бойкаго дѣтину, который и радѣетъ въ пользу своего хозяина. Это бы еще ничего, такъ и слѣдуетъ; кто получаетъ жалованье, тотъ долженъ соблюдать интересы своего патрона; но главноуправляющій, имѣя въ виду близкую перемѣну крестьянскаго быта, извлекаетъ изъ крестьянскаго труда возможно большіе доходы. Господинъ этотъ, питомецъ аршина или безмѣна, гоняетъ на работу всѣхъ безъ исключенія отъ мала до велика, и хотя соблюдаетъ трехдневную барщину, однако задаетъ такіе уроки, на которые необходимо дня четыре, если не болѣе. Разумѣется, всѣ понудительныя мѣры въ рукахъ управляющаго дворянина, который обязанъ безпрекослов-

но исполнять всѣ распоряженія начальника. Въ этомъ отношеніи крестьянинъ нашъ въ дѣйствительности ничѣмъ не огражденъ, потому что врядъ ли кто повѣритъ въ участье къ нему земской полиціи.

За Тягинкой пошли хутора и деревни. Изъ послѣднихъ замѣчательны: Дремайловка, Любомірка и Понятовка. Начиная отъ Любомірки подъ самымъ берегомъ идетъ рѣчка Ингульская, образующая вмѣстѣ съ Днѣпромъ большой островъ Сомовъ, на которомъ есть порядочное озеро. Всюду здѣсь рыбныя ловли, но промыселъ этотъ во первыхъ небольшаго размѣра, во вторыхъ служитъ только лишнею доходною статьею для помѣщиковъ, но не составляетъ главнаго занятія жителей. Казенныхъ земель нѣтъ до самаго Херсона.

За Понятовкой, обрывистымъ и каменистымъ оврагомъ, врѣзывается въ Днѣпръ рѣка *Ингулецъ*, древній Геросъ, о которомъ спорили наши ученые при объясненіи Геродота. Любопытныхъ отсылаемъ къ 1 тому Записокъ Одесскаго общества древностей, гдѣ въ статьѣ Н. Надеждина заключается много интересныхъ свѣдѣній. Далѣе слѣдуетъ очень живописная деревня Репринка, господская усадьба которой стоитъ на мысѣ и видна издалека. Далѣе къ Херсону одна большая деревня Широкая, а то пойдутъ уже хутора, не имѣющіе особеннаго значенія. Но возвратимся къ Ингульцу. Рѣчка эта при своемъ устьѣ довольно глубока и быстра. На ней повыше, на почтовой дорогѣ, устроенъ плавной мостъ, а во половодье ходятъ паромы. Ингулецъ слѣва окаймленъ каменистымъ берегомъ или, лучше сказать, надъ нимъ идутъ сплошнымъ рядомъ скалы. По правому берегу камней не такъ много. Разливается онъ довольно широко и образуетъ свои плавни, изобилующіе камышемъ необходимымъ, для топлива. За переправой на Ингульцѣ взоръ путешественника пріятно поражаетъ деревня помѣщика Констадіуса, въ особенности богатымъ и превосходно содержаннымъ садомъ, который начинается за каменной плотиной. Объ этомъ садѣ я упоминаю собственно потому, что надъ Днѣпромъ въ Херсонской губерніи сады необычайная рѣдкость, или лучше сказать это единственный встрѣченный мною, ибо садъ въ имѣніи князя Воронцова, хотя и порядочный, однако далеко уступаетъ описанному.

Вся эта мѣстность праваго берега Днѣпра, описанная мною, ожидаетъ еще развитія, въ сельскопромышленномъ отношеніи.

Придетъ время,—и конечно этого ожидать недолго—когда по низовьямъ Днѣпра раскинутся села, на подобіе тѣхъ, какія видѣлъ я по Волгѣ, съ тою только разницею, что тамъ причиною благосостоянія огромное судоходство и торговля, а здѣсь еще надо будетъ присоединить громадное земледѣліе, которое разростется въ Новороссіи.

Не только при изученіи прибережій Екатеринославской и Херсонской губерній, но и при самомъ поверхностномъ обозрѣніи, даже на почтовыхъ, не можетъ не броситься въ глаза одна особенность, любопытная для жителя сѣверныхъ, да и многихъ другихъ губерній. Я хочу говорить о страшномъ количествѣ звѣрьковъ, о которыхъ выходятъ даже брошюры касательно ихъ истребленія. Маленькій звѣрекъ этотъ изъ породы грызуновъ, именуемый *сусликомъ*, *аврашкомъ* и даже по нѣкоторому правописанію *овражкомъ* (*), замѣчателенъ тѣмъ, что водясь въ огромномъ количествѣ, въ особенности въ Новороссіи, онъ уничтожаетъ хлѣбъ и часто бываетъ дѣятельной причиной неурожая. Каждому проѣзжавшему по краю приходилось видѣть аврашковъ, бѣгавшихъ по степи, сидѣвшихъ или стоявшихъ близъ своихъ норъ на заднихъ лапкахъ и громкимъ свистомъ предостерегавшихъ публику о приближеніи человѣка. Звѣрекъ этотъ небольше крысы, сѣропепельняго цвѣта съ небольшими пятнышками на спинкѣ, животное весьма забавное и повидимому невинное,—дѣлаетъ земледѣльцу вредъ, поѣдая молодые хлѣба, собственно потому, что такъ его устроила природа. Несмотря однакоже на самый законный его обычай истреблять нивы, человѣкъ тѣмъ не менѣе видитъ въ немъ самаго опаснаго врага, опаснѣе даже саранчи, и всѣми мѣрами заботится объ его истребленіи. Простой и обыкновенный способъ уничтоженія аврашковъ, извѣстный, я полагаю, въ глубокой древности, состоялъ въ томъ, чтобы раннею весною, когда звѣрьки эти не успѣли еще размножиться,—истреблять ихъ по возможности, выливая водою изъ норъ, выкапываемыхъ аврашками на близкомъ одна отъ другой разстояніи. Обыкновенно собирается вся деревня отъ мала до ве-

(*) Не знаю уже на какомъ основаніи эти господа пишутъ *овражекъ*. Естественно, что это уменьшительное. На мѣстностяхъ, гдѣ звѣрьки существуютъ, ихъ называютъ *аврахъ*, а въ нѣкоторыхъ даже *ховрякъ*, но, кажется, нигдѣ не зовутъ ихъ *оврагами*.

лика, наполняетъ бочки и боченки водою и отправляется на мѣстность, на которой аврашки послѣ долгаго зимняго усыпленія начинаютъ бѣгать, кувыркаться и лакомиться зеленѣющими озимями. Облава занимаетъ линію какъ можно длиннѣе, стараясь однакоже, чтобы не было промежутковъ и приступаетъ къ весьма обыкновенной операціи. Отыскавъ нору, льютъ въ нее воду. Какъ бы ни держался звѣрекъ, но онъ непремѣнно всплываетъ,—его тутъ же предаютъ смерти и принимаются за другаго. Иной потребуетъ одного ведра, иной трехъ, четырехъ, однако по большей части отъ двухъ трехъ звѣрекъ погибаетъ неминуемо. Способъ, какъ видите, очень простой, но тѣтъ не менѣе дѣйствительный. Здѣсь главное сознаніе обществомъ необходимости уничтоженія опаснаго звѣрька, а исполненіе не требуетъ ни особыхъ пріемовъ, ни особенныхъ орудій; необходимо только, чтобы деревня посвятила нѣсколько дней, не пропустивъ времени, когда бѣдныя самки не успѣютъ еще произвести на свѣтъ многочисленнаго потомства. Каждому лицу или мѣсту, которымъ ввѣрено руководить темныхъ ближнихъ, слѣдуетъ только внушить простолюдинамъ мысль, уничтожать звѣрьковъ раннею весною, и результатъ будетъ самый благопріятный. Къ сожалѣнію не всѣ лица и мѣста, отъ кого зависитъ руководить простолюдиномъ, умѣютъ приняться за дѣло, а крестьянинъ готовъ пожалуй утверждать, что лучше не трогать аврашковъ, ибо если ихъ потревожить, то они начинаютъ свирѣпствовать съ большею силою. Подобное повѣрье распространено повсемѣстно. И такъ для уничтоженія аврашка существуетъ самый простой описанный способъ; слѣдовательно стоитъ только наблюдать за своевременнымъ его употребленіемъ. Намъ съ вами, читатель, казалось бы, что ничего нѣтъ естественнѣе, но есть люди, судящіе объ этомъ иначе. Нѣкоторые господа, отъ которыхъ зависитъ кое-что на бѣломъ свѣтѣ, живя себѣ въ Петербургѣ или ведя кабинетную жизнь въ губернскомъ городѣ, смотрятъ на дѣло уничтоженія аврашковъ совершенно съ другой, такъ сказать, съ высшей точки. Видя изъ вѣдомости объ истребленіи звѣрька цифры весьма неудовлетворительныя, они дѣлаютъ заключеніе, что простой способъ имѣетъ неудобство, конечно потому, что требуетъ много воды, а воду, какъ извѣстно, въ степяхъ не вездѣ найдешь близко. Слѣдовательно надобно придумать какой нибудь болѣе приличный способъ для уничтоженія звѣрьковъ, который

былъ бы дѣйствительнѣе. И вотъ благодѣтели земледѣльца пустились въ изобрѣтенія. Иной придумалъ нѣчто въ родѣ капкана, который стоитъ только поставить надъ норкой, и аврашекъ непремѣнно погибнетъ. Другому господину пришла болѣе счастливая мысль—устроить снарядъ, губительно дѣйствующій на зловреднаго аврашка и подвергающій этого грызуна неминуемой гибели. Снарядъ очень остроумный. Онъ состоитъ изъ жестянаго цилиндра, вершка три въ діаметрѣ, который съ нижняго конца, переходитъ въ конусъ и оканчивается трубочкой. Недалеко отъ верхняго отверстія впущена въ него желѣзная рѣшетка, на которую кладутъ какой нибудь горючій матеріалъ, посыпанный сѣрою. Вставивъ эту трубку въ нору, зажигаютъ приготовленный матеріалъ и дѣйствуютъ мѣхомъ, съ цѣлью—удушающимъ дымомъ умертвить животное. Третій, не менѣе остроумный, способъ состоитъ въ томъ, что въ нору, въ которой дѣйствительно сидитъ аврашекъ, влить нѣсколько ядовитаго раствора. Всѣ эти способы признаны на бумагѣ полезными и нѣкоторые обращики присланы для руководства тѣмъ, кому объ этомъ вѣдать надлежитъ. На дѣлѣ же, пока, дѣйствительнѣе всего простой способъ выливанія. Видите ли, при всемъ уваженіи къ кабинетному труду, во всѣхъ остроумныхъ изобрѣтеніяхъ для уничтоженія звѣрьковъ кроется не одно неудобство. Почтенные мужи, хлопотавшіе для общаго блага, имѣли въ виду, что на степныхъ пространствахъ трудно имѣть достаточное количество воды, необходимое при способѣ выливанія. Это совершенно справедливо. Но посмотримъ же и на предложенные ими способы. Устройство машинокъ или капканчиковъ повлекло бы за собою огромное потребленіе лѣсу, котораго тоже въ Новороссіи не имѣется, и если вода иной разъ и далеко, то все же она не покупная, а лѣсу и достать негдѣ и надо заказывать милліоны машинокъ. Удушающіе цилиндры въ свою очередь весьма неудобны, потому что во-первыхъ этого снаряда нужно большое количество, а во вторыхъ они безполезны, ибо хотя при снарядѣ и употребляется мѣхъ для вдуванія, однако дымъ трудно заставить проникнуть въ глубину на нѣсколько футовъ, чтобы онъ могъ быть вреденъ животному. И сколько же надобно усилій съ этимъ орудіемъ возлѣ одной норки, тогда какъ ихъ сотни тысячъ на большомъ пространствѣ. Хотя остроумное это изобрѣтеніе непримѣнимо, однако я видѣлъ въ одной губерніи разосланные по волостямъ цилиндры,

за которые взыскано по 1 р. 60 к. сереб., но которыми не уничтожено ни одно животное. При выливаніи аврашковъ возили въ поле и эти орудія, но сколько ни старались вдувать дымъ въ нору, онъ оказывалъ сопротивленіе, стремясь по своей натурѣ вверхъ и пробираясь въ щели. На бумагѣ же польза этого инструмента доказана какъ дважды два четыре. Года два тому назадъ, въ одномъ губернскомъ городѣ, возлѣ котораго на выгонѣ плодятся аврашки, какъ то въ теплый день выѣхали всѣ губернскія власти пробовать дѣйствіе удушающаго цилиндра. Отыскали норку, впустили снарядъ, зажгли тряпку и заставили кучеровъ работать мѣхомъ. Дули, дули, наконецъ рѣшили, что пора умереть животному. Но какъ удостовѣриться? Кто-то нашелся послать въ ближайшій домъ попросить заступъ и раскопать нору. Такъ и сдѣлали. Каково же было удивленіе почтеннаго собранія, когда аврашекъ здравъ и невредимъ выскочилъ и ушелъ, не признавая вреднымъ глубокомысленнаго снаряда. Что же касается до третьяго способа—ядовитой жидкости, объ этомъ и распространяться нечего, по невозможности примѣненія. Все таки лучшій и дешевый способъ выливать аврашковъ водою,—при настоятельномъ требованіи, чтобы это дѣлалось своевременно и повсемѣстно. Мало будетъ пользы, если государственные крестьяне уничтожатъ на своихъ поляхъ, положимъ всѣхъ аврашковъ, а тутъ же на сосѣднемъ полѣ помѣщикъ не обратитъ на это вниманія, бывъ совершенно счастливъ, что ему никто не можетъ приказать заниматься истребленіемъ вреднаго животнаго, и аврашки размножаются въ ужасающемъ количествѣ. Въ заключеніе приведу одно очень интересное предписаніе по поводу этого же самаго звѣрька. «Предписываю такому-то, съ полученія сего донести мнѣ съ нарочнымъ: сколько вылито аврашковъ и сколько оныхъ еще остается». Видите ли, разныя управленія тотчасъ завели формы, вѣдомости и таблицы. Можетъ быть, кто нибудь изобрѣтетъ средство удобнѣе, поговариваютъ о какомъ-то паровомъ орудіи, но въ настоящее время звѣрьки ничего не боятся и посвистываютъ себѣ, сидя на заднихъ лапкахъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

ГЛАВА IV.

Херсонъ. Построеніе города. Невѣрность описаній. Бульваръ торговый. Лѣсные дворы. Пристань. Хлѣбные торговцы. Судоходство и судостроеніе. Евреи. Караимы. Базаръ. Крѣпость. Садъ. Училище. Мореплаватель. Памятникъ Голварду. Могила Голварда. Сторожъ. Библіотека. Оригинальный способъ освѣщенія.

Построеніе Херсона относится къ 1789 году. До этого времени здѣсь было жалкое укрѣпленьице подъ названіемъ Александръ-Шанца, заложенное конечно безъ всякаго политическаго или промышленнаго соображенія. Только Потемкину, этому создателю Новороссійскаго края, пришла мысль устроить городъ почти при устьѣ Днѣпра и соорудить крѣпость, подъ защитою которой учредить адмиралтейство—зачатокъ русскаго черноморскаго флота. Къ могучему этому сановнику можно примѣнить текстъ: «рече и быша, повелѣ и создашася», потому что для Потемкина, при довѣренности, которою пользовался онъ у Императрицы, небыло ни въ чемъ остановки (*). Екатерина II сама въ 1788 году

(*) Хотя мы имѣемъ именной указъ о построеніи Херсона, однако не погрѣшимъ, сказавъ, что онъ былъ внушенъ Потемкинымъ, ибо кто лучше князя Таврическаго могъ знать и оцѣнить нужды и выгоды Новороссіи? Вотъ этотъ указъ отъ 18 Іюня 1778 г. (XX томъ полн. Собр. Законовъ Рос. Имперіи ч. I, стр. 778).

«Извѣстны вамъ предположенія Наши о заведеніи для Чернаго моря гавани и верфи, о коемъ надлежащія изобрѣтенія и планы учинить поручено было отъ Насъ адмиралтейской нашей коллегіи; и хотя вслѣдствіе ея о томъ доклада послѣдовало наше соизволеніе о приступленіи къ строенію, какъ равно и вы съ своей стороны не упустили къ удовольствію нашему сдѣлать предварительныя распоряженія, но въ точномъ назначеніи мѣста по сіе время встрѣчалися трудности и сомнѣнія: ибо адмиралтейская коллегія, признавая, по свидѣтельству посыланныхъ ею для осмотра положенія и измѣренія глубины водъ, удобнымъ урочище на Лиманѣ, именуемое *Глубокая пристань,* полагаетъ между тѣмъ, доколѣ тамошняя гавань и

посѣтила низовья Днѣпра и осталась довольна выборомъ великолѣпнаго князя Тавриды. Закипѣли работы, предпріимчивый коммерческій народъ стекался изъ разныхъ мѣстъ, и греки первые явились въ Херсонъ и возродили торговую дѣятельность. Теперь осталась только греческая церковь и то по имени, да часть города, называемая Греческимъ, а сами греки переселились въ Одессу и другіе порты Чернаго и Азовскаго морей для болѣе обширныхъ спекуляцій, предоставивъ херсонскую торговлю израильтянамъ, которые и держать ее въ рукахъ съ ловкостью, свойственною этому племени. Здѣсь нельзя не упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, до крайности любопытномъ—это описаніе Херсона въ Справочномъ Энциклопедическомъ словарѣ гг. Края и Старчевскаго. Не говоря, что вся статья написана не такъ какъ бы слѣдовало, и разбирать ее было бы неумѣстно, я приведу лишь мѣсто, гдѣ говорится о населеніи: «Жители Херсона состоятъ изъ малороссіянъ, евреевъ, и грековъ (о караимахъ авторъ вовсе не упоминаетъ). Евреи занимаются ремеслами, но только легкими, факторствомъ, шинкуютъ, содержатъ трактиры. *Греки всѣ торгаши, сидятъ въ маленькихъ лавочкахъ*». (Спр. Энц. Словарь, томъ XI, стр. 476).

верфь не совершены будутъ, строить корабли на Днѣпрѣ при *Александровскомъ шанцѣ*. Мы однакожъ не признали за благо таковое временное заведеніе, поелику оное, по достиженіи намѣреній нашихъ о помянутыхъ гавани и верфи, бывъ само по себѣ уничтожено, принесло бы только излишнія издержки, да и одно бы дѣло другому препятствовало, въ такомъ особливо краѣ, гдѣ по признанію коллегіи, ея подчиненныхъ и другихъ, въ мастеровыхъ и работникахъ оказывается крайній недостатокъ, а обращая мысли Наши единственно къ сооруженію того въ образѣ прочномъ и сходственно знаменитости дѣла о пользѣ, отъ него ожидаемой, желаемъ, чтобы вы съ нашимъ адмиралтейской коллегіи вице-президентомъ графомъ Чернышевымъ постановили о мѣстѣ къ сему удобномъ, назначивая оное по соображенію выгодъ морскихъ и сухопутныхъ, хотя бы оное выше, или же и на Днѣпрѣ было, а потомъ приступили къ распоряженіямъ о строеніяхъ, представя Намъ каждый по зависящей отъ него части онымъ планы и смѣты. Мѣсто сіе повелѣваемъ именовать *Херсономъ*. Адмиралтейство тамошнее долженствуетъ находиться подъ защитою укрѣпленій, которыя вы, знавъ волю нашу о образѣ ихъ, назначите такъ, чтобы въ нихъ тѣ строенія помѣщены быть могли. Изъ оныхъ всѣ, кои не могутъ инако созидаемы быть какъ подъ распоряженіемъ и чрезъ людей морскаго департамента, имѣютъ оставаться на попеченіи адмиралтейской коллегіи; напротивъ того, строеніе домовъ для командъ и мастеровыхъ и тому подобное, по планамъ вами обще разсматриваемымъ, должно происходить подъ главнымъ учрежденіемъ вашимъ и подъ распоряженіями и присмотромъ тѣхъ, кои отъ васъ къ сему дѣлу опредѣлены будутъ. Взаимное однакожъ пособіе въ потребномъ

Вѣдь словарь изданъ въ 1848 г. Вѣдь за словарь надо заплатить 25 рублей, и если всѣ русскіе города описаны подобно Херсону, что отчасти и я могу свидѣтельствовать прочтя описаніе знакомыхъ городовъ,—то справочный словарь не только не можетъ, но не долженъ быть настольною книгой. Велика ли мнѣ польза, что я прочту хорошо составленное описаніе, взятое изъ иностранныхъ источниковъ, Орлеана, Манчестера, Нью-йорка и т. д., а въ описаніяхъ нашихъ губернскихъ и портовыхъ городовъ найду свѣдѣнія въ родѣ тѣхъ, какія нахожу о Херсонѣ! Неужели предпринимая такое важное изданіе, какъ справочный энциклопедическій словарь, издатель имѣлъ въ виду удовлетворить читателей, относительно русскихъ мѣстностей данными, почерпнутыми изъ забытыхъ газетъ временъ очаковскихъ и покоренья Крыма? А пребываніе греческихъ торговцевъ въ этомъ городѣ едва ли не достигаетъ упомянутой эпохи. Нѣтъ, какъ-то грустно становится какъ подумаешь чѣмъ насъ угощали, да и теперь порою угощаютъ иные господа, выступая съ изданіями, о которыхъ, пожалуй, можно подумать, что онѣ предприняты съ цѣлью общей пользы.

Распространяться объ исторіи Херсона не буду, потому что

случаѣ оба департамента другъ другу подавать повинны. А впрочемъ населеніе города и все, къ учрежденію и укрѣпленію его вообще касающееся, относится единственно къ вамъ, яко къ генералъ-губернатору.

Между затрудненіями, адмиралтейскою коллегіею находимыми по разнымъ заведеніямъ въ тамошнемъ краю, главнѣйшими представляется недостатокъ въ мастеровыхъ и работникахъ, и хотя даны отъ Насъ повелѣнія нашему генералъ-фельдмаршалу и слободско - украинскому генералъ - губернатору графу Румянцеву-Задунайскому и вамъ о способствованіи коллегіи въ пріисканіи во ввѣренныхъ вамъ губерніяхъ означенныхъ мастеровыхъ и работниковъ; но какъ и сіи способы будутъ, можетъ быть, несуществительны замѣнить сей недостатокъ: то мы пособіе оному возлагаемъ на ваше усердное попеченіе, съ тѣмъ, что вы можете не только употребить къ тому по усмотрѣнію вашему изъ гарнизоновъ ближайшихъ, но въ нужномъ случаѣ снестися съ вышеупомянутымъ нашимъ генералъ-фельдмаршаломъ, объ отрядѣ мастеровыхъ изъ полковъ, нынѣ имъ предводимыхъ, за уплату такова количества, которое бы въ нужныхъ въ войскѣ работахъ не причинило большой остановки и могло бы замѣнено быть въ то число, кое къ прикрытію и охраненію сего заведенія въ настоящихъ особливо обстоятельствахъ необходимо потребно.

Остается Намъ изъявить Наше соизволеніе, чтобы вы, постановляя по мѣрѣ съ графомъ Чернышевымъ дѣло сіе, не преминули сказать и о времени, въ которое вся оная работа поспѣть можетъ, дабы Мы благовременно могли учинить распоряженіе о снабженіи подобными денежными суммами къ успѣшному всего того производству.»

*

главные факты разработаны мѣстными изслѣдователями, а представлю его очеркъ въ нынѣшнемъ состоянiи, какъ города, въ которомъ сосредоточивается весь каботажъ днѣпровской системы. Херсонъ съ крѣпостью и военнымъ форштадтомъ занимаетъ значительное пространство, хотя и не можетъ похвалиться большимъ количествомъ жителей (38,000). Если подъѣзжать къ нему водою, въ особенности отъ Лимана, онъ кажется издали довольно красивымъ городомъ, тѣмъ болѣе, что по примѣру всѣхъ своихъ новорусскихъ собратовъ, изобильно обсаженъ акацiей; но вблизи это царство длинныхъ каменныхъ заборовъ, между которыми торчатъ дома весьма некрасивой наружности. При малѣйшемъ дождѣ незатѣйливыя улицы дѣлаются непроходимы, залиты буквально грязью; во время суши, при малѣйшемъ вѣтрѣ, клубы ѣдкой пыли обдаютъ съ ногъ до головы, хотя конечно не съ такою роскошью какъ въ Одессѣ. Въ самыхъ плохихъ городахъ выдается иногда красивая улица или площадь,—въ Херсонѣ какъ-то не вышло ни того, ни другаго, и если попадаются недурныя зданiя, то на такомъ разстоянiи и между такими извилинами, что вы легко успѣете позабыть свои впечатлѣнiя. Вообще Херсонъ не можетъ похвалиться наружностью и не въ состоянiи представить ни одного зданiя, которое отличалось бы красотой и изяществомъ стиля. Одно, что можно похвалить, это такъ называемый бульваръ, среди котораго воздвигнутъ памятникъ Потемкину. Но и самый бульваръ этотъ почти микроскопическаго свойства, а растительность его состоитъ изъ акацiй, тамариксовъ, сирени, что взятое вмѣстѣ не можетъ въ хорошiй солнечный день доставить столько тѣни, чтобы прiютить утомленнаго. Сюда по вечерамъ собирается общество, въ музыкальные дни смѣшанное, въ обыкновенные такъ называемое аристократическое, и въ пятницу и субботу еврейское; послѣднее какъ самое многочисленное, наполняетъ всѣ дорожки. Высшiй классъ ходитъ преимущественно по двумъ параллельнымъ аллеямъ у памятника или тутъ же отдыхаетъ на скамейкахъ. У главнаго входа торчитъ неблаговидное деревянное строеньице, гдѣ помѣщается буфетъ, а на лѣвой половинѣ пестрѣетъ жалкая бесѣдка, въ которую никто не заходитъ, но которая даетъ о себѣ знать, если не красотою архитектуры, то скрыпучимъ флюгеромъ. На правой половинѣ вырытъ колодезь—разрядникъ электрическаго телеграфа. Собственно памятникъ Потемкина состоитъ изъ чугун-

наго пьедестала, на которомъ поставлена колоссальная статуя князя Таврическаго въ латахъ и лавровомъ вѣнкѣ. Памятникъ огражденъ желѣзною цѣпью. Мѣсто, занимаемое бульваромъ, довольно возвышенно, такъ что видъ на рѣку отъ памятника дѣйствительно хорошъ, особенно вечеромъ, когда зарево заката отразится на неисходимыхъ камышахъ, разстилающихся вокругъ, и ударитъ въ паруса судовъ, идущихъ въ разныхъ направленіяхъ. Гавань однакоже скрыта строеніями, и только вершины мачтъ со своими прихотливыми подробностями рисуются на чистомъ небѣ.

И только весною, во время цвѣтенія акацій и тамариксъ, бульваръ этотъ довольно красивъ; впрочемъ тогда и самый городъ принимаетъ какой-то праздничный видъ, и въ воздухѣ далеко разносится ароматъ цвѣтущихъ деревьевъ и кустарниковъ. Лѣтомъ же порыжѣлая и запыленная зелень вообще наводитъ какое-то уныніе. Съ пріѣзда сухимъ путемъ изъ Николаева или Екатеринослава городъ покажется весьма невзрачнымъ: слѣва бросается въ глаза разваливающаяся крѣпость, справа какіе-то полуразрушенные заборы и валящіеся домики, такъ что если бы не фонари, которые торчатъ въ каждой улицѣ, можно бы не повѣрить въ присутствіе губернскаго и вмѣстѣ торговаго города. На улицахъ движенія нѣтъ никакого, за исключеніемъ еврейскихъ праздниковъ, когда это племя, по обычаю, собирается толпами и разгуливаетъ взадъ и впередъ, одѣвшись въ лучшее платье и наполняя воздухъ быстрымъ постояннымъ говоромъ, въ которомъ преобладаютъ гортанные звуки. Въ эти же дни и купить ничего нельзя, потому что всѣ почти лавки и магазины, за исключеніемъ бакалейныхъ, принадлежащихъ русскимъ, заперты. Торгующій еврей или караимъ ни въ какомъ случаѣ не преступитъ закона, и чтобы онъ тамъ ни думалъ, какъ бы, можетъ быть, ни скорбѣлъ, но наканунѣ праздника и въ праздникъ запираетъ лавку, посвящая это время отдыху и молитвѣ. Улицы Херсона періодически оживляются въ извѣстные часы, когда идутъ ученики въ гимназію и обратно, или человѣчество въ кокардахъ спѣшитъ то на службу, то со службы. Въ праздники въ условный часъ пробѣжитъ по улицамъ нѣсколько каретъ, колясокъ и прочихъ экипажей, развозя чиновный людъ съ визитами, на которыхъ и основано, кажется,

поддержаніе знакомства въ Херсонѣ, по примѣру небольшихъ городовъ, гдѣ общественная жизнь не пользуется никакимъ развитіемъ.

Въ торговомъ отношеніи Херсонъ имѣетъ довольно важное значеніе какъ центръ, гдѣ сосредоточивается: лѣсъ, желѣзо, сало, шерсть, русскіе фабрикаты и зерновой хлѣбъ, сплавляющійся изъ нѣкоторыхъ мѣстностей Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерній. Но главный товаръ это лѣсъ, который въ огромномъ количествѣ приходитъ сюда сверху какъ въ колодахъ и доскахъ, такъ и вообще во всѣхъ издѣліяхъ, и поступая въ руки мѣстныхъ торговцевъ, заваливаетъ берегъ отъ крѣпости до верфи покрайней мѣрѣ на двухверстномъ разстояніи. Отсюда уже онъ идетъ въ Николаевъ, Одессу, Крымъ и даже на Кавказъ, не говоря обо всемъ побережьи. Кромѣ того истребляется его множество на мѣстѣ для постройки судовъ. Но я отказываюсь приводить данныя по причинѣ чистой невозможности, да и не совѣтую слишкомъ довѣрять цифрамъ, потому что не послужатъ онѣ ни къ чему, не представляя средствъ сдѣлать и приблизительное исчисленіе. Занимаясь на Днѣпрѣ повыше, я сначала ретиво предался было собиранію статистическихъ данныхъ, но скоро бросилъ всю эту безполезную работу. Каждый торговецъ лишь покажетъ количество, которое онъ можетъ имѣть сообразно съ своей гильдіей, между тѣмъ какъ у него несравненно больше, даже въ пятеро, въ шестеро. Есть ли же возможность правильнаго заключенія! Конечно, можно бы повѣрить все это на порогахъ, но и тамъ точность цифры будетъ не совсѣмъ безукоризненна, тѣмъ болѣе, что, узнавъ количество барокъ и плотовъ, вы во первыхъ не знаете сколько именно лѣса, а во вторыхъ собьетесь съ толку при расходѣ его по разнымъ пристанямъ. Слѣдовательно учетъ невозможенъ. Одно, что можно—это поставить произвольно какую нибудь цифру, но будетъ ли это добросовѣстно? По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ мнѣ полиціей, — *въ Херсонѣ лѣсныхъ дворовъ 8, каждый дворъ торгуетъ отъ 2 до 10 тысячъ рублей ежегодно.* Возьмите maximum и выйдетъ 80 тысячъ, въ то время, когда смѣло можно сказать, что здѣсь лѣсная торговля ворочаетъ милліонами. Въ доказательство аккуратности полицейскихъ свѣдѣній привожу данныя, добытыя мною. Лѣсныхъ дворовъ не 8, а 20, и вотъ имена значительнѣйшихъ лѣсоторговцевъ: Соболевъ, Бол-

даревъ, Фирсовъ, Тищенко, Волохинъ, Давыдовъ, Рыкуновъ, Авчинниковъ, Фанъ-юнгъ. Кранцфельдъ, Рѣзиковъ, Я. Фельдманъ, К. Фельдманъ, Лещинскій. Мукомель, Биликъ, Сакеръ.

Съ открытіемъ судоходства по Днѣпру, т. е. когда представляется возможность сплава чрезъ пороги, Херсонская набережная покрывается двойнымъ или тройнымъ рядомъ барокъ, брянокъ, байдаковъ, плотовъ и берлинъ, и тогда здѣсь закипаетъ сильная дѣятельность. Надобно замѣтить, что берегъ Днѣпра отъ новой пароходной пристани и далеко вверхъ по рѣчкѣ Кошевой обведенъ широкой каменной набережной, удерживающей разливъ рѣки и способствующей погрузкѣ и выгрузкѣ. За то улица или полоса земли, лежащая вдоль набережной, представляетъ въ малѣйшій дождикъ невылазную грязь, въ которой мучатся и люди и животныя и по которой буквально нѣтъ никакого проѣзда. На это не обращено ни малѣйшаго вниманія, а между тѣмъ казалось бы здѣсь-то самая главная и вопіющая необходимость устроить шоссе, что и не могло бы обезсилить такого торговаго города. Я уже не говорю о распутицѣ, но довольно полусутокъ дождя, чтобы образовать настоящее болото на мѣстности, которая постоянно и безъ того влажна отъ выгружаемыхъ колодъ, складываемыхъ въ ярусы. Во время навигаціи эта часть Херсона оживлена какъ большимъ стеченіемъ народа, такъ и значительнымъ количествомъ судовъ, стоящихъ отъ верфи почти до самой пароходной пристани. Къ послѣдней пристаютъ лишь компанейскіе пароходы: одинъ содержащій постоянно сообщеніе съ Одессой, и два буксирныхъ, отправляющихся съ баржами до Александровска. У городовой пристани появляются иногда частные пароходы: *Гусаръ* и *Днѣпръ*, рейсы которыхъ не опредѣлены заранѣе, но объявляются особыми аффишами. Городская пристань до настоящаго года была въ такомъ жалкомъ состояніи, что не только служила къ стыду города — это бы еще ничего — но не представляла уже возможности подвозить грузъ, изобилуя опасными провалами. Нынѣшнею весною все уже обстоитъ благополучно, а Общество пароходства построило свою собственную прекрасную пристань, отъ которой ведетъ въ городъ шоссе, для удобства пассажировъ. У послѣдней впрочемъ движеніе только во время прихода и отхода пароходовъ, въ остальные дни никого не бываетъ. Суда поменьше, становятся вправо отъ городской пристани до верфи, гдѣ толпятся также

перевозные «дубы» и шаланды алешковцевъ и голопристанцевъ, готовые немедля переправить васъ въ Таврическую губернію. Перевозные двухмачтовые дубки устроены такимъ образомъ, что на нихъ можно уставлять лошадей и экипажи, и потому сообщеніе съ Таврией не имѣетъ ни малѣйшей остановки. Всѣ кто слѣдуетъ сухимъ путемъ въ Крымъ изъ Бессарабіи, Подольской губ. и западныхъ и южныхъ уѣзд. Херсонской, даже на почтовыхъ — предпочитаютъ ѣхать на Алешки, потому что здѣсь выигрывается верстъ 70 кругу, хотя пески на послѣднемъ пространствѣ представляютъ своего рода затрудненія. Какъ только вѣетъ удобный вѣтръ, отъ пристани безпрерывно отходятъ дубки и шаланды и развернувъ паруса отправляются своей дорогой. Шаландщики преимущественно мальчишки, которые ловко работаютъ веслами и умѣютъ пользоваться малѣйшимъ вѣтеркомъ, чтобы поставить парусъ. Здѣсь же вы увидите безпрерывную погрузку и выгрузку судовъ, которая совершается непремѣнно подъ руководствомъ какого нибудь еврея. Хлѣбная торговля вся въ рукахъ этого промышленнаго племени. Весною и лѣтомъ я не знаю ни одного дня, въ который бы не было большаго движенія судовъ на здѣшнемъ рейдѣ, и прогулки по пристани я предпочиталъ одинокимъ своимъ скитаньямъ по пустыннымъ и пыльнымъ улицамъ города. Здѣсь столкновенье разныхъ народностей, и говоръ не смолкаетъ ни на минуту, прерываемый въ разныхъ мѣстахъ лишь какой нибудь народной пѣснью. Въ праздникъ картина менѣе оживлена, но не пустынна: матросы и судорабочіе, сходивъ въ увеселительное заведеніе, группируются по набережной, и здѣсь же вы увидите, и щеголеватаго грека въ народной одеждѣ, и франтика еврея, и разодѣтаго вольнаго шкипера, и толпу оборванныхъ и запачканныхъ въ уголь рабочихъ съ не менѣе запачканной барки. Простодушный бѣлорусъ нисколько не стѣсняется ни страшной неопрятностью, ни подъ часъ неблагопристойными своими дырьями; обхвативъ своего земляка—пріятеля, онъ тутъ же порой критикуетъ все, что кажется ему страннымъ или неблагообразнымъ по его понятіямъ.

— Хадзѣмъ пагледимъ паближе на ету барыню; бачъ якъ бака растапырылись.

— А ну яё!

— Нябось харашо, кобъ заставиць яё атливаць воду.

И собесѣдники принимаются громко хохотать, не обращая вниманія, что ихъ собственный костюмъ возбуждаетъ насмѣшки окружающихъ. Иногда въ толпѣ этихъ бѣлорусовъ вы услышите возгласъ:

— А хадзѣмъ, братцы, въ баньку!

Всѣ изъявляютъ свое согласіе, артель мигомъ бросается на судно. Вы думаете они пошли за бѣльемъ? Ничуть не бывало. Иные отправились проситься у прикащика, прочіе поспѣшили захватить войлочныя шапки и вышки, и толпа, какъ есть неопрятная и замаранная, возвращается изъ бани въ томъ же видѣ, подвергшись только процессу паренья въ удушающей атмосферѣ.

На всемъ протяженіи набережной мальчишки и дѣвочки, особенно послѣднія, роются возлѣ сложеннаго на берегу лѣса, который не успѣлъ еще поступить въ ярусы лѣсныхъ дворовъ. Все это собираетъ щепки и кору и, навьючивъ себя сколько позволяютъ силы, отправляются въ свои убогія жилища съ драгоцѣнной ношей. Иногда ребенокъ лѣтъ шести, семи, тащитъ огромный сравнительно мѣшокъ на спинѣ и садится отдыхать, пройдя нѣсколько сажень. Я слѣдилъ нарочно за этими собирателями и всегда подходили они къ самымъ несчастнымъ лачужкамъ, которыя лѣпятся по берегу; нѣкоторые отправляются за балку.

Къ пристани подъѣзжаютъ съ разныхъ сторонъ легкія суда изъ окрестностей, наполненныя покупателями, которые спѣшатъ запастись всѣмъ необходимымъ, преимущественно лѣсомъ, желѣзомъ и русскими фабрикатами, тѣмъ болѣе, что имѣютъ возможность пріобрѣтать нужныя вещи прямо съ барокъ. На каждой баркѣ устроена каюта или покрайней мѣрѣ навѣсъ, гдѣ за столикомъ возсѣдаетъ хозяинъ груза, пощелкивая счетами и проводитъ цѣлый день, сбывая свои товары и упражняясь въ разнообразіи божбы, потому что русскій человѣкъ при продажѣ, не можетъ не божиться за каждую копѣйку, которую потомъ и уступаетъ. Иные, помня твердо третью заповѣдь, дѣйствительно не пріемлютъ всуе имени божьяго, а сочинили себѣ цѣлыя фразы заклятій, переходящія должно быть изъ поколѣнія въ поколѣніе, потому что мнѣ удавалось ихъ слышать на разныхъ мѣстностяхъ даже безъ варіантовъ. Но есть по этой части и импровизаторы. Одинъ сѣдой купецъ поражалъ меня неистощимымъ разнообразіемъ заклятій, которыя употреблялъ онъ чуть не за каждымъ словомъ: «Разрази меня громъ небесный!»; «Провались я въ преисподнюю»;

«Задуши меня мать сыра земля!»; Будь я трижды анаѳема!»; «Чтобъ меня живаго черви съѣли!»; «Растритысячи чертей разорви мою душу!»; «Чтобъ мнѣ пятки вверхъ выворотило!» и т. п. Это заклятія мрачныя. Но случалось слышать и въ другомъ родѣ, напр. «Наплюй мнѣ воробей въ бороду!»; «Поцѣлуй меня хавронья въ лысину!» Съ барокъ поминутно таскаютъ всякую всячину, носильщики и ломовые извощики запружаютъ набережную, а тысячи народа съ пѣснями работаютъ по всему протяженію. Тутъ же на лѣсныхъ баркахъ продаются незатѣйливые лѣтніе экипажи и сани разныхъ формъ и достоинствъ. Не знаю уже когда херсонскимъ жителямъ удается ѣздить на саняхъ, но каждый, кто держитъ лошадей, считаетъ себя обязаннымъ имѣть сани, которыя, какъ говорятъ, лежатъ себѣ по нѣсколько лѣтъ безъ употребленія. Къ концу лѣта, когда барочники посбудутъ товаровъ, на набережной закипаетъ другая дѣятельность: изъ приднѣпровскихъ деревень, даже отдаленныхъ, появляются всевозможные овощи и плоды, которыхъ буквально лежатъ цѣлыя горы на здѣшнихъ базарахъ. При попутномъ вѣтрѣ, то и дѣло что несутся суда къ пристани и свернувъ паруса у набережной представляютъ взорамъ разноцвѣтныя произведенія окрестностей: арбузы, дыни, груши, яблоки, виноградъ, огурцы, капусту, картофель, морковь, лукъ, баклажаны (помедоры) и вообще все, что въ состояніи производить почва черноземная, глинистая и даже песчаная.

Тутъ же у входа въ верфь, на мысѣ, омываемомъ Днѣпромъ и Кошевою, устроены огромныя мойки шерсти, на которыхъ все лѣто происходитъ работа и не умолкаютъ пѣсни дѣвушекъ. Вправо отсюда далеко тянется верфь, на которой постоянно строятся и починяются суда разнаго рода, и тутъ же по набережной на бревнахъ, лежащихъ у праваго берега, полощутся многочисленныя толпы прачекъ. Днемъ здѣсь бываетъ необыкновенно странное смѣшеніе звуковъ, которыхъ цѣлое производитъ эффектъ, невозможный для передачи, потому что сливаются и пѣсни шерстомоекъ, и плескъ воды, и стукъ топоровъ, и удары вальковъ и пронзительные возгласы шаландщиковъ, и мѣрные крики рабочихъ, вытаскивающихъ бревна, и наконецъ дребезжанье и звякъ стараго желѣза, вываливаемаго изъ телѣгъ или бросаемаго на судно. Но все это покрывается иногда двумя пронзительными потоками ругательствъ двухъ ссорящихся на берегу торговокъ,

или прачекъ, передающихъ окружающей публикѣ свои взаимныя неудовольствія. Вообще издали надъ этимъ мѣстомъ виситъ постоянно какой то странный гулъ, которому нѣтъ названія, но въ которомъ нѣтъ ничего непріятнаго, особенно при обстановкѣ цѣлаго лѣса мачтъ съ развѣшанными для просушки парусами. Звонкіе переливы женской пѣсни встрѣчаются съ какой нибудь разудалой мелодіей, несущейся отъ плотничьей артели, и когда эти звуки разныхъ діапазоновъ сливаются въ воздухѣ, на разныхъ концахъ слышатся вдругъ глухое бренчанье балалайки и негармоническіе аккорды тульской гармоники. Это, по моему, лучшая часть набережной. Конечно, сюда не сходятся для прогулки и вы не встрѣтите ни щегольскаго пальто, ни пышной кринолины, за то здѣсь раздолье натуры и до слуха вашего поминутно долетаютъ непечатныя выраженія, которыя русскій человѣкъ умѣетъ какъ то приложить ко всѣмъ обстоятельствамъ, даже діаметрально противоположнымъ. Встрѣчаетъ ли онъ пріятеля, къ привѣтствію приплететъ онъ крѣпкое словцо, получитъ ли затрещину,—тоже самое словцо, только сказанное другимъ тономъ, облегчаетъ его душу, и вездѣ во всякомъ случаѣ не можетъ онъ обойтись безъ этого наслѣдія татарщины. Близость гавани, посѣщаемой разно-характернымъ людомъ, набросила свой колоритъ и на торговокъ, которыя за дерзости не остаются въ долгу, и нерѣдко изъ хорошенькихъ губокъ молоденькой дѣвочки вылетаетъ выраженіе, только что въ пору ломовому извощику.

Вечеромъ здѣсь происходятъ сцены эротическаго содержанія, которымъ такъ много способствуетъ близость моекъ, верфи, и гавани, гдѣ молодость, праздность, усердныя возліянія бахусу и наконецъ прирожденная человѣку слабость собираются вмѣстѣ и «подъ ризою ночи», какъ говорилось высокимъ слогомъ, нерѣдко до разсвѣта слышны веселыя рѣчи, звонкій смѣхъ, крѣпкія словца и нескромные поцѣлуи.

Въ Херсонѣ многіе занимаются хлѣбной торговлей, но какъ посредники съ одесской, а здѣсь что то не грузятъ иностранцы, да и вообще окрестные помѣщики предпочитаютъ имѣть дѣло прямо съ одесскими конторами. Причиною этому, какъ говорятъ эксперты, всегдашнія недоразумѣнія между продавцами и покупщиками относительно количества груза, и тѣ разныя прижимки, которыхъ конечно и понять трудно читателю, непосвященному въ таинства хлѣбной торговли, но отъ которыхъ продавцу всегда

происходитъ убытокъ. Много еще значитъ и то, что здѣсь лишь нѣсколько человѣкъ изъ купцовъ грузятъ въ Одессу, а на базарахъ скупаютъ хлѣбъ кулаки, которые разумѣется не стѣсняются въ надувательствѣ ближняго. Не разъ случалось мнѣ видѣть знакомыхъ шкиперовъ, которые грустно сидѣли на своихъ судахъ и чесали затылки. Не далѣе какъ въ апрѣлѣ никапольскій пріятель мой Иванъ Б—ко сидѣлъ на «дубѣ», повѣсивъ голову. Я нарочно пошелъ на пристань отыскать его и поразспросить кое-о чемъ какъ знающаго отлично мѣстность. Послѣ обычныхъ привѣтствій и закуривъ сигару, я присѣлъ на палубу побесѣдовать.

— Ну что, Иванъ, эту весну поработалъ?

— Только первая сходка: совѣмъ мало фрахта.

— А почемъ?

— 15 коп. съ четверти.

— Все же заработалъ на праздникъ.

— Какой уже тутъ заработокъ! придется приплачивать.

— Отчего?

— Да такъ что въ Ляпатихѣ принялъ жита 260 четвертей, а здѣсь недостаетъ 7, хоть мѣра и здѣсь казенная.

— Значитъ тебя надули?

— А надули; это здѣсь часто случается.

— У котораго же мѣра фальшивая?

— Должно быть у здѣшняго.

Я не сказалъ ни слова въ утѣшеніе, потому что какой же можно подать совѣтъ въ подобномъ случаѣ. Жаловаться? но это было бы слишкомъ наивно, да и практическій шкиперъ охотнѣе готовъ заплатить за 7 четвертей, чѣмъ выиграть процессъ. Остановка, спросы, переспросы, очныя ставки, гербовая бумага и тому подобные расходы—поглотили бы весь остальной капиталъ. Мнѣ, можетъ быть, кто нибудь замѣтитъ, что есть же полиція и т. д. Но я этому кому нибудь предложу вопросъ: случалось ли ему видѣть въ дѣйствительности полицейскія разбирательства? Теорія и практика двѣ вещи совершенно разныя, хоть это уже давно избитая истина, и если въ Сводѣ Законовъ съ большой подробностью обсуждены столкновенія между шкиперомъ и арматоромъ, то на дѣлѣ существуютъ свои аксіомы, освященныя временемъ.

Итакъ херсонская хлѣбная торговля не процвѣтаетъ. Нѣсколько домовъ ведутъ торгъ съ Одессой, пріобрѣтая хлѣбъ и въ

верху и отъ мѣстныхъ спекулянтовъ, но здѣсь нѣтъ такихъ конторъ какъ въ Одессѣ, хотя нельзя сказать чтобы многія изъ послѣднихъ считали добросовѣстность необходимымъ принципомъ. Въ прошломъ году въ одномъ изъ №№ Одесскаго Вѣстника была прекрасная статья, въ которой какъ дважды два четыре доказано стремленіе иныхъ торговцевъ попользоваться на счетъ ближняго. Статья эта въ свое время надѣлала много шуму въ извѣстномъ кругу, потому что нѣкоторые не въ шутку обидѣлись, и даже гдѣ то появилось возраженіе; но подобные отвѣты, по своей неловкой натянутости, ясно обличаютъ, что стрѣла мѣтко попала въ цѣль и задѣла за живое. Подобные отвѣты и теперь еще раздаются на страницахъ нѣкоторыхъ періодическихъ изданій. Отсталость и злонамѣренность не успѣваютъ однакоже въ наше время вредить истинѣ, и если существуютъ еще органы гласности, смѣло печатающіе витійство, наполненное ябедническими изворотами, то публика читаетъ эти статьи съ цѣлью полюбоваться искусными увертками, нисколько не вѣря въ самыя краснорѣчивыя оправданія. Если напримѣръ напечатанъ разсказъ, въ которомъ выставлено какъ ротный командиръ пользовался солдатскими деньгами, а рецензентъ, запылавъ подобающимъ негодованіемъ, напишетъ: «неправда! этого не бывало и подобными разсказами мараютъ мундиръ», то конечно большая половина читателей, знающихъ какъ дѣйствительно иные ротные командиры *заѣдали солдатскую копѣйку* (солд. выраж.), пожимаютъ только плечами на возгласы рецензента и жалѣютъ, что подобныя рецензіи могутъ еще появляться въ наше время. Такъ и нѣкоторые одесскіе хлѣбные торговцы какъ ни горячись, какъ ни ораторствуй, а выходитъ, что въ ихъ книгахъ существуетъ графа для экстренныхъ доходовъ (обвѣсъ и обмѣръ), и эти доходы супругъ даритъ своей великолѣпной супругѣ на булавки. Гласность великое дѣло. Прежде о такихъ доходахъ знали только тѣ, кому объ этомъ вѣдать надлежало, а теперь узнали и прочли всѣ, кому даже и знать не слѣдовало. Конечно непріятно иному господину лишиться двухъ, трехъ тысячъ вѣрнаго дохода, и пока не придумана другая статья, придется женѣ или кому другому удѣлять изъ настоящихъ барышей; но все таки разоблачена тайна, и есть злонамѣренные хозяева, которые рѣшились построже наблюдать пріемъ отправляемыхъ продуктовъ. Въ Херсонѣ конечно не дошли до такой

тонкости, чтобы заводить графу и прикрывать бухгалтеріей нечистыя дѣлишки; здѣсь еще совершается это патріархально, какъ напримѣръ съ моимъ никопольскимъ пріятелемъ И. Б-мъ.

Одна изъ важныхъ отраслей промышленности въ Херсонѣ—безспорно судоходство. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ въ прошломъ году считалось 185 мореходныхъ судовъ отъ 21 до 180 ластовъ и въ томъ же году построено 17 херсонскими жителями. Впрочемъ трудно отвѣчать за эти данныя. Суда эти шкуны, бриги и требаки. Нельзя сказать, чтобы они отличались красотою формъ, строятся не всегда прочно и при дороговизнѣ лѣсу не могутъ обходиться дешево. Мастера—мѣстные жители, и хорошій строитель заработываетъ порядочныя деньги, не имѣя недостатка въ заказахъ. Но не думайте, чтобы это былъ человѣкъ хорошо знакомый съ раціональнымъ судостроеніемъ; херсонскіе мастера незнакомы ни на волосъ съ корабельной архитектурой теоретически, а разбирая кое-какъ составленный одинъ разъ на всегда планъ—слѣдуютъ мудрой русской поговоркѣ: «тяпъ да ляпъ и выйдетъ корабль». Но къ чести ихъ надобно сказать, что если они и довольствуются преданіями и слѣпо идутъ по рутинной колеѣ, то все таки работаютъ добросовѣстно, не отвѣчая только за качество матеріала, потому что это хозяйская забота. Купитъ хозяинъ хорошій лѣсъ, пріобрѣтетъ прочный дубовый наборъ—и судно долго прослужитъ, а захочетъ дѣйствовать на авось, пожалѣетъ денегъ на доброе дерево—мастеръ не отвѣчаетъ. Вооруженіе все приготовляется на мѣстѣ; даже есть канатный заводъ. Надобно только поѣхать вверхъ по рѣкѣ Кошевой, чтобы убѣдиться до какой степени небрежно хозяева обращаются съ своими судами: не разъ я видѣлъ какъ при починкѣ обшивали бока шкунъ гнилыми досками. Вотъ вамъ причина—отчего иногда купеческое судно тонетъ на рейдѣ. Чуть свѣжій вѣтеръ потреплетъ немного въ морѣ или даже въ лиманѣ, напр. шкуну или требаку, можно смѣло предсказать какую нибудь катастрофу. Мнѣ кажется, что здѣсь инициатива правительства не слишкомъ пособитъ дѣлу, если въ средѣ купцовъ нѣтъ сознанія въ необходимости хорошаго торговаго флота. Положимъ, учредится болѣе строгій надзоръ за постройкой судовъ, но развѣ же не найдутъ пути прибѣгнуть къ злоупотребленіямъ? Во всякомъ случаѣ не мѣшало бы имѣть одного, двухъ корабельныхъ инженеровъ въ мѣстахъ

подобныхъ Херсону. *Вѣдь ни въ одномъ городишкѣ не строится самый плохой домикъ безъ утвержденнаго плана, отчего бы не слѣдовать тому же и при судостроеніи?* А чтобы оградить промышленность отъ чиновничьяго произвола, можно назначить архитектору вознагражденіе отъ каждаго ласта. Экипажъ составляется преимущественно изъ вольныхъ матросовъ, но кромѣ ихъ идутъ на суда и херсонскіе мѣщане. Требаки не рискуютъ далѣе Одессы, да и то потому, что путь ихъ лежитъ у береговъ и простирается въ море не болѣе нѣсколькихъ миль. Лиманскія бури для нихъ не такъ опасны. Описывать бригъ и шкуну считаю лишнимъ, ибо для читателей Морскаго Сборника это совершенно безполезно, а только скажу, что здѣшнія шкуны не имѣютъ наклоненныхъ мачтъ. Требака описана мною въ статьѣ о Никополѣ. Херсонскія суда ходятъ по Черному и Азовскому морямъ и преимущественно грузятся хлѣбомъ, лѣсомъ и желѣзомъ. Послѣдніе два товара слѣдуютъ сверху по Днѣпру чрезъ пороги. Желѣзо здѣсь чрезвычайно дорого, такъ что въ Одессѣ, не смотря на огромный тарифъ, англійскія издѣлія обойдутся не выше нашихъ, хотя послѣднія уступаютъ какъ въ прочности, такъ и въ изяществѣ отдѣлки. Здѣшній крестьянинъ стѣсненъ относительно лѣса и жилища, и каждое земледѣльческое орудіе, каждый пустякъ въ хозяйствѣ, требующій кола или гвоздя, обходится ему чрезвычайно дорого. Огромныя нелѣпыя барки, которыя, совершивъ рейсъ сверху, остаются по необходимости въ Херсонѣ, и тѣ продаются по цѣнамъ баснословнымъ, потому что идутъ не только на постройку крестьянскихъ избъ, но даже и на нѣкоторыя казенныя зданія. Мы ставимъ въ укоръ петербургскимъ владѣльцамъ дачъ постройку домовъ изъ барочнаго лѣса и упрекаемъ, нанимая помѣщеніе только на лѣто; а здѣсь это роскошь, потому что въ подобномъ домикѣ все таки лучше жить, чѣмъ въ мазанкѣ изъ камыша, какъ случается сплошь и рядомъ. У пристани—магазины съ чугунными, желѣзными издѣліями, а также съ полосовымъ и листовымъ желѣзомъ. За этимъ матеріаломъ пріѣзжаютъ сюда не только изъ окрестностей, но изъ дальнихъ мѣстъ Таврической губерніи. Въ магазинѣ г. Мальцова складъ фаянсовой и стеклянной посуды. Но здѣсь вообще въ ходу англійскій фаянсъ, который хоть и дороже, однако прочнѣе и красивѣе, и у самыхъ даже квасныхъ патріотовъ, проповѣдующихъ, что у

насъ все свое, только-де глупое подражанье модѣ заставляетъ пріобрѣтать все иностранное, — вы найдете англійскія чашки и тарелки.

Собственно мѣстная торговля нельзя сказать, чтобъ была въ большомъ размѣрѣ по весьма простой причинѣ непосредственнаго, нѣсколько-часоваго сообщенія съ Одессой при помощи пароходовъ. До прошлаго года былъ только одинъ порядочный магазинъ караима Эгиза, но теперь еще открылся другой, англо-французскій, еврея Барбаумова. Вообще послѣ военнаго времени многіе здѣшніе евреи разжились порядочно. Въ упомянутыхъ двухъ магазинахъ вы найдете не только все необходимое для костюма, меблировки, но для комфорта и наконецъ для удовлетворенія самой изысканной роскоши. Въ особенности хорошъ магазинъ Эгиза, гдѣ, какъ говорятъ мѣстные жители, и товаръ лучше и продаютъ этотъ товаръ какъ то добросовѣстнѣе. Есть еще такъ называемыя галантерейныя лавки, но въ нихъ уже нѣтъ того выбора, товары не всегда хорошаго качества и вамъ надобно сильно торговаться, иначе васъ надуютъ порядочно. Вся эта линія, подъ названіемъ *Греческое*, занята лавками и на всемъ пространствѣ только три лавки русскихъ, торгующія впрочемъ бакалейными товарами. Остальныя караимскія и еврейскія, а что касается до ремесленниковъ, то я знаю только одного часоваго мастера поляка, одного портнаго нѣмца, одного мраморщика итальянца, на всѣхъ же прочихъ вывѣскахъ красуются вѣтхозавѣтныя имена съ необыкновенно разнообразной ороографіей. Есть и иностранныя модистки, хотя заведенія эти не могутъ быть на блестящей ногѣ, потому что близость Одессы дозволяетъ не только здѣшнимъ барынямъ высшаго полета, но и особамъ средняго сословія пользоваться искусствомъ лучшихъ одесскихъ модныхъ магазиновъ.

Стараясь сблизиться съ еврейскимъ племенемъ какъ можно болѣе, я часто заходилъ къ разнымъ ремесленникамъ и заказывалъ какую нибудь бездѣлицу собственно съ цѣлью имѣть случай пробыть полчаса въ жилищѣ портнаго, сапожника, часовщика, золотыхъ дѣлъ мастера и т. п. Для ободренія своего обонянія обыкновенно я закуривалъ самую крѣпкую сигару и подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ оставался у какого нибудь Лейбы, Іоськи, Ицка и т. д. Тутъ же поминутно шныряли ихъ жены и дочери, изъ которыхъ иныя чрезвычайно красивы, но все это

въ такой грязи, въ такихъ лохмотьяхъ, что не смотря на человѣческую слабость къ красотѣ противоположнаго пола, нельзя было побѣдить въ себѣ отвращенія при видѣ образцоваго неряшества. Смотришь на улицѣ на иную хорошенькую разряженную дѣвушку, невольно любуешься и молодостью и красотою и стройностью, даже уютной ножкой въ приличномъ ботинкѣ, и вдругъ кажется, что уже гдѣ то встрѣчалъ это созданіе....Припоминаешь, и станетъ досадно, когда убѣдишься, что дѣйствительно это самое, хорошенькое существо нѣсколько дней тому волочило за собой грязныя изорванныя юбки, шлепало по нечистому полу чудовищными истоптанными башмаками, и этой рукой, затянутой теперь въ перчатку, разбрасывало вокругъ внутренности рыбы, приготовляемой къ обѣду.... А обстановка! нѣтъ, какъ ни говорите, а грязь и неряшество принадлежность этого племени, конечно весьма способнаго и промышленнаго. Разумѣется есть блестящія исключенія, есть очаровательныя еврейки, развитыя, образованныя, не уступающія любой аристократкѣ въ щегольствѣ и опрятности, усвоенной и дома, вошедшей въ плоть и кровь; но этихъ исключеній мало, въ особенности въ провинціальныхъ городахъ нашихъ. Я не буду настаивать и на томъ, чтобы и у нашихъ въ провинціи чистота и опрятность были соблюдаемы достаточно, однако все таки болѣе или менѣе качества эти сдѣлались необходимы въ быту маломальски образованнаго или достаточнаго семейства; въ быту же евреевъ они пока невозможны. Въ самомъ Херсонѣ есть нѣсколько богатыхъ и образованныхъ еврейскихъ семействъ, гдѣ особенно женщины молодаго поколѣнія усвоили себѣ все, что только доступно женщинѣ высшаго класса въ провинціи. Пусть это образованіе весьма поверхностно, пусть оно заключается въ легкой игрѣ на фортепьяно, болтаніи по французски, исполненіи польки, лансье и умѣньи держать себя прилично въ обществѣ; но и это уже большой шагъ впередъ, тѣмъ болѣе, что еще такъ недавно доказана неосновательность у насъ женскаго воспитанія вообще. Нѣкоторыя херсонскія еврейки, и ихъ разумѣется немного, не уступаютъ особамъ нашего порядочнаго круга, и если иной разъ на бульварѣ такъ называемыя аристократки рѣшаются критиковать костюмъ первыхъ, будто бы за отсутствіе вкуса, то это дѣлается собственно для показанія прочимъ смертнымъ, что онѣ обладаютъ по этой части истинными познаніями. На образованіе евреекъ надо смотрѣть снисходитель-

но, особенно вспомнивъ какъ еще недавно племя это, покрайней мѣрѣ у насъ, чуждалось всякаго сближенія съ христіанами. Имъ бѣдняжкамъ, при всей готовности даже, не откуда почерпнуть здравыхъ понятій о русской литературѣ, хотя объ этомъ предметѣ не слишкомъ заботится и нашъ прекрасный полъ въ провинціи. И если одна красавица еврейка, очень любезная особа, говорила мнѣ, что восхищается романами г. Воскресенскаго, то этого нельзя ставить ей въ вину, когда на томъ же самомъ бульварѣ одна птица высокаго полета разсуждала на довольно плохомъ французскомъ языкѣ, что русская литература ne vaut rien и что порядочной женщинѣ ничего нельзя читать по русски. Есть еще люди, играющіе роль въ провинціи, которые, не смотря на кринолины, отстали сильно или лучше сказать пробавляются общественными предразсудками тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія, Еврейка, восхищающаяся романами г. Воскресенскаго, нѣтъ никакого сомнѣнія, перейдетъ къ лучшимъ произведеніямъ и будетъ понимать Гоголя, Тургенева, Писемскаго, если найдется развитый человѣкъ указать ей невольную ошибку; но жалкая барыня и умретъ со своими допотопными понятіями, и если, Боже сохрани, есть у нея дочь, она и дочь заразитъ своими глупо самодовольными мнѣніями относительно литературы и кастовыхъ нелѣпыхъ отличій.

Караимы по большей части сохранили свой татарскій костюмъ и хотя многіе мужчины одѣлись уже въ сюртуки, однако носятъ барашковую шапку; а женщины, не смотря на европейское платье самаго послѣдняго покроя, не рѣшаются измѣнить головнаго убора ни на воздушныя шляпки, ни даже на соблазнительныя пасторелки. Караимки заплетаютъ пышные свои волосы покрайней мѣрѣ въ 30 мелкихъ косъ, которыя и разсыпаются по плечамъ. Голову покрываютъ онѣ небольшой красной шапочкой, обложенной голубой бахрамой, и донышко которой вышито золотомъ, а иногда усажено камнями или золотыми монетами. До половины закрываютъ онѣ эту шапочку платкомъ, если выходятъ на улицу, что нѣсколько ихъ безобразитъ. Но чрезвычайно пріятно, въ особенности для непривычнаго глаза, видѣть хорошенькую караимку въ изящномъ европейскомъ платьи, въ парижскихъ ботинкахъ съ каблучками и въ расшитой золотомъ шапочкѣ.

Евреи и караимы одно племя, исповѣдуютъ одну религію, т. е. чтутъ Ветхій завѣтъ, но присмотрѣвшись ближе, находишь межъ ними разницу. Есть еврейки красавицы, но иную изъ нихъ вы примете за какую угодно націю, а у караимокъ, хоть и рѣдко, но сохранилась строгая классическая, та библейская красота, о которой мечтаешь при чтеніи Ветхаго завѣта. Я знаю двухъ караимокъ, черты лица которыхъ просятся на полотно для какой нибудь картины изъ библейской жизни. Къ сожалѣнію образованіе еще не коснулось этихъ кроткихъ созданій. Мужчины караимы есть уже порядочно развитые, но женщины никогда не появляются въ чужомъ обществѣ и ожидаютъ благодѣтельной реформы. Усвоивъ нѣкоторыя татарскія обыкновенія, караимы переняли также у мусульманъ обычай скрывать своихъ женъ и дочерей отъ сообщества постороннихъ. Разсѣявшись по городамъ новороссійскаго края, разумѣется они начали мало по малу отрѣшаться отъ этого нелѣпаго чужаго обычая; такъ женщины ходятъ у нихъ однѣ съ открытыми лицами, въ европейскомъ платьи; но въ домашнемъ быту не выдутъ къ гостю мужскаго пола. Мнѣ однакожъ очень хотѣлось побывать въ караимскомъ женскомъ обществѣ. Одинъ мой пріятель, человѣкъ образованный, уговорилъ своего товарища по школѣ познакомить меня съ семействомъ. Я бывалъ въ гостяхъ у караимовъ. Меня принимали чрезвычайно радушно, а хозяйка, угощая чаемъ, вареньемъ, виномъ, не говорила однакоже со мною, или лучше сказать на предлагаемые вопросы отвѣчала только односложными словами. Очень рѣдкія изъ нихъ понимаютъ по русски, но дѣтей обоего пола учатъ русскому языку. Я говорю немного по турецки и потому не стѣснялся, но хозяинъ въ послѣдствіи замѣтилъ съ улыбкою, что жена его, какъ уроженка Севастополя, умѣетъ объясняться по русски. Дѣйствительно она выговариваетъ русскія слова чисто и можетъ поддерживать разговоръ.

Не смотря на упорную привязанность къ Ветхому завѣту, еврейское племя не сохранило, покрайней мѣрѣ на извѣстныхъ мнѣ мѣстностяхъ, никакого особеннаго наружнаго отличія; не только нарядъ, но самый языкъ заимствовало оно у народовъ, среди которыхъ жило по выходѣ изъ Палестины. Евреи, называемые у насъ жидами, говорятъ ломанымъ нѣмецкимъ и отчасти испанскимъ языкомъ, а караимы, жившіе въ Крыму, усвоили себѣ языкъ татарскій или лучше сказать турецкій. У тѣхъ

*

и другихъ богослуженіе отправляется однакоже на древне-еврейскомъ, непонятномъ большинству. Послѣдній фактъ замѣчателенъ и во многихъ другихъ религіяхъ. Караимы, не признавшіе талмуда, остались при древнемъ еврейскомъ богослуженіи и оттого въ ихъ нравахъ больше простоты первобытныхъ народовъ; добросовѣстность и прямота—качества, которымъ не измѣняетъ караимъ въ сношеніяхъ съ другими вѣроисповѣданіями. Осложнявшійся подъ вліяніемъ всевозможныхъ гоненій и преслѣдованій, талмудъ вносилъ на страницы свои глубокую ненависть къ христіанамъ, дозволялъ обманъ, какъ средство для достиженія цѣли, въ сношеніяхъ съ иновѣрцами, и наконецъ ставилъ въ заслугу вредъ, причиняемый христіанину. Между тѣмъ этотъ же самый талмудъ проповѣдывалъ единовѣрцамъ тѣснѣйшій союзъ, взаимную помощь и слѣпое повиновеніе постановленіямъ. Отсюда проистекаетъ закоренѣлый фанатизмъ, неугасимая ненависть къ христіанамъ и непоколебимая привязанность еврея даже къ самымъ нелѣпымъ обыкновеніямъ. Мы еще недавно видѣли образчики послѣдняго, когда вышелъ указъ о перемѣнѣ костюма. Что костюмъ этотъ не былъ народнымъ, и говорить нечего: чулки, башмаки, пейсики и длинный кафтанъ не могли выдти изъ Палестины; однако жиды долго не могли примириться, а за границей, т. е. въ Молдавіи отчасти Буковинѣ и въ Бессарабіи, ходятъ еще и теперь многіе въ пейсикахъ и шлепаютъ по грязи башмаками, что я видѣлъ не такъ еще давно, проживая по границѣ. Но духъ времени повѣялъ и на это племя; отъ евреевъ реформистовъ можно ожидать многаго, тѣмъ болѣе, если предоставится имъ полная свобода безъ всякой посторонней инициативы. Мнѣ кажется, усвоеніе евреями хоть наружнаго европейскаго лоска подаетъ утѣшительную надежду, что за этимъ коснутся ихъ и другія условія цивилизаціи.

Караимы идутъ совершенно другимъ путемъ. Не будемъ говорить о прежнемъ ихъ бытѣ подъ турецкимъ владычествомъ, но со времени завоеванія Крыма племя это не только не встрѣчало гоненій, а напротивъ пользуется льготами: караимы избавлены отъ рекрутства и свидѣтельство ихъ не требуетъ подтвержденія присягою. Отдохнувъ подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ, племя это, всегда торговое и промышленное, оставило замкнутую свою жизнь въ Чуфут-кале и разсѣялось преимущественно по Новороссіи (есть малая часть въ Кіевской и Полтав. губ., но

это исключеніе). Послѣ Одессы, Херсонъ можно считать однимъ изъ главныхъ мѣстъ, гдѣ караимы поселились въ большомъ количествѣ—и всѣ исключительно занимаются торговлей. Ремесленниковъ изъ числа ихъ не знаю, да и врядъ ли есть, потому что объ этомъ я прилежно развѣдывалъ. Многіе изъ караимовъ имѣютъ свои дома, остальные живутъ на квартирахъ, и между ними нѣтъ пролетаріевъ или нищихъ, ибо это племя честно и трудолюбиво, а достаточные единовѣрцы считаютъ какъ бы обязанностью давать средства убогимъ заработывать кусокъ хлѣба. Караимовъ никто не преслѣдуетъ; привязанность у нихъ къ старинѣ, конечно, гораздо большая чѣмъ у жидовъ собственно—это доказывается уже и тѣмъ, что они не подвергались ни какому расколу; но молодое поколѣніе стремится уже къ европейскому образованію, сняло турецкій халатъ, замѣнивъ его современнымъ костюмомъ, и само подвигается къ развитію. По малому числу караимовъ, у нихъ одно только училище, въ которомъ, кромѣ закона божія и турецкаго языка, преподаются русскій языкъ и ариѳметика. Женщины, какъ я сказалъ уже, совершенно лишены образованія.

Не то мы видимъ у евреевъ. Необходимость грамотности сознана этимъ племенемъ и посмотрите какія краснорѣчивыя цифры: въ 1858 г. было учащихся мальчиковъ 903, дѣвочекъ 353. Если сравнить съ нашими учебными заведеніями губернскихъ городовъ, при относительной пропорціи жителей, то заключеніе, для русскихъ, будетъ не весьма утѣшительное. Въ томъ же году въ Херсонѣ изъ русскаго населенія, учащихся было: мальчиковъ 514, дѣвочекъ 135.

Конечно всѣ эти женскія школы, какъ наши, такъ и еврейскія, не поведутъ къ развитію, потому что требуютъ и другаго устройства и другихъ пріемовъ. Но все же въ нихъ дѣвушка ознакомливается хоть сколько нибудь съ необходимыми свѣдѣніями, которымъ можно сдѣлать приложеніе въ домашнемъ хозяйствѣ. Многими доказана нефундаментальность пансіонскаго образованія, однако пока нѣтъ заведеній лучшихъ, пусть отдаютъ дѣтей хоть въ пансіоны. Еврейскій дѣвичій пансіонъ учрежденъ по образцу нашихъ, и юныя дѣвы Израиля точно также должны болѣе всего обращать вниманіе на французскій языкъ, приличныя манеры (которыя очень условны, потому что зависятъ отъ образцовъ), на танцы и музыку, безъ сомнѣнія самую лег-

кую, болѣе для услажденія слуха дражайшихъ родителей. Но если для нашихъ дѣвицъ пансіоны уже неудовлетворительны, то для еврeекъ покамѣсть могутъ еще служить съ пользою. Дѣвочка, окончивъ курсъ въ пансіонѣ и привыкнувъ тамъ къ чистотѣ и опрятности, внесетъ и въ домъ, если не родительскій, то будущаго, своего мужа другія привычки и обычаи и невольно уничтожитъ въ слѣдующемъ поколѣніи, господствующее у евреевъ не только бѣднаго, но нерѣдко и достаточнаго класса. Въ городахъ и именно въ Херсонѣ евреи сдѣлали впрочемъ большой шагъ впередъ. Я помню этотъ городъ 11 лѣтъ назадъ, помню тогдашній наружный видъ евреевъ, котораго теперь не узнаю совершенно.

Здѣсь надобно еще замѣтить, что страшный тормазъ для развитія евреевъ составляютъ ихъ раввины, избираемые обществомъ преимущественно изъ людей, занимающихся Св. писаніемъ. Это индивидуумы закоренѣлаго фанатизма, невѣжественные и почти незнающіе русскаго языка. На людей, которыхъ коснулся духъ новѣйшаго времени, эти раввины не имѣютъ вліянія и не могутъ помѣшать имъ развиваться сообразно съ внушеніями цивилизаціи; но на толпу вліяютъ страшнымъ образомъ и поддерживаютъ нетерпимость и непримиримую вражду къ христіанамъ. Въ массѣ, къ сожалѣнію, господствуетъ еще закоренѣлое невѣжество и новые евреи не въ состояніи будутъ дѣйствовать на эту массу, пока раввины не сдѣлаются болѣе развитыми, а слѣдовательно и гуманными. Мы видимъ, что и въ христіанскихъ исповѣданіяхъ, гдѣ по духу религіи во всемъ должны господствовать и братская любовь и кротость, иногда духовенство, обуреваемое дикимъ фанатизмомъ, проповѣдуетъ ненависть къ еретикамъ; чего же можно ожидать отъ темныхъ жрецовъ той религіи, гдѣ стоитъ въ законѣ: око за око, зубъ за зубъ?

Если въ купеческомъ русскомъ населеніи незамѣтно никакого движенія впередъ и всѣ попытки извлечь это сословіе изъ отсталости и апатіи не могутъ увѣнчаться успѣхомъ, мнѣ кажется, главная причина заключается въ значительномъ участіи старообрядческаго элемента. Мало того, что молодое поколѣніе сбрило бороды и одѣлось въ европейское платье,—но домашняя жизнь идетъ по вѣковымъ колеямъ рутины, куда не скоро доберется прогрессъ. Что старообрядцевъ здѣсь довольно, о томъ свидѣтельствуютъ, не говорю уже статистическія цифры, которымъ

не каждый повѣритъ,—двѣ церкви, усердно посѣщаемыя прихожанами. Старообрядцы, какъ извѣстно, живутъ замкнутою жизнью, враги всякаго нововведенія, чѣмъ отличаются въ особенности пожилые, которые всѣми силами стараются внушить, навязать дѣтямъ свои понятія и духъ нетерпимости. Конечно время дѣлаетъ свое, молодежь украдкой, мало по малу отрѣшается отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ; но эти завоеванія обходятся очень дорого. Старики осуждаютъ и образованіе и общественныя удовольствія; такъ что по ихъ мнѣнію человѣкъ, побывавшій въ театрѣ, прочитавшій свѣтскую книгу и выкуривщій сигару, неминуемо попадетъ въ адъ, какъ совершившій самое тяжкое преступленіе. Положимъ, фанатизмъ и духъ нетерпимости присущъ исключительно одному старому поколѣнію, но это старое пвколѣніе имѣетъ еще слишкомъ сильное вліяніе задерживать стремленіе къ цивилизаціи, не признавая другаго обученія, кромѣ церковной грамоты, и то по древнимъ книгамъ, и допуская гражданскую печать единственно для веденія торговыхъ счетовъ. Посѣщая херсонскія старообрядческія церкви, я видѣлъ однакоже вторженіе модныхъ женскихъ нарядовъ, хотя и замѣтилъ, что ни одна щеголиха не осмѣливается являться въ *собачьей кожѣ*, т. е. въ лайковыхъ перчаткахъ, которыя строго осуждаются старообрядцами. Впрочемъ женщины приходятъ въ шелковыхъ или бумажныхъ перчаткахъ. Духъ моды и подражанія сильнѣе всего дѣйствуетъ на прекрасную половину рода человѣческаго, и если бы искусно взяться за образованіе женщинъ не только у старообрядцевъ, но у самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ, мнѣ кажется, чрезъ одно, два поколѣнія можно бы достигнуть самыхъ благотворныхъ результатовъ. Говорятъ, въ прежнее время старообрядцевъ было гораздо больше, но уменьшеніе ихъ,—не могу достовѣрно сказать, произошло отъ принятія ли православія, или отъ перехода въ другія мѣста.

Собственно базаръ херсонскій или по мѣстному Привозъ занимаетъ большую площадь, которая съ восточной стороны обстроена каменнымъ гостиннымъ дворомъ. Южную сторону занимаютъ преимущественно хлѣбные амбарчики, въ которыхъ кулаки ссыпаютъ хлѣбъ, покупаемый у окрестныхъ жителей,—а дальше ряды съ глиняной посудой. На сѣверъ идутъ желѣзныя лавки и будочки съ всевозможными мелочами. Западная сторона обстроена

цѣлымъ лабиринтомъ чуланчиковъ, со скамейками, гдѣ продаются кушанья для простолюдиновъ: борщъ, уха, лапша, жаркое, бѣлый и черный хлѣбъ и сбитень. Но обѣдъ собственно здѣсь не готовится. Торговки привозятъ его изъ своихъ домовъ, отстоящихъ отъ базара иногда довольно далеко; необходимую же степень теплоты въ большихъ горшкахъ поддерживаютъ тѣмъ, что плотно закутываютъ ихъ множествомъ тряпокъ, разумѣется сильно запачканныхъ сажей и пропитанныхъ жиромъ. Послѣднее обстоятельство слишкомъ незначительно въ глазахъ простолюдина, тѣмъ болѣе, что нечистыя тряпки не имѣютъ никакого отношенія къ кушанью, а употребляются собственно какъ средство не давать ему остынуть. Изъ числа этихъ оригинальныхъ ресторацій нѣкоторыя пользуются въ своей публикѣ обширною извѣстностью, которая главнѣйше основывается на доброкачественности припасовъ и объемѣ порцій. Конечно не послѣднюю роль здѣсь играетъ также привѣтливость и услужливость, на что простолюдинъ обращаетъ виманіе, ибо и крестьянину пріятнѣе пообѣдать тамъ, гдѣ привѣтливо встрѣчаютъ его, знаютъ привычки, и подъ часъ сообразуются съ его незатѣйливымъ вкусомъ. Въ херсонскомъ такъ называемомъ обжорномъ ряду есть двѣ, три женщины, у которыхъ собираются многочисленные посѣтители, и каждый разъ можно замѣтить нѣсколькихъ habitués, которые обращаются къ новичкамъ съ похвалою извѣстному заведенію. Торговки дорожатъ хорошимъ мнѣніемъ своихъ потребителей, хотя есть многія, пренебрегающія репутаціей, въ надеждѣ, что лишь бы была пища приготовлена, а охотники найдутся по необходимости. Но мнѣ случалось видѣть не разъ, какъ публика обходитъ ту или другую торговку и стремится туда, гдѣ ожидаютъ и вкусный борщъ и жирная лапша и привѣтливая услужливость. Потребитель долженъ приносить съ собою только хлѣбъ, а посуда и ложка къ его услугамъ. Но за хлѣбомъ ходить не далеко, потому что въ нѣсколькихъ шагахъ продаются его цѣлыя горы. Хлѣбъ впрочемъ здѣсь очень дорогъ, такъ что фунтъ ржанаго не обходится дешевле 3 копѣекъ. Борщу можно потребовать отъ 3 копѣекъ и т. д., смотря по аппетиту и карману обѣдающаго, а съ незнакомыхъ въ видѣ предосторожности предварительно требуютъ деньги впередъ. Раза два мнѣ случалось видѣть, что подобная неделикатность имѣетъ основаніе. Къ торговкѣ подошелъ дѣтина вершковъ одинадцати, въ старомъ из-

мятомъ сюртукѣ зеленоватаго цвѣта, съ мѣдной серьгой въ ухѣ, въ блинообразной фуражкѣ, заломленной на бекрень. Въ рукѣ его дымилась папироска.

—У васъ вѣрно холодный и невкусный борщъ, проговорилъ онъ, стараясь *русить* (глаголъ, выражающій извѣстный особый выговоръ, даваемый малорусскимъ словамъ, который употребляютъ мелкіе торговцы, а преимущественно дворовые).

— За что же вы насъ порочите? видите, люди кушаютъ.

— Люди и еще кушаютъ! Это развѣ люди? спросилъ малый, небрежно указывая папироской на чумака, моего собесѣдника: Ну живо! хорошаго борщу на 6 копѣекъ—я проголодался.

— Извольте.

— Да ты мнѣ миску почище, а то вѣдь я знаю вашего брата, вы пожалуй подоломъ вытираете.

Кое-кто засмѣялся. Торговка оскорбилась.

— Вы насъ только срамите понапрасну. Хорошо, что здѣсь все знакомые люди. Садитесь, я вамъ подамъ чистую миску, *насыплю* борщу— только пожалуйте впередъ деньги.

— Какъ! ты смѣешь требовать деньги впередъ?

— У насъ такъ заведено.

— А не хочешь ли ты вотъ этого?

И молодецъ показалъ ей шишъ.

— Ну, такъ убирайся къ чорту, а не то мы тебя выпроводимъ.

Разбитной малый отправился дальше и еще разъ повторилась съ нимъ такая сцена, послѣ чего онъ скрылся, преслѣдуемый насмѣшками торговокъ.

Въ другой разъ среднихъ лѣтъ кучеръ, одѣтый порядочно, пришелъ и прямо сѣлъ на лавку.

— Эй, давайте обѣдать!

— Чего желаете?

— Ну борщу что ли тамъ, да купите хлѣба, у меня нѣтъ мелкихъ.

— Не безпокойтесь, мы размѣняемъ.

— Что мѣнять то, у меня бумажка въ три рубля, а сюда зайдетъ нашъ лакей.

— Ничего, я размѣняю.

Кучеръ всталъ съ неудовольствіемъ и, выругавъ торговку, кото-

рая не осталась въ долгу, отправился дальше и тоже нигдѣ не пообѣдалъ, потому что денегъ у него не было.

— Какъ это вы угадываете молодцовъ, которые хотятъ надуть вашего брата? спросилъ я однажды хозяйку.

— Мы, признаться, уже учены. Но случается, что надуваютъ и знакомые: иной ходитъ часто, хорошо расплачивается, а послѣ задолжаетъ корбаванецъ, два, да и глазъ не покажетъ.

Между торговками ведутся, по наружности, самыя непріязненныя отношенія, но это иногда только такъ кажется. Зазывая посѣтителя или желая отбить его другъ у дружки, онѣ употребляютъ всевозможные способы, даже наговоры, увѣряя, что у сосѣдки, напримѣръ, борщъ съ протухлой говядиной, что рыба не свѣжа, а кушанье вообще готовится нечисто. Сосѣдка въ свою очередь разсказываетъ такія подробности о кухнѣ своей соперницы, что брезгливому человѣку даже гадко станетъ. А между тѣмъ посѣтитель усѣлся наконецъ — значитъ его уже не перетянешь, и распря между торговками окончена. Случается, что одной нечѣмъ дать сдачи тому же самому гостю, и она спѣшитъ размѣнять четвертакъ у своей соперницы. Нерѣдко я видѣлъ, что двѣ торговки, которыя вели въ теченіе нѣсколькихъ минутъ самую ожесточенную борьбу, называя другъ друга оскорбительными именами, со всѣми даже предвѣстьями близкаго рукопашнаго боя, по окончаніи обѣденной поры, дружно садились вмѣстѣ и распивали чай, болтая о своихъ дѣлахъ и предаваясь невиннымъ сплетнямъ на счетъ ближняго.

На этомъ же Прявозѣ продаются и всевозможные товары, какъ въ небольшихъ деревянныхъ лавкахъ, такъ и подъ открытымъ небомъ. Тысячи фуражекъ, шапокъ, сапоговъ, кучи готовыхъ рубахъ и прочихъ принадлежностей простонароднаго тоалета, незатѣйливая мебель и наконецъ огромное количество подсолнечниковыхъ сѣмянъ и орѣховъ встрѣчаются на всѣхъ пунктахъ. Главная отличительная черта херсонскаго базара — цѣлыя пирамиды апельсинъ и лимоновъ, изъ которыхъ первые потребляются здѣсь въ большомъ количествѣ. Между тѣмъ на южной сторонѣ идетъ просушка и пересыпка зерноваго хлѣба, гдѣ толпятся сотни народа, занятаго совсѣмъ другими интересами, нежели прочее человѣчество. И среди этого неумолкаемаго гама, среди вѣчнаго движенія, одна возлѣ другой возвы-

шаются двѣ церкви, расписанныя снаружи и богато убранныя внутри—одинъ изъ богатѣйшихъ приходовъ.

Недалеко, но совершенно въ сторонѣ стоитъ мясной дворъ, а возлѣ бывшаго канатнаго казеннаго завода расположенъ рыбный базаръ, на которомъ кромѣ рыбы продаются и другіе жизненные припасы.

Есть еще базаръ на Греческомъ, какъ видно, прежде многолюдный, потому что среди его выстроено большое каменное зданіе для обжорнаго ряда; однако въ этомъ ряду сидятъ лишь нѣсколько торговокъ, да возлѣ него тянется строй небольшихъ лавочекъ съ готовымъ платьемъ, мелочами и стоятъ мѣняльные столики. Вѣроятно многимъ изъ моихъ читателей не разъ приходилось встрѣчать затрудненіе въ лавкахъ по случаю сдачи не только въ провинціи, но и обѣихъ столицахъ. Въ Новороссіи ближе къ морю иногда мелочь и вообще звонкая монета необыкновенно дороги, такъ что за размѣнъ приходится платить по 3 и по 5%. Мнѣ могутъ сказать, что есть постановленіе, во силу котораго мѣнялы не могутъ брать болѣе ½ %, но я предложу въ свою очередь невѣрующимъ пойдти и размѣнять деньги по установленной таксѣ. Такса эта оказывается недѣйствительной и существуетъ номинально, потому что, строго исполняя ее, мѣнялы не могли бы заниматься своимъ дѣломъ. Есть напр. города, какъ Николаевъ, гдѣ мѣняльные столы просто на просто запрещены, и что же слѣдуетъ изъ этого? Въ лавкахъ не дадутъ вамъ сдачи, мѣняльныхъ столовъ нѣтъ, вамъ товаръ необходимъ, и вы поневолѣ ищете добраго человѣка, который размѣнялъ бы вамъ деньги, и платите 5%, какъ и мнѣ не разъ случалось. Мѣняламъ вѣдь тоже мелочь недостается даромъ; они сами не рѣдко, особенно при большомъ требованіи, платятъ копѣйку и полторы съ рубля, слѣдовательно какъ же могутъ они размѣнять по таксѣ! Откуда мѣнялы берутъ мелочь—это вопросъ другаго рода. Извѣстно, что по положенію въ каждомъ казначействѣ должны размѣнять вамъ небольшую сумму, но если вы не имѣете знакомства или протекціи, то не получите не только звонкой монеты, но и мелкихъ ассигнацій, а зачастую выслушаете какую нибудь грубость за то, что безпокоите и отрываете отъ дѣла чиновника. Развѣ уже казначей будетъ очень любезенъ, въ такомъ случаѣ вамъ предложитъ размѣнять на *мѣдь*—монету, какъ извѣстно, весьма удобную для дорож-

наго человѣка, въ количествѣ этакъ пятидесяти цѣлковыхъ. Собственно же мелкіе билеты и серебро, присылаемые въ казначейства, неизвѣстно куда поступаютъ. Мелочь сосредоточивается главнѣйше въ кабакахъ и на почтовыхъ станціяхъ. Въ концѣ военнаго времени, когда была необыкновенно дорога звонкая монета и мелочь въ особенности, остановился я пить чай, кажется на Тилигульской станціи. Одинъ проѣзжающій сидѣлъ три часа лишнихъ оттого, что не могъ заплатить прогоновъ, не имѣя другихъ денегъ кромѣ пятирублевыхъ билетовъ. Незнакомый господинъ робко обратился ко мнѣ съ просьбою не пособлю ли я его горю. Золото лежало у меня въ дорожной торбѣ въ особомъ отдѣленіи. Не знаю какъ, доставая серебро, я выронилъ на столъ нѣсколько полуимперіаловъ. У еврея, который получалъ прогоны, разгорѣлись глаза при видѣ высокоблагороднаго металла.

— Не размѣняете ли вы золотыхъ? сказалъ онъ мнѣ, умильно поглядывая на чистенькіе полуимперіалы.

— Нѣтъ, не размѣняю. Вѣдь ты же божился проѣзжающему, что у тебя нѣтъ сдачи.

— Съ билетовъ нѣтъ, а съ этого найдемъ. Размѣняйте пожалуста, я дамъ лажъ.

Надобно замѣтить, что полуимперіалы въ то время ходили 5 р. 50 к.

— Я не возьму лажу, только дай мнѣ мелочи.

— А сколько у васъ золотыхъ?

— Дамъ тебѣ пять штукъ.

— Отдайте всѣ, я размѣняю на злотые и гривенники.

— Еще одно условіе: ты долженъ дать сдачи проѣзжающему.

Еврей ушелъ и возвратился чрезъ нѣсколько минутъ съ мѣшкомъ, въ которомъ было мелкаго серебра не меньше какъ на 200 руб. Оно и понятно, каждый порядочный человѣкъ, нежелая встрѣчать на станціяхъ затрудненій, запасается въ дорогу мелочью, чего впрочемъ требуетъ и благоразуміе. Если взять во вниманіе обычай, получившій словно силу закона, давать за смазку, на водку или на чай и ямщику и старостѣ, да подумать, что придется оставлять на каждой станціи кое что за невозможностью разсчитаться, то выгоднѣе намѣнять денегъ и съ большими даже процентами.

Относительно помѣщеній для проѣзжающихъ, Херсонъ поотсталъ значительно. Вамъ укажутъ всего двѣ гостинницы Одесскую и Берлинъ, изъ которыхъ первая еще сносна, за то вторая можетъ обезкуражить самаго невзыскательнаго посѣтителя. Въ Одесской гостинницѣ если нумера и не слишкомъ хороши и дурно меблированы, покрайней мѣрѣ чисто содержатся, и въ ресторацiи подаются кушанья довольно сносныя. Въ Берлинѣ все, начиная отъ грязныхъ нумеровъ, отъ оборванной прислуги до неопрятнаго стола, все внушаетъ страшное омерзѣнiе. Кромѣ этого есть еще нѣсколько постоялыхъ дворовъ, собственно отдающихъ комнаты, изъ которыхъ лучшiе Новороссiйскiй и Херсонскiй, гдѣ можно остановиться и гдѣ между прочимъ гораздо покойнѣе, чѣмъ въ гостинницахъ. Вообще эта часть въ сильномъ запущенiи и, пожалуй, могла бы служить доказательствомъ малаго проѣзда, но это было бы невѣрнымъ заключенiемъ. Мнѣ не разъ случалось не находить ни одного нумера въ гостинницахъ.

Въ Херсонѣ вы найдете двѣ кандитерскихъ, въ которыхъ почти никогда никого не встрѣчается, но которыя существованiемъ своимъ доказываютъ необходимость заведенiй этого рода. Конфеты въ нихъ довольно плохи, выборъ самый ничтожный и когда зайдешь порой выпить чашку кофе, то подадутъ такой микстуры, какую встрѣчаешь развѣ у самой скупой хозяйки—чиновницы. Здѣсь на югѣ, гдѣ всѣ колонiальные товары дешевле сравнительно, нигдѣ не подаютъ порядочнаго кофе, даже въ Одессѣ въ одной греческой кофейнѣ можно найти этотъ напитокъ какъ слѣдуетъ, но въ другихъ мѣстахъ непремѣнно съ какимъ нибудь суррогатомъ.

Изъ города чрезъ большую площадь обсаженная дорога, именуемая Пестелевскимъ (*) бульваромъ, ведетъ въ крѣпость. Это самая важная древность въ Херсонѣ, но древность печальная, видимо приходящая въ развалины. Херсонъ, нѣкогда пунктъ, необходимо требовавшiй укрѣпленiя, потерялъ свое значенiе уже со взятiемъ Кинбурна и Очакова; но какъ крѣпость поддерживался довольно долго, тѣмъ болѣе, что тутъ же на берегу находилось черноморское адмиралтейство до перевода его въ Николаевъ. Не, смотря что въ крѣпости есть комендантъ, гауптвах-

(*) По имени Пестеля, бывшаго здѣсь гражданскимъ губернаторомъ.

та, арсеналъ, гарнизонныя казармы, инженерное управленіе, казенная аптека, отовсюду вѣетъ пустыней и изъ разбитыхъ оконъ, которыхъ здѣсь всегда много, выглядываетъ духъ опустошенія. Въ особенности печальный видъ представляетъ бывшій монетный дворъ, гдѣ, впрочемъ, какъ гласитъ преданіе, всего раза два была чеканена монета. Отъ временъ посѣщенія Екатериной Херсона въ крѣпостной церкви сохранилось кресло, на которомъ сидѣла августѣйшая путешественница. Соборъ этотъ, небольшой и красивый, отличается благолѣпіемъ и необыкновенною тишиною и порядкомъ во время служенія, что приписать надобно заботливости полковника К. А. Павлова, принявшаго на себя обязанность старосты. На паперти стоитъ нѣсколько мрачныхъ обветшавшихъ памятниковъ, покрывающихъ прахъ очаковскихъ героевъ.

Но мы оставимъ доживающую дряхлость и перейдемъ за валъ въ цитадель къ бывшему адмиралтейству. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дворецъ (деревянный) Екатерины съ наскоро построеннымъ театромъ и прочими принадлежностями, помѣщается теперь херсонское училище торговаго мореплаванія. Какъ разъ возлѣ пороховаго погреба пріютились убогія постройки, подъ кровлею которыхъ образовываются вольные штурмана и шкипера нашего купеческаго флота. Посреди двора поставлена мачта съ вантами и стеньгой для занятія воспитанниковъ, а за рѣшеткой зеленѣетъ садъ, можетъ быть древнѣйшій въ Херсонѣ. Оттуда видъ на Днѣпръ чрезвычайно живописный, но интереснѣе всего гигантскій абрикосъ, посаженный самою Императрицей. Почтенное дерево это утратило уже одинъ сучекъ, но и теперь еще превосходитъ всѣ абрикосовыя деревья, видѣнныя мною въ Новороссіи. На немъ, говорятъ, бываетъ много плодовъ, только мелкихъ и невкусныхъ, потому что это абрикосъ непривитый. У корня прибита мѣдная доска съ надписью, гласящей о насажденіи его державною рукою. Въ нѣсколькихъ шагахъ, покрытая мхомъ, стоитъ большая старая груша, и хотя нѣтъ на ней надписи, однако преданіе говоритъ, что посажена она княземъ Таврическимъ. И вотъ два дерева, какъ нарочно огромнаго роста, шумятъ листвой между кустами и деревьями другихъ породъ, другихъ позднѣйшихъ поколѣній.

Этой весной, какъ то подъ вечеръ, поднялся я отъ берега и зашелъ въ училищный садъ отдохнуть послѣ далекой прогулки.

Всѣ деревья уже распустились, но абрикосъ и груша словно снѣгомъ покрыты были массами цвѣтовъ и при косвенныхъ лучахъ заходящаго солнца, на лазурномъ фонѣ, казались отлитыми изъ серебра. Давно уже нѣтъ Императрицы, давно истлѣлъ великолѣпный князь Тавриды, херсонская твердыня пришла въ разрушеніе; вмѣсто возникавшаго городишки выросъ и расширился торговый городъ,—а кудрявый абрикосъ и вѣтвистая груша качаютъ еще своими цвѣтущими вершинами. Такъ и чудится, что два эти остатка древности, въ то время, когда верховой вѣтерокъ не касается молодыхъ деревьевъ, ведутъ въ вышинѣ свои таинственыня рѣчи...

Подлѣ этого сада недавно устроено гидропатическое заведеніе доктора Попича, который, какъ по всему видно, приступилъ къ этому дѣлу не на авось, не собственно для одной спекуляціи, но положилъ значительный капиталъ, который трудно въ скоромъ времени выручить и при успѣшномъ ходѣ предпріятія. Гидропатія начинаетъ привлекать многихъ больныхъ, и конечно херсонскіе жители должны быть благодарны г. Попичу, который, предоставляя имъ всѣ способы лечиться холодною водою, устраняетъ всѣ издержки, сопряженныя съ переѣздами въ Одессу. Подобному предпріятію нельзя не пожелать успѣха.

Но мы займемся подробнѣе училищемъ торговаго мореплаванія, какъ предметомъ во первыхъ чрезвычайно интереснымъ, во вторыхъ требующимъ настоятельныхъ перемѣнъ къ улучшенію. 7-го Февраля 1834 года Высочайше утверждено положеніе этого училища, а 1-го октября того же года оно было уже открыто, занявъ три дома упраздненнаго херсонскаго адмиралтейства. Первоначальное число воспитанниковъ было предназначено на 24 человѣка; но потомъ въ 1845 г. Императоръ Николай Павловичъ приказалъ увеличить это число до 40, а пансіонеровъ до 20, всего на 60 человѣкъ. Цѣль этого учебнаго заведенія—приготовлять для коммерческаго флота штурмановъ, шкиперовъ и способныхъ охотниковъ въ строители коммерческихъ судовъ. Казенно-коштные воспитанники состоятъ изъ купцовъ, мѣщанъ, цѣховыхъ сословій и разночинцевъ христіанскаго исповѣданія, преимущественно изъ сиротъ и бѣдныхъ большихъ семействъ, не моложе 14 лѣтъ и не свыше 17, при чемъ необходимо требуются слѣдующія условія: чтеніе, письмо, четыре правила ариѳметики, благонравіе и здоровое тѣлосложеніе. Выборъ кандидатовъ пре-

доставленъ городскимъ думамъ портовыхъ городовъ Новороссійскаго края. Принимаются также и пансіонеры съ платою 94 р. 28½ к. въ годъ, но пріемъ ихъ зависитъ отъ удобства помѣщенія, котораго въ училищѣ чувствуется недостатокъ. Кромѣ того допускаются къ слушанію лекцій и вольно-приходящіе.

Состоя въ непосредственномъ вѣдѣніи новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора и подъ ближайшимъ надзоромъ херсонскаго гражданскаго губернатора, оно находится въ завѣдываньи директора изъ отставныхъ флотскихъ офицеровъ. Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ на него вліяніе только въ такой степени, въ какой предоставлено ему вліяніе относительно училищъ другихъ вѣдомствъ, не принадлежащихъ этому министерству.

Воспитанники раздѣляются на два возраста: младшій и старшій, а каждый возрастъ на два класса. Курсъ четырехлѣтній, т. е. для каждаго класса одинъ годъ, и кромѣ закона Божія, который преподается въ первыхъ трехъ классахъ, раздѣляется на теоретическій и практическій.

Предметы теоретическаго ученія.

1. Пріуготовительныя общія познанія: чистописаніе, рисованіе, ариѳметика, грамматика, географія, исторія и языки: русскій, турецкій, греческій и итальянскій. Относительно трехъ послѣднихъ нужно только знаніе разговорнаго языка, чтеніе же и письмо считаются не слишкомъ важными условіями. Пансіонеры сверхъ того обязаны знать и по французски.
2. Пріуготовительныя морскія науки.
3. Собственно морскія науки.
4. Наука кораблевожденія.

Къ практическимъ занятіямъ принадлежатъ:

1. Астрономія. Наблюденія и необходимое обращеніе съ инструментами, на сколько это необходимо шкиперу.
2. Осмотръ строющихся и прибывающихъ судовъ, а равно обозрѣніе разныхъ заведеній, къ мореплаванію относящихся.
3. Практическіе пріемы (прежде для этого существовало судно при училищѣ, а теперь, какъ сказано выше, осталась лишь одна мачта).

4. Разъѣзды на гребныхъ судахъ.

5. Обученіе плаванію, ружейные пріемы и стрѣльба изъ орудій.

Хотя судно по ветхости и уничтожено, однако все таки сдѣлана часть борта съ нѣсколькими портами, въ которыхъ выставляются орудія. Если моряку не мѣшаетъ умѣть обходиться съ пушкой (я разумѣю купеческій флотъ), то рѣшительно не понимаю для чего нужны ему ружейные пріемы? Какъ этотъ предметъ вошелъ въ программу училища торговаго мореплаванія, какимъ образомъ до сихъ поръ не уничтожили его — остается для меня загадкой. Кто и говоритъ, что мальчику, готовящемуся къ дальнимъ и безпрерывнымъ путешествіямъ, надо умѣть зарядить ружье и револьверъ, но это наука такая немудренная, что для этого не нужно употреблять нѣсколько часовъ въ недѣлю драгоцѣннаго времени. Еще бы можно примириться, если бы ружейные пріемы преподавались такъ, мимоходомъ, но вѣдь этотъ предметъ возведенъ въ систему и для этого назначаются опытные унтеръ-офицеры! Здѣсь уже является мысль, что даровитый мальчикъ, горячо предающійся наукамъ, можетъ подвергаться непріятностямъ единственно за то, что не умѣетъ отчетливо сдѣлать на караулъ!

Въ награду за успѣхи въ наукахъ назначаются книги, инструменты, серебряныя медали, малыя и большія, а отличные воспитанники получаютъ золотую медаль на аннинской лентѣ для всегдашняго ношенія въ петлицѣ. Окончившіе курсъ казеннокоштные и пансіонеры не изъ дворянъ получаютъ: лучшіе—званіе штурмана, а прочіе штурманскаго помощника.

Со времени открытія училища по настоящее время выпущено: штурмановъ 83, штурманскихъ помощниковъ 36, пансіонеровъ 42 и вольноприходящихъ 10. Для полученія званія шкипера на купеческомъ суднѣ, воспитанникъ обязанъ во первыхъ имѣть достовѣрные аттестаты, судебными мѣстами или нашими консулами засвидѣтельствованные, что онъ въ теченіе четырехъ лѣтъ былъ не менѣе 24 мѣсяцевъ въ морѣ въ должности помощника шкипера или штурманомъ, и во вторыхъ свидѣтельство тѣхъ шкиперовъ, у которыхъ находился,—объ искусствѣ, присутствіи духа, рѣшимости и хорошемъ поведеніи,—и явившись въ училище (чрезъ 4 года по выпускѣ) можетъ просить экзамена. Выдержавъ это испытаніе, при назначенномъ отъ флота чиновникѣ, онъ получаетъ аттестатъ.

Воспитанникамъ училища предоставляются слѣдующія преимущества:

1) Подати за казеннокоштныхъ воспитанниковъ, во все время нахожденія ихъ въ заведеніи, взносятся отъ училища. 2) Казеннокоштные воспитанники и пансіонеры не изъ дворянъ, окончившіе курсъ съ превосходными успѣхами при отличномъ поведеніи, исключаются изъ подушнаго оклада, освобождаются отъ рекрутства (кромѣ по судебному приговору) и отъ тѣлеснаго наказанія, что и вносится въ самый аттестатъ. Они не обязаны записываться въ торговые разряды, если сами не поступятъ въ мѣстные купцы. Этими правами пользуются и дѣти ихъ, если посвятятъ себя мореходству, будутъ воспитываться въ училищѣ или выдержатъ въ немъ экзаменъ; въ противномъ случаѣ обязаны избрать родъ жизни. Воспитанники же хорошаго поведенія, но съ слабыми успѣхами, остаются въ первобытномъ званіи.

Воспитанники училища *ни въ какомъ случаѣ не могутъ вступать въ коронную службу, ниже получать чиновъ*, а поступаютъ на службу только по найму.

До послѣдней войны, окончившіе курсъ воспитанники, для пріобрѣтенія морской практики, принимались въ черноморскій флотъ въ званіи кондукторовъ корпуса штурмановъ, на транспортныя суда, и для практическаго судостроенія при николаевскомъ адмиралтействѣ кондукторами 2, которые отлично кончили полный курсъ, на 3 года. Въ 1853 году избрано 7 человѣкъ охотниковъ въ машинисты въ пароходную экспедицію въ г. Одессу. Въ 1854 г. по Высочайшему повелѣнію всѣ штурмана и помощники ихъ допущены на службу по флоту въ какой бы портъ ни явились. Изъ нихъ 32 человѣка находились при оборонѣ Севастополя; 8 на дунайской флотиліи, 4 по телеграфной линіи отъ Одессы до Очакова и Овидіополя; на пароходахъ: Дарго 3, Сѣверная Звѣзда 2, Андія 1, Бердянскъ 2. Бывшіе въ Севастополѣ награждены установленными серебряными медалями на георгіевской лентѣ, а воспитанники: Дубининъ 2, Пошевальниковъ, Пѣвневъ, Шестериковъ и Подковаровъ, за отличную храбрость, военнымъ знакомъ отличія Св. Георгія, изъ нихъ первый съ бантомъ. Воронковъ, Пошевальниковъ, Серафимомъ, Дубининъ 1, Сердюковъ, Подковаровъ, Дубининъ 2 и Слѣсаренко серебряными медалями за храбрость, и всѣ бывшіе при Севастополѣ годовымъ окладомъ жалованья. Изъ нихъ Пластора и Подковаровъ сложили головы на развалинахъ Севастополя.

Нынѣ воспитанники обучаются практикѣ на торговыхъ судахъ. Въ Русскомъ Обществѣ пароходства находится ихъ на службѣ 61 человѣкъ.

На расходъ отпускается 5127 р., но въ 1853 г., по ходатайству мѣстнаго губернатора, прибавлено 1300 р. изъ суммы, хранящейся въ одесскомъ банкѣ, которая составилась изъ штрафовъ, взимаемыхъ съ русскихъ судовъ, отправляющихся заграницу безъ воспитанника херсонскаго училища, торговаго мореплаванія.

Въ 1845 г. Императоръ Николай I, при обозрѣніи упомянутаго училища приказалъ новороссійскому и бессарабскому генералъ-губернатору составить планъ новаго зданія, увеличивъ число казеннокоштныхъ на 40, а пансіонеровъ на 20 человѣкъ. Въ 1848 г. апрѣля 19 былъ Высочайше утвержденъ планъ, составленный въ главномъ управленіи путей сообщенія и публичныхъ зданій. Смѣтная сумма исчислена была до 60,000 руб. сереб. какъ на постройку новаго зданія, такъ и на исправленіе стараго для помѣщенія служащихъ при училищѣ. Для пріобрѣтенія этой суммы министры внутреннихъ дѣлъ и финансовъ положили сдѣлать заемъ изъ кредитныхъ установленій на 36 лѣтъ съ уплатою процентовъ и части капитала ежегодно отъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Но въ 1855 г. 28 іюня Государь Императоръ, вслѣдствіе представленія министра финансовъ въ комитетъ министровъ и по положенію онаго, Высочайше повелѣлъ: отложивъ по случаю настоящихъ военныхъ обстоятельствъ предположеніе о распространеніи помѣщенія херсонскаго училища торговаго мореплаванія и увеличенія комплекта воспитанниковъ,—предоставить новороссійскому генералъ-губернатору войдти по сему предмету съ новымъ представленіемъ, когда настанетъ болѣе удобное для того время. По заключеніи мира директоръ училища 6 сентября 1856 г. обратился къ мѣстному губернатору исходатайствовать разрѣшеніе постройки, утвержденной еще въ 1848 году, но это разрѣшеніе не послѣдовало и по настоящее время, хотя строенія приходятъ въ совершенную ветхость.

Казалось бы и ненастояло надобности подымать вновь вопросъ, разрѣшенный еще въ 1848 г. Мѣстному начальству только предоставленно право войдти съ представленіемъ по минованіи военнаго времени,—однако прошло три года, а объ этомъ дѣлѣ нѣтъ и помину. При подобномъ порядкѣ вещей трудно получить дальнѣйшее развитіе нашему торговому мореплаванію.

*

Не смотря на скудость содержанія, училище добросовѣстно исполняетъ свое назначеніе, и молодые люди, выходящіе оттуда, могутъ съ успѣхомъ занимать мѣста штурмановъ и шкиперовъ, чему служитъ доказательствомъ готовность, съ какою принимаетъ ихъ на службу Русское общество пароходства и торговли. Между тѣмъ наши купцы, не говоря собственно о херсонскихъ, но и прочихъ черноморскихъ и азовскихъ портовъ, избѣгаютъ воспитанниковъ училища и даже охотно платятъ штрафъ, которому подвергаются, если въ заграничное плаваніе не берутъ хоть одного воспитанника означеннаго училища. «Нѣтъ дѣйствія безъ причины»—весьма уже избитая истина, но здѣсь она неприложима, потому что рѣшительно нѣтъ повода (*), который хоть сколько нибудь извинялъ бы это нелѣпое обыкновеніе. Подобная нелюбовь къ русскимъ шкиперамъ объясняется развѣ тѣмъ, что главные купцы значительныхъ портовъ греки, и оттого и ввѣряютъ суда свои иностранцамъ: грекамъ же, итальянцамъ и даже славунамъ, которые впрочемъ иногда весьма не оправдываютъ довѣрія. Такъ уже завелось изстари, въ то время, когда дѣйствительно трудно было найти порядочнаго русскаго морехода; но съ тѣхъ поръ какъ херсонское училище начало выпускать своихъ воспитанниковъ—много ушло воды, что даже видно изъ суммы, накопившейся отъ штрафовъ (3076 р.), взимаемыхъ портовыми таможнями по 25 р. асс. съ судна подъ русс. флагомъ за выходъ заграницу безъ воспитанника училища. Сумма эта показана по 1856 г.; съ тѣхъ же поръ очень мало судовъ выходитъ подъ русскимъ флагомъ въ заграничное плаваніе. Не знаю, суждено ли развиться нашему коммерческому флоту (я говорю о черноморскомъ), когда онъ до сихъ поръ въ самомъ жалкомъ положеніи и не можетъ сравниться съ флотомъ самыхъ незначительныхъ государствъ, а потому нельзя не порадоваться, что Русское общество пароходства сразу поняло и оцѣнило пользу херсонскаго училища торговаго мореплаванія. Заведеніе это выпустило уже много достойныхъ молодыхъ людей, которые любятъ свое дѣло и, сколько я слышалъ отъ знающихъ моряковъ, прекрасно выполняютъ свои обязанности. Пожелаемъ же этому училищу дальнѣйшихъ успѣховъ, пожелаемъ

(*) Поводъ есть: воспитанники незнакомы съ коммерческими науками. См. статью г. Вейнберга о Херс. училищѣ, въ М. Сб. *Ред. М. Сб.*

увеличенія суммъ на хорошихъ учителей и скорѣйшаго и успѣшнаго ходатайства мѣстнаго начальства о постройкѣ зданія, потому что настоящее помѣщеніе и ветхо и неудобно, и не отвѣчаетъ своему назначенію.

Внизу на берегу еще уцѣлѣло мѣсто древнихъ доковъ, но все это уже изглаживается, и тутъ же купецъ Вайнштейнъ строитъ паровую мельницу.

За крѣпостью тянется большой форштадтъ, называемый *Военное*. Здѣсь кромѣ большаго госпиталя нѣтъ порядочныхъ зданій; все это малые домики, построенные отставными, которые, собравшись кое-какъ для устройства пріюта, живутъ себѣ небольшими средствами: кто пенсіономъ, кто промысломъ, кто тяжелой работой. Разумѣется, все это населеніе пользуется близостью Херсона, который, особенно въ навигаціонное время, кипитъ усиленною дѣятельностью и всякій трудъ оплачиваетъ дорогою цѣною.

На сѣнной площади, поближе къ безчисленнымъ вѣтрянымъ мельницамъ, разбросано нѣсколько оборванныхъ цыганскихъ шатровъ, обитатели которыхъ занимаются кузнечнымъ ремесломъ. Это крымскіе выходцы, народъ какой-то несообщительный, такъ что надо откровенно сказать, я не могъ успѣть хоть сколько нибудь ознакомиться съ ихъ бытомъ. Костюмъ они носятъ татарскій, и женщины ходятъ въ шальварахъ.

Близъ Николаевской заставы, между богоугоднымъ заведеніемъ, острогомъ и кладбищемъ, на зеленой лужайкѣ возвышается каменная колонна, обнесенная круглой оградой съ желѣзными рѣшетчатыми воротами. Если вамъ случалось читать, что въ Херсонѣ поставленъ памятникъ Говарду, то вы напрасно будете искать его въ городѣ, а поѣзжайте за заставу и остановитесь передъ описанной колонной. Она стоитъ на каменномъ пьедесталѣ. Вокругъ кѣмъ то посажены были деревья, но отъ неприсмотра или отъ другихъ причинъ, только иныя не принялись, другія изувѣчены и дернъ всегда изрытъ, вѣроятно животными. Впрочемъ и людьми не пощаженъ памятникъ другу человѣчества; какой-то безсовѣстный господинъ нашелъ дикое удовольствіе исказить надпись, передѣлавъ по своему буквы, какъ видно, весьма острымъ орудіемъ. Такъ напримѣръ вмѣсто Говардъ стоитъ *Повардъ*, цифры увеличены прибавленіемъ ненужныхъ цифръ. На лицевой стороны сдѣланъ силуэтъ филантропа

и вокругъ написано: болѣнъ быхъ и исцѣлисте мене, въ темницѣ быхъ и посѣтисте мене. Въ низу: Іоанъ Говардъ, умеръ въ 1759. На пирамидѣ подъ силуэтомъ солнечные часы; справа написано: omnia salvum fecit, а слѣва: propter alios vixit. Но не думайте, что памятникъ этотъ поставленъ надъ прахомъ Говарда. Другъ человѣчества похороненъ верстахъ въ четырехъ оттуда, на хуторѣ Гонаропуло, какъ говорятъ, по его собственной просьбѣ передъ смертью. Объ этомъ упоминается и въ Херсонскихъ губ. вѣдомостяхъ 1852 г., въ статьѣ г. Негрескула, которая между прочимъ не проливаетъ никакого новаго свѣта на почтенную личность Говара. Покрайней мѣрѣ изъ нея мы ничего не узнаемъ о пребываніи въ Херсонѣ этого знаменитаго филантропа, за исключеніемъ свѣдѣнія, что онъ ѣздилъ въ деревню Констадіуса и, простудившись на возвратномъ пути, заболѣлъ. Мнѣ впрочемъ разсказывали, что дѣйствительно онъ ѣздилъ въ Фалѣевку, лечить г-жу Констадіусъ, но заболѣлъ не отъ простуды, а заразившись тифомъ, отъ котораго и умеръ. Какое свѣдѣніе достовѣрно—не берусь рѣшать, но во всякомъ случаѣ и иностранные источники грѣшатъ противъ истины, потому что смерть его приписываютъ чумѣ, и несправедливо говорятъ, что онъ умеръ между Херсономъ и Николаевомъ (*). Домикъ въ которомъ жилъ Говардъ, сохранился и до нынѣ, хотя конечно личностть благороднаго англичанина извѣстна весьма немногимъ. Да у насъ какъ то еще и дико для большинства встрѣчать памятникъ филантропу. Въ послѣднее пребываніе въ Херсонѣ на ѳоминой недѣлѣ ходилъ я на кладбище посмотрѣть какъ православный людъ поминаетъ родственниковъ, и насмотрѣвшись на разныя неприличныя сцены, забрелъ къ памятнику Говарда замѣтить надписи. У пирамиды стояла почтенная барыня прекрасно одѣтая, возлѣ нея очень хорошенькая молодая дѣвушка, а мальчикъ лѣтъ 14 въ щегольскомъ пальто съ хлыстикомъ, разбиралъ надпись.

— Поваръ родился и проч.

— Что же это за Повардъ? спрашивала барыня: развѣ у васъ въ пансіонѣ не учатъ?

(*) Изъ послѣднихъ статей, составленныхъ по иностраннымъ источникамъ, лучшая помѣщена, въ сентябрской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ 1858.

— Помилуйте, мама, мы знаемъ всѣхъ замѣчательныхъ людей, но Поварда не слышали.

— Ну а ты М.... тоже не учила?

— Нѣтъ, и не слыхала.

— Странно! Видно, что иностранецъ, но нѣтъ ни чина, ни званія: должно быть купчишка какой нибудь.

Юноша прошелъ направо и бойко прочелъ: omnia salvum fecit.

— Ну а это что? спросила любознательная маменька.

— Это по латыни.

— Что же значитъ?

Юноша заикнулся было переводить, но увидѣвъ меня, незнакомое лицо, прошелъ на другую сторону, гдѣ тоже встрѣтилъ непріятную для него латинскую надпись. Въ это время я вынулъ свою записную книжку. Любознательная барыня не оставила и меня въ покоѣ, но прежде, какъ водится, по провинціальному обычаю, освѣдомилась пріѣзжій ли я, издалека ли и проч.

— Не знаете ли вы кто это такой былъ Повардъ? сказала она.

— Имя это исковеркано какимъ нибудь шалуномъ, а читать надобно Говардъ.

— Но кто онъ?

— Извѣстный филантропъ.

— Какъ вы сказали?

Я повторилъ.

— Первый разъ слышу. Чѣмъ же занимаются эти филантропы?

— Занятія ихъ очень обширны, но главная цѣль ихъ жизни любовь къ человѣчеству.

Барыня смотрѣла на меня во всѣ глаза.

— Но этотъ Говардъ побѣдилъ здѣсь кого нибудь?

— Нѣтъ, онъ осматривалъ тюрьмы, больницы, жилъ даже съ арестантами....

— Намъ бы хотѣлось, monsienr, начала дѣвушка мелодическимъ голосомъ, опуская глазки: чтобы вы объяснили подробнѣе....

Съ большимъ удовольствіемъ.

И я по возможности сдѣлалъ очеркъ Говарда по источникамъ.

— Не стоило же ему ставить памятникъ, глубокомысленно рѣшила маменька—это все заграничныя идеи.... Вотъ хоть бы

и теперешнее крестьянское дѣло, тоже говорятъ выдумали заграницей. Пойдемъ, дѣти. Благодарю васъ, сухо проговорила она.

Не мало мнѣ стоило труда узнать, гдѣ покоится прахъ Говарда. Большая часть тѣхъ, кто сообщалъ мнѣ указанія, не бывали у гробницы и давали самыя неудовлетворительныя свѣдѣнія. Наконецъ одинъ знакомый направилъ меня весьма просто.

— Поѣзжайте, сказалъ онъ, къ саду графа Витта, а садъ этотъ легко найти, потому что въ немъ одномъ только растутъ сосны. Не доѣзжая, увидите направо строеніе въ родѣ овечьяго загона—это и будетъ гробница Говарда.

Есть у меня въ Херсонѣ землякъ и пріятель, котораго я и уговорилъ ѣхать вмѣстѣ, во первыхъ воспользоваться чуднымъ весеннимъ днемъ, а во вторыхъ посмотрѣть памятникъ. Молодая травка ярко зеленѣла за заставой и воздухъ дышалъ тѣмъ неизобразимымъ ароматомъ, котораго не встрѣтите ни въ какое другое время года. Я началъ было предаваться безмятежному удовольствію, но пріятель обратилъ мое вниманіе на продѣлки откупа, и разумѣется восторгъ уступилъ мѣсто тягостному чувству. Представьте себѣ, что Херсонъ съ сухаго пути словно содержится въ блокадѣ: по крайней мѣрѣ на двадцати саженяхъ одна отъ другой вырыты землянки. Возлѣ каждой торчитъ клевретъ откупа съ желѣзнымъ прутомъ и не пропускаетъ ни одной повозки безъ того, чтобы не пощупать ее упомянутымъ орудіемъ, и ни одного пѣшехода, чтобы не осмотрѣть не несетъ ли корчемной водки. И если бы это дѣлалось по человѣчески, вѣжливо, а то съ грубой бранью, съ какими то звѣрскими пріемами. Вѣдь откупъ не есть власть, да и власть нигдѣ не допускаетъ грубости, а каждый проѣзжій или пѣшеходъ не суть претупники,—хотя и съ преступникомъ никто не имѣетъ права обходиться дерзко. Не мѣшало бы откупщикамъ замѣтить это для внушенія своимъ прислужникамъ, которые иногда выводятъ человѣка изъ терпѣнія. И если случается, что объѣздчиковъ бьютъ, то, повѣрьте, по большей части сами они виноваты. Можно осмотрѣть повозку самымъ тщательнымъ образомъ и не оскорбить проѣзжаго. Здѣсь надо кстати прибавить, что наши простолюдины, какъ огня, боятся этого осмотра, потому что бы-

ваетъ, объѣздчики искусно всунутъ бутылку съ водкой въ повозку, и послѣ съ бѣдняковъ дерутъ штрафъ. Впрочемъ крестьянинъ однимъ штрафомъ и не отдѣлается....

Но мы поспѣшили поскорѣе миновать кордоны и выѣхали въ чистое поле. Между екатеринославкой и николаевской почтовыми дорогами пошла небольшая проселочная дорожка, по которой мы и отправились отыскивать историческую гробницу. Не болѣе какъ въ трехъ верстахъ показался обширный садъ въ балкѣ, и темная зелень сосенъ и елей рѣзко отдѣлилась отъ зеленаго фона только что распустившейся молодой листвы. Вправѣ мы увидѣли что то въ родѣ загона впереди небольшаго хутора. Зданіе это состоитъ изъ четыреугольника, построеннаго изъ мѣстнаго камня, и не имѣетъ крыши, но заперто досчатыми воротами. Остоновясь возлѣ него, мы замѣтили у задней стѣны землянку и рѣшились адресоваться къ обитателямъ этого убогаго жилища за необходимыми свѣдѣніями. Явился сторожъ, одноглазый старикъ и засвидѣтельствовалъ, что мы дѣйствительно попали къ могилѣ Говарда. Онъ отперъ ворота. Надъ прахомъ Говарда сложено изъ камней возвышеніе въ ростъ человѣка, уступами, а въ головахъ поставлена небольшая колонна, на которой выбиты имя и годъ смерти и вырѣзано: *Ad sepulchrum stans quidquid est amici*, съ переводомъ: *Ктобъ ни былъ ты, здѣсь другъ твой скрытъ*. Мнѣ разсказывали о солнечныхъ часахъ, устроенныхън а этой колоннѣ, что и замѣтно, однако я ихъ не видѣлъ, потому что сторожъ снялъ доску и спряталъ въ землянку. Одноглазый старикъ оказался разговорчивымъ. Слово за слово, сидя на ступенькѣ, я началъ наводить старика на мысль не знаетъ ли онъ какимъ образомъ открыли гробницу Говарда, и онъ тотчасъ же удовлетворилъ мое любопытство. Это было очень просто. Могила лежала ничѣмъ не огражденная. Никто не зналъ что за человѣкъ похороненъ въ ней, но ходила молва, что съ покойникомъ зарыта была значительная сумма. Однажды какимъ то жителямъ хутора захотѣлось удостовѣриться въ справедливости преданія, и они начали подкапываться. Ихъ схватили и посадили въ острогъ. Выѣхалъ судъ. Мѣстныя власти рѣшили послать въ склепъ одного изъ благонадежныхъ поселянъ, который удостовѣрился бы собственными глазами, что сокровищъ никакихъ не скрыто въ могилѣ. Прорыли проходъ и въ склепъ полѣзъ одинъ изъ выбранныхъ добросовѣст-

ныхъ крестьянъ. Старикъ снималъ крышку гроба и видѣлъ покойника, покрытаго парчею, которая была еще не тронута, только на груди появились жирныя пятна; «мабуть лицарь зачинавъ тее», замѣтилъ разсказчикъ. Денегъ ни какихъ старикъ не видѣлъ, но говорилъ, что на пальцахъ у трупа были *сигнеты* (драгоцѣнныя кольца). Съ тѣхъ поръ могилу на-крѣпко обложили камнями. Интереснѣе всего участь сторожа. Бывшій въ Херсонѣ губернаторомъ генералъ Ильинскій, не задолго до своего отбытія, пригласилъ одноглазаго старика стеречь могилу Говарда, за что обѣщалъ ежегодное жалованье. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, однако по настоящее время сторожъ не получалъ ни копѣйки, о чемъ онъ самъ разсказывалъ мнѣ, убѣдительнѣйше прося исходатайствовать хоть сколько нибудь *на хлѣбъ*.

— Я уже просилъ и концура, прибавилъ онъ: обѣщаетъ, а все ничего не слышно.

Зная хорошо языкъ народа и привыкнувъ понимать иностранныя слова, которыя коверкаетъ простолюдинъ, я признаюсь сталъ въ тупикъ—какое это имя такъ передалъ мой собесѣдникъ.

— Ты говоришь концуръ? спросилъ я.

— Эжъ, концуръ, такій агличанъ....

Тутъ я только догадался, что дѣло шло объ англійскомъ консулѣ. Надобно кстати замѣтить, что Англія имѣетъ въ Херсонѣ консула, хотя британскія суда не заходятъ въ этотъ портъ, да и врядъ ли будутъ заходить когда либо, по случаю недостаточно глубокаго фарватера. Говорятъ, это очень образованный человѣкъ и принимаетъ большое участіе въ гробницѣ своего соотечественника, которую недавно также посѣщала госпожа Франклинъ. Сторожъ замѣтилъ впрочемъ, что онъ не можетъ говорить съ консуломъ, но что переводитъ одинъ господинъ, который тоже не чисто объясняется по русски.

—Можетъ быть оттого и жалованье не выходитъ, наивно прибавилъ онъ, почесывая затылокъ.

Бѣднякъ однакоже готовъ примириться съ мыслью, что прослужилъ даромъ пять лѣтъ и жалѣетъ лишь объ одномъ, что купилъ на свой счетъ замокъ, пришедшій въ совершенную негодность. Желая пособить старику, я справлялся у людей знающихъ это дѣло, и мнѣ сказали, что вѣроятно прежній губернаторъ *позабылъ распорядиться*. Но какъ хотите, а обстоя-

тельство весьма странное. Не я же одинъ посѣщалъ гробницу Говарда; не мнѣ же одному жаловался сторожъ, и въ теченіе столькихъ лѣтъ неужели не могла куда слѣдуетъ дойти жалоба старика, существующаго съ семьей въ жалкой землянкѣ. Желалъ бы отъ души, чтобы хоть моя статья подвинула дѣло сторожа, который, какъ видно, потерялъ уже всякую надежду получить вознагражденіе.

Въ Херсонѣ двѣ книжныя лавки, изъ которыхъ одна, принадлежащая Шаху, собственно библіотека для чтенія. Я вникалъ въ дѣла этой библіотеки и принужденъ вывести неутѣшительное заключеніе. У Шаха въ мѣсяцъ подписчиковъ всего отъ 40 до 50 человѣкъ—такъ еще въ Херсонѣ мало развита любовь къ чтенію. Положимъ, гимназія выписываетъ журналы, кое-что получаетъ уѣздное училище, нѣкоторыя присутственныя мѣста тоже имѣютъ нѣсколько періодическихъ изданій; но все это недоступно для постороннихъ, также какъ и клубные журналы и газеты могутъ быть читаемы одними лишь членами. Эти средства весьма недостаточны, если принять съ одной стороны небольшое количество журналовъ, а съ другой хожденіе NN по рукамъ высшихъ властей (говорю о присутственныхъ мѣстахъ). Въ клубѣ же такъ мало времени для чтенія, что едва достаетъ его для пересмотра какой нибудь газеты. Казалось бы, что библіотека Шаха должна была восполнять недостатокъ въ средствахъ для чтенія людямъ, которые лишены возможности пользоваться журналами присутственныхъ мѣстъ и клубовъ; но на дѣлѣ выходитъ иначе. Шахъ получаетъ болѣе 20 періодическихъ изданій, изъ которыхъ преимущественно въ расходѣ самыя слабыя, а серьезные журналы разрѣзываются только на отдѣлѣ бельлетристики и изрѣдка критики, но послѣднее,—какъ я узналъ случайно,—по воспоминаніямъ о литературной лѣтописи прежней библіотеки, о которой до сихъ поръ сохранилось преданіе, что «читая критику, можно было вдоволь насмѣяться». Впрочемъ, если публика наша предпочитаетъ черезъ чуръ легкое чтеніе, въ этомъ винить ея не слѣдуетъ, но нельзя не упрекать за отсутствіе любви къ чтенію. Въ губернскихъ захолустьяхъ не рѣдкость и въ настоящее время слышать: «я ничего не читаю, потому что занятъ», или: «не стоитъ читать! все это пишутъ знаете, такія, вещи, что дѣвушкѣ нельзя позволить», или: «журналы у насъ очень дороги, поневолѣ не выписыва-

ешъ». Но все это фразы, ни къ чему не ведущія и только прикрывающія нравственное безсиліе, скупость, мраколюбіе и т. п. милыя качества. Многосложныя занятія, которыя отымаютъ у человѣка все свободное время, суждены весьма и весьма немногимъ, а большая часть чиновнаго человѣчества предается послѣ-обѣденному неумѣренному сну, вечеромъ же посвящаетъ весь свой досугъ зеленому полю. Упрекать литературу за неприличіе—такой іезуитскій пуризмъ, такое нелѣпое обвиненіе, о которомъ не слѣдовало бы и упоминать, если бы не вело къ тому одно вопіющее обстоятельство. Въ провинціальныхъ городахъ, за весьма рѣдкими исключеніями, общество заражено если не сплетнями, то непремѣнно пересудами, и таже матушка, которая говоритъ, что неприлично позволить двадцатилѣтней дочери прочесть «Тысячу душъ» или «Асю», торжественно при шестнадцати и пятнадцатилѣтнихъ дѣвушкахъ разсказываетъ какъ прокурорша цѣловалась съ казенныхъ дѣлъ стряпчимъ или, о ужасъ, она сама видѣла какъ сѣдой нечестивецъ полиціймейстеръ въ корридорѣ обнималъ молоденькую горничную. Этого мало, родители, осуждающіе современную литературу—за свободныя выраженія, не стѣсняются торговать молоденькими дочерьми, разумѣется на законномъ основаніи. Я иначе не могу назвать какъ самымъ постыднымъ торгомъ браковъ, гдѣ сѣдое, отжившее сластолюбіе соединяется съ цвѣтущею молодостью, въ которой преждевременно убиваютъ всѣ благородныя побужденія и развращаютъ молодое сердце жаждою къ роскоши, соблазняютъ возможностью беззаботно швырять чужія деньги. И подобная маменька, успѣвшая милыми своими убѣжденіями развратить морально дочь, вмѣняетъ еще себѣ въ заслугу что пристроила дѣтище, разсуждая въ простотѣ души, что, обманувъ и Бога и общество, она сняла съ себя всю отвѣтственность, когда осѣнила дочь вѣнцомъ законнаго брака. Что же касается до третьяго обвиненія—дороговизны журналовъ, то эта фраза, подобно предшествующимъ, не имѣетъ никакого основанія. Дѣйствительно, книги у насъ дороги, хотя мы уже видимъ попытки удешевить нѣкоторыя изданія; но можетъ ли нѣсколько высокая цѣна удержать человѣка отъ стремленія къ образованію? Шляпка на одинъ сезонъ стоитъ 25 руб., блестящія бездѣлки, украшающія столъ или этажерку, поглощаютъ много денегъ, а люди со средствами весьма ограничен-

ными бросають же въ годъ на это не одну сотню рублей. Между тѣмъ выписать журналовъ на 50, даже на 25 р. считается чистымъ раззореньемъ. Господинъ, играющій ежедневно въ преферансъ по копѣйкѣ, при несчастьи проигрывающій постоянно, все же можетъ недосчитаться въ мѣсяцъ 50 цѣлковыхъ. Но онъ платитъ и продолжаетъ проигрывать, а не дастъ и 10 руб. въ годъ на выписку хоть одного періодическаго изданія. Есть еще одинъ классъ враговъ литературы, которые говорятъ:

—Что мнѣ изъ книги, прочиталъ и бросилъ, а библіотеки завезти не въ состояніи.

Но это классъ не весьма многочисленный, большинство же не читаетъ не изъ скупости, а собственно не видитъ въ этомъ никакой необходимости.

Клубовъ два, изъ которыхъ дворянскій открытъ четыре раза въ недѣлю, а купеческій ежедневно,—но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ не бываетъ большаго числа посѣтителей. Въ дворянскомъ существуетъ стѣснительное постановленіе, въ силу котораго живущія въ Херсонѣ лица должны записываться непремѣнно въ число членовъ, а при этомъ цѣна билета весьма значительна. Небогатому человѣку значитъ пресѣченъ путь заходить въ клубъ почитать газетъ и журналовъ, которыхъ, если не ошибаюсь, 12, а именно: Отечественныя Записки, Библіотека, Современникъ, Русскій Вѣстникъ, Русское Слово, Полит. Эконом. Указатель, С. П. Б. Вѣдомости, Инвалидъ, Русская и Французская Иллюстраціи, Искра, Le Nord и Одесскій Вѣстникъ. Кабинетъ для чтенія могъ бы привлекать молодыхъ людей, если бы клубныя власти уничтожили во первыхъ правило, о которомъ упомянуто выше, и во вторыхъ не брали бы съ гостей полтинника за входъ, что конечно стѣснительно для недостаточнаго человѣка. Танцовальные вечера въ этомъ клубѣ отличаются необыкновенною кратковременностью: дамы пріѣзжаютъ къ десяти часамъ, а въ полночь танцы кончены. За то мужчины въ эти дни остаются долѣе обыкновеннаго, потому что не платятъ штрафа.

Къ одному изъ лѣтнихъ развлеченій г. Херсона принадлежитъ ожиданіе по вторникамъ парохода изъ Одессы. Къ пяти часамъ огромное общество всѣхъ сословій и возрастовъ собирается на пароходной пристани и подъ жгучими лучами солнца разноцвѣтная толпа волнуется (за тѣснотой можно дѣлать толь-

ко самое небольшое движеніе) и высматриваетъ, кому только можно, появленіе черной полосы дыма изъ за Потемкина острова. Эту весну видѣлъ я на пароходной пристани огромнѣйшую толпу народа, именно когда ожидали пріѣзда генералъ-губернатора. Съ утра Херсонъ оживился, т. е. по улицамъ, ведущимъ отъ пароходной пристани къ дворянскому дому, полиція суетилась, подметала мостовыя и занималась битьемъ простонародья, которое, не зная о распоряженіи, осмѣливалось ѣхать или даже итти по подметеннымъ улицамъ. Какъ нарочно это случилось въ праздникъ, и толпы чернорабочихъ съ Привоза съ пѣснями довѣрчиво вступали на заповѣдное пространство. Мгновенно умолкали пѣсни, будочники устремлялись на веселую компанію и угощали ее кулаками, пинками, тасканьемъ за волосы. Тутъ же разъѣзжалъ одинъ изъ частныхъ приставовъ и когда бѣдняки жаловались ему на такое самоуправство, велѣлъ ихъ же брать въ полицію, объясняя добрымъ людямъ, что уже за однѣ пѣсни съ нихъ слѣдуетъ по 25 р. сереб. штрафа. И не одинъ рабочій, порядкомъ исколоченный предварительно, повлеченъ былъ въ часть, за то что прогулялся съ пѣснью по выметенной и политой улицѣ. Видѣлъ я впрочемъ мелькомъ, что изъ за угла около собора иной бѣднякъ съ всклоченными волосами уходилъ поспѣшно безъ всякаго уже сопровожденія къ пристани, въ сторону, противоположную отъ полиціи. Вѣроятно будочники отпускали его изъ человѣколюбія. Впрочемъ, когда вечеромъ пріѣхалъ генералъ-губернаторъ, его встрѣтили одни веселыя, подобострастныя лица и порядочная публика; улицы были подметены безукоризненно, даже нѣкоторые заборы подбѣлены, такъ что часть города на цѣлыя сутки приняла нѣкоторымъ образомъ приличный видъ и свидѣтельствовала о неусыпной бдительности мѣстныхъ властей. На бульварѣ собралась большая толпа и туземный оркестръ заигралъ, хоть и пропустивъ благопріятную минуту, какой то торжественный маршъ.

Изъ этого бѣглаго очерка читатель видитъ, что Херсонъ не представляетъ ничего замѣчательнаго. Какъ губернскій городъ онъ совершенно не у мѣста не только по страшному удаленію отъ центра, но и по нахожденію своему въ уголкѣ между Тавріею и лиманомъ. Какъ торговый городъ, онъ, не смотря на всѣ благопріятныя обстоятельства, не обстроился хорошо, не создалъ самостоятельной коммерціи, а если въ послѣдніе

годы пріобрѣлъ нѣсколько новыхъ капиталовъ, то этимъ обязанъ военному времени, которое многимъ способствовало, какъ говорится, составить фортуну. Нельзя даже ручаться и за его будущность, потому что съ развитіемъ пароходства и съ устройствомъ ѳеодосійской желѣзной дороги, онъ даже перестанетъ быть складочнымъ пунктомъ верховыхъ товаровъ, и за нимъ останется одна лѣсная торговля. Конечно это очень важная отрасль коммерціи, но Херсонъ могъ бы имѣть тогда только значеніе, когда бы здѣсь купечество наше занялось постройкой торговаго флота, иначе и лѣсное дѣло, мало по малу, начнетъ ускользать отъ херсонцевъ.

Мнѣ кажется, теперь, съ уничтоженіемъ военныхъ поселеній, губернскій городъ могъ бы съ успѣхомъ быть открытъ въ Елисаветградѣ, какъ потому, что послѣдній не весьма удаленъ отъ центра, такъ еще и потому, что въ немъ множество казенныхъ зданій, которыя будутъ продаваться по весьма низкой цѣнѣ, а въ Херсонѣ присутственныя мѣста нанимаютъ для себя помѣщенія. Каждому болѣе или менѣе предстоитъ необходимость посѣтить губернскій городъ, а теперь обыватель, живущій на границѣ Кіевской губерніи, долженъ ѣхать въ Херсонъ верстъ за 500, разстояніе не всегда удобное для переѣзда. Выводъ присутственныхъ мѣстъ изъ Херсона ни коимъ образомъ не можетъ способствовать его паденію. Херсонъ своей, хоть небольшой, хоть посреднической торговлей будетъ держаться на одной степени, помому что для торговаго сословія губернскія присутственныя мѣста не могутъ служить особеннымъ содѣйствіемъ. Правда, горожане потерпятъ, лишась извѣстнаго количества жильцовъ, но для этого не должна же казна нести убытки, а цѣлая губернія терпѣть неудобства. Нужны только условія для развитія коммерціи, а средоточіе губернской власти не приведетъ города въ цвѣтущее состояніе. Кременчугъ уѣздный городъ, а былъ гораздо лучше Полтавы, не смотря, что въ послѣдней очень много было возведено казенныхъ зданій и жилъ малороссійскій генералъ-губернаторъ. И уже въ послѣдствіи поправила Полтаву ильинская ярмарка, переведенная изъ Ромна.

Я и позабылъ сказать, что въ темныя ночи Херсонъ освѣщается—не спиртомъ и наконецъ не масломъ, но болѣе допотопнымъ способомъ, какого еще мнѣ не приходилось встрѣчать. Въ фонари вставляются здѣсь обыкновенныя сальныя свѣчи, ко-

торыя и мерцаютъ до тѣхъ поръ, пока нагорѣвшая свѣтильня отъ тяжести не наклонится и не стопитъ свѣчку, или пока разсчетливый полицейскій служитель не вынетъ этой свѣчки для частнаго употребленія. Полиція вообще въ самомъ жалкомъ состояніи, а городское хозяйство, какъ и вообще въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, не можетъ похвалиться своимъ благосостояніемъ. Къ безпечности полиціи можно отнести огромное количество собакъ, блуждающихъ по городу, особенно въ ночное время, такъ что въ сумерки опасно ходить по городу.

ГЛАВА V.

Мало-знаменка. Эксъ-Становой. Древности. Знаменка. Мамайсурка. Нравы и обычаи. Старообрядцы. Винодѣліе. Масляница. Крестянинъ Голубовъ и его процессъ. Имѣнія Штиглица. Старикъ Хвостенко и его разсказы. Большая Ляпатиха. Панскіе Каиры. Заводовка. Горностаевка. Софіевка. Каиры. Старикъ. Каховка. Ярмарка. Корсунскій монастырь. Козачьи лагери.

Слѣдуя по лѣвому берегу Днѣпра, мы остановились на селеніи Мало-знаменкѣ, какъ называютъ офиціально, въ народѣ же именуемомъ Каменкой. Оно раскинулось по берегу Конки, почти у впаденія послѣдней въ Днѣпръ и немного наискось противъ Никополя, который на крутой горѣ, и въ особенности издали, представляется порядочнымъ городкомъ. Каменка считается важнымъ пунктомъ, потому что здѣсь значительная лѣсная торговля, въ которой однакоже главную роль играетъ екатеринославскій купецъ Ловягинъ, извѣстный читателямъ изъ прежнихъ моихъ описаній. Здѣсь лѣсъ продается значительно уже дороже, нежели въ Благовѣщенскѣ и Александровскѣ, а вокругъ разбросаны огромныя селенія, жителямъ которыхъ необходимъ лѣсной матеріалъ какъ для построекъ, такъ и вообще для разныхъ хозяйственныхъ потребностей. Лѣсныя пристани расположены по нагорному берегу Конки и большими ярусами бревенъ и досокъ свидѣтельствуютъ о значительномъ потребленіи этого товара, хотя лѣсоторговцы единодушно жалуются на застой торговли. Впрочемъ я давно уже перестаілъ вѣрить жалобамъ въ этомъ родѣ, оттого что привыкъ видѣть на дѣлѣ совершенно противное. Пытался я было собрать числовыя данныя относительно каменской лѣсной торговли, но долженъ былъ на первыхъ же порахъ отказаться отъ своего желанія, встрѣтивъ въ торговцахъ какой-то ужасъ при моихъ вопросахъ, и изъ полиціи получивъ тѣ свѣдѣнія, которыя она сообщаетъ своему начальству,—свѣдѣнія, нисколько не выражающія дѣйствительнаго оборота. Какой ни-

будь любознательный новороссійскій статистикъ не преминетъ сообщить публикѣ цифры, собранныя чрезъ полицію и выведетъ весьма почтенныя разсужденія, а потому я и не принимаю грѣха на свою душу.

Населеніе Каменки относится къ концу прошлаго столѣтія и состоитъ, за исключеньемъ нѣсколькихъ малорусскихъ семействъ, изъ великоруссовъ—какой губерніи не могъ я добиться, потому что нашъ крестьянинъ вообще не знаетъ ни своей генеалогіи ни, исторіи. «Баютъ, что изъ подъ Чернаго лѣса» вотъ и всѣ свѣдѣнія. Это значитъ изъ Херсонской губерніи, гдѣ есть и Черный лѣсъ и великорусскія деревни. Впрочемъ каменцы всѣ православные, хотя, какъ говорятъ, они не весьма давно оставили старые обряды. Надобно имъ однакоже отдать справедливость: церковь у нихъ не только хорошо украшена, но для деревни даже великолѣпно. О живописи я не скажу ни слова, потому что не только въ деревняхъ, но и въ городахъ она у насъ почти одинакова. Стараніемъ священника, который немало хлопоталъ и объ украшеніи церкви, составляется порядочная пѣвческая изъ школьниковъ, находящихся также подъ непосредственнымъ его начальствомъ, и въ этомъ случаѣ каменцамъ могутъ позавидовать другія деревни, гдѣ на клирасѣ всю обѣдню поетъ одинъ лишъ дьячекъ, иногда престарѣлый и лишенный голоса.

Въ Каменкѣ проживаетъ достаточно вольныхъ матросовъ, которые нигдѣ не подвергаются такому сильному притѣсненію какъ здѣсь, не смотря на повсюдную нетерпимость обществъ къ ихъ сословію. Если можно сдѣлать какую нибудь несправедливость вольнымъ матросамъ;—она сдѣлана если есть уловка отказать въ самой законной просьбѣ—навѣрно будетъ отказано; наконецъ были примѣры, что мѣстныя власти требовали отъ вольныхъ матросовъ обратнаго перехода въ сословіе крестьянъ государственныхъ имуществъ. Покрайней мѣрѣ изъ тѣхъ жалобъ, какія удавалось мнѣ выслушивать отъ вольныхъ матросовъ по всему Днѣпру, нигдѣ не видѣлъ я такого произвола въ отношеніи къ нимъ какъ въ Каменкѣ. Въ этомъ можно удостовѣриться: стоитъ только обратить на ихъ жалобы вниманіе, не то начальничье вниманіе, оканчивающееся или ничѣмъ или переговорами съ чиновничествомъ другихъ вѣдомствъ; но вниманіе порядочнаго человѣка, обязаннаго помочь бѣдствующимъ и бѣдствующимъ несправедливо.

Здѣсь жилъ, и я еще засталъ его—одинъ знаменитый господинъ, равнаго которому трудно отыскать въ губерніи—это бывшій становой приставъ Б........ Замѣчателенъ онъ не тѣмъ, что изъ ничего сдѣлалъ большое состояніе—мы видимъ, что многіе какъ-то умѣютъ ловко пріобрѣтать на службѣ,—но изумительною храбростью своею, съ которою онъ совершалъ такія дѣла, изъ которыхъ каждое, взятое на выдержку, въ состояніи было бы подвести подъ судъ кого угодно. И говорить нечего, что этотъ господинъ, живя въ торговомъ селѣ, умѣлъ обдѣлывать свои дѣлишки; но онъ преимущественно занимался ловлею по всему стану воровъ вообще и конокрадовъ въ особенности. Эти промышленники при всей изворотливости и тонкости не могли ускользнуть отъ бдительнаго становаго пристава, который грозою носился съ одного края своихъ владѣній до другаго и внезапно появлялся тамъ, гдѣ менѣе всего его ожидали. Пойманные воры непремѣнно подвергались заключенію въ становой квартирѣ, и чѣмъ важнѣе былъ преступникъ, тѣмъ богаче жители наряжались для его караула. И тутъ-то предстояла обильная жатва ловкому администратору: караульные приносили дань за избавленіе отъ непріятной обязанности, а воры само-собою, на извѣстныхъ условіяхъ, откупались отъ наказанія. Приставъ пріобрѣлъ между послѣдними такую популярность, что каждый изъ нихъ, если уже приходилось ловиться, считалъ особеннымъ счастьемъ попасться именно ему, а не другому чиновнику. Становой даже оказывалъ экспертамъ особое довѣріе: если у иныхъ оказывалась сумма, далеко недостаточною для удовлетворенія справедливаго требованія начальства,—приставъ отпускалъ ихъ на слово и, говорятъ, рѣдко бывалъ обманутъ. Онъ долго что-то благоденствовалъ, съ тѣмъ вмѣстѣ пользуясь репутаціею исправнаго чиновника, пока наконецъ не пришло время поплатиться за излишнее усердіе въ пользу своего кармана. Въ окрестности появился и началъ сильно пошаливать извѣстный воръ и грабитель Дремлюга. Извѣстенъ онъ конечно не вездѣ, благодаря любви нашей къ молчанію, но тѣмъ не менѣе Дремлюгу боялись во всѣхъ степныхъ уѣздахъ Таврической и отчасти въ Екатеринославской губерніяхъ. Не знаю уже какъ угораздило его попасться становому Б......, который впрочемъ, я сказалъ уже, былъ необыкновенно искусенъ въ поимкахъ подозрительныхъ людей всякаго рода. Засадили Дремлюгу подъ крѣпкій караулъ, при-

*

ставъ даже заковалъ его..... но послѣ облегчилъ—и въ одну прекрасную ночь разбойникъ скрылся. Извѣстность ли Дремлюги, какъ человѣка, производившаго значительные грабежи, молва ли о его богатствахъ, затаенныя ли какія мысли были причиною—не знаю, но только послѣ этого подвига становой отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Хоть онъ умѣлъ подвергнуть отвѣтственности караульщиковъ, однако носятся слухи, что его собственое участье въ побѣгѣ Дремлюги не подлежитъ никакому сомнѣнію. Теперь этотъ господинъ живетъ себѣ домкомъ, разводитъ рогатый скотъ и ведетъ, какъ говорятъ, значительную торговлю хлѣбомъ, употребляя для этой операціи жидковъ и между тѣмъ надувая ихъ самымъ нецеремоннымъ образомъ. Одинъ изъ послѣднихъ, сочтя меня за важное лицо, подалъ мнѣ прошеніе на эксъ-становаго, объ утайкѣ господиномъ Б.... кажется двухъ тысячъ рублей серебромъ, которые слѣдовали ему по условію. Опытные люди говорятъ, что судъ надъ становымъ можетъ тянуться очень долго, чему уже бывали неоднократные примѣры, особенно если подсудимый мастеръ писать отвѣты, подкрѣпляя ихъ достаточными доказательствами.

Верстахъ въ двухъ отъ деревни, какъ разъ при впаденіи Конки въ Днѣпръ, существуетъ казенная переправа, содержимая крымскимъ солянымъ правленіемъ—на одномъ изъ важныхъ чумацкихъ трактовъ. Она называется никопольской переправой, но смотритель живетъ на таврическомъ берегу, гдѣ устроенъ также наплавной мостъ чрезъ Конку и сохраняются разные припасы. Объ этой переправѣ можно бы поговорить подробнѣе, но какъ она по слухамъ должна отойти въ частныя руки и тѣмъ болѣе какъ она въ дѣйствіяхъ своихъ очень сходна съ бериславской, то я считаю за лучшее обойти ее молчаніемъ.

Отъ переправы къ деревнѣ и вправо до потока, чрезъ который устроенъ мостъ по дорогѣ въ Знаменку, версты на двѣ квадратныхъ тянется песчаное поле, покрытое холмами, измѣняющими свою форму при сильныхъ вѣтрахъ, которые взметаютъ песокъ и распоряжаются имъ по своей необузданной волѣ. На всемъ этомъ пространствѣ виднѣются кучи битаго черепья красной глины, разбросанныя кости и попадаются стрѣлы или лучше сказать металлическіе наконечники, которыми вооружались стрѣлы. Объ этихъ засыпанныхъ развалинахъ идутъ разные толки, доказывающіе однакожъ, что ученые несогласны между собою

о ихъ происхожденіи, а по неимѣнію данныхъ трудно сказать что нибудь положительное. Жители здѣсь поселены весьма недавно, и я знаю одного старика, пришедшаго въ числѣ первыхъ поселенцевъ, который очень хорошо помнитъ мѣстность какъ она была въ концѣ прошлаго столѣтія. Песчаное поле было тоже что и теперь и никакихъ строеній на немъ не было; но обломки, принятые мною за черепья битой посуды (преимущественно кувшиновъ), не что иное какъ украшенія или балясы заборовъ, которые торчали еще обрывками въ разныхъ мѣстахъ стараго городища. Но по словамъ того же старика и другихъ пожилыхъ людей, тамъ замѣтны еще были слѣды мостовыхъ, а протокъ, на которомъ теперь мостъ,—былъ обдѣланъ камнемъ въ формѣ канавы, очень глубокой. Канаву эту старики помнятъ въ особенности потому, что за нее доставалось имъ отъ родителей. Бока у нея были необыкновенно круты, такъ что если-бы кому случилось упасть, то уже вылѣзть не представлялось никакой возможности, и за игру мальчишекъ возлѣ канавы наказывали, а они, не смотря на строгія мѣры, любили сидѣть на берегу, спустивши ноги въ канаву. Послѣ сильныхъ вѣтровъ и теперь еще на мѣстѣ городища попадаются иногда мѣдныя и золотыя монеты и обломки золотыхъ украшеній. Но, говорятъ, не такъ давно было найдено множество монетъ и дорогихъ вещей, изъ которыхъ часть досталась прежнему смотрителю переправы, а другая попалась въ руки экс-становаго пристава, который золото передѣлалъ на разныя разности. Достовѣрно только, что лучшими и рѣдкими экземплярами не воспользовалась наука.

Жители Каменки съ нѣкоторыхъ поръ начали заниматься садами и разводятъ съ успѣхомъ отличныя фруктовыя деревья. Судоходствомъ не занимаются совсѣмъ, а рыболовство у нихъ небольшое, да и то лучшія ловли отданы на откупъ. Нѣкоторые поселяне имѣютъ на Днѣпрѣ пловучія мельницы и ставятъ ихъ на самомъ фарватерѣ, отчего бываютъ столкновенія съ плывущими судами и возникаютъ жалобы судохозяевъ, невозбуждающія однако-же ничьего вниманія. Вообще надобно замѣтить, что у насъ судоходная полиція, я говорю о Днѣпрѣ, находится весьма въ младенческомъ состояніи. Дѣломъ этимъ завѣдуетъ обыкновенно путейскій офицеръ, дистанція котораго тянется на безконечное число верстъ; кое-гдѣ живетъ на берегу унтеръ-офи-

церъ изъ евреевъ, и я предоставляю вамъ судить каковъ долженъ быть вообще успѣхъ по этой части.

Верстахъ въ семи, за Бѣлозерскимъ лиманомъ, лежитъ огромное селеніе Знаменка, растянувшаяся на нѣсколько верстъ по излучистому нагорному берегу Конки, которая снова вышла изъ Днѣпра у оконечности песчанаго поля и извивается въ плавняхъ. Селеніе все въ садахъ, особенно покрыта богатою растительностью отдѣльная почти возвышенность, называемая Мамайсурка. Объ этой горѣ и Бѣлозерскомъ лиманѣ носится въ народѣ весьма смутное преданіе, подробностей котораго напрасно я добивался и у Знаменцевъ и у окрестныхъ жителей. Преданія, какъ бы нелѣпы ни были, всегда имѣютъ какое нибудь основаніе; несмотря на самую волшебную завязку, было же что нибудь, внушившее разсказъ, переходящій въ далекія поколѣнія. Нынѣшніе знаменцы недавніе пришельцы и имъ сообщили преданіе, какъ говорятъ, жители Никополя, преимущественно Запорожцы, а между тѣмъ мы имѣемъ свѣдѣнія отъ человѣка, близко знавшаго Запорожцевъ, который разсказываетъ о немъ иначе (*). Недалеко отъ широкаго озера, называемаго лиманомъ, жила когда-то княжна Бѣлозерка, разумѣется неописанной красоты, о которой молва далеко носилась по свѣту. Въ числѣ по-

---

(*) . . . . . По оной рѣкѣ Бѣлозеркѣ, былъ славный старинный городъ, именуемый Бѣлозерка-жъ, который былъ построенъ отъ древняго народа франковъ, которые въ то время тутъ жили; а потомъ оный народъ вышелъ въ нѣмецкую землю. А по нихъ тамо имѣлася въ томъ городѣ владѣтельница прозываемая Бѣлозерская, и имѣла тутъ малое владѣніе. А какъ татарскій ханъ Мамай шелъ на Россію съ войною, то оная владѣтельница отъ страху Мамаева, оставила тотъ свой городъ и поселилась внизу Днѣпра по очаковской сторонѣ, о которомъ ниже упомянуто будетъ, а Мамай пришедъ оный городъ разорилъ. На оной же рѣчкѣ въ 736 г., отъ Россіянъ былъ построенъ ретраншаментъ съ редутами.» (Исторія о козакахъ Запорожскихъ, сочиненная отъ инженерной команды, изд. одес. об. ист. и др. 62).

Книжонка эта издана въ 1852 г. Авторъ ея инженеръ-подпоручикъ князь Иванъ Семеновичъ Мышецкій, находившійся въ Сѣчи съ 1736 по 1740 г. По моему мнѣнію она не заслуживаетъ относительно древностей никакого вниманія, потому что свѣдѣнія, сообщаемыя ею не только не вѣрны, но и перепутаны. Читатель помнитъ что говорилось недавно о городѣ Бѣлозерскѣ, построенномъ франками (генуэзцами, какъ замѣчаетъ г. Н. М въ примѣчаніи 83), а страницу назадъ въ параграфѣ 7 говорится: По оной же конской рѣкѣ, у самаго Днѣпра, имѣлся издревле городъ Самысъ, гдѣ была прежнихъ татарскихъ владѣльцевъ столица, и въ ономъ городѣ имѣлось 700 мечетей.» Это все одна и та мѣстность, о которой говорю и я при описаніи Каменки.

клонниковъ ея былъ какой-то царь Мамай, пришедшій съ войскомъ и ставшій на высотѣ близъ нынѣшней Знаменки. Искательство его не имѣло успѣха, и получивъ отказъ, онъ задумалъ овладѣть княжною съ боя и началъ стрѣлять по ея городу изъ пушекъ. Значитъ, дѣло происходило послѣ изобрѣтенія пороха. Но и здѣсь еще одно недоразумѣнье: слишкомъ велико разстояніе между двумя мѣстностями. Хитрая княжна, желая избѣжать плѣна, отправила къ Мамаю посольство съ изъявленіемъ покорности и обѣщаніемъ выйти за него замужъ. Это было подъ вечеръ. Счастливый Мамай, упоенный сладкими надеждами, задалъ пиръ своей арміи. А княжна, покровительствуемая ночью, посадила на корабли свое войско, подняла паруса и ушла по Днѣпру *вверхъ*, какъ говоритъ преданіе, такъ что когда по утру Мамай увидѣлъ свою оплошность и послалъ погоню, то княжны и слѣдъ простылъ. Нѣкоторые прибавляютъ, что городище и теперь еще служитъ притономъ нечистой силы. Здѣсь ли жила княжна-красавица или нѣтъ, но лиманъ называется Бѣлозерскимъ, и одна балка, впадающая въ него съ сѣвера, тоже носитъ имя Бѣлозерки, а значительная возвышенность у южнаго конца Знаменки зовется Мамайсуркой. На послѣдней насыпано нѣсколько кургановъ, но никакихъ слѣдовъ укрѣпленія или жилья незамѣтно, исключая впадины, гдѣ былъ старообрядческій монастырь, возникшій и упраздненный въ недавнее время. Нельзя пропустить безъ вниманія одного обстоятельства: на превосходной картѣ Родіонова упомянутый лиманъ названъ *Березовскимъ* и балка *Березовкой*. Явно что это ошибка, которая однакоже въ послѣдствіи можетъ служить источникомъ заблужденій.

Знаменка, въ которой считается около 3000 жит., населена одними старообрядцами, за исключеніемъ сотни семействъ малорусовъ, какъ извѣстно никогда невпадавшихъ ни въ какія ереси и расколы. Не помню гдѣ я читалъ, «что малорусы въ этомъ случаѣ выставляютъ себя несправедливо, ибо одинъ изъ важнѣйшихъ притоновъ раскола Черниговская губернія». На это должно сказать, что хотя и дѣйствительно въ Черниговской губерніи есть старообрядческія села: Еленка, Добрянка, Лужки, Воронки, Чуровичи, Клинцы и др. и что между старообрядцами скрываются раскольники разныхъ толковъ, однако все это населеніе *великорусское*, въ чемъ невѣрующіе и могутъ убѣдиться, даже проѣхавъ мимолетомъ на почтовыхъ. Послѣдній способъ

этнографическихъ замѣтокъ у насъ какъ-то въ ходу и до сихъ поръ критика была къ нему довольно снисходительна.

Знаменцы принадлежатъ къ числу старообрядцевъ, называемыхъ единовѣрцами. Можетъ быть для читателей, незнакомыхъ съ этимъ обстоятельствомъ, не лишнимъ будетъ сказать нѣсколько словъ о предметѣ, о которомъ хоть и есть специальныя сочиненія, однако врядъ ли прочтены многими эти книги. Вообще у насъ о разныхъ сектахъ существуетъ самое смутное понятіе, и мы привыкли называть раскольниками всѣхъ безъ изъятія людей, держащихся старыхъ обрядовъ. Въ тѣсномъ смыслѣ, конечно, всякое уклоненіе отъ прямаго пути, есть не что иное какъ расколъ, но уклоненія эти у насъ чрезвычайно разнообразны, и слово расколъ имѣетъ свое особое значеніе. Не буду входить въ историческія причины заблужденій, болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ, но замѣчу только, что заблудшіе братья наши, раздѣляются на два большіе отдѣла: поповщина и безпоповщина. Къ первому отдѣлу принадлежатъ старообрядцы, признающіе и чтущіе церковные уставы, только по древнимъ неисправленнымъ книгамъ, а второй подраздѣляется на множество сектъ, исчисленіе и подробное описаніе которыхъ, было бы здѣсь неумѣстнымъ. Старообрядцы, называемые старовѣрами, или, какъ говоритъ народъ, сталовѣрами, составляютъ единовѣрческіе приходы, неподчиняемые нашимъ благочиннымъ, но подвѣдомственные мѣстному эпархіальному начальству. Единовѣрцы ходятъ въ церковь, украшенную иконами стараго письма, снабженную старопечатными книгами, и имѣютъ своихъ особыхъ священниковъ, рукоположенныхъ нашими архіереями. Единовѣрчество это возникло въ недавнее время. Старообрядцы долго не соглашались, да многіе и теперь не соглашаются принимать священниковъ, полагая, что со временъ патріарха Никона православіе на Руси поколебалось. Поэтому старовѣры въ прежнее время (а нѣкоторые и доселѣ) старались доставать священниковъ изъ-заграницы, на томъ основаніи, что тамъ сохранилась вѣра въ томъ видѣ какъ она завѣщана отцами церкви. Но значительная часть старообрядцевъ принимаютъ священниковъ, воспитывавшихся въ нашихъ семинаріяхъ,—съ однимъ условіемъ, что послѣдніе служатъ по древнимъ книгамъ и исполняютъ всѣ обряды по старопечатному уставу; при этомъ онъ долженъ одѣваться въ старинныя ризы и соблюдать носовые напѣвы.

Въ домашнемъ быту старообрядецъ не отличается ничѣмъ отъ православнаго,—кромѣ того, что у него иконы древняго письма, непремѣнно на деревѣ, и что куреніе или нюханіе табаку онъ считаетъ страшнымъ грѣхомъ—служеніемъ антихристу. Знаменцы поступили въ число единовѣрцевъ, и хоть межъ ними есть закоренѣлые старики, которые не ходятъ въ церковь, но ихъ чрезвычайно мало, и они не только не имѣютъ послѣдователей, а сами уничтожаются мало по малу. Время оказало уже свое благотворное дѣйствіе, чему много способствовала терпимость начальства, конечно вслѣдствіе инициативы высшаго правительства. Покойный преосвященный Инокентій понималъ это дѣло какъ слѣдовало просвѣщенному и современному человѣку, и его кроткое правленіе принесло уже свои плоды въ знаменскомъ единовѣрческомъ обществѣ. Духъ насилія и нетерпимости, подъ вліяніемъ произвола чиновниковъ, не только не способствуетъ къ постепенному обращенію заблудшихъ, а напротивъ дѣлаетъ зло неисправимымъ, покрайней мѣрѣ на весьма долгое время. Обращеніе же силою и уничтоженіе часовень—не ведетъ ни къ чему: старообрядцы не ходятъ въ храмъ и остаются все таки съ прежними убѣжденіями. Я наблюдалъ въ Знаменкѣ за единовѣрцами и нашелъ уже въ нихъ нѣкоторыя значительныя перемѣны. Извѣстно, что употребленіе табаку у староверовъ считается чуть ли не самымъ ужаснымъ грѣхомъ, даже едва ли не сильнѣе нарушенія поста,—однимъ словомъ, оскверненіемъ въ высшей степени. А между тѣмъ въ Знаменкѣ молодежь преспокойно куритъ папиросы, разумѣется тайкомъ отъ родителей; но что интереснѣе—есть сами старики страстные нюхальщики, которые однакоже остерагаются другъ дружку и гдѣ нибудь въ уединеніи набиваютъ свои носы этимъ сатанинскимъ зельемъ. Конечно употребленіе табаку — обстоятельство само по себѣ ничтожное, но въ примѣненіи къ старообрядцамъ оно имѣетъ важное значеніе. Священники изъ молодыхъ стараются по возможности сближать свою паству съ здравыми понятіями, и знаменскіе старообрядцы нѣкоторымъ образомъ уступаютъ благоразумнымъ внушеніямъ. Во время моего послѣдняго пребыванія въ Знаменкѣ квартировалъ полкъ. Солдатамъ нужно было говѣть, и полковой священникъ служилъ въ единовѣрческой церкви, пользуясь даже коечѣмъ изъ утвари. Это уже значительный шагъ впередъ. Мнѣ кажется, что если бы и прежде слѣдовали системѣ терпимости,

сближеніе сдѣлалось бы болѣе доступнымъ. Вся разница въ нѣкоторыхъ неточныхъ выраженіяхъ, въ нѣсколькихъ обрядахъ,— и вотъ доказательство какъ недѣйствительны строгія мѣры. Отъ преслѣдованія произошли самые вредные расколы; но предѣлъ статьи не дозволяетъ распространяться объ этомъ предметѣ.

Знаменскіе жители преимущественно земледѣльцы, но многіе уже разводятъ прекрасные сады, какихъ, смѣло можно сказать, нѣтъ нигдѣ на Днѣпрѣ, даже въ мѣстахъ, одаренныхъ болѣе удобною почвою. Начало этого полезнаго дѣла положено семействомъ Поляковыхъ. Одинъ изъ нихъ ѣздилъ въ Крымъ и Бессарабію учиться уходу за виноградомъ, и благодаря его дѣятельности и доброму примѣру — теперь въ Знаменкѣ разведены прекрасные виноградники. У бр. Поляковыхъ превосходные сады, и я пробовалъ вино, котораго приготовляется около тысячи ведеръ въ годъ. Конечно вино это низкаго качества, но заслуживало бы во всякомъ случаѣ похвалы и поощренія. Между тѣмъ мѣстный откупщикъ употреблялъ всевозможныя продѣлки, чтобы помѣшать развитію новой промышленности и хлопоталъ о запрещеніи продажи знаменскаго вина, мѣшающей операціи откупа. Поляковы пріуныли было, зная могущество этого учрежденія; нѣкоторое время не смѣли продавать вина, но не смотря на всѣ усилія и ходатайство откупщика, никто не рѣшился дѣйствовать прямо противъ положительнаго закона. Все виноградное вино, выдѣлываемое въ Знаменкѣ, распивается на мѣстѣ, и поселяне находятъ его не только вкуснымъ, но и забирательнымъ. Виноградъ сбывается также на большомъ пространствѣ вмѣстѣ съ прочими фруктами: грушами, яблоками, абрикосами и вишнями. Изъ послѣднихъ славится такъ называемая *золотная вишня*, цѣна которой доходитъ иногда до 3 р. с. за пудъ. Плоды сбываются вверхъ: въ Никополѣ, Екатеринославлѣ, Кременчугѣ, иногда и дальше, а внизъ водою: въ Бериславѣ и Херсонѣ. Вообще садоводство даетъ хорошія выгоды хозяевамъ, которые кромѣ того оставляютъ много плодовъ для собственнаго потребленія, въ особенности сушатъ для зимы груши и сливы. Ежегодно подъ сады занимаются большія новыя пространства, и есть надежда, что лѣтъ чрезъ десять вся Знаменка покроется виноградниками и фруктовыми деревьями. И теперь уже это селеніе тонетъ въ зелени, а въ апрѣлѣ, когда цвѣтутъ сады,

представляетъ необыкновенно живописный уголокъ, но уголокъ, никогда не посѣщаемый проѣзжими, потому что здѣсь не пролегаетъ почтовая дорога.

Знаменцы сохраняютъ обычаи великорусскіе. Женщины одѣваются въ ситцевыя платья и сарафаны, подпоясываются на груди и покрываютъ головы цвѣтными платочками. Многія ходятъ въ короткихъ рубашкахъ. Мужчины носятъ кафтаны и поярковыя шляпы, и взрослые не брѣютъ бороды, что у старообрядцевъ считается также въ числѣ необходимыхъ добродѣтелей. Старовѣры и до сихъ поръ малоруса называютъ *скобленое рыло*. Молодежь по праздникамъ и вечерамъ собирается вмѣстѣ пѣть пѣсни, въ числѣ которыхъ попадается много хоровыхъ солдатскихъ и даже въ исковерканномъ видѣ романсы, распѣваемые въ барскихъ дѣвичьихъ и лакейскихъ. На масляницѣ у знаменцевъ проявляется чисто русская натура: я не говорю о пьянствѣ въ послѣдніе дни масляницы,—и малорусы умѣютъ выпить въ свое удовольствіе, но, начиная съ четверга и до полуночи въ воскресенье по улицамъ знаменки происходитъ самое шумное катанье. Здѣсь несутся и дѣйствительно удалыя тройки съ бубенчиками, и пары, и одноконки. Мнѣ однакоже не приходилось видѣть катанья въ саняхъ, а все это разъѣзжало по грязи, во время страшной распутицы, на колесахъ. Попадались и такъ называемые ряженые, но въ Знаменкѣ маскарадъ заключается или въ вывороченномъ тулупѣ, или въ соломенной шапкѣ, хотя и эти костюмы возбуждаютъ шумный крикъ одобренія. На тройкахъ катаются молодые парни, иногда дѣвушки, а зачастую тѣ и другіе съ веселыми пѣснями, размахивая платками и ухитряясь щелкать подсолнечниковыя сѣмячки—этотъ не дорогой десертъ русскаго человѣка. Случается также, что въ телѣгѣ, запряженной одной лошадью, сидятъ душъ двѣнадцать нарядныхъ дѣвушекъ съ красными довольными физіономіями, съ звонкой пѣснью, и плетясь по неволѣ шагомъ, провожаютъ масляницу съ твердымъ убѣжденіемъ, что онѣ тоже катаются. Въ такомъ случаѣ проносящіеся на тройкахъ парни, подшучиваютъ— и съ обѣихъ сторонъ сыпятся остроты, съ бойкихъ троекъ мимолетныя, — съ одноконки продолжительныя и часто довольно ѣдкія, хотя и недостигающія цѣли. Но интереснѣе всего ребятишки верхами, иной разъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, носящіеся съ одного конца улицы до другаго, а большая улица въ

Знаменкѣ не менѣе двухъ верстъ длиною. Иногда они строятъ что-то въ родѣ взводовъ, и съ гикомъ и крикомъ летятъ стремглавъ, угощая кляченокъ плетью, ногами, поводьями, догоняя телѣги или давая встрѣчнымъ дорогу. Только дряхлые старики и старухи не принимаютъ участья во всеобщемъ увеселеньи, но и тѣ, завернувшись въ шубы и не рѣдко держа на рукахъ внучатъ, сидятъ на заваленкахъ и ведутъ между собою рѣчь, вѣроятно о давнопрошедшемъ.

Мнѣ привелось провести въ этомъ году масляницу въ Знаменкѣ, и меня забавляло это неугомонное безпрерывное движеніе, которое, если не могло мнѣ доставить удовольствія, покрайней мѣрѣ разнообразило зимнюю мертвенную тишину деревни. Квартира у меня была порядочная, и несмотря, что я стоялъ у одного изъ старообрядческихъ аристократовъ, несмотря, что передній весь уголъ украшенъ былъ старовѣрческими иконами, передъ которыми постоянно теплились лампады, хозяева мои склонялись нѣкоторымъ образомъ къ прогресу. Одна стѣна украшена была чисто свѣтскими изображеніями, представляющими сцены эротическаго содержанія, воспроизведенныя дешевыми московскими литографіями; а пониже висѣлъ цѣлый рядъ модныхъ парижскихъ картинокъ, обдѣланныхъ какимъ нибудь аматеромъ въ бумажныя рамки. На комодѣ лежали: красивое изданіе Земная жизнь Іисуса Христа, с. преосвященнаго Инокентія, одинъ № Библіотеки для чтенія 1847 г. и новѣйшій пѣсенникъ. Признаюсь, мнѣ стало немножко совѣстно, когда я разложилъ свои вещи по пріѣздѣ и хозяйка вошла въ мою комнату, и совѣстно потому, что я раскрылъ ящики съ сигарами, которыя отсырѣли въ дурную погоду въ дорогѣ. Хотя конечно я имѣлъ въ виду курить, однако взглядъ, брошенный хозяйкой на сигары, заставилъ меня покраснѣть, какъ случалось краснѣть, когда бывало инспекторъ нашъ открывалъ присутствіе табаку въ студенческой квартирѣ. Хояйка моя оказалась однакоже особой нѣсколько эманципированной и обратила преимущественно вниманіе на книги, занимавшія весь диванъ, которыя выложилъ я изъ чемодана съ цѣлью отыскать какое то необходимое изданіе.

— А что, батюшка, чай книги-то у тебя все басурманскія?

— Есть грѣхъ, хозяюшка, возишь и басурманскія.

— Такъ. Чтожъ въ нихъ пользительнаго-то? Аль наши онѣ-

мечились, офранцузились? вѣдь я видала господъ, такъ знаю, что они не ступятъ, чтобъ не ломать языка.

— Языкъ-то ломать ломаютъ, а книги у насъ пишутся по нашему.

— Такъ зачѣмъ же тебѣ иностранныя?

— Нельзя и безъ нихъ.

— Такъ.

— Вѣдь не все же у насъ свое; примѣромъ и въ вашемъ быту покупаете же что нибудь заморское.

— Вѣстимо покупаемъ за грѣхи наши.

— Какой же тутъ грѣхъ! все сотворено намъ на пользу.

— Что и говорить. А табачище куришь, соколикъ?

— Грѣшенъ, хозяюшка.

— То-то. Не кури хоть въ переднемъ углу. Постъ находитъ, надо и о душѣ подумать. У насъ тоже завелось между молодыми и не дохнетъ иной молокососъ безъ сигарки.... Мы все видимъ, да сила солому ломитъ,—не то нонѣ время.

И старуха, взявъ съ комода нѣсколько чашекъ, съ поклономъ вышла изъ комнаты. Исключительное ли положеніе здѣшнихъ старовѣровъ, или дѣйствительно время начало брать свое, но столкновеніе съ знаменской хозяйкой не то, какое было у меня въ Орловской губерніи много лѣтъ назадъ, когда еще я служилъ въ военной службѣ. Помню, какъ послѣ долгаго томительнаго перехода, пришелъ я въ одну большую деревню. Меня вымочилъ дождикъ и я, перемѣнивъ платье и бѣлье, усѣлся на лавкѣ покурить въ ожиданіи обѣда. Хозяйка вбѣжала ко мнѣ какъ полоумная, бросилась къ переднему углу и начала срывать иконы, крестя и обдувая ихъ, съ проклятіями на антихриста, и вынесла образа въ изступленіи, пожелавъ мнѣ задохнуться отъ сатанинскаго зелья.

Въ Знаменкѣ народъ, сколько могъ я замѣтить въ разное время, трудолюбивый, и пьянство не состоитъ въ числѣ его неизбѣжныхъ качествъ. Кто и говоритъ, поселянинъ не прочь при случаѣ навѣдаться подъ значекъ (*), но на это есть свое

(*) Въ Новороссіи этимъ можно замѣнить извѣстное выраженіе «подъ елку». По отсутствію ели, мѣстные откупщики надъ питейными домами вывѣшиваютъ на шестахъ бѣлый флажекъ, который издали указываетъ любителю увеселительное заведеніе.

время. Изъ разговоровъ съ простолюдинами я вывелъ однакоже заключеніе, что они недовольны сельскимъ и волостнымъ начальствомъ. Въ какой мѣрѣ это справедливо—не знаю, но если всѣ въ одинъ голосъ выражаютъ неудовольствіе, мнѣ кажется, здѣсь не должно быть сомнѣнія въ какихъ нибудь весьма уважительныхъ причинахъ. Знакомые мои много мнѣ разсказывали о затаенныхъ прогонахъ, которые слѣдовали жителямъ за подводы, взятыя для надобностей военнаго времени. Говорятъ, что деньги эти высланы для раздачи жителямъ, но гдѣ и зачѣмъ они остановились, почему не достигли своего назначенія—объ этомъ развѣдывать я не имѣлъ ни времени, ни возможности. Любопытное есть лицо вь Знаменкѣ—крестьянинъ Никита Голубовъ, не собственно какъ личность чѣмъ нибудь замѣчательная—онъ умный расторопный мужикъ, какихъ много—но интересенъ собственно по своему процесу съ купцомъ Агарковымъ. Купецъ этотъ самовольно отнялъ у него 75 штукъ овецъ, кажется въ 1841 году, и несмотря на всѣ улики и свидѣтельства, дѣло до сихъ поръ не приведено къ окончанію. Для любопытныхъ прилагаю свѣдѣнія кому подавалъ Голубовъ прошенія:

1842 апрѣля 7, начальнику днѣпровскаго округа.
1842 мая 22, ему же.
1842 декабря 17, въ таврическую палату госуд. имуществъ.
1843 февраля 25, таврическому гражданскому губернатору.
1843 августа 15, ему же.
1845 января 12, ему же.
1845 января 12, мелитопольскому уѣздному стряпчему.
1846 февраля 3, мелитопольскому земскому суду.
1847 февраля 12, таврическому губер. прокурору.
1850 марта 23, ему же.
1852 марта 1, ему же.
1854 мая 6, ему же.
1858 февраля 13, таврическому гражд. губернатору.
1859 января 15, ему же.

Не правда ли, случай весьма назидательный, свидѣтельствующій о состояніи нашей юстиціи, особенно въ неизвѣстныхъ міру захолустьяхъ. Какъ ни говорите о недостаточности жалованья нашихъ чиновниковъ, о несовершенствѣ законовъ, а подобныя дѣла, какъ Никиты Голубова—и имъ нѣсть числа—свидѣтельствуютъ о вопіющихъ злоупотребленіяхъ, о неменѣе вопіющемъ равнодушіи

къ пользамъ ближняго, и наконецъ о печальномъ сознанiи, что въ приложенiи законовъ существуетъ произволъ, неподверженный строгой отвѣтственности. Если Агарковъ завладѣлъ овцами правильно, оставить ихъ въ его владѣнiи и обвинить Голубова; если послѣднiй правъ, заставить Агаркова возвратить овцы и наказать его за самоуправство. Но какимъ же образомъ тянуть дѣло 17 лѣтъ, упражняясь въ многосложной перипискѣ, подшивая къ нему разные отзывы, подводя статьи законовъ? Пусть самые жаркiе защитники нашей юстицiи скажутъ мнѣ только: на какомъ основанiи можно вести столь долго подобное дѣло, и я смирюсь предъ ихъ доводами. Я не адвокатъ Голубова, совершенно не знаю купца Агаркова, не знаю даже кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ; но мнѣ хотѣлось бы разъяснить хоть для себя: какимъ образомъ всѣ прошенiя Голубова, приняты, помѣченныя, переданныя куда слѣдуетъ для зависящаго распоряженiя, не могли до сихъ поръ не только подвинуть дѣло къ окончанiю, а даже не возбудили, по видимому, никакого дѣйствiя со стороны блюстителей правосудiя. Здѣсь главное не личность того или другаго изъ тяжущихся, но фактъ, совершаемый въ наше время, когда отъ всѣхъ только и слышишь громкiя слова: истина, добросовѣстность, честность и т. п.

Но пора въ дорогу. За селенiемъ на Мамайсуркѣ стоялъ монастырь, отъ котораго остались едва замѣтные слѣды; но онъ не уничтоженъ, а только переведенъ ниже къ Алешкамъ. Видъ отсюда превосходный. Здѣсь плавни принимаютъ необыкновенно широкiе размѣры, я полагаю не менѣе двадцати верстъ, и подъ группами тѣнистыхъ деревьевъ, перерѣзанныхъ протоками, взоръ различаетъ на противоположномъ берегу Покровское и Капуловку — два мѣста, памятныя въ исторiи Запорожья и описанныя мною въ Морскомъ Сборникѣ 1858. Слѣдуя по берегу надъ Конкой и миновавъ Знаменскую межу, вы вступаете на земли барона Штиглица, которому принадлежатъ четыре деревни сряду: Карайдубинъ, Ушкалка, Бабино и Рогачикъ. Послѣдняя эта деревня называется Панскiй Рогачикъ, для различiя съ огромнымъ казеннымъ селомъ того же имени, расположеннымъ въ степи на чумацкой дорогѣ. Четыре эти деревни не отличаются одна отъ другой ничѣмъ особеннымъ и потому во избѣжанiе повторенiй, я скажу о нихъ вообще, что удалось мнѣ замѣтить во время путешествiя. Я уже прежде, при описанiи праваго берега, говорилъ довольно подробно о состоянiи крестьянъ

барона Штиглица, и здѣсь придется сказать тоже самое, а именно, что нѣтъ ничего утѣшительнѣе какъ жить въ деревняхъ этого помѣщика, гдѣ на людей всегда смотрѣли и смотрятъ какъ на людей, и гдѣ души уважаются какъ человѣческія христіанскія души. Живутъ они вообще хорошо, можетъ быть даже лучше иныхъ казенныхъ, въ особенности тѣхъ, на чью долю выпадаютъ не слишкомъ чистыя личности окружныхъ начальниковъ. Пролетаріевъ, кажется, нѣтъ, ибо у барона Штиглица человѣку, обѣднѣвшему по какому нибудь несчастному случаю, оказывается помощь разными способами. У барона главное вниманіе обращено на овцеводство, хотя и хлѣбопашество въ довольно большомъ размѣрѣ. Нѣкоторые изъ жителей, слѣдуя примѣру знаменцевъ, начали разводить виноградъ, который растетъ успѣшно и обѣщаетъ новый источникъ доходовъ. Днѣпръ подходитъ здѣсь близко къ Бабиной и Ушкалкѣ; кромѣ того течетъ Конка, соединяясь съ Рогачицкимъ лиманомъ и кромѣ того въ плавнѣ множество озеръ и протоковъ. Рыбы много, и хотя экономія отдаетъ главныя мѣста, однако жители могутъ ловить для своего потребленія, чѣмъ они и пользуются, имѣя для всѣхъ постовъ необходимое подспорье. Противъ Карайдубина лежитъ островъ того же названія, принадлежащій Никополю, гдѣ устроенъ очень хорошій рыбный заводъ, содержимый на откупу никопольскимъ купцомъ Захарченкомъ. Немного пониже Днѣпръ круто поворачиваетъ вправо къ западу и идетъ къ херсонскому берегу, къ деревнѣ Гирламъ, образуя если не прямой, то не очень тупой уголъ, что и составляетъ такъ называемое *Кривое Колѣно*, столь страшное для судоходовъ, особенно въ малую воду. При самомъ лучшемъ попутномъ вѣтрѣ, верховомъ или низовомъ, дойдя до Криваго Колѣна, судно спускаетъ паруса и бросаетъ якорь, потому что лавировать нѣтъ никакой возможности, да и нельзя воспользоваться хоть частью вѣтра, ибо по берегамъ растутъ большія деревья. Случается, что на Кривомъ Колѣнѣ суда простаиваютъ недѣлю и болѣе. Тянуться бичевою не было обыкновенія, при томъ же весьма еще недавно приступлено къ очисткѣ бичевника по распоряженію путейскаго вѣдомства, и я не знаю прорублены ли деревья и въ настоящее время. У праваго берега Днѣпра, при крутомъ поворотѣ постоянно образуются мели. Пароходамъ вообще по этой рѣкѣ необходимо имѣть опытныхъ лоцмановъ—иначе могутъ

случаться непріятныя исторіи. Въ деревнѣ Бабиной живетъ чрезвычайно интересный старикъ Кузьма Хвостенко, которому, по его словамъ, болѣе 90 лѣтъ, и дѣйствительно событія, какихъ онъ былъ очевидцемъ, подтверждаютъ его преклонный возрастъ. Впрочемъ Кузьма еще бодръ, ходитъ довольно прямо, хотя, какъ признается, не можетъ уже пройти версты безъ того, чтобы не при сѣсть для отдыха. Какъ всѣглубокіе старики, Кузьма очень богомоленъ, часто посѣщаетъ Рогачикъ (въ одномъ этомъ селѣ есть только церковь) и смотря на жизнь съ тѣмъ убѣжденіемъ, что не сегодня. завтра долженъ ее покинуть. Зная это убѣжденіе и искреннюю религіозность старика, я съ тѣмъ большимъ вниманіемъ прислушивался къ его разсказамъ, увѣренный въ совершенной правдивости сообщенныхъ имъ фактовъ. По малорусскому обычаю, сперва онъ отдѣлывался лаконическими отвѣтами, дышавшими недовѣрчивостью; но впослѣдствіи мнѣ удалось заслужить расположеніе Кузьмы знаніемъ языка, нравовъ и обычаевъ, знаніемъ по исторіи того, чему онъ былъ свидѣтелемъ, а главное простотою въ обращеніи съ простымъ людомъ, что конечно передано было ему моими хозяевами. Хвостенко сдѣлался разговорчивъ, и его разсказы были для меня весьма любопытны. Жалѣю, что нельзя передать бесѣдъ этихъ цѣликомъ, такъ какъ онѣ выливались по малорусски, все равно—придется прилагать переводъ; а у старика слова необыкновенно своеобразны и нерѣдко попадаются энергическія народныя выраженія. Хвостенко съ отцемъ жилъ въ Капуловкѣ, которая тотчасъ по уничтоженіи Сѣчи какъ изъ земли выросла, и даже добре было сперва жить, но послѣ паны начали притѣснять народъ. Тогда еще по краю много *вешталось* Запорожцевъ, кто существовалъ *изъ копѣйки*, т. е. изъ припасенныхъ денегъ, кто сидѣлъ, по старому, зимовникомъ, а кто просто живился на счетъ ближняго. Но разбой или грабежъ послѣднихъ сѣчевиковъ нельзя было подвести подъ уровень обыкновенныхъ разбоевъ, потому что въ немъ таились начала особаго направленія. Подобный лугарь не жилъ собственно для пріобрѣтенія денегъ какимъ бы то ни было образомъ, но грабилъ съ разборомъ, преимущественно богатыхъ, да евреевъ, а бѣднымъ удѣлялъ непремѣнно, смотря по возможности. Это были особаго рода коммунисты, остававшіеся вѣрными своему принцу до послѣднихъ минутъ своего существованія. Воспитанный на преданіяхъ матери—

Сѣчи, первымъ закономъ которой была ненависть къ жиду и ляху, лугарь, при встрѣчѣ съ этими національностями, не задумавшись нападалъ на нихъ, убивалъ безъ пощады и обдиралъ до нитки, позволяя себѣ и жестокость и дикія издѣвки и все, что могло только притти въ голову необузданному и звѣрскому самоуправству. Купца изъ русскихъ грабилъ просто, дѣйствуя угрозами, и въ крайнихъ только случаяхъ, при сопротивленіи, употребляя оружіе. Съ болѣе же простыми дорожными онъ бывалъ снисходителенъ: возметъ хлѣба или другихъ съѣстныхъ припасовъ, у чумаковъ наберетъ рыбы, соли, потребуетъ немного денегъ и разопьетъ баклагу водки. Кузьма Хвостенко былъ уже *погонычемъ* (*), когда отецъ его задумалъ переселиться изъ помѣщичьяго села на вольныя земли и отправился въ Каменку, описанную въ началѣ этой статьи. Дѣло было осенью (вѣроятно послѣ Юрьева дня, когда крестьяне могли оставлять владѣльцевъ). Въ Каменкѣ старику не посчастливилось. Приближалась зима, крова для семьи никакого не было, и отецъ Хвостенка, прослышавъ, что въ Ушкалкѣ стояла пустая землянка, рѣшился оставить тамъ семейство, а самъ собрался удариться на развѣдки, ниже, въ Козачьи агери. Дѣствительно въ Ушкалкѣ нашлась хорошая землянка, оставленная какимъ то крестьяниномъ, перешедшимъ на вольныя земли, гдѣ старый Хвостенко, оставивъ жену и дѣтей, поѣхалъ въ Козачьи Лагери записаться въ тамошнее общество. Послѣднее обстоятельство не представляло никакихъ затрудненій, и счастливый отецъ семейства радостно спѣшилъ къ своимъ въ Ушкалку, гдѣ ожидала его однакожъ не весьма утѣшительная доля. Экономія князя Вяземскаго арестовала всю его *худобу* (собственно имѣніе, но иногда скотъ, и именно въ этомъ случаѣ надо принять послѣднее значеніе). Экономія держала худобу Хвостенка *около шести лѣтъ* подъ присмотромъ, *чтобъ онъ привыкъ и остался въ Ушкалкѣ*. Мѣра дѣйствительно достигшая своей цѣли. «Отъ тобі и перейшлы на вольні землі?» выразился Кузьма, ударивъ руками о полы своего кожуха. Интересенъ разсказъ его, какимъ образомъ укрѣпляли помѣщики крестьянъ, поселившихся на ихъ земляхъ подъ извѣстными условіями, основанными на взаимномъ договорѣ. И теперь крестьяне

(*) Погоничъ собственно погоняльщикъ воловъ у плуга. Если кто говоритъ *я уже бувъ погонычемъ*, этимъ опредѣляютъ возрастъ отъ 9 до 12 или 13 лѣтъ.

не знаютъ никакихъ правительственныхъ распоряженій, а въ ту отдаленную эпоху и подавно никому не было извѣстно о готовившейся отмѣнѣ вольнаго перехода. На Таврическомъ берегу, гдѣ помѣщики успѣли занять себѣ огромныя пространства въ лучшихъ мѣстахъ при водѣ, селились и бѣглые крестьяне, и военные дезертиры, и малорусскіе козаки, выходившіе по бѣдности и тѣснотѣ прежнихъ селищъ, и наконецъ мелкопомѣстные дворяне, которые, продавъ свои имѣнійца въ Малороссіи, шли въ степи разводить скотъ и заниматься земледѣліемъ, за самую небольшую плату мѣстнымъ владѣльцамъ. Вѣроятно, по стачкѣ съ уѣздными властями, и узнавъ заблаговременно о ревизіи, помѣщики хитро приступили къ дѣлу. Сзывать людей посемейно и записывать ихъ въ ревизію — казалось имъ неблагоразумнымъ, по весьма простой причинѣ, что крестьяне, смѣкнувъ, могли бы разойтись кто куда попало, а потому помѣщики записывали семейства, разспрашивая въ сосѣднихъ избахъ. Ревизскія сказки отправлены по назначенію, народъ ничего не зналъ, какъ вдругъ приходитъ извѣстіе, что гдѣ кто поселился, тамъ долженъ и оставаться и кромѣ того работать барщину. Крестьяне всполошились, не послушались, но какъ нашъ народъ уважаетъ законность, то, считая новый порядокъ притѣсненіемъ помѣщиковъ, отправили депутатовъ въ алешковскій судъ искать защиты. Въ Алешкахъ приказали выборнымъ возвратиться въ дома и ожидать судъ, который имѣлъ выѣхать. Между-тѣмъ паны настоятельно требовали работы и начали уже обращаться съ людьми не попрежнему. Наконецъ пріѣхалъ судъ, но въ сопровожденіи Доновъ (донскихъ козаковъ), которые не успѣли разсѣдлать коней, какъ пошли сгонять народъ и заперли въ кошары. Кругомъ поставили караулъ, а остальные Доны бросились въ плавни рѣзать лозу. Судъ между тѣмъ въ помѣщичьемъ домѣ гулялъ съ пѣснями, пляской, и бутылки летали за окошки. На утро судовые паны вышли къ народу и старшій велѣлъ стать всѣмъ по сословіямъ. Такъ всѣ и стали: дворяне къ дворянамъ, гетьманцы къ гетьманцамъ и т. д. Опять таки старшій панъ отозвался къ кружку дворянъ:

— Вы дворяне?

— Дворяне.

— Вы знали, что пишется ревизія; отчего не подавали прошенія на вольныя земли?

— Мы не знали.

— Хорошо. Слушайтесь же теперь пана и работайте ему панщину.

— Мы сами дворяне и не будемъ работать помѣщику.

— Вы не дворяне, а крестьяне. Такъ не хотите слушаться?

— Нельзя, мы сами дворяне.

— Гей, Доны!

Являлись Донцы, клали дворянъ и сѣкли ихъ безъ милосердія. Который покорялся, того отпускали, а который не покорялся, того сѣкли жестоко, отливая водою.

Дошла очередь до малорусскихъ козаковъ.

— Вы козаки?

— Козаки.

— Вы знали, что пишется ревизія, отчего не подавали прошенія на вольныя земли?

— Мы ничего не слышали, намъ панъ не сказывалъ, а записывалъ насъ обманомъ.

— Вотъ я вамъ дамъ обмана. Теперь вы крѣпостные, слушайтесь пана и работайте ему панщину.

— Мы люди вольные, царицыны, а пану работать не хотимъ.

Однакоже какъ задали имъ *сѣкуцію*, они покорились. Бѣглые крестьяне и дезертиры, видя, что *непереливки*, (*) согласились. Бѣглыхъ крестьянъ и старыхъ солдатъ оставили, а молодыхъ солдатъ попроводили въ Алешки.

— Такимъ то побытомъ вольные люди сдѣлались панскими! заключилъ Кузма. И вотъ мнѣ довелось слышать, что милосердый царь опять даруетъ намъ волю. Я можетъ быть и не дождусь, дѣтей у меня нѣтъ, такъ хоть дѣти дѣтей *покоштуютъ* что такое воля на свѣтѣ.

— Правда, дѣдушка, вы будете свободны. Но мнѣ кажется, у барона хорошо и крѣпостнымъ.

— О, поддержи его Богъ на свѣтѣ; панъ, какихъ не найдешь, что и говорить.... А воля!....

И старикъ покачалъ головою.

Такъ вотъ какъ прививалось въ Тавріи и вѣроятно во многихъ мѣстахъ Новороссіи, крѣпостное право, за которое сильно

(*) Дѣло плохо.

ратовали многочисленные поклонники старины и даже нѣкоторые изъ нихъ не стыдились провозглашать печатно, что «крестьяне—ближайшая ихъ семья, божескими и человѣческими законами ввѣренная ихъ попеченію». Крѣпостное право конечно пало безвозвратно, разныя ухищренія иныхъ представителей привилегированнаго сословія не приведутъ къ желанной цѣли—уничтожить рабство на бумагѣ, а на дѣлѣ оставить ту же барщину и ту же личную зависимость; но любопытно и для будущаго сохранить память о томъ, какими средствами дѣды наши пріобрѣтали себѣ крестьянъ въ концѣ XVIII столѣтія. О фактахъ, подобныхъ описанному, доводилось мнѣ слышать въ разное время, но болѣе какъ о предположеніяхъ, основанныхъ на теоріи вѣроятностей, или какъ о преданіи, исказившемъ уже нѣкоторымъ образомъ событіе; но когда разсказалъ мнѣ это очевидецъ и такой разумный, славный старикъ какъ Кузьма Хвостенко,—я твердо убѣжденъ, что во многихъ мѣстахъ дѣло происходило подобнымъ образомъ.

Хвостенко мнѣ говорилъ также, что на его памяти было еще около Бабиной татарское кладбище, надгробные памятники котораго долго служили метеріалами для разныхъ построекъ.

За Рогачикомъ пересѣкаетъ мѣстность большая балка Чернечья, чрезвычайно каменистая, въ верховьяхъ которой, какъ говорятъ, есть пещера, и гдѣ по преданіямъ былъ какой-то монастырь, но когда—никому неизвѣстно. Переправившись еще чрезъ двѣ балки Голую и Пуцину, вы въѣдете въ селеніе Малую Ляпатиху или въ Лепетиху, какъ называютъ оффиціально. При подобныхъ разногласіяхъ я принимаю сторону народа и держусь мѣстныхъ названій. Малая Ляпатиха основана въ началѣ столѣтія выходцами изъ Курской, Полтавской и преимущественно Черниговской губ. Селеніе замѣчательно только тѣмъ, что все построено изъ камня, начиная отъ домовъ до заборовъ и самаго послѣдняго сарайчика, чему много способствуетъ глубокая балка Пуцина, изобилующая камнемъ. Отъ смѣшенія нарѣчій говоръ образовался немного странный для непривычнаго уха, но замѣтно преобладаетъ акцентъ черниговскій, утратившій впрочемъ свое двоегласное о (уо).

Рыболовствомъ здѣсь очень мало занимаются, но земледѣліе и скотоводство даютъ порядочные доходы.

Верстахъ въ десяти ниже лежитъ огромное село Большая Ляпатиха, жители которой состоятъ изъ велико и малоруссовъ, и

хотя Днѣпръ подходитъ здѣсь прямо къ деревнѣ, Однако въ Ляпатихѣ нѣтъ никакого судоходства. Встрѣчая подобное обстоятельство, на такой большой судоходной рѣкѣ какъ Днѣпръ, можно только заключить, что сюда собралось разнородное населенiе изъ степныхъ мѣстъ: я нахожу подтвержденiе этой гипотезы въ томъ, что лучшiе рыбаки произошли непремѣнно отъ прирѣчныхъ выходцевъ. Къ Ляпатихѣ пристаютъ лодки, но жители ея не имѣютъ ни одного суденышка, да и грузитъ хлѣбъ здѣсь единственный торговецъ еврей, онъ же и содержатель обывательской почты. Какъ-то грустно смотрѣть на село, кажется съ 3000 жителей, у котораго Днѣпръ подъ бокомъ, прямое сообщенiе съ Одессой, хлѣба вдоволь, есть капиталы значительные для крестьянскаго быта, и никакого даже зародыша промышленности. Пусть земляки мои—малоруссы медленны во всемъ и держатся крѣпко дѣдовскихъ обычаевъ, но здѣсь довольно и великоруссовъ—племени промышленнаго: отчего же этотъ застой, эта мертвенная тишь?....

О Большой Ляпатихѣ старики разсказываютъ, что она прежде была господская, помѣщика Шуазеля, но со смертью господина, оказавшагося совершенно безъ всякихъ наслѣдниковъ, отошла въ казну. Здѣсь же Конка падаетъ въ Днѣпръ.

Невдалекѣ лежитъ селенiе Панскiе Каиры или какъ называется официально Князь-Григорьевка г. Рахманова. Мѣсто грустное, не по своему положенiю, ибо надъ Днѣпромъ нѣтъ некрасивыхъ мѣстностей, но я не знаю отчего оно наводило на меня безотчетную тоску. Господскiй садъ воздѣлывается порядочно и заведенъ уже виноградникъ, доставляющiй вино довольно низкаго качества; но у крестьянъ, какъ водится, нѣтъ никакихъ деревьевъ, исключая кое-гдѣ торчащихъ акацiй. Рыболовство незначительное. Люди вообще бѣдны и не могутъ похвалиться бытомъ, по случаю стѣсненiя отъ экономiи, имѣющей въ виду собственно лишь пользу владѣльца—обычай, конечно существующiй и во многихъ другихъ имѣнiяхъ. Есть крестьяне, у которыхъ какъ выражаются малоруссы, и *кiшки нема у хатi* (нѣтъ и кошки въ избѣ), чѣмъ доказывается крайнее убожество, и какъ носится слухъ, вообще обхожденiе съ людьми весьма негуманно. Не доѣзжая селенiя, противъ балки Широкой, Конка снова вырывается изъ Днѣпра и течетъ уже особо до самой Каховки.

Переѣхавъ балки Каирку и Вербовую, встрѣчается селеніе Заводовка князя Кочубея. Помѣщичье хозяйство хорошо устроено, есть небольшое рыболовство, начали заводить виноградъ. Но крестьянамъ чуть ли не хуже чѣмъ въ Панскихъ Каирахъ, покрайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ можно основаться на поговоркѣ: «гласъ народа, гласъ Божій». Помѣщикъ самъ не живетъ здѣсь, а прикащикъ пользуется въ окрестности нехорошей репутаціей. Хотя впрочемъ единственный разъ, когда я адресовался за лошадьми въ экономію, мнѣ было оказано полное гостепріимство, но во первыхъ это было вслѣдствіе генералъ-губернаторскаго открытаго листа, а во вторыхъ во владѣльческихъ экономіяхъ дѣлаются всегда распоряженія объ угощеніи проѣзжихъ. Можетъ быть меня даже сочли чѣмъ нибудь важнѣе становаго. Въ разныхъ концахъ деревни заходилъ я въ избы выкурить сигару, купить молока, попросить изготовить какое нибудь незатѣйливое блюдо, и однажды только попалъ на хозяина, который живетъ еще кое какъ, а остальные изнурены работой и отягощены до чрезвычайности.

Изъ Заводовки дорога тянется по берегу, по большей части по оврагамъ и косогорамъ, надѣляя путешественника толчками. И вотъ наконецъ вы переѣзжаете огромную балку, называемую *Сапатая*, за которой лежитъ большое казенное село Горностаевка. Здѣсь живутъ великоруссы и малоруссы, поселившіеся въ началѣ столѣтія. О названіи села носятся въ народѣ два преданія. Иные говорятъ, что названо оно такъ по случаю близости окопа, сдѣланнаго генераломъ Горностаевымъ, а другіе, что когда осадчій (Гаврилко) спрошенъ былъ въ Симферополѣ каково новое мѣсто, выбранное подъ село, то онъ отвѣчалъ: «тамъ только водиться горностаямъ», и будто бы отъ этого произошло подобное наименованіе. Старики впрочемъ утверждаютъ, что новое село долго еще называлось Сапатою, по имени значительной балки, о которой упомянуто выше. Жители занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ. Оба племени, по возможности, держатся своихъ обычаевъ и твердо сохранили свои нарѣчія. Но малыя дѣти говорятъ уже какимъ то смѣшаннымъ языкомъ, и между послѣдними во время споровъ вырываются выраженія: кацапъ! хохолъ! Мазепа! Я замѣтилъ однакоже, что въ Горностаевкѣ кабакъ усерднѣе посѣщается жителями, чѣмъ въ другихъ деревняхъ; покрайней мѣрѣ сколько я ни бывалъ здѣсь,

у дверей питейнаго заведенія всегда сидѣла толпа, и по разговорамъ видно было, что добрые люди не безъ цѣли заходили къ цѣловальнику. Не относясь никогда къ чиновнымъ простолюдинамъ за свѣдѣніями, потому что вообще всѣ эти старшины, соцкіе и писаря выводятъ меня изъ терпѣнія своимъ раболѣпствомъ, я избираю для бесѣдъ своихъ какого нибудь селянина, которой не видѣлъ бы во мнѣ чиновника. Послѣдній разъ проѣзжая чрезъ Горностаевку, я разговорился съ однимъ малоруссомъ, который, по своему добродушному виду и веселой улыбкѣ, казался мнѣ пріятнымъ собесѣдникомъ.

— Скажи пожалуйста, началъ я послѣ разныхъ разностей объ урожаѣ, рыбной ловлѣ и т. п.,—вы ничего не слыхали о тѣхъ селахъ, которыя дали зарокъ не пить водки?

— Какъ не слыхать—слыхали.

— Кто же вамъ сказывалъ?

— Да цѣловальникъ сказывалъ.

— Быть не можетъ! Самъ цѣловальникъ?

— Да вотъ на прошлой недѣлѣ. Мы зашли съ кумомъ да застали тамъ свата Матвѣя и еще кацапа Еремку....

— Изъ чего же зашла рѣчь?

— Да видите ли, я похвалилъ водку. Точно у насъ водка и забираетъ, и невонючая, какъ у другихъ, и таки правду сказать—нѣтъ лучше ни въ Каирахъ ни въ Ляпатихѣ.

— Ну?

— А цѣловальникъ и говоритъ: вѣдь вотъ, ребята, примѣромъ нашъ откупщикъ старается, несетъ убытки и ужъ какъ радѣетъ добрымъ людямъ, да и другіе стараются точно также. «Ну нѣтъ, перебилъ кумъ Степанъ, хоть бы и въ Ляпатихѣ, чортъ знаетъ что за водка».—«Бываетъ, молвилъ цѣловальникъ: ну, да безъ этого нельзя Вотъ, братцы, начали проявляться безбожные люди, которые зарѣкаются не пить водки, да не только сами не пьютъ, а и другихъ вводятъ въ грѣхъ!»—Какъ, спросилъ опять таки кумъ Степанъ: не пить водки никогда?»—«Не пить и баста».—«Чтожъ они пьютъ?»—«А ничего, такъ и пропадаютъ какъ собаки».—Ужъ подлинно сабаки, сказалъ кацапъ Еремка».—«Такъ видите ли, заговорилъ цѣловальникъ, если Боже сохрани и у насъ проявится такой антихристъ, то заплевать ему глаза».—«И въ расправу потащить, отозвался кумъ Степанъ—это ни на что не похоже».—«То то же, сказалъ

цѣловальникъ: вы, братцы, не слушайте, если кто станетъ вамъ говорить богопротивныя слова».—«Еще бъ мы послушались, отозвался я, да скорѣе мы откажемся отъ хлѣба, чѣмъ отъ *нее*. А вамъ случалось видѣть такихъ людей, что не пьютъ водки, спросилъ меня мой собесѣдникъ,—или это только разсказываютъ?

— Видѣлъ и не одного, отвѣчалъ я, принимая ложь на душу, потому что по моей дорогѣ нигдѣ не попадались вновь появившіяся общества трезвости.

— Чтожъ, ихъ начальство принуждаетъ?

— Боже сохрани! сами они добровольно отказываются.

— Такъ стало быть они величайшіе дурни! И таки цѣлое село?

— Цѣлое село какъ есть.

— Ну, а какъ же они, если сойдутся въ расправу по какому нибудь мірскому дѣлу—и тутъ не пьютъ?

— Нѣтъ.

— А на крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ?

— Не пьютъ.

— Такъ это быть не можетъ.

Здѣсь я началъ подробно разсказывать моему новому знакомому все, что зналъ объ обществахъ трезвости, и упомянулъ о такихъ, гдѣ крестьяне сговорились не пить собственно въ кабакахъ, но дома употребляютъ по чаркѣ, по другой во время семейныхъ торжествъ, или праздниковъ. Трудно было обратить подобную натуру, какъ мой собесѣдникъ, и если подумать, что бѣднякамъ не только никто не растолкуетъ о вредѣ отъ пьянства, но еще станутъ всѣми силами поддерживать пьянство, то не скоро трезвость привьется къ нашимъ простолюдинамъ. Я однакоже попытался (прошу извиненія у откупщиковъ) еще побесѣдовать съ интереснымъ Горностаевцемъ.

— Почему бы вамъ лучше не пить вина или пива?

— Вино дорого, а пива у насъ нѣтъ, да этимъ и ненальешся.

— Вино совсѣмъ не дорого, а гораздо дешевле водки. Да развѣ же ты непремѣнно пьешъ для того, чтобы валяться по улицѣ?

— Когда глотаешъ чарку, то никогда и въ голову не приходитъ, что будешъ словно свинья лазить подъ плетнями, а тамъ когда разберетъ—чортъ знаетъ гдѣ и сила пропадаетъ

изъ ногъ. Извѣстно, пьешь для того, чтобъ зашумѣло въ головѣ. Ну, а у васъ какъ пьютъ? вдругъ спросилъ онъ меня и прищурилъ глаза.

— Пьютъ сколько слѣдуетъ.

— Да вы купцы?

— Купцы.

— А откуда?

— Изъ Черноморіи.

— Такъ вы говорите, купцы пьютъ по немногу! Нѣтъ, видѣлъ я какъ въ Каховкѣ пьютъ купцы, только держись. А паны, на что паны,—и тѣ не оставляютъ на донышкѣ. Ей Богу, иной *набражится* куда хуже нашего брата и на ногахъ не устоитъ и языкомъ не ворочаетъ, такъ что смѣшно смотрѣть, а все командуетъ. Не хотите ли, сходимъ, я васъ *почастую* (попотчую).

— Благодарствуй, я не пью да мнѣ и некогда.

— Только полштофика. Вы мнѣ понравились.

— Не могу, право некогда, спѣшу въ Каховку.

— Жаль, а вы полюбили бы нашего цѣловальника, славный *чоловъяга* (увел. отъ сл. человѣкъ.

Послѣ того я взялъ себѣ за правило вездѣ бесѣдовать съ крестьянами о трезвости, и если бы свесть всѣ мои бесѣды по этому случаю, можно бы напечатать цѣлый томъ самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ, какъ многія лица, имѣющія вліяніе, стараются внушить народу, что мысль о трезвости не только мысль дикая и нелѣпая, но даже вредная для общественнаго спокойствія.

Изъ Горностаевки, отправляясь по берегу, вы переѣзжаете балку Широкую и потомъ предъ вами покажется большая группа вѣтряныхъ мельницъ. Это огромное казенное село Каиры. Читатель помнитъ, что недавно попадалась уже намъ деревня этого имени. Старожили говорятъ что казенные Каиры въ прежнее время назывались *западными*, а панскіе *мечетскими*, нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣднихъ сохранились остатки мечети (*). Западные же Каиры получили названіе оттого, что

(*) Вотъ что встрѣчается въ Исторіи о козакахъ запорожскихъ кн. Мышецкаго:

19) Рѣка Мечетная Каирь разстояніемъ отъ Сухой 20 верстъ. Теченіе имѣетъ

стоятъ словно въ западнѣ. Здѣсь все малоруссы, преимущественно изъ Полтавской губерніи. Изъ числа первыхъ поселенцевъ я знаю одного старика-выходца изъ Кобелякскаго уѣзда, который былъ пѣвчимъ въ Полтавѣ, еще во времена генералъ-губернаторства князя Куракина. Онъ расказывалъ, мнѣ о пирахъ и обѣдахъ у тогдашнихъ вельможъ. По его словамъ, во всемъ было великолѣпіе, а *напитки* и *наѣдки* превосходили всякое вѣроятіе—«ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать». Но онъ и до сихъ поръ не можетъ понять одной странности: пѣвчихъ всегда заставляли пѣть *простыя мужицкія пѣсни*.

— Какіе мы знали концерты, панскіе припѣвы—просто на чудо; нѣтъ, велятъ пѣть *Грицѧ*, *Сагайдашаного*, *Ой за гаемъ, гаемъ* и разную простоту, что парубки и дівчата поютъ на улицѣ.

Рыболовство здѣсь незначительно, хотя и больше рыболововъ чѣмъ въ прочихъ селеніяхъ. Мнѣ разсказывали старики, что не такъ еще давно въ степи водилось большое число дикихъ лошадей. Впрочемъ, по всему лѣвому берегу Днѣпра, начиная отъ Знаменки, старожилы упоминаютъ объ этомъ обстоятельствѣ. Не больше какъ лѣтъ двадцать назадъ у каирскихъ поселянъ бывали дикія лошади, разумѣется пойманная жеребятами, но онѣ никогда не привыкали къ человѣку, а тѣмъ болѣе негодились въ упряжь. Объ этихъ дикихъ лошадяхъ разсказываютъ, что и теперь еще въ глухихъ степяхъ, гдѣ рѣже населеніе—попадаются въ небольшомъ количествѣ. Гдѣ они плодились—неизвѣстно, а видѣть ихъ можно было близь воды, куда проходили они для водопоя. Обыкновенно цѣлымъ табуномъ кобылицъ, на правахъ султана, завѣдывалъ жеребецъ, который, слѣдуя къ водопою и обратно, выскакивалъ всегда на курганы и зорко осматривалъ мѣстность. При малѣйшей опасности онъ угонялъ табунъ далеко въ степь съ неимовѣрною быстротою. Въ подобномъ косякѣ видали иногда лошадей въ хомутахъ, ибо дикій жеребецъ отбивалъ при случаѣ упряжныхъ кобылъ, которыя, бывъ опущены какимъ нибудь проѣзжимъ на пашу, удалялись отъ дороги.

изъ степи до Днѣпра 30 верстъ. На оной Мечетной, въ древніе годы, бывало городище и мечеть, татарскаго владѣнія.

20) Рѣка Западная Каирь, разстояніемъ отъ Мечетной 10 верстъ. Теченіе имѣетъ изъ степи до Днѣпра 30 верстъ (стр. 63).

Въ плавнѣ и теперь еще водятся дикія козы, но мнѣ самому видѣть ихъ не приходилось. Въ концѣ деревни въ плавнѣ замѣтны еще остатки турецкаго моста, о которомъ я упоминалъ при описаніи праваго берега, именно между Бизюковымъ монастыремъ и колоніей Клостердорфомъ. Недалеко врѣзывается въ долину Днѣпра балка Каирка.

Миновавъ небольшую деревеньку помѣщика Бѣлаго, замѣчательную лишь убожествомъ крестьянъ, ободранными избами, да дырявымъ мостомъ, черезъ который почти невозможно перебраться, вы чрезъ полчаса въѣзжаете въ селеніе Софіевку, принадлежащую г. Мальцову. Здѣсь невольно отдыхаешь душой, потому что по всей деревнѣ построены прекрасныя каменныя избы, внутри которыхъ проглядываетъ даже довольство. Сюда переведены великорусскіе крестьяне. Находя сбытъ въ низовьяхъ Днѣпра произведеніямъ своихъ заводовъ, г. Мальцовъ пріобрѣлъ это имѣніе съ цѣлью устроить здѣсь складъ желѣза, стекла, посуды, и принялся за дѣло съ свойственною ему предпріимчивостью. По берегу выстроенъ огромный красивый магазинъ, въ которомъ и помѣщаются всевозможныя произведенія его желѣзныхъ, хрустальныхъ и фаянсовыхъ заводовъ. Кромѣ того положено уже начало лѣсной пристани, какъ я слышалъ, въ видахъ удешевленія лѣснаго матерьяла, который вездѣ вокругъ продается по весьма высокой цѣнѣ. Предпріимчивый владѣлецъ хочетъ также держать здѣсь пароходъ, что конечно не представитъ ему большихъ издержекъ, принявъ во вниманіе собственныя средства для этого. Говорили мнѣ также, но я не выдаю за достовѣрное, что г. Мальцовъ предполагаетъ исходатайствовать разрѣшеніе на устройство переправы на ту сторону, прямо къ шведской колоніи, чтобы сократить чумакамъ путь и дать имъ возможность обойти каховскіе пески. Для этого нужно насыпать большія дамбы чрезъ плавню, что конечно представитъ большіе расходы,—а чрезъ Днѣпръ буксировать пароходомъ баржи или паромы. Не знаю, въ какой мѣрѣ справедливы слухи, но говорятъ, что помѣщикъ не предлагаетъ взимать съ чумаковъ никакой платы за переправу, въ томъ вниманіи, что если всѣ обозы направятся по этому пути, то онъ достаточно уже будетъ вознагражденъ покупкою чумаками разныхъ матеріаловъ, склады которыхъ устроятся въ Софіевкѣ. Разсчетъ довольно вѣрный. Если держать деготь,

веревки, разныя деревянныя издѣлія, нужныя чумаку, съѣстные припасы, табакъ, кое-что изъ одежи, и обувь, то проходъ 200 000 фуръ представитъ большую цифру потребителей. Чумакамъ же нельзя не воспользоваться во первыхъ сокращеніемъ пути, во вторыхъ обходомъ песковъ, а въ третьихъ даровымъ перевозомъ, который для простолюдина все таки имѣетъ свое обаяніе, если бы даже нужно было сдѣлать и лишній десятокъ верстъ. Но повторяю—все это одни слухи, для которыхъ у меня нѣтъ положительныхъ основаній.

Рыболовство здѣсь порядочное, и жители могутъ похвалиться добрымъ бытомъ, потому что ихъ не отягощаетъ владѣльческая экономія.

Изъ Софіевки по не весьма хорошей дорогѣ, перебравшись чрезъ крутой оврагъ, пріѣзжаете вы въ Сомову балку или Любимовку, какъ значится офиціально. Оврагъ называется Сомовой балкой, а потому и селеніе получило подобное названіе. Говорятъ, въ старину эта балка изобиловала водою и въ ней водилось множество сомовъ огромныхъ размѣровъ. Жители занимаются выжиганьемъ извести, на какой предметъ и устроено по балкѣ нѣсколько печей. Рыболовство въ самомъ жалкомъ видѣ, да и то мѣста для этого нанимаются у шведовъ, которыхъ плавни подходятъ къ самой Конкѣ, текущей вплоть у лѣваго берега днѣпровской долины. Жители также стѣснены отсутствіемъ топлива и пріобрѣтаютъ его или въ казнѣ или у сосѣднихъ помѣщиковъ.

Ниже, противъ Берислава, лежитъ богатое мѣстечко Каховка, принадлежащее помѣщику Куликовскому, съ хорошею пристанью и весьма развитою торговлей. Каховка на главномъ крымскомъ трактѣ и въ настоящее время важнѣйшій пунктъ собранія чумаковъ, слѣдующихъ въ Перекопъ и обратно. Читатель припомнитъ статью о Бериславѣ, въ которой говорится объ этомъ предметѣ. Владѣлецъ Каховки пріобрѣлъ пароходъ, во всю весну буксирующій на баржахъ чумацкіе обозы. Торговля мѣстечка усилилась по этому случаю въ ущербъ Бериславу, о чемъ тоже сказано мною въ своемъ мѣстѣ. Каховка походитъ на порядочный городокъ, чему много способствуетъ поселившееся здѣсь купечество, которое построило домы и магазины, заключивъ условіе съ владѣльческой экономіей. Не говоря о помѣщичьемъ домѣ и вообще обо всей усадьбѣ, есть весьма при-

личные домики по высокому берегу, вдоль котораго размѣщаются четыре лѣсныхъ двора, доставляющіе строевой матеріалъ далеко въ окрестности. Въ низу же гостинный дворъ и базаръ, гдѣ можно достать все необходимое, и гдѣ безпрерывно толпится народъ, потому что на пристаняхъ постоянно работаютъ множество пильщиковъ, преимущественно захожихъ изъ великой Россіи. Въ Каховкѣ есть почтовая контора и станція, и живетъ приставъ 2 стана Днѣпровскаго уѣзда, которому весьма много работы, особенно во время ярмарокъ (9 мая) Никольской и (1 октября) Покровской. Въ продолженіе всего времени путешествія по низовьямъ Днѣпра, мнѣ удалось побывать здѣсь лишь на Никольской ярмаркѣ, и признаюсь, я никакъ не могъ придполагать, чтобы въ мѣстечкѣ Таврической губерніи могъ быть такой огромный съѣздъ торговцевъ и еще съ предметами, на которые трудно разсчитывать большое число покупателей. За мѣстечкомъ, на площади, устроенъ большой гостинный дворъ съ разными подраздѣленіями, который занимается весь пріѣзжимъ купечествомъ, и кромѣ того по всѣмъ направленіямъ далеко въ степь устанавливаются торговцы, такъ что ярмарка, если считать окрестныхъ поселянъ съ возами, — занимаетъ нѣсколько квадратныхъ верстъ, наполненныхъ страшной суетой, гуломъ, говоромъ, крикомъ и вообще кипучей ярмарочной дѣятельностью. Въ такъ называемомъ панскомъ ряду вы найдете магазины изъ Одессы и Херсона съ утонченными предметами роскоши и послѣдней моды нарядами, и здѣсь то встрѣтите прекрасный полъ сѣверной Тавріи. Помѣщики вообще держатся въ центрѣ, возлѣ херсонскихъ лавокъ,на вывѣскахъ которыхъ кромѣ разныхъ товаровъ, значится—торговля иностранными винами. Тутъ же иногда, подъ легкимъ навѣсомъ, происходятъ шумныя и обильныя возлiянiя Бахусу, а дымъ отъ папиросъ знакомитъ ваше обонянiе съ запахомъ крымскаго и бессарабскаго табаку, который, какъ водится, купцы продаютъ за турецкiй къ радости покупателей и еще къ большему собственному удовольствiю. Я узналъ, что херсонскiе табачные торговцы привозятъ сюда весь остатокъ отъ своихъ запасовъ, который не могъ разойтись въ Херсонѣ.

Но публика панскаго рода немного занимала меня, я преимущественно отправлялся на сѣверный конецъ гостиннаго двора, гдѣ широкая улица трактировъ отдѣляетъ его отъ части чер-

ной ярмарки. Здѣсь отъ зари до зари и далеко за полночь не умолкаютъ пѣсни, не перестаютъ танцы подъ звуки иногда раздирательной, но всегда веселой музыки, подъ звонъ стекла и подъ этотъ, ни съ чѣмъ несравнимый гулъ отъ многочисленнаго люду, гулъ, подходящій нѣсколько къ гудѣнію пчелъ, если его слушать издали. Въ этихъ трактирахъ, огромныхъ холстяныхъ палаткахъ, собирается чрезвычайно разнообразная публика, и крымское вино и разбавленная водка ежеминутно поглощаютъ, мнѣ кажется, большую часть выручки тѣхъ, кто вступаетъ подъ тѣнь гостепріимныхъ заведеній. Покрайней мѣрѣ я не замѣчалъ, чтобы кто изъ посѣтителей пришелъ, выпилъ и тотчасъ же отправлялся къ своему мѣсту. Здѣсь на долго пресѣкается путь и нерѣдко мужикъ съ самой серьезной физіономіей, вступившій въ заведеніе, по видимому, съ цѣлью взглянуть что тамъ дѣлается и выпить косушку, долго державшійся въ кругу зрителей, мало по малу подвигается къ центру, теряетъ свою суровость и чрезъ нѣсколько минутъ, увлекаемый потокомъ веселья или одури, выбиваетъ трепака и вскидываетъ высоко на воздухъ неуклюжія подошвы своихъ чудовищныхъ сапоговъ. Случалось мнѣ видѣть, что къ подобному импровизированному гулякѣ подходила крестьянка съ сердитымъ выраженіемъ лица и старалась вытащить его изъ этого омута, высказывая не весьма утѣшительныя фразы, но чрезъ нѣсколько времени уже сама топталась на одномъ мѣстѣ подъ тактъ разудалой мелодіи, а потомъ неслась въ вихрѣ одуряющей пляски.

Въ эти трактиры съ утра приходятъ женщины, преимущественно молодыя, принадлежащія къ крестьянскому сословію, но по костюму подходящія къ категоріи городскихъ мѣщанокъ. Въ ихъ движеніяхъ, взглядахъ,—много двусмысленнаго. Какъ видно, между ними и содержателями заведеній заключенъ союзъ, потому что эти сирены неутомимо танцуютъ, начиная спозаранку. Добрый человѣкъ зашелъ выпить. Пропустивъ косушку, другую, онъ дѣлается впечатлительнѣе къ звукамъ музыки и съ большимъ интересомъ смотритъ на движенія (иногда не весьма скромныя) прекраснаго пола. Какъ не угостить танцовщицъ, а потомъ какъ не пуститься самому показать удаль. Народъ прибываетъ поминутно, толпа зрителей увеличивается, сирены смѣняются одна другою, и въ то время какъ однѣ сидятъ запыхавшись вокругъ стола и вкушаютъ откупной нектаръ въ обществѣ услужливыхъ

кавалеровъ, другія отплясываютъ для услажденія зрителей разные замысловатые танцы, и въ томъ числѣ польку. Но днемъ все это весьма обыкновенно и не стоитъ особеннаго вниманія. Вечеромъ зрѣлище гораздо интереснѣе. Кромѣ того, что разгулъ шумнѣе, что народу больше, здѣсь появляются и танцоры въ сѣрыхъ барашковыхъ шапкахъ съ бритыми головами, и нѣмецкіе колонисты въ суконныхъ картузахъ, съ бритыми физіономіями. Татары требуютъ національной музыки и упражняются въ одномъ углу, а въ другомъ подгулявшіе нѣмцы кружатся съ необыкновенно комическими движеніями. Иногда невольно или нарочно пьяный татаринъ очутится между колонистовъ и, ставъ на голову, выдѣлываетъ въ воздухѣ ногами затѣйливыя па; въ другой разъ проказникъ нѣмецъ заберется къ татарамъ и отплясываетъ, подобравши свои длинныя полы. А вокругъ хохотъ, крикъ, пѣсни, визгъ женщинъ.....И вотъ толпа разступается на обѣ стороны, нѣмцы и татары остановились съ изумленными лицами, двѣ музыки продолжаютъ оглушающія пьесы....а въ дверь ввалился высокій статный чумакъ, весь въ дегтѣ, съ шапкой въ одной, съ батогомъ въ другой рукѣ, и пустился въ присядку, понуривъ голову, не обращая вниманія на публику и не рѣдко съ зажмуренными глазами. Публика однакоже пришла въ себя, начинается ропотъ, но чумакъ требуетъ штофъ или два водки, и пей кому только вздумается, а самъ подъ смѣшанные звуки двухъ оркестровъ выбиваетъ гопака, иногда припѣвая: «гуляй душа безъ кунтуша и т. д.» Всю ночь на пролетъ въ этихъ балаганахъ совершаются гомерическія попойки, но надобно правду сказать, въ числѣ совершающихся сценъ весьма рѣдко происходятъ трагическія, развѣ замѣтны физіономіи съ подбитыми слегка глазами или съ не очень расквашеннымъ носомъ, т. е. до такой степени, что нашъ простолюдинъ не обращаетъ еще вниманія иной разъ по благодушію, другой по отношеніямъ, и наконецъ еще и потому, что слѣдуя ветхозавѣтному правилу воздалъ око за око и зубъ за зубъ, въ свою очередь. Женщины здѣсь однакоже не производятъ безпорядковъ, или лучше сказать, не служатъ предметомъ ссоры между пирующими.

На противоположной сторонѣ помѣщаются ресторации и чайные трактиры, гдѣ не происходитъ уже оргій, но поглощается чай въ большомъ количествѣ и потребляются разные съѣстные при-

пасы, достигающіе, посредствомъ приготовленія, того отталкивающаго качества, которое можетъ заглушить аппетитъ самаго невзыскательнаго потребителя.

Въ прошломъ году, кромѣ двухъ трехъ простонародныхъ балагановъ, устроенъ былъ циркъ бродячею труппою вольтижеровъ, и пріѣзжалъ звѣринецъ. Въ этихъ двухъ мѣстахъ собиралась публика, въ одномъ удовлетворить своему любопытству, въ другомъ провесть вечеръ. Интересно было видѣть передъ звѣринцемъ возлѣ огромныхъ вывѣсокъ, представлявшихъ невозможныхъ дикихъ звѣрей въ разныхъ неестественныхъ позахъ,—какъ толпились степные татары и вели самый одушевленный разговоръ съ свойственной этому народу жестикуляціей. Въ циркѣ тоже иные мурзы (татарскіе помѣщики) наивно выражали свое удивленіе при какой нибудь весьма обыкновенной штукѣ вольтижеровъ. Сами прекрасные наѣздники, мурзы эти неистово кричали въ знакъ одобренія и еще неистовѣе аплодировали, замѣтивъ, что этимъ пріемомъ прочая публика выражала свое удовольствіе. Впрочемъ, не смотря на аплодисменты, изъ толпы мурзъ вылетали такія выраженія, которыя хотя и цѣликомъ переведены въ народѣ на русскій языкъ, но не произносятся въ какомъ бы то ни было обществѣ.

Но самое живое ярмарочное движеніе происходитъ не здѣсь, не у гостиннаго двора, гдѣ толпятся помѣщики, чиновники, купцы и вообще люди болѣе или менѣе высшаго сословія,—а тамъ въ степи на широкомъ просторѣ, гдѣ тянутся ряды холстяныхъ навѣсовъ и шалашей, подъ которыми разложены простонародные товары и гдѣ стоятъ въ разныхъ направленіяхъ и позахъ и малорусскій возъ и великорусская телѣга и нѣмецкій фургонъ и татарская арба, постоянно не мазанная и всегда скрыпучая. Здѣсь то происходитъ любопытное столкновеніе различныхъ племенъ, приведенныхъ одною цѣлью—продать дороже, купить дешевле и употребляющихъ всѣ зависящія средства для достиженія этой цѣли. Здѣсь цыганъ, обладатель тощаго разбитаго коня, желаетъ надуть ловкаго еврея, можетъ быть, конокрада, который въ свою очередь хочетъ сбыть безсильную животину, и оба верхами гарцуютъ къ утѣшенію собравшейся публики. Въ другомъ мѣстѣ приземистый старовѣръ торгуетъ у татарина корову и старается доказать послѣднему, что скотина ровно никуда не годится, а покупаетъ онъ ее только потому, что она подходящая. Татаринъ,

нахлобучивъ шапку и невзирая ни на какое краснорѣчіе, котораго и не понимаетъ вполовину, твердитъ свое:

— 23 монетъ.

— Да вѣдь посмотри, у нее ребра свѣтятся.

— Можна.

— И нутро должно быть попорчено.

— Можна.

— Ну, отдаешь за 17?

— 23 монетъ.

— Ахъ какой ты! зарядилъ свое и не уступаетъ ни гроша. Видишь вотъ и шерсть повылѣзла.

— Можна.

— Ну такъ сколько же!

— 23 монетъ.

Старовѣръ плюнетъ и отойдетъ. Но корова его соблазнила, просимую цѣну можно дать безъ убытка, а все таки хочется выторговать.

— Эй, знакомъ, кричитъ онъ, возвращаясь, продаешь что ли корову?

— Продаемъ.

— Ну что же крайняя цѣна?

— 23 монетъ.

— Послушай, бери ужъ, такъ и быть 18.

— Не бери.

— Она совсѣмъ не тово, я знаешь купилъ бы потому, что гоню овецъ, такъ вмѣстѣ догнать бы до дому. Возьми 19, знакомъ.

— Не возьми.

— А сколько же крайняя цѣна?

И русакъ протягиваетъ руку. Татаринъ останавливается, думаетъ, почесывается...

— Ну говори!

— 23 монетъ.

Старовѣръ убѣгаетъ съ бранью, но нѣтъ сомнѣнія, что они сходятся гдѣ нибудь и оканчиваютъ дѣло.

Вообще на этой большой площади цѣлый день непроходимая толпа, но движеніи и дѣятельность продолжаются не такъ долго: покрайней мѣрѣ къ 12 числу народа уже очень мало. Кромѣ ресторацій, куда ходятъ нѣсколько высшія сословія, для

простонародья готовится съѣстное въ огромномъ количествѣ подъ открытымъ небомъ и заблаговременно пекутся булки и бублики. Благодаря водяному сообщенію, сюда пріѣзжаютъ съ этою цѣлью даже обитательницы Никополя и продаютъ цѣлыя горы печенаго хлѣба. Во время ярмарки не меньшая дѣятельность и на лѣсныхъ пристаняхъ, гдѣ пріобрѣтаютъ предметы не только первой, но и вопіющей необходимости. Тутъ-то сбывается самый дрянной, никуда негодный лѣсъ, которому безъ ярмарки нѣтъ ходу и здѣсь снова встрѣчаются разныя народности: въ этой суетѣ, съ которою каждый спѣшитъ навалить скорѣе товаръ,— не безъ сценъ и столкновеній. Нѣмецкій фургонъ зацѣпился за великорусскую телѣгу, а малорусскій возъ не можетъ разъѣхаться съ татарскою арбою, запряженною верблюдами, и тутъ-то сыпятся выраженія, одно другаго нелѣпѣе, но вмѣстѣ чрезвычайно понятныя и иногда весьма необходимыя для очищенія загроможденной дороги. Даже флегматическій нѣмецъ хорошо выучился ругаться по русски, конечно произнося иныя фразы собственнымъ выговоромъ и коверкая падежи по обычаю.

У квартиры становаго пристава, который представляетъ здѣсь единственное начальственное лицо, сидятъ нѣсколько сотскихъ, отмѣченныхъ мѣдными бляхами, и толпится множество народа съ различными просьбами и жалобами. Просители, смотря по важности дѣла, или допускаются къ аудіенціи блюстителя порядка или ожидаютъ большаго выхода. Рѣшенія происходятъ очень скоро, и нерѣдко иной крестьянинъ въ сопровожденіи двухъ сотскихъ отправляется наискосокъ въ избу съ рѣшетчатыми окнами, а другаго тѣ же сотскіе ведутъ, невзирая на сопротивленіе, въ глубину двора и выполняютъ словесное приказаніе своего начальника. Купцы въ становую квартиру являются передъ ярмаркой и по окончаніи,—первый разъ, какъ говорятъ они, съ нашимъ почтеніемъ,—а второй, поблагодарить за хлѣбъ за соль. Но на ярмарку пріѣзжаютъ и другія власти земской полиціи: исправникъ, непремѣнный засѣдатель и стряпчій, которые всѣ болѣе или менѣе имѣютъ вліяніе какъ на ярмарку, такъ и на самаго становаго, хотя послѣдній и распоряжается словно полновластный хозяинъ.

По вечерамъ все мѣстечко кипитъ движеніемъ, потому что въ каждомъ домикѣ и каждой избѣ набито постояльцевъ, и есть помѣщенія, въ окнахъ которыхъ свѣтъ не угасаетъ цѣлую ночь,

гдѣ раздается веселый говоръ, пѣсни, а иногда и крики, сопровождаемые рукопашнымъ боемъ.

Но Каховка и безъ ярмарки, особенно лѣтомъ, полна народу: на базарѣ ея толпятся чумаки, а на пристани сотни пильщиковъ, которые пѣснями своими оживляютъ весь этотъ берегъ. Здѣсь грузятся суда, весною приходятъ барки и плоты, и съ открытіемъ навигаціи пароходъ начинаетъ свои рейсы въ Бериславъ и обратно подъ начальствомъ флотскаго офицера.

Противъ Каховки на Днѣпрѣ сохранился небольшой островокъ, ежегодно размываемый водою, на которомъ прежде былъ турецкій укрѣпленный городокъ. И теперь еще видны слѣды каменнаго фундамента. Недалеко отъ этого мѣста Конка впадаетъ въ Днѣпръ и снова выходитъ изъ него,—откуда и слѣдуетъ отдѣльно до самаго лимана. Мѣсто по берегу ея называется Таванью, отъ имени когда-то бывшаго здѣсь города Тавани.

Жители Каховки, хотя и принадлежатъ къ земледѣльческому классу, но большая часть ихъ усвоили уже нравы и обычаи мѣщанъ небольшихъ городковъ нашихъ. Женщины почти всѣ ходятъ въ ситцевыхъ платьяхъ и башмаки у нихъ не служатъ только роскошью, но перешли въ необходимость. Пѣсни поются преимущественно солдатскія или тѣ, которыя встрѣчаемъ въ новѣйшихъ пѣсенникахъ. Есть крестьяне зажиточные, да и вообще всѣмъ большимъ подспорьемъ служатъ многолюдныя ярмарки.

Слѣдуя изъ Каховки ниже и миновавъ мѣсто, гдѣ первоначально стоялъ этотъ городокъ—лежитъ деревня Британъ, тоже г. Куликовскаго, гдѣ жители занимаются хлѣбопашествомъ. Владѣльческой экономіи принадлежатъ рыбныя ловли.

Немного дальше небольшая помѣщичья деревенька Анисовка,—а за нею верстахъ въ четырехъ по берегу, окруженный садами, стоитъ Корсунскій монастырь, главы котораго видны издалека, по какой бы вы дорогѣ ни ѣхали: изъ Каховки, Козачьихъ лагерей, или изъ Маячки, огромнаго казеннаго села, лежащаго въ глубинѣ степи и населеннаго преимущественно великоруссами. Монастырь этотъ былъ основанъ знаменскими старообрядцами и долго служилъ прибѣжищемъ для ихъ иноковъ и старцевъ, которые, какъ говоритъ молва, собирались здѣсь въ большомъ количествѣ. Но въ прошлое царствованіе обитель эта обращена въ православную, книги и утварь переданы въ Знаменку, а монахи, кто хотѣлъ—остаться, перешли въ православіе; кто

же не хотѣлъ отправились по разнымъ скитамъ и пустынямъ. Теперь въ монастырѣ около 40 монаховъ, которымъ именно только жить да Бога хвалить. Земли у нихъ очень много, такъ что, независимо отъ прекраснаго хозяйства, Корсунскій монастырь отдаетъ еще поля свои подъ баштаны (бакши) окрестнымъ жителямъ. Луга и плавни здѣсь превосходные, что даетъ возможность держать скотоводство въ большомъ размѣрѣ, а рыбныя ловли чуть ли не лучшія по всему этому берегу. Монастырь содержитъ рыбачью артель, которую удовлетворяетъ половиной улова. Сады прекрасные, и начинаютъ съ успѣхомъ разводить виноградники. О садахъ монахи прилагаютъ особенное попеченіе, и раннею весною видѣлъ я больше сотни дѣвушекъ изъ окрестныхъ селеній, которыя постоянно занимаются обработкой довольно хорошей почвы. Община эта пользуется еще со временъ Императора Александра I полученіемъ 30,000 пудовъ соли безъ акциза, которую разумѣется продаютъ, потому что подобное количество не можетъ быть потреблено всѣми вообще монастырскими жителями. Еще здѣсь есть одна особенность, которую, какъ ни старался, но не могъ я узнать офиціально — это сословіе монастырскихъ служителей. На какомъ законѣ основано, когда издано постановленіе—не знаю, но мнѣ говорили, что въ монастырь поступаютъ рабочими тѣ изъ окрестныхъ казенныхъ крестьянъ, которые, бывъ на очереди въ рекруты, не могли, по какому нибудь физическому недостатку, поступить въ военную службу. Люди эти переселяются въ монастырь, гдѣ внѣ ограды построены избы, и живутъ пока не выйдетъ узаконенное время. Впрочемъ всѣ рабочіе не жалуются на свою судьбу и говорятъ, что имъ *можно жить*, а это много значитъ на языкѣ простолюдина. Тутъ же внѣ ограды стоитъ гостинница съ нѣсколькими нумерами, которыми завѣдуетъ гостинникъ, пожилой послушникъ. Обязанность его состоитъ накормить, напоить и пріютить всякаго странника, что и выполняется буквально. Я самъ пользовался этимъ гостепріимствомъ, не предъявляя никакихъ бумагъ и не подвергаясь никакимъ вопросамъ: кто, откуда, чинъ, званіе и т. п. Но видно, братія трапезуютъ прилично, потому что гостинникъ приносилъ мнѣ превосходный борщъ, вкусную кашу, плававшую въ маслѣ, и необыкновенно жирную рыбу; о хлѣбѣ я уже не говорю, какъ о предметѣ, приготовляемомъ въ монастыряхъ въ совершенствѣ. Монахи народъ видный, рослый и поль-

зующійся у купцовъ окрестныхъ городковъ и мѣстечекъ хорошей репутаціей. Купцы съ супругами и семействами ѣздятъ сюда на богомолье и нѣкоторые изъ нихъ усердствуютъ благолѣпію храма. Въ плавнѣ въ лѣсу поставлена небольшая церковь въ родѣ пустыни. Историческихъ рѣдкостей нѣтъ никакихъ, покрайней мѣрѣ такъ сказывалъ мнѣ архимандритъ, которому конечно извѣстно все относящееся до ввѣренной ему обители.

Ниже, верстахъ въ двѣнадцати или пятнадцати — большое село государственныхъ имуществъ Козачьи Лагери, возникшее въ концѣ прошлаго столѣтія. О названіи этомъ разсказываютъ двояко: одни производятъ его отъ лагеря, которымъ стояли козаки во время крымскаго похода, а другіе говорятъ, что сюда ушли Запорожцы, обманувъ Текелія и сѣли лагеремъ. Старики передавали мнѣ одинъ фактъ изъ жизни первоначальныхъ поселенцевъ, въ справедливости котораго, конечно, ручаться я не могу, но добрые и простые люди говорили о немъ какъ о событіи, не подлежащемъ сомнѣнію. Сначала шелъ сюда всякій сбродъ и вольные люди, и бѣглые господскіе крестьяне и наконецъ военные дезертиры. Женщины тоже стекались изъ разныхъ мѣстъ, Богъ ихъ знаетъ какого происхожденія. Когда пособралось довольно народу обоего пола, осадчій разсудилъ, что не мѣшало бы привести населеніе въ порядокъ, и первымъ стремленіемъ къ этому было—заставить вступать въ бракъ переселенцевъ, жившихъ не весьма законно въ этомъ отношеніи. Для порѣшенія дѣла за однимъ разомъ онъ употребилъ слѣдующую штуку. Созвавъ народъ на площадь, онъ прочелъ приличную рѣчь, подкрѣпивъ ее текстомъ изъ св. писанія: «не подобаетъ быти человѣку едину», и посовѣтовалъ жениться какъ можно скорѣе, чѣмъ самымъ формировались бы прочныя хозяйства. Разскачикъ при этомъ замѣтилъ: «Жінкы заразъ и обізвались!» Совершать сватовство обычнымъ порядкомъ не приходилось; потому что много потребовалось бы времени и легко могли произойти раздоры, и оттого необходимо было дѣйствовать иначе. Конечно въ деревнѣ были люди дѣйствительно женатые еще до переселенія, — но эти не шли въ разсчетъ. Отдѣливъ свободныхъ мужчинъ и женщинъ и отозвавъ первыхъ подальше, онъ снялъ съ нихъ шапки и перемѣшавъ положилъ въ рядъ, послѣ этого каждой женщинѣ велѣлъ выбирать шапку, хозяинъ которой и долженствовалъ быть мужемъ избравшей. При этомъ

происходили интересныя сцены: женщины бросались на шапки, которыя были покрасивѣе, а случалось, что самая лучшая шапка принадлежала уроду! Но дѣлать нечего — суженаго конемъ не объѣдешь. Счастливыя пары вѣнчались въ Алешкахъ. Первоначально эти браки были однакоже не совсѣмъ крѣпки: очень часто происходили самовольные разводы, мѣны женами и т. п., пока не выстроилась церковь и дѣло не приняло болѣе правильнаго порядка.

Селеніе служитъ пунктомъ погрузки крымской соли для купцовъ херсонскихъ, николаевскихъ и вознесенскихъ. Вслѣдствіе этой торговли мѣстные крестьяне начали заниматься судоходствомъ и судостроеніемъ. Въ настоящее время въ Козачьихъ лагеряхъ 7 мореходныхъ лодокъ (требакъ) и три дуба. Прилагаю списокъ.

	Лодки.	Количество груза.
1) Вольный штурманъ	Константинъ Масловскій. . .	900 четвер.
2) » »	Кондратъ Ильинъ.	800 »
3) » »	Ульянъ Кудасъ.	600 »
4) » »	Өедоръ Кушниръ.	600 »
5) » »	Өедоръ Кудасъ.	500 »
6) » »	Игнатъ Бондаренко. . . .	450 »
7) » »	Василій Жолуденко. . . .	450 »

	Дубы.	
1) Вольный штурманъ	Савва Өедоровъ.	300 »
2) » »	Порфеній Степановскій. . .	300 »
3) » »	Харитонъ Кровченко. . . .	260 »

Кромѣ того еще строятся три лодки.

Независимо отъ перевозки соли, судохозяева ищутъ фракту въ Бериславѣ, Херсонѣ, Николаевѣ и Вознесенскѣ. Порядочное судно составляетъ хорошій заработокъ.

Козаче-лагерскіе крестьяне стѣсняются недостаткомъ земли и совершеннымъ отсутствіемъ плавни. Почва у нихъ весьма песчаная, и пески приняли такой характеръ, что не рѣдко засыпаютъ удобныя поля на большое пространство. Въ послѣднее время впрочемъ принялись за посадку красной лозы, которая, укрѣпляя почву, не

допускаетъ пески засыпать окрестность. Относительно плавень идетъ дѣло. Помѣщики правой стороны Днѣпра (Херсон. губ.) захватили поемныя луга, и какъ козачелагерцы протестовали, а помѣщики не могутъ представить плановъ,—то дѣло и ведется такимъ образомъ, что трудно добиться настоящаго смысла. Лѣса однакоже до рѣшенія взяты подъ казенной присмотръ (такъ мнѣ разсказывали), и любопытнѣе всего, что сами же козачелагерцы должны беречь ихъ, а помѣщики, по ихъ словамъ, не стѣсняются и рубятъ словно свою собственность. Это я слышалъ въ 1858 и настоящемъ году, и видѣлъ весною въ Херсонѣ козачелагерскихъ повѣренныхъ, которые, кланяясь, вездѣ просили, чтобъ имъ хоть сказали—гдѣ же находится ихъ дѣло. Они жаловались всюду и гдѣ только можно, посылали прошеніе въ Петербургъ, и изъ министерства, говорятъ, предписано таврической палатѣ снестись съ херсонскою по этому предмету. Старики просили моего содѣйствія, но я ровно ничего не могъ сдѣлать, и какъ ни сильно было мое любопытство, однакоже ничего не могъ я узнать положительно. Въ то время губернаторъ былъ очень боленъ и вскорѣ умеръ; мнѣ указала надобность выѣхать изъ Херсона и я не знаю съ чѣмъ возвратились ходатаи, которымъ процессъ уже стоитъ не мало. Дѣло понятно, что бѣдняки правы. Граница обѣихъ губерній по срединѣ Днѣпра,—слѣдовательно какимъ же образомъ жители праваго берега владѣютъ плавнями на лѣвомъ по самую Конку, которая притомъ уже съ лѣвой стороны! Кажется, что въ заключеніе всего козачелагерцамъ придется вѣдаться формою суда—обстоятельство весьма обыкновенное, но вмѣстѣ подающее надежду объ окончаніи процесса развѣ въ будущемъ поколѣніи.

ГЛАВА VI.

Алешки. Историческія воспоминанія. Сѣчь. Перевозчики. Водный путь въ Херсонъ. Судоходство. Вольные матросы. Арбузы. Хутора. Интересная личность. Голая пристань. Изцѣлительное озеро. Гирла. Поѣздка въ гирлахъ. Збурьевка. Дубовыя рощи. Рыбальчая. Рыболовство. Прогнои. Соляной промыслъ. Покровка. Бытъ жители. Кинбурнъ. Интересная встрѣча. Касперовка. Станиславовъ. Очаковъ.

Откуда не въѣзжали бы вы въ Алешки, сухимъ путемъ или водою, взору вашему представится самый печальный городишка, который, какъ бы, слезно допрашиваетъ у каждаго проѣзжаго открыть ему тайну, отчего онъ сдѣланъ городомъ и даже резиденціей уѣзда? Еще положимъ городомъ Алешки могутъ быть, потому что есть на Руси и хуже, хоть рѣдко, но для чего здѣсь сосредоточено управленіе уѣзда—невѣдомо, тѣмъ болѣе, что мѣсто это на пескахъ, въ болотѣ и въ пяти верстахъ отъ Херсона—чужаго губернскаго города.

Впрочемъ Алешки, по мѣстному Олешки, извѣстны еще и въ древности подъ именемъ Олешья; и если, можетъ быть, они не гордятся древностью рода, то все-таки имѣютъ извѣстность на далекомъ разстояніи своими великолѣпными арбузами, приводящими въ восторгъ любителей этого вкуснаго и сочнаго плода, знакомаго столичнымъ жителямъ по своей дороговизнѣ. Но въ древности Алешки дѣйствительно не играли особой роли. Если же Одесскій календарь (1860 г. стр. 102) и говоритъ о важности города Олешья, то это я думаю для того, чтобы, придравшись къ случаю, потолковать о значеніи *Илеи* или *Гилеи*. На той же страницѣ ученый авторъ говоритъ: «Въ 1711 г. Запорожцы перенесли сюда свою Сѣчь съ согласія турокъ и устроили ее, *какъ гласитъ преданіе*, въ Лѣсу Братьевъ, входившемъ, можетъ быть (?), въ составъ Илеи или Ивлы.» Что же это за преданіе, и что за Лѣсъ братьевъ? Проживая не разъ въ Алешкахъ и зная, что

тамъ дѣйствительно была Сѣчь запорожская, перенесенная съ праваго берега Днѣпра, я хотѣлъ коечто поразвѣдать объ этомъ козачьемъ пепелищѣ и говорилъ съ нѣсколькими стариками. Но много употребилъ я времени, пока напалъ на слѣдъ, и меня повели на мѣсто бывшей Сѣчи. Никакого лѣса братьевъ нѣтъ возлѣ едва замѣтныхъ окоповъ, да и невидно, чтобы когда бы то ни было существовалъ лѣсъ на томъ мѣстѣ, окруженномъ нынѣ песчаными буграми, на которыхъ съ трудомъ разводятъ кустарниковую лозу. Что возлѣ Алешекъ могли быть лѣса—спорить не буду; что, можетъ быть, находился гдѣ нибудь и лѣсъ братьевъ—сомнѣваться не нахожу причины, но что сѣчь не была въ лѣсу—это видно каждому, кто бралъ на себя трудъ побывать на мѣстѣ. Можетъ быть, на лѣвомъ берегу Конки и росли большія вербы, какія и теперь есть на правомъ, но это еще не позволяетъ намъ принимать ихъ за лѣсъ. Жаль, что не снято на планъ это укрѣпленіе, когда оно еще было замѣтнѣе, и я удивляюсь, какъ г. Скальковской упустилъ изъ вида это обстоятельство, потому что во время его занятій запорожскими древностями, алешковская Сѣчь должна была казаться гораздо явственнѣе. И теперь еще замѣтны вороты и угловые бастіоны, однако надо присматриваться, ибо въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно обрушились и занесены пескомъ канавы. И для того, чтобы отыскать эти развалины, надобно спрашивать глубокихъ стариковъ, иначе вы не добьетесь толку. Запорожская старина здѣсь позабыта, и новые пришельцы совершенно не знаютъ даже урочищъ. Любопытно было бы развѣдать объ этомъ эпизодѣ изъ жизни Запорожья, едва только упомянутомъ лѣтописцами, но который не могъ не быть замѣчательнымъ, особенно при первоначальной обстановкѣ. Ихъ увелъ въ Крымъ человѣкъ въ высшей степени интересный, о которомъ мы не знаемъ ровно ничего ни изъ исторіи, ни изъ какихъ нибудь фамильныхъ записокъ или изъ простыхъ писемъ, и наконецъ изъ преданій. А личность Кости Гордѣенка выдѣляется изъ уровня посредственности и никакъ нельзя считать, что онъ не хотѣлъ оставаться подъ властью Москвы собственно изъ упрямства. Замыслъ Мазепы отложиться отъ Москвы встрѣтилъ на Украйнѣ много препятствій, но на запорожьи откликнулось на него все товариство, и конечно иниціатива этого событія принадлежитъ Костѣ Гордѣенку. Собственно говоря, Запорожцы неслишкомъ-то повиновались державамъ, имъ покро-

вительствовавшимъ, тѣмъ болѣе, что они жили на границѣ и даже мало имѣли сношеній съ государствомъ; но сѣчевое товариство, по всегдашнему сочувствію къ родинѣ—пошло на защиту угнетенныхъ братьевъ. Нельзя же назвать измѣнной движенія всего военнаго братства, предпочитавшаго скитаться въ чужой землѣ и отвергшаго милости и подарки побѣдителя Карла XII. Запорожцы сознавали цѣль, къ которой стремились, а кто же цѣль эту со всѣми подробностями выяснилъ имъ, какъ не Костя Гордѣенко? Вѣдь Запорожцамъ, еслибъ они покорились, предстояла прежняя вольная жизнь въ Капуловкѣ и кромѣ того царскія милости и жалованье; но они бились до послѣдней капли крови на пепелищѣ Сѣчи и когда ее разрушилъ московскій отрядъ, тогда только они ушли ниже. Самая малая часть оставалась при Мазепѣ въ Бендерахъ. Чего же хотѣли и надѣялись Запорожцы? Жить по волѣ подъ туркомъ уже они не могли, какъ жили при полякахъ и москаляхъ; получать жалованье не приходилось отъ султана; значитъ надо искать причины глубже, и мнѣ кажется она ясна какъ день тому, кто вникалъ въ описываемую эпоху. Намъ, безпристрастнымъ потомкамъ, слѣдуетъ хладнокровно разбирать извѣстныя обстоятельства, именно тѣ, о которыхъ еще нѣсколько лѣтъ назадъ не рѣшались говорить въ печати. Но слава Богу, мы теперь смотримъ на историческіе факты другими глазами и указываемъ на ошибки, вкравшіяся въ исторію по бѣдности матеріаловъ и отсутствію критики, а также и отъ преднамѣреннаго искаженія истины, введеннаго на страницы лѣтописей разными совѣтниками и кавалерами. Превосходная поэма Пушкина «Полтава» не должна вводить насъ въ заблужденіе относительно извѣстныхъ стиховъ:

И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.

Не это дѣйствіе, если оно и совершилось, было причиной вражды Мазепы къ Петру I. Дѣйствительно, чего ему недоставало? Богатство, знатность, почести, дружба такого страшнаго царя какъ Петръ, дружба, не знавшая предѣловъ, выдававшая гетману его враговъ, которые однако же доносили царю о замыслахъ Мазепы вслѣдствіе личнаго мщенія:—все это имѣлъ гетманъ, но рѣшился отторгнуть Украйну отъ Москвы, чтобы соз-

дать самостоятельное государство. Такъ понимали его нѣкоторые малорусы и все Запорожье. Какія были бы послѣдствія въ случаѣ удачи—другой вопросъ, но Мазепа хотѣлъ продолжать дѣло, неудавшееся Богдану Хмельницкому. Вотъ почему сѣчевое товариство охотно шло противъ москалей и, не смотря на пораженіе, осталось вѣрно опытному вождю своему. Что же касается до единства религіи, то украинецъ смотрѣлъ недружелюбно на Великую Русь еще даже до присоединенія. Извѣстно, что когда Богданъ предложилъ поддаться Москвѣ и въ числѣ прочихъ причинъ представилъ единовѣріе, то народъ шумѣлъ и говорилъ: «тамъ сколько хатъ, столько и вѣръ», намекая на расколъ. Обстоятельство это упомянуто въ лѣтописи Каменскаго и хоть авторъ этотъ не всегда вѣрно смотритъ на вещи, но если уже архіепископъ записалъ подобную фразу, то кажется нельзя сомнѣваться. И Запорожцы оставались непоколебимы, пока живъ былъ Гордѣенко. Замѣчательно, что со смертью этого кошеваго вражда Запорожцевъ къ Великой Руси не только прекратилась, но товариство просило снова о дозволеніи поселиться на старомъ пепелищѣ.

Любопытно было бы знать какой видъ представляли Алешки, во время пребыванія въ нихъ Запорожцевъ, какимъ были населены народомъ,—но къ сожалѣнію мы не получимъ отвѣта. Въ началѣ столѣтія, когда еще свѣжи были преданія, когда жили свидѣтели интересныхъ событій, никто не заботился объ этомъ, да и въ послѣдствіи ученые наши предпочитали рыться въ греческихъ историкахъ, а болѣе—объяснять ихъ по своему и оттого мы съ грѣхомъ пополамъ натянемъ какую нибудь рощу или храмъ древнихъ грековъ на данной мѣстности, но не скажемъ что было тамъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Особенно стыдно намъ—малорусамъ, быть такъ равнодушными къ исторіи своего племени. Явленія, подобныя Запорожью, чрезвычайно любопытны, а много ли у насъ объ немъ свѣдѣній? Кое что собралъ г. Скальковскій около тридцати лѣтъ назадъ и издалъ, но съ тѣхъ поръ дѣло не подвинулось. Казацкій архивъ, доставшійся ему, разобранъ только на половину и съ каждымъ годомъ приходитъ въ бо́льшую ветхость. Теперь уже многое трудно и сдѣлать. Внимательно обходилъ я всѣ мѣстности, обитаемыя нѣкогда козаками, но тамъ живутъ другіе люди, даже не потомки товариства. Объ этомъ, впрочемъ, я уже говорилъ съ читателями Морскаго

Сборника. Казачество миновало, навсегда пережило свою эпоху съ уничтоженіемъ дикихъ сосѣдей, и было бы нелѣпо жалѣть исчезновенія грубаго удальства, основаннаго на матеріальной силѣ; но нельзя не грустить, что лучшій эпизодъ изъ быта Малороссіи остается въ тѣни, и на него всякій, кому вздумается, бросаетъ упреки и насмѣшки, что кому сподручнѣе. Намъ, отдаленнымъ потомкамъ, не слѣдуетъ раздѣлять мнѣнія, выражавшагося оффиціальными лицами того времени, какъ не должно также изъ псевдо-патріотизма находить всѣ дѣйствія Запорожцевъ безукоризненными. Если самое уничтоженіе Сѣчи въ 1775 г. совершилось не совсѣмъ рыцарски, то справедливость требуетъ сказать, что Запорожцы были уже нетолько лишни, но и тягостны для государства. Военная община со своимъ деспотизмомъ еще мыслима, напр. на Кавказѣ, на Уралѣ, гдѣ нужно постоянно быть наготовѣ и отражать силу силою; но внутри мирной страны—это чисто ненормальное явленіе. Посмотрите на Землю Войска-Донскаго. Что за богатый край! Какія матеріальныя сокровища заключаются въ немъ, какая благодарная почва, какой благодѣтельный климатъ! А земля эта — въ промышленномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ — бѣднѣе всякой губерніи, владѣющей самыми скудными мѣстностями. Каменно-угольныя копи, по отвращенію большинства къ наукѣ, разработываются ощупью, на обумъ, такъ что уже шахты залиты водою; ломка такихъ камней, какъ яшма и мраморъ, не производится; хлѣбопашество на допотопной ногѣ, винодѣліе въ томъ же видѣ, въ какомъ было при Ноѣ, городовъ нѣтъ, да и самъ Черкаскъ, возникшій по прихоти одного атамана, не имѣетъ воды и не можетъ похвалиться благоустройствомъ, хотя ежедневно цѣлый рабочій полкъ къ его услугамъ.

Ни въ Алешкахъ, ни въ ихъ окрестностяхъ не нашелъ я никакого преданія, никакого отрывка изъ пѣсни, которые хоть намекали бы о Запорожцахъ. Въ мѣстной церкви также нѣтъ никакихъ остатковъ старины, да и поговорить объ этомъ не съ кѣмъ въ городѣ, жители котораго недавно сюда переселились, а чиновники стеклись изъ всѣхъ концевъ Имперіи.

Въ настоящемъ своемъ положеніи, Алешки представляютъ небольшую квадратную площадь, съ соборомъ по срединѣ, которая обстроена лавками и кое-какими домиками; дальше же въ такъ называемыхъ улицахъ почти что избушки, изрѣдка обсаженныя

акаціями и стерегомыя цѣлыми стаями собакъ. Площадь, или рынокъ, оживляется только утромъ, когда народъ собирается для закупки необходимыхъ жизненныхъ потребностей; въ прочее же время здѣсь незамѣтно никакого движенія. У отворенныхъ лавокъ сидятъ въ сладчайшемъ бездѣйствіи хозяева и ихъ прислужники; подъ навѣсомъ помѣщается нѣсколько торговокъ съ хлѣбомъ, баранками, яблоками и сѣмячками, и развѣ какой прохожій забѣжитъ купить булку, да солдатъ подойдетъ иногда изъ любопытства посмотрѣть на яблоки или поболтать съ какой нибудь торговкой. Здѣсь даже евреи какъ-то не собираются кучками разсуждать о своихъ дѣлахъ, исключая кануна шабаша, а въ шабашъ расхаживаютъ разодѣтые въ свои праздничные костюмы.

Гораздо больше движенія по берегу на пристани, и эта часть, хоть и весьма плохо отстроенная, оживленнѣе верхней. Здѣсь пристаютъ и отсюда отходятъ перевозныя суда: дубы, дубки и шаланды, которыя то и дѣло, иной разъ, снуютъ по небольшому протоку Чайкѣ, соединяющемуся съ Конкой. Пассажиры изъ Херсона и въ Херсонъ появляются довольно часто, а нерѣдко и проѣзжіе, кто не хочетъ странствовать въ Крымъ или изъ Крыма черезъ Бериславъ и Каховку. Но больше всего движутся мѣстные жители или лучше сказать мѣстные промышленники. Херсонъ, хоть тоже городъ не бойкій и не многолюдный, но относительно Алешекъ можетъ быть столицей, и потому всѣ мѣстные продукты охотнѣе везутся изъ Алешекъ по херсонской дорогѣ, чѣмъ по своей собственной, такъ что въ Херсонѣ можно все купить гораздо дешевле. Даже случается, что иные разсчетливые жители, особенно имѣющіе собственную шаланду, ѣдутъ на базаръ въ Херсонъ и закупаютъ необходимое. Я говорю не о какихъ нибудь мануфактурныхъ издѣліяхъ, или о посудѣ, чаѣ, сахарѣ—понятно, это все дешевле въ большихъ лавкахъ Херсона, но собственно о жизненныхъ припасахъ, которые свозятся туда изъ деревень и изъ самыхъ же Алешекъ.

Если у пристани не появляются пассажиры, вы услышите какой нибудь сильный и рѣзкій голосъ, который громко выкликаетъ:

— Въ Херсонъ! въ Херсонъ!

Это значитъ перевозчика беретъ нетерпѣніе, и онъ бросаетъ

въ воздухъ свое восклицаніе, въ полной увѣренности, что явится пассажиръ, точно такъ же какъ во время штиля морякъ воображаетъ, что если онъ просвиститъ съ извѣстной интонаціей, то вдругъ подуетъ попутный вѣтеръ. На дубахъ и дубкахъ перевозчики болѣе или менѣе взрослые, попадаются и пожилые, но на шаландахъ преимущественно мальчики, которые до того свыклись съ своимъ ремесломъ, что въ свѣжій вѣтеръ не боятся не только протоковъ и Конки, но и самаго Днѣпра, подымающаго иногда порядочное волненіе. Шаландщикъ гребетъ, сидя спиной къ носовой части. На шаландахъ есть тоже мачта и дрянной парусокъ, который ставится при первой возможности. Но самый вѣрный двигатель у перевозчиковъ—бичева, какъ на дубахъ или шаландахъ, ибо приходится проѣзжать множествомъ протоковъ, узкихъ, бѣгущихъ въ разныхъ направленіяхъ, такъ что даже при самомъ лучшемъ попутномъ вѣтрѣ придется таки идти бичевою, какъ равно въ сильный противный вѣтеръ есть колѣно, гдѣ на версту или на двѣ ставится парусъ. Мнѣ случалось совершать этотъ переѣздъ въ разное время года и при разныхъ условіяхъ. При благопріятномъ вѣтрѣ однакоже, не смотря на путаницу въ протокахъ, въ два часа съ небольшимъ можно быть въ Херсонѣ, за то же иной разъ приходится провести часовъ шесть въ дорогѣ. Я говорю о дубахъ, но на шаландѣ сообщеніе вообще скорѣе, потому что это суденышко пользуется мелкими протоками и при помощи веселъ идетъ довольно скоро. Зато по выходѣ въ Днѣпръ, во время свѣжей погоды, когда подымается такое волненіе, что качаетъ у херсонской пристани большія мореходныя суда,—на шаландѣ, если не скажу опасно, то для непривычнаго человѣка весьма непріятно. Шаландщикъ обыкновенно расторопенъ, и хотя гребетъ, какъ я говорилъ уже, по примѣру невскихъ лодочниковъ, сидя спиной къ носу, еще, говорятъ, не было несчастныхъ случаевъ, Невзирая что шаланды ежедневно и въ большомъ количествѣ встрѣчаются, особенно у пристаней. Но путь на дубѣ пріятнѣе уже тѣмъ, что вы въ обществѣ самаго разнохарактернаго люда. Здѣсь иногда помѣщаются два фургона, наполненные евреями, караимами, или семействами таврическихъ чиновниковъ и помѣщиковъ. Въ случаѣ противнаго вѣтра, а слѣдовательно и долговременнаго плаванія, можно успѣть выспаться, напиться чаю и совершить трапезу, если вы запаслись какими нибудь снадобьями. Обыкновенно

бывало сидишь у окна — я постоянно живалъ на берегу — и высматриваешь собирается ли какой нибудь дубъ къ отплытію. Чуть показался фургонъ—здѣсь это самый употребительный экипажъ, введенный нѣмцами колонистами, — перевозчики бѣгутъ уже на встрѣчу и стараются заманить каждый на свое судно. И вотъ видите вы, что выпрягаютъ лошадей, взводятъ на лодку, по особаго рода сходнямъ, нарочно для этого устроеннымъ. Вообще алешковскіе и прочіе днѣпровскіе перевозные дубы сдѣланы такъ, что могутъ грузить хлѣбъ и ставить экипажи. На ютѣ настлана футовъ на шесть палуба, потомъ идутъ доски въ наклонномъ положеніи, по которымъ легко можно спустить какой угодно экипажъ, но не далѣе гротъ-мачты, за которую уже ставятъ лошадей, для чего у бортовъ и придѣланы желѣзныя кольца. На бакѣ снова небольшая настилка. Фургоны не мѣшаютъ никакимъ эволюціямъ, и матросы наблюдаютъ только, чтобы гикъ не повредилъ чего нибудь у экипажа. Суда эти вооружены подобно требакамъ и рѣдкое не имѣетъ на топѣ гротъ-мачты какой нибудь человѣческой фигурки, которая вертится по волѣ вѣтра, иногда съ особенными движеніями рукъ и ногъ, что всегда служитъ предметомъ любопытства для иныхъ пассажировъ. Поставивъ фургонъ, перевозчикъ однако же выбѣгаетъ еще на берегъ, приглашая громкимъ голосомъ охотниковъ и высматривая не покажется ли какой нибудь проѣзжающій. И онъ не обращаетъ вниманія на пассажировъ, которыми уже овладѣлъ, и бѣгаетъ и покрикиваетъ: «въ Херсонъ! въ Херсонъ! кому надо въ Херсонъ!», хотя съ судна раздаются не менѣе энергическіе крики, требующіе немедленнаго отплытія. Но перевозчикъ, зная, что фургонъ, поставленный на дубъ, не уйдетъ его рукъ, не довольствуется узкимъ кругомъ дѣйствій, онъ рысью бѣжитъ къ песчаному возвышенію, за которымъ поворачиваетъ улица къ базару, и жадно смотритъ оттуда не появится ли осуществленіе пламенной его надежды.

— Нѣтъ никого! восклицаетъ онъ частью самъ себѣ, а частью встрѣчнымъ или дѣвочкамъ, продающимъ на углу бублики, и самымъ медленнымъ шагомъ идетъ къ пристани, безпрерывно оглядываясь.

Тогда бывало я захватываю сакъ-вояжъ, выхожу на улицу, и появленіе мое хоть нѣкоторымъ образомъ развеселяло перевозчика. Нѣсколько разъ я дѣлалъ рейсы между Херсономъ и Алешками

и хоть иногда доводилось проводить болѣе шести часовъ на водѣ, однако я не скучалъ, потому что находилъ самую разнообразную и не лишенную занимательности бесѣду. Конечно я не встрѣчалъ ничего, выходящаго изъ круга обыденной жизни неразвитаго человѣчества, но послѣ каждаго рейса немного разширялся горизонтъ моихъ наблюденій и приносилъ мнѣ какую нубудь новую замѣтку, новую черту, до того ускользавшую. Если случался попутный вѣтеръ, въ разговорѣ принимали участье и лодочники, тогда бесѣда кипѣла живѣе, потому что непремѣнно сыпались разсказы и анекдоты, полные тѣхъ остротъ, которыми изобилуетъ языкъ матроса, плавающаго даже и на рѣчномъ суднѣ. Съ попутнымъ вѣтромъ и двухъ часовъ не идешь до Херсона, а въ большую воду несешься какъ птица; зато же въ штиль или при противномъ вѣтрѣ, кто нетерпѣливъ и не умѣетъ примиряться съ обстоятельствами, тому остается одно, конечно палліативное средство облегчать себя ругательствами, что нѣкоторые и дѣлаютъ въ припадкѣ раздражительности. И для такихъ господъ не можетъ быть ничего убійственнѣе какъ встрѣча съ судномъ, идущимъ напротивъ, подъ всѣми парусами. Матросы умѣютъ въ это время поддразнивать собратовъ, ползущихъ словно черепаха, и тутъ-то раздражительные пассажиры чуть не рвутъ волосъ на головѣ и такимъ нетерпѣніемъ утѣшаютъ болѣе спокойную публику.

Дѣйствительно подобное путешествіе чрезвычайно медленно утомительно, и раздражаетъ еще болѣе тѣмъ, что вы видите Херсонъ изъ Алешекъ весьма явственно, знаете, что къ нему по прямой линіи верстъ пять, а должны обречь себя на долгое плаваніе по самымъ пустыннымъ рѣчкамъ и протокамъ. Еще пока вы не совсѣмъ удалены отъ Алешекъ, то влѣвѣ виднѣются деревья и избушки, но версты за двѣ горизонтъ уже покрытъ безконечными камышами, подъ которыми изрѣдка лишь возвышаются гдѣ нибудь кудрявыя вербы. Матросы обыкновенно берутъ конецъ, привязанный за топъ гротъ-мачты, выскакиваютъ на берегъ, запрягаются въ лямку и, наклонивъ голову, тащатъ судно. Впрочемъ дорога не вездѣ и не всегда безотрадна: во первыхъ коегдѣ по берегамъ разведены капустные огороды, а во вторыхъ здѣсь много ѣздитъ рыбаковъ, которыхъ *коты* стоятъ въ разныхъ направленіяхъ по протокамъ. *Котами* здѣсь называютъ особаго рода снарядъ, запрещенный впрочемъ подъ именемъ заколовъ.

На Днѣпрѣ это частые плетни изъ тростника, ставимые обыкновенно зигзагами и требующіе спеціальныхъ познаній,—въ заливахъ и тиховодахъ, куда рыба, во время метанія икры, заходитъ въ огромномъ количествѣ. Коты разставляются такимъ образомъ, что рыба войти въ нихъ можетъ, а выйдти уже не въ состояніи. Входъ сдѣланъ необыкновенно узкій при завоҏотѣ двухъ полостей, но разсчетъ основанъ на томъ, что рыба, ища затишья, протискается въ роковую скважину, такъ сказать по шерсти, изнутри же раздвинуть отверстія ей нельзя по причинѣ завернутыхъ въ средину оконечностей плетенки. Конечно въ этомъ способѣ ловли нѣтъ ничего противозаконнаго и нельзя же требовать отъ рыбаковъ, чтобы они вели войну рыцарски; но запрещеніе разумно, потому что рыба, заходящая въ коты, погибаетъ не одна, а съ милліонами зародышей, которые остаются въ узкомъ пространствѣ и подвергаются гніенію. Запрещеніе это однако же не соблюдается или же по крайней мѣрѣ не соблюдалось во время моихъ поѣздокъ между Херсономъ и Алешками. Съ пассажирами на палубѣ остается одинъ рулевой, которому почти и нечего дѣлать, однако все таки надо иногда слегка поворотить въ ту или другую сторону. Изъ проѣзжихъ даже попадаются охотники послужить на пользу общую и тащатъ бичеву, съ разными припѣвами и поговорками. Такіе охотники обыкновенно перебраниваются съ евреями, которые никогда ни за что не пособятъ въ подобномъ случаѣ, отговариваясь тѣмъ, что они заплатили деньги и должны ѣхать, а не за право везти на своихъ плечахъ публику. Въ это время обыкновенно сжигается табакъ въ огромномъ количествѣ, и идетъ бесѣда между пассажирами, которые, не подчиняясь чувству аристократической недоступности, давно уже перезнакомились между собою. Иногда фуражка съ кокардой стѣсняетъ общество, но эта фуражка вообще и держитъ себя довольно гордо, подальше, возсѣдая гдѣ нибудь на бакѣ въ одиночествѣ, и сосетъ сигарку съ чувствомъ собственнаго достоинства. Впрочемъ пассажиры, если только съ ними ѣдетъ не мѣстный чиновникъ, или если они сами издалека, продолжаютъ свободно свой говоръ; туземные же простолюдины въ присутствіи мѣстныхъ властей бесѣдуютъ въ полголоса. Помню однажды довольно большое общество, между которымъ попалась также и фуражка съ кокардой и хоть она была весьма необязательнаго свойства, однако раза два подходила къ нашему кружку закуривать папироску. Тогда ѣхали три караима, человѣка четыре

евреевъ, одинъ унтеръ-офицеръ, разбитная госпожа съ племянникомъ и нѣсколько алешковскихъ мѣщанокъ. Замѣчательнѣе всѣхъ для меня была госпожа молодая и не дурная собою въ шубкѣ и яркомъ пунцовомъ платкѣ на головѣ. Образованія въ ней недоставало, но меня поражало въ ней отсутствіе спѣси, потому что со всѣми разговаривала она ласково и охотно, а это большая рѣдкость въ чиновномъ провинціальномъ мірѣ. На базарахъ очень часто можно слышать при торгѣ чиновницы съ торговкой, какъ первая кричитъ:

— Ты не смѣешь кричать, ты развѣ забыла, что я благородная (а иногда и высокоблагородная).

— Кто эта барыня? спросилъ я у одного еврея по нѣмецки, ломая немного языкъ, такъ что тотъ меня понялъ.

— Херсонская, отвѣчалъ онъ, жена одного чиновника, у нея родные въ Алешкахъ.

Барыня была совершенно эмансипированная, курила папиросу, толковала обо всемъ, и поминутно показывала бѣлые ровные зубы.

Хоть мартовскій день и свѣтилъ своимъ яркимъ свѣтомъ, хоть зелень уже показывалась по берегу, однако жестокій противный вѣтеръ сильно продувалъ насквозь и заставлялъ плотнѣе закутываться. Часа черезъ три добралися мы до извѣстной группы вербъ, означающихъ половину дороги. Еще столько же предстояло до херсонской пристани. Всѣ изъявили желаніе закусить, и у всѣхъ дорожныхъ оказалось что нибудь, кромѣ меня и господина съ кокардой, но намъ обоимъ тотчасъ-же предложили кто рыбы, кто булки, кто икры. Мнѣ ѣсть не хотѣлось; чиновникъ удостоилъ барыню принять отъ нея пирогъ съ вязигой. Я вспомнилъ объ этомъ рейсѣ собственно потому, что развязная барыня разсказала одну легенду, которую перевозчики передавали мнѣ всегда неудовлетворительно.

Встрѣтивъ подъ прямымъ угломъ протокъ, въ который надо было поворачивать, мы поставили паруса и тяговые матросы отдохнули нѣсколько минутъ, растянувшись на палубѣ. Здѣсь насъ встрѣтило зрѣлище, въ этихъ мѣстахъ довольно обыкновенное, но оригинальное для пришельца. Днѣпровская долина, подходя къ лиману, расширяется на огромное пространство, поросшее густымъ тростникомъ, который служитъ матеріаломъ для огорожи, крышъ, даже построекъ и вмѣстѣ дешевымъ топливомъ.

Не смотря на такое громадное потребленіе тростника прибрежными жителями, все таки его остается огромное количество на корню, а растеніе это, какъ извѣстно, однолѣтнее. Вотъ почему здѣсь въ обычаѣ—ранней весной зажигать плавни, на которыхъ, послѣ истребленія огнемъ тростника, появляются молодые побѣги, и чѣмъ лучше выжжено пространство, тѣмъ гуще бываютъ молодыя поросли. Когда мы подходили къ вышеупомянутому протоку, впереди надъ всей плавней стоялъ густой дымъ и по временамъ порывами вѣтра разносился въ воздухѣ. Параллельно берегу земля уже чернѣла, покрытая слоемъ золы, а вдалекѣ, словно волны, переливался огонь по тростнику, съ шумомъ, похожимъ на гулъ въ лѣсу во время бури. Иногда обдавало насъ дымомъ, но къ счастью палъ уже сдѣлалъ свое дѣло вдоль берега, по которому намъ нужно было идти гужемъ и какъ только мы убрали паруса, вошли въ широкій протокъ, остался влѣвѣ, но во всю дорогу провожалъ насъ гуломъ и огненными волнами. Ночью эффектъ долженъ быть удивительный, но мнѣ никогда не приходилось вечеромъ плыть по рѣкѣ во время паловъ, а видѣлъ я ихъ только изъ оконъ на разныхъ мѣстностяхъ днѣпровской долины.

Часамъ къ двумъ по полудни дубъ нашъ дошелъ до узкаго выхода въ Днѣпръ, гдѣ съ одной стороны стоитъ уединенный рыбачій домикъ, а съ другой за вербами показывается какое-то строеніе на высокомъ фундаментѣ. Объ этомъ то послѣднемъ барыня разсказала мнѣ легенду. Дѣло шло о пустынникѣ, который жилъ здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ. Но меня удивляетъ не повѣсть о человѣкѣ, добровольно посвятившемъ себя скитанью по монастырямъ, а тотъ жаръ, съ какимъ разсказывала объ этомъ пустынникѣ барыня, разбитная, курившая папиросы и высказывавшая болѣе современное направленіе. По словамъ ея, она раза три удостоилась бесѣдовать съ пустынникомъ, и каждый разъ приходила въ восторгъ отъ его оригинальныхъ рѣчей и совѣтовъ.

— Никогда не забуду — сказала она, какъ вмѣстѣ со мною пріѣхала одна знакомая. На бѣду, она вздумала принарядиться. Только что показались мы на порогѣ, пустынникъ отворотился, началъ громко повторять одни слова: «собачьи кости, собачья кожа». Моя знакомая растерялась, да ужъ спасибо, одна богомолка, которую мы застали, шепнула ей, чтобы она сняла пер-

чатки, что пустынникъ этого не любитъ. Разумѣется перчатки были сняты, ну да и досталось же ей. Съ полчаса пустынникъ укорялъ ее и говорилъ: что матери семейства надо почитать мужа и угождать ему, а не думать о модахъ и носить на рукахъ собачью кожу.

Я привелъ здѣсь этотъ отрывокъ собственно для того, что мнѣ доводилось слышать гоненіе на перчатки въ публичномъ словѣ, говоренномъ въ присутствіи нѣсколькихъ сотъ человѣкъ и хоть въ выраженіяхъ не столь грубыхъ, но тѣмъ не менѣе полныхъ нетерпимости къ перчаткамъ. И что же въ нихъ грѣшнаго или неприличнаго для аскета?

Алешки въ настоящее время замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ живетъ большая община вольныхъ матросовъ, которые больше другихъ собратовъ занимаются судоходствомъ и судостроеніемъ по причинѣ выгоднаго положенія вблизи херсонскаго порта, главнаго пункта днѣпровскаго каботажа. Но не одни вольные матросы, и прочіе жители, т. е. купцы, мѣщане и крестьяне государственныхъ имуществъ имѣютъ перевозныя, рѣчныя и даже морскія суда, подымающія до 20 000 пудовъ грузу. На двухъ верфяхъ (у пристани и на Маркуциномъ спускѣ) идетъ постройка, и алешковскіе строители пользуются извѣстностью и въ Херсонѣ, какъ хорошіе мастера, знающіе свое дѣло. Вотъ количество судовъ, принадлежавшихъ алешковцамъ въ 1859 г.

А. Вольнымъ матросамъ.

Мореходныя:

1.	Игнатъ Ждановичъ—требака,	2250 пуд.,	стоитъ	250	руб.
2.	Филипъ Молчановъ »	7000 »	»	450	»
3.	Артамонъ Птахъ »	5000 »	»	2000	»(?)

Рѣчныя:

1.	Трофимъ Руденко	дубъ	2000 »	»	300	»
2.	Иванъ Антоновъ	»	2500 »	»	450	»
3.	Степанъ Филиповъ	»	1600 »	»	200	»
4.	Михайло Дитиненко	»	2100 »	»	250	»
5.	Игнатъ Ждановичъ	»	1200 »	»	150	»

6.	Давыдъ Ждановичъ	дубъ	2000	пуд.,	стоитъ	175	руб.
7.	Дмитрій Чубъ	»	1500	»	»	125	»
8.	Онисимъ Демченко	»	1000	»	»	125	»
9.	Филиппъ Святенко	»	900	»	»	100	»
10.	Филиппъ Молчановъ	»	700	»	»	75	»
11.	Лука Бѣляевъ	шаланда	120	»	»	50	»
12.	Тимофей Бѣляевъ	»	100	»	»	20	»
13.	Лаврентій Петровъ	»	150	»	»	25	»
14.	Игнатъ Голубъ	»	100	»	»	35	»
15.	Иванъ Петровъ	»	90	»	»	20	»
16.	Семенъ Молочко	»	420	»	»	40	»
17.	Леонтій Ярманенко	»	60	»	»	15	»

Б. Купцамъ и мѣщанамъ:

Мореходныя:

1.	Мѣщ.	Трофимъ Балковъ,	шкуна	13000	пуд.	4000	р.
2.	»	» »	»	13000	»	4000	»
3.	»	» »	»	10000	»	4500	»
4.	»	Тимофей Черновъ	»	10000	»	3500	»
5.	»	Григорій Воробей	»	10000	»	4000	»
6.	»	Ѳедоръ Балашовъ	»	9500	»	3000	»
7.	Куп.	Гаврило Волошинъ,	требака	9000	»	2800	»
8.	»	» »	»	6000	»	2200	»
9.	Куп.	Аѳанасій Плохой	шкуна	6000	»	2500	»
10.	Мѣщ.	Михайло Красько,	требака	6000	»	1600	»
11.	»	Василій Деріенко	»	6000	»	2200	»
12.	»	Демьянъ Кобзарь	»	6000	»	2200	»
13.	Куп.	Прокофій Грабченко	»	5000	»	1600	»
14.	Мѣщ.	Аврамъ Санжакъ	»	5500	»	2000	»
15.	»	Евдокимъ Лебедь	»	5000	»	1600	»
16.	»	Евстахій Ермаковъ	»	4000	»	1200	»

Рѣчныя, съ палубами:

1.	Мѣщ.	Тимофей Лебедевъ,	дубъ	3500	»	800	»
2.	»	» »	»	3000	»	900	»
3.	»	Степанъ Кустинскій	»	3300	»	900	»

4.	»	Петръ Рыбальченко	»	3500 пуд.	1000 р.
5.	»	Тимофей Лебедевъ	»	3000 »	700 »

Рѣчныя, безъ палубы:

1.	Мѣщ.	Матвѣй Новобранченко,	дубъ	3000 пуд.	400 р.
3.	»	Григорій Салабуда	»	2800 »	600 »
3.	»	Семенъ Крисовъ	»	2800 »	500 »
4.	»	Петръ Рыбаньченко	»	2800 »	500 »
5.	»	Самсонъ Батракъ	»	2500 »	500 »
6.	»	Алексѣй Григорьевъ	»	2500 »	500 »
7.	»	Евдокимъ Лебедевъ	»	2500 »	300 »
8.	»	Пароеній Бериндъ	»	2200 »	250 »
9.	»	Петръ Григорьевъ	»	2200 »	300 »
10.	»	Тимофѣй Лебедевъ	»	2100 »	300 »
11.	»	Өедоръ Куцоконь	»	2000 »	500 »
12.	»	Григорій Шевченко	»	2000 »	300 »
13.	»	Степанъ Кустинскій	»	2000 »	300 »
14.	»	Иванъ Дубровскій	»	1800 »	200 »
15.	»	Иванъ Малиновъ	»	1700 »	250 »
16.	»	Василій Китай	»	1500 »	250 »
17.	»	Лукьянъ Мигуля	»	1500 »	180 »
18.	»	Мароа Землякова	»	1500 »	250 »
19.	»	Өедоръ Саморскій	»	1500 »	300 »
20.	»	Яковъ Могильный	»	1500 »	200 »
21.	»	Денисъ Ярмаковъ	»	1400 »	150 »
22.	»	Тимофѣй Чабанъ	»	1200 »	200 »
23.	»	Николай Григорьевъ	»	1200 »	250 »
24.	»	Гаврило Молчановъ	»	1200 »	150 »
25.	»	Антонъ Куринскій	»	750 »	100 »
26.	»	Алексѣй Тюпа	шаланда	200 »	40 »
27.	»	Степанъ Куженскій	»	100 »	30 »
28.	»	Тимофѣй Лебедевъ	»	180 »	40 »
29.	»	Данило Грищенко	»	100 »	25 »
30.	»	Тимофѣй Недченко	»	100 »	20 »
31.	»	Иванъ Перваченко	»	100 »	20 »

В. Государственнымъ крестьянамъ.

Мореходныя:

1.	Өедоръ Филипповъ,	шкуна	8000 пуд.	2800 р.

2. Трофимъ Сороколѣтъ, требака	6400	пуд.	1500 р.
3. Александръ Колодченко, требака	5000	«	1400 »
4. Мартынъ Зоринъ »	4000	»	1500 »
5. Василій Имшегецкій »	3000	»	800 »

Рѣчныя:

1. Мокій Имшегецкій дубъ	2500	пуд.	300 р.
2. Максимъ Голохвастовъ »	2500	»	350 »
3. Иванъ Степановъ »	2500	»	320 »
4. Вакулъ Голохвастовъ »	2200	»	300 »
5. Денисъ Исніморенко »	2000	»	280 »

По цѣнѣ, нарочно-выставленной мною противъ каждаго судна, читатель можетъ судить о дороговизнѣ, но я долженъ прибавить, что можетъ быть три-четыре хозяина показали стоимость настоящую, остальные всѣ увеличили, иногда и въ значительной степени. Еще мореходныя лодки и шкуны—спорить не буду, можетъ быть и обходятся весьма дорого; но рѣчные дубы, сколько успѣлъ я примѣниться—не превышаютъ рубля на четверть хлѣба вмѣстимости. Такъ напр. судно, подымающее 500 четвер. или 5000 пуд., обходится въ 500 руб. и т. д. Конечно это разсчетъ не самый вѣрный, но во всякомъ случаѣ приблизительный. Впрочемъ въ послѣдніе годы лѣсъ поднялся до цѣнъ баснословныхъ и легко можетъ быть, что судохозяева не такъ прибавили цѣну, какъ мнѣ кажется. Форма этихъ судовъ не отличается разнообразіемъ—шкуна и требака изъ мореходныхъ; но рѣчной дубъ сохранилъ древнѣйшій образецъ и служитъ типомъ рѣчныхъ судовъ по низовьямъ Днѣпра, начиная отъ Никополя до лимана. Гнѣздо днѣпровскаго каботажа Алешки, и съ незапамятныхъ временъ здѣсь занимались судостроеніемъ, даже когда торговля была въ самомъ жалкомъ положеніи. Мнѣ чрезвычайно какъ хотѣлось собрать мѣстныя названія разныхъ судовыхъ принадлежностей, но не смотря ни на какія старанія, я не могъ успѣть въ этомъ, потому что эти термины—греческіе или итальянскіе, заимствованные отъ иностранныхъ шкиперовъ, или наши военные, перенятые вольными матросами, служившими въ Черноморскомъ флотѣ. Положимъ, Запорожцы плавали на веслахъ преимущественно, но знаемъ также, что они употребля-

ли и паруса, а потому пріятно было бы сохранить отъ забвенія нѣкоторые запорожскіе морскіе термины. Но желаніе мое не увѣнчалось успѣхомъ, и старые судоходы не могли сообщить мнѣ никакихъ свѣдѣній. Записалъ я всѣ названія въ Никополѣ и приступилъ къ тому же въ Алешкахъ—и убѣдился, что всѣ они употребляются на купеческомъ флотѣ и давно всѣмъ извѣстны.

Алешковскіе матросы (вообще какъ собственно вольные, такъ и другихъ сословій), народъ ловкій, расторопный, преданный своему дѣлу, стоятъ значительно выше прочихъ прибрежныхъ жителей, болѣе или менѣе развиты, и въ домашнемъ быту разнятся отъ мѣщанъ и крестьянъ другихъ приречныхъ городковъ и селеній. Близость Херсонскаго порта, безпрерывное сообщеніе съ Одессой и постоянный, хоть небольшой, заработокъ—измѣнивъ патріархальные обычаи крестьянъ, сгладивъ нѣкоторыя угловатости мелкаго мѣщанства,—образовали изъ нихъ какой-то особенный типъ, еще не имѣющій прочныхъ формъ, но обѣщающій быть своеобразнымъ. Матросъ уже и въ домашней жизни имѣетъ другую обстановку: въ самой бѣдной хаткѣ вы встрѣчаете вещи, неупотребительныя въ быту обыкновеннаго крестьянина, и положимъ, хозяинъ этой хаты не пользуется достаткомъ, однако на полкѣ стоятъ у него англійскія фаянсовыя тарелки, въ которыя, легко можетъ быть, иногда и положить нечего. Алешковскій матросъ остался малорусомъ по происхожденію и языку, но онъ уже отдалился обычаями отъ своего племени; онъ даже разнится отъ матроса никопольскаго, за исключеніемъ развѣ одного обстоятельства, кладущаго на нихъ свой неизмѣнный уровень—и тотъ и другой любятъ придерживаться чарочкѣ. Оно и не можетъ быть иначе. Алешковскіе матросы развѣ три мѣсяца въ году сидятъ дома, а остальное время проводятъ въ посѣщеніи Одессы или другихъ портовъ на моряхъ Черномъ и Азовскомъ. Положимъ, матросъ не живетъ на берегу въ городахъ, которые посѣщаетъ, но все таки кромѣ разныхъ увеселительныхъ заведеній, бываетъ у нѣкоторыхъ гостепріимныхъ знакомыхъ или товарищей, и если онъ семейный—привозитъ гостинецъ домашнимъ, внося такимъ образомъ иногородныя моды въ туалеты алешковскихъ жительницъ. Наконецъ холостой матросъ считаетъ обязанностью щегольнуть въ родномъ городѣ и костюмомъ и своего рода галантерейнымъ обращеніемъ, которое почерпнулъ на одесскомъ старомъ базарѣ, въ керченскихъ погреб-

кахъ, или въ чайныхъ заведеніяхъ Таганрога. Я не скажу, чтобъ эти рейсы благотворно вліяли на нравственность, но дань разгулу платитъ по большей части молодость, и лихой неугомонный кутило легко дѣлается хорошимъ семьяниномъ. Все это я говорю о матросахъ, ходящихъ въ море, прочіе же обитатели Алешекъ не отличаются ничѣмъ отъ прочихъ приднѣпровскихъ жителей. Все это наплывъ изъ разныхъ концевъ Малороссіи, сохранившій обычаи *сего и того-бочной* Украйны, какъ выражались нѣкогда наши древніе повѣствователи. Земледѣльцы, кромѣ обработки хлѣба, который у нихъ впрочемъ не всегда и не весьма хорошо родится по причинѣ песчаной почвы, занимаются еще и огородничествомъ, а весьма многіе сѣяніемъ арбузовъ, извѣстныхъ подъ именемъ алешковскихъ и неуступающихъ астраханскимъ. Плодъ этотъ, по величинѣ, вкусу, сочности, наконецъ по цвѣту мяса—превосходитъ всѣ арбузы, произрастающіе въ краю и бываетъ до 30 фунтовъ вѣсу, что петербургскому жителю можетъ показаться баснословнымъ. Здѣшніе арбузы бываютъ двухъ цвѣтовъ, темно и свѣтло-сѣраго, съ продольными едва замѣтными полосками. При выборѣ покупатель употребляетъ пріемы, обыкновенные во всей Малороссіи, т. е. или сжимаетъ арбузъ и прислушивается произойдетъ ли внутри легкій трескъ, или смотритъ что попалось ему—*кавунъ* (арбузъ) или *кавуница*. Не справляясь съ ботаникой, малорусъ раздѣлилъ этотъ плодъ на два пола. На оконечности арбуза, противоположной хвостику, долго держится засохшій цвѣтокъ, образовавшій зародышъ,—который, отпадая, оставляетъ по себѣ круглое сѣрое пятно—на иномъ маленькое, на другомъ большое; маленькое служитъ признакомъ мужскаго пола, большое—женскаго. *Кавуница* предпочитается вообще, какъ плодъ, отличающійся лучшими качествами. Воздѣлываніемъ арбузовъ занимается значительная часть алешковцевъ, которые для этого берутъ иногда землю далеко отъ города, и даже во владѣніяхъ Корсунскаго монастыря. Земледѣльцы и огородники всѣ почти переселились въ степь и живутъ хуторами и хоть это оффиціально не признается, однако тѣмъ не менѣе на всѣхъ алешковскихъ поляхъ, идущихъ на большое пространство,—вы увидите уединенныя фермы, разсѣянныя преимущественно по низинамъ, гдѣ у многихъ разведены садики. Но такъ какъ вообще уклоненіе отъ существующаго порядка не можетъ быть безнаказанно, то каждый алешковецъ,

проживающій въ степи, имѣетъ въ городѣ домикъ или лучше сказать, лачугу для отбыванія квартирной повинности. Я просилъ сообщить мнѣ свѣдѣнія о количествѣ этихъ хуторовъ, но окружной начальникъ сказалъ, что во первыхъ свѣдѣній не имѣется, во вторыхъ хутора не дозволены офиціально, а существуютъ единственно по изстари заведенному порядку. Не могу достовѣрно сказать, на какомъ основаніи хуторяне пользуются снисходительностью мѣстныхъ властей—вслѣдствіе ли сознанія начальства, что бѣднымъ жителямъ жалкаго городишка нѣтъ другихъ способовъ, въ силу ли укоренившагося обычая, или по другимъ причинамъ,—только алешковскія степи представляютъ чрезвычайно оживленный видъ. Эти живописныя хаты въ садикахъ, обширные огороды, на которыхъ цѣлую весну и лѣто кипитъ дѣятельность, и звонкія пѣсни, переливающіяся въ воздухѣ,—благотворно дѣйствуютъ на путника, привыкшаго къ безмолвію и дикой пустынности Новороссіи. Но кромѣ арбузовъ здѣсь воздѣлываются въ большомъ количествѣ всѣ огородныя овощи и въ особенности баклажаны, по здѣшнему *помедоры* (pomme d'or), плодъ, получившій уже въ краю полное право гражданства. Помедоръ, появлявшійся прежде развѣ у достаточнаго барина въ видѣ какого нибудь соуса, вошелъ теперь въ такое обыкновеніе между крестьянами, что рѣдкая хозяйка не подастъ его къ незатѣйливому столу своему. Кромѣ этого помедоръ всегда приноситъ выгоду, потому что сбытъ его не подверженъ никакому риску или затрудненію. Кто же додержитъ его, т. е. съумѣетъ сохранить до поздней зимы, тотъ получаетъ хорошія деньги, потому что чѣмъ дальше къ веснѣ, тѣмъ свѣжая овощь дороже. Цѣлыя груды баклажановъ вывозятся на херсонскій рынокъ, откуда торговки, пользуясь пароходнымъ сообщеніемъ, отправляютъ въ Одессу, особенно которой нужно самой что нибудь купить тамъ, напр. виноградъ. Въ Новороссіи или, лучше сказать, въ приморской ея части, помедоръ до того сдѣлался необходимымъ, что непремѣнно войдетъ въ составъ обѣда: онъ служитъ приправкой ко щамъ, употребляется въ видѣ пюре къ котлетамъ, печеный подается къ жаркому, и кромѣ того изъ него дѣлаютъ разные соусы. Однимъ словомъ, хорошій поваръ или порядочная кухарка умѣютъ разнообразить кушанья изъ этого плода, служащаго выгоднымъ и вкуснымъ подспорьемъ.

Что касается до жизни алешковцевъ высшаго класса, то они тоже, что и въ другихъ отдаленныхъ городкахъ, представляютъ собою маленькій винигретъ племенъ и нарѣчій, и хотя все человѣчество говоритъ по русски, однако родной акцентъ каждаго вноситъ свою долю въ общую рѣчь и образуетъ тотъ говоръ, который такъ обыкновененъ въ южной Новороссіи. Зимой, въ особенности при морозахъ, алешковская молодежь посѣщаетъ херсонскія собранія, хотя и въ самыхъ Алешкахъ иногда случаются вечера съ танцами. Мнѣ не приходилось бывать на этихъ вечерахъ, но я слышалъ разсказы о мѣстныхъ балахъ, которые, по словамъ туземцевъ, «хоть не многолюдны, зато оживлены». Фраза впрочемъ стереотипная, заимствованная изъ губернскихъ вѣдомостей, еще дружно стоящихъ за общія мѣста, при описаніи общественныхъ увеселеній, множества обѣдовъ и т. п.

Но признаюсь, болѣе всего занимала меня въ Алешкахъ одна личность, которую, увидя одинъ разъ, не только невозможно позабыть, но нельзя не познакотиться съ нею ближе, несмотря на отсутствіе самомалѣйшей симпатіи. Личность эта—господинъ средняго роста, довольно худощавый, ступающій съ какой-то особенной выверткой, подающій при встрѣчѣ руку знакомому и незнакомому и физіономія котораго рѣзко бросается въ глаза угловатыми чертами и тупымъ какимъ-то взглядомъ. Отъ носа къ оконечностямъ рта идутъ необыкновенно оригинальныя морщины, особенно складывающіяся при улыбкѣ. Круглое лицо это само по себѣ замѣчательно и своимъ личнымъ угломъ и выраженіемъ, но болѣе всего поражаютъ наблюдателя огромные рыжіе усы на черной подкладкѣ. Если хотите, это не собственно усы, но тѣ нелѣпые клочки, космы волосъ, которые иначе я не могу назвать какъ усо-бородами. Вамъ случалось конечно видѣть, особенно, кажется, въ послѣднія 10, 15 лѣтъ обращики этихъ усо-бородъ, вошедшихъ впервые въ моду, если не ошибаюсь, въ арміи. Дѣло въ томъ, что иной, брѣя бороду, оставляетъ полоску волосъ подъ усами, которая, слѣдуя естественному направленію, растетъ внизъ и продолжается, смотря по производительности почвы, иногда чуть не до пояса. Космы эти, если еще онѣ не большія, кажутся продолженіемъ усовъ, но только издали; вблизи же легко отличить ихъ по безобразію, котораго авторомъ никакъ не можетъ быть природа, недопускающая никакой уродливости въ своихъ украшеніяхъ. Естественные усы, какъ бы ни

были огромны, никогда не уродуютъ лица, а напротивъ придаютъ ему что то мужественное, а безобразныя метлы, пущенныя внизъ перпендикулярно, обезображиваютъ даже самую привлекательную физіономію. Но о вкусахъ не спорятъ—давно доказанная истина—и потому знакомый мой господинъ находитъ, что усо-бороды ему къ лицу и едва не подметаетъ ими улицъ, никогда неподметаемаго города Алешекъ. Относительно же обстоятельства, что у него усо-бороды были цвѣтомъ рыжіе на черной подкладкѣ—это дѣло весьма обыкновенное, котороене требовало бы объясненія, если бы я не былъ увѣренъ, что статья моя попадется и въ руки читательницъ. Весьма часто встрѣчаются люди, у которыхъ усы свѣтлѣе бороды и наконецъ послѣдняя бываетъ даже другаго цвѣта. Говорятъ, что темные усы свѣтлѣютъ и отъ куренія табаку. Не знаю въ какой мѣрѣ это справедливо, хотя и не имѣю причины сомнѣваться, но не могу не замѣтить, что свѣтлые усы и темную бороду случалось мнѣ видѣть у раскольниковъ, которые избѣгаютъ «проклятаго зелья». У моего знакомаго—собственно усы—рыжеватые, но борода темная, а какъ онъ сочинилъ себѣ усо-бороды, т. е. пустилъ перпендикулярно внизъ извѣстныя космы, которыя у него чернаго цвѣта, то цѣлое и вышло рыжее на черной подкладкѣ. Но эта оригинальная наружность ничто въ сравненіи съ внутреннимъ содержаніемъ индивидуума. Встрѣча моя съ нимъ была случайная и совершенно неожиданная—у меня на квартирѣ; но я увѣренъ, что увидя гдѣ нибудь подобную личность на улицѣ, я не преминулъ бы поближе съ нею познакомиться. Интереснаго господина прислали ко мнѣ переговорить на счетъ одного недоразумѣнія, о которомъ упоминать было бы излишнимъ. Я сидѣлъ у стола и спѣшилъ окончить письмо, зная, что въ Алешкахъ почта отходитъ и приходитъ одинъ только разъ въ недѣлю. Шумное топанье ногами и хрипящіе трубные звуки чьего-то богатырскаго носа, при извѣстномъ процессѣ обхожденія «посредствомъ платка», а можетъ быть и по солдатски, заставили меня оборотиться къ единственной двери. Показался господинъ, протянувшій руку еще отъ самаго порога. Не могу отдать отчета въ чувствѣ, которое овладѣло мною при видѣ этого посѣтителя. Поклонился онъ довольно отрывисто, а въ это время его клыки, метлы или усо-бороды сдѣлали необыкновенно комическое движеніе. Мнѣ большаго стоило труда удержаться отъ смѣха.

— Честь имѣю рекомендоваться: штабсъ-ротмистръ NN.

— Очень пріятно познакомиться. Чему я обязанъ имѣть удовольствіе и проч.?

Оказалось, что этотъ штабъ-ротмистръ былъ просто переименованъ въ губернскіе секретари, и присланъ ко мнѣ по дѣлу. Избѣгая всегда короткости съ подобными господами, я съ удовольствіемъ однакоже попросилъ садиться интереснаго посѣтителя, позабывъ даже и о томъ, что въ Алешкахъ почта отходитъ одинъ разъ въ недѣлю. Но не успѣлъ я произнести обычную фразу, какъ мой собесѣдникъ уже развалился на диванѣ и придвинулъ къ себѣ ящикъ съ сигарами.

— Регалія-Флора? спросилъ онъ, выбравъ сигару и откусывая кончикъ.

— Казадоресъ.

— А!

Вслѣдъ за этимъ эксъ-штабъ-ротмистръ исполнилъ порученіе лица его пославшаго.

— А пили вы уже водку? спросилъ онъ меня.

— Я никогда ея не пью.

— Какъ? не пьете водки! Вы шутите.

— Серьезно не пью.

— Такъ вѣрно коньякъ или Ромео и Юлія.

Я улыбнулся.

— Никакихъ крѣпкихъ напитковъ.

— Чортъ знаетъ что такое? Ну ужъ я не могу, мнѣ давно пора.

Я тотчасъ же послалъ въ сосѣднюю ресторацію принести водки. Это благотворно подѣйствовало на моего посѣтителя. Онъ затѣмъ выпилъ двѣ рюмки, закусилъ чернымъ хлѣбомъ, окончательно опорожнилъ графинчикъ и крякнулъ какъ человѣкъ, доставившій удовольствіе своему желудку.

— Вотъ теперь, я вамъ скажу, проговорилъ онъ: сигарка гораздо вкуснѣе, а то, знаете, на тощій желудокъ эдакъ всего тебя коробитъ. За все утро я пропустилъ только три рюмки водки, а я встаю въ шесть часовъ.

Немного стоило мнѣ труда узнать исторію жизни моего посѣтителя, тѣмъ болѣе, что самъ онъ тотчасъ же приступилъ къ изложенію своей автобіографіи.

— Вы думаете, началъ онъ, я всегда былъ въ такомъ поло-

женіи какъ теперь? Нѣтъ, чортъ возьми, эта злодѣйка судьба распорядилась по своему. Въ полку я не скажу чтобъ жилъ хорошо, знаете эскадрономъ не командовалъ, а у субалтернъ-офицера какіе же доходы: но въ военное время я былъ командиромъ воловьей роты. Ха, хе, хе! Понимаете ли чѣмъ это пахнетъ? Короче сказать, не успѣлъ я оглянуться какъ уже сколотилъ 30,000, хотя жилъ, что называется, разлюли и пилъ не простую «сильвупле», а коньякъ и шампанское. Можно бы подъ конецъ войны сдѣлаться человѣкомъ, но попуталъ бѣсъ, и я женился по любви; правда жалко было, чоррть побери, хорошенькая и апетитная, да съ того времени у меня все пошло какъ то на выворотъ. Былъ у меня пріятель, такой же кутиломученикъ. Случилась ему нужда въ деньгахъ. Онъ попросилъ четыре тысячи: я, говоритъ, скоро отдамъ, меня назначаютъ ротнымъ командиромъ. Онъ тоже служилъ у насъ въ чумакахъ, какъ мы называли. Ну, нельзя не услужить пріятелю. Точно, мѣсяца черезъ три пріѣзжаетъ,—а время клонилось къ миру. Сдѣлался полный такой, веселый. «Я, говоритъ, привезъ тебѣ твои деньги» и выложилъ на столъ нѣсколько пачекъ радужныхъ. Я сосчиталъ, оказалось рублей семьсотъ лишнихъ. «Стоитъ ли этакую дрянь брать назадъ, говоритъ пріятель: срѣжемся». У меня случился тогда одинъ коммисіонеръ, тоже малый непромахъ, и говоритъ: «охота же руки марать изъ запустяковъ. Прибавь!» «Ходитъ» отвѣчалъ пріятель и вынулъ изъ пальто пачки двѣ. Короче сказать, къ свѣту у меня не осталось ни копѣйки—до чиста обобрали.

Эксъ-штабъ-ротмистръ замолчалъ, взялъ пустой графинчикъ, повертѣлъ въ рукахъ, поставилъ его и махнулъ рукой.

— А послѣ? спросилъ я.

— Что послѣ? Миръ, чтобъ ему ни дна, ни покрышки, вотъ что послѣ! понимаете?

— Понимаю.

— Набралось какъ-то тысченокъ пара, да стало не надолго. Я отправилъ жену къ родителямъ, а она взяла, да и умерла. Я изъ штабъ-ротмистровъ сдѣлался губернскимъ секретаремъ— вотъ и вся не долга. Прикажите-ко подать водки.

Я исполнилъ желаніе гостя, который мигомъ осушилъ графинчикъ, но систематически, какъ и первый разъ: сначала выпилъ двѣ рюмки, закусилъ черным хлѣбомъ, потомъ докончилъ остальное.

— Знаете ли чего я теперь ожидаю каждый день, вставши въ шесть часовъ утра? спросилъ онъ, скусывая новую сигару.

— Не знаю.

— Чтобы подрались какъ нибудь два жида.

— Не понимаю.

— А я очень хорошо понимаю. Я тотчасъ же обоимъ поколочу рыла и заставлю помириться—вотъ и есть покрайней мѣрѣ полтинникъ. А• вѣдь у самого было больше тридцати тысячъ. Судьба такая проклятая! Чтожъ будете дѣлать!

Собираясь уѣзжать послѣднiй разъ изъ Алешекъ съ тѣмъ конечно, чтобы уже въ нихъ никогда не возвращаться, я вполнѣ былъ увѣренъ, что эксъ-штабъ-ротмистръ не покинетъ этого города, гдѣ онъ уже свыкся съ своимъ горькимъ бытомъ и нашелъ утѣшенiе мирить особеннымъ способомъ двухъ поссорившихся евреевъ. Я думалъ, что уже мнѣ не придется встрѣтить эту оригинальную личность, хотя она и очень рельефно осталась у меня на памяти. Случилось мнѣ проѣзжать лѣтомъ Херсонъ. По обыкновенiю пошелъ я побродить по пристани, гдѣ въ это время кипитъ сильная дѣятельность. Народу собралось множество, словно въ ожиданiи чего нибудь, выходящаго изъ нормы обыденной жизни. Ожидали изъ Алешекъ процессiи, которая долженствовала прибыть за иконой Касперовской Божiей матери, совершающей лѣтомъ обычное путешествiе, о которомъ скажу ниже. Вскорѣ изъ за густыхъ вербъ показались два украшенные перевозные дубки съ гребцами въ праздничныхъ костюмахъ, съ духовенствомъ, съ множествомъ разноцвѣтныхъ хоругвей. Лодки приближались быстро, и хотя у меня хорошее зрѣнiе, однако я не могъ долго разобрать что такое сидѣло на носу передняго судна съ помавающими кистями. Но нѣсколько взмаховъ веслами, и я съ особеннымъ удовольствiемъ узналъ знакомыя усо-бороды, которыя, давъ полную волю своему разгулу, болтались по волѣ вѣтра въ разныхъ направленiяхъ. Лодка пристала къ мостику, и великолѣпная фигура эксъ-штабъ-ротмистра, облитая лучами солнца, вскочила на пристань. Онъ замѣтилъ меня и тотчасъ же протянулъ руку.

— А что, чортъ возьми, неуспѣемъ ли мы этакъ того? спросилъ онъ.

— Одесская гостинница не далеко, сказалъ я; милости просимъ.

— Гдѣ уже тутъ по гостинницамъ, надобно бы поближе пропустить рюмки двѣ, три, четыре....

Но въ это время раздался колокольный звонъ, и знакомецъ мой сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Нѣтъ неуспѣемъ, сказалъ онъ печально; а признаюсь отощалъ совершенно.

Я утѣшалъ его тѣмъ, что въ Алешки дулъ попутный вѣтеръ; значитъ въ дорогѣ приходилось быть недолго.

— А все знаете этакъ протащить «сильвупле».

Но толпа насъ разлучила, я не дождался процессіи, и съ тѣхъ поръ уже не встрѣчалъ оригинальнаго эксъ-штабъ-ротмистра.

Въ Алешкахъ и окрестностяхъ постоянно стоитъ артиллерія. Я упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ собственно потому, что подобная дизлокація вѣроятно сдѣлана была давно, вызванная какими нибудь стратегическими соображеніями, и остается въ своей силѣ до сихъ поръ оттого, что неизвѣстенъ внутренній бытъ нашихъ провинцій. Въ Алешкахъ не только сѣно дорого, но его нѣтъ совершенно, ибо здѣсь вокругъ песчаная не производительная почва. Пѣхотѣ здѣсь можно стоять, но артиллеріи и кавалеріи ни подъ какимъ видомъ. Немного выше по Днѣпрѣ въ томъ же уѣздѣ, а еще лучше въ Мелитопольскомъ—фуража изобиліе—и тамъ бы размѣстить артиллерію было чрезвычайно удобно, между тѣмъ какъ тамъ разставлена пѣхота.

Отъ Алешекъ внизъ по берегу днѣпровской долины дорога идетъ по пескамъ до Кардашинки, длинной деревни, поселенной на болотахъ между ольховыми и лозовыми зарослями. Во время дождей единственная улица ея представляетъ сплошную лужу. Не смотря на такое безотрадное положеніе мѣста, жители Кардашинки говорятъ, что почва чрезвычайно выгодна для воздѣлыванья капусты, и чуть ли это не единственная причина отчего они не переселяются. Значительная дороговизна этой овощи доставляетъ порядочный доходъ, тѣмъ болѣе, что сбывать капусту очень легко въ Херсонъ, Николаевъ и Одессу. Притомъ здѣсь необыкновенное изобиліе тростника, который впрочемъ не представляетъ выгоды для сбыта, потому что здѣсь вокругъ сплошныя массы этого произрастенія, и въ Херсонъ доставляютъ его изъ ближнихъ плавней.

Слѣдуя отсюда по берегу, разумѣется, сыпучими песками, вы пріѣдете къ селенію Голой Пристани, которая представитъ вамъ

двѣ какъ бы отдѣльныя деревни: направо къ самой Конкѣ рядъ болѣе или менѣе порядочныхъ строеній, налѣво массы крестьянскихъ избъ, церковь и кое какіе садики. Между этими двумя частями лежитъ небольшое озеро, сажень 300 въ поперечникѣ, чрезвычайно мелкое, но имѣющее цѣлебное свойство. Вода въ немъ горько-соленая, почти морская. На берегу устроена купальня, и лѣтомъ собираются сюда изъ ближайшихъ окрестностей тѣ больные, которымъ средства не позволяютъ ѣхать дальше для пользованія лиманскими или морскими купаньями. Какъ говорятъ, здѣсь хорошо излѣчиваются золотуха и разныя наружныя болѣзни, раны, сыпи, лишаи и т. п. Но правильнаго и вообще никакого устройства нѣтъ при этомъ цѣлебномъ озерѣ: единственная весьма плохая купальня приходитъ уже въ ветхость, докторъ хоть и пріѣзжаетъ на лѣто, но не всегда, а относительно помѣщенія посѣтителю предстоитъ не мало заботы. Въ той части деревни, которая лежитъ надъ Конкой, я сказалъ уже, есть порядочные домики, но достать квартиру затруднительно, потому что здѣсь стоитъ артиллерійская батарея— значитъ лучшія помѣщенія заняты, а всѣхъ домиковъ весьма немного. Остается деревня за озеромъ, но избы вообще тѣсны и не представляютъ удобства, особенно, если приходится жить вмѣстѣ съ хозяевами. Конечно сюда ѣдутъ преимущественно бѣдняки и евреи, но нѣтъ сомнѣнія, если озеро получитъ извѣстность и дѣйствительно обладаетъ цѣлебнымъ свойствомъ въ той степени, въ какой говорятъ, то число посѣтителей будетъ большое. Уже одинъ Херсонъ, отстоящій на 17 верстъ водою, доставитъ порядочную практику. Есть много недостаточныхъ людей, у которыхъ золотушныя дѣти требуютъ подобнаго купанья. Теперь бѣдняку надо или отказаться излѣчить золотуху у своего потомства, или издержать послѣднія средства на поѣздку въ Одессу; послѣднее впрочемъ для многихъ совершенно невозможно. Для такихъ людей Голая пристань представляетъ большія удобства. Семья чиновника на все лѣто можетъ переселиться къ озеру, гдѣ жизнь дешевлѣ чѣмъ въ Херсонѣ. Наконецъ, если и это невозможно, то чиновникъ можетъ отвезти больнаго ребенка съ нянькой въ деревню и навѣщать его когда угодно, потому что дубки и шаланды очень часто ходятъ между Голой Пристанью и Херсономъ. Разсказываютъ однакоже, что съ каждымъ годомъ посѣтителей прибавляется и

число получившихъ облегченіе въ сравненіи съ общимъ количествомъ значительно. Къ сожалѣнію, я не могу представить здѣсь данныхъ, по невозможности получить ихъ, да и не знаю заботился ли кто о составленіи какихъ бы то ни было свѣдѣній въ этомъ отношеніи.

Часть деревни, лежащая надъ Конкой, составляетъ какъ бы городокъ, въ которомъ живетъ населеніе, болѣе или менѣе принадлежащее къ мѣщанству. Здѣсь есть нѣсколько лавочекъ, чайный трактиръ и кое-какіе ремесленники. На пристани всегда толпится народъ, потому что сообщенія съ Херсономъ весьма часты, да и всѣ сколько нибудь значительныя суда, слѣдующія въ Одессу и обратно, идутъ по Конкѣ, которая составляетъ лучшее днѣпровское гирло. Здѣсь рѣка эта имѣетъ до 30 футъ глубины и течетъ чрезвычайно быстро. Въ Голой Пристани довольно рыбаковъ, преимущественно ставящихъ коты въ тиховодахъ. Нѣкоторые жители содержатъ перевозные дубы и зарабатываютъ порядочныя деньги, потому что всѣ ѣдущіе съ Кинбурнской косы отсюда отправляются водою. Плата за провозъ до Херсона та же, что изъ Алешекъ. Грузятъ также соль, которая здѣсь подраздѣляется на перекопскую (изъ Перекопа), на французскую (изъ имѣнія Вассаля) и на прогнойскую (изъ Кинбур. сол. озеръ). Встрѣчается здѣсь еще торговля товаромъ, который, при всей своей кажущейся незначительности, доставляетъ однакоже значительную выгоду спекулянтамъ. Предметъ этотъ, которымъ изобилуетъ вся Кинбурнская коса даже за Алешки, не стоющій на мѣстѣ ни гроша, однимъ словомъ песокъ, воздымающійся огромными буграми и залегающій большія пространства, продается въ Херсонѣ, смотря по требованію, отъ 7 до 9 рублей небольшой перевозный дубокъ. Добра этого много и въ Алешкахъ и разстояніе оттуда до Херсона одинаково, но тамъ надо брать песокъ за городомъ и возить на пристань за нѣсколько верстъ, тогда какъ здѣсь только что не прямо лопатой бросаютъ на судно. Въ Херсонѣ песку нѣтъ совершенно, постройка же преимущественно каменная, а такъ какъ городъ началъ дѣятельно строиться, то и на песокъ бываетъ большое требованіе.

Въ приречной части Голой Пристани жители, я полагаю, сошлись изъ всѣхъ окрестныхъ губерній. Но собственно въ деревнѣ—классъ земледѣльцевъ—смѣсь малорусовъ съ курскими

*

выходцами. По словамъ стариковъ Голая Пристань населилась первоначально малорусами, но въ 1810 г. пришло сюда нѣсколько десятковъ семействъ изъ Курской губерніи—и эти населенія долго не сливались, а въ послѣднее время почти уже исчезло племенное различіе. Лѣтъ 20 еще назадъ великорусскія женщины носили сарафаны, теперь же нѣтъ и этого и только у мужчинъ замѣтны косые вороты, да напускается на штаны рубашка. Въ говорѣ чуть-чуть замѣтенъ великорусскій элементъ; по внимательному наблюденію можно еще замѣтить великорусское происхожденіе жителей по небольшому количеству лошадей, которыхъ они разводятъ. Пѣсни перемѣшаны и такъ какъ здѣсь постоянно стоятъ войска, а въ военное время было ихъ очень много, то молодежь поетъ преимущественно нелѣпѣйшія солдатскія пѣсни, часто неимѣющія смысла, а отличающіяся какимъ нибудь ухорскимъ напѣвомъ и припѣвомъ.

Ниже Голой Пристани начинаются сплошныя заросли густаго огромнаго тростника, между которымъ вливаются въ лиманъ днѣпровскія гирла, въ настоящее время обмелѣвшія, за исключеніемъ Конскаго. Послѣднее служитъ проходомъ для всѣхъ значительныхъ судовъ и обозначено знаками со входа изъ Лимана. Въ остальныхъ гирлахъ занимаются преимущественно рыболовствомъ. Протоки эти, окаймленные гигантскими тростниками и кудрявыми деревьями, необыкновенно пустынны, и вы можете иногда плавать въ нихъ цѣлый день, не встрѣтивши живой души, особенно во время, неудобное для рыболовства. Въ разныхъ направленіяхъ прорѣзываются узкіе ручьи, по которымъ пройдетъ развѣ небольшая лодочка, и образуютъ множество острововъ, напоминающихъ мѣстность возлѣ старой Запорожской Сѣчи. Здѣсь тоже, во время оно, Запорожцы имѣли своего рода тайники, гдѣ ихъ преслѣдовать не было никакой возможности. Кое гдѣ торчатъ хаты—рыбачьи притоны, но какъ говорятъ, въ этихъ хатахъ, можно было въ старину находить хорошую дешевую водку, разумѣется не отъ откупа. Посѣщеніе днѣпровскихъ гирлъ требуетъ и довольно времени и большой запасъ, если не самопожертвованія, то терпѣнія. Вы должны обречь себя на одиночество, на жизнь подъ открытымъ небомъ и на непріятное сообщество самыхъ лютыхъ комаровъ, если совершаете путешествіе лѣтомъ. Конечно вы не увидите ничего достопримѣчательнаго, исключая положенія гирлъ; но есть своя доля поэзіи въ

этихъ нѣсколькихъ дняхъ плаванія между камышей, особенно если придется провести вечеръ въ какой нибудь рыбачьей артели. Въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ вкусной ухи, которою поподчуютъ васъ непремѣнно, вы имѣете въ виду и живописныя группы, занимательные разсказы и, какъ мнѣ случилось однажды, прослушаете лекцію изъ демонологіи. Это было въ концѣ лѣта. Забравшись со своимъ проводникомъ въ лабиринтъ ручьевъ и протоковъ, съ цѣлью переночевать въ одной хатѣ знакомаго, мы застали эту хату съ дверью, завязанною веревочкою мертвымъ узломъ, означавшимъ, что хозяинъ не желалъ чьего бы то ни было присутствія въ своемъ жилищѣ. Конечно въ подобной пустынѣ нетолько веревочка, но и добрый замокъ немного значатъ, если бы кому вздумалось распорядиться въ чужой хатѣ, но характеръ нашего простолюдина таковъ, онъ не отъявленный воръ или разбойникъ, онъ не рѣшится войдти въ чужое жилище, входъ въ которое запрещенъ ничтожной ниткой. При томъ же въ описываемыхъ мѣстахъ народъ болѣе или менѣе знакомъ между собою, и хоть среди рыбаковъ много безпаспортныхъ, однакоже отсутствіе паспорта не есть признакъ дурныхъ качествъ человѣка.

— Что же мы будемъ дѣлать? спросилъ я у лодочника.

— Поѣдемъ дальше.

— А можетъ быть подождемъ—не возвратится ли твой знакомый.

— Нѣтъ, онъ должно быть уѣхалъ надолго.

— Куда же?

— Кто его знаетъ. Еслибы вертѣлся гдѣ нибудь близко, онъ завязалъ бы дверь *зашморгомъ* (петлею).

Доказательство было убѣдительно. Мы поѣхали дальше. Смеркалось. Комары начали осаждать насъ со всѣхъ сторонъ, а между тѣмъ небо начало убираться группами блестящихъ звѣздъ и въ разныхъ мѣстахъ раздавались звуки заунывныхъ пѣсень.

— Куда же мы ѣдемъ? спросилъ я.

— Найдемъ гдѣ нибудь рыбаковъ.

— А если не найдемъ?

— Будемъ и такъ, отвѣчалъ мой лодочникъ, сложивъ весло и свертывая папироску.

Онъ принадлежалъ уже къ числу современныхъ лодочниковъ, и трубку замѣнилъ болѣе удобной папироской. Послѣ двухъ,

трехъ извилинъ мы очутились въ довольно широкомъ протокѣ, на правомъ берегу котораго горѣлъ довольно большой огонь и освѣщалъ темную группу людей, сидѣвшихъ и лежавшихъ въ живописномъ безпорядкѣ. Мы пристали къ берегу и не спрашивая позволенія присѣли къ огню. Простолюдинъ не привыкъ ни къ рекомендаціямъ, ни вообще къ разнымъ обычаямъ, служащимъ вмѣсто предисловія при встрѣчѣ съ незнакомцемъ; онъ послѣ уже разспроситъ и то придравшись къ случаю. Рыбаки подвинулись, и одинъ старичина предложилъ даже намъ по чаркѣ водки. На треножникѣ кипѣла жирная уха, и скоро вся ватага усѣлась вечерять. Я уже гдѣ то упоминалъ, что всегда вожу съ собою деревянную ложку, которая по древнему козацкому обычаю должна быть у каждаго порядочнаго человѣка; лодочникъ мой, отправляясь на недѣлю въ походъ, тоже не позабылъ положить этого необходимаго орудія, и мы съ первыхъ же поръ заслужили доброе мнѣніе нашихъ радушныхъ амфитріоновъ. Желая разомъ отвѣчать на всѣ распросы, которые необходимо стали возникать послѣ ужина, я сказалъ, что измѣряю гирла, и это удовлетворило моихъ собесѣдниковъ. У меня былъ съ собой на всякій случай штофъ водки, который и велѣлъ подать и угостилъ новыхъ знакомыхъ. Послѣ этого конечно я пріобрѣлъ себѣ друзей, а главное, въ кругу рыбаковъ, всегда беззаботныхъ,—возникло веселье, высказавшееся въ необыкновенно смѣшныхъ и конечно не цензурныхъ разсказахъ. Здѣсь можно замѣтить кстати, что всѣ малорусскіе анекдоты, пользующіеся такою извѣстностью, далеко уступаютъ тѣмъ разсказамъ, которые вы можете услышать отъ простолюдина; жаль только, что вся соль и, лучше сказать, вся ихъ занимательность держится на ужаснѣйшемъ цинизмѣ, напр. если услыхать повѣсть о трехъ братьяхъ и пирогѣ, приготовленномъ женою ихъ дяди, можно бока надорвать отъ смѣха, разумѣется если разсказъ этотъ слышать въ подлинникѣ и еще отъ серьезнаго малоруса, который самъ не улыбнется; но сначала и до конца онъ полонъ выраженій и сценъ, оскорбляющихъ стыдливость.

Часовъ до двѣнадцати продолжалась наша бесѣда, благодаря густому столбу дыма, который, подымаясь вверхъ, разносился вѣтромъ и отгонялъ тучи комаровъ, жужжавшихъ въ почтительномъ отдаленіи. Мнѣ еще не хотѣлось спать; человѣка три рыбаковъ и ихъ сѣдоусый атаманъ тоже бодрствовали, покуривая

коротенькія трубки и съ наслажденіемъ поплевывая на огонь. Я еще предложилъ по чаркѣ водки. Старикъ сдѣлался разговорчивѣе. Мнѣ хотѣлось поживиться какими нибудь преданіями, и я началъ разспрашивать атамана. Оказалось, что онъ издалека и не могъ удовлетворить моему любопытству.

— О, дядько Трофимъ много знаетъ, сказалъ одинъ рыбакъ, только не всегда любитъ разсказывать.

— Отчего же ты не хочешь, дядько Трофимъ? отозвался я, подвигаясь къ старику.

— Да что же я буду разсказывать.

— А какъ вы видѣли *того*, сказалъ молодой парень робко.

При этомъ всѣ перекрестились, не исключая и моего лодочника.

— Будешь много знать—скоро состарѣешься, отвѣчалъ атаманъ назидательно.

— Да вѣдь мы уже не разъ слышали.

Дѣдъ подался и, обращаясь преимущественно ко мнѣ, разсказалъ, какъ три раза въ жизни онъ видѣлъ собственными глазами нечистую силу, а однажды прикасался къ ней. При этомъ дядько Трофимъ энергически плюнулъ. Жалѣю, что не могу передать въ подлинникѣ его приключеній, тѣмъ болѣе, что слогъ атамана, при всемъ лаконизмѣ, чрезвычайно выразителенъ.

Я когда то былъ *панскій* (господскій), началъ онъ, и жилъ въ—ской губерніи. Вы я думаю знаете, что *парубки* (парни) всюду ходятъ по улицѣ (вечернія собранія молодежи) и что тамъ кромѣ *крутни* (шалостей, шутокъ) съ дѣвицами, иногда выпивается *кварта* (штофъ) другая. Вотъ разъ теплой ночью этакъ послѣ святой недѣли (троицынъ день) собрались мы на улицу. Я поболталъ со своей коханкой да и присѣлъ къ товарищу покурить люльки, а онъ и говоритъ: «А знаешъ что, Трофимъ, сегодня придутъ чужіе парни къ нашимъ дѣвушкамъ и принесутъ могорычъ (*). «Ой ли, говорю я, много?» «А чортъ ихъ знаетъ, должно быть ложку или двѣ». Всѣ такъ и захохотали: мой товарищъ, видите, былъ большой выдумщикъ. Ну, мы сидимъ и дожидаемъ. Спѣли кажется, пару пѣсень, какъ

(*) Въ Малороссіи не только парни изъ чужой деревни, но даже изъ своей съ другаго конца не могутъ ходить къ дѣвушкамъ на улицу безъ согласія мѣстной молодежи. Позволеніе покупается условленнымъ количествомъ водки.

слышимъ подъ горой гукаетъ кто-то молодецкимъ голосомъ. Мы догадались, а дѣвушки наши и на мѣстѣ не усидятъ: знаете женская натура, все хочется незнакомаго. Наши то коханки ничего, а вотъ свободныя дѣвушки, тѣ просто сами не свои. А намъ что за дѣло. Парни хорошіе, частуютъ (потчиваютъ) водкой—стало быть надо принимать за товарищей. Молодцы поставили полведра. Въ то время кварта у насъ была по півкопы (25 к. асс.) и такая, что духъ захватывало, а горѣлку эту и гналъ нашъ панъ—у него была своя *винница* (винокурня). Мы и начали. О, да и пили же, вамъ скажу, такъ пили, такая взяла охота, что мы съ пріятелемъ принесли еще двѣ кварты. Правда, дѣвушки просили, каждая своего, перестать, но станетъ ли порядочный человѣкъ слушать этихъ пискухъ. Какъ выпили горѣлку и долго горланили, наконѣцъ подумали, что пора расходиться: вольнымъ и тѣмъ надо было рано вставать на работу, а панскому крестьянину плохо опаздывать на панщину. Всѣ разошлись въ разныя стороны. Чужіе побрели на гору, наши кому куда надо, а я пошелъ провожать свою дѣвушку до ея хаты. «Знаешь что, Трофимъ, говоритъ она, ты хмѣльной сегодня, ступай домой ночевать, а то пожалуй заспишься у меня и пойдетъ худая слава» (*). Ну ладно, говорю—я такъ крѣпко любилъ ее—пойду домой, только чортъ знаетъ какъ далеко, да еще и за мостикомъ.» «Напрасно ты *его* вспоминаешь, говоритъ она, вѣдь скоро никакъ полночь». Меня такъ и взяло за сердце. Ну, попрощался я съ дѣвушкой и пошелъ. Иду, а самаго такъ и начинаетъ морозить изъ за спины, все чудится вотъ земля подо мною ходитъ ходуномъ, и какія то полосы пробѣгаютъ подъ ногами. Остановился я, снялъ шапку, сотворилъ крестъ и посмотрѣлъ на звѣзды—узнать скоро ли полночь, такъ звѣзды мелькаютъ, словно кто собираетъ ихъ руками. Я и припомнилъ, что вѣдьмы занимаются этимъ дѣломъ, и тутъ же пришло на умъ, что у меня сосѣдка вѣдьма и еще недавно я обругалъ ее. Дѣлать нечего, иду. Вотъ и почудилось мнѣ, что подъ ногами прокатился клубокъ. Я остолбенѣлъ, хмлѣю какъ не бывало. Вдругъ на встрѣчу черная свинья и хрюкаетъ. Я въ сторону, она за мною; а тутъ гдѣ ни возьмись черная собака, прыгъ! и

(*) См. Общій взглядъ на бытъ приднѣпровскаго крестьянина въ началѣ книги.

сѣла мнѣ на шею. Я тутъ же упалъ и ничего не помню. Знаю только, что утромъ разбудили меня люди, шедшіе на работу. Съ тѣхъ поръ я ни одной женщины не бранилъ вѣдьмою.»

Я считалъ лишнимъ доказывать старику нелѣпость существованья вѣдьмъ, а случай съ нимъ—объяснить лишней квартой горѣлки; подобныя доказательства и убѣжденія бросили бы только тѣнь на наше знакомство и больше ничего. Простолюдинъ, въ особенности малорусъ, такъ еще вѣритъ въ существованье вѣдьмъ, упырей, русалокъ, что подобная вѣра искоренится не скоро. Впрочемъ и не въ крестьянскомъ быту встрѣчалъ я разсказы о вѣдьмахъ отъ людей конечно неразвитыхъ, но читающихъ даже новые журналы. Да и какъ истребить въ народѣ вѣру въ чудесное, когда онъ не въ состояніи объяснить ни малѣйшаго явленія. Доказательствомъ же, какъ подобные разсказы интересны для простонародья, служило то, что рыбаки вѣроятно въ девятый разъ слушали приключеніе съ вѣдьмой, въ которомъ не было даже ничего смѣшнаго, а встрѣчался одинъ голый фактъ, и то покрытый парами виннаго тумана.

Другой разъ, началъ атаманъ, случилось мнѣ видѣть уже *самого* и тоже въ нашемъ селѣ. У пана, какъ я сказалъ уже, была винница, не такая какъ теперь паровыя, а старосвѣтская съ *кубами* (мѣдными котлами), *стоянами* (чаны для трубъ), и гдѣ мы *черговые* (очередные) пропадали какъ на каторгѣ—цѣлую недѣлю. Правда, благодаря винокуру, водки бывало напьешся по горло, да нельзя никуда отлучиться. Воду качали мы большимъ колесомъ, а въ колесо запрягали какую нибудь клячу. Эта водяная машина стояла особо, и бывало ночью страшно итти туда погонять лошадь, если случалась надобность. Знаете, надъ болотомъ на горѣ кладбище, а въ болотѣ то и дѣло по ночамъ что то болтается. Старикъ винокуръ сказалъ мнѣ, что это *непечатанные* (*), и съ тѣхъ поръ боялся я подходить къ берегу. Надо было ночью накачать воды. Засвѣтилъ я *лихтарь* (фонарь), пошелъ въ машину, запрягъ слѣпую кобылу, закурилъ люльку, сѣлъ на порогѣ и началъ подгонять лошадь. Машина эта опять таки была не такая какъ теперь, что тянетъ воду

(*) Есть повѣрье, что мертвецъ похороненный, но неотпѣтый еще по какому нибудь случаю, напр. по болѣзни или отлучкѣ священника, выходитъ по ночамъ изъ могилы.

смокомъ (насосомъ), а сдѣлано большое колесо съ черпаками, которое, что наберетъ, то и выльетъ въ длинную рынву, придѣланную высоко. Вдругъ моя трубка погасла. Я досталъ губки, запалилъ, раскуриваю: дымъ не тянется. Вынулъ я протычку (я всегда при запасѣ), проткнулъ—не курится; прочистилъ чубукъ—не тянется и только. Съ досады я плюнулъ и говорю: «что здѣсь за чортъ такой засѣлъ?» Съ этимъ лошадь остановилась. Вверху что-то захлопало—смотрю на *бантинѣ* (стропильная перекладина) сидитъ большой черный пѣтухъ, да какъ закричитъ: *кукурiку!* Я схватился бѣжать, опрокинулъ фонарь и въ винницу. Всѣхъ разбудилъ, всѣ переполошились, зажгли огарокъ и пошли *гуртомъ* (вмѣстѣ) въ машину. Черный пѣтухъ сидитъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало, ловко на *сѣдалѣ* (насѣсть). Одинъ парень хотѣлъ было его ударить, но винокуръ удержалъ, и всѣ мы потихоньку повышли изъ машины. На утро правда говорили, что у другаго пана солдаты украли много куръ и что съ разсвѣтомъ пришелъ черный пѣтухъ, который вѣрно вырвался; однако всѣ старые люди сказывали, что въ машинѣ былъ самъ лукавый.

— Ну, а еслибы вы его убили? отозвался мой лодочникъ.

— Дурень ты, любезный! развѣ же можно убить сатану?

— Если сатана, онъ бы и не дался, а если пѣтухъ, что украли солдаты...

— А какъ это по твоему «лукавый» и просилъ бы. Эхъ эти мнѣ горожане, скоро не только не будутъ вѣрить въ чорта, но и въ Бога.

— Ну, это дядько напрасно, я только такъ.

— То то вы всѣ такъ, ворчалъ атаманъ, а придется до дѣла,—небось душа въ пятки уходитъ.

— А третiй разъ гдѣ ты видѣлъ, дядько, нечистаго? спросилъ я, боясь принимать участье въ спорѣ.

— Третiй разъ небольше лѣтъ десять назадъ и правду сказать премудреный случай. Рыбальчилъ я по Днѣпру пониже Берислава. Курень нашъ стоялъ на островѣ далеко отъ берега и кромѣ насъ никого тамъ не было. Мы держали двухъ собакъ и молоденькаго пѣгаго котенка, такого утѣшнаго, что вся ватага имъ занималась. Однажды ночью не было дѣла, забродчики спали, а я сидѣлъ у огня и курилъ люльку. Знаете, ночь осенняя, холодная, вѣтеръ свищетъ, гудитъ въ вербахъ и вол-

ны поминутно шумятъ, разбиваючись о берегъ. Многое мнѣ пришло въ голову, много я передумалъ.... И въ нашемъ селѣ также бывало шумятъ вербы въ непогодную ночь, а ты пробираешься къ дѣвушкѣ и *гадки мало* (нужды нѣтъ). Припомнилъ я родныхъ, пріятелей; все это перемерло или разбрелось.... Я самъ блукаю (брожу) лѣтъ тридцать.... Мнѣ не хотѣлось спать. Наложу, думаю, еще одну люльку, а у меня она была здоровенная, и прилягу—авось заснется. Не тутъ то было, и какъ нарочно всякая чертовщина лезетъ въ голову. Вдругъ слышу снаружи скребется что-то, а послѣ начало мяукать. «Что за чортъ, думаю,—кажись нашъ котенокъ улегся послѣ вечери въ хатѣ; вѣрно кто нибудь выпустилъ». Иду и отворяю дверь. Огонекъ вспыхнулъ ярче отъ вѣтра, а въ дверяхъ показался огромный черный котъ, словно собака и глаза горятъ какъ угли. Я на него: «*дзусъ*!» (брысь), а онъ какъ фыркнетъ прямо черезъ меня, едва не зацѣпилъ лапами по носу и покарабкался на *горище* (чердакъ). Признаюсь, я побоялся будить молодцовъ, однако и самому стало неловко, и такъ просидѣлъ до утра пока не проснулась ватага. Тогда только я разсказалъ свою *пригоду* (приключеніе). Черный котъ какъ сквозь землю провалился. Кажется, черезъ недѣлю одинъ рыбакъ пошелъ въ чащу срубить дерево, такъ видѣлъ, что проклятый влѣзъ на высокій осокоръ и такъ посмотрѣлъ оттуда, что у бѣдняка волосъ сталъ на головѣ дыбомъ. Я думаю, прибавилъ послѣ нѣкотораго молчанія атаманъ, что ночью, особенно когда ты одинъ, не слѣдуетъ *черкатъ* (произносить имя чорта), потому что лукавый всегда гдѣ нибудь недалеко. Видѣть то я не боюсь: кума научила какъ отъ нихъ отдѣлываться, а вотъ *куцый*.....

— Самое лучшее перекреститься, замѣтилъ мой лодочникъ.

— Попробуй же ты перекреститься, когда руки отымутся, въ глазахъ потемнѣетъ и весь разумъ словно пришибенъ.

Всѣ замолчали. Разсказы прекратились. Въ толпѣ на разные голоса раздавался извѣстный концертъ воздушныхъ и водяныхъ обитателей, и я завернулся въ шинель, стараясь защитить лице отъ комаровъ, жужжавшихъ цѣлыми роями. Съ зарей попрощался я съ рыбаками, выплылъ въ Конку и скоро кончилось мое путешествіе по днѣпровскимъ гирламъ.

Разсказы, подобные описанному, встрѣчаются въ каждой малорусской деревнѣ, и всѣ будутъ простодушно увѣрять васъ,

что видѣли вѣдьму, упыря или самого лукаваго, который по народному повѣрью особенно любитъ шататься въ *глухую* ночь (между 10 и 12 часами).

Первое селеніе за Голой Пристанью, Збурьевка, лежащая уже подъ угломъ лимана. Заливъ этотъ, называемый *Кутъ*, очень мелокъ, что не мѣшаетъ однакоже подходить сюда небольшимъ дубкамъ промышленниковъ. Здѣсь когда то была крѣпость или, лучше сказать, збурьевское укрѣпленіе, остатки котораго доселѣ видны въ усадьбѣ помѣщицы Неструевой. Въ настоящее время Збурьевка большое торговое село, гдѣ многіе жители кромѣ хлѣбопашества и скотоводства занимаются торговлей. На улицѣ, идущей отъ волостнаго правленія въ низъ, попадаются порядочные домики. Отсюда уже начинается, собственно, такъ называемая «Кинбурнская коса», которую мнѣ хотѣлось осмотрѣть обстоятельно со стороны лимана, потому что здѣсь самое главное рыболовство въ большихъ размѣрахъ. Поѣздка эта представляла однако же много неудобствъ, во первыхъ по причинѣ страшныхъ песковъ, во вторыхъ по затрудненію въ лошадяхъ, которыхъ такъ трудно доставать у помѣщиковъ, а въ третьихъ по тѣмъ разсказамъ, которыми напугали меня добрые люди, никогда тамъ небывавшіе. Но колебаться было нечего, и я отправился въ эту невѣдомую землю, имѣя въ виду, что первый переходъ будетъ въ имѣніи барона Штиглица—а это не послѣднее удовольствіе. Передъ тѣмъ мнѣ привезли изъ Херсона порядочный запасъ продовольствія, такъ что я недѣли двѣ могъ не рисковать остаться безъ чаю, сахару, свѣчей и прочихъ необходимостей. Я приготовился къ самому безотрадному путешествію по сыпучимъ пескамъ и настроилъ себя сообразно съ этимъ предположеніемъ—не поддаваться скукѣ и ловить малѣйшій предметъ для развлеченія. Но какъ же удивился я, когда выѣхавъ за Збурьевку, очутился въ густомъ лѣсу и съ трудомъ вѣрилъ себѣ, увидя сплошь дубовое насажденіе! Правда, дубъ этотъ низокъ, корявъ, вообще скверненькій, но все же дубъ по берегу лимана, представлявшагося мнѣ пустыннымъ въ высшей степени. Говорятъ, здѣсь онъ не можетъ рости иначе. Не буду спорить, но мнѣ кажется, не мѣшало бы хоть для опыта прорубать густыя мѣста и убѣдиться какъ будутъ расти деревья на свободѣ. Правда, я встрѣчалъ широкія просѣки, но это вырублено сплошь для продажи, а если бы заняться правильно, можетъ быть улучше-

ніе породы не было бы невозможнымъ. А имѣть дубъ въ приморскихъ безлѣсныхъ мѣстахъ—дѣло особой важности. Дороги въ этомъ лѣсу идутъ по сыпучимъ пескамъ, и если мнѣ предстояло тащиться шагомъ, покрайней мѣрѣ я испытывалъ удовольствіе смотрѣть на густыя зеленыя деревья и дышать свѣжимъ лѣснымъ воздухомъ. Правда, что во все время пребыванія на Днѣпрѣ, я не разставался съ лѣсами, но что это за лѣса? Съ апрѣля почти по августъ они въ водѣ, а если и есть болѣе возвышенныя мѣста, то сырость въ нихъ непремѣнное условіе. Лошадей подгонять не было никакой возможности, и хотя возница мой началъ было попытку, однако я остановилъ рьяные его порывы, въ томъ вниманіи, что если лошаденки и пробѣгутъ рысцой нѣсколько сажень, за то, можетъ быть подъ конецъ пристанутъ и откажутся даже идти шагомъ. Скоро мы въѣхали въ дачи барона Штиглица и послѣ часоваго пути намъ показалась деревня Вяземка, называемая въ окрестностяхъ Рыбальчей. Два раза уже приходилось мнѣ въ Морскомъ Сборникѣ говорить объ имѣніяхъ г. Штиглица, и читатели видѣли, что на всемъ протяженіи изслѣдованной мною мѣстности—нигдѣ крестьяне не живутъ въ такомъ довольствѣ и нигдѣ нѣтъ болѣе гуманнаго управленія какъ въ деревняхъ барона. Случается иногда, проскакиваютъ разные индивидуумы, и обижаютъ народъ, но такіе герои держатся недолго и отъ нихъ спѣшать отдѣлаться. Сколько я знаю, баронъ Штиглицъ обращаетъ большое вниманіе на благосостояніе крестьянъ, и въ самыхъ отдаленныхъ его имѣніяхъ, какъ напримѣръ въ Рыбальчей, лежащей Богъ знаетъ гдѣ,—вы увидите и чистыя опрятныя избы, обстановленныя необходимыми постройками, и стоги хлѣба, и отсутствіе лохмотьевъ въ одеждѣ крестьянъ и, наконецъ, самая наружность послѣднихъ не носитъ на себѣ отпечатка той робкой боязливости, которая замѣтна у крестьянъ другихъ владѣній при встрѣчѣ съ пріѣзжимъ.

Во владѣніяхъ Рыбальчей производится большое рыболовство, можно даже сказать самое обширное по этой мѣстности, потому что барону принадлежитъ много плавней, почти всѣ гирла и значительная часть лимана. За этимъ рыболовствомъ слѣдилъ я и съ того берега, проживая въ Станиславовѣ, и потому поговорю о немъ нѣсколько подробнѣе. Самое лучшее время для ловли—зима, и всѣ промышленники ожидаютъ съ нетерпѣніемъ когда замерзнетъ лиманъ; но если случается зима теплая, тог-

да уловъ незначителенъ. Весною тоже до Троицына дня заводы еще въ дѣйствіи, но у барона ловится рыба хорошо въ плавняхъ и на островахъ Янышевомъ и Вербкѣ. Зимой становится до 30 неводовъ, хозяева которыхъ берутъ себѣ мѣсто на откупъ, но экономія имѣетъ и собственные невода, при которыхъ артель рыбаковъ работаетъ съ половины улова. Это здѣсь впрочемъ обычный разсчетъ. Забродчики работаютъ съ большимъ усердіемъ, зная, что чѣмъ обильнѣе уловъ, тѣмъ значительнѣе ихъ вознагражденіе и оттого они стараются быть какъ можно дѣятельнѣе. При счастливомъ ловѣ забродчики заработываютъ много денегъ, но при неудачномъ—это жалкіе люди, ибо по большей части все это пришельцы изъ Малороссіи, которымъ надо отсылать или подати или оброкъ. Впрочемъ между забродчиками есть и такіе, которые не заботятся ни о томъ, ни о другомъ, а стараются только не попадаться на глаза становому приставу, что для нихъ, впрочемъ, очень удобно. Неводъ здѣсь, рѣдко больше 400 сажень, имѣетъ отъ 12 до 16 забродчиковъ. Устройство обыкновенное, т. е. куль, къ которому придѣланы большія сѣти—*крылья*. Вся верхняя веревка сѣти снабжена деревянными поплавками (галаганъ), чтобы не тонулъ неводъ. Тянутъ его рыбаки за оба крыла канатами (кодола) и тянутъ довольно долго, потому что забрасываютъ далеко въ лиманъ. У каждаго забродчика особеннаго устройства поясъ—*ляма:* за спиной гладко выстроганный брусокъ въ родѣ обруча, къ обоимъ концамъ котораго спереди привязаны веревочки, сходящіяся вмѣстѣ и оканчивающіяся ремнемъ съ деревяннымъ шарикомъ (чумбурка). Подойдя къ неводу, рыбакъ обвиваетъ чумбурку за канатъ и тащитъ его при помощи снаряда, обхватывающаго спину, но отступая назадъ. Когда всѣ забродчики потянутъ канатъ, тогда послѣдній отцѣпляетъ чумбурку и идетъ къ берегу снова сдѣлаться первымъ и такимъ образомъ очередуются пока не вытащатъ невода. Передъ выходомъ куля—крылья придавливаются грузилами—деревяннымъ орудіемъ странной формы (Ᵽ), что не дозволяетъ рыбѣ уходить подъ нижнимъ канатомъ. Вытаскивается иногда огромное количество рыбы. Замѣчательнѣе всего стерлядь: это какая то апатическая или, лучше сказать, глупая рыба въ высшей степени. Не говорю уже о томъ, что нѣкоторыя изъ нихъ лежатъ на самыхъ галаганахъ и не стараются уйдти, когда еще представляется возможность; но нерѣд-

ко видите вы стерлядей, которыя, уткнувъ свои длинные острые носы въ сѣть съ наружной стороны, спокойно слѣдуютъ къ берегу за движеніемъ невода и вытаскиваются на сушу. Между тѣмъ другія рыбы мечутся какъ угорѣлыя и выпрыгиваютъ даже тогда, когда казалось бы и выпрыгнуть трудно.

Тянутъ неводъ еще и не на берегъ, а на два дубка, которые ставятъ на якорь не въ далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Такой неводъ тащатъ *бараномъ* (воротомъ), укрѣпленнымъ на берегу, и здѣсь весь уловъ заключается уже въ кулѣ. Раскупаютъ рыбу на мѣстѣ промышленники, и весною и осенью считается она на *носилы*, сплетенныя изъ деревянныхъ прутьевъ корзины, а зимою на *сани*. Красная рыба не въ счетъ, на нее торгуются особо. Но главная ловля и главный торгъ—зимою, когда промышленники спекуляторы (шепотинники) пріѣзжаютъ по льду изъ Станиславова, Херсона, Николаева и Очакова. Весь берегъ до половины лимана установленъ санями, лошадьми, волами, и здѣсь такое смѣшеніе голосовъ, такой крикливый говоръ—какихъ рѣдко встрѣтите и на порядочной ярмаркѣ. Особенно шумятъ и суетятся шепотинники. Покупка рыбы, кромѣ настоящей цѣли, служитъ для многихъ также заманчивой лотереей. Не каждый шипотинникъ ѣдетъ покупать рыбу, да не каждый имѣетъ и необходимую сумму для этого; иной идетъ безъ гроша въ карманѣ, за исключеніемъ одной завѣтной монеты, которой онъ не отдастъ ни за что, монеты нужной ему для участія въ лотереи. Ни одинъ хозяинъ невода не продаетъ рыбы въ раздробь, а ожидаетъ гуртоваго покупщика, за которыми нѣтъ остановки. Но если бы этихъ гуртовщиковъ пріѣхала сотня, то ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ права купитъ рыбы безъ метанья жребія. Это то и составляетъ лотерею. Случается, что шепотинниковъ соберется больше ста и можетъ быть изъ нихъ только двадцать, тридцать въ состояніи купить рыбу, но всѣ безъ исключенія участвуютъ въ лотереѣ. Для этой цѣли у каждаго шепотинника есть своя монета—прежде бывали гроши, а теперь уже преимущественно *карбованцы* (сереб. рубль). На всякой монетѣ есть особый знакъ, по которому узнаютъ хозяина: дырка, нарѣзка, мѣтка зубами и т. п. Всѣ кладутъ свои монеты въ шапку и одинъ кто нибудь, избранный обществомъ, долженъ хорошенько встряхнуть и перемѣшать рубли. Монеты вынимаются по очереди, и уловъ достается послѣднему. Первые

вынутые рубли 10, 20, 30, смотря по числу участвующихъ, выбрасываются вонъ и называются *нѣтъ*. Это все равно, что пустые нумера, и владѣльцы такихъ монетъ почесываютъ только голову. Потомъ на первые 10 слѣдуетъ премія по 50 коп., на вторые по рублю, на остальные пять по два рубля, а самая послѣдняя монета получаетъ право на покупку рыбы. Цѣна самямъ извѣстна, и счастливецъ долженъ сперва удовлетворить конкуррентовъ и тогда уже покупать рыбу. Если жребій вынется бѣдняку голяку, тотчасъ же кто нибудь покупаетъ у него право за условленную цѣну. Такимъ образомъ можно, не имѣя ни копѣйки, получить порядочный заработокъ. Между шепотинниками иногда случаются ссоры, иногда драки, но этотъ народъ не щекотливъ—у него одно въ предметѣ—барышъ. Тотчасъ же увозится рыба въ города, гдѣ разбирается на расхватъ, какъ бы ни былъ великъ уловъ, потому что за этимъ товаромъ пріѣзжаютъ евреи даже изъ Волынской губерніи.

Зимою невода опускаются въ проруби, изъ которыхъ одна, куда бросаютъ неводъ, называется *запустная*, а другая—откуда вытаскиваютъ, *здойма*—отъ малорус. глагола *здіймать*, снимать.

Сорты рыбы слѣдующіе: бѣлуга, чечуга (стерлядь), пестрюга (севрюга), осятръ, сомъ, бѣлизна, чернуха, густря (родъ бѣлаго леща), тораль, чехонь, сула (судакъ), синецъ, окунь, карпъ, лящъ, подлящъ, камбала, баламутъ (сельдь заходитъ въ небольшомъ количествѣ), ершъ, бычокъ. Послѣдній замѣчателенъ по своей большой уродливой лягушечьей головѣ, впрочемъ очень вкусная рыбка.

По отмелямъ здѣсь большое количество *котъ* (заколовъ), которые гораздо вреднѣе крючьевъ и по словамъ промышленниковъ служатъ причиною уменьшенія рыбы, о чемъ я и упоминалъ нѣсколько выше. Опытные люди говорятъ, что скорѣе можно дозволить употребленіе крючьевъ, которые, во-первыхъ, ловятъ лишь красную рыбу, а во-вторыхъ, представляя значительную затрату капитала, не такъ легко пріобрѣтаются, какъ тростникъ, употребляемый на коты. Впрочемъ и установка послѣднихъ требуетъ опытности и особаго искусства.

Ловля рыбы крючьями представляетъ свою долю занимательности для наблюдателя, и я помню, не разъ, по часу проводилъ въ лодкѣ, устремивъ взоръ въ воду, которая во время тихой

погоды бываетъ очень прозрачна, такъ что ни малѣйшая продѣлка рыбы не ускользаетъ отъ вниманія. Обыкновенно избирается мѣсто не очень глубокое и гдѣ по замѣчанію проходитъ много рыбы, которая тоже какъ бы имѣетъ свои пути сообщенія и избираетъ ту или другую дорогу. Въ днѣпровскомъ лиманѣ это бываетъ въ углахъ, куда рыба любитъ собираться; въ рѣкѣ же крючья ставились и ставятся поперегъ и совершенно другимъ способомъ. Ловля крючьями запрещена закономъ, вслѣдствіе того обстоятельства, что рыба, срываясь иногда съ крючьевъ, уходитъ раненая и погибаетъ безъ пользы. Но сколько я могъ замѣтить во время странствій по Днѣпру, подобные случаи бываютъ не часто, потому что, какъ читатель самъ увидитъ, трудно рыбѣ сорваться съ крючка, или лучше сказать, раненыя рыбы составляютъ весьма незначительный процентъ, и это обстоятельство не могло бы служить предметомъ безусловнаго запрещенія. Мнѣ кажется, здѣсь главную роль играло неудовольствіе рыбаковъ, владѣющихъ неводами, и они-то наговорили кому нибудь изъ вліятельныхъ лицъ о положительномъ вредѣ крючьевъ, какъ снаряда, требующаго лишь единовременной затраты капитала, но который не требуетъ большой артели рыбаковъ, пользующихся половиной улова. Владѣлецъ крючьевъ, впрочемъ, разсчитываетъ преимущественно на красную рыбу, доставляющую всегда хорошія выгоды, особенно на лиманѣ, между двухъ большихъ городовъ, какъ Николаевъ и Херсонъ, и при близости Одессы, буквально поглощающей всѣ съѣстные припасы. А посмотрѣть на ловлю крючьями чрезвычайно занимательно. Кто не видѣлъ никогда этого способа, для того необходимо небольшое описаніе. Крючья ставятся обыкновенно на мѣстахъ, по которымъ не плаваютъ суда и гдѣ, по замѣчаніямъ рыбаковъ, собираются большія массы рыбы. Многіе, незнакомые съ дѣломъ, полагаютъ, какъ мнѣ извѣстно, что крючокъ снарядъ въ родѣ удочки, который бросается какъ попало на поплавкѣ и рыба случайно попадается на приманку. Другіе воображаютъ, что рыбакъ, плывя въ лодкѣ, бросаетъ эти крючья съ наживой и такимъ образомъ на ходу ловитъ свою добычу. Третьи, наконецъ, увѣрены—одинъ господинъ даже спорилъ со мною въ непогрѣшимости своего убѣжденія,—что *по дну* рѣки протягивается веревка съ крючьями. Всѣ разсказываютъ какъ очевидцы. Изъ этихъ трехъ извѣстныхъ мнѣ и вѣроятно нѣсколькихъ неиз-

вѣстныхъ опредѣленій, можно составить себѣ самое сбивчивое понятіе о способѣ ловли посредствомъ крючьевъ, хотя и запрещенной, однако бывшей еще недавно въ употребленіи, да и теперь по временамъ появляющейся. Надзоръ за этимъ лежитъ на обязанности становыхъ приставовъ, которые и обязаны слѣдить за всѣмъ, что дѣлается на лиманѣ въ его закоулкахъ, куда подъ часъ и проѣхать неудобно. Въ этихъ закоулкахъ становому легко быть обманутымъ, еслибы даже предположить добросовѣстное исполненіе обязанности, и тамъ, наконецъ, шатаются цѣлыя толпы разнаго люду какъ на пограничной чертѣ двухъ губерній. Становой приставъ безстрашенъ на сушѣ, но на лиманѣ вдали отъ сельской расправы и сателлитовъ, тамъ эти господа необыкновенно смирны и рѣдко и неохотно ввѣряются «вѣроломной стихіи».

Крючья забрасываются иногда въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. Вы не думайте, чтобы это была удочка, какія мы привыкли видѣть въ рукахъ джентльменовъ, занимающихся уженьемъ въ окрестностяхъ Петербурга. Крючки эти болѣе вершка длиною и конецъ ихъ такъ остръ, что вонзается въ рыбу при малѣйшемъ прикосновеніи. Имѣйте въ виду, что красная рыба не имѣетъ шелухи—и слѣдовательно легко попадается. Избравъ мѣсто, рыбаки утверждаютъ на столбахъ длинныя веревки, параллельно одна другой на разстояніи вершковъ двѣнадцами, положимъ тридцать или сорокъ веревокъ, снабженныхъ сверху деревянными поплавками. На каждую изъ этихъ веревокъ прицѣпляются перпендикулярно до самаго дна, бичевки, на которыхъ прицѣплены крючья остреями внизъ, тоже на веревочкахъ, которые движутся при самомъ легкомъ колебаніи, такъ что проходъ между продольныхъ веревокъ довольно свободенъ для рыбы, еслибы она плыла тихо—безъ малѣйшаго уклоненія отъ прямаго пути и сохраняя строжайшее спокойствіе. Но достаточно осетру или стерляди прикоснуться къ одному крючку, происходитъ сотрясеніе бичевки и нѣсколько крючьевъ готовы вонзиться въ тѣло при малѣйшемъ движеніи. Разумѣется животное, почуявъ легкій уколъ или зудъ, кидается въ сторону и десять крючьевъ схватили его непремѣнно. Чѣмъ сильнѣе бьется жертва, тѣмъ больше впивается въ нее крючьевъ и рыба старается даже сохранять спокойствіе, потому что каждое движеніе сопровождается болью. Въ тихую погоду, когда прозрачна вода, случалось мнѣ съ лодки наблюдать, что дѣлалось подо мною. Маленькая рыба

безстрашно гуляетъ себѣ по этимъ роковымъ аллеямъ, наконецъ и чешуйка ея все таки служитъ нѣкотораго рода кирасой, и рѣдко попадается какая нибудь шалунья, забравшаяся въ лабиринтъ крючьевъ и своротившая съ прямой дороги. Мелкая рыба вообще вплываетъ и идетъ быстро между проходами. Не то бываетъ съ красной. Вся эта масса крючьевъ слегка движется, и вѣроятно въ водѣ представляется животному чѣмъ нибудь въ родѣ подводныхъ растеній, потому что оно, какъ видно, не ощущаетъ ни малѣйшаго страха, а инстинктивное чувство самохраненія у рыбы не такъ развито какъ у млекопитающихъ и птицъ, которыя недовѣрчиво смотрятъ на произведенія рукъ человѣческихъ. Однимъ словомъ, красная рыба плыветъ быстро и спокойно до самыхъ крючьевъ, но вдругъ, замѣтивъ правильныя узкія дорожки, убавляетъ ходу и тише вплываетъ въ какую нибудь аллею. Вѣроятно уже при входѣ пробуждается въ ней чувство страха, запрещающее возвратиться назадъ, и она тихо, плавно слѣдуетъ по прямому направленію. Случается, что рыба успѣваетъ благополучно добраться до противоположнаго выхода; но много обстоятельствъ обрекаютъ ее на гибель, и потому стоитъ только ей зайти въ лабиринтъ крючьевъ, то можно сказать смѣло, что развѣ десятая избѣжитъ печальной доли. Вплывая въ проходъ, она видитъ — въ сосѣдней аллеѣ стоитъ рыба неподвижно и вотъ бѣдняжка, по любопытству, врожденному даже твореніямъ низшихъ разрядовъ, останавливается и старается узнать причину этой неподвижности. Разумѣется, нельзя ей не сдѣлать какого нибудь движенія и крючекъ гдѣ нибудь впился въ наказаніе за любопытство. Случается, что по одной и той же дорожкѣ плывутъ рыбы съ противоположныхъ концовъ, тогда при встрѣчѣ обѣ неминуемо погибаютъ, потому что, или огибая другъ друга, или при поворотѣ назадъ, попадаются на крючья. Видѣлъ я однажды случай, казавшійся мнѣ рѣдкимъ, но по увѣренію рыбаковъ, часто повторяющійся и доказывающій только, что рыба вообще глуповата. Сидя теплымъ днемъ въ лодочкѣ, съ сигарой, надъ большимъ пространствомъ, уставленнымъ крючьями, наблюдалъ я однажды сцены изъ подводной жизни. Я держался ближе къ краю, чтобы удобнѣе было видѣть входы и выходы. Все по большей части вплывали малыя недѣлимыя, которымъ крючья не такъ опасны; прошмыгнуло нѣсколько остроносыхъ стерлядей и севрюгъ, но во-

обще было мало движенія, словно рыбы занимались гдѣ нибудь важнымъ дѣломъ. Вдругъ лодочникъ толкнулъ меня и указалъ на воду. Я, какъ говорилось въ старину, весь превратился въ зрѣніе. По одной изъ дорожекъ, не болѣе какъ за сажень отъ выхода, осторожно, тихо пробирался осетръ пуда въ три и словно опытный путешественникъ едва шевелилъ перьями. Точь въ точь, будто онъ держалъ пари, что проплыветъ невредимо.

— Мабутъ ледащо бувавъ у бувальцяхъ (вѣроятно негодяй бывалъ въ передѣлѣ), шепнулъ мой товарищъ.

Къ выходу осетръ еще убавилъ ходу, еле-еле подаваясь впередъ, и какъ онъ былъ большой, то можетъ быть на дюймъ или на два проходилъ отъ стѣнокъ, увѣшанныхъ крючьями. Вотъ осторожно высунулъ онъ голову въ свободное пространство и тѣмъ же медленнымъ ходомъ продолжалъ шествіе до половины туловища. Я уже былъ готовъ поздравить его съ благополучнымъ окончаніемъ пути.... но глупое животное, обрадовавшись преждевременно минованію опасности, дало два, три удара хвостомъ, въ который и впилось нѣсколько крючьевъ. Нѣсколько секундъ онъ бился и качалъ снаряды, но сильная боль заставила его утомиться, и осетръ, до половины свободный, увязъ только оконечностью въ предательскихъ крючьяхъ. Рыбаки разсказывали, что осетры такъ ловятся преимущественно и предлагали мнѣ повѣрить ихъ слова на рыбныхъ базарахъ Херсона и Николаева. Дѣйствительно я видѣлъ послѣ нѣсколько осетровъ, у которыхъ раны только на хвостѣ, между тѣмъ какъ прочая рыба ранена въ разныхъ частяхъ туловища.

Вообще на этой мѣстности рыба сильно вздорожала. Десять лѣтъ назадъ, небольше, пудъ, положимъ, судака продавался по 20 копѣекъ,—теперь не менѣе 2 р. О красной и говорить нечего, и хоть она продается на тоняхъ и не весьма дорого, но въ городахъ, что называется, нѣтъ приступу. Причину отчасти вы уже видѣли. Рыбаки продаютъ ее гуртомъ по такой цѣнѣ, что если бы промышленникъ взялъ 50% барыша, а торговка наложила еще столько же для своей выгоды,—покупателю было бы еще не отяготительно. Но если принять во вниманіе описанную мною лотерею, то естественно, всѣ выигрыши ложатся на потребителей. Здѣсь можно прибѣгнуть къ цифрамъ для болѣе убѣдительнаго доказательства. Положимъ, въ Херсонъ привезъ рыбу промышленникъ, который заплатилъ за нее 100 руб. Не

забудьте, что у него было 80 конкуррентовъ. Половина изъ нихъ вынули пустые билеты. Первые десять получили премiи по 50 коп. = 5 р., вторые по рублю = 10 р., третьи по 2 = 20 р., четвертые пять по $2^1/_2$ = $12^1/_2$ р., остальные четыре по 3 = 12. Промышленникъ кромѣ платы за рыбу роздастъ еще почти 60% премiи; спрашивается, можетъ ли онъ отдать товаръ менѣе какъ за 250 р. Если же торговки возьмутъ не менѣе 50%, то рыба обойдется почти въ четверо дороже чѣмъ прiобрѣтена отъ забродчиковъ.

Рыболовство однакоже не развивается на лиманѣ, и невозможно, покрайней мѣрѣ для меня, доискаться этому причины. Нѣкоторые говорятъ, что самой рыбы меньше будто бы отъ пароходовъ, которые разгоняютъ рыбу. Но это я слышалъ вездѣ, а случается въ одну тоню вытаскиваютъ громадное количество добычи, и старые рыбаки признаются, что не бывало столько и въ хваленые прежнiе годы. Что пароходы не могутъ разогнать рыбу собственно въ днѣпровскомъ лиманѣ—не подлежитъ сомнѣнiю. Еще гдѣ вливается Бугъ, тамъ часто паровыя суда ходятъ въ Николаевъ, но здѣсь, гдѣ главное рыболовство, компанейскiй пароходъ пробѣжитъ два раза въ недѣлю по фарватеру, да когда нибудь протащится буксиръ, а фарватеръ идетъ по срединѣ, значитъ далеко отъ берега. По крайней мѣрѣ я замѣтилъ, что здѣсь вообще жалуются на плохой уловъ во время теплой зимы, когда не стоитъ продолжительно ледъ, но когда лиманъ сталъ и держатъ морозы, рыба ловится очень хорошо.

Рыбаки живутъ привольно, хотя главный предметъ ихъ пищи составляетъ рыба, которая, какъ бы ни была хороша—прiѣдается. Зимой-то они не слишкомъ запасливы, но весною и осенью набираютъ довольно рыбы на случай неудачнаго улова, что случается нерѣдко. И потому въ рыбачьихъ куреняхъ всегда вы можете достать севрюгу или стерлядь, только тамъ не возьмутъ за это денегъ: или откажутъ прямо, или дадутъ, но не въ видѣ продажи. Сначала это меня ставило въ неловкое положенiе, и я не зналъ что дѣлать. Брать даромъ рыбу у незнакомыхъ людей было совѣстно, не взять же и оставаться голоднымъ не хотѣлось, и я скоро уладилъ дѣло. Пошлю бутылку водки, и мнѣ дадутъ непремѣнно штуки двѣ стерлядей или севрюгъ, и уже развѣ въ минуту невзгоды судаковъ или карповъ. Свѣжая икра не въ счетъ;

такимъ добромъ лакомятся хозяева, потому что икряная рыба продается значительно дороже.

Около селенія Рыбальчей растетъ порядочный дубовый лѣсъ, гораздо лучше збурьевскаго, вѣроятно оттого, что имъ болѣе занимаются. Хотя и здѣшній дубъ не отличается ни прямизною, ни толщиною, однако годится на постройку, а главное, судохозяева покупаютъ его для такъ называемаго набора, что въ этомъ краю составляетъ важное обстоятельство. Дубовое дерево, которое придетъ по Днѣпру изъ Бѣлорусіи, въ сравненіи съ купленнымъ въ Рыбаньчей, составитъ разницу не менѣе въ 300%. Недалеко отъ деревни показывали мнѣ большой развѣсистый дубъ, подъ которымъ, говорятъ, пировали Запорожцы. Съ перваго раза это можетъ показаться страннымъ, но дѣло легко объясняется. Хотя нѣтъ никакихъ письменныхъ доказательствъ о пребываніи здѣсь Запорожцевъ, однако, если вспомнимъ, что теперь Рыбальчая принадлежитъ барону Штиглицу, который пріобрѣлъ всѣ имѣнія отъ князя Вяземскаго, а Вяземскому (генералъ-прокурору) была подарена значительная часть запорожской «Палестины», то нѣтъ сомнѣнія, что сѣчевики имѣли здѣсь притонъ. Предположеніе это подтверждается еще тѣмъ, что во время морскихъ походовъ, когда турецкія галеры преслѣдовали козаковъ,—послѣдніе недалеко отсюда перетаскивали свои чайки сухимъ путемъ въ лиманъ и, можетъ быть, пировали, избавясь отъ вражеской погони. Мнѣ говорили, что недавно еще на деревѣ видны были слѣды какихъ-то буквъ, но я замѣтилъ только два креста, вырѣзанные на корѣ, какъ замѣтно во время оно.

Населеніе Рыбальчей—малорусы, но смѣсь изъ всѣхъ екатеринославскихъ, херсонскихъ и таврическихъ имѣній г. Штиглица. Деревня эта, покрайней мѣрѣ прежде, была въ родѣ ссылки, куда переселялись крестьяне, по приговору главной конторы, за разные проступки. Мѣра эта была уже наказаніемъ, во первыхъ, какъ удаленіе съ родины, съ которою простолюдинъ разстается не всегда охотно; во вторыхъ, самая деревня не представляетъ тѣхъ выгодъ крестьянину-земледѣльцу, какія онъ имѣетъ въ прочихъ имѣніяхъ барона. Хлѣбопашество здѣсь не въ большихъ размѣрахъ, да и грунтъ земли песчаный. Можно бы съ успѣхомъ заниматься скотоводствомъ и овцеводствомъ, но эти обѣ статьи хозяйства идутъ успѣшно лишь у помѣщика, а крестьянамъ нельзя держать достаточно ни овецъ, ни скота, потому

что экономія не можетъ или не хочетъ давать имъ пастбищныхъ мѣстъ въ потребномъ количествѣ. Но при всемъ этомъ жители Рыбаньчей все таки въ лучшемъ положеніи, чѣмъ крестьяне другихъ помѣщиковъ. При большомъ съѣздѣ зимою рыбопромышленниковъ, они умѣютъ извлекать свои выгоды, и кромѣ того, многіе сами занимаются рыболовствомъ.

Съ какой-то грустью покидалъ я Рыбальчую, гдѣ у меня была хорошая квартира, гдѣ съ удовольствіемъ ходилъ я по лѣсамъ и посѣщалъ прибрежья лимана, съ его красивыми островами и рыболовными заводами. Но здѣсь оканчивалось правильное гражданское устройство, а дальше надо было полагаться на «авось» до самаго Кинбурна, который тоже представлялъ чуть лишь не олицетвореніе самаго неудачнаго «авось» во всѣхъ отношеніяхъ.

— Васъ повезутъ теперь до Бузовой, сказалъ мнѣ на прощанье управляющій, и если застанете у нѣмца лошадей,—поѣдете въ Прогнои.

— А если не застану?

— Будете дожидать.

— А въ Прогнояхъ?

— Тамъ уже право не знаю. Это мѣсто солянаго вѣдомства, а есть ли какое сельское управленіе—мнѣ неизвѣстно.

Я пріостановился было и хотѣлъ нанять лошадей прямо въ Кинбурнъ, но крестьяне не рѣшались везти въ такую даль по пескамъ. Одинъ промышленникъ согласился было, но заломилъ такую цѣну, за которую можно доѣхать въ 1 классѣ отъ Москвы до Петербурга и даже дальше, а именно 25 р. Разстояніе же здѣсь не болѣе 60 верстъ. Разумѣется, плата эта въ одинъ путь, но главное, я не имѣлъ права нигдѣ остановиться до мѣста, а цѣль моего путешествія жить сколько необходимо тамъ, гдѣ встрѣтится что нибудь интересное. Дѣлать нечего, я выѣхалъ на обывательскихъ до Бузовой. Пока дорога шла лѣсомъ по песку, я слѣзъ и пѣшкомъ выбиралъ себѣ тропинки между деревьями, избѣгая такимъ образомъ непріятности тащиться шагъ за шагомъ и находя тѣнь, доставлявшую мнѣ удовольствіе прохлады. Но вотъ окончилось владѣніе Штиглица, и я выбрался въ открытое песчаное пространство. По временамъ лишь попадались перелѣски и то больше по сторонамъ слѣва,—справа же самый видъ на лиманъ закрытъ густыми тростниками. По дорогѣ попадались

озера или лучше сказать болотныя пространства, наполненныя кое-гдѣ водою, на которыхъ вездѣ много дичи; но какъ весною охота запрещена, то я лишенъ былъ и этого развлеченія. Впрочемъ охота въ моемъ быту не только простое развлеченіе, а иногда единственное средство существованія: если иной разъ удастся застрѣлить гуся, утку или пару большихъ куликовъ, такъ обезпечишь свой желудокъ на цѣлый день и считаешь себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Со страхомъ и трепетомъ приближался я къ Бузовой, которая непривѣтливо выглядывала изъ за песчанаго бугра, двумя или тремя деревьями, какой-то ободранной крышей и неизбѣжнымъ журавлемъ при колодцѣ. Когда выѣхали мы за бугоръ,—немногое прибавилось для внимательнаго взора. Вся Бузовая состоитъ изъ чистенькаго домика съ сараемъ, одной цѣлой и нѣсколькихъ ободранныхъ, полуразвалившихся избъ, десятка разбросанныхъ деревьевъ и кое-гдѣ грудъ глины, указывавшихъ на присутствіе нѣкогда жилищъ человѣка. Недавно еще была здѣсь помѣщичья деревня, которую купилъ одинъ колонистъ и какъ нѣмцу избы не нужны, то Бузовая и исчезла съ лица земли. Домикъ служитъ только для пріѣзда владѣльца, когда послѣдній осматриваетъ хозяйство. Я подъѣхалъ къ домику и, какъ выражаются малорусы, «поцѣловалъ замокъ», потому что дверь была заперта снаружи. Двѣ большія собаки бросились къ крыльцу съ тѣмъ оглушительнымъ лаемъ, который свойственъ только въ степяхъ собакамъ, сопровождающимъ стада. Однимъ словомъ, я долженъ былъ, прислонясь къ двери спиною, защищаться кожанымъ поясомъ, который успѣлъ снять съ себя, пока медленный мой возница не явился на выручку. Пронзительный лай не вызвалъ однакоже никого, что заставляло предполагать объ отсутствіи въ усадьбѣ человѣческаго существа; иначе показалась бы хоть какая нибудь фигура. Вооружась палкой, найденной возлѣ крыльца, и въ сопровожденіи извощика, съ порядочнымъ кнутомъ, я отправился на поиски. Единственная хата была заперта и въ ней лишь мяукала голодная кошка. Оттуда мы ударились въ конюшню и нашли въ стойлахъ тройку добрыхъ жирныхъ лошадей, которыя жевали отличное сѣно. Одно стойло было порожнее и изъ угла его раздавались звуки въ родѣ блаженнаго храпа, переплетаемаго иногда легкимъ носовымъ свистомъ. Это былъ мальчуганъ лѣтъ 12, растянувшійся на сѣнѣ и свѣсившій голову. По лицу его игралъ лучъ солнца, пробиравшійся

гдѣ-то сверху сквозь щелку, а возлѣ лежалъ большой ломоть чернаго хлѣба. Насилу мы его растолкали. Сначала было онъ испугался, но послѣ оправился и предложилъ мнѣ идти въ горницу. Ключъ оказался у него, и я вошелъ въ довольно чистую комнату, полъ которой, однакоже, по обычаю колонистовъ, былъ усыпанъ пескомъ. Меня удивила чернильница съ перомъ и книга, въ которой записывается отпускъ лошадей проѣзжающимъ. Владѣлецъ Бузовой держитъ здѣсь четверку лошадей, для тѣхъ, кто имѣетъ право на взиманіе обывательскихъ. Я внимательно прочелъ книгу, въ которой однакоже весьма немного проѣзжихъ: нѣсколько разъ записанъ становой, да приставъ кинбурнскихъ соляныхъ озеръ и только.

Мальчишка не зналъ на что рѣшиться.

— Я и могъ бы поѣхать до Прогноевъ, сказалъ онъ, вѣроятно дядько (онъ указалъ на моего возницу) запрягъ бы мнѣ лошадей,—да какъ же я оставлю дворъ?

— Дурень ты, дурень, отозвался мой ямщикъ: а что ты сдѣлаешь, если придетъ *лихой* (злой) человѣкъ?

— Что сдѣлалъ бы? утёкъ, вотъ что, отвѣчалъ мальчикъ, показывая свои выщербленные зубы.

— То-то утекъ, а кони пропали. Такъ лучше я тебѣ ихъ запрягу, а ты запри горницу, да и поѣзжай въ Прогнои. А гдѣ дядько?

— Куда то уѣхали.

Пока шли переговоры, явился и дядько, онъ же и сторожъ и ямщикъ и управляющій. Запрягли мнѣ лошадей, и тотъ же мальчуганъ повезъ меня въ Прогнои песчаными буграми въ перемежку съ болотными рытвинами. Названіе не обѣщало ничего добраго, но я ожидалъ сюрприза и надѣялся переночевать въ какой нибудь чистенькой избушкѣ. За версту до селенія я увидѣлъ влѣвѣ деревья, небольшой куполъ съ крестомъ и вправо нѣсколько мачтъ, означавшихъ присутствіе хоть какого нибудь порта. На берегу лимана стоялъ *баранъ* (воротъ)—признакъ рыболовства. По сыпучему песку подъѣхали мы наконецъ къ Прогноямъ, и надо было позаботиться о помѣщеніи, тѣмъ болѣе, что мнѣ приходилось, можетъ быть, остаться на неопредѣленное время, по случаю затрудненія въ лошадяхъ. На площади увидѣлъ я нѣсколько порядочныхъ домовъ, но какъ они принадлежатъ соляному вѣдомству, и заняты чиновниками, то

и думать было нечего подъѣзжать къ нимъ; я рѣшился попросить гостепріимства въ какой нибудь чистенькой хаткѣ. Влѣвѣ замѣтилъ я отдѣльный дворикъ, обнесенный низкимъ глинянымъ заборомъ, изъ за котораго выглядывали два крошечныхъ домишка. На порогѣ стояла женщина въ ситцевомъ платьѣ и, закрывъ рукою глаза отъ солнца смотрѣла на дорогу. На мой вопросъ—нельзя ли у нихъ остановится, она отвѣчала радушнымъ «милости просимъ», и мнѣ отведена была миніатюрная, но опрятная и свѣтлая комнатка, по стѣнамъ которой висѣли даже литографіи московскаго издѣлія. Волею, неволею сдѣлался я на время жителемъ Прогноевъ, этого отдаленнаго уголка, лежащаго однакоже на лиманѣ и имѣющаго прямое сообщеніе со всѣми портовымы городами. Главный центръ, вокругъ котораго вращается все окружающее—это отдѣленіе или участокъ солянаго правленія, завѣдующій кинбурнскимъ солянымъ промысломъ. Здѣсь выстроены казенные дома и живетъ штатъ чиновниковъ, зависящихъ отъ перекопскаго солянаго вѣдомства. Штатъ небольшой, но чиновники хорошо обезпечены, получая значительное жалованье и имѣя выгодное помѣщеніе. Хотя казенные дома построены изъ дурнаго матеріала (изъ барочнаго лѣса) и обошлись казнѣ очень дорого, однако они представляютъ неслыханное удобство на мѣстности, гдѣ господствуютъ простыя камышевыя мазанки. Можно сказать навѣрное, что во всемъ новороссійскомъ краѣ не благоденствуетъ ни одно вѣдомство такъ, какъ соляное. Я знаю навѣрное, что правдивое описаніе добыванія соли на всѣхъ крымскихъ озерахъ было бы необыкновенно любопытно для читателя, но къ сожалѣнію никогда не могъ я заняться этимъ, употребляя свою дѣятельность совершенно на другомъ поприщѣ. Собственно Кинбурнскія озера не представляютъ особаго интереса по малости добыванія соли и если принять во вниманіе обстоятельства, что на главныхъ крымскихъ озерахъ не добывается, можетъ быть, и десятой части осѣдающей соли, то невольно является вопросъ—зачѣмъ же въ Прогнояхъ содержится штатъ чиновниковъ? Но мнѣ все-таки было любопытно взглянуть какое вліяніе производитъ соляной промыселъ на окрестное населеніе. Жители сосѣднихъ деревень (а ихъ очень мало) находятъ себѣ заработокъ и охотно идутъ на ломку соли, потому что назначается порядочная плата. Вся эта часть Кинбурнской косы изобилуетъ солеными озерами

и есть такія, особенно удаленныя отъ Прогноевъ, гдѣ никогда не производится разработка и куда по временамъ только ѣздятъ сторожа надсматривать, чтобы народъ не бралъ соли. Народъ впрочемъ во всей окрестности пользуется если не всей даровой, то большей части дешевой контрабандной солью, и можно сказать, что Прогнои наполнены этимъ товаромъ. Въ рѣдкомъ домѣ гдѣ нибудь не спрятана куча соли, а о ночномъ торгѣ въ камышахъ и говорить нечего. Озера слишкомъ разбросаны, стража немногочисленна, степь глухая—все это способствуетъ похищенію. Наконецъ можно ли положиться на соляную стражу и быть увѣрену, что каждый стражникъ честно исполняетъ обязанность. На таможняхъ, гдѣ, говорятъ, избираются испытанные солдаты и унтеръ-офицеры,—и тамъ цѣлковый играетъ важную роль. Если наконецъ иной чиновникъ обсчитываетъ казну на тысячи, то какъ же предположить чувство чести развитымъ до такой степени у солянаго стражника, чтобы онъ остался равнодушенъ къ двугривенному или къ столь милой ему косушкѣ, предложенной контрабандистомъ. Самъ соляной приставъ разсказывалъ мнѣ, что въ первое время прибытія его, въ Прогнояхъ контрабанда велась въ большихъ размѣрахъ, но что онъ успѣлъ уже ее ограничить; покрайней мѣрѣ, по его словамъ, незаконный торгъ не дѣлается такъ открыто. Онъ передавалъ мнѣ разные эпизоды изъ своихъ поисковъ, и хоть ни разу ни сказалъ прямо, но изъ всѣхъ обстоятельствъ видно, что онъ не весьма довѣряетъ своей командѣ. Приставъ этотъ безъ всякихъ лазутчиковъ узнавалъ и мѣсто, гдѣ предполагалась нагрузка, и самое судно, приходившее за контрабандой. Онъ пользовался зрительною трубкой для своихъ наблюденій, которую и употреблялъ въ дѣло, всходя по временамъ на колокольню. Гдѣ нибудь въ камышахъ торчитъ мачта—вотъ и признакъ, стоитъ только ночью явиться на мѣсто преступленія, и контробанда захвачена. Но въ послѣднее время контробандисты поняли на какую они ловятся штуку и начали снимать мачты. Покрайней мѣрѣ нѣкоторые жители Прогноевъ не стѣсняются ни пребываніемъ въ селѣ солянаго пристава, ни заставой у гавани, гдѣ стоятъ досмотрщики, и торгуютъ себѣ припѣваючи. Отпускъ казенной соли производится со всѣми мелочными формальностями, такъ что со стороны можно подумать—не пропадаетъ ни одна крупинка. Впрочемъ уже этотъ промыселъ началъ перехо-

дить въ частныя руки, и есть надежда, что правительство будетъ отдавать всѣ свои озера на аренду, сберегая такимъ образомъ значительныя суммы, поглощаемыя крымскимъ солянымъ правленіемъ, состоящимъ изъ 50 штатныхъ чиновниковъ, неговоря о канцелярскихъ. Кромѣ того идетъ ремонтъ на казенныя зданія, а что употребляется на пріобрѣтеніе и постройку необходимыхъ орудій, сколько идетъ лѣсу, который такъ страшно дорогъ, такъ нѣтъ ни какого сомнѣнія, что отдать частнымъ людямъ весь промыселъ—для казны чрезвычайно выгодно.

Между тѣмъ соль, предметъ постоянной необходимости для каждаго бѣдняка, у насъ дорога не только въ центрѣ Имперіи, но и въ Малороссіи и даже Новороссіи. Бывали времена, когда немного въ сторону отъ Днѣпра доходила она до 1 р. за пудъ. Цифра, кажется, сама по себѣ незначительная, но для бѣдняка, добывающаго потомъ каждую копѣйку и затрудняющагося платить подати, тяжело давать 25 к. за 10 фунтовъ, которыхъ ему не надолго хватитъ. Бѣдные люди на Кинбурнской косѣ не покупаютъ соли: они или похищаютъ прямо изъ запасовъ, сложенныхъ въ копны, или добываютъ сами изъ озеръ, лежащихъ въ отдаленіи и не разработываемыхъ солянымъ вѣдомствомъ. Послѣдній способъ не считается ими даже за преступленіе.

— Казнѣ вѣдь все равно, говорятъ они, пропадетъ ли соль даромъ, или съѣдятъ ее бѣдняки, нуждающіеся въ этомъ снадобьи.

Стражники также не всегда серьезно смотрятъ на подобное похищеніе, и можно смѣло сказать, что казна лишается многихъ процентовъ, хоть этого и невидно изъ отчетовъ, по обычаю такъ гладко у насъ составляемыхъ и такъ старательно выводящихъ даже $^1/_2$ и $^1/_4$ копѣйки для большей аккуратности.

Прогнои населены пришельцами изъ разныхъ мѣстъ Новороссіи: здѣсь найдете вы и ейскаго купца и херсонца и аккерманскаго мѣщанина, безъ котораго, какъ говорится, и вода не отсвятится. Объ этихъ мѣщанахъ я поговорю подробнѣе при описаніи Днѣстра, когда дойду до Аккермана. Прогнойскіе жители занимаются рыболовствомъ, продажею соли, судоходствомъ и, смахивая на горожанъ какого нибудь жалкаго городишка, удаляются нѣкоторымъ образомъ отъ сельскаго быта и своею бойкостью и костюмомъ и привычками. Есть двѣ или три лавченки. Въ первый праздникъ, отправясь въ церковь, я былъ изу-

мленъ при видѣ множества шляпокъ, мантилій и даже одного кринолина. Я зналъ, что прогнойскій соляной штатъ очень небольшой, и потому присутствіе столькихъ особъ прекраснаго пола въ современномъ костюмѣ было для меня загадкой, пока наконецъ не объяснили мнѣ въ чемъ дѣло. Въ Прогнояхъ живутъ нѣкоторыя лица, даже отставные флотскіе офицеры, на томъ основаніи, что тамъ жизнь очень дешева. Дѣйствительно, за сумму, которой не хватило бы прожить годъ въ Николаевѣ и даже Херсонѣ, можно въ Прогнояхъ пріобрѣсть мазанку и существовать безъ нужды при дешевизнѣ рыбы, соли и даже хлѣба. Такъ и дѣлаютъ бѣдные люди! Не понятно однакожъ какъ можно выбирать прогнойскую мѣстность, песчаную, лишенную растительности, плоскую и охваченную со всѣхъ сторонъ самой безотрадной скукой! Я однакоже имѣлъ тамъ Петербургскія вѣдомости, которыя получаются, кажется, черезъ Херсонъ около 80 верстъ. По вечерамъ я бывалъ у солянаго пристава и видѣлъ кое-кого изъ чиновниковъ.

Рыболовство здѣсь однакоже не весьма большое, и одинъ купецъ разсказывалъ мнѣ, что если онъ и имѣетъ заработокъ, то отъ неводовъ, которые ходятъ въ морѣ за Кинбурномъ. Разумѣется мѣстные жители ловятъ рыбу для собственнаго потребленія, но рыболовство это ограничивается сѣтями, а заводовъ я видѣлъ немного. И здѣсь тоже жалуются, что количество рыбы уменьшилось значительно, и нѣтъ уже тѣхъ невѣроятныхъ улововъ, которые случались лѣтъ 20 назадъ.

Живя въ Прогнояхъ, я между тѣмъ освѣдомлялся о средствахъ сообщенія съ Кинбурномъ, и узналъ, что лучше всего ѣхать въ село Покровку, лежащее надъ морскимъ заливомъ, и оттуда уже, какъ отъ ближайшаго пункта, съѣздить въ разрушенную крѣпость. Есть сообщеніе и по берегу чрезъ деревню Васильевку, но подвержено было сомнѣнію—достану ли я тамъ лошадей; прогнойскія же не могли везти до Кинбурна по причинѣ большихъ песковъ и значительнаго разстоянія. Притомъ же мнѣ разсказывали, что жители Покровки, преимущественно рыбаки, выѣзжаютъ въ море на бѣлужій промыслъ, а это для меня предметъ особой важности, и потому я рѣшился избрать дальній путь и поѣхалъ наперерѣзъ къ морю.

Мѣстность чисто безотрадная. Представьте себѣ голую степь, волнистую и песчаную, по которой кое-гдѣ болотная мочевина,

покрытая камышемъ, соляное озеро розоватаго цвѣта или небольшіе оазы тощей травки. По болотамъ впрочемъ множество разнородной дичи. Долго мы тащились и по дорогѣ встрѣчали народъ, который шелъ пѣшкомъ въ Прогнои, чтобы на другой день побывать у обѣдни. Все шла по большей части молодежь, преимущественно попарно и никакъ уже не болѣе двухъ паръ вмѣстѣ. Все это были будущіе супруги. Я нарочно слѣзъ съ повозки и пошелъ стороною. Мнѣ хотѣлось узнать предметъ веселой бесѣды парней съ дѣвушками, которые, не стѣсняясь, разговаривали очень громко. Шутки, обычныя деревенскія остроты и ничего незначащіе пустые разговоры были плодомъ моего любопытства, за которое однакоже я заплатилъ пѣшимъ получасовымъ путешествіемъ по сыпучему песку. Одна только пара разсуждала о своемъ будущемъ супружествѣ. Въ послѣдней кучкѣ изъ нѣсколькихъ особъ шелъ толкъ о томъ—какая будетъ заработная плата за выломку соли и получатъ ли они сполна слѣдуемыя деньги. Наконецъ мы въѣхали въ *кучугуры* (песчаныя насыпи) и поѣхали шагъ за шагомъ. При въѣздѣ на одинъ бугоръ, я увидѣлъ—влѣвѣ блеснуло море, направо махала крыльями мельница и показалось нѣсколько деревьевъ.

Дорога пошла немного тверже и лошаденки тряхнули мелкой рысцой, предвидя близкій отдыхъ. Передъ нами показалась хата на берегу болотистаго озера, поросшаго ольхой и лозой. Вокругъ песчаные бугры большихъ размѣровъ.

— Вотъ и Покровка, сказалъ извощикъ.

— Какъ Покровка? спросилъ я, Гдѣ же деревня?

— А это она и есть. Она вся вотъ построена такъ, что въ мятель не попадешь изъ хаты въ хату.

Дѣйствительно оффиціальный пестрый столбъ гласилъ о существованіи деревни вѣдомства государственныхъ имуществъ съ описаніемъ сколько дворовъ и проч. Проѣхавъ дальше, мы снова встрѣтили хату на берегу озерца, поросшаго ольхою и лозою, потомъ черезъ десятокъ или полтора сажень песчаныхъ бугровъ то же самое и наконецъ черезъ полчаса мы буквально увязли въ пескѣ у воротъ подобной фермы. Болото было гораздо обширнѣе, зарослей больше, и порядочная хата въ два жилья дымилась обѣими своими трубами.

Меня приняли радушно и отвели лучшую избу, передній уголъ которой уставленъ старыми почернѣлыми иконами, и стѣны окле-

ены лубочными картинками и отрывками французскихъ газетъ: Иллюстраціи, Journal de Débats и кажется Journal pour rire. Жилище мое мнѣ понравилось, и я остановился на нѣсколько дней въ Покровкѣ. Деревня эта, раскинутая по берегу морскаго залива, усѣяна небольшими озерцами и возлѣ каждаго изъ нихъ, гдѣ только поросли деревья, стоитъ хата, иногда на разстояніи тридцати и сорока саженъ одна отъ другой. Промежутки эти наполнены песчаными буграми, которые въ иныхъ мѣстахъ непроходимы, и закрываютъ рѣшительно видъ на деревню, такъ что взору вашему представляется одна лишь усадьба, въ которой живете. Населеніе малорусское. Хлѣбопашество чрезвычайно бѣдно, а главный промыселъ—ловля бѣлуги, доставляющая порядочный заработокъ. Во время войны, Покровку занимали французы, чѣмъ объясняется присутствіе парижскихъ журналовъ на стѣнахъ моей квартиры. Жители уходили въ степь и зимовали по дальнимъ селамъ. Хозяйка разсказывала мнѣ, что по уходѣ непріятеля не только нашла свою посуду цѣлою, но еще множество бутылокъ и нѣсколько тарелокъ въ придачу. Въ другихъ избахъ все было растаскано и перепорчено. Ее удивляло то обстоятельство, что котъ, оставшійся при французахъ, нетолько не былъ убитъ и съѣденъ, а разжирѣлъ непомѣрно, вслѣдствіе чего сдѣлался совершеннымъ лѣнтяемъ и не хочетъ ловить мышей.

Нѣсколько дней я употребилъ на знакомство съ Покровкой, которая растянута версты на три. Поля, лежащія къ Кинбурну, нельзя однакоже назвать безплодными; тамъ растутъ даже дубовые лѣски, состоящіе правда изъ тощихъ деревьевъ, но все таки пригодныхъ въ хозяйствѣ. Земледѣліе не доставляетъ большихъ выгодъ, а служитъ средствомъ пропитанія, и когда я узналъ подробности о рыбномъ промыслѣ, то признаюсь, удивился какимъ образомъ цѣлое населеніе деревни можетъ жить въ такомъ пустынномъ и безотрадномъ мѣстѣ. Послѣ военнаго погрома начальство предлагало покровцамъ переселиться на болѣе удобныя казенныя земли внутри косы, но они не согласились и снова перешли въ разоренную Покровку, къ своимъ песчанымъ буграмъ и хатамъ у болотъ, поросшихъ ольхой и лозою.

Я поселился у одного изъ лучшихъ рыбаковъ, и первымъ моимъ дѣломъ было развѣдать подробно о рыбномъ промыслѣ. Въ сѣняхъ моего хозяина стояло нѣсколько острогъ, которыми

бьютъ рыбу, но больше никакихъ снарядовъ я не видѣлъ. Покровцы занимаются преимущественно ловлей бѣлуги, которая въ большомъ количествѣ водится въ ихъ заливѣ на пространствѣ между Покровкой и островомъ Тендрой. Рыбакъ строитъ себѣ небольшой двухмачтовый дубокъ безъ палубы, но съ высокими бортами, подбираетъ экипажъ обыкновенно не болѣе 4 человѣкъ, и если самъ не искусный боецъ, то нанимаетъ ловкаго бойца и по утрамъ съ зарей отправляется въ море, разумѣется при удобномъ вѣтрѣ. Рыбаки преимущественно разсчитываютъ на боковой, чтобы удобнѣе было возвратиться.

Когда все это разсказалъ мнѣ хозяинъ, владѣющій прекраснымъ дубкомъ, легкимъ и быстрымъ на ходу, я попросилъ его взять меня съ собою на утро, если поблагопріятствуетъ вѣтеръ.

— Не могу, сказалъ онъ.

— Отчего?

— Намъ нельзя никого брать съ собою.

— Какъ?

— Мы присяжные.

— Что же это значитъ?

— Мы присягаемъ въ Очаковѣ и намъ даютъ билеты. Я не могу взять на дубъ никого кромѣ своихъ матросовъ, и даже если который нибудь изъ нихъ заболѣетъ или разсчитается, и мнѣ надо взять новаго, то я долженъ опять ѣхать въ Очаковъ и перемѣнить присяжный листъ.

Мои надежды разомъ рухнули, и я довольствовался только разсказами. Рыбаки отъѣзжаютъ обыкновенно нѣсколько миль отъ берега и бросаютъ якорь на глубинѣ 15—20 футовъ. Бѣлуга, которая ходитъ иногда стадами, иногда въ одиночку, мало обращаетъ вниманія на поверхность моря и занимается своимъ дѣломъ. Рыбаку все видно въ прозрачной морской водѣ, и боецъ, у котораго *сандолъ* (острогъ) привязана на тонкой бичевкѣ, пускаетъ свое орудіе со всего размаха. Если онъ попалъ—а промахи рѣдки—рыба дѣлается его добычей; если же промахнулся, выжидаетъ другаго удобнаго случая. Попадаются бѣлуги очень большія. При мнѣ поймали одну въ 50 пудовъ. Подобное животное, почувствовавъ желѣзо и не потерявъ еще силы, рвется въ ходъ, тогда рыбаки или травятъ бичевку или привязываютъ къ ней боченокъ, а иногда подымаютъ якоря и идутъ за раненымъ животнымъ, пока оно не угомонится. Кому

ловъ удаченъ, тотъ имѣетъ порядочныя выгоды, потому что пудъ бѣлуги продается по 2 р., а на счетъ сбыта не бываетъ недостатка. Но вопервыхъ выпадаютъ дни и недѣли, когда рыбакъ буквально не видитъ ни одной бѣлуги, во вторыхъ за частую дуютъ свѣжіе противные вѣтры, когда нельзя выходить въ море, а въ третьихъ, что самое главное,—надъ этимъ промысломъ тяготѣетъ одно постановленіе, стѣснительное само по себѣ, но еще болѣе стѣсняемое произволомъ властей, какъ это водится вездѣ по отдаленнымъ и глухимъ захолустьямъ. Независимо отъ того, что приморскій рыбакъ даетъ присягу не сообщаться съ иностранными судами и не трогать ничего выбрасываемаго моремъ, онъ обязанъ *въ день отъѣзда на промыселъ*, *вечеромъ*, приковать лодку цѣпью на берегу селенія и отдать ключъ на кордонъ унтеръ-офицеру пограничной стражи. Это, говорятъ, на случай контробанды. И сколько возникаетъ неудобствъ для бѣднаго рыбака, если дѣйствительно онъ бѣденъ и не можетъ ладить съ кордономъ. Я полагаю, меня никто не заподозритъ въ нападеніи на какое бы то ни было вѣдомство, если я выражу сомнѣніе въ образцовой честности солдатъ, стоящихъ по кордонамъ. Скажу болѣе, нашъ солдатъ, этотъ добрый, совѣстливый человѣкъ,—теряетъ уже много процентовъ, если онъ выбылъ изъ фронта на службу въ полицію, таможни, коммисаріатъ и т. п. Рыбаки должны ладить съ кордономъ, потому что каждый изъ нихъ почти въ крѣпостной зависимости отъ унтеръ-офицера. Выѣзжаетъ рыбакъ на ловъ. Вдругъ вѣтеръ перемѣнился, засвистѣлъ, отнесъ лодченку куда нибудь къ Тендрѣ, и пожалуй въ открытое море, гдѣ отважный рыбакъ умѣетъ продержаться сутки и двое, кордонному унтеръ-офицеру нѣтъ дѣла; онъ знаетъ лишь одно, что рыбакъ не исполнилъ постановленія, т. е. въ день отбытія, вечеромъ, не приковалъ лодки къ берегу. По возвращеніи рыбака арестуется лодка, и посылается донесеніе офицеру. Положимъ, придетъ разрѣшеніе освободить дубокъ, но сколько же благопріятнаго времени долженъ потерять бѣднякъ, если унтеръ-офицеръ не захочетъ послать тотчасъ же, а офицеръ не скоро дастъ увѣдомленіе! Мало этого, каждое утро рыбакъ въ зависимости отъ унтеръ-офицера. Бѣднякъ торопится уйти въ море, по примѣтамъ погода хорошая, вѣтеръ отличный; онъ спѣшитъ на кордонъ; но ему не выдаютъ ключа, потому что унтеръ-офицеръ отлучился. Пропалъ цѣлый день, ибо потерять

два, три удобныхъ часа много значитъ. Рыбаки, между прочимъ, жалуются еще и на то, что карантинная застава притѣсняетъ ихъ съ приведеніемъ къ присягѣ. Для исполненія этой обязанности покровскій рыбакъ долженъ ѣхать въ Очаковъ, лежащій по ту сторону лимана. Добравшись до Кинбурна, онъ переѣзжаетъ проливъ и является къ коммисару. Не знаю, какая уже тамъ происходитъ процедура, но рыбаковъ держатъ иногда *по недѣлѣ* въ самое нужное время. Я освѣдомлялся объ этомъ впослѣдствіи въ Очаковѣ стороною, и мнѣ одинъ господинъ отвѣчалъ съ улыбкой:

— Охота же вамъ вѣрить этимъ мошенникамъ, *они врутъ;* вотъ и все. Мужикъ необразованъ, онъ воображаетъ, что все можно сдѣлать *тотчасъ же.*

Спрашивается, какія же причины могутъ задерживать такое обыкновенное дѣло, какъ приведеніе къ присягѣ человѣка, который ежегодно присягаетъ объ одномъ и томъ же и гдѣ присяга употребляется собственно какъ одна формальность. Рыбаки изъясняютъ это по своему, и я даже несчитаю нужнымъ приводить подобное объясненіе, и безъ того понятное каждому. Вѣроятно генералъ-губернаторъ не знаетъ объ этомъ, потому что нужды и жалобы бѣдняковъ не достигаютъ до подобныхъ сановниковъ, а мѣстныя низшія власти такой порядокъ вещей считаютъ нормальнымъ и удивляются какъ смѣетъ мужикъ *разсуждать.* Глаголъ, какъ извѣстно, имѣющій особое спеціальное значеніе, непопавшее въ академическій словарь какъ-то по недосмотру.

Не имѣя права поѣхать съ рыбаками на ловъ, я по утрамъ только присутствовалъ при ихъ отплытіи, и долго смотрѣлъ какъ легкіе дубки, распустивъ паруса, бѣжали по заливу въ разныхъ направленіяхъ, и потомъ словно чайки съ бѣлыми крыльями, мелькали цѣлый день на далекомъ горизонтѣ.

Близъ острова Тендры преимущественно также ловится *баламутъ* или сельдь, извѣстная въ торговлѣ подъ именемъ кинбурнской. Названіе происходитъ отъ малорусскаго глагола *баламутить* (мутить), потому что сельди во время похода сильно мутятъ воду на большое пространство. Сельдь эта приготовляется болѣе въ Очаковѣ, откуда и расходится по краю. Она довольно порядочной величины и не лишена вкуса, но дурной способъ приготовленія дѣлаетъ ее иной разъ отвратительною и

годною только для потребленія простонародья, которое въ этомъ отношеніи неразборчиво и ѣстъ всякую гадость, въ полной увѣренности, что *оселедецъ* не можетъ быть лучше приготовленъ. Однако и дрянныя сельди продаются довольно дорого, потому что потребленіе этой рыбы чрезвычайно обширно; стоитъ только вспомнить, что рѣдкая рюмка водки — а ихъ выпивается на Руси не мало — не закусывается селедкой. Мѣстные береговые жители сами приготовляютъ для себя сельди, тоже очень плохо, а все таки лучше тѣхъ, которыя идутъ въ продажу.

Потерявъ надежду порыскать съ рыбаками по заливу и осмотрѣвъ песчаную Покровку, я собрался посѣтить Кинбурнъ и посмотрѣть на развалины крѣпостцы, о которой многіе у насъ чуть лишь не впервые услыхали въ военное время, и въ которой никто не былъ, кромѣ тѣхъ, кого судьба посылала туда на службу. Въ Прогнояхъ мнѣ говорили: «тамъ никого нѣтъ», «тамъ негдѣ остановиться»; но въ Покровкѣ увѣряли, что на форштатѣ можно пристать у одного перевозчика, у котораго «и самоваръ есть». Наконецъ, какъ бы то ни было, а я ни зачто не отложилъ бы своего намѣренія. На счетъ лошадей въ Покровкѣ нѣтъ затрудненія, и вотъ съ восходомъ солнца отправился я въ Кинбурнъ, запасшись на день чаемъ, сахаромъ и кускомъ хлѣба на всякій случай. Отъ воротъ моей квартиры потащились мы шагомъ чрезъ всю Покровку, что заняло ровно часъ времени. Чѣмъ дальше къ выѣзду, тѣмъ глубже песокъ, и только на одной площади,—такъ я называю пустырь среди села, — гдѣ торчитъ уединенный кабакъ, грунтъ земли немного тверже. Когда мы поровнялись съ кабакомъ, коренастый еврей, стоявшій въ дезабилье на порогѣ, исподлобья посмотрѣлъ на меня, потомъ приподнялъ на всякій случай ермолку и, зѣвнувъ страшнымъ образомъ, испустилъ какое то дикое завываніе.

За деревней кое-гдѣ по дорогѣ попадались рощицы, болота, мѣстами обработанныя поля, но это верстъ на пять, на шесть, а дальше дикая пустыня. На одномъ озерѣ, узкую часть котораго переѣзжали мы въ бродъ, плавало множество утокъ разныхъ названій, и межъ ними какъ гиганты, ходили пеликаны, называемые у насъ *бабами*. Большая эта птица, превосходящая индѣйскаго пѣтуха, обладаетъ непомѣрной величины клювомъ, подъ которымъ виситъ у нея мѣшокъ, служащій резервуаромъ для мелкой рыбы. Мнѣ хотѣлось знать какъ эта птица кричитъ, но

я не могъ добиться толку, потому что мой собесѣдникъ сперва засмѣялся, а потомъ отвѣчалъ:

—Извѣстно, кричитъ по своему.

—Да какъ же наконецъ?

—Такъ таки кричитъ.

—На чей же крикъ похоже?

—Ни на чей, извѣстно: баба кричитъ.

Миновавъ кордонъ, мы вступили на ровную твердую почву. Слѣва шумѣло море, справа открывался лиманъ, впереди чернѣла небольшая масса.

—Отъ и Кинбуръ! проговорилъ флегматическій извощикъ.

—А это же что за ровъ? спросилъ я, когда мы переѣхали широкую, но осунувшуюся канаву.

—Это *онъ* перекопалъ.

Мѣстоименіемъ этимъ вообще здѣсь называютъ непріятеля.

—Ты знаешь перевозчика, у котораго можно остановиться?

—Знаю, какъ не знать: мы прямо къ нему и поѣдемъ.

Ровная солонцоватая почва представляла самое лучшее шоссе, и черезъ четверть часа подъѣхали мы къ форштату. Возлѣ дороги торчалъ разрушенный каменный домъ, дальше три или четыре деревянныхъ домика на одной, да кажется пять жалкихъ хижинъ на другой — вотъ все, что уцѣлѣло отъ форштата, въ которомъ, какъ говорятъ, были улицы, лавки, и гдѣ жили семейства многихъ отставныхъ офицеровъ. Все разорено и сожжено. Мы подъѣхали къ перекосившемуся деревянному домику безъ воротъ и безъ огородки, и я вошелъ попросить позволенія остановиться. Хозяева тотчасъ же изъявили согласіе и уступили мнѣ свою лучшую комнату, одна сторона которой была ниже другой на полъ-аршина покрайней мѣрѣ, такъ что на столѣ, склонявшемся къ улицѣ, невозможно было писать, еслибы встрѣтилась въ этомъ надобность. Но мой интересъ былъ осмотрѣть крѣпость, и я обратился съ вопросомъ къ хозяину, какъ это сдѣлать.

— Пойдемъ я васъ провожу къ коменданту, а тамъ уже покажутъ. Да тамъ и смотрѣть нечего.

Хозяйка обѣщала покормить борщемъ и кашей; я попросилъ, чтобы кстати и самоваръ былъ готовъ къ нашему возвращенію и, распорядившись достать корму лошадямъ, что обошлось очень дорого, отправился въ крѣпость, лежащую саженяхъ въ двух-

стахъ ниже. Тутъ же противъ форштата выстроенъ кордонъ по извѣстному плану, общему на всемъ побережьи. Направо показалось кладбище съ нѣсколькими старинными памятниками, ничѣмъ неогражденное, по которому бродило нѣсколько животныхъ. Рядомъ лежитъ небольшое мѣсто, красиво обставленное тонкими шелевками

— Это что? спросилъ я.

— Это французское кладбище, а вотъ англичанское, отвѣчалъ хозяинъ, указывая влѣво на такое же пространство съ подобною оградою

— А наше не огорожено?

— *Онъ* огородилъ и наше, да послѣ замиренія растаскали наши же.

Небольшое французское кладбище похоже скорѣе на огородъ. Все оно вскопано, возвышенія надъ могилками небольшія, и только низкіе деревянные черные кресты съ бѣлыми надписями обозначаютъ мѣсто покойника. Все это нижніе чины, умершіе отъ ранъ или убитые, и даже вы узнаете на какомъ суднѣ кто сложилъ голову. Англійское кладбище такое же.

Подходя къ Кинбурну и зная, что это упраздненная крѣпость, я былъ удивленъ, когда увидѣлъ на валу часоваго, который расхаживалъ мѣрнымъ шагомъ между двумя амбразурами. Но мы прошли безпрепятственно въ отверстыя ворота и вступили въ область развалинъ и разрушенія. Дома разбиты, оконъ нѣтъ, крыши въ дыркахъ. Нигдѣ ни души. Поворотивъ направо и выйдя на площадку, мы очутились передъ двухъ-этажнымъ домомъ, исправленнымъ по видимому недавно, съ окнами и даже въ верхнемъ этажѣ съ цвѣтами на окнахъ.

— Здѣсь комендантъ, сказалъ мнѣ проводникъ. Идите на верхъ, а я подожду здѣсь.

На лѣстницѣ попался мнѣ солдатъ, котораго словно удивило появленіе незнакомца, и обявилъ мнѣ, что комендантъ *уѣхали въ Николаевъ*, но что комендантша дома.

— Нѣтъ ли еще кого изъ офицеровъ?

— Ступайте въ канцелярію. Вотъ дверь.

Я отправился въ канцелярію, воображая, что комната сохранила прежнее названіе, и что тамъ живетъ какой нибудь офицеръ, который удовлетворитъ моему любопытству. Отворяю дверь и останавливаюсь въ изумленіи. За столами сидѣло нѣсколько

человѣкъ писарей и перья ихъ такъ же усердно скрипѣли по бумагѣ какъ въ любой полковой канцеляріи; чиновникъ въ мундирѣ военнаго министерства составлялъ какую то вѣдомость, а часовой съ обнаженнымъ тесакомъ стоялъ у сундука, въ которомъ, вѣроятно, хранилась казенная сумма.

— И это въ Кинбурнѣ! подумалъ я. Что же они пишутъ?

Отрекомендовавшись чиновнику, я просилъ позволенія осмотрѣть крѣпость, на что немедленно послѣдовало согласіе.

— Да я лучше самъ васъ провожу, отозвался обязательный правитель канцеляріи, только позвольте, возьму печать, потому что у насъ всѣ магазины запечатаны.

— Должно быть много казеннаго имущества: вотъ и причина дѣятельной переписки, подумалъ я.

Сначала мы пошли на стѣны. Оттуда виднѣе внутренность укрѣпленія, Нигдѣ живаго мѣста. Только и целаго, что деревянные домики, въ которыхъ жилъ непріятель, поставленные рядами; остальное все разбито и уничтожено. Я даже не понимаю какъ могла держаться нѣсколько часовъ крѣпостишка, вооруженная орудіями малаго калибра. Мнѣ кажется, ей помогала только низость стѣнъ, въ которыя трудно было попадать съ моря, особенно при волненіи. Говорятъ, ей больше повредили съ лимана. Впрочемъ достаточно сотни пудовъ металла, чтобы разрушить подобное укрѣпленіе, которое даже не могло отвѣчать на канонаду, потому что снаряды его далеко не долетали до непріятеля. На море видъ самый пустынный, какой можетъ быть съ плоскаго берега; за то красивымъ показывается Очаковъ, стоящій на возвышеніи и весь гористый берегъ Бугскаго лимана съ маякомъ и деревьями. На косѣ, которая уходитъ въ море еще версты на полторы отъ крѣпости, виднѣется строеніе—блокгаузъ, а на самой оконечности чернѣетъ батарея. Спустившись со стѣны, чиновникъ повелъ меня въ магазины. Казематы эти снабжены толстымъ дверями, запертыми на замокъ и у каждой восковая печать. Сопровождавшій насъ унтеръ-офицеръ отперъ одинъ магазинъ, и я вступилъ туда съ особеннымъ любопытствомъ. Все пространство его было уставлено пустыми боченками, изъ которыхъ союзники пили вино и ромъ во время скучной своей стоянки. Больше ничего въ этомъ нумерѣ небыло. Когда мы ушли, унтеръ-офицеръ заперъ дверь на замокъ и приложилъ восковую печать. Въ другомъ магазинѣ валялось нѣсколько подбитыхъ, никуда негодныхъ

орудій, битые, разорванные снаряды и нѣсколько ядеръ. Но въ третьемъ—какъ бы вы думали какое сохранялось казенное имущество? Старые деревянные французскіе башмаки, разложенные довольно чинно и свидѣтельствующіе объ аккуратности мѣстнаго начальства. Только и безпорядка, что иные сабо лежали подошвами вверхъ, но это вѣроятно для разнообразія. Если я прибавлю, что видѣлъ еще нѣсколько обрывковъ якорныхъ цѣпей, и кажется два якоря—это будетъ все казенное имущество, хранившееся за замками и печатями въ кинбурнскихъ магазинахъ.

— О чемъ же вы пишете? спросилъ я у чиновника, когда мы вошли на косу осмотрѣть блокгаузъ и крайнюю батарею.

— Извѣстно порядокъ: вѣдомости, донесенія.

— Да вѣдь этотъ весь хламъ можно бы продать.

— Идетъ еще переписка, ждемъ разрѣшенія.

Наконецъ въ сундукѣ, у котораго стоитъ часовой, сохраняется нѣсколько рублей съ копейками.

Вправо отъ крѣпости, на берегу Лимана лежали и гнили хорошія сосновыя колоды.

— Это плоты, которые непріятель отнялъ у нашихъ въ военное время.

— Зачѣмъ же они гніютъ на берегу? хорошій лѣсъ можно бы продать выгодно.

— Ждемъ разрѣшенія.

Это было весною 1859 г.

Блокгаузъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, но крайняя батарея любопытна въ томъ отношеніи, что поставленная на весьма выгодномъ пунктѣ, откуда можно бы не пустить непріятеля въ Лиманъ,—неоконечна. Мѣстами лѣсъ и фашины такъ и сложены, какъ застала бомбардировка. Значить, ее работали уже чуть не подъ непріятельскими выстрѣлами. Попадать въ нее на далекомъ разстояніи рѣшительно невозможно.

Возвратясь къ крѣпости и поблагодаривъ обязательнаго чиновника за любезность, я отправился на квартиру усталый, а болѣе голодный. На перекосившемся столѣ кипѣлъ уже самоваръ, съ гордостью высоко поднявъ кранъ, и хозяйка доставала изъ печи дымившійся борщъ и янтарную просяную кашу.

— А у насъ комендантша проѣхала къ капитану на кордонъ, сказала хозяйка, подавая мнѣ обѣдать.

Я ничего не отвѣчалъ, потому что не зналъ ни той, ни другаго, а добрая женщина конечно воображала, что мнѣ интересно знать о такомъ важномъ событіи. Я счелъ за лучшее похвалить борщъ и принялся за свою скромную трапезу. Но я не зналъ, что, собираясь пить чай съ сигарой, я былъ на волосъ отъ сцены, происшедшей съ г. Якушкинымъ, да и не могъ знать, ибо скандалъ, случившійся со мною, совершился далеко прежде чѣмъ во Псковѣ. Не успѣлъ я поблагодарить хозяйку за обѣдъ и отпереть сакъ-вояжъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышался топотъ, и вслѣдъ затѣмъ два огромныхъ солдата съ зелеными выпушками, вошли ко мнѣ и остановились у двери.

— Что вамъ нужно, братцы? спросилъ я, занимаясь своимъ дѣломъ.

— Пожалуйте къ капитану.

— Къ какому капитану?

— Къ В—му.

— Я его не знаю.

— Они васъ требуютъ.

— Во первыхъ капитанъ не можетъ меня требовать, во вторыхъ я не пойду, потому что не имѣю ни малѣйшаго желанія съ нимъ познакомиться.

Солдаты переглянулись, и одинъ, который посмышленѣе, велѣлъ товарищу остаться въ кухнѣ, а самъ побѣжалъ доложить командиру о моемъ ослушаніи. Я рѣшительно не понималъ, что за исторія и, наливъ себѣ стаканъ чаю, кликнулъ хозяина.

— Что это за капитанъ такой?

Хозяинъ указалъ сперва жестомъ на дверь, за которою стоялъ солдатъ и сказалъ громко:

— Кордонный начальникъ.

— Да вѣдь онъ не городничій?

— Какой городничій! ихъ тутъ и въ заводѣ не бывало.

Дальнѣйшихъ разспросовъ дѣлать было неловко, не ставя хозяина въ непріятное положеніе, и потому я заговорилъ о другомъ. Чрезъ нѣсколько минутъ возвратился солдатъ и сказалъ, что капитанъ требуетъ мой паспортъ. Тотчасъ же я досталъ изъ сумки открытый листъ за подписью новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора и былъ въ полной увѣренности, что грамотному человѣку достаточно взглянуть на эту бумагу,

чтобы прекратить всякіе разспросы. На этотъ разъ солдаты ушли оба. Я снова кликнулъ хозяина.

— Что это за капитанъ такой, скажи мнѣ пожалуста?

— Это онъ васъ хочетъ запугать.

— Ну запугать то меня нельзя, да я и не имѣю никакого дѣла до таможни.

— А если вы можете съ нимъ поспорить, то не поддавайтесь.

Я улыбнулся наивному совѣту хозяина и, предложивъ стаканъ чаю, началъ разспрашивать о жизни кинбурнскихъ обывателей. Хозяинъ мой, по фамиліи Пучковъ, человѣкъ разумный и оборотливый, въ военное время много потерялъ и къ кому, по словамъ его, ни обращался, не могъ получить никакого вознагражденія. Больше всего жаловался онъ на бывшаго коменданта, который всячески притѣснялъ его, заарестовалъ лодку и не далъ возможности увезти пожитки. Нѣсколько семействъ на форштатѣ живутъ какъ перелетныя птицы, а топливо, т. е. камышъ, выбиваемый волнами, собираютъ на берегу Лимана. Какъ они существуютъ я не могъ добиться толку, потому что ничѣмъ заниматься тамъ нельзя и поденщиной немного заработаешь по весьма простой причинѣ—отсутствія всякой надобности въ работникѣ. Единственный ресурсъ—Очаковъ, но и то забытый міромъ городишко. Хозяинъ мой еще перебивается кое-какъ, содержа перевозную лодку: иногда съ той стороны пріѣзжаютъ на косу промышленники, иной разъ онъ помогаетъ перегружать что нибудь, или просто ѣдетъ за грузомъ въ ближайшіе порты.

Долго мы разговаривали, а бумага моя не возвращалась. Меня начало тревожить нетерпѣніе, и не ближе какъ черезъ часъ хозяйка вбѣжала съ возгласомъ.

— Самъ капитанъ идетъ.

Я выглянулъ въ окно. Къ моей квартирѣ подходила высокая фигура въ сопровожденіи двухъ сателлитовъ. Послышались тяжелые шаги въ кухнѣ и ко мнѣ вошелъ грозный капитанъ съ подобающею важностью. Безъ всякаго привѣтствія, даже легкаго поклона, онъ положилъ на столъ открытый листъ.

— Это вашъ видъ? спросилъ онъ меня самымъ грубымъ тономъ.

Я съ своей стороны не счелъ нужнымъ привстать и отвѣчалъ лаконически:

— Мой.

— А знаете ли, онъ подозрителенъ?

— Не думаю.

— Я имѣю право васъ арестовать.

— Вы не имѣете на это никакого права, но если пришла подобная фантазія, то силѣ противиться не буду.

— Я вамъ говорю, вашъ видъ подозрителенъ.

— А я вамъ говорю, что вы ошибаетесь. Открытый листъ подписанъ генералъ-губернаторомъ, вамъ вѣроятно извѣстна подпись графа.

— Подпись вѣрна.

— И печать графская.

— И печать его сіятельства.

— Чего же вы хотите?

— У васъ не проставленъ чинъ въ бумагѣ, произнесъ капитанъ съ улыбкой, которая выражала: а! попался, голубчикъ.

— А если у меня нѣтъ чина? спросилъ я, смотря ему прямо въ глаза.

Капитанъ немного смѣшался.

— Какъ нѣтъ чина?

— Да такъ, если нѣтъ: гдѣ же мнѣ его взять?

— Но это не можетъ быть.

— Какъ вамъ угодно.

— Нельзя же безъ чина! Это подозрительно. Я не могу отпустить васъ.

— Да вы развѣ полицейскій чиновникъ?

— Помилуйте, я кордонный начальникъ. Здѣсь, знаете, граница.

— Я вѣдь не ѣду за границу, а путешествую по Новороссійскому краю.

— Во всякомъ случаѣ я донесу начальству.

— Сколько угодно. Этимъ вы должны были бъ начать; но присылать за мной солдатъ и не уважать подписи генералъ-губернатора, своего начальника, не имѣли права, не имѣли права потому, что, вопервыхъ, оскорбляете незнакомаго человѣка, который не имѣлъ и не имѣетъ никакого желанія знакомиться съ вами, вовторыхъ потому, что въ открытомъ листѣ графъ нетолько не предписываетъ дѣлать мнѣ непріятности, а напротивъ приказываетъ содѣйствовать мнѣ при моихъ разъѣздахъ.

— Еслибы у васъ былъ чинъ....

— Это до такой степени непріятно и утомительно, что я попрошу васъ оставить меня въ покоѣ.

— Вы забываете, что я капитанъ.

— Это для меня совершенно все равно.

— Я буду жаловаться.

— Сдѣлайте одолженіе, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

Разгнѣванный капитанъ ушелъ и съ досады хлопнулъ дверью. Хозяинъ торжествовалъ. Но мой день былъ испорченъ, и я скоро уѣхалъ въ Покровку, чему отчасти способствовала мысль: не раздумалъ бы капитанъ и не арестовалъ бы меня въ самомъ дѣлѣ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ впослѣдствіи въ Очаковѣ я узналъ случайно причину грубостей кордоннаго начальника, и если она не извиняетъ его поведенія, по крайней мѣрѣ показываетъ, какъ въ провинціальныхъ захолустьяхъ легко подвергнуться непріятностямъ, безъ всякаго повода, и какъ невольно иногда оскорбишь чье-нибудь самолюбіе. Въ Кинбурнѣ былъ какой-то офицеръ комендантомъ; т. е. завѣдывалъ описаннымъ мной хламомъ и подписывалъ разныя вѣдомости. Во время моего пріѣзда онъ отлучался въ Николаевъ. Хотя крѣпость такимъ образомъ осталась безъ начальника, однако супруга коменданта считала себя командиромъ и оскорбилась, что я не засвидѣтельствовалъ ей почтенія, а главное, не у нея спросилъ позволенія осмотрѣть крѣпость. Здѣсь же произошло qui pro quo: чиновникъ, не разобравъ моей рекомендаціи, принялъ меня за какое-то лицо, имѣвшее пріѣхать для осмотра, и по этому случаю былъ до крайности предупредителенъ. Иначе, вѣроятно, не видѣлъ бы я ни сабони пустыхъ боченковъ, ни битыхъ снарядовъ. Онъ не спросилъ у меня вида, я не счелъ нужнымъ самъ ему показывать, да и не было ни какой въ этомъ надобности. Оскорбленная невниманіемъ комендантша поѣхала къ капитану, какъ лицу самостоятельному и власть имѣющему, пожаловалась ему, что кто-то, неизвѣстно откуда—осматриваетъ крѣпость, неспрашивая у нея, комендантши, позволенія. Капитану было передано также обстоятельство, что я не военный, а Богъ знаетъ въ какомъ костюмѣ, въ сѣрой барашковой шапкѣ, и что слѣдовало спросить у меня чинъ, званіе и проч. Воспылавъ гнѣвомъ и принявъ уча-

стіе въ положеніи комендантши, капитанъ тотчасъ же нарядилъ двухъ солдатъ и послалъ за мною. Остальное извѣстно читателямъ.

Тѣмъ же самымъ путемъ поѣхалъ я обратно до Голой Пристани, гдѣ нанялъ дубъ до Херсона, куда и прибылъ въ часъ съ небольшимъ, потому что шелъ подъ парусами при попутномъ вѣтрѣ.

Правая сторона днѣпровской долины къ гирламъ имѣетъ точно такой же характеръ, какъ и лѣвая, т. е. покрыта неисходимыми тростниками, деревьями и изобилуетъ большимъ количествомъ озеръ и протоковъ. Первое селеніе, верстахъ въ двѣнадцати отъ Херсона, Скадовка, гдѣ замѣчательна небольшая церковь, какъ говорятъ старожилы, построенная еще Запорожцами. Деревня эта принадлежитъ помѣщику, который владѣетъ пространными плавнями. Рыболовство значительно, но монополія принадлежитъ владѣльцу, а крестьяне ловятъ рыбу для своего обихода. Селеніе это почти подгородное, и жители его имѣютъ много способовъ заработать лишнюю копѣйку.

Верстахъ въ десяти ниже, на мысѣ стоитъ селеніе Касперовка, замѣчательная большой каменной церковью, въ которой помѣщается чудотворная икона Божіей матери. Икона эта долго находилась постоянно въ Касперовкѣ, куда изъ разныхъ мѣстъ стекались вѣрующіе. Но бывшій мѣстный епархіальный начальникъ, архіепископъ Иннокентій, постановилъ переносить ее въ нѣсколько городовъ и учредилъ при томъ торжественныя процессіи, съ которыми и переносится икона въ теченіе всего лѣта. Несутъ ее въ Херсонъ, Алешки, Николаевъ, наконецъ въ Одессу привозятъ на пароходѣ, который нарочно снаряжается для этой цѣли. Тысячи народу слѣдуютъ за процессіей. Кромѣ того, въ городахъ каждая церковь ходатайствуетъ получить хоть на нѣсколько дней икону и при переноскѣ ея изъ храма въ храмъ происходятъ тѣ же церемоніи съ колокольнымъ звономъ. Икона возвращается въ Касперовку зимою. Богомольцы являются сюда однакоже и въ это время года, хотя въ Касперовкѣ нѣтъ не только постоялаго двора, но и ни одной порядочной крестьянской хаты, гдѣ бы можно было остановиться. Вообще Касперовка не можетъ похвалиться благосостояніемъ. Имѣніе это, принадлежавшее Касперову, перешло въ послѣдствіи къ Сербину, но такъ странно, что послѣдній владѣетъ только землею, а кресть-

яне считаются за первымъ, который живетъ гдѣ-то въ отсутствіи. Владѣлецъ земли не даетъ ее чужимъ крестьянамъ и бѣдняки нуждаются, не имѣя гдѣ ни посѣять хлѣба, ни выпасти скотину. Объ имѣніи тянется процессъ, къ которому болѣе нежели гдѣ нибудь идетъ извѣстная малорусская пословица: «паны дерутьця, а у мужыківъ чубы болять.»

Противъ Касперовки внизу, Днѣпръ вливается гирлами въ лиманъ, въ мелкомъ заливѣ котораго ловится довольно рыбы. Отсюда по берегу лимана идутъ рыбные заводы до Станиславова и за Станиславовъ. Рыболовство производится способомъ, разсказаннымъ мной при описаніи Рыбаньчей, съ тою разницею, что промыслъ на этомъ берегу не столько представляетъ выгоды. Къ тому берегу «рыбнѣе», какъ говорятъ промышленники. Верстахъ въ 15 лежитъ помѣщичья деревня Софійское. Здѣсь производится порядочное рыболовство. Рядомъ почти деревня Широкая, причисленная къ Станиславову и замѣчательная своими прекрасными садами, единственными на всемъ лиманѣ. Сады эти разведены не потому собственно, чтобы выдался счастливый грунтъ земли, способный къ садоводству, но оттого, что случайно пришла кому-то мысль заняться этимъ дѣломъ, а въ послѣдствіи нашлись подражатели. И странно, въ Широкой преимущественно живутъ вольные матросы. Весь берегъ усѣянъ рыбными заводами и тутъ же лѣпятся землянки, въ которыхъ живетъ народъ, стекшійся Богъ вѣсть откуда и, какъ говорятъ, весьма недавно записанный; прежде никто не зналъ что за обитатели селились подъ крутымъ берегомъ. На берегу лимана, возлѣ Широкой, въ 1858 г., видѣлъ я склады льду, которымъ хотѣла торговать одна компанія, но теперь что-то уже ничего не слышно объ этой отрасли торговли. Ближе къ Станиславову урочище «Глубокая Пристань», гдѣ во время Императрицы Екатерины II предполагалась верфь, устроенная потомъ въ Херсонѣ. Здѣсь однакоже долго былъ складъ лѣсовъ для черноморскаго вѣдомства. Теперь видны только слѣды укрѣпленій и кое гдѣ остатки свай въ лиманѣ.

Станиславовъ, на мысѣ того же имени, извѣстенъ только тѣмъ, что въ древности, по словамъ Геродота, былъ здѣсь храмъ Цереры (*). Значитъ, на мѣстахъ этихъ обитали издревле народы

(*) Мысъ этотъ назывался Ипполаевъ.

и вѣроятно край былъ населенъ гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время. Названіе Станиславовъ очевидно польское, но когда и кѣмъ оно дано—неизвѣстно. Бопланъ совсѣмъ не упоминаетъ о немъ. Князь Мышецкій (Истор. о козакахъ Запорож. стр. 73) говоритъ, что «городъ Станиславовъ былъ уничтоженъ поляками въ старыя времена (?),» и больше никакихъ свѣдѣній не имѣется. Теперь это мѣстечко довольно жалкое, которое оживляется лишь зимою и то при удачномъ ловѣ рыбы. Мѣстоположеніе очень хорошее. Съ высокаго мыса видѣнъ весь лиманъ, и въ ясную погоду представляется весьма явственно противоположный берегъ на далекое пространство. Въ минувшую войну, непріятель, разгуливая по лиману, пустилъ нѣсколько бомбъ въ Станиславовъ, разрушилъ стѣну училища при церкви, но не подходилъ къ самому мѣстечку, потому что здѣсь были войска. Жители малорусы, преимущественно земледѣльцы, хотя многіе занимаются рыболовствомъ. Есть домики, особенно возлѣ церкви, гдѣ крестьянскіе обычаи вытѣсняются мѣщанскими, и обитатели этихъ домиковъ по костюму похожи болѣе на горожанъ, особенно по праздникамъ. Кромѣ питейнаго дома есть трактиръ въ родѣ чайнаго заведенія. Замѣчательно, что не смотря на значительную высоту, на которой стоитъ Станиславовъ, здѣсь нѣтъ хорошихъ родниковъ, и жители пьютъ лиманскую воду, сохраняющую постоянно солоноватый вкусъ, хотя бы дулъ благопріятный вѣтеръ. Иногда же вода весьма солена и горьковата.

Ниже Станиславова замѣчателенъ, такъ называемый, Семеновъ Рогъ (Семенвирукъ Боплана), мысъ, образуемый впаденіемъ Буга въ лиманъ, а замѣчателенъ онъ собственно потому, что здѣсь, по преданіямъ Запорожцевъ, было первое мѣсто зарожденія этой общины. Покрайней мѣрѣ полагать можно, что преданіе это въ началѣ прошлаго столѣтія было еще во всей силѣ, ибо кн. Мышецкій, оставившій намъ записки о коз. Запорож., говоритъ объ этомъ со словъ самихъ козаковъ, какъ человѣкъ, жившій въ Сѣчи съ 1736 по 1740 г. «Какой-то выходецъ Семенъ, въ 948 г., пришелъ къ устью Буга и поселился на косѣ, называемой и до сихъ поръ Семеновымъ Рогомъ, для своихъ промысловъ, «а именно для битья дикихъ козъ, кабановъ и прочей дичи, и будучи на оной косѣ одно лѣто, пришелъ домой, и какъ провѣдали тамошнее довольство его ближніе, его сосѣди, то предались къ нему человѣкъ болѣе ста, для оныхъ промысловъ, а Семена

стали имѣть у себя атаманомъ; и жили многое время на Бугѣ рѣкѣ и сшили себѣ кафтаны и штаны изъ дикихъ козъ, и такъ произошли въ великую славу, что славные могли быть стрѣльцы, и прозвали ихъ козарами».

Здѣсь важно не происхожденіе козаръ, очевидно баснословное, но обстоятельство, что въ прежнее время на этой мѣстности водились дикія козы и кабаны. Если въ народѣ складывается иногда и сказочное преданіе, о какомъ нибудь событіи, похожемъ на басню, то обстановка никогда не расходится съ истиной. Впрочемъ и Бопланъ говоритъ, что въ его время даже въ Малоросіи ходили стада оленей, кабановъ, дикихъ лошадей.

Здѣсь собственно оканчивается Днѣпровскій лиманъ, далѣе считается уже Бугскій, но я ѣздилъ и по тому берегу до Очакова, лежащаго у выхода въ Черное море. На Бугѣ вверхъ недалеко отъ устья, на правомъ берегу, раскинуто большое село Ильинское, имѣніе графа Кушелева-Безбородко, извѣстное по развалинамъ древней Ольвіи, гдѣ въ недавнее время находили еще замѣчательныя рѣдкости, а теперь находятъ лишь обыкновенныя древнія монеты. Не распространяясь объ этой мѣстности, описанной спеціалистами, упоминаю однакоже о ней потому, что однажды въ Одессѣ мнѣ удалось слышать слѣдующій разговоръ двухъ туземныхъ туристовъ:

— Здѣсь, говорятъ, гдѣ-то есть развалины древней Ольвіи, нехудо бы посмотрѣть и достать какой нибудь антикъ.

— О, это далеко, чуть лишь не въ Таврической губерніи, кажется за Кинбурномъ.

И не забудьте, что это говорили два господина, прибывшіе въ Одессу на пароходѣ изъ Николаева. Они плыли по Бугу близъ Ольвіи и одинъ совершенно не зналъ гдѣ это мѣсто, а другой простодушно считалъ его въ Таврической губерніи.

При самомъ выходѣ изъ лимана въ Черное море, на довольно высокой горѣ, стоитъ Очаковъ, нѣкогда грозная крѣпость, стоившая столько русской крови, потомъ жалкая крѣпостца, разрушенная нами же безъ всякой надобности въ минувшую войну, а въ настоящее время—пустой городишка, еще хуже Алешекъ. Покореніе Очакова было эпохой, отъ которой многіе вели счисленіе; на взятіе этого города писались оды; одинъ изъ лучшихъ генераловъ своего времени, Суворовъ, участвовалъ въ этой побѣдѣ. Наконецъ нѣтъ, кажется, человѣка, который не произно-

силъ бы имени этого города, никогда не посѣтивъ его, а просто по послышкѣ или даже при жестокихъ морозахъ, называемыхъ очаковскими. Говорятъ, что во время взятія Очакова, была на югѣ такая лютая зима, какая рѣдко бываетъ на сѣверѣ. Довольно сказать, что на знаменитый штурмъ, войска шли по льду.

Издали дѣйствительно городокъ этотъ, съ церковью, маякомъ, оптическимъ телеграфомъ и какимъ-то пустымъ двухъ-этажнымъ зданіемъ, особенно съ моря, представляется похожимъ на что нибудь, и проѣзжающіе мимо на пароходахъ—уносятъ о немъ еще довольно снисходительное понятіе. Но кому привелось прожить недѣлю въ Очаковѣ, тотъ скажетъ, что трудно представить что нибудь скучнѣе и печальнѣе. Движенія никакого; въ послѣднее только время, когда изъ Херсона перевели сюда таможенную заставу, лишній человѣкъ зайдетъ въ Очаковъ и можетъ быть продастся лишняя булка на базарѣ. Если бы нѣсколько лицъ не занимались сельдянымъ промысломъ, можно бы смѣло сказать, что нѣтъ никакой торговли, да и самая продажа сельдей незначительна и находится въ рукахъ у евреевъ. Очаковъ не пострадалъ въ военное время (взорвано только нижнее укрѣпленіе и то единственно по неопытности), но городокъ носитъ на себѣ словно слѣды разрушенія. Скорбная эта физіономія не можетъ не обратить вниманія, и мнѣ захотѣлось узнать причину. Нѣсколько лѣтъ назадъ до войны, въ упраздненной турецкой крѣпости, валы которой и до сихъ поръ тянутся по крутой горѣ, стоялъ пороховой погребъ, имѣвшій назначеніе снабжать порохомъ, кажется кавказскіе порты. Полная вмѣстимость его около 5000 пудовъ. Говорятъ, будто бы порохъ одно время уходилъ совершенно не туда, куда слѣдовало, и не то что отправлялся по ошибочному адресу въ другія мѣста, а просто служилъ предметомъ незаконной торговли. Будто бы вѣсть объ этомъ дошла до Петербурга и оттуда посланъ былъ ревизоръ освидѣтельствовать складъ и убѣдиться въ достовѣрности слуховъ. Скандалезная хроника города Очакова утверждаетъ, что въ магазинахъ, вмѣсто полнаго количества, было не болѣе 500 пудовъ, судя по той торговлѣ, которая производилась сухимъ путемъ и водою. И вотъ въ одинъ прекрасный день пороховой погребъ взлетѣлъ на воздухъ, разметалъ взрывомъ огромное пространство вокругъ себя, разрушилъ многіе крайніе дома города и уничтожилъ ча-

соваго, единственнаго свидѣтеля темнаго дѣла, преданнаго волѣ Божіей. Какъ это случилось—неизвѣстно; кто произвелъ искру въ запертомъ и запечатанномъ погребѣ—осталось тайной; но огромная яма служитъ и до сихъ поръ доказательствомъ совершившагося факта.

Церковь довольно странной архитиктуры, но это объясняется тѣмъ, что она передѣлана изъ мечети.

Створные знаки шаровидной вершиной и нелѣпый оптическій телеграфъ, продолжающій и до сихъ поръ свой младенческій лепетъ съ Николаевомъ—удивляютъ свѣжаго человѣка, незнакомаго съ этими предметами.

Въ мѣстныхъ лавчонкахъ можно найдти кое что изъ необходимаго. Но торговцы, преимущественно евреи, ожидаютъ базарныхъ дней, когда съѣзжаются жители окрестныхъ деревень. Въ это же время скупаются и деревенскіе продукты по мелочамъ.

Въ стратегическомъ отношеніи Очаковъ конечно важный пунктъ, оберегающій входъ въ лиманъ, но торговымъ городомъ онъ не будетъ никогда, какъ уголъ, до котораго невозможно достигнуть производительнымъ мѣстностямъ для сбыта своихъ продуктовъ. Хорошее укрѣпленіе, вооруженное орудіями большаго калибра съ успѣхомъ можетъ защищать проливъ, но самъ Очаковъ не имѣетъ данныхъ для привлеченія торговыхъ интересовъ. Можетъ быть при другихъ условіяхъ или, лучше сказать, когда Аджибей не былъ еще Одессой—Очаковъ могъ бы предложить себя, какъ мѣсто для торговаго города, но теперь возвышеніе его немыслимо ни въ какомъ случаѣ.

Жители малоруссы, занимаются земледѣліемъ и рыболовствомъ. Дубки ихъ бѣгаютъ дѣятельно по лиману и взморью, и весь уловъ очаковцы продаютъ въ Одессѣ, отъ которой городокъ лежитъ въ 30 миляхъ.

Здѣсь окончилось мое путешествіе по Днѣпру, и я пустился странствовать по прибрежьямъ Днѣстра, поднявшись въ самый дальній угололокъ по границѣ Бессарабіи, Галиціи и Буковины.

Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Общій взглядъ на бытъ приднѣпровскаго крестьянина . . . . 1.

ПОѢЗДКА НА ДНѢПРОВСКІЕ ПОРОГИ И НА ЗАПОРОЖЬЕ.

ГЛАВА I. Прошедшее степи. Екатеринославъ. Жизнь города. Ярмарка, Близость пороговъ. Лоцманская Каменка. Положенія. Нравы и обычаи . . . . 53.

ГЛАВА II. Пороги. Древнія о нихъ свѣдѣнія. Судоходство. Каналы. Способъ проводить суда и плоты. Село Волошское. Встрѣча. Ненасытецъ . . . . 77.

ГЛАВА III. Плаваніе черезъ пороги. Лоцманы. Волнигъ. Змѣиная скеля. Становой. Вильный порогъ. Плоты. Крушеніе барокъ. Кичкасъ. Менонисты . . . . 109.

ГЛАВА IV. Выходъ изъ пороговъ. Островъ Хортица. Колонія. Преданія. Якубенко. Село Вознесенское. Хлѣбный магазинъ. Александровскъ. Почтовая контора. Пансіонъ. Лѣсная пристань. Описаніе фарватера . . . . 137.

ГЛАВА V. Плавни. Лѣса. Береговыя селенія. Тарасовка. Мысъ Доброй Надежды. Ильинское. Голая Грушевка. Чернышева. Борисоглѣбовка. Лысая Гора. Имѣніе графа Канкрина. Рѣка Конка. Балки. Разговоръ съ крестьяниномъ. Благовѣщенское. Лѣсная торговля . . . . 153.

ГЛАВА VI. Никополь. Древности. Интересные старики. Полиція. Торговля. Евреи. Вольные матросы. Судоходство. Бытъ жителей. Рыболовство . . . . 173.

ГЛАВА VII. Неплюева. Курганъ. Древняя Сѣчь. Капуловка. Могила Сѣрка. Сѣчь. Покровское. Послѣдняя Сѣчь. Остатки. Свѣдѣнія о богатствѣ Запорожской церкви. Бытъ жителей. Прогулка съ рыбакомъ. Ужинъ. Крѣпостное право . . . . 204.

ПОѢЗДКА ПО НИЗОВЬЯМЪ ДНѢПРА.

ГЛАВА I. Пароходство. Хлѣбная торговля. Грушевка. Ново-Воронцовка. Гирла. Леонтьевка. Гавриловка. Плавни. Кочкаровка. Дороговизна припасовъ . . . . 229.

ГЛАВА II. Каменка. Запорожское кладбище. Разговоръ съ туземцемъ. Блажкова. Замѣчательные курганы. Бизюковъ монастырь. Змѣи. Шведская колонія. Нравы и обычаи. Ново-Бериславская еврейская колонія. Бытъ евреевъ-земледѣльцевъ . . . . 248.

ГЛАВА III. Берислав. Положеніе его. Замѣчательная церковь. Торговля. Переправа. Чумаки. Паромщики. Старики. Село Козачье. Еврейская колонія Львова. Колонисты. Тягинка. Древнее городище. Аврашки . . . . 275.

ГЛАВА IV. Херсонъ. Построеніе города. Невѣрность описаній. Бульваръ. Торговля. Лѣсные дворы. Пристань. Хлѣбные торговцы. Судоходство и судостроеніе. Евреи. Караимы. Базаръ. Крѣпость. Садъ. Училище Мореплаванія. Памятникъ Говарду. Могила Говарда. Сторожъ. Библіотека. Оригинальный способъ освѣщенія . . . . 305.

ГЛАВА V. Мало-знаменка. Эксъ-становой. Древности. Знаменка. Мамайсурка. Нравы и обычаи. Старообрядцы. Виноделіе. Масляница. Крестьянинъ Голубовъ и его процессъ. Имѣнія Штиглица. Старикъ Хвостенко и его разсказы. Большая Ляпатиха. Панскіе Каиры. Заводовка. Горностаевка. Софіевка. Каиры. Старикъ. Каховка. Ярмарка. Корсунскій монастырь. Козачьи Лагери . . . . 353.

ГЛАВА VI. Алешки. Историческія воспоминанія. Сѣчь. Перевозчики. Водный путь въ Херсонъ. Судоходство. Вольные матросы. Арбузы. Хутора. Интересная личность. Голая Пристань. Цѣлительное озеро. Гирла. Поѣздка въ гирлахъ. Збурьевка. Дубовыя рощи. Рыбальчая. Рыболовство. Прогнои. Соляной промыслъ. Покровка. Бытъ жителей. Кинбурнъ. Интересная встрѣча. Касперовка. Станиславовъ. Очаковъ . . . . . . 393.

[illegible]

2007088702